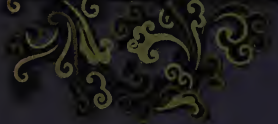
ЧЭН-ЭНЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД

У ЧЭН-ЭНЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД

РОМАН

ТОМ III

Перевод с китайского
В. Колоколова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

Примечания
В. КОЛОКОЛОВА

Переводы стихов под редакцией
И. ГОЛУБЕВА

Оформление художника
Г. ФИШЕРА

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ,

в которой рассказывается о том, как смышленая обезьяна пустила в ход всю свою изобретательность, и о том, как ни вода, ни огонь не оказали никакого действия на могущественного дьявола

Итак, рассказ наш мы прервали на том, как Сунь У-кун, по мудрости своей великий, как само небо, потерпев поражение, остался без оружия и с пустыми руками сел у подножия горы Золотой шишак. Из глаз его текли слезы, и он с горечью воскликнул:

Наставник мой: не расставался я с мечтою
Всю жизнь свою делить с одним тобою;
Желал, чтоб был один над нами общий кров,
Желал с тобой стремиться к совершенству,
К познанию и вечному блаженству,
С тобой хотел я избавляться от грехов,
От слабостей, пороков и сомнений
Во имя чудодейственных свершений [1].

«Как мог я подумать, что лишусь своего посоха? — думал Великий Мудрец. — А одними криками, безоружный, смогу ли я добиться победы!»

Долго сокрушался и печалился Великий Мудрец Сунь У-кун и, наконец, решился:

«Ведь этот злой дух,— думал он,— знает меня. Помню, как он в бою меня расхваливал: «Вот уж поистине достойный того, кто учинил буйство в небесных чертогах». Видно, он не из простых и заурядных дьяволов, а один из обитателей злых звезд. Черт его знает, откуда он свалился, этот главарь

[1] Здесь и дальше стихи в обработке А. Эфрон.

демонов. Слетаю-ка я в высшие небесные сферы и разузнаю, кто он такой».

Утвердившись в этом решении, Сунь У-кун поспешно перекувырнулся, зацепился за благодатное облако и прилетел к Южным небесным воротам. Подняв голову вверх, он вдруг увидел Широкоокого небесного князя, который радушно встретил его и, совершая долгий поклон, воскликнул:

— Великий Мудрец Сунь У-кун, куда путь держишь?

— Мне надо повидать Нефритового императора,— отвечал Сунь У-кун.— А ты чем здесь занимаешься?

Широкоокий ответил:

— Сегодня моя очередь нести караул у Южных небесных ворот.

Не успел он проговорить это, как показались четыре великих полководца: Ма, Чжао, Вэнь и Гуань, которые с поклоном произнесли:

— Давно не виделись, Великий Мудрец Сунь У-кун! Просим попить чайку.

Однако Сунь У-кун отказался.

— Не могу, есть дело!

С этими словами он расстался с Широкооким небесным князем и четырьмя полководцами, вошел в Южные небесные ворота и направился прямо ко дворцу Чудотворного неба *, где встретился с четырьмя полководцами: Чжан Дао-мином, Гэ Сянь-вэнем, Сюй Цзин-яном и Цю Гун-цзи. Они стояли перед дворцом вместе с шестью начальниками управлений созвездия Южного Ковша и семью главами созвездия Северного Ковша.

— Великий Мудрец Сунь У-кун! — разом подняв руки, воскликнули они.— Каким ветром занесло тебя сюда? — И, не дожидаясь ответа, снова спросили: — Закончил ли ты свою службу по охране Танского монаха?

Сунь У-кун ответил:

— Говорить об этом пока еще рано, очень рано. Путь далек, а на пути много злых духов. Мы прошли всего полдороги и вот теперь нам помешала пещера Золотой шишак. Там живет злое чудовище из породы единорогов, которое утащило Танского монаха к себе в пещеру. Я пытался пробиться туда и вступил в сражение с чудовищем. Но этот негодяй обладает многими волшебными чарами, и ему удалось похитить мой посох с золотыми обручами. Вот почему я не смог изловить чудовище живьем. Уж не обитатель ли он какой-нибудь зловредной звезды, замысливший посетить грешную землю? Не знаю только, откуда взялся этот главарь демонов. Вот поэтому я, старый Сунь У-кун, и явился к Нефритовому императору, чтобы спросить его, как могло случиться, что клещи, державшие на звезде чудовище, почему-то вдруг разжались.

Тут полководец Сюй Цзин-ян не выдержал и со смехом сказал:

— Эх ты, мартышка! По-прежнему безобразничаешь?

— Вот уж ничуть,— отвечал Сунь У-кун,— всю свою жизнь был сдержан, поэтому и попал сейчас в беду.

Тут в разговор вступил второй полководец по имени Чжан Дао-мин.

— Нечего зря болтать! Надо доложить о нем императору.

— Премного благодарен,— с чувством произнес Сунь У-кун.

Все четыре небесных полководца тут же отправились во дворец с докладом. Сунь У-куна подвели к ступенькам нефритового трона.

Он произнес нараспев приветствие и добавил:

— Почтенный властитель мой! Прости, что снова и снова утруждаю тебя своими просьбами. Мне, старому Сунь У-куну, выпало на долю защищать и охранять Танского монаха, которого отправили в дальние страны за священными книгами. В пути было больше плохого, чем хорошего, но об этом не стоит рассказывать. И вот теперь, когда мы подошли к пещере Золотой шишак в горе Золотой шишак, какое-то чудовище-единорог похитило Танского монаха и уволокло его в свою пещеру. Что оно будет с ним делать — не знаю: то ли парить, то ли варить, то ли вялить. Я пытался было пробиться в пещеру и вступил в бой. Но чудовище, видимо, знает меня откуда-то. Пустив в ход все свои чары, оно похитило у меня посох, поэтому я не мог ничего сделать. По-моему, это чудовище обитает на злой звезде и замыслило сойти на грешную землю. Вот я и явился сюда доложить о нем. Умоляю нижайше проявить милосердие и отдать приказ обследовать все злые звезды, послать небесное войско разорить логово дьявола. Я, старый Сунь У-кун, трепещу от страха за судьбу моего учителя, которого лишен возможности защитить!

С этими словами Сунь У-кун отвесил еще один глубокий поклон и сказал:

— Жду твоего повеления!

Стоявший в стороне полководец Гэ Сянь-вэнь не вытерпел и со смехом сказал:

— Что же ты, мартышка, сперва просишь, а потом кланяешься?

Сунь У-кун возразил:

— Да что ты, разве я смею! Я сперва кланялся, а потом просил. Ведь у меня теперь нет больше моего посоха, чтобы позабавиться...

Нефритовый император, выслушав Сунь У-куна, тут же отдал распоряжение начальнику приказа Кэ-ханю:

— Раз Сунь У-кун доложил мне, так, значит, надо произвести тщательный обыск по всем звездным обителям, во всех жилищах священных князей: не окажется ли среди них кого-нибудь, кто задумал спуститься на грешную землю. Если есть, пусть тотчас же доложат мне — я приму меры.

Получив повеление, великий муж Кэ-хань, не мешкая, отправился на поиски вместе с Великим Мудрецом. Сначала они

обошли всех священных князей, начальников и чиновников, обитающих у всех четырех небесных ворот, затем обыскали крупные и мелкие скопления звезд в городищах, обнесенных тремя рядами стен. Еще побывали у повелителей Грома и Молний Мао, Чжана, Синя, Дэна, Гоу, Би, Кана и Лю; наконец стали обходить все тридцать три неба, но там все оказалось в порядке, обыскали двадцать восемь созвездий Зодиака; семь созвездий на востоке: Цзюе, Кан, Ди, Фан, Цань, Вэй, Ци; семь созвездий на западе: Доу, Ню, Нюй, Сюй, Вэй, Ши, Би; еще семь южных созвездий и семь северных. Но во всех созвездиях тоже царили покой и благополучие. Посетили они еще великое мужское начало, олицетворенное в Солнце, женское начало, олицетворенное в Луне; были на пяти планетах, регулирующих небесное движение: на планетах Воды, Огня, Древа, Злата и Почвы*. Побывали также и в четырех урочищах: в Лохоу, Цзиду, Ци и Бо, и не нашли на всех звездах и созвездиях ни одного отсутствующего духа, который, помышляя о мирских делах, сошел бы на грешную землю.

Тогда Сунь У-кун сказал им:

— Мне неловко возвращаться во дворец и тревожить Нефритового императора. Ступайте сами и доложите о выполнении приказа. А я останусь здесь и буду ждать ответа.

Настоящий господин и великий муж Кэ-хань послушался Великого Мудреца. Долго ждал его возвращения Сунь У-кун, даже стихи сложил, чтобы запечатлеть свое восхождение на небо:

Ветер прохладен, и ясное небо безбрежно,
Радость спокойная в светлых просторах царит,
Чуден сияющих звезд величавый и благостный вид,
Горные духи в чертогах своих безмятежны...
Мир и согласие шествуют Млечным Путем,
Время проходит в достойных и кротких утехах,
И не нуждаются боле в мечах и доспехах
Воины в небе и витязи в царстве земном.

Великий муж Кэ-хань еще раз все обошел и вернулся к Нефритовому императору с таким докладом:

— Много звезд и созвездий на небе. Там обитают из разных сторон священные военачальники, все они живы и ни у кого из них нет и мысли о том, чтобы спуститься на грешную землю.

Услышав это, Нефритовый император приказал:

— Пусть Сун У-кун отберет несколько небесных полководцев, спустится с ними в низшую сферу грешной земли и изловит чудовище.

Четверо великих небесных полководцев, получив это повеление, тотчас покинули дворец Чудотворного неба и, обратившись к Сунь У-куну, сказали:

— О Великий Мудрец Сунь У-кун! Безгранична милость Нефритового императора! Когда ему сообщили, что во всех небесных чертогах не нашли ни одного духа, помышлявшего о греш-

ной земле, он повелел, чтобы ты сам отобрал несколько небесных полководцев и отправился с ними изловить чудовище.

Сунь У-кун понурил голову, задумался, а затем сказал:

— На небе много полководцев, но таких, как я, почти нет. Помнится, когда я учинил буйство в небесных чертогах, Нефритовый император отрядил против меня сто тысяч небесных воинов, они расставили по всему небу силки, а на земле—капканы, и что бы вы думали? Не оказалось ни одного полководца, осмелившегося померяться силами со мною. И уж только потом был выслан против меня Малый мудрец — по имени Эрлан. Вот он оказался достойным соперником. Но ведь это чудовище равно мне по силе. Как же можно с такими ничтожными силами рассчитывать на успех?

Небесный полководец Сюй Цзин-ян ответил ему так:

— Тогда было одно, а сейчас совсем другое. Ведь часто говорят: «Новая вещь всегда лучше старой». А ты, что же, хочешь нарушить волю императора? Отбери-ка по своему желанию небесных полководцев, чтобы хоть из-за этого не произошло никаких задержек и недоразумений!

Сунь У-кун наконец смирился.

— В таком случае я глубоко признателен за высочайшую милость. В самом деле, не пристало мне нарушать повеление императора. И кроме того, я не могу, ничего не добившись, уйти отсюда. Получится, что зря я потревожил вас, попросив доложить обо всем Нефритовому императору. Так и быть, пусть пойдут со мною полководцы, небесный князь Вайсравана и его наследник Ночжа. У него есть оружие, которым можно покорять злых духов, пусть возьмет пока его с собой, а когда спустимся на грешную землю и схватимся в бою, посмотрим, как оно действует. Если нам повезет и мы сможем схватить чудовище, это будет огромным счастьем для меня; ну, а если нас постигнет неудача, придется придумывать что-нибудь другое.

Наставники подробно доложили Нефритовому императору о том, что решил Сунь У-кун. Император тотчас же приказал небесному князю вместе с наследным сыном своим возглавить отряд небесных воинов и оказывать Сунь У-куну помощь. Небесный князь, получив это повеление, явился к Сунь У-куну. А Сунь У-кун тем временем, обращаясь к полководцам, говорил:

— Я бесконечно благодарен Нефритовому императору за то, что он оказал мне честь, отрядив под мою команду небесного князя Вайсравану. Но есть еще дело, о котором я буду просить его небесное величество побеспокоиться. Мне необходима будет помощь двух повелителей Грома и Молний. Когда небесный князь вступит в бой, нужно, чтобы повелители Грома и Молний находились по краям тучи и метнули громовые заряды, которые поразят чудовище насмерть, пригвоздив его над воротами пещеры. Ничего лучше, мне кажется, не придумаешь.

Небесные полководцы со смехом воскликнули:

— Ладно, ладно!

И доложили еще раз об этом Нефритовому императору. А тот велел передать в палату девятого неба приказ, повелевающий властителям Грома и Молний действовать заодно с небесным князем, общими усилиями изловить чудовище и выручить пострадавших.

И вот, сопровождая небесного князя и Сунь У-куна, все направились к Южным небесным воротам.

Не прошло и минуты, как они прибыли к месту назначения. Сунь У-кун сказал:

— Это и есть та самая гора, которая называется Золотой шишак. Название свое она получила потому, что пещера в ней действительно походит на шишак. А сейчас давайте обсудим, кому первому выйти и вызвать на бой чудовище.

Небесный князь, встав на край облака, выстроил небесных воинов на южном склоне горы и доложил:

— Вам, Великий Мудрец, давно уже известен мой сынок Ночжа. Он ведь в свое время покорил девяносто шесть демонов — обитателей пещер. Он хорошо владеет всевозможными способами превращений и, кроме того, при нем есть оружие для покорения демонов. Пусть он идет и вызывает на бой чудовище.

— Раз так,— согласился Сунь У-кун, — разрешите мне проводить вашего наследника. Я сейчас же вернусь!

А наследник, весь дрожа от нетерпения, преисполненный храбрости, спрыгнул вместе с Великим Мудрецом с высокой горы, и они вместе направились к пещере. Однако ворота оказались крепко запертыми, а под скалой не было никакого злого духа. Тогда Сунь У-кун выступил вперед и закричал:

— Эй ты, презренный дьявол! Живее отворяй ворота и верни мне моего наставника!

Маленькие бесенята-привратники, увидев Сунь У-куна, побежали доложить:

— Великий правитель! Сунь У-кун привел с собою какого-то юнца, они вызывают тебя на бой!

— У этой обезьяны железный посох, — сказал повелитель демонов.— А голыми руками не повоюешь. Видимо, он выпросил себе подмогу и явился сюда! —И он крикнул: — Принести оружие!

Затем, с длинным копьем в руках, правитель демонов вышел из ворот.

Там стоял юноша с удивительно нежным лицом, но возмужалый и сильный.

С алым кораллом схожи юноши губы,
Яшмовый лик его полной луне подобен,
Светятся серебром крепкие белые зубы,
Очи метают молнии, взор их жесток и злобен;
Над переносицей гневно смыкаются брови,
Гладкий лоб перерезан морщиной суровой;
Пояс его, расшитый огнем, полыхает,

102-2

Солнце играет в парче золотистой халата;
Гладью зеркальной своею лучи отражают
Непроницаемые, драгоценные латы.
Ростом он был невысок, но казался прекраснее многих
Видом достойным и мужеством черт своих строгих.

Тут повелитель демонов рассмеялся и спросил:

— Уж не сын ли ты небесного князя Вайсраваны, наследник Ночжа? Зачем ты явился к моим воротам и кричишь здесь?

— Как смеешь ты, негодный злой дух, безобразничать? — возмутился наследник.— Захватил святого монаха из восточных земель и мучаешь его. Я получил высочайшее повеление от Нефритового императора схватить тебя.

Повелитель демонов пришел в ярость:

— Думаешь, я не знаю, что тебя призвал на помощь Сунь У-кун? Да, я и есть тот самый повелитель демонов, который поймал святого монаха. Однако на что ты, юнец, способен, что позволяешь себе столь дерзко говорить со мною? А ну, стой! Не беги! Отведай, каково мое копье!

Но тут наследник взмахнул своим волшебным мечом, разящим демонов, и ринулся навстречу врагу. Не успели противники схватиться, как Сунь У-кун побежал к склону горы и крикнул:

— Эй, повелители Грома и Молний! Где же вы? Живей отправляйтесь к месту боя и сразите злого духа, помогите наследнику справиться с чудовищем.

Оба повелителя — Дэн и Чжан — оседлали тучу и уже готовы были метнуть гром и молнию, но вдруг увидели, что наследник стал трехголовым с шестью руками, и, вооруженный шестью разными видами оружия, несется на чудовище, собираясь зарубить его; чудовище тоже стало трехголовым и шестируким и теперь уже отбивалось тремя длиннющими копьями. Тогда наследник снова прибег к волшебству и метнул в чудовище копья, мечи, словом, все, что у него было. Вот послушайте:

Меч, сокрушающий дьяволов,
Нож, поражающий дьяволов,
Пест, превращающий дьяволов в прах,
Аркан, повергающий в трепет и страх,
Дивный ковер, взмывающий в небеса,
И огненный обод волшебного колеса.

При этом наследник крикнул: «Изменись!» И сразу же у него оказалось несметное количество оружия, так как одно обратилось в десять, десять — в сто, сто — в тысячу, а тысяча — в тьмутьмущую, и все это оружие градом посыпалось на повелителя демонов. Но тот ничуть не оробел. Одной рукой он выхватил ослепительно белый обруч и подкинул его с возгласом: «Лови!» Раздался резкий звук, и все оружие, обращенное против чудовища, было охвачено этим обручем, словно арканом, что привело в панический ужас наследника, и он бросился бежать, спасая жизнь.

Одержав победу, повелитель демонов вернулся восвояси. Между тем повелители Грома и Молний Дэн и Чжан, ухмыльнувшись про себя, сказали:

— Мы заранее знали, чем дело кончится, знали, что наши громовые заряды и молнии он тоже захватит, потому и поберегли их. Если бы это случилось, как предстали бы мы перед владыкой неба?

Тут оба они надавили на передний край облака и сразу же очутились на южном склоне горы, догнав наследника.

— Чудовище в самом деле обладает огромной волшебной силой,— доложили они небесному князю.

Сунь У-кун, который, посмеиваясь, стоял в стороне, вступил в разговор:

— Вся сила этого негодяя заключена в одном этом обруче,— больше ничего у него нет. Что представляет собой этот обруч,— вот что хотелось бы узнать. Хорошо бы выловить чудовище его же собственным обручем.

Тут Ночжа с досадой сказал:

— Ты, Великий Мудрец, ведешь себя совсем несерьезно. Мы потерпели поражение, чем я весьма огорчен и раздражен,— ведь все это делалось ради тебя; как же тебе не стыдно подшучивать? Что все это значит?

— Ты говоришь, что огорчен и раздосадован, а я, думаешь, не огорчен? — отвечал Сунь У-кун.— Не знаю, что и делать, однако хныкать не следует, вот почему я и смеюсь.

Тогда небесный князь молвил:

— Как же нам добиться желаемого?

— Я полагаюсь на тебя,— отвечал Сунь У-кун.— Придумай что-нибудь. Только знайте, пока мы не справимся с этим обручем и не найдем лучшего оружия, чудовища нам не схватить.

Небесный князь отвечал:

— Этот обруч бессилен только перед водой и огнем. Ведь не зря говорят: «Вода и огонь не знают пощады».

Услышав это, Сунь У-кун сказал:

— В ваших словах есть истина! Обождите меня здесь, в укромном местечке, а я мигом слетаю на небо и сразу же вернусь!

Повелители Грома и Молний Дэн и Чжан в один голос спросили:

— Ты куда собрался?

— На сей раз,— отвечал Сунь У-кун,— я не стану докучать докладом Нефритовому императору. Я пойду к небесным воротам, пройду во дворец Красных цветов и буду просить его обитателя — повелителя звезд Огненной доблести пожаловать сюда и напустить огня на чудовище. Может, удастся превратить в пепел его волшебный обруч, тогда дело будет сделано. Во-первых, мы сможем забрать все наше оружие и вернем его вам, чтобы вы с честью возвратились на небо; а во-вторых, избавим от страданий моего наставника.

Эти слова очень понравились наследнику Ночжа, и он сказал:

— Нечего медлить! Прошу тебя, Великий Мудрец, отправляйся поскорей. А мы будем пребывать здесь в почтительном ожидании.

Сунь У-кун скользнул по волшебному лучу и мгновенно оказался у Южных небесных ворот. Тот же Широкоокий князь и четыре полководца вышли ему навстречу и приветствовали его:

— Что же это ты, Великий Мудрец, опять изволил пожаловать?

На это Сунь У-кун отвечал им:

— Небесный князь велел своему наследному сыну вступить в бой. Но в первой же схватке злое чудовище уволокло все наше оружие. Теперь я спешу во дворец Красных цветов, где буду просить помощи у его обитателя — повелителя звезд Огненной доблести.

Полководцы не осмеливались задерживать Сунь У-куна и впустили его в ворота. У дворца Сунь У-кун увидел целую толпу воинов огня, которые поспешно кинулись во дворец с докладом:

— Явился Сунь У-кун и желает видеть тебя, повелитель и князь наш.

Тогда обитатель этого дворца, по имени и званию повелитель звезд Огненной доблести, оправил свои одежды и вышел из ворот встретить Сунь У-куна как дорогого гостя. Введя его в свои покои, он сказал:

— Вчера Кэ-хань, начальник приказа, обыскал весь дворец, но не нашел никого, кто помышлял бы спуститься на грешную землю.

— Об этом я уже знаю,— отвечал Сунь У-кун,—но дело в том, что небесный князь и его наследник потерпели поражение и лишились своего оружия. Вот я и явился к тебе за помощью: выручи их и верни им оружие.

— Известно ли тебе, что Ночжа является покровителем и хранителем Трех алтарей, где собираются духи трех морей. Когда Ночжа появился на свет, он сразу же покорил дьяволов — обитателей девяноста шести пещер. Вот у него огромная волшебная сила; и если Ночжа не сможет одолеть чудовище, то где уж мне, слабому, тягаться с ним! Какая может быть надежда на меня!

— Небесный князь Вайсравана сказал, что во всей вселенной между небом и землей не найдется иного оружия против этого чудовища, кроме воды и огня. Чудовище это обладает всего лишь волшебным обручем, который похищает все, что есть у его противников. Не знаю, что это за драгоценность такая. Вот поэтому небесный князь просит тебя взять своих огненных воинов, спуститься вместе с ними на грешную землю и сжечь дьявола. Тем самым ты избавишь от страданий моего наставника!

Услышав эти слова, повелитель звезд Огненной доблести тотчас отрядил волшебных воинов, которые вместе с Сунь У-ку-

ном явились на южный склон горы Золотой шишак, где и произошла встреча с небесным князем и повелителями Грома и Молний.

— Великий Мудрец! — молвил небесный князь. — Придется тебе вызвать на бой этого негодяя, пусть вылезает из своей пещеры. Как только он начнет действовать обручем, мы тут же бросимся на него, а повелитель звезд Огненной доблести поведет своих воинов и сожжет чудовище.

Сунь У-кун сказал:

— Вот и хорошо! Так и сделаем.

Повелитель звезд Огненной доблести вместе с наследником небесного князя, обоими повелителями Грома и Молний встали на высокий горный пик и начали вызывать чудовище на бой.

А в это время Сунь У-кун прибыл ко входу в пещеру Золотой шишак и стал кричать во все горло:

— Открывайте ворота! Живей, поторапливайтесь! Верните мне сейчас же моего наставника!

Духи-привратники бросились докладывать своему властелину:

— Опять Сунь У-кун явился!

Чудовище с толпой духов вышло из ворот и, увидев Сунь У-куна, крикнуло:

— Снова ты здесь, мерзкая обезьяна! Кого же на этот раз ты привела с собой и с каким оружием?

Небесный князь, услышав эти слова, закричал:

— Ах ты, негодяй, узнаешь меня?

На это чудовище со смехом отвечало:

— Эй ты, небесный князь! Уж не вздумал ли ты заступиться и отомстить за своего сына и заодно отнять у меня захваченное оружие?

— Первым делом рассчитаюсь с тобой и потребую обратно свое оружие, а затем уже схвачу тебя и освобожу Танского монаха! Ну-ка! Стой! Сейчас познакомишься с моим мечом.

Но чудовище уклонилось от удара, вытащило длинное копье и ринулось навстречу небесному князю. И вот у пещеры разгорелся жаркий бой. Вы только послушайте, как они сражались!

Небесный князь рубил ножом так быстро,
Что раскалялось лезвие его
И сыпало блистающие искры.
А дьявол не страшился ничего:
Копье железное в руке его могучей
Сверкало, словно молния, огнем,
Тяжелым древком рассекало тучи
И облака пронзало острием.
Один был до зубов вооружен
И запугать противника пытался,
Другой, великим званьем умудрен,
Освободить наставника старался
И для того не к силе обращался,
А к чувствам, полным кротости благой,
Связующим людей между собой.

Однако, встретив лишь угрозы да упорство,
Он с дьяволом вступил в единоборство.
И вот, волшебным пользуясь уменьем,
Нзринул киязь иа недруга каменья,
Песчаный вихрь в глаза ему пустил.
Но дьявол, не испытывая страха,
Окутался завесою из праха,
И землю от иебес отгороднл,
Так, что из-за густого слоя пыли
Они совсем иевиднмымн были.
Но камии и песок его не достигали,
А лишь в волшебиый обруч попадали.
Итак, друг друга одолеть спешнлн
Противники, не зная снисхождеиья,
И, вознося всевышиему моленья,
Владыку всемогущего просили,
Чтоб инспослал врагу ои пораженье.

Между тем Великий Мудрец, видя, как яростно сражаются противники, тотчас повернулся, вскочил на вершину горы и, обращаясь к повелителю звезд Огненной доблести, крикнул:

— Приготовьтесь!

И вы только взгляните. Опьяненный битвой, дьявол выхватил свой обруч, но небесный князь успел заметить это и тотчас же выпустил благовещий луч, признал себя побежденным и бежал с поля боя. Тогда, находившийся на вершине пика, повелитель звезд Огненной доблести поспешно передал приказ всем своим подчиненным разом напустить огонь. Это было поистине ужасное зрелище!

Вот что написано об огне в канонической книге:

В южных краях повелнтель огия обитает,
Властью своею он звездный огонь иаправляет:
Коль пожелает — покроются пеплом поля,
Жаром объятая, воспламеиится земля,
И по веленью могуществеииого владыки,
Каждый, иаправлеииый иа неприятеля, луч,
Молииеиосио пронзая завесу из туч,
Вмиг обратится в разящие стрелы и пики!

Духи пользовались самым разнообразным оружием. Вот с высоты с шумом и криком полетели огненные вороны; вершина горы была усеяна скачущими огненными конями. Парами забегали огненные крысы и огненные драконы. Крысы изрыгали огненные языки. Кругом на десять тысяч ли заполыхало кровавое зарево: а когда пара огненных драконов выпустила густой дым, то на тысячу ли вокруг все стало черно. Тогда выкатились огненные колесницы, раскрылись огненные тыквы, огненные знамена заколыхались от одного края неба до другого, а огненные палицы словно месили землю, достигая самых ее глубин. Говорят, будто не было страшнее зрелища, чем то, когда Нин-ци стегал кнутом вола. Здесь было куда страшнее, намного страшнее, чем было Чжоу-лану в сражении у Красной скалы. Подумать только, ведь это полыхал не простой, а небесный огонь, самый сильный огонь во всей все-

ленной. Он так полыхал, что даже бушующий от него ветер казался раскаленным докрасна.

Однако чудовище ничуть не испугалось грозного огненного вала. Оно подкинуло вверх свой волшебный обруч, раздался резкий звук, и огненные драконы, кони, вороны, крысы, мечи, луки и стрелы разом очутились в обруче и были низвергнуты вниз. А чудовище вернулось в свою пещеру и, торжествуя победу, убрало оружие. Повелитель звезд Огненной доблести, держа в руке пустое древко от знамени, отозвал обратно всех своих полководцев и отправился на южный склон горы к небесному князю Вайсраване. Когда они уселись, повелитель звезд Огненной доблести обратился к Сунь У-куну с такими словами:

— О мой Великий Мудрец, такое свирепое чудовище редко встретишь! Мне пришлось истратить на него все свои огненные припасы, однако напрасно. Как же теперь быть?

Сунь У-кун рассмеялся.

— Нечего обижаться и досадовать! Вы пока располагайтесь тут поудобнее, а я слетаю, куда надо, и скоро вернусь.

Тут небесный князь полюбопытствовал и спросил:

— Куда же ты опять собрался?

— Раз это чудовище не боится огня,—отвечал Сунь У-кун,— значит, наверняка боится воды. Мне часто приходилось слышать о том, что вода может одолеть огонь. Подождите пока я пройду в Северные небесные ворота и попрошу повелителя звезд Водной доблести залить водой пещеру злого чудовища, пусть он там захлебнется, черт этакий! Вот тогда и можно будет вернуть все ваши доспехи, которые он утащил.

Небесный князь одобрительно произнес:

— Замечательный замысел, боюсь только, что твоему наставнику, томящемуся в пещере, тоже не поздоровится, и он захлебнется.

Однако Сунь У-кун бодро ответил:

— Это пустяки! Если даже он захлебнется, я сумею воскресить его. Мне только очень неловко, что я зря потревожил вас, а теперь еще заставляю ждать.

Повелитель звезд Огненной доблести прервал Сунь У-куна:

— Раз ты решил так поступить, действуй живей, чего там еще разговаривать.

О, чудесный Сунь У-кун! Он снова подпрыгнул вверх и, перекувыркнувшись в воздухе, мигом очутился на облаке, которое понесло его прямо к Северным небесным воротам. Едва он поднял голову, как увидел Многосведущего небесного князя, который сделал шаг вперед и совершил приветственный поклон со словами:

— Куда направляешься, Великий Мудрец Сунь У-кун?

— У меня есть важное дело,— отвечал Сунь У-кун.— Мне нужно пройти во дворец Ухао и представиться повелителю звезд Водной доблести. А ты что здесь делаешь? — спросил он в свою очередь.

Многосведущий небесный князь отвечал:

— Сегодня моя очередь стеречь эти небесные ворота.

Не успел он договорить, как появились еще четыре великих небесных полководца: Кан, Лю, Гоу, Би. Совершив поклоны, они пригласили Сунь У-куна выпить чаю.

Сунь У-кун сказал:

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь! У меня очень срочное дело!

С этими словами он распрощался со всеми священными привратниками и направился прямо во дворец Черных вод, где велел духам, служителям этого дворца, тотчас доложить о своем прибытии. Повелителю звезд Водной доблести было доложено так:

— Великий Мудрец Сунь У-кун, равный небу своей прозорливостью, изволил прибыть к вам, наш повелитель!

Повелитель звезд Водной доблести, выслушав просьбу Сунь У-куна, немедленно велел осмотреть и проверить боевую готовность водных сил во всех четырех морях *, пяти озерах *, восьми реках, четырех потоках *, трех великих реках и всех девяти их рукавах *, а также всех князей-драконов из разных водных вместилищ, а затем, поправив головной убор и подпоясавшись, приосанился, вышел к парадным дверям, ввел Сунь У-куна в свои покои и сказал ему:

— Вчера Кэ-хань проверял мои дворцовые помещения, чтобы выяснить, не вздумал ли кто из духов — служителей дворца спуститься в низшие сферы, чтобы бесчинствовать на грешной земле. Сейчас ведется проверка духов — обитателей всех великих рек, морей, озер и протоков, которая еще не закончена.

— Чудовище,— сказал на это Сунь У-кун,— о котором идет речь, не является правителем речных духов: он обладатель величайших таинственных сил. Нефритовый император соизволил сперва отрядить против чудовища небесного князя Вайсравану с его сыном. Они прихватили с собой еще двух повелителей Грома и Молний и спустились на грешную землю, чтобы изловить чудовище. Но он подбросил в воздух волшебный обруч и поймал им все небесное оружие, которое князь Вайсравана обратил против него. Мне ничего другого не оставалось, как отправиться во дворец Красных цветов и упросить повелителя звезд Огненной доблести возглавить войско огненных духов, чтобы спалить огнем чудовище. Но чудовище опять пустило в ход свой волшебный обруч и уволокло в пещеру все огненное войско — огненных драконов, коней и всех остальных воинов. Тут я и подумал, что раз огонь не берет его, то уж наверное он побоится воды. Потому я и явился сюда просить повелителя звезд Водной доблести не отказать мне в милости и с помощью сил водной стихии помочь изловить этого оборотня, отнять у него оружие небесных полководцев и, наконец, выручить из беды моего наставника — Танского монаха.

Повелитель звезд Водной доблести выслушал Сунь У-куна и тотчас отдал приказ почтенному духу — князю Желтой реки:

— Следуй за Великим Мудрецом и помоги ему добиться успеха.

Князь вод достал из своего широченного рукава маленькую плошку из белого нефрита и лукаво промолвил:

— Вот какая у меня есть штучка, чтобы черпать воду.

Сунь У-кун недоверчиво покосился:

— Да ты взгляни! Сколько можно набрать воды этой плошечкой? А ты собираешься залить огромную пещеру и утопить в ней чудовище. Разве это возможно?

Князь Желтой реки стал серьезным и сказал:

— Я не буду тебя обманывать и скажу по правде, что эта плошечка вмещает в себя все воды Желтой реки. Полплошки — это половина реки, а полная плошка — вся река!

Сунь У-кун очень обрадовался и заявил князю:

— Уверен, что потребуется всего лишь половина твоей чудесной плошки.

Затем он распрощался с повелителем звезд Водной доблести и вместе с почтенным князем Желтой реки покинул небесные чертоги.

Князь зачерпнул из Желтой реки полплошки воды и, следуя за Сунь У-куном, дошел до южного склона горы Золотой шишак, где поздоровался с небесным князем, его сыном-наследником, с повелителями Грома и Молний и повелителем звезд Огненной доблести. Тут пошли рассказы о прошлых делах и событиях.

Однако Сунь У-кун прервал завязавшийся было разговор:

— Сейчас незачем вспоминать о том, как все было. Пусть лучше князь Желтой реки последует за мной и обождет, покуда я буду вызывать чудовище из пещеры. Не нужно ждать, пока чудовище выйдет,— надо плеснуть воду под ворота: пусть оно захлебнется со всей своей нечистью. Я же выловлю тело моего наставника и попробую его оживить, думаю, что не запоздаю.

Князь Желтой реки, беспрекословно повинуясь Сунь У-куну, пошел вслед за ним. Они обогнули склон горы и направились по тропинке прямо ко входу в пещеру. Сунь У-кун громко крикнул:

— Эй ты, бес-оборотень! Живей отворяй ворота!

Духи-привратники, охранявшие вход в пещеру, услышав голос Сунь У-куна, поспешили к своему хозяину и доложили:

— Сунь У-кун опять появился!

Чудовище-мара взяло свой волшебный обруч, вооружилось легким копьем, пошло к каменным воротам пещеры и с грохотом распахнуло их. Князь Желтой реки сразу же плеснул из своей плошки прямо в пещеру. Оборотень, увидев, что в пещеру хлынули потоки воды, отбросил свое длинное копье, схватил обеими руками свой волшебный обруч и подпер им створки ворот. И вот огромная струя воды с ревом стала выливаться из пещеры. Это так напугало Сунь У-куна, что он, кувыркаясь, помчался

вверх к вершине горы, увлекая за собой князя. Тем временем небесный князь Вайсравана и все остальные сопровождавшие его небесные полководцы запрягли облако и тоже умчались на нем к горной вершине, откуда наблюдали за бушующей водой, бешено низвергающейся из пещеры.

Сперва воды совсем немного было,
Ее едва б хватило на глоток.
Какая же неведомая сила
В одно мгновенье ока превратила
Ее в неиссякаемый поток?
В потоке том — могущество воды,
Возможности и счастья и беды;
Воистину — вода великий чудотворец,
Способный хоть с самой судьбой поспорить
В деяниях негаданных, нежданных.
Она полна и правды и обмана,
Несет с собою жизнь и смерть в себе таит,
Уничтожает вмиг то, что сама творит.
Сейчас громоподобный грохот вод
Недавнюю заполнил тишину:
Их грохот потрясает небосвод,
Рыча, как зверь, стремит волна волну,
Затоплены поля, дороги и низины,
В бескрайние моря превращены равнины...
Беснуясь, клокоча летит за валом вал,
Увенчанный седым венцом из пены,
Все хочет сокрушить, но неизменно
Дробится, как стекло, о грани темных скал.
Под натиском воды гудит седой гранит,
Волна в него стучится, словно молот,
И в недра скрытые просачиваясь, холод
Нефритовое сердце леденит.
Каменья в щебень превратив, прибой
Обломки самоцветов вымывает
И, отступая, снова наступает,
Чтоб с берегом вести ожесточенный бой.
Водоворотов смертоносна бездна,
И там, где мирно зеленели склоны,
Потоки низвергаются отвесно,
Долины обращая в водоемы.

При виде этого ужасного зрелища Сунь У-кун в страхе обратился к князю Желтой реки:

— Беда! Вода разлилась по всем низинам, затопила крестьянские поля, а пещера осталась сухой! Что же нам теперь делать?

И он стал торопить князя скорей собрать всю разлившуюся воду. Тот ответил ему:

— Я умею только разливать воду, а собирать ее не умею. Разве ты не знаешь поговорки: «Разлитую воду не легко собрать!»

Представьте себе: гора эта была настолько высока, что вся вода очень быстро с нее стекла и вскоре исчезла, оставаясь лишь на дне самых глубоких долин и впадин.

Между тем было видно, как из пещеры выскочило несколько бесенят, которые с воинственными криками, потрясая кулаками, засучив рукава, стали хватать палицы или пики, а потом принялись за веселые игры.

Небесный князь задумчиво произнес:

— Вот еще одно средство не помогло: ни одна капля воды не попала в пещеру!

Сунь У-кун не мог сдержать вспыхнувшего в нем гнева и, размахивая кулаками, бросился к воротам пещеры на бесенят, которые кинулись бежать от него.

— Вы куда! Вот я вам покажу! — в исступлении кричал Сунь У-кун. Бесенята побросали свои доспехи и скрылись в пещере. Они побежали к своему властелину:

— О великий князь! Снова беда пришла! Они опять идут на нас!

Дьявол, выставив копье вперед, вышел из ворот пещеры и закричал:

— Экая ты злая обезьяна! Никак не можешь угомониться! Уж скольких ты врагов насылала на меня, но все напрасно. Тебе и приблизиться ко мне не удалось, даже с помощью сил Огня и сил Воды. Зачем же ты опять заявилась? Погибели своей ищешь, что ли?

Сунь У-кун спокойно ответил:

— Ишь ты, мальчишка, смеешь еще дерзить. Неизвестно на кого из нас придет погибель, на тебя или на меня! Ну-ка, подойди сюда. Отведай кулак твоего дедушки, отца твоей матери.

Чудовище лишь расхохоталось в ответ:

— Ну и обезьяна! Сама лезет на рожон! Я на него с копьем, а он кулаком грозит. А кулачок величиной с персиковую косточку. Чем же тут хвалиться! Вот у меня кулак — настоящий молот! Ба! Отложу-ка я копье свое и померяюсь с тобой на кулаки, посмотрим, чья возьмет!

Сунь У-кун со смехом воскликнул:

— Вот это дело! Ну, давай, подходи!

Чудовище поправило на себе одежды и выступило вперед. Куда девался его высокомерный вид! Оно подняло кверху свои кулаки, действительно похожие на железные кувалды, которыми пользуются на маслобойках для выжимания масла.

Великий Мудрец расставил ноги, качнулся из стороны в сторон, прикинул в уме, как действовать, и вступил в рукопашный бой с чудовищем-марой * у самого входа в его пещеру. Ну и бой же это был! Вот послушайте:

Едва лишь Сунь У-кун взмахнул руками,
Как кулаки его сравнялись с кулаками
Отважного противника, и смело
Четыре разных кулака взялись за дело:
Взлетают, опускаются, колотят,
Дробят, как молоты, и, как цепы, молотят.

Но Сунь У-куну кулаков казалось мало:
Ногами неприятеля лягал он.
С такою резвостью его мелькали ноги,
Что впору б скакуну так мчаться по дороге.
Один врага в лицо наотмашь бьет,
Другой то в грудь ударит, то в живот,
Один под ложечку ударит, изловчась,
Другой его по шее сей же час,
Один вот-вот лишится селезенки,
Другой вот-вот расстается с печенкой,
Один противника старается обнять,
Чтоб лучше под себя его подмять,
Другой ему в обиду не дается,
Удавом разъяренным так и вьется...
Не люди, а драконы лишь и тигры
Способны затевать такие игры:
Как только ни вертелись, ни крутились,
Друг другу на плечи и на спину садились,
Как мудрый Лао-цзюнь на аиста верхом;
То, будто в танце, бегали кругом,
Валились друг на друга, словно глыбы,
Об землю бились, точно пойманные рыбы,
Как жеребцы, исполненные страсти,
Багровые ощеривали пасти.
Нет, то не лепестки с деревьев облетали,
Не тучи дождь на землю проливали —
То сыпались безудержно удары
На голову разгневанного Мары!
Нет, не от бури, все сметающей с пути,
Защиту Сунь У-кун пытается найти,
Лицо свое, как будто опахалом,
От оплеух руками закрывал он!
Сравним ли длань Великой бодисатвы
С рукой Мо-вана? Шире, чем лопата,
Ладонь чудовища, лихого супостата!
Зато у Сунь У-куна и ножищи!
Подобных им, пожалуй, и не сыщешь!
Едва ли ты узришь такое чудо
У каменного изваянья Будды!
Друг друга награждали тумаками,
Щипками, оплеухами, пинками,
Подножками, ударами, толчками...

Они схватывались несколько десятков раз, но так и нельзя было сказать, кто из них окажется победителем. Пока они дрались, находившиеся на вершине горы небесный князь Вайсравана и повелитель звезд Огненной доблести ликовали: первый подбадривал Сунь У-куна, а второй рукоплескал и восторгался.

Оба повелителя Грома и Молний с наследником во главе всех своих военачальников и полководцев выскочили было вперед, чтобы помочь Сунь У-куну, но в этот момент из боковых пристроек у ворот выбежали бесенята. Они размахивали флагами, били в барабаны и принялись фехтовать мечами и ножами, встав на защиту своего господина. Заметив, что дело принимает опасный оборот, Великий Мудрец Сунь У-кун тотчас же выдернул у себя клок

шерсти, подбросил его в воздух и крикнул: «Изменись!»—и тотчас же клок шерсти превратился не то в тридцать, не то в пятьдесят маленьких мартышек, которые все разом бросились вперед и вцепились в чудовище: кто ухватил его за ногу, кто за поясницу, а кто полез глаза царапать и выдергивать волосы. Чудовище растерялось и поспешно достало свой волшебный обруч. Сунь У-кун и небесный князь вовремя заметили это и, ухватившись за облако, бросились наутек.

Чудовище же тем временем подкинуло вверх свой обруч, раздался резкий звук, и превращенные из клока шерсти Сунь У-куна бойкие мартышки попались в обруч и в следующий же миг очутились в пещере. Чудовище, торжествуя полную победу, забрало с собой все свое войско и удалилось к себе, крепко-накрепко заперев ворота.

Несмотря на неудачу, наследник небесного князя принялся расхваливать Сунь У-куна:

— Наш Великий Мудрец Сунь У-кун — настоящий герой. В кулачном бою он показал себя искусным воином. А его волшебный способ превращения себе подобных существ из клока шерсти дороже любой драгоценности.

Сунь У-кун рассмеялся и спросил:

— Уважаемые господа! Вам со стороны было виднее. Скажите по совести — кто из нас ловчее?

Ответил небесный князь Вайсравана:

— У него удары слабее, да и ноги не так проворны, как у тебя, Великий Мудрец! Когда он увидел, что мы пошли тебе на помощь, он стал торопиться, а после того как ты превратил клок шерсти в подобных себе маленьких обезьянок, — растерялся и засуетился. Вот почему он и прибег к своему обручу.

— С этим злым оборотнем-марой, — сказал Сунь У-кун,— справиться не так уж трудно. Вот только достать бы его волшебный обруч.

Тут повелители звезд Огненной и Водной доблести заговорили в один голос:

— Если хотите одержать победу, необходимо отобрать у него обруч. Иначе ничего не выйдет. Если только мы овладеем обручем, чудовище можно будет взять голыми руками!

— А каким способом можно похитить этот обруч?— спросил Сунь У-кун.— Видимо, надо выкрасть его.

Оба повелителя Грома и Молний, которых звали Дэн и Чжан, засмеялись:

— Если хотите совершить воровство, то кроме Сунь У-куна не сыщете никого другого. Способнее его на это дело нет. Помните, в тот год, когда он учинил буйство в небесном дворце, с каким он мастерством выкрал дворцовое вино, груду персиков, печенку драконов, мозги фениксов, да еще прихватил пилюли бессмертия почтенного Лао-цзюня! Пусть и на этот раз проявит свое мастерство!

— Что вы, помилуйте, совсем меня захвалили,— скромно отвечал Сунь У-кун.— Ну что же, так и быть. Вы посидите, а я слетаю разузнать, как там обстоят дела, и живо вернусь!

О, чудесный Сунь У-кун! Он мигом спрыгнул с вершины горы, очутился у входа в пещеру, качнулся всем телом и превратился в конопляную мушку редкой красоты. Вот полюбуйтесь сами:

Тонка иа побегах бамбука
Нѐжная оболочка,
Но крылышки мушки тоиьше еще
И иежиее.
Меиьше тычинки
Головка на крохотиой шее,
Да и сама оиа вся —
С сердцевииу цветочка.
Лапки ее похожи
На шелковинки,
Глазки — иа бусинки.
Весом же только с пушинкой
Может сопериичать
Мушка красивая эта,
Что быстротою полета
Равияется с ветром.
Впрочем, создаиье такое
Не только прелестно,
Может оио оказаться
Еще и полезным.

Взлетев на ворота, Сунь У-кун нашел щелочку, пролез в нее, и тут его взору представилась картина победного торжества. Все бесы и бесенята собрались толпой. Одни плясали, другие пели, остальные расступились шеренгами по сторонам. На высоком помосте восседал сам злой оборотень-мара, а перед ним были расставлены всевозможные яства. Тут были и змеиное мясо, сушеная оленина, медвежьи лапы, верблюжьи горбы, плоды и ягоды. Был еще кувшин из черного фарфора, наполненный вином, ароматная брынза и кокосовое молоко. Этот обжора набивал себе брюхо и пил вовсю.

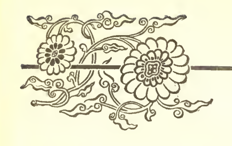
Сунь У-кун смешался с толпой бесенят и, превратившись в оборотня с головой хорька, стал изображать из себя ряженого, медленно подбираясь все ближе к помосту. Он долго всматривался, но нигде не мог обнаружить волшебного обруча. Стремительно вытянувшись во весь рост, он шмыгнул за помост, откуда увидел в заднем помещении высоко подвешенных огненных драконов, издающих хриплые звуки, и огненных коней, которые ржали. Внезапно, подняв голову вверх, он увидел свой посох с золотыми обручами, прислоненный к восточной стене. Он так обрадовался, что не мог сдержаться и, забыв принять прежний облик, подбежал к своей драгоценности. Тут только он принял свой настоящий вид и стал прокладывать себе путь посохом. Чудовище до того перепугалось, что у него, как говорится, душа в пятки ушла. Не успел он опомниться, как Сунь У-кун, разя

бесов налево и направо, проложил себе путь к воротам и выбежал из пещеры.

Тут поистине можно сказать, что повелитель демонов возгордился и забыл о предосторожности, а хозяин вернул себе отнятое у него оружие.

Чем все это дело кончилось, добром или злом, вы узнаете, прочтя следующую главу.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ,

повествующая о том, как Сунь У-кун учинил буйство в пещере Золотой шишак, и о том, как Будда Татагата тайно указал ему того, кто может справиться со злым чудовищем

Мы остановились на том, как Сунь У-кун раздобыл свой посох с золотыми обручами, пробился за ворота, вспрыгнул на вершину и предстал перед духами, полный радости и восторга. Небесный князь Вайсравана обратился к нему:

— Ну как? Расскажи, что с тобой было?

Сунь У-кун ответил:

— Я изменил свой облик и незаметно проник в пещеру. Гляжу, а чудовище еще пуще поет и приплясывает, видно, охмелело от вина, выпитого по случаю победы. Выведать у него, где хранится волшебный обруч, было невозможно. Я зашел ему за спину и вдруг слышу звуки, похожие на ржание коней и стоны драконов. Я смекнул, что это были чудовища из воинства Огненной доблести. А у восточной стены, вижу, стоит мой посох. Я ухватился за него, расчистил себе путь и выбрался из пещеры.

Тут все духи-божества разом заговорили:

— Как же так? Ты свой волшебный талисман вернул, а когда мы возвратим наши?

Сунь У-кун стал их успокаивать:

— Это сущие пустяки! Теперь, когда у меня в руках мой железный посох, я покорю чудовище, как бы оно ни хитрило, и непременно верну вам всем талисманы.

В это время у подножья горы неожиданно ударили в барабаны, и громкие крики потрясли землю. Оказывается, это сам великий князь Единорог со всеми своими духами пустился в погоню за Сунь У-куном. Тот увидел его и вскричал:

— Вот хорошо! Лучшего и желать не приходится. Садитесь, уважаемые господа, и обождите меня, пока я изловлю это чудовище!

Ну и молодец Сунь У-кун! Подняв свой железный посох, он стремительно бросился вперед, крича:

— Стой, дьявол! Негодяй проклятый! Не уйдешь от меня! Отведай мой посох!

Но чудовище, отбив удар большим копьем, стало изрыгать потоки ругани:

— Ах ты, разбойная башка! Как же ты осмелился среди бела дня выкрасть у меня мое сокровище?!

Сунь У-кун ответил:

— Я тебя — скотина! Убить тебя мало! Не ты ли своим обручем похитил мой талисман? Стой, ни с места! Познакомься-ка теперь с моим посохом.

Чудовище прикрыло себя копьем, изо всех сил вращая его перед собой, и начался бой. Что это был за бой! Вы только послушайте:

Лютая ярость душой мудреца овладела,
Бросился он на волшебника — злобного Мару.
Оба противника, равно могучи и смелы,
В гневе великом друг другу наносят удары.
Палица тяжкая хлещет, как хвост у дракона,
Словно живая, кидается влево и вправо,
Вьется копье, от нее отлетая со звоном,
Мечется, жертву приметившим грозным удавом.
Страшные звуки, рожденные битвой жестокой,
Вихрем промчались от края земли и до края;
Птицы умолкли, журчать перестали потоки,
Замерли реки, тому поединку внимая.
Мглой непроглядной оделись высокие горы,
Скрылись долины за серой туманной завесой,
Юркнули змеи в свои потаенные норы,
Звери укрылись в чащобах притихшего леса.
Только доносятся битвы глухие раскаты,
Только доносятся вопли и хохот безумный —
То помогают вождю своему бесенята,
Криком и визгом стремясь запугать Сунь У-куна.
Тщетны старанья их! Сильный не ведает страха
И не знаком ему горький позор пораженья,
Палицей верной своею разит он с размаха —
Шел он доселе с победой дорогой сражений!
Но наконец повстречался достойный соперник
Палице грозной — копье роковое, чья сила
Снежной горою Цзиньдоу * уже давно завладела,
Дух ее вольный давно уж себе подчинила.
Кто ж из противников будет хитрее, сильнее?
Сможет ли Царь обезьян одолеть чародея?

Вот уже шесть часов бились друг с другом злой оборотень и Великий Мудрец Сунь У-кун, но все еще нельзя было сказать, кто из них победит. Между тем давно уже стемнело. Злой оборотень, заслоняясь длинным копьем, крикнул:

— Эй, Сунь У-кун! Постой! Уж совсем стемнело. Время не подходящее для поединка. Давай передохнем до завтра, а с утра снова померяемся силами.

Однако Сунь У-кун принялся ругать его:

— Мерзкая ты скотина! Замолчи! Я только сейчас вошел в раж, какое мне дело до того, что поздно. Я хочу во что бы то ни стало решить сейчас же, кто из нас окажется победителем!

Чудовище издало какой-то звук, сделало ложный выпад копьем и кинулось бежать. Вскоре оно вместе со своими бесенятами скрылось в пещере, плотно заперев ворота.

Таща за собой посох, Великий Мудрец вернулся на вершину горы, где был встречен приветственными возгласами небесных духов, с нетерпением дожидавшихся его.

— До чего же ты ловок, до чего силен, наш Великий Мудрец! Твоим талантам и силе нет меры, нет границ!

Сунь У-кун смеясь отвечал на это:

— Я недостоин таких похвал!

Тут небесный князь Вайсравана подошел поближе и сказал:

— Это не пустая хвала, а сущая правда. Ты действительно настоящий герой! На этот раз ты держался ничуть не хуже, чем в том бою, когда вся земля вокруг тебя была опутана небесными силками.

Сунь У-кун прервал его:

— Не будем пока говорить о том, что было. Я думаю, что в этом бою я задал злому оборотню-маре неплохую трепку. Он, должно быть, сильно утомился, но мне нельзя говорить об усталости. Прошу вас, ни о чем не заботиться, посидеть здесь немного и обождать, пока я снова не проникну в пещеру. Может быть, удастся разузнать, где хранится этот волшебный обруч, который обязательно надо украсть. Тогда мы изловим оборотня и вернем все, что он похитил у вас, чтобы вы могли с честью вернуться к себе на небо.

Тут в разговор вмешался наследник небесного князя:

— Сейчас уже поздно, лучше хорошенько выспаться, а завтра утром отправиться!

Сунь У-кун рассмеялся:

— Видно, что ты еще молод и неопытен! Где это видано, чтобы воровать ходили среди бела дня? Надо ходить за добычей по ночам и ночью же возвращаться, чтобы никто не видел и не слышал, вот тогда дело увенчается успехом.

Повелитель звезд Огненной доблести и повелители Грома и Молний обратились к наследнику:

— Вы лучше не вмешивайтесь! Ведь мы в таких делах совсем не разбираемся. А наш Великий Мудрец на этом, как, говорится, собаку съел... Пусть он воспользуется удобным моментом. Во-первых, злой оборотень, наверное, утомился; во-вторых, ночь нынче выдалась очень темная и помех не будет. Пусть только скорей отправляется. Иди же быстрее!

И наш прекрасный Сунь У-кун, посмеиваясь, спрятал свой посох, спрыгнул с горного пика вниз и снова подошел ко входу в пещеру. Встряхнувшись, как обычно, он мигом превратился в сверчка:

Глаза его блестят, как бусы,
Он чернокожий, длинноусый,
На ножках тонких.
Он днем молчит, а лунной ночью
Поет, поет себе в потемках,
Поет, стрекочет.
Пусть дождь стучится в наши двери,
Пусть ветер воет лютым зверем,
Поет сверчок —
И всем несет покой, и радость,
И мирных сновидений сладость
Его смычок.
Как дорог всем нам песни этой
Напев знакомый,
Когда душа теплом согрета
Родного дома!
Но путник, что забрел дорогой
Под кров случайный
И спать улегся у порога,
Внимает песенке с тревогой,
С печалью тайной,
И одинокому не спится —
Тоской о родине томится!
В два-три скачка допрыгнул до ворот
Отважный Сунь У-кун,— и вот,—

пробрался сквозь щель внутрь и стал внимательно всматриваться в глубь пещеры, озаренной светом фонарей. Толпа больших и маленьких бесов со звериной жадностью уплетала какие-то яства. Сунь У-кун громко застрекотал и прислушался. В пещере вскоре убрали посуду и стали раскладывать постели. Наконец все улеглись. Прошло примерно столько времени, сколько положено для смены ночной стражи, в течение которого Сунь У-куну удалось пробраться во внутренние покои. Там он услышал, как злой чародей отдал такой приказ:

— Разбудить всех привратников у ворот. Пусть тщательно караулят и следят. Боюсь, как бы Сунь У-кун снова не пробрался сюда под видом какой-нибудь букашки и не обворовал нас.

Затем он услышал, как, беседуя между собой и звеня оружием, караульные направились к своим постам. Это было на руку Сунь У-куну. Он пролез через дверную щель в опочивальню и увидел там возле мраморного ложа напомаженных и напудренных лесных и горных волшебниц, которые расстилали постель и укладывали спать злого чародея. Одни снимали с него туфли, другие — платье. И вот, когда чародей освободился от одежды, Сунь У-кун заметил, как у него на левой руке выше локтя сверкнул волшебный обруч, похожий на жемчужный браслет. Вот так чудеса! Чародей и не подумал снять обруч. Наоборот, он подтянул его повыше к плечу, чтобы он еще плотнее стянул ему руку, и после

этого улегся спать. Тут Сунь У-кун превратнлся в блоху, вскочил на мраморное ложе, залез под одеяло и устроился на руке, на которой был обруч. Затем он с силой укусил чародея н, виднмо, так здорово, что тот перевернулся на другой бок и выругался:

— Ну и негодницы, этн рабынн, лентяйкн! Мало я вас бнл. Постель как следует не встряхнули, пыль с ложа не смелн. Что за тварь так здорово меня укусила?

С этимн словами он еще выше подтянул обруч и уснул. Сунь У-кун подобрался поближе к обручу и еще раз укуснл чародея, который проснулся и стал ворочаться:

— Ох, как чешется, терпеть невозможно!

Убедившнсь, что обруч надежно защнщен и чародей не расстается с ним ни на мннуту, Сунь У-кун был вынужден отказаться от намереннь выкрасть его. Он спрыгнул с ложа и снова превратнлся в сверчка. Выбравшись из опочивальни, он направился к заднему помещенню, где снова услышал стоны драконов н ржанье коней. На дверн, ведущей в заднее помещение, висел большой замок, а за дверью находнлнсь плененные обручем чародея огненные драконы и конн, подвешенные к потолку. Сунь У-кун принял свой обычный внд и, подойдя к двери, применил волшебный способ открывання замков. Он произнес заклннанне и провел рукой по замку: раздался резкий звук — пружина лопнула, и замок раскрылся. Сунь У-кун толкнул дверь и вошел в помещение, внимательно оглядываясь вокруг. В помещенни от огненного оружия, которое там находилось, было светло как днем. У стен стояли: секира, разящая бесов, талисман наследника, огненные лук и стрелы, прннадлежащие повелителю звезд Огненной доблести, н многое другое. Прн ярком свете огня Сунь У-кун еще раз оглядел все помещенне и увидел за дверью каменный столик, а на нем плетенный круг из соломы с клоком шерсти в середнне. Обрадовавшись, Сунь У-кун взял в руки клок шерстн дунул на него дважды свонм горячим животворным дыханием и воскликнул: «Изменись!» Клок шерсти сразу же обратился в пятьдесят маленькнх обезьян. Сунь У-кун велел им забрать все оружие: ножи, мечи, дубнны, арканы, ловушку, луки, стрелы, копья, колеснньы, тыквы-горлянкн, а также огненных воронов, крыс и коней,— словом, все, что было похищено чародеем, злым оборотнем-марой. Сам Сунь У-кун взобрался верхом на огненного дракона и, дав волю стихин огня, поджег пещеру изнутри, пробираясь к выходу. В пещере гулко потрескивал огонь — казалось, взрываются новогодние хлопушки.

Все бесы, большие и малые, всполошнлись и спросонья сталн хватать одеяла, матрацы и укрывалнсь с головой. В отчаяннн однн крнчалн, другие плакалн, мечась из стороны в сторону и не находя спасения. Почти все бесы сгорели. Доблестный Царь обезьян Сунь У-кун возвратился с победой, а была еще только третья стража.

Вернемся теперь к нашим друзьям, которые ждали Сунь У-куна на вершине горы. Неожиданно они заметили яркое зарево, которое все приближалось к ним. Стали всматриваться и увидели Сунь У-куна. Восседая на огненном драконе, он подгонял маленьких обезьян, толпой скачущих к вершине горы. Приблизившись, Сунь У-кун громко крикнул:

— Идите, забирайте ваше оружие!

Повелитель звезд Огненной доблести и наследник небесного князя Ночжа разом отозвались. Тем временем Сунь У-кун встряхнулся всем телом, и клок шерсти снова пристал к тому месту, откуда он его выдрал. Наследник Ночжа получил обратно свои шесть видов оружия, а повелитель звезд Огненной доблести велел своим подчиненным убрать огненных драконов, коней и все остальное. Все были очень довольны и благодарили Сунь У-куна, поздравляя его с победой. На этом мы пока и расстанемся с ними.

Вернемся теперь в пещеру горы Золотой шишак, объятую пламенем. Злой чародей Единорог струхнул не на шутку. Он поспешно вскочил, приоткрыл дверь и, взяв в обе руки волшебный обруч, направил его на огонь. Огонь сразу же стал гаснуть. Затем, не выпуская обруча из рук, чародей пробежался по пещере, наполненной дымом и гарью. Дым и гарь мигом исчезли. После этого он стал созывать свою челядь, но оказалось, что почти все сгорели. Уцелело немногим более сотни тварей. Тогда чародей отправился в помещение, где хранилось оружие, и обнаружил, что там пусто. Затем он пошел в заднее помещение. Чжу Ба-цзе, Ша-сэн и Танский монах лежали по-прежнему, крепко связанные по рукам и ногам. У кормушки стоял белый конь. Коромысло с поклажей было тут же. Чародей с досадой и злобой проговорил:

— Не знаю, кто из моих бесенят был неосторожен с огнем и устроил этакий пожар!

Стоявшие возле чародея его приближенные слуги заговорили:

— О великий повелитель! Никто из нас непричастен к пожару. Скорей всего его устроил разбойник, который уже пытался ограбить нас. Он выпустил силы огня и похитил все добытое нами оружие.

Тут чародея словно осенило, и он закричал в ярости:

— Больше некому! Это, конечно, напакостил он, зловредный Сунь У-кун, разбойник! То-то мне ночью все не спалось. Не иначе как он снова превратился в какого-нибудь гада и пробрался ко мне. Это он два раза укусил меня в руку. Так оно и есть. Видимо, хотел украсть у меня мой волшебный талисман, но, убедившись в том, что ему не снять его с моей руки, решил в отместку украсть оружие, которое я добыл в бою, выпустил огненного дракона и хотел сжечь меня. Эх ты, обезьяна! Зря хитришь. Тебе, видно, неизвестно, какой силой я обладаю! С этим волшебным обручем

я не утону в самом глубоком море, не сгорю в самом громадном костре. О, попадись мне только в руки, я не успокоюсь, пока не сдеру с тебя шкуру.

Долго еще отводил душу разъяренный чародей и успокоился лишь тогда, когда прокричали петухи и стало светать.

Наследник небесного князя, получив обратно все шесть видов своего оружия, обратился к Сунь У-куну с такими словами:

— Великий Мудрец! Уже совсем рассвело и больше мешкать нельзя. Надо воспользоваться тем, что чародей устал, и снова вступить с ним в бой. Мы с огненными воинами окажем тебе помощь. Может, на этот раз нам повезет и мы схватим его!

Сунь У-кун согласился.

— Что ж, вы совершенно правы. Если действовать сообща, схватить его будет сущей забавой.

Разминаясь, они пофехтовали, а затем направились гуськом прямо к пещере. Сунь У-кун встал у входа и громко крикнул:

— Эй ты, чудовище, выходи! Мне очень хочется побить тебя!

Каменные ворота пещеры от сильного жара обуглились и раскрошились. Прислужники чародея подметали в воротах золу и пепел. Неожиданно увидев несметное количество небесных духов и праведников, прислужники перепугались, побросали свои метелки и веники, высыпали золу наземь и побежали в пещеру к своему господину:

— Сунь У-кун явился со множеством небесных духов, ругается и вызывает тебя на бой,— доложили они.

Услышав об этом, чародей сильно встревожился и заметался из стороны в сторону, скрежеща своими стальными зубами и вращая округлившимися глазами. Выставив вперед длинное копье и прихватив волшебный талисман, он вышел из пещеры навстречу Сунь У-куну и закричал на него свирепым голосом:

— Я тебе покажу, негодная обезьяна, разбойник! Какой силой ты обладаешь, что так презрительно относишься ко мне?

Сунь У-кун смеясь стал огрызаться.

— Злое чудище! Если ты хочешь знать, на что я способен, подойди поближе и выслушай меня:

Был наделен я с младенчества снлой чудесной,
Слух о которой доныне гремнт повсеместно.
Слава о ней по земле разнеслась н по тверди:
Мало мне было той славы земной н небесной —
Дух непокорный возжаждал достнгнуть бессмертья.
Странствовал долго я, полный велнкого рвенья;
Долго нскал я учнтеля, чьн наставленья
Мне бы открылн дорогу к вершннам познанья,
Мне бы явнлн от смертных сокрытую тайну
Жнзнн, что вечно течет, не страшась завершенья.
Час долгожданный настал, н проннк я несмело
В ту дорогую смятенному сердцу обнтель,
Где ожидал меня славный, достойный хранus
Мудростн древней, дарующей жнзнь без предела.
Он научил меня многнм вещам сокровенным,

Мог я принять по желанью обличье любое;
Начал я знанья свои применять дерзновенно:
Вольно гуляя по всей необъятной вселенной,
Стал потрясать сумасбродно земные устои.
Я возомнил себя выше всех сущих законов.
Предков-воителей дух овладел непреклонно
Мною, и подвиг любой мне казался отрадой.
В бурных морях покорял я коварных драконов,
Походя тигров себе подчинял кровожадных.
Я укреплял свою волю в пещерах подводных,
В шуме ревущей стремнины ковал свою твердость,
В горные выси, к владениям духов свободных
Вечно влекла меня неутолимая гордость.
Высшим доверием был облечен я вначале:
Высшею милостью я удостоился званья
«Равного небу», и в честь величайших познаний,
Мной обретенных, Премудрым меня величали.
Также я звался прекрасным Царем обезьяньим.
К почестям был я приучен и почестей жаждал,
Снова и снова встречая везде поклоненье.
Но приключилося как-то со мною однажды,
Что неумышленно мне нанесли оскорбленье:
Мне одному позабыли послать приглашенье,
Дабы почтил я присутствием пир, что давала
В дивном саду своем вечно цветущем богиня,
Матерь царя Сиван-му. Сад над озером синим
Был расположен. Вода ключевая питала
Током своим его и до краев наполняла
Чашу крутых берегов животворною влагой.
В гневе своем преисполнившись злобной отваги,
Светлый источник похитил я дерзкой рукою,
Озеро вмиг превратив в каменистую сушу.
Горе, досада терзали мятежную душу!
Тайно, непрошеным гостем, проникнув в покои,
Где приготовили слуги достойной царицы
Разные блюда, я тотчас их пробовать начал.
Быстро хватая, глотая еду наудачу,
Съел я мозги драгоценные феникса-птицы,
Печень дракона и множество разных целебных
Яств перепробовал. Век свой продлил я сторицей,
Персиков дивных поев, что дарят долголетье.
В тайную тайных проникнул, напиток волшебный
Здесь отыскал и насытился им до предела.
Тот, кто вкушал его, на десять тысячелетий
Длил свою жизнь, достигая бессмертных удела.
Разных безделиц из ярких каменьев и злата,
Разных диковин бесценных похитил я много
В славной обители мудрых, в небесном чертоге.
Взял я иные себе, а иные запрятал.
Вскоре о буйстве моем, о неистовой силе
Стало известно Нефритовому властелину.
Войско небесное грозный собрал император,
Рати несметные в битву великую кинул.
Воинам дан был приказ, чтоб меня укротили.
Духов свирепых, что девять светил населяли,
Натиском бурным своим я тотчас опрокинул,
Разом подмял под себя — не они победили:
Я одолел их, и вмиг пред ними склониться?
Всем полководцам земным уготовил я встречу,
Раны тяжелые им нанеся и увечья.

Горечь бессилья познав и печаль пораженья,
Все полководцы небесные с поля сраженья
Вспять повернули, меня не заставив смириться.
Тут император Нефритовый волей-неволей
Был принужден к Наполнителю рек обратиться.
Малый мудрец, наполнявший речные потоки,
Рать свою славную вывел на бранное поле:
Воинов в битве искусных и в сече жестоких.
Всей своей силой они меня не побороли!
Семьдесят раз и два раза свой облик меняя,
Я полководца и воинов дерзко морочил.
В мощи волшебной моей убедившись воочью,
Бросились те, словно птиц потревоженных стая,
В страхе на помощь к себе Гуаньинь призывая.
С Южного моря явилась она, словно вестник победы,
Равных себе в целом свете не зная героев!
Войско за войском неслись нескончаемым строем —
Так налетают в грозу градоносные тучи,
Видом своим устрашая,— но страх мне неведом!
Вазу цветочную, веточку ивы плакучей
Также враги мои против меня обратили.
Все ж я держался ценою великих усилий,
Всей своей волей и тайным уменьем держался.
Но одолел меня некий противник сильнейший,
Сам Лао-цзюнь досточтимый, правитель мудрейший,
Против меня обративший свой скипетр алмазный!
Тут по рукам и ногам меня крепко связали,
Пред императором, словно преступник опасный,
Гордо склонясь головою, покорно предстал я.
Судьи, собравшись, меня виноватым признали
В многих мятежных, злонравных, коварных деяньях.
Все, что решат они, мог угадать я заранее:
Должен за все поплатиться я жизнью своею!
Судьи мои палачу приказали скорее
Острым мечом своим тотчас меня обезглавить...
Но не смогли они смертью моею прославить
Имя свое, ибо меч тот от согнутой шеи,
Словно от камня, отскакивал, искры роняя.
Недруги долго и тщетно трудились, не зная,
Как умертвить меня, чтобы вернее избавить
Землю и небо — весь мир от проказ моих дерзких,
Чтобы утихло в груди неумолчное сердце!
Шестеро духов меня, непокорного, ввергли
В печь, полыхавшую пламенем грозным и ярым!
Прочно за мною закрыли железную дверку.—
Но постигал я науку бессмертья недаром:
Жизнь моя жаркая в пламени том не померкла.
Сорок и девять томительных дней, не сгорая,
Тело мое закалялось, подобное сплаву.
Сбив все засовы, запоры умелым ударом,
Вышел из печи я, новой овеянный славой,
Новой наполненный силой и злобою новой:
Не удержали меня ни замки, ни оковы.
Был я готов повторять все былые забавы!
Духи найти на меня не сумели управы
И обратиться решили к великому Будде,
Чтобы помог всемогущий им сладить со мною,
Чтоб сотворил он для них долгожданное чудо,
Ибо ему лишь под силу свершенье любое.
Поднял меня Татагата одною рукою,

Перевернул, как младенца, и на землю кинул.
Гору высокую он на меня опрокинул,
Чтобы не смел я буянить, придавленный ею.
А император Нефритовый тут же затеял
Праздник и пиршество в честь усмирения неба.
С этого времени западный край величали
В память победы «Обителью радости крайней».
Тихо и праздно века надо мной протекали,
Но усмирен я своим наказанием не был,—
Тяжкой горою придавленный, злобствовал втайне.
Уста мои пищи полтысячи лет не вкушали;
Ни горсточки риса, ни капли душистого чая
Не проглотил я, в неволе жестоко страдая.
Может быть, я бы доныне под камнем томился,
Если бы праведник, самый старейший из сущих,
В это же время на землю сойти не решился.
Светоч науки, добра негасимый светильник,
Был он мудрейшим в прошедших веках и в грядущих,
И Золотого кузнечика имя носил он
Средь обитателей неба, могучих, всесильных,
И среди смертных, в земных поселеньях живущих.
В Танской империи праведник тот появился;
Душу властителя славной империи этой
Старец премудрый был призван спасти от соблазнов
И напитать ее знанием, силой и светом.
Цели великой, достойной служа безотказно,
В путь он отправился долгий, тяжелый, опасный:
Будде великому старец желал поклониться
И попросить, чтоб пожертвовал Будда блаженный
Древние свитки и книги науки священной,
Чтоб к императору с ними он мог возвратиться.
В это же время Гуаньинь, что когда-то сразилась
С буйством моим, над бедою моею склонилась,
Ведая то, что смягчился порыв мой мятежный
В павших на долю мою испытаниях прежних,
Веря, что должен к добру я прийти неизбежно,
Стала она обращать меня в светлую веру
Будды благого, и словом его и примером
Меня убедила с безумством навеки расстаться,
Освободила меня из-под каменой глыбы,
К жизни прийти помогла и из праха подняться.
Ныне я в эти края отдаленные прибыл,
Путь свой на Запад держа, где священные книги
Мы обретем, вместе с праведным Танским монахом.
Дьявол негодный! Меня не научишь ты страху!
Зло на себя навлечешь, самому себе сделаешь хуже,
Коль не вернешь мне немедля достойного мужа!

Чудовище, выслушав все это, протянуло руку и, указывая пальцем на Сунь У-куна, яростно закричало:

— Так это ты осмелился учинить буйство в небесных чертогах! Стой, разбойник! Отведай-ка вкус моего копья!

Великий Мудрец отразил удар своим посохом и бросился на врага. Оба упорно сражались, не уступая друг другу. Стоявший за Сунь У-куном наследник Ночжа все больше распалялся, повелитель звезд Огненной доблести тоже был вне себя от гнева. Наконец они не вытерпели и обратили свое волшебное оружие и

огненных воинов против злого дьявола. Сунь У-кун еще больше рассвирепел. С другого края начали действовать повелители Грома и Молний, а сам небесный князь Вайсравана взмахнул своим огромным мечом и начал разить им всех без разбора, независимо от чина и звания. Чародей дьявольски расхохотался и незаметно вытащил из рукава свой волшебный талисман. Затем он разжал руку, подкинул обруч высоко вверх и крикнул: «Лови!» Что-то звякнуло, и все чудесное оружие Ночжа, все огненные воины, громы и молнии, огромный меч небесного князя и железный посох Сунь У-куна оказались в чудесном обруче, а перед злым чудовищем стояли обезоруженные противники. Опять Сунь У-кун остался с пустыми руками. А злой дьявол, одержав победу, удалился восвояси, отдавая на ходу приказания своим слугам:

— Доставьте сюда каменные плиты и как следует заделайте ворота, да заодно и помещение почините. Когда все будет готово, мы зарежем Танского монаха и трех его спутников и принесем их в жертву местному духу земли. Всем вам достанется по лакомому кусочку.

Слуги бросились выполнять приказание своего господина, но рассказывать об этом пока мы не будем.

Тем временем небесный князь Вайсравана вместе с небесными полководцами вернулся на вершину горы. Повелитель звезд Огненной доблести выразил недовольство наследником Ночжа. Он упрекал его в поспешности и нетерпеливости. Властитель Грома и Молний стал ворчать на небесного князя, обвиняя его в своеволии. Один только повелитель звезд Водной доблести стоял в сторонке и молчал. Сунь У-кун сразу заметил, что небесные воины недовольны друг другом. Он смекнул в чем дело, но сейчас ничего нельзя было предпринять. Подавив в себе досаду, он сделал веселое лицо и с усмешкой сказал:

— Уважаемые господа! Не огорчайтесь. Помните древнюю пословицу: «Победы и поражения — обычное дело для полководцев». Вот и меня постигла неудача в поединке с этим чудовищем, но я пока смирился. Ведь все это происходит потому, что у дьявола есть волшебный обруч, при помощи которого он причиняет нам вред, вот и теперь он снова обезоружил нас. Но не волнуйтесь, сейчас я схожу и узнаю, откуда этот дьявол взялся.

— Куда же ты теперь пойдешь? — спросил наследник Ночжа.— Ведь в прошлый раз ты ходил к Нефритовому императору, и по его приказу было проверено все небо, однако об этом чудовище так ничего и не узнали.

— Я вспомнил,— ответил ему Сунь У-кун,— что власть Будды безгранична. Вот и решил отправиться к Будде Татагате. Пусть окинет своим всевидящим оком все четыре материка и узнает, откуда появилось это чудовище, где оно живет, каково его проис-

хождение и что за обруч у него, который обладает такой волшебной силой. Чего бы мне это ни стоило, я непременно изловлю дьявола, чтобы вы могли радостно вернуться на небо...

Тут все небесные духи-полководцы в один голос заговорили:

— Скорей принимайся за выполнение твоего прекрасного намерения. Не жди ни минуты, живей отправляйся! Скорей!

О, чудесный Сунь У-кун! Он сразу же перекувырнулся и очутился на облаке, которое быстро домчало его до горы Линшань. Там он спустился с облака на вершину по благодатному лучу и стал осматривать гору и ее окрестности. Вот что представилось его глазам:

Горы вздымались гряда за грядою,
Вверх громоздились одна за другою,
К самому небу рвались чередою
Снежных, сверкающих круч.
Их голубые вершины, казалось,
Лбами крутыми созвездий касались
Выше клубящихся туч.
С далей заоблачных свет благодатный
Кротко струился на мир необъятный,
И расстилался под солнцем отрадный,
Дивный, таинственный край,
Край, что всех прочих чудесней и даже
Краше, быть может, чем родина наша —
Благословенный Китай.
Горные выси, глубинные недра
Жизнью дышали, извечной и щедрой,
И под порывами свежего ветра
Долу клонились кусты,
И на луга, на лесные поляны
Тихо роняли наряд свой багряный,
С веток слетая, цветы.
Мудрых монахов протяжное пенье,
Колоколов монастырских гуденье
В душу вселяли покой,
И постигали, склонясь в умиленье,
Полные благочестивого рвенья,
Люди великого Будды ученье,
Смысл его вечно живой.
В рощах священных, в тени кипарисов
Древние старцы в сияющих ризах
Тихий вели разговор,
Взором следя, как в небесные дали
Белые аисты круто взмывали,
В необозримый простор.
Парами черные шли обезьяны,
Всем подносили плоды.
Шкурка звериная, вся без изъяна,
Светлой была,— как луной осиянна,
Нежная, глаже воды.
Средь небывалых цветов и растений
Так же попарно ходили олени
И раздавали дары.
Каждый от них получал аметисты,
Камни, рожденные в девственно чистом
Лоне гранитной горы.
Гордые горы! Крутые вершины,

Скаты, подъемы, ручьи и стремнины,
Необозримая даль!
В мире другие такие отроги,
Выси и скаты, пути и дороги
Сможешь ты встретить едва ль!

Только в краю этом видишь и чувствуешь всюду —
И на земле и на небе — благое величие Будды!

Сунь У-кун залюбовался чудесными горными видами. Вдруг кто-то сзади окликнул его:

— Откуда ты явился и куда путь держишь?

Сунь У-кун быстро обернулся и увидел перед собою бикшуни, почитаемую за ум и добродетель и удостоенную за это священным званием Арья.

— У меня есть важное дело к Будде,— с поклоном отвечал Великий Мудрец.

— Отчего же ты любуешься здесь горами, а не спешишь в монастырь к Будде, хитрец ты этакий?

— Я впервые попал в этот чудный край,— отвечал Сунь У-кун,— потому и позволил себе такую дерзость.

— Ступай за мной,— приказала монахиня.

Сунь У-кун пошел следом за ней, и вскоре они подошли к воротам храма Раскатов грома. Им преградили путь восемь рослых хранителей Будды с алмазными жезлами в руках.

— Жди меня здесь,— сказала монахиня Сунь У-куну,— а я пойду доложу о тебе и скоро вернусь.

Сунь У-куну пришлось остаться за воротами. Между тем монахиня пришла к Будде, сложила руки в молитвенном приветствии и, поклонившись ему, сказала:

— У Сунь У-куна есть какое-то дело, и он хочет повидаться с тобою, Будда Татагата.

Будда велел передать хранителям, чтобы они впустили Сунь У-куна. После этого хранители отошли от ворот, дав дорогу Сунь У-куну.

Сунь У-кун, склонив голову, совершил глубокий поклон перед Буддой. Когда он закончил церемонию приветствия, Будда спросил его:

— Я слышал о том, что досточтимая бодисатва Гуаньинь освободила тебя от кары и ты, последовав закону Будды, дал обет охранять Танского монаха в его паломничестве на Запад за священными книгами. Каким же образом ты очутился сейчас здесь? Расскажи мне, что произошло?

Сунь У-кун опустил голову и стал рассказывать:

— О мой Будда, я расскажу тебе обо всем. Приняв твое учение, я отправился сопровождать Танского монаха, моего наставника, в его странствованиях на Запад. Когда мы дошли до горы Золотой шишак и достигли пещеры Золотой шишак, неожиданно появился главарь демонов по имени великий князь Единорог. При помощи волшебных чар ему удалось утащить моего настав-

ника и сопровождавших его путников к себе в пещеру. Я пытался добром вымолить у него похищенных, но он не внял моим просьбам, и мы вступили с ним в поединок. У чародея есть волшебный обруч; вот этим обручем он и захватил мой железный посох. Я думал, что этот чародей — небесный полководец, спустившийся на грешную землю, и отправился в небесные сферы, чтобы узнать, кто он такой. Обыскали все небо, но чародея нигде не нашли; тогда Нефритовый император в помощь мне отрядил небесного князя Вайсравану с наследным принцем Ночжа. Но злодей снова пустил в ход свой обруч, обезоружил сына небесного князя и завладел всеми шестью видами его оружия. Я упросил правителя звезд Огненной доблести сжечь чудовище небесным огнем, но чудовище справилось с огненными силами тем же обручем. Я стал просить правителя звезд Водной доблести залить его водой, но и это не удалось. Мне пришлось много потрудиться, чтобы выкрасть у него свой посох и захватить обратно все оружие, похищенное им. После этого мы снова вызвали его на бой, но он тем же способом обезоружил нас, и мы не смогли покорить его. Вот почему, мой Будда, я явился к тебе и молю проявить великую милость: сказать, что это за дьявол и откуда он родом. Я отправлюсь и захвачу его сородичей и соседей, а затем изловлю и его самого. Только так я смогу спасти моего наставника и дать ему возможность честно и до конца выполнить свой долг.

Будда внимательно выслушал Сунь У-куна, окинул своим всевидящим оком все дали, хотя знал уже, о ком шла речь.

— Я знаю, о ком ты говоришь,— молвил Будда,— но не могу сказать тебе, кто он, потому что ты очень болтлив и невоздержан, как и все обезьяны. Как только он узнает, что я рассказал о нем, он не станет биться с тобой, а явится сюда, на гору Линшань, и обвинит меня во всем происшедшем. Уж лучше я дам тебе волшебное средство, с помощью которого ты изловишь его.

Сунь У-кун еще раз поклонился Будде и поблагодарил его за помощь, а затем спросил:

— О Будда! Скажи мне, что это за волшебное средство, которое должно помочь мне?!

Вместо ответа Будда велел стоявшим подле него восемнадцати досточтимым архатам немедленно взять из сокровищницы восемнадцать крупинок, входящих в состав пилюль бессмертия. Сунь У-кун спросил:

— А что делать с этими крупинками?

Будда отвечал:

— Ступай к той пещере и вызови чародея на бой. Когда он выйдет, вели архатам кинуть в него эти крупинки. После этого чародей не сможет пошевельнуться и оторвать ног от земли. Вот тогда ты и расправишься с ним, как тебе вздумается.

Сунь У-кун обрадовался и стал со смехом восклицать:

— Великолепно! Отлично! Замечательно! Ну, теперь я поспешу туда!

Архаты не осмелились мешкать и, взяв с собою крупинки пилюль бессмертия, вышли из ворот. Перед отправлением в обратный путь Сунь У-кун еще раз поблагодарил Будду.

Уже находясь в пути, Сунь У-кун заметил, что его сопровождают только шестнадцать архатов. Тогда он стал кричать:

— Что у вас здесь — рынок, на котором людьми торгуют!

— Кто торгует? — удивились архаты.

— Ну как же? Вас ведь было восемнадцать, а теперь только шестнадцать!

Не успел он договорить последних слов, как появились два досточтимых архата: Покоритель драконов и Укротитель тигров.

— Сунь У-кун,— сказали они с укоризной,— почему ты не соблюдаешь приличия? Мы выслушивали последние приказания Будды и потому немного отстали.

— Хитрите! Хитрите! Если бы я не крикнул, вы так бы и не появились здесь.

При этих словах остальные архаты дружно рассмеялись. Затем они все вместе взлетели на благодатное облако и направили его к горе Золотой шишак.

Вскоре показалась и сама гора. Небесный князь Вайсравана первый заметил приближающееся облако и поднял всех, кто был с ним, встречать Сунь У-куна. Он порывался рассказать, что происходило с ними в отсутствие Сунь У-куна, но архаты прервали его.

— Незачем тратить время на разговоры! Ступай скорее и вызови чудовище из пещеры.

Великий Мудрец Сунь У-кун, сжимая кулаки, приблизился к пещере и начал браниться:

— Эй ты, толстобрюхий! Живей вылезай из своей берлоги. Я, Сунь У-кун, твой дед, хочу помериться с тобой силой. Посмотрим, кто из нас на этот раз возьмет верх?

Бесы, охранявшие ворота, побежали доложить своему господину о появлении Сунь У-куна. Чародей разозлился:

— Вот негодяй! Наверное, опять кого-нибудь привел с собой.

Слуги сообщили:

— Он стоит у ворот один. Рядом с ним никого нет.

Тут чародей стал размышлять вслух:

— Странно, как это он пришел один? Ведь его посох у меня. Уж не собирается ли он драться со мною на кулачки?

Захватив волшебный обруч и взяв в руки длинное копье, чародей направился к выходу, приказав своим слугам отвалить камни от ворот. Одним прыжком он выскочил за ворота, и, увидев Сунь У-куна, начал браниться:

— Ты что, разбойник! Сколько раз я бил тебя. Тебе следовало бы скрыться, а ты опять здесь кричишь?

— Негодяй! — отвечал Суиь У-кун.— Что ты поиимаешь! Если хочешь, чтобы я не приходил больше сюда и простил тебя, сейчас же отдай мне моего иаставника и его спутииков, вырази свою покориость и попроси у меия прощеиия.

— Те трое, о которых ты говоришь,— отвечало чудовище,— уже обмыты и скоро их зарежут. Чего же ты здесь путаешься? Убирайся вои!

Суиь У-кун, услышав слово «резать», сразу же подпрыгиул, щеки у иего запылали жаром, ои перестал важиичать и, не помня себя от гнева, стал размахивать кулаками, боком приближаясь к чудовищу и стараясь вцепиться ему в морду. Чудовище пустило в ход свое длинное копье и заслоиилось другой рукою. Суиь У-кун стал прыгать то слева, то справа, дразня дьявола, который пустился вдогонку за ним, все удаляясь от пещеры. Дьявол, видимо, не догадывался о хитром замысле Суиь У-куиа. А Сунь У-кун кликнул архатов, которые бросили в злого дьявола крупиики философского камия. То были замечательиые крупинки. Вы только послушайте, читатель, что произошло:

Горы покрылись глубокою мглою,
Грозный туман навис над землею,
Сонмы крупинок взвивались, роились,
К небу взлетали и долу стремились,
То собирались в тяжелую тучу,
То рассыпались по камеиным кручам,
То устремлялись сплошною лавиной
Вниз по обрывам— в леса и долины.
Птицы небесные сбились с пути,
Странник ие может дороги найти,
И за порог не идет домосед,
Кличет в тревоге соседа сосед,
В мраке ие видно ни зги, ни огня,
Ночь наступила средь ясного дня...
Мчатся крупинки, не зная покоя,
Сеются в воздухе тонкой мукою,
Солнечный свет закрывая собою
Белой стеною — сплошной пеленою.
То эликсира бессмертья частицы!
Может ли вещий полет их сравниться
С прахом, что летней порою клубится,
С пылью, летящей вослед колеснице?
Кто же творец небывалого чуда?
Мудрые старцы, приверженцы Будды,
Только едва овладев талисманом,
Землю и небо застлали туманом,
Свет обратили в печальную тень,
Мраком одели сияющий день,
Бурно призвали и тьму, одержимы
Думой одною и целью единой —
Чарами демона злого опутать,
Снежною сетью обвить и окутать,
Грузом тяжелым к земле придавить,
Чтобы его, наконец, изловить.

Тем временем злой дьявол, которому бесчисленные песчинки засоряли глаза, наклонил голову, и тут же почувствовал, что ноги его увязли в глубоком песке; он так перепугался, что весь вытянулся и подпрыгнул, но не успел стать на землю, как снова увяз. В сильном волнении он стал попеременно вытаскивать то одну, то другую ногу. В тот же момент он достал свой волшебный обруч, подкинул его вверх и скомандовал: «Лови!» Раздался свист, и все восемнадцать крупинок попали в круг. Дьявол уволок крупинки к себе в пещеру.

Архаты с пустыми руками собрались на облаке. Сунь У-кун подошел к ним и спросил:

— Что же это вы, досточтимые праведники и приверженцы Будды, не пустили в ход свой волшебный талисман и не закидали крупинками пилюль бессмертия злого дьявола?

— Мы сделали все, что нужно,— отвечали архаты,— но как только раздался свист, крупинки разом исчезли.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Видно, и на этот раз он уволок их своим обручем.

Тут в разговор вступили небесный князь Вайсравана и остальные небесные полководцы.

— Каким же все-таки способом изловить его? — спросил небесный князь.— Вот уж поистине существо, которое ничто не берет! Когда же мы вернемся на небо? Как сможем смотреть в глаза Нефритовому императору?!

Стоявшие поодаль два архата — Покоритель драконов и Укротитель тигров — обратились к Сунь У-куну:

— Знаешь ли ты, почему мы оба задержались, когда выходили из обители Будды?

— Не знаю,— отвечал Сунь У-кун.— Иначе я не стал бы бранить вас. Почему же вы задержались?

— Будда сказал: «Чудовище обладает огромной волшебной силой и если вы лишитесь крупинок пилюль бессмертия, велите Сунь У-куну направиться к Лао-цзюню, на небо, во дворец Тушита, где не знают, что такое ненависть. Там он найдет следы этого чудовища, и его легко будет изловить».

Выслушав архатов, Сунь У-кун опечалился:

— Какая досада! Какая досада! — повторял он.— Даже Будда одурачил меня. Почему он тогда не сказал мне всю правду об этом? Тогда вам всем не пришлось бы зря совершить столь дальний путь!

Небесный князь Вайсравана прервал его:

— Раз Будда велел поступить именно так, нечего раздумывать. Поспеши лучше в путь.

Сунь У-кун не стал спорить и сразу же одним прыжком очутился на облаке и помчался прямо к Южным воротам неба. В это время у ворот дежурили четыре небесных полководца, которые, сложив руки в приветствии, спросили его:

— Ну что, удалось изловить чудовище?

Сунь У-кун на ходу отвечал им:

— Пока еще нет! Но зато теперь я знаю, где искать на него управу.

Полководцы пропустили Сунь У-куна в небесные ворота. На этот раз он миновал дворец Чудодейственного неба, не заходил в чертог созвездия Ковша и Вола, а проследовал через все тридцать три небесные сферы и очутился перед дворцом Лао-цзюня.

У входа стояли два отрока-привратника, но Сунь У-кун без доклада направился прямо к дверям. Отроки сперва растерялись, но в следующий же момент задержали Сунь У-куна.

— Ты кто такой? Куда идешь? — допытывались они.

Сунь У-кун отвечал им:

— Я — Великий Мудрец, равный небу, Сунь У-кун, спешу по важному делу к почтенному старцу Лао-цзюню. Отойдите прочь!

— Нельзя быть таким невежей! — сказал тогда один из отроков.— Обожди здесь, пока о тебе доложат.

Но разве мог стерпеть подобное обхождение наш храбрый Сунь У-кун? Он грозно прикрикнул на привратников и вошел во дворец. Тут навстречу ему вышел сам Лао-цзюнь, и они столкнулись лицом к лицу.

Сунь У-кун изогнулся в низком поклоне, а затем сказал:

— О почтенный господин мой! Давно не имел чести видеть тебя.

Лао-цзюнь рассмеялся:

— Что же ты, обезьяна, не исполняешь своего долга? Почему не следуешь на Запад за священными книгами. И зачем тебя занесло сюда?

Сунь У-кун отвечал ему так:

Опасными, неведомыми тропами,
Неторными путями сокровенными
За книгами священными спешу.
Мне в книгах тех большое утешение,
Несут они отрадное волнение.
Сними с пути преграду, я прошу!

Лао-цзюнь удивился:

— Какое я имею отношение к преграде, возникшей на пути в западные страны?

На это Сунь У-кун отвечал:

Со странами, буддистам всем известными,
Шутить, поверь, совсем неинтересно мне.
С волшебными чертогами небесными
Я тоже не шучу.
Но чудище торчит непоборимое
Преградой на пути неодолимою.
Где обитает эта тварь незримая?—
Найти ее хочу!

Лао-цзюнь обиделся:

— Что за тварь такая может здесь быть у меня? Разве

тебе неизвестно, что это место является обителью самых праведных отшельников?

Сунь У-кун смело вошел во внутренние покои, шаря своими острыми глазами. Он прошел целую анфиладу комнат и галерей и очутился на заднем дворе. Там он сразу же заметил, что ворота хлева распахнуты настежь, стойло для вола пустует, а отрок, стороживший хлев, сладко дремлет.

Сунь У-кун обратился к Лао-цзюню:

— Вол ушел из хлева, почтенный старец! Видишь, его нет в стойле!

Лао-цзюнь сильно встревожился и стал кричать:

— Эй! Куда девался вол? Когда он исчез?

От крика отрок сразу же очнулся, опустился на колени перед Лао-цзюнем и стал оправдываться:

— О мой отец! Прости меня,— умолял он.— Я нечаянно заснул и не знаю, когда пропал вол!

Лао-цзюнь принялся ругать его.

— Экий ты негодник! Как же ты посмел уснуть?

Отрок начал отбивать земные поклоны и честно признался:

— Я подобрал на полу пилюльку и проглотил ее. После этого меня стало неудержимо клонить ко сну.

— Вот оно что! — произнес Лао-цзюнь.— Это наверное из тех пилюль, которые я семь раз переплавлял в тигле несколько дней тому назад. Помню, помню, одна пилюлька упала на пол и куда-то закатилась. Ее-то ты, негодяй, и съел. А пилюли эти снотворные. Стоит проглотить одну и будешь спать без просыпа семь суток. Стало быть все эти дни вол находился без присмотра. Вот он и воспользовался удобным случаем и удрал на грешную землю. Сегодня как раз седьмой день.

Он сейчас же послал проверить, целы ли все волшебные талисманы и не захватил ли с собой чего-либо сбежавший вол.

— У него нет при себе никаких драгоценностей, кроме волшебного обруча, обладающего великой силой.

Лао-цзюнь поспешно стал проверять все свои сокровища, и оказалось, что не хватает браслета из алмазов.

— Ах ты, негодная скотина! — вскричал Лао-цзюнь,— украл мой алмазный браслет.

— Так вот, оказывается, какой у него талисман,— сказал Сунь У-кун.— С его помощью чародею и удалось одолеть меня. Многое он уволок этим обручем за все то время, пока резвился в низших сферах на грешной земле!

— А где он сейчас находится? — спросил Лао-цзюнь.

— В пещере на горе Золотой шишак,— отвечал Сунь У-кун.— Он уволок к себе моего наставника Танского монаха и мой железный посох с золотыми обручами. Там же находится волшебное оружие наследника небесного князя Вайсраваны, который помогал мне сражаться со злым дьяволом. Кроме того, чародей уволок все огненные доспехи и припасы властителя звезд Огненной

доблести, которого я тоже просил помочь мне. Только правителю звезд Водной доблести удалось сохранить все свое оружие. Я обратился к Будде Татагате за помощью. Он дал восемнадцать крупинок пилюль бессмертия своим архатам, чтобы они засыпали ими чудовище, но эти крупинки тоже были похищены обручем и попали в пещеру. Вот сколько бед причинил этот негодный вол, и если ты, Лао-цзюнь, признаешь себя его хозяином, то придется тебе расплачиваться за его преступления. Знаешь, какую кару ты заслужил?

Лао-цзюнь задумался:

— Этот алмазный браслет помог мне пройти незамеченным через заставу Ханьгугуань,— проговорил он,— я с малых лет трудился над его изготовлением. Его не берет никакое оружие, ни огонь, ни вода. Хорошо, что он не украл мой волшебный веер из высушенного листа банана. Тогда и я не смог бы справиться с этой скотиной.

Тут Великий Мудрец Сунь У-кун возрадовался и последовал за Лао-цзюнем. Лао-цзюнь взял свой волшебный веер и, встав на благодатное облако, отправился в дальний путь вместе с Сунь У-куном. Обитель праведных небожителей осталась позади.

Миновав Южные ворота неба, они направили облако вниз и достигли горы Золотой шишак. На одном из ее склонов они увидели восемнадцать праведных архатов, повелителей Грома и Молний, повелителей звезд Огненной и Водной доблести и небесного князя Вайсравану с наследным принцем, которые стали рассказывать обо всем, что произошло и что вам, читатель, уже известно. Затем Лао-цзюнь обратился к Сунь У-куну:

— Ну, Сунь У-кун! Сходи-ка еще раз и вызови эту скотину из пещеры, чтобы я мог увести ее к себе.

Сунь У-кун спрыгнул с вершины пика вниз и, очутившись прямо у пещеры, начал громко кричать и ругаться:

— Эй ты, толстобрюхая скотина! Живей выходи, сейчас я расправлюсь с тобой!

Привратники снова кинулись с докладом к своему повелителю. Злой дьявол заворчал:

— Этот разбойник опять кого-то привел с собой.

Поспешно схватив свое длинное копье и волшебный обруч, он вышел из ворот.

Сунь У-кун стал осыпать его руганью:

— Дьявол ты этакий! Ну, уж на этот раз тебе несдобровать, настал твой смертный час! Стой, ни с места!

С этими словами Сунь У-кун стремглав подскочил к чудовищу, изо всей силы закатил ему звонкую оплеуху, а затем быстро отскочил и бросился бежать. Вращая свое копье, дьявол кинулся вдогонку, но вдруг услышал знакомый властный голос, прозвучавший с вершины горы:

— Вол! Почему ты не возвращаешься в свое стойло? Долго я буду ждать тебя?

Подняв голову, дьявол увидел своего повелителя Лао-цзюня и, дрожа всем телом от страха и ужаса, стал бормотать:

— Эта вороватая обезьяна хитрее всех на свете! Как это ей удалось найти моего повелителя и привести его сюда?!

Лао-цзюнь тем временем прочел какое-то заклинание и взмахнул своим волшебным веером. Чудовище сразу же выронило волшебный обруч и застыло на месте. Лао-цзюнь спустился, взял его за загривок, махнул своим веером, и чудовище сразу же приняло свой настоящий вид, превратившись в черного вола.

Затем Лао-цзюнь взял обруч, дунул на него, и обруч превратился в кольцо. Лао-цзюнь продел кольцо в ноздри волу, снял с себя пояс, привязал его одним концом к кольцу, другой конец взял в руки и повел вола за собой.

С той поры волам стали продевать кольца в ноздри, а сами кольца получили название гость-молодчик.

Лао-цзюнь распрощался с небесными духами, оседлал черного вола и, подстегнув его, мигом очутился на облаке и вернулся в свою обитель. Он привязал вола в стойле и вознесся в свои чертоги в небесной сфере, где не ведают ни печали, ни ненависти.

Наконец-то Великий Мудрец Сунь У-кун вместе с небесным князем Вайсраваной и остальными небесными воинами проникли в пещеру, перебили всех оставшихся там бесенят,— их было больше сотни,— а затем каждый взял похищенное у него чародеем оружие. После этого Сунь У-кун поблагодарил всех, и небесный князь со своим сыном возвратились на небо, повелители Грома и Молний вернулись в свои владения, повелитель звезд Огненной доблести отправился на свое созвездие, повелитель звезд Водной доблести вернулся в Желтую реку, а праведные архаты отправились на Запад.

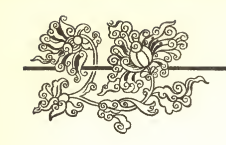
Когда все удалились, Сунь У-кун вошел в пещеру, освободил Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна и достал свой железный посох. Трое освобожденных стали благодарить Сунь У-куна, а затем привели в порядок коня, собрали всю свою поклажу и покинули пещеру. Вскоре они вышли на большую дорогу и двинулись дальше на Запад. Не успели они пройти и нескольких шагов, как услышали громкие крики.

— О Танский монах! Отведай скромную трапезу, приготовленную для тебя!

У Танского монаха сердце замерло от страха.

Вам, читатель, конечно, неизвестно, кто звал Танского монаха. Если вы хотите об этом узнать, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ,

повествующая о том, как Танский монах, выпив воды, зачал и как затем ему удалось избавиться от дьявольского плода

Восемьсот добрых дел должеи ты совершить
И трн тысячи тайных заслуг иакопить,
Злого иедруга должеи, как друга, любить,
Что желаешь себе — должеи ближиим творить,—
Лишь тогда ты исполиишь священиую волю
Будды, в Западиом иебе живущего,
Лишь тогда ты позиаешь блажеииую долю
Человека, законы блюдущего.
Как ни билось чудовище, полиое сил,
Защищаясь коварством огия и воды,
Зря пропали безумства его и труды:
Лао-цзюнь всемогущий его покорил
И, подобиый орлу, в иебеса воспарил;
За собой, хохоча, от звезды до звезды
Ои вола упирающегося тащил.

Итак, мы остановились на том, что Танского монаха кто-то позвал. Оказалось, что это были духи: дух, почитаемый в этих краях, и дух — властитель горы Золотой шишак. Каждый из них держал в руках монашескую чашу для подаяний, сделанную из червонного золота.

— Святой отец! — кричали они.— Еду в этих чашах вымолил у добрых людей Великий Мудрец Сунь У-кун. Вы не послушались его чистосердечного совета, вот и попались в лапы злому чудовищу. Сколько хлопот вы доставили Великому Мудрецу?! Сколько горя и мучений он перенес! Но хорошо, что не напрасно: теперь он вас всех выручил из беды. Идите же сюда и закусите, а потом пойдете своей дорогой. Не отказывайтесь, так как этим

вы обидите Сунь У-куна, который искренне и из почтения к вам собирал это подаяние!

Танский монах обернулся к Сунь У-куну и с чувством произнес:

— Я в неоплатном долгу перед тобой, ученик мой! Нет слов, чтобы выразить тебе мою благодарность. Знал бы я раньше про козни чудовища, не попал бы в такую беду!

— Скажу тебе, ничего не скрывая, наставник мой,— с жаром отвечал Сунь У-кун.— Лишь потому что ты не поверил мне, ты угодил в расставленную для тебя ловушку. Жаль, что столько страданий пришлось понапрасну пережить из-за этого! Очень жаль!

Тут в разговор вмешался Чжу Ба-цзе:

— О какой это ловушке вы говорите?

Сунь У-кун сразу же накинулся на него:

— Во всем виноват ты, негодяй, косноязычная тварь этакая! Из-за тебя нашему наставнику пришлось перетерпеть столько бед! А мне сколько было хлопот. Какую кутерьму я устроил! Поднял на ноги всех небесных полководцев, выпросил небесное войско, силы водной и огненной стихии, даже волшебные крупицы для пилюль бессмертия Будды. Но злое чудовище, пустив в ход свой волшебный обруч, уволокло к себе в пещеру и воинов и оружие. Будда тайно повелел своим праведникам архатам раскрыть мне тайну происхождения этого злого дьявола. После этого я обратился к Лао-цзюню, который укротил чудовище, оказавшееся черным волом.

Танский монах, внимательно слушавший Сунь У-куна, растроганно произнес:

— О просвещенный ученик мой! Все случившееся да послужит мне хорошим уроком. Обещаю впредь во всем слушаться тебя!

Вслед за тем все четверо разделили еду между собой и принялись есть. Еда была очень горяча и от нее валил густой пар. Сунь У-кун удивился:

— Почему еда не остыла, ведь она так долго стояла на холоде?

Дух местности при этих словах опустился на колени и признался:

— Это я узнал, что ты, Великий Мудрец, завершил свой подвиг, и разогрел пищу.

Путники быстро поели, убрали чашки и распрощались с духом местности и горным духом.

Танский монах сам взобрался на белого коня, уселся в седло и перевалил через высокую гору.

Вот уж поистине, избавившись от волнений и забот, они спали и ели под открытым небом, всеми силами стремясь на Запад.

Так шли они довольно долго и однажды почувствовали, что в воздухе запахло весной.

Как сладок щебет ласточки
И крик веселой иволги!
Жилье свое у притолоки
Из глины лепит ласточка,
Держась за ветку лапочкой
Гнездо свивает иволга...
Земля ростками нежными
Как бы парчою убрана,
И горы изумрудные
Стоят стогами свежими;
Сулят плоды несметные
В ветвях тугие завязи,
Чернеясь, словно записи,
На свитке неба бледного;
И облако беспечное
Руном своим касается
Вершины дуба вечного,
В листву его вплетается...
Под дымкой серебристою,
Таясь от солнца знойного,
Лежат луга цветистые
И пастбища привольные,
А кипарисы стройные
Над ними гордо высятся...

Путники двигались все дальше и дальше:

Но вдруг перебежала им
Дорогу речка малая,
Как свет небесный чистая,
Как ящерица быстрая.

Танский монах придержал коня и, осмотревшись вокруг, заметил на другом берегу несколько лачуг, выглядывавших из густой зелени ив.

Указывая на лачуги, Сунь У-кун сказал:

— Там, наверно, живет перевозчик.

— Пожалуй, ты прав,— отвечал Танский монах,— но нигде не видно лодки, вот почему я и не осмелился высказать такое предположение.

Чжу Ба-цзе снял с себя ношу и, обернувшись лицом к далекому селению, закричал изо всех сил:

— Эй, перевозчик! Подай сюда лодку!

После того как он прокричал несколько раз подряд, из густых ив, скрипя, выплыло судно. Оно быстро приближалось к берегу, и наши путники рассмотрели его:

Быстро волны рассекает шест короткий,
Весла гладкие скользят по гребням пенным —
Хороша раскрашенная лодка,
Яркая, что камень драгоценный!
Рулевой на ней, как видно, зоркий,
В трудном ремесле своем умелый,
Сидя в расписной своей каморке,
Лодку он ведет рукою смелой.
Пусть не ждут ее пути морские,
Пусть ее дорога меньше, уже,

Кораблей больших она не хуже,
И, как им, ей не страшны стихии.
С грозными, кипящими волнами,
С шалостями северного ветра
Справиться она всегда сумеет
Легкою оснасткою своею,
Прочными сосновыми шестами,
Веслами из розового кедра.
Но сейчас тот путь, что ей положен,
Рулевому не стяжает славы!
Этот путь нетруден и несложен,
Он лежит у древней переправы,
И любого, кто о том попросит,
Лодка на тот берег перевозит.

Лодка вскоре пристала к берегу, и лодочник крикнул:

— Кому надо переправляться? Пожалуйте сюда!

Танский монах подъехал на коне поближе, чтобы посмотреть, каков из себя лодочник.

Мягким бархатным платком повязан,
Поясом лоскутным подпоясан,
В туфли шелка черного обут;
Ватные штаны на нем в заплатах,
Латанные полы у халата,
Видно по рукам, что небогат он,
Жесткие ладони знают труд;
Сам он смуглолицый, седобровый,
Тусклые глаза глядят сурово,
Рот поджатый, узкий, словно щель,
Но зато, когда промолвит слово,—
Голос зазвучит, как птичья трель
Или серебристая свирель.

— Ты перевозишь? — спросил Сунь У-кун, подойдя к лодке.

— Да,— отвечала женщина.

— А где же сам хозяин? Почему он послал тебя?

Женщина усмехнулась, но ничего не ответила. Сильными руками она перекинула сходни на берег. Первым на лодку взобрался Ша-сэн, который внес на палубу всю поклажу, за ним поднялся Танский монах, поддерживаемый под руку Сунь У-куном. Великий Мудрец, вспрыгнув на палубу, тотчас же прошелся по ней. Последним поднялся Чжу Ба-цзе, который вел за собой белого коня. Он убрал сходни, а женщина оттолкнула лодку шестом и взялась за весла. Вскоре они пристали к другому берегу.

Путники сошли с лодки. Танский монах велел Ша-сэну развязать узел, достать металлических и бумажных денег и отдать перевозчице. Женщина взяла деньги, даже не поинтересовавшись, сколько ей заплатили, и привязала лодку к колу, вбитому на берегу. Затем, посмеиваясь, она направилась к селению.

Плененный удивительной прозрачностью и чистотой речной воды, Танский монах вдруг почувствовал жажду и крикнул:

— Чжу Ба-цзе, возьми чашку для подаяний и зачерпни воды. Я хочу пить.

— Мне тоже вдруг захотелось пить,— отвечал Дурень.

Он достал чашку и, зачерпнув до краев, протянул своему наставнику. Тот выпил почти половину и вернул чашку Чжу Ба-цзе. Дурень одним духом осушил ее до дна, а затем помог наставнику взобраться на коня.

Путники выбрались на дорогу, ведущую на Запад, и двинулись дальше. Не прошло и половины срока отбывания караульной стражи, как Танский монах вдруг почувствовал в животе сильные рези и громко застонал:

— Ох! живот болит!

Чжу Ба-цзе тоже стал охать:

— И у меня болит.

— Это у вас от холодной воды,— высказал предположение Ша-сэн. Не успел он договорить, как наставник начал кричать еще громче:

— Ой, как схватило! — вопил он.

Чжу Ба-цзе тоже страдал от нестерпимой боли. Между тем животы их на глазах раздувались, и, когда они мяли их, им казалось, что внутри перекатывается какой-то комок.

Танскому монаху стало совсем худо, но как раз в этот момент неподалеку от дороги они заметили небольшое селение и дерево, к вершине которого были привязаны два снопа соломы. Это означало, что в селении есть кабачок.

Тут Сунь У-кун обратился к Танскому монаху:

— Наставник!— сказал он,— нам повезло! Там есть кабачок. Сейчас мы добежим до него и попросим горячего отвара для вас, да заодно разузнаем, есть ли здесь лекарь, и возьмем у него лекарство.

Танский монах приободрился, подстегнул коня и быстро доехал до кабачка, где спешился. Он хотел было войти в помещение, но в дверях увидел пожилую женщину, которая сидела на куче сена и сучила пеньку.

Сунь У-кун подошел, поздоровался с ней и сказал:

— Мы, бедные монахи, идем из восточного государства Тан. Наш наставник, благочестивый Танский монах, названый брат самого императора. Переправляясь через речку, он выпил из нее воды и теперь у него начались сильные рези в животе.

Женщина почему-то рассмеялась и спросила:

— Из какой же это речки вы пили воду?

— Из той, что к востоку отсюда; вода в ней чистая, прозрачная.

Женщина засмеялась еще громче и проговорила сквозь смех:

— Вот потеха! Ну и потеха! Входите, я сейчас все вам расскажу.

Сунь У-кун подхватил под руку Танского монаха, а Ша-сэн поддержал Чжу Ба-цзе. Оба они с позеленевшими и перекошенными от боли лицами, хватаясь за живот и охая, вошли в убогий кабачок и уселись.

Сунь У-кун взмолился:

— Тетушка! Ты бы хоть сварила немного отвару моему наставнику. Мы отблагодарим тебя за это.

Но женщина и не подумала приготовлять отвар. Продолжая смеяться, она побежала на задний двор и крикнула:

— Идите сюда, взгляните, что здесь такое!

Громко топая ногами, вошли три женщины, на вид не очень пожилые, которые, увидев Танского монаха, сразу же стали смеяться. Сунь У-кун обозлился, гаркнул на них и так заскрежетал зубами, что те кинулись бежать, сбивая друг друга с ног. Сунь У-кун бросился вперед и задержал старуху, ту самую, которая сидела у дверей.

— Сейчас же готовь отвар,— приказал он,— не то я расправлюсь с тобой.

Женщина затряслась от страха и стала говорить:

— Господин хороший! Отвар не поможет. Отпусти меня, и я все тебе скажу.

Сунь У-кун отпустил женщину, и она начала рассказывать:

— У нас здесь страна женщин. Называется она женское царство Силян. Живут здесь только женщины, мужчин совсем нет. Вот почему мы так рады видеть вас. Не надо было вашему наставнику пить воду из реки. Ведь река эта называется рекой Матери и младенца. За столичным городом нашей страны есть почтовая станция, которую называют Встреча с мужским началом. За воротами станции бьет родник, который называется Родник, отражающий утробу. Обитательницам нашего царства, когда они достигнут двадцати лет, позволяется пить воду из реки Матери и младенца. После этого у них сразу же начинает болеть и пухнуть живот. Через три дня они отправляются к роднику и смотрят на свое отражение в воде. Если появляется двойная тень, значит, у них скоро будет ребенок. Ваш наставник попил воды из реки Матери и младенца, стало быть, и у него появился в животе зародыш. На днях ему придется рожать. Посудите сами, разве от этого горячий отвар поможет?

Танский монах, слышавший все, что сказала женщина, страшно испугался и, изменившись в лице, спросил:

— Братья мои! Что же делать, если это на самом деле так?

А Чжу Ба-цзе, корчась от боли, со стоном проговорил:

— О небо! Как же это будет! Откуда плод выйдет? Ведь мы мужчины!

Сунь У-кун, смеясь, сказал:

— Еще в старину люди говорили: «Когда тыква поспевает, она сама от стебля отваливается!» Настанет время, и где-нибудь меж ребер у вас образуется отверстие, и плод вылезет наружу.

Чжу Ба-цзе стал трястись от страха и поднял неистовый крик от сильного приступа:

— Конец, конец пришел! Умираю, ох, умираю!

Ша-сэн не мог удержаться от смеха и воскликнул:

— Братец мой! Перестань вертеться! А то повредишь себе что-нибудь, и роды будут неправильные. Чего доброго, наживешь себе послеродовую горячку.

Чжу Ба-цзе поверил и еще больше перепугался. Из глаз у него полились слезы, и он, вцепившись в Сунь У-куна, взмолился:

— Братец! Спроси эту бабу, не знает ли она повитух, сноровистых, с легкой рукою. Пусть приведет сюда. Уж очень сильно внутри бьется, да все приступами: это схватки. Должно быть, скоро буду рожать.

Ша-сэн опять засмеялся:

— Братец мой! Раз у тебя схватки, не ерзай, не то повредишь оболочку.

Танский монах громко застонал и обратился к женщине:

— Родная ты моя! Не найдется ли у тебя поблизости врачевательницы. Может, у нее есть снадобье, изгоняющее плод? Я пошлю своих учеников, чтобы они купили. Надо ведь что-нибудь делать.

— Ничего не поможет,— отвечала женщина,— никакое снадобье. Но вот что я вам посоветую. К югу отсюда, если идти по этой улице, будет гора, которая называется Освобождение от мужского начала. В ней есть пещера Гибель младенцев. Когда войдете в нее, увидите родник, Избавляющий от зачатия. Достаточно сделать один глоток, и вы избавитесь от плода. Но сейчас эту воду не так просто достать. В пещере вот уже несколько лет как поселился какой-то праведник, которого величают Истинным отшельником, исполнителем желаний. Пещеру, в которой он живет, называют Скит собора отшельников. Этот отшельник сторожит родник и даром воды не дает. Тот, кому понадобится эта вода, должен дать денег столько, сколько понадобилось бы на устройство свадьбы. Кроме того, отшельника надо угостить бараниной, вином и разными фруктами. Когда все это будет почтительно поднесено ему, он разрешит взять чашечку воды из родника. Но вам, странствующим монахам, это не по карману. Придется вам терпеть и родить младенцев, когда настанет время.

Однако Сунь У-куна рассказ старухи обрадовал, и он спросил ее.

— Тетушка! Далеко ли отсюда до той горы?

— Три тысячи ли,— отвечала женщина.

— Вот и отлично!— воскликнул Сунь У-кун.— Учитель! Теперь вам не о чем беспокоиться. Ждите меня здесь, а я живо доставлю вам воды из этого родника.

Обратившись к Ша-сэну, он добавил:

— А ты, братец, внимательно ухаживай за учителем. Если кто-либо из здешних обитательниц посмеет неучтиво отнестись к нему, пусти в ход прежнее твое средство: изобрази из себя тигра и напугай их как следует.

Ша-сэн пообещал исполнить все в точности.

В этот момент женщина протянула Сунь У-куну большую глиняную патру и сказала:

— Отправляйся с этой патрой. Наберешь побольше родниковой воды, чтобы и нам осталось на всякий случай.

Сунь У-кун взял патру, вышел из кабачка и, вспрыгнув на облако, умчался.

Женщина, увидев это чудо, поклонилась вслед улетающему Сунь У-куну и воскликнула:

— О небо! Этот монах умеет летать на облаках!

Затем она вошла в кабачок и позвала насмерть перепуганных женщин. Они все вместе опустились на колени перед Танским монахом, стали отбивать земные поклоны и величали его праведником и верным приверженцем Будды.

О том, как они приготовили пищу и угощали Танского монаха и его спутников, мы рассказывать не будем.

Между тем Великий Мудрец Сунь У-кун поднялся ввысь на облаке и вскоре увидел вершину горы. Он зацепился за нее краем облака и стал осматриваться вокруг. Гора была поистине удивительной красоты.

Вот послушайте:

Цветов небывалых на ней распростерся покров,
Душистые травы ее пеленой устилали,
Ручьи и потоки со склонов проворно сбегали,
В себе отражая торжественный строй облаков.
В ущельях и долах сплошною стеною вставали
Свиваясь, сплетаясь, упругие стебли лиан,
И пестрые птицы на все голоса распевали,
И слышались крики снующих в ветвях обезьян.
Над самой главой ее стаи гусей пролетали,
Скрывались под сизою дымкой холмистые дали,
Спешили олени пугливые на водопой,
Раскрытыми ширмами горные кряжи стояли,
И по ветру легкие пряди свои развевали
Плакучие ивы, собравшись безмолвной толпой...
На гору подняться неопытный сможет едва ли —
Лишь сердцем отважный подъем одолеет крутой.
Немногие гордой вершины ее достигали,
Гранитных и гладких откосов касались ногой.
Водой родниковой до блеска отточенный камень
Красой своей радует взор, словно вспыхнувший пламень.
Здесь отрока-служку увидишь ты ранней порой,
Он бродит по рощам, шумящим листвою кудрявой,
Сбирает отшельникам мудрым целебные травы
На солнечном склоне и в спящей ложбине сырой.
Здесь вечером встретишь, идущего горной тропой,
С вязанкой большой на спине, старика лесоруба;
Он хворост сухой вместе с сучьями свежими дуба
Несет к очагу своему, возвращаясь домой.
Когда же с отвесной вершины ты глянешь окрест —
Во всю ширину и во всю глубину окаема —
Поймешь ты тогда, что ни в странствиях дальних, ни дома,—
Нигде ты не встретишь столь душу чарующих мест.

Великий Мудрец залюбовался прекрасным видом и вдруг заметил небольшую усадьбу на северном склоне горы. До его слуха донесся собачий лай. Сунь У-кун спустился с горы и направился к усадьбе. Чем ближе он подходил к ней, тем больше восхищался красотой пейзажа.

Представь себе, читатель, этот вид:
Лачуги робко прилепились к скалам,
Ручей в овраге плещет и журчит,
Горбатый мостик над ручьем стоит,
Бредет с полей тихонько люд усталый,
Лохматые собаки за плетнем
Уныло лают, охраняя дом...

Вскоре Сунь У-кун подошел к воротам усадьбы и тут, у самого входа, увидел старца, который сидел на круглой циновке, поджав под себя ноги. Великий Мудрец поставил патру наземь, подошел поближе и вежливо поздоровался. Старец учтиво ответил ему на поклон и спросил:

— Откуда изволили прибыть и по какому делу пожаловали?

— Я — бедный монах,— отвечал Сунь У-кун,— сопровождаю Танского монаха — посланца великого Танского императора, повелителя восточных земель. Этот монах направляется на Запад за священными книгами. И вот сейчас он, по неведению своему, выпил воды из реки Матери и младенца и почувствовал сильную боль в животе. Живот у него вздулся. Местные жители говорят, что в скором времени ему придется рожать и что никакое снадобье не поможет. Однако я узнал, что есть гора, которая называется Освобождение от мужского начала, в горе этой пещера Гибель младенцев, а в пещере — родник, Избавляющий от плода. Вот почему я и явился на эту гору. Мне бы очень хотелось повидаться с хозяином пещеры Истинным отшельником — исполнителем желаний и попросить у него немного водицы из этого родника, чтобы спасти от беды моего наставника. Очень прошу тебя, почтенный старец, указать мне, куда идти.

Старик рассмеялся и сказал:

— Пещера, которую ты ищешь, здесь как раз и находится, только теперь она называется по-другому: «Скит собора отшельников». А я не кто иной как старший ученик и последователь Истинного отшельника — исполнителя желаний. А тебя как звать? Скажи мне, чтобы я мог как следует доложить о твоем прибытии.

Сунь У-кун с важностью отвечал:

— Я старший ученик и последователь моего духовного наставника Танского монаха по прозванию Трипитака. Зовут меня Сунь У-кун.

— Ну, а где твои дары, вино и яства?— спросил старец.

— Я — странствующий монах,— отвечал Сунь У-кун,— откуда же у меня деньги, чтобы подносить подарки?

Старик рассмеялся:

— Я вижу, ты совсем глуп! Мой учитель охраняет воды родника и никому не раздает их даром. Возвращайся скорей и раздобудь дары, тогда я доложу о тебе моему покровителю. Если же не можешь, ступай обратно и забудь думать о водице.

Но Сунь У-кун решительно воспротивился:

— Человеческие чувства сильнее высочайшего указа. Ступай к своему господину и назови ему мое имя. Я уверен, что он благороден и предоставит мне весь родник.

Привратнику ничего не оставалось, как отправиться с докладом.

А Истинный отшельник в это время как раз играл на лютне. Привратник подождал, пока он закончит, после чего подошел к нему и сказал:

— Наставник! Там у ворот стоит какой-то монах, он называет себя последователем и учеником Танского монаха Сюань-цзана и говорит, что зовут его Сунь У-куном. Он хочет просить у тебя воды из родника для своего учителя.

Отшельник вначале слушал его равнодушно, но когда услыхал имя Сунь У-куна, так сразу же вскипел гневом и злобой. Порывисто вскочив, он положил лютню, снял с себя простую одежду, облачился в рясу, взял свой чудесный крючок, при помощи которого мог исполнить любое желание, и вышел из ворот скита.

— Где здесь Сунь У-кун? — прозвучал его громкий голос.

Сунь У-кун обернулся и увидел отшельника.

Шапка в блистающих звездах переливалась на нем,
Так она дивно сверкала, словно горела огнем.
Был он в пурпурной рясе, из-под которой видны
Были туфли узорные и бархатные штаны.
Пояс из самоцветов радугой играл,
Жаркой полосою стан его обвивал.
Крепко в руке держал он свой волшебный крючок,
Чье острие шевелилось, как пламени язычок.
Из-под бровей косматых прямо смотрел в упор,
Точно у феникса-птицы, яркий и ясный взор.
Цвет его уст спелый напоминал гранат,
Зубов его острых, белых виден был ровный ряд.
Медью и бронзой сияла рыжая борода,
Словно с лица стекала огненная вода...
Весь он, от звездной шапки до туфель из алой парчи,
Казался пронизан светом, словно костер в ночи.
Он полководца Вэня напоминал собой,
С виду такой же свирепый, только в одежде иной.

Сунь У-кун сложил руки, поклонился отшельнику и смиренно произнес:

— Я — бедный монах и зовут меня Сунь У-кун.

Отшельник рассмеялся и спросил:

— Скажи по совести, ты настоящий Сунь У-кун или только прикрываешься его именем?

Сунь У-кун обиделся.

— Учитель,— проговорил он,— зачем ты так говоришь? Ты ведь знаешь изречение: «Достойный муж никогда не меняет ни имени, ни фамилии». Как это я, Сунь У-кун, стану выдавать себя за Сунь У-куна?

— А ты меня знаешь?— спросил отшельник.

— С того времени, как я вступил на путь Истины,— отвечал Сунь У-кун,— принял закон Будды и пустился в дальний путь, я отдалился от своих старых друзей. Но тебя я совсем не знаю. Лишь недавно я услыхал от жителей селения, расположенного западнее реки Матери и младенца, что зовут тебя Истинным отшельником — исполнителем желаний.

— У каждого из нас свой путь,— отвечал отшельник,— я посвятил свою жизнь познанию Истины.— Чего же ради ты явился ко мне?

— Я явился к тебе только потому,— молвил Сунь У-кун,— что мой наставник по неведению выпил воды из реки Матери и младенца, после чего в животе у него начались боли и завязался плод. Мне нужно получить у тебя всего лишь чашку родниковой воды, чтобы избавить моего наставника от беды.

Отшельник нахмурился и спросил:

— Верно ли, что твой учитель — Танский монах Сюань-цзан?

— Истинная правда,— отвечал Сунь У-кун.

Тут отшельник заскрежетал зубами и с яростью произнес:

— Не ты ли вместе с твоим учителем как-то повстречался с великим князем по прозванию Мудрый младенец?

— Да, верно,— отвечал Сунь У-кун,— это прозвище Красного младенца из пещеры Огненных облаков, что у горного потока Высохшей сосны на горе Воплей. А почему ты спрашиваешь о нем?

— Он — мой племянник,— сказал отшельник.— Я ведь прихожусь родным братом князю с головой быка — Ню Мо-вану. Недавно мне передали весть о том, что некий злой обидчик Сунь У-кун, последователь и старший ученик Танского монаха, погубил моего племянника. Я не знал, где мне найти тебя и отомстить за него. Но вот ты сам ко мне явился, да еще требуешь воды!

— Вы заблуждаетесь,— проговорил Сунь У-кун сквозь смех, а затем перешел на фамильярный тон.— Мы с твоим почтенным братом большие друзья. Мало того, в дни моей юности я побратался с ним и признал его своим седьмым братом. Ты прости, что я ни разу не засвидетельствовал тебе своего почтения. Я просто не знал, где ты живешь. Могу тебя обрадовать: твой уважаемый племянник ныне находится в услужении у бодисатвы Гуаньинь и получил прозвище Шаньцай. Нам теперь не дотянуться до него, так в чем же ты меня обвиняешь?

— Замолчи, негодная обезьяна!— крикнул отшельник.— Ты еще зубы мне заговариваешь своими хитрыми речами! Что, по-твоему, лучше: быть на положении раба в чьем-то услужении

или быть князем в своих владениях? Негодяй ты! Вот я сейчас хвачу тебя своим крючком!

Но Великий Мудрец Сунь У-кун отразил удар своим посохом и продолжал примирительным тоном:

— Учитель! Зачем затевать драку? Дай мне набрать родниковой воды, и мы разойдемся подобру-поздорову.

— Вот еще чего захотел! Я тебе так всыплю, что своих не узнаешь! Выходи! Если устоишь против меня в трех схватках, то, так и быть, получишь воды. А нет, так я тебя всего изрублю на мелкие кусочки и хоть этим отомщу за своего племянника.

Тут Сунь У-кун вышел из себя и, ругая отшельника последними словами, крикнул:

— Ну, держись, негодяй, сейчас я с тобой разделаюсь, костей не соберешь. Гляди, какой у меня посох!

Отшельник замахнулся своим волшебным крючком, послушным всем его желаниям, и вот у Скита собора отшельников разгорелся бой. Что это был за бой!

Праведный Танский монах испил по ошибке воды,
От коей в утробе его завязался бесовский плод.
Страшный зародыш во чреве его растет,
Как же избавиться праведнику от беды?
Спутнику своему помочь Сунь У-кун решил:
К отшельнику за советом доверчиво он пошел,
Не зная, что тот отшельник оборотнем был:
Целебную воду он ревниво от всех хранил,
Чтоб страждущий никогда к ней доступа не нашел.
Если вначале учтиво повел Сунь У-кун разговор,
То вскоре он понял, какой пред ним собеседник стоял,
Гнев на волшебника злого тогда Сунь У-куна объял —
Оба противника тотчас вступили в жестокий спор:
Один за наставника жаждой отмщенья пылал,
Другой за племянника тут же врага проучить хотел.
Каждый из них был властен, телом силен и смел,
Каждый из них в сраженьях одни лишь победы знал.
Оборотень-отшельник не выпускал из рук
Свой, скорпиону подобный, остро отточенный крюк,
Но Сунь У-кун, железной палицей вооружен,
Грозным видом отшельника не был ничуть устрашен,
И, размахнувшись, с силой удар он нанес ему вдруг.
Тут борьба разыгралась невиданная доселъ,
Встретились в поединке быстрый посох и крюк!
Крюк в руке чародея сделал стремительный круг,
Как ядовитая гадина, жалит и жалит вновь,
Палица безотказная бьет, попадая в цель,
С каждым ее ударом враг проливает кровь.
Жизни своей решили противники не жалеть,
Жизни чужой решили противники не щадить.
Оборотень тщится недруга победить,
Царь обезьян старается недруга одолеть.

Противники схватывались уже раз двадцать, и отшельник, наконец, почувствовал, что ему не одолеть Сунь У-куна. Тут наш Великий Мудрец еще больше распалился и стал еще ожесточеннее бить отшельника посохом. Удары сыпались градом. Нако-

нец отшельник обессилел и, волоча за собою волшебный крючок, бросился бежать.

Сунь У-кун не стал его преследовать, а устремился в пещеру, чтобы добыть чудодейственной воды. Однако оказалось, что вход в пещеру наглухо закрыт. Великий Мудрец не растерялся: держа в руках патру, он напряг все силы, ударом ноги вышиб дверь и вошел внутрь пещеры. Каково же было его изумление, когда он увидел отшельника, притаившегося за решеткой у самого родника. Сунь У-кун окликнул его и замахнулся посохом, но отшельник успел отскочить и скрылся в глубине пещеры. Сунь У-кун нашел бадью и собрался было спустить ее вниз, чтобы зачерпнуть воды, но в этот миг перед ним опять появился отшельник, который взмахнул своим крючком, зацепил Сунь У-куна за ногу и бросил его наземь. Сунь У-кун ушиб челюсть, однако, превозмогая боль, приподнялся с земли и нацелился в отшельника посохом, но промахнулся. Тот успел отскочить в сторону и, потрясая своим крючком, воскликнул:

— Посмотрим, удастся ли тебе зачерпнуть воды!

— Подойди, подойди,— крикнул Сунь У-кун.— Я тебя, негодяя, забью до смерти!

Но отшельник и не думал подходить, он только старался всячески помешать Сунь У-куну набрать воды из родника. Великий Мудрец, не сводя глаз с противника, держал посох наготове, а свободной правой рукой пытался спустить бадью вниз. Отшельник уже в который раз пускал в ход свой крючок. Сунь У-кун увидел, что одной рукой ему не справиться. Отшельник ловким ударом крючка опять зацепил его за ногу и протащил по земле, причем бадья и веревка сорвались с ворота и упали в родник.

Поднимаясь с земли, Сунь У-кун стал еще больше браниться:

— Вот негодяй! Мерзавец!

Вращая посох обеими руками, он стал наносить удары куда попало. Но отшельник успел скрыться и не показывался. Сунь У-кун опять собрался было доставать воду, но бадья уже утонула, и он не знал, как быть. К тому же он опасался, что отшельник опять появится и начнет ловить его своим крючком.

— Придется сходить за подмогой,— решил Сунь У-кун.

Он выбежал из пещеры и вскочил на облако, которое быстро доставило его к околице того селения, где остался Танский монах с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном.

— Ша-сэн!— громко позвал Сунь У-кун.

Между тем Танский монах стонал от нестерпимой боли, Чжу Ба-цзе тоже мучился. Услышав голос Сунь У-куна, они обрадовались.

— Ша-сэн! Ша-сэн! Выходи скорей! Сунь У-кун вернулся!— кричали они.

Ша-сэн поспешно побежал к околице навстречу Сунь У-куну.

— Ну как, братец? Достал чудодейственной воды?

Сунь У-кун, не отвечая ему, пошел к Танскому монаху и рассказал ему все, что было. Танский монах выслушал, и слезы потекли у него из глаз.

— Братья мои! — проговорил он сквозь слезы,— что же будет?

— Я решил взять с собой Ша-сэна,— сказал Сунь У-кун.— Пока я буду драться с этим негодяем, Ша-сэн сможет набрать воды и доставить ее сюда.

— Если вы покинете нас, больных,— проговорил Танский монах,— кто будет ухаживать за нами, кто защитит нас?

Хозяйка, находившаяся тут же, сказала:

— Почтенный архат, праведный последователь Будды! Ты не беспокойся. Тебе твои ученики не понадобятся: я позабочусь о вас обоих. Как только ты появился у нас, мы сразу же прониклись чувством любви к тебе. А когда увидели, что твой ученик обладает способностью летать на облаках, поняли, что ты настоящий бодисатва. Уверяю тебя, что здесь никто не посмеет причинить ни тебе, ни твоим ученикам никакого зла.

Тут Сунь У-кун не сдержался и фыркнул:

— Разве бабы могут кого-нибудь обидеть?

Женщина еще приветливее улыбнулась и проговорила:

— А вам все же повезло, что вы ко мне пришли! Если бы попали в соседний дом, вам бы несдобровать!

Чжу Ба-цзе, превозмогая боль, переспросил ее:

— Несдобровать? Что это значит?

— В нашем доме,— отвечала женщина,— наберется пять едоков, но все они уже в летах, пожилые. Мы уже не помышляем о тех усладах, которые совершаются при легком ветерке и сиянии луны. Вот почему никто из нас не станет посягать на вас. Но если бы вы остановились в соседнем доме, где живет много женщин самых различных возрастов, я уверена, что ни одна из тех, что помоложе, не оставила бы вас в покое! А в случае отказа с вашей стороны, вам стали бы мстить и погубили бы вас, содрали бы с вас мясо, а из вашей кожи сделали бы себе ладанки для благовоний.

— Меня бы они не тронули,— сказал Чжу Ба-цзе.— У иных кожа, может, и годится для ароматических ладанок, а ведь я из породы свиней,— как ни счищай кожу, от сала все равно будет пахнуть.

Сунь У-кун стал подсмеиваться над ним.

— А ты не хвастайся,— сказал он,— не трать зря силы. Побереги их до родов.

Женщина вмешалась в их разговор и сказала решительным тоном:

— Не надо мешкать, а то поздно будет! Побыстрее отправляйтесь и принесите воды!

— Есть ли у тебя в доме бадья?— спросил Сунь У-кун.— Одолжи, пожалуйста!

Женщина поспешила во внутреннее помещение и вскоре вернулась с бадьей в руках. Кроме того, она дала еще длинную веревку.

Ша-сэн забрал бадью и веревку и сказал:

— Дай еще одну, а то боюсь, что колодец глубокий и одной веревки не хватит.

Женщина принесла еще веревку. После этого Сунь У-кун вместе с Ша-сэном вскочили на облако и отправились в путь. Не прошло и часа, как они прилетели к горе Освобождение от мужского начала. Прижав книзу один конец облака, они опустились прямо у входа в скит.

— Возьми бадью и веревки,— приказал Сунь У-кун Ша-сэну,— спрячься в сторонке где-нибудь поблизости и жди, покуда я затею бой с этим отшельником. Когда же увидишь, что бой в самом разгаре, беги в пещеру, набери воды и сейчас же возвращайся.

Ша-сэн пообещал исполнить все в точности.

Подняв посох над головой, Сунь У-кун приблизился ко входу в пещеру и громко крикнул:

— Отворяй! Отворяй!

Увидев Сунь У-куна, привратник бросился к своему господину.

— Наставник!— испуганно сказал он.— Сунь У-кун опять явился.

Отшельник пришел в неописуемую ярость.

— Негодный Царь обезьян! Давно я слыхал о его могуществе, а сейчас убедился в том, что правду о нем говорят. Против его посоха поистине трудно устоять.

Привратник стал успокаивать отшельника:

— Наставник мой! Да и ты по могуществу не уступишь ему. Ты вполне достойный соперник!

— Молчи лучше!— прервал его отшельник.— Ведь он оба раза выиграл битву.

— Ну и что же? Это лишь потому, что он свиреп. Зато ты дважды сбивал его с ног своим волшебным крючком, когда он пытался доставать воду. Вот и выходит, что силы у вас равны. Ведь он так и ушел ни с чем. А теперь пришлось, видно, ему затаить обиду и явится на поклон, потому что плод созрел и Танский монах не в силах больше выносить мучений. Уверяю тебя, что он обманет надежды своего наставника и ты выйдешь на сей раз победителем!

Эти слова обрадовали отшельника; он почувствовал прилив сил, какой бывает при наступлении весны. Распрямившись и приняв грозный вид, отшельник выставил вперед свой волшебный крючок, вышел за ворота и крикнул:

— Ах ты, подлая обезьяна! Зачем ты снова явилась сюда? Что тебе надо?

Сунь У-кун коротко ответил:

— Я явился лишь затем, чтобы взять воды,— больше ничего мне не надо.

— Разве ты не знаешь, что я хозяин родника?— отвечал отшельник.— Даже самому императору и его сановникам, если они не попросят как следует и не предложат подарков, яств и вина, я не дам ни капли воды. А уж тебе, моему врагу, да еще явившемуся сюда с пустыми руками, я и подавно ничего не дам.

— Значит, не дашь? — спросил Великий Мудрец ледяным тоном.

— Не дам! Ни за что не дам,— решительно произнес отшельник.

Сунь У-кун крепко выругался и добавил:

— Не дашь воды, так я угощу тебя своим посохом.

С этими словами Сунь У-кун бросился на отшельника,— куда девался его важный вид,— и, ни слова не говоря, изо всех сил стал колотить своим посохом, стараясь угодить отшельнику в голову. Но тот все же успел отскочить в сторону и поспешно пустил в ход свой крючок. На этот раз произошел еще более яростный бой. Вот послушайте:

Тот, что с железным посохом, ястребом нападал,
Тот, что с крюком волшебным, коршуном налетал.
Был одному племянник, другому — наставник мил,
Один за друга сражался, другой — за родича мстил.
Ненавистью объяты, злобой опалены,
Оба противника были в гневе своем страшны.
Прах из-под ног их вился, дымным столбом вставал,
Черной тучей клубился и небосвод закрывал.
Мраком ночным оделась Западная сторона,
Спрятало солнце лик свой и не взошла луна.
Только сильнейший может слабого победить,
Только слабейший может сильному уступить.
Как же достичь победы, ежели силы равны,
Если единой мощью соперники наделены?
Яростью ослепленный, один кидается в бой,
Хитрость свою и ловкость зовет на помощь другой...
Но не отступит сила перед ловкостью ни на шаг,
И головы не склонит перед противником враг.
Шуму борьбы внимая, замерло все вокруг,
Колотит тяжелый посох, жалит проворный крюк!
Клики бойцов подобны звукам медной трубы,
Ветер от их дыханья валит в лесу дубы,
Эхо грохочет в скалах, гром гремит в горах,
Духов тоска терзает, демонов гложет страх...
Злое безумство боя высится до небес,
Заполонив только собою тысячи ли окрест...
В каждом ударе силы черпает Сунь У-кун,
Но от него в упорстве не отстает колдун!
Верит ли чарам черным борющийся злодей,
Или таит тревогу в черной душе своей?
Коль не на жизнь, а на смерть ведут противники бой,
Должен один погибнуть, торжествовать другой.
Кто же у них сумеет жизнь свою уберечь?
Кому же из них придется в землю сырую лечь?

Прыгая и притопывая, противники все дальше и дальше отступали от входа в пещеру, и теперь уже бились на склоне горы, где мы их пока и оставим.

Между тем Ша-сэн с бадьей и веревками шмыгнул в дверь, но ему преградил дорогу к роднику привратник.

— Ты кто такой?— закричал он.— Кто позволил тебе войти сюда и брать воду?

Ша-сэн поставил бадью с веревкой наземь, достал посох, укрощающий злых бесов, и, не говоря ни слова, стал бить привратника по голове. Тот не успел увернуться и повалился на землю с перебитым левым плечом, катаясь от боли. Тогда Ша-сэн стал бранить его:

— Я бы мог забить тебя до смерти,— орал он,— но щажу лишь потому, что ты имеешь человеческий облик, убирайся отсюда и не мешай мне: я хочу достать воды из родника!

Привратник пополз в глубь пещеры, причитая и охая от боли. А Ша-сэн тем временем опустил бадью в родник и, зачерпнув воды до краев, вышел из пещеры и вскочил на облако. Пролетая мимо сражающегося Сунь У-куна, он крикнул ему:

— Братец! Пощади его! Я достал воды.

Сунь У-кун услышал и, отразив посохом удар волшебного крючка, сказал отшельнику:

— Я готов биться с тобой не на жизнь а на смерть, но ты ведь ни в чем не провинился передо мною и, кроме того, я пощажу тебя ради твоего брата — Князя с головой быка. Первый раз, когда я пришел сюда, ты дважды своим волшебным крючком помешал мне набрать воды. Зато теперь я тебя перехитрил, выманил из пещеры, как охотник выманивает тигра из логова. Пока мы с тобой бились, один из учеников моего наставника успел проникнуть в пещеру и набрать воды. Будь уверен, что если бы я обратил все свое волшебство против тебя, то будь ты не один, а десять таких, как ты, чародеев-отшельников, все равно всех бы вас забил до смерти. Но, право, я лучше сохраню тебе жизнь. Живи, сколько тебе суждено, но, смотри, не смей больше поступать так с теми, кто будет просить у тебя чудодейственной воды.

Однако чародей-отшельник не отличал добра от зла. Он продолжал махать крючком, а затем неожиданно хлестнул Сунь-У-куна крючком по ногам. Но тот успел подскочить и бросился на отшельника с криком: «Стой! Не уйдешь!» Не успел чародей опомниться, как Сунь У-кун одним ударом сшиб его с ног. Тогда Великий Мудрец вырвал у него волшебный крючок, разломал его пополам, а затем еще раз на четыре части. Швырнув их наземь, он закричал на отшельника:

— Скотина ты этакая! Будешь еще безобразничать?

Дрожа от страха и превозмогая стыд, отшельник молчал. Тогда Сунь У-кун громко расхохотался, вскочил на облако и улетел. О том, что произошло, сложены стихи:

Пусть будешь ты трудиться без конца,
Не выплавить тебе чистейшего свинца,
Коль настоящей не возьмешь воды.
Плодов не принесут твои труды.
Не испарится ртуть блестящая бесследно,
Коль настоящей не найдешь воды
И не добавишь в сплав в количестве потребном.
Не обладают материнским свойством
Свинец тяжелый и живая ртуть,
Но киноварь таит бессмертья суть
В своем чудесном и таинственном устройстве.
Напрасно принял небывалый плод
В утробе мужеской обличие людское,
Окажет мать-земля содействие благое
И снадобья в себе целебные найдет.
Мудрец свое исполнил назначенье:
В коварных помыслах, делах удостоверясь,
Он растоптал злокозненную ересь,
Установил основы верного ученья.

На благодатном луче Великий Мудрец быстро догнал Ша-сэна. Радостные и довольные тем, что удалось раздобыть чудодейственной воды, они вернулись в селение и на облаке спустились вниз.

Чжу Ба-цзе с нетерпением ожидал их, прислонившись к притолоке. Он громко стонал. Живот его стал еще огромнее. Сунь У-кун подкрался к нему и спросил:

— Ну, когда тебе родить, Дурень?

Чжу Ба-цзе вздрогнул от неожиданности.

— Не надо так шутить, брат мой,— проговорил он.— Принес водицы?

Сунь У-кун хотел было еще посмеяться над Дурнем, но тут подошел Ша-сэн:

— Принесли воду, принесли! — со смехом возвестил он.

Танский монах, превозмогая боль, принялся благодарить:

— Сколько хлопот я причинил вам, братья мои,— говорил он, извиняясь.

Женщины тоже обрадовались и, не переставая кланяться, говорили:

— О бодисатва! Вот уж поистине редко встретишь таких людей!

Одна из женщин поспешно достала маленькую фарфоровую чашечку с рисунками, зачерпнула полчашечки воды и подала Танскому монаху.

— Возьми, почтенный наставник! — проговорила она.— Пей потихоньку: как только допьешь, так сразу же плод растворится.

Чжу Ба-цзе перебил ее:

— Что мне чашечка, давайте всю бадью, я разом выпью.

— Ты что? — всполошилась женщина.— Разве можно? Ты меня до смерти перепугал! Ведь если выпить целую бадью, то все нутро и кишки растворятся.

Чжу Ба-цзе испугался и перестал шуметь, скромно испив полчашечки чудодейственной воды.

Прошло времени ровно столько, сколько требуется, чтобы съесть плошку горячей пищи, и животы у обоих стало сводить от боли. Послышалось громкое урчание, раза три, а то и больше. После этого Чжу Ба-цзе не удержался, и у него полило и спереди и сзади. Танский монах собрался было удалиться в укромное место, но Сунь У-кун остановил его:

— Наставник! Не выходи на двор, не то тебя ветром продует и схватишь послеродовую горячку.

Женщина поспешно принесла два чистых ведра и предложила обоим воспользоваться ими для своих нужд.

Прошло немного времени, обоих пронесло по нескольку раз, и тогда лишь боль утихла, а животы опали.

Женщина сварила жидкий рисовый отвар и дала больным поесть.

— Тетушка! — сказал Чжу Ба-цзе — Я совершенно здоров, и мне этот отвар ни к чему. Ты лучше согрей воды и дай мне обмыться, а то стыдно садиться к столу в таком виде.

Тут Ша-сэн начал отговаривать его:

— Брат мой! Нельзя тебе мыться. В течении месяца после родов не следует мочить тело, а то можно заболеть.

Чжу Ба-цзе стал возражать:

— Да разве это роды? Просто выкидыш,— говорил он,— чего там бояться? Хоть бы грязь смыть.

Тем временем женщина согрела воды и обмыла обоим пострадавшим руки и ноги. После этого Танский монах выпил две чашечки рисового отвара, а Чжу Ба-цзе одним духом проглотил плошек десять, а то и больше, и все просил прибавки. Сунь У-кун стал подсмеиваться над ним:

— Нечего тебе объедаться, обжора ты этакий! Меньше ешь, а то опять у тебя брюхо станет похожим на мешок с песком!

Однако Чжу Ба-цзе не обращал внимания.

— Ничего, ничего! — говорил он, уплетая за обе щеки.— Чего мне бояться, я ведь не свинья-матка!

Женщины снова принялись за стряпню.

Пожилая женщина обратилась к Танскому монаху:

— Почтенный наставник! — вежливо произнесла она,— подари нам оставшуюся чудодейственную воду.

Сунь У-кун не удержался и снова пошутил:

— Эй, Дурень! Будешь еще пить воду? — крикнул он Чжу Ба-цзе.

— А зачем?— отозвался тот.— У меня живот больше не болит, думаю, что и плода не осталось. Теперь уж все прошло, и вода не нужна.

— Ну, раз так,— сказал Сунь У-кун, обращаясь к женщинам,— дарю вам эту целебную воду.

Пожилая женщина поблагодарила Сунь У-куна и, перелив оставшуюся воду в глиняный чан, закопала его в землю на заднем дворе.

— Теперь этой воды нам хватит до конца жизни,— сообщила она своим подругам, и все они возликовали.

Когда еда поспела, женщины накрыли на стол и пригласили Танского монаха и его учеников покушать. После трапезы все отправились на отдых.

На другой день, как только рассвело, наставник и его ученики отблагодарили гостеприимных женщин и покинули селение. Сюань-цзан взобрался на белого коня, которого вел под уздцы Чжу Ба-цзе, Ша-сэн взвалил на спину поклажу, а Великий Мудрец Сунь У-кун шел впереди, указывая путь.

Очищены от ереси словесной,
Избавлены от мерзости телесной,
От гнусного плода освободив утробу,
Отбросив суету, волненье и тревогу,
Вновь следуют они своей дорогой...

О том, не приключилось ли с нашими путниками еще что-нибудь в женском царстве, вы узнаете, прочитав следующую главу.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой рассказывается о том, как праведный монах попал в столицу женского царства, и о том, как смышленая обезьяна придумала избавление от женских соблазнов

Итак, мы рассказали вам о том, что Танский монах и его спутники покинули гостеприимное селение и направились на запад. Не прошли они и сорока ли, как достигли пределов столицы женского царства Силян. Танский монах, ехавший верхом, первый увидел городские стены и, указывая на них, обратился к Сунь У-куну:

— Мы приближаемся к городу,— сказал он.— Уже отсюда слышно, какой он шумный. Видимо, это главный город женского царства Силян. Будьте начеку и ведите себя по всем правилам приличия. Ни в коем случае не допускайте разнузданности и легкомыслия, чтобы не уронить свое монашеское достоинство.

Все трое обещали строго соблюдать его приказание.

Вскоре они прибыли к восточной заставе города. Все, кто попадался им на пути, были в длинных юбках и коротких кофтах, с напудренными лицами и напомаженными волосами. Вскоре они убедились, что здесь и старые и малые — все поголовно женщины. По обеим сторонам улицы шла бойкая торговля на лотках. Завидев проходивших мимо четверых монахов, и торговки и покупательницы разом захлопали в ладоши и стали весело кричать:

— Людское семя явилось! Людское семя явилось!

Эти крики всполошили Танского монаха, который протискивался сквозь толпу. Но не тут-то было. Женщины запрудили всю улицу. Кругом раздавались веселые голоса, смех, шутки. Чжу Ба-цзе стал зычным голосом кричать, чтобы рассеять толпу.

— Продается свинья! Продается свинья! Я и есть свинья, которая продается!

Сунь У-кун остановил его:

— Братец! Перестань молоть чепуху. Лучше покажи им свою настоящую рожу да напугай их.

Чжу Ба-цзе два раза мотнул головой, поставил торчком свои уши, огромные, как листья лопуха, зачмокал своими вытянутыми губами, величиной с листья лотоса, и так страшно захрюкал, что женщины от страха шарахнулись в сторону, а некоторые даже попадали на землю и поползли.

Вот вам, читатель, стихи, которые подтверждают наш рассказ:

Долгий и трудный путь, которым праведник шел,
В дивное царство Силян его наконец привел.
Что же за чудо-чудное встретил он в царстве том?
То, что мужчин там не было,— одни только женский пол!
Люди, что жили в хижинах, что населяли дворцы,
Будь то правители, воины, ремесленники иль купцы,—
Все были рода женского, все — в нарядах цветных,
В юбках ходили каменщики, пахари и кузнецы!
Бабочкам пестрым подобные в нежной своей красе,
Высыпали на улицу жительницы все:
Верно, пали бы путники жертвою женских чар,
Если б не облик пугающий, принятый Чжу Ба-цзе!

Испуганные женщины больше не осмеливались приближаться к путникам и лишь издали наблюдали за ними. От страха одни из них щипали руки и терли бока, другие трясли головой или кусали ногти. Они стояли плотными шеренгами по краям улицы, преисполненные страха и трепета, и не сводили любопытных глаз с Танского монаха.

Сунь У-кун тоже принял безобразный облик и, пугая женщин, пробивал дорогу в толпе. Ша-сэн превратился в тигра и поддерживал своих спутников. Чжу Ба-цзе, ведя за собой коня, выпятил морду и хлопал ушами. Так наши странники двигались вперед, как вдруг увидели ровный ряд домов. То были торговые ряды, лабазы с солью и крупой, там же находились чайные и питейные заведения, таможня со сторожевой вышкой, где били в барабаны и трубили в рога, склады для товаров, беседки, украшенные флагами, постоялые дворы с расшитыми занавесками на раскрытых дверях.

Наставник и его ученики завернули за угол, но им неожиданно преградила путь какая-то женщина-чиновник, которая властным тоном сказала:

— Путникам из дальних стран не дозволяется самовольно входить в городские ворота. Пожалуйте в помещение почтового стана, где ваши имена запишут в книги, доложат о вашем прибытии государыне, проверят ваше дорожное свидетельство и тогда только разрешат дальнейший путь.

Танский монах слез с коня и стал осматривать все вокруг.

Он увидел здание ямыня, над воротами которого висела большая доска с надписью: «Почтовая станция «Встреча с мужским началом».

— Гляди-ка, Сунь У-кун! — сказал он. — А ведь женщины сказали нам сущую правду. Оказывается, что такая станция действительно есть.

Ша-сэн засмеялся.

— Ну-ка, Чжу Ба-цзе!— проговорил он сквозь смех,— пойди поищи родник Отражающий утробу и посмотрись в него. Не появится ли от тебя двойная тень?

— Полно тебе дурачиться,— огрызнулся Чжу Ба-цзе,— после того как я выпил чудодейственной воды, меня так прочистило, что от плода и духу не осталось. Чего же мне смотреть в родник?

Танский монах одернул Чжу Ба-цзе:

— Будь осторожен в словах.

Затем, сделав шаг вперед, Танский монах поклонился женщине-чиновнику, которая сразу же провела путников в парадное помещение, усадила их там и велела подать им чаю.

В ожидании чая путники с интересом разглядывали служительниц с длинными косами, в кофточках и юбках. Подавальщицы чая со смехом поднесли фарфоровые чашечки. После того как путники напились чаю, женщина-чиновник стала спрашивать их:

— Вы откуда путь держите?

Сунь У-кун отвечал:

— Мы — посланцы из восточных земель, и послал нас император великого царства Тан. Направляемся мы на Запад — поклониться Будде и попросить у него священные книги. Нас ведет духовный наставник наш, Танский монах Сюань-цзан, названый брат самого императора. Я — его старший ученик и последователь. Зовут меня Сунь У-кун. А эти двое — тоже ученики и последователи наставника. Одного зовут Чжу Ба-цзе, а другого — Ша-сэн. С нами еще белый конь, так что всего нас пятеро. Проходное свидетельство у нас при себе. Вот прошу ознакомиться, проверить и пропустить нас.

Женщина-чиновник записала в книгу все, что ей сообщил Сунь У-кун, а затем поднялась со своего места, сошла вниз и совершила земной поклон.

— О уважаемый сударь! Прошу прощения за мою вину,— молвила она.— Я смотрительница почтовой станции «Встреча с мужским началом», мне надо было выйти навстречу вам, нашему почетному гостю, и воздать должные почести, но я не знала, что вы из великого государства.

Закончив церемонию приветствия, она поднялась с земли и велела своим прислужницам немедленно приготовить самое изысканное угощение. Затем, обращаясь к путникам, сказала:

— Многоуважаемые гости! Прошу вас чувствовать себя здесь как дома. Я ненадолго покину вас и доложу о вашем прибытии своей повелительнице — государыне царства Силян, чтобы вам немедленно обменяли проходное свидетельство и вы смогли бы продолжать свой путь.

Танский монах поблагодарил женщину за внимание, и они расселись, ожидая ответа. Здесь мы пока расстанемся с ними.

Смотрительница почтовой станции оправила свои одежды и головной убор, вошла в город и остановилась у высокого здания, носившего название «Терем пяти фениксов». Подойдя к старшему из евнухов, охранявших ворота, она сказала ему:

— Я смотрительница почтовой станции Встреча с мужским началом, мне нужно доложить государыне о важном деле.

Евнух тотчас же отправился с докладом. Царица повелела впустить смотрительницу в свои покои.

— С каким делом ты явилась ко мне? — спросила государыня.

— Твоя нижайшая служанка — смотрительница почтовой станции только что приняла названого брата императора Танского государства из восточных земель праведного монаха Сюань-цзана с тремя учениками его: Сунь У-куном, Чжу Ба-цзе Ша-сэном. Есть у них еще конь, всех их пятеро. Они направляются на Запад к Будде за священными книгами. Вот я и пришла спросить тебя, моя повелительница, можно ли обменять им проходное свидетельство и разрешить следовать дальше.

Услышав это сообщение, государыня очень обрадовалась и обратилась к своей свите, состоящей из военных и гражданских чинов женского пола.

— Послушайте! Мне ночью приснился сон, будто моя золотая ширма вдруг стала искриться всеми цветами радуги, а яшмовое зеркало начало излучать яркий свет. Несомненно, все это было счастливое предзнаменование на сегодняшний день.

Стоявшие у ее трона военные и гражданские чины отвесили низкий поклон и кто-то из них спросил:

— О повелительница наша! Поведай нам, почему ты решила, что твой сон служит счастливым предзнаменованием на сегодняшний день?

— К нам прибыл мужчина из восточных земель, названый брат императора государства Тан. В наше царство со дня сотворения мира, когда первоначальный хаос впервые разделился на небо и землю, ни разу еще не приходил мужчина. А сколько уже прошло веков! И вот сегодня явился названый брат Танского императора. Не иначе как само небо послало его нам в дар. Я готова отдать ему все богатства моего царства, только бы он согласился стать нашим государем. Я с радостью уступлю ему бразды правления и буду только его женой — государыней. Мы соединимся с ним брачными узами, я стану рожать ему детей,

которые навеки будут наследовать наше царство. Ну, посудите сами, разве не таково было счастливое предзнаменование на сегодняшний день?

Все чины, и военные и гражданские, пришли в неописуемую радость и стали бурно выражать свой восторг.

Затем смотрительница почтовой станции снова обратилась к государыне:

— О повелительница! Твое мудрое решение сулит благо на многие лета твоему царственному дому,— сказала она.— Но как быть с тремя спутниками твоего избранника? Уж очень они безобразны на вид, совсем не подходят для твоего двора.

— Чем же они безобразны?— заинтересовалась государыня.— Ну-ка, опиши мне наружность каждого из них, начиная с наставника, названого брата Танского императора!

— У Танского монаха очень величественный вид,— начала смотрительница,— он обладает прекрасными манерами, храбр и мужествен. Он настоящий мужчина, такой, каким должен быть подданный Серединного цветущего государства, находящегося на большом материке Джамбудвипа, к югу от горы Сумеру. Но ученики его, их трое, ужасны на вид, — сущие дьяволы.

— В таком случае,— сказала государыня,— почему бы их не разделить? Выдать троим подорожную, пусть отправляются на Запад, а Танского монаха оставить здесь.

Все чины — и военные и гражданские — снова пришли в восторг. А одна из сановниц обратилась к государыне:

— Твои слова, о повелительница, мудры и справедливы, и все мы готовы выполнить любое твое повеление, но в таком деле без сватовства не обойтись. Еще в древности говорили: «Брачный союз скрепляется красным листком, а новобрачных связывает красным шнурком Подлунный старец».

Государыня, не задумываясь, отвечала:

— Пусть будет по-вашему. Повелеваю старшей придворной советнице и наставнице быть нашей свахой, а смотрительнице почтовой станции Встреча с мужским началом быть распорядительницей на нашей свадьбе. Отправляйтесь на станцию и предложите Танскому монаху Сюань-цзану породниться со мною. Если он согласится, я выеду за городские ворота, чтобы встретить его как жениха.

Старшая советница вместе со смотрительницей почтовой станции тотчас покинули зал и отправились выполнять повеление.

В это время Танский монах и его спутники находились в парадном помещении почтовой станции и с аппетитом закусывали. Вдруг они услышали, что кто-то снаружи доложил:

— Прибыла старшая придворная советница вместе с нашей начальницей!

Танский монах встревожился:

— Чего ради пожаловала сюда придворная советница?

— Не иначе как государыня пожелала пригласить нас к себе,— сказал Чжу Ба-цзе.

— Зачем ей нас приглашать? — вмешался тут Сунь У-кун.— Просто она решила породниться с нами.

Танский монах еще больше встревожился:

— А что, если ты правду говоришь и нас отсюда не выпустят, а заставят жениться, что мы будем делать?

— Если вас будут сватать,— отвечал Сунь У-кун,— соглашайтесь, а я знаю, что делать.

Не успел он договорить, как вошли обе женщины: придворная советница и смотрительница станции. Они низко поклонились Танскому монаху. Тот в свою очередь ответил почтительными поклонами и молвил:

— Я смиренный монах, отрешившийся от мирских сует, не знаю, за какие заслуги удостоен вашим вниманием и выражением столь высокого почтения?

Придворная советница с ног до головы оглядела Танского монаха и нашла, что он очень хорош собой. «Нашему царству действительно повезло! Этот монах вполне годится в мужья нашей государыне»,— с радостью подумала она.

Закончив церемониальные поклоны, женщины поднялись с земли и встали по обе стороны Танского монаха.

— Милостивый сударь! Великая радость ожидает тебя!— торжественно произнесли они в один голос.

— Я не мирянин,— с отчаянием в голосе отвечал Сюань-цзан.— Какая же радость может ожидать меня?

Поклонившись в пояс, придворная советница объяснила цель своего прихода:

— Вы находитесь сейчас в женском царстве Силян, в которое еще никогда не заходил ни один мужчина. И вот, наконец, вы, брат Танского императора, со своими спутниками осчастливили нашу страну своим посещением. Я получила повеление явиться к вам и выразить желание моей государыни породниться с вами.

— О, я счастлив!— воскликнул Сюань-цзан.— Я бедный, одинокий монах, и прибыл в эту благодатную страну, сопровождаемый не сыновьями и не дочерьми, а этими тремя упрямыми учениками. Кого же из них удостоит государыня чести быть ее избранником?

— Я — ваша покорная слуга,— отвечала смотрительница почтовой станции,— только что была во дворце и докладывала о вас моей повелительнице. Она, ликуя, поведала нам о том, что ночью ей приснился сон, будто ее золотая ширма стала искриться всеми цветами радуги, а яшмовое зеркало начало излучать яркий свет. И вот, когда она узнала, что вы названый брат импе-

ратора Серединного цветущего государства, то сразу же изъявила желание отдать вам все свои богатства и стать вашей женой, дабы вы приняли бразды правления и взошли на престол. Ничего, кроме этого, она не желает. Она повелела нашей старшей советнице прибыть сюда в качестве свахи, а мне поручила быть распорядительницей на свадьбе. Теперь вы знаете, какова цель нашего прибытия к вам. Ждем вашего ответа, милостивый государь.

Выслушав все это, Танский монах поник головой и молчал. Старшая советница стала уговаривать его:

— Великий муж! — молвила она.— Вам привалило огромное счастье и упустить его никак нельзя. Войти в дом зятем дело не хитрое, но получить за это богатства целого государства, такое не с каждым случается. Прошу вас, дайте поскорей свое согласие, чтобы можно было доложить об этом нашей повелительнице.

При этих словах Танский монах просто онемел.

Тут Чжу Ба-цзе, стоявший в сторонке, вдруг выпятил свое свиное рыло и заорал:

— Послушай, ты, советница! Ступай скорее к своей государыне и объясни ей, что наш наставник давно уже стал праведником и приверженцем Будды, носящим священное звание архата. Ему не нужны никакие богатства, и ни одна красавица мира не сможет пленить его. Живей выправляйте наше проходное свидетельство и отпустите нашего наставника на Запад, а я охотно останусь здесь и буду мужем государыни. Ну, что скажешь на это?

Советница пришла в ужас и, дрожа от страха, не знала, что отвечать. Смотрительница почтовой станции сказала:

— Ты хотя и мужского пола, но так страшен и безобразен, что наверняка не понравишься нашей государыне.

Чжу Ба-цзе расхохотался и сказал:

— Ты, видно, ничего не смыслишь в превращениях. Слыхала ли ты о том, что «умелый мужик даже из толстой коры ивы сплетет сито, а из тонкой — ведро», кому на свете в голову придет судить о том, красив ли он?

— Дурень! — осадил его Сунь У-кун внушительным тоном,— перестань молоть чепуху. Предоставь нашему наставнику поступить так, как он пожелает. Если он согласен, хорошо, а не согласен — ничего не поделаешь. Не надо задерживать свах.

— Посоветуй же мне,— умоляющим тоном произнес Танский монах, обращаясь к Сунь У-куну,— как быть?

— По-моему,— отвечал Сунь У-кун,— тебе, учитель, здесь будет хорошо. С давних времен говорится: «Те, кого связывают брачные узы, соединятся вместе, хотя бы их разделяло расстояние в тысячу ли». Где еще найдешь такое хорошее место?

— Братья,— с отчаянием в голосе промолвил Танский монах,— а кто же отправится на Запад за священными книгами, если мы останемся здесь, обольщенные богатством и знатностью? Не навлечем ли мы беду на императора Танского государства, который ждет не дождется нашего возвращения?

— О милостивый сударь мой!— вкрадчивым голосом сказала советница.— Я, ваша ничтожная раба, не осмелюсь скрыть от вас повеления моей государыни. Она хочет породниться именно с вами, названым братом Танского императора. А вашим ученикам она хочет выдать после свадебного пира довольствие и проходное свидетельство, чтобы они могли совершить путешествие на Запад и получить там священные книги.

Услышав это, Сунь У-кун встрепенулся и сказал:

— Высокочтимая советница! Ваши слова поистине справедливы и нам не следует противиться желанию государыни. Мы охотно оставим нашего наставника в мужья вашей государыне, только поскорей выпишите нам проходное свидетельство, чтобы мы могли продолжать наш путь. Когда мы будем возвращаться со священными книгами, то посетим ваше царство, чтобы засвидетельствовать уважение наставнику и его супруге, а вы дадите нам средства на дорогу, и мы благополучно вернемся в великое Танское государство.

Тут старшая советница и смотрительница станции поклонились Сунь У-куну и сказали в один голос:

— Премного благодарны тебе на добром слове!

Чжу Ба-цзе не удержался:

— Смотри, советница, чтоб не получилось, как говорят: «Блюда с яствами только на словах!» Раз уж мы дали согласие, пусть твоя государыня до свадьбы устроит нам угощение. Что скажешь на это?

Советница очень обрадовалась:

— Все будет, все!— пообещала она.— Я сейчас же устрою вам отличное угощение.

Обе женщины, не помня себя от радости, поспешили во дворец доложить своей повелительнице об успешном завершении дела. Тут мы их пока и оставим и обратимся к нашим путникам.

После того как женщины удалились, Танский монах схватил Сунь У-куна за руку и стал бранить его:

— Погубил ты меня, негодная обезьяна! Как ты посмел говорить такие речи?! Да разве соглашусь я остаться здесь и отпустить вас одних на Запад к Будде? Лучше умереть!

Сунь У-кун принялся его утешать:

— Наставник мой, успокойся! Неужели я мог так о тебе подумать? Но раз уж мы попали в такую страну, придется отвечать хитростью на хитрость.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Танский монах.

— А вот что, — отвечал Сунь У-кун. — Если ты сейчас откажешь им, нам не выдадут проходного свидетельства и не выпустят отсюда. Не следует вызывать в них злобу и ненависть, не то они убьют тебя, сдерут кожу и наделают себе из нее ладанок для благовоний. А разве сможем мы ответить на подобное злодеяние добром? Конечно, нет. Мы тут же обратим против них наши чары, покоряющие демонов и разгоняющие бесовское наваждение. Ты ведь знаешь, учитель, что мы действуем очень грубо, пускаем в ход смертоносное оружие, от которого нежные обитательницы этого царства наверняка погибнут все до единой. А ведь они люди, а не черти и не оборотни; ты, всегда отличавшийся стремлением к добру и состраданием к людям, за всю дорогу не обидел даже букашки. А тут придется загубить несметное количество людей, ведь твое доброе сердце не стерпит этого! Да и поистине это будет огромным злодеянием.

Танский монах выслушал и сказал:

— Ты совершенно прав. Боюсь только, как бы царица не завлекла меня к себе и не заставила совершить супружеский обряд. Разве могу я лишиться своего целомудрия и опорочить духовный сан буддийского монаха? Ведь этим я уроню достоинство всех верующих!

Сунь У-кун отвечал ему так:

— Узнав о твоем согласии на брак, государыня непременно окажет тебе царские почести и выедет за городские ворота, чтобы достойно встретить тебя. Сядь с ней рядом в ее колесницу и поезжай во дворец, там войди в тронный зал и садись на трон лицом к югу. Затем попроси государыню принести государственную печать и впустить в тронный зал нас, поставь печать на нашем подорожном свидетельстве и попроси царицу написать соответствующую бумагу. Эту бумагу пусть государыня собственноручно подпишет и приложит к ней свою личную печатку. Затем вели эту бумагу вручить нам. В соседнем помещении прикажи устроить пир в честь встречи с государыней и по случаю нашего отъезда.

После пира вели приготовить регалии и скажи, что хочешь проводить нас за городские ворота, а уже потом предаться супружеским радостям. Это рассеет всякие подозрения. За городом выйди из колесницы и подзови к себе Ша-сэна, пусть поможет тебе взобраться на коня, — вот и все. А я приколдую государыню и всю ее свиту к месту, чтобы мы могли продолжать наш путь на Запад. Через сутки, когда мы будем уже далеко, я сниму с них чары и внушу им, чтобы они спокойно вернулись во дворец. Таким образом никому не придется расплачиваться жизнью, и, кроме того, ты, учитель, не потеряешь своего целомудрия. Такой план действия называется: «Под видом свадьбы ускользнуть из сетей». Ну, скажи, чем он плох? Тут, как говорится, одним выстрелом можно убить двух зайцев.

Танский монах сразу почувствовал огромное облегчение, словно очнулся после опьянения или кошмара. Обрадованный, он забыл про свои заботы и не переставал повторять:

— Я глубоко признателен тебе за твой мудрый совет.

Затем все четверо, охваченные единым стремлением, стали обсуждать план Сунь У-куна во всех подробностях. Но мы пока оставим их.

Между тем старшая советница и смотрительница почтовой станции примчались во дворец и без доклада прошли прямо в тронный зал. Там, у яшмовых ступеней трона, они преклонили колени и обратились к государыне с такими словами:

— О наша великая повелительница! Твой чудесный сон сбывается. Тебя ждет огромная радость, ты будешь счастлива в супружестве.

Услышав эти слова, государыня поспешно откинула жемчужную занавеску, сошла с трона и звонко рассмеялась; при этом ее вишневый ротик слегка приоткрылся и показались серебристо-белые зубки.

— Ну, поведайте мне, что сказал названый брат Танского императора!

И старшая советница стала рассказывать.

— Когда мы прибыли на станцию, то прежде всего почтили Танского монаха глубоким поклоном, а затем сообщили ему о твоем желании породниться с ним. Он сперва начал было отказываться, но, к счастью, вмешался его старший ученик, который принял нашу сторону и выразил их общее желание оставить здесь своего наставника, чтобы он стал твоим супругом и был провозглашен государем. Он только просил сперва выправить подорожное свидетельство и отправить всех троих учеников на Запад за священными книгами. Он обещал на обратном пути посетить наш дворец и поклониться своему наставнику и тебе, его супруге, а также попросить средства, чтобы возвратиться в великое Танское государство.

Государыня была очень довольна и, смеясь, спросила:

— А что еще сказал брат Танского императора?

— Ничего больше не говорил, — отвечала советница, — видимо, он не прочь жениться на тебе; а вот второй его ученик прямо заявил, что ему хочется погулять на свадьбе.

Государыня выслушала ее и повелела тотчас же приготовить изысканное угощение, а ей подать парадный выезд для встречи жениха за городскими воротами. Придворные чины — и военные и гражданские — бросились выполнять волю государыни. Одни приводили в порядок помещение, устанавливали помост для пиршества и расставляли яства на столах, другие тем временем готовили парадный выезд. Вскоре все было готово.

И хотя царство Силян было женским царством, представьте себе, читатель, парадный выезд оказался ничуть не хуже, чем в Серединном цветущем государстве.

Вот послушайте:

Подобна драконам шестерка коней —
Такое они излучают сиянье!
Супругам достойным отправят на ней
От фениксов вещих счастливой четы,
Несущей в себе постоянства черты,
Благое предзнаменованье.
Подобная дивным коням неземным
Шестерка коней везет колесницу,
В багрянец и пурпур одетый возница
Волшебной своею упряжкой гордится —
Такая упряжка под стать молодым!
Как селезень с уткой*, как фениксы-птицы
В златой колеснице сидят молодые,
Навстречу им льются потоки людские,
Восторгом великим народ обуян...
Надели красавицы платья цветные,
Подвески из яшмы, браслеты литые,
И ножки обули в парчу и сафьян.
Всем хочется видеть чету новобрачных,
И каждый поближе пробраться стремится,
Но прячут супруги в смущении лица:
Им мало жемчужной завесы прозрачной,
За веером легким желают укрыться
От музыки звонкой, от громких речей,
От кликов, приветствий, от жадных очей!
Над городом праздничным вьются знамена,
Струится над ним ветерок благовонный
От дивно цветущих зеленых садов,
Гирлянды и флаги он тихо колышет
И в небо уносит все выше и выше
И звуки свирели и шум голосов.
Недаром веселья столица полна,
Недаром народ изумленный ликует —
Ведь видят впервые здесь свадьбу такую,
Где вместе присутствуют муж и жена!
Здесь даже обряда такого не знали,
Чтоб брачную чару вдвоем распивали!

Прошло не очень много времени, и парадный поезд, выехав из городских ворот, остановился у почтовой станции Встреча с мужским началом. Служительницы примчались к Танскому монаху и его ученикам.

— Государыня прибыла!— доложили они.

Танский монах и его ученики, услышав эту весть, сейчас же оправили на себе одежды и вышли встретить государыню. Откинув занавеску, государыня вышла из колесницы и спросила старшую советницу:

— Кто же из них названый брат Танского императора?

— Тот, что стоит у входа на станцию, перед столиком, и одет, как благородный господин,— отвечала советница.

Государыня метнула в него взгляд, подобный взгляду феникса, насупила свои роскошные брови, затем снова оглядела его с ног до головы и тогда только убедилась, что перед ней человек незаурядный.

Могло ль не покорить его обличье
Красавицу? Прекрасные черты,
Исполненные мужества, величья,
Спокойной и суровой красоты,
Влекли к себе и мысли и сердца!
Взирать была готова без конца
Прелестная невеста из Силяна
На свет, идущий от его лица,
На взлет бровей и на румянец рдяный,
На алые, пленительные губы,
На белым серебром сверкающие зубы,
На ясный блеск его живых очей,
На темя гладкое, на лоб крутой, широкий —
Известный признак мудрости глубокой...
Приятен был и звук и смысл его речей,
Не менее, чем вид, и юный и пристойный;
Ее ума и прелести достойный
Лишь он один под пару будет ей!

Сердце государыни запылало от страсти. Она уже не могла подавить в себе нахлынувшие на нее желания и, приоткрыв свой вишнево-алый ротик, позвала:

— О брат великого Танского императора! Что же ты медлишь, почему не занимаешь свое место в колеснице, чтобы вступить со мною в счастливый брак?

От этих слов Танский монах покраснел до ушей и, испытывая жгучий стыд, не осмеливался поднять голову.

Рядом с ним стоял Чжу Ба-цзе и, выпятив свое свиное рыло, маслеными глазками смотрел на государыню, а она и в самом деле была хороша собой. Вот послушайте, какие про нее стихи сложены:

Бровки ее блестят, словно крылышки пташки малой,
Лоснится кожа ее, будто смазанная салом,
С персиковым цветком схож ее лик нежно-алый,
Скрытый, как тучкой луна, узорчатым опахалом,
Узел тяжелый волос красивым шнурком золотистым
В три переплета красавица перевязала.
В узел этот продела бронзовые спицы,
С шишечками из яшмы, жемчуга и опала,
Шелк одеянья ее, словно вода, струится.
Брошена на плечо перевязь цвета коралла.
Голубизна речная в светлых очах таится...
Может ли с ней Си-ши* пленительная сравниться,
Иль Чжао-цзюнь*, прославленная царица,
Чья красота подобной себе не знала?
Стан ее гибче ветви плакучей ивы,
Легкость походки ее у всех вызывает зависть,
Ножки ее малы, как священного лотоса завязь,
И, как побеги бамбука, руки нежны и красивы.
Людям простым она гостьей небесной казалась,
Обликом светлым своим и одеждою прихотливой,
Словно с девятого неба на землю решила спуститься,
Где красота ее яркой звездою сияла!
Можно ли видом подобным и прелестью небывалой,
Пусть лишь однажды узрев их, на веки веков не плениться?

Дурень, разглядев все прелести государыни, не мог удержаться от восторга. Изо рта у него потекли слюнки, сердце забилось, весь он как-то размяк, и ему казалось что он тает, словно снежный лев у жаркого костра.

Между тем государыня подошла к Танскому монаху, взяла его за руку и нежным голосом проговорила:

— О брат императора! Прошу тебя сесть в колесницу. Мы отправимся с тобой во дворец, в зал Золотых колокольчиков, и там обвенчаемся.

Несчастный Танский монах дрожал всем телом и едва держался на ногах, словно пьяный или безумный.

Сунь У-кун, находившийся рядом, подбадривал и наставлял его:

— О мой учитель, нельзя быть столь застенчивым. Прошу тебя, прими предложение государыни и займи место в колеснице. Надо поскорее выправить подорожное свидетельство. Останешься здесь, а мы отправимся за священными книгами.

От волнения Танский монах не мог произнести ни слова. Он погладил Сунь У-куна, и слезы брызнули у него из глаз. Однако Сунь У-кун быстро проговорил:

— Учитель! Не надо огорчаться! Такое счастье редко кому выпадает на долю! Чего же еще желать?

Танскому монаху ничего не оставалось как последовать совету Сунь У-куна. Он незаметно смахнул слезы и, притворившись веселым, приблизился к государыне и...

За руки взявшись, пошли оин вместе,
Вместе в златую взошли колесницу...
Праведннк горькою думой томится,
Думы его — ие о милой иевесте:
Всею душою ои к Будде стремится,
Брак для него — лишь позор н бесчестье...
Мысли иные тревожат царицу:
С тем, кто быть должен ее господином,
Хочет прекрасиая девушка слиться
В нежности равной н в страсти едниой;
Думы монаха в Лнньшане витают,
В крае, где Будда благой обнтает.
От нетерпенья невеста сгорает,
Мысли красавицы — только о муже,
Больше иикто ей иа свете ие нужен.
В иежных речах своих, лжив и притвореи,
Страсти иеискренней мнимо покорен,
Он от нее свои чувства скрывает.
Если с открытой душою мечтает
С ним она в мире прожить и согласье,
Радости с ним разделить и несчастья,
Он себе долн такой не желает:
Хочет моиах избежать искушенья,
Чтоб не иарушить обетов безбрачья.
Жаждет она его ласки горячей,
Ои же от ласк ее жаждет спасенья.
Хочется ей, чтобы день был короче,

Ждет не дождется красавица ночи,
Чтоб из невесты в жену превратиться.
Он из сетей ее вырваться хочет,
Ищет путей, чтоб от девушки скрыться...
Так они едут вдвоем в колеснице,
И догадаться царица не может,
Что на уме у монаха таится,
Что его сердце и душу тревожит...

Все военные и гражданские чины, наблюдавшие, как их государыня села в колесницу плечом к плечу с Танским монахом, стали весело переглядываться и перемигиваться и, замыкая парадный выезд, проследовали обратно в город.

Тогда только Сунь У-кун велел Ша-сэну взять поклажу, а сам повел белого коня вслед за выездом. Чжу Ба-цзе побежал вперед и первым оказался у ворот терема Пяти фениксов. Там он поднял крик:

— Вы что же это, думаете так все обойдется! Нет, не надейтесь! Пока не будет угощения с вином, свадьба не состоится.

Все дворцовые служительницы насмерть перепугались и побежали к свадебному поезду жаловаться:

— О повелительница наша! У ворот двора стоит тот, с длинным рылом и огромными ушами, и орет, требуя угощения и вина.

Государыня прижалась к Танскому монаху, приблизила к его лицу щечку, нежную, как персик, раскрыла свой благоуханный ротик и вполголоса спросила:

— Мой дорогой! Этот, с длинными выпяченными губами и огромными ушами какой по счету ученик?

— Второй,— отвечал ей Танский монах.— Он очень прожорлив и только и думает, как бы ему поесть всласть. Надо накормить и напоить его, только тогда он угомонится.

— Все ли сделано, как я приказывала?— спросила государыня служительниц дворца.

— Все готово,— хором отвечали служительницы,— поданы два вида блюд: скоромные и постные. Они уже на столе в Восточном зале.

— А почему приготовили два вида блюд?— удивилась государыня.

Одна из служительниц пояснила:

— Я, ваша недостойная служанка, побоялась, что названый брат Танского императора и его ученики привыкли только к постной трапезе, вот и приготовила на всякий случай два вида блюд.

Тут государыня усмехнулась и, прильнув щечкой к лицу Танского монаха, игриво спросила:

— Дорогой мой! А ты предпочитаешь скоромное или постное?

Танский монах, не задумываясь, ответил:

— Мы, бедные странствующие монахи, едим только постное,

но обета воздержания от вина не давали. Позволь же моим двум ученикам выпить несколько чашечек простого вина.

Не успел он договорить, как появилась старшая советница и доложила:

— Прошу вас пожаловать в Восточный зал откушать! Сегодня ночью должен появиться молодой месяц, и это будет самое счастливое время для вашего бракосочетания. Завтра солнце пересечет полуденную линию неба. В этот час мы будем просить названого брата Танского императора и нашего повелителя занять царский трон и возвестить новую счастливую эру своего правления!

Государыня была счастлива. Она взяла Танского монаха за руки, вместе с ним сошла с колесницы, и они вдвоем проследовали через главные ворота.

Из башни высокой чудесная музыка льется,
Звучаиье свирелей и флейт далеко раздается,
Глядит потрясенный народ
На колесницу златую в узорах блестящих,
На светоносных драконов, недвижно стоящих
У настежь раскрытых ворот.
Сегодня украшены дивио чертоги царицы,
Из древиих курильниц дымок благовонный струится...
Куда ни взгляни,
Повсюду, в янтарных, порфировых, яшмовых залах,
Блистая, слепя, словно сотни светил иебывалых,
Сияют огни.
На ширмах из перьев павлиньих колеблются тени
От тонких кариизов резных, от лепиых украшений,
От стройных точеных колони...
Китая достойны беседки дворца и палаты,
Любой, кто их видел, замрет, восхищеньем объятый,
Такой красотой поражен.

В Восточном зале их встретили музыкой и пением, удивительно нежным и мелодичным. Прелестные девушки стояли двумя рядами. В середине зала был накрыт стол на двух человек с разными яствами. С левой стороны — постное, с правой скоромное. Ниже стояли еще два ряда столиков с закусками.

Государыня подобрала рукава халата и обнажила пальчики, тонкие, словно точеные. Она поднесла своему гостю нефритовую чашечку с вином, и пир начался.

К ней подошел Сунь У-кун.

— Наш учитель и мы, его ученики, едим только постную пищу,— сказал он.— Нельзя ли просить нашего наставника занять место по левую сторону и передвинуть туда же еще три места, чтобы мы могли сесть по обе стороны от учителя. Так будет очень удобно.

Старшая советница обрадованно сказала:

— Совершенно верно! Так и сделаем! Ведь наставник и его ученики все равно, что отец с сыновьями, а им не полагается сидеть в один ряд плечом к плечу.

Служанки быстро переставили места. Государыня передала Танскому монаху и его ученикам по чарочке вина и усадила их. Сунь У-кун незаметно подмигнул своему учителю, дав ему понять, что на вежливость надо ответить вежливостью. Танский монах поднялся со своего места, налил чашечку вина и поднес ее государыне, предлагая ей занять место. Все гражданские и военные чины глубоким поклоном отблагодарили Танского монаха за проявленное внимание и затем стали рассаживаться, занимая места по старшинству и по рангам. Музыка прекратилась, и началось возлияние вина.

Чжу Ба-цзе, как всегда, вел себя бесцеремонно, ни на кого не обращая внимания. Он уплетал за обе щеки, причем не соблюдая никакой последовательности в выборе кушаний. Вслед за вареным рисом он глотал блины, сладкие пироги, а затем принимался за жареные и маринованные грибы, стручки бамбука, снова за грибы, но уже древесные, салаты из латука, из морских водорослей, из фиолетовой капусты; потом ел репу, свеклу, батат, сладкие корнеплоды, имбирь. Все это он поглощал в громадном количестве и глотал, не разжевывая. Осушив седьмую чашечку вина, он стал требовать, чтобы ему подали винный рог.

— Подать сюда винный рог! — орал он во все горло.— Вот выпьем несколько рогов, тогда каждый из нас примется за свое дело!

Ша-сэн сказал ему:

— Такое отличное угощение, а ты за дело хочешь приняться.

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

— Разве ты не знаешь древнюю пословицу: «Один гнет луки, другой изготовляет стрелы». Так и мы теперь. Кто хочет жениться, пусть женится. Кто собирается замуж, пусть выходит замуж. Кому идти за священными книгами, пусть идет, а кто хочет странствовать, пусть странствует. Не следует из-за лишней чарки забывать о деле. Нам нужно поскорее получить проходное свидетельство. Ведь говорят же: «Полководец не слезает с коня, он мчится к почестям и славе».

Государыня услышала его слова и распорядилась подать большие чарки для вина. Были немедленно принесены разнообразные диковинные чарки в виде попугаев, птиц-рыболовов, золотые кубки «Цзиньполо», серебряные кубки «Иньцзоло», рюмки из стекла, чашки из хрусталя, чаши из шаньдунского фаянса, бокалы из янтаря. Все эти сосуды были наполнены до краев разными наливками и настойками, и обошли всех гостей.

Наконец Танский монах потянулся всем телом, встал с места, почтительно сложил руки ладонями вместе и обратился к государыне с такими словами:

— Премного благодарен тебе, государыня, за богатое угощение. Но вина больше не надо, достаточно! Прошу тебя пройти в тронный зал и выдать проходное свидетельство моим ученикам, пока не стемнело пусть отправляются в путь.

Государыня послушалась, взяла за руку Танского монаха и прошла с ним в тронный зал Золотых колокольчиков. Тут она, не мешкая, предложила Сюань-цзану занять место на своем троне.

— Сейчас это невозможно,— воскликнул Танский монах.— Ведь твоя старшая советница сказала, что завтра, когда солнце пересечет полуденную линию, только тогда я осмелюсь занять это высокое место и принять звание верховного правителя. А сегодня тебе надлежит как полновластной государыне поставить государственную печать на проходном свидетельстве.

Государыня и на этот раз послушалась. Она взошла на трон, придвинула к нему золоченый стул и попросила Танского монаха сесть. После этого она велела позвать его учеников. Когда они явились, Великий Мудрец Сунь У-кун велел Ша-сэну развязать узел и достать свидетельство. Затем он взял его и обеими руками почтительно вручил государыне. Та внимательно прочла все, что там было написано, и осмотрела все девять печатей великого Танского императора, под которыми стояли еще печати разных царств: Баосянго, Уцзиго и царства Цзюйчи.

Тщательно осмотрев проходное свидетельство, государыня рассмеялась и своим нежным голоском спросила:

— Выходит, что ты, брат Танского императора, носишь еще и другую фамилию — Чэнь? Как же так?

Танский монах разъяснил ей:

— В миру моя фамилия Чэнь, а монашеское имя Сюань-цзан. Великий и милосердный император Танского государства удостоил меня высокой чести, назвав меня своим младшим братом, и позволил мне носить фамилию Тан.

— А почему в проходном свидетельстве не значатся твои спутники — ученики?— спросила государыня.

Сюань-цзан отвечал и на этот вопрос:

— А это потому, что они не являются уроженцами Танского государства.

— Почему же они, в таком случае, последовали за тобой?— полюбопытствовала государыня.

— Мой старший ученик,— стал объяснять Сюань-цзан,— родом из страны Аолайго, расположенной на материке Дуншэньчжоу; второй ученик из селения Усы — на материке Синюхэчжоу, а третий — из Люшахэ. Все они в прошлом провинились перед небом, и бодисатва Гуаньинь, проживающая у Южного моря, приняла их обет и сняла с них кару, при условии, что они будут сопровождать и охранять меня в моем путешествии на Запад за священными книгами. Как видите, они стали моими учениками уже в дороге. Вот почему их не занесли в проходное свидетельство.

— Хочешь, я занесу их?— спросила государыня.

— Пожалуйста, — отвечал Танский монах. — Как тебе угодно.

Государыня велела немедленно принести писчую кисть и ароматную тушь, густо растерла ее, жирно обмакнула кисть и на оборотной стороне свидетельства собственноручно написала монашеские имена трех спутников Сюань-цзана: Сунь У-кун, Чжу У-нэн, Ша У-цзин; затем она достала государственную печать и поставила ее где следовало. Наконец она расписалась и передала проходное свидетельство Сунь У-куну. Сунь У-кун принял бумагу и отдал ее Ша-сэну, чтобы он спрятал ее.

Государыня велела принести поднос с золотом и серебром, взяла его в руки, сошла с трона и хотела отдать Сунь У-куну.

— Возьмите пока эту мелочь, — сказала она, — на дорожные расходы, чтобы скорее добраться до Запада. А когда будете возвращаться со священными книгами, я щедро вознагражу вас.

Однако Сунь У-кун не принял денег и сказал:

— Мы покинули суетный мир, и теперь нам не нужны ни золото, ни серебро. В пути мы собираем подаяние и тем кормимся.

Тогда государыня велела принести десять кусков парчи и снова обратилась к Сунь У-куну:

— Вы так стремились поскорее отправиться в путь, что я не успела даже сшить для вас одежду. Возьмите с собой хоть эту ткань. Может быть, в пути вы сошьете себе какое-нибудь платье, чтобы защититься от холода.

— Мы не миряне,— отвечал Сунь У-кун,— и нам нельзя носить парчовые одежды. А по дороге всегда найдется рубище, чтобы прикрыть бренное тело.

Убедившись в том, что и этот дар не будет принят, государыня велела принести три меры чистого риса.

— Тогда возьмите с собой крупы,— молвила она,— будете варить кашу.

Услышав про еду, Чжу Ба-цзе не вытерпел и сразу же засунул этот дар в узел.

— Брат,— поддел его Сунь У-кун.— Ты все жаловался, что поклажа чересчур тяжела, как же хватит у тебя сил тащить еще и рис?

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

— Что ты понимаешь,— говорил он сквозь смех,— ведь рис тем и хорош, что каждый день расходуется. Если же сразу все съесть, тогда и дух вон.

Затем все трое мгновенно сложили руки и совершили поклоны в благодарность за оказанную милость. Наконец Танский монах обратился к государыне:

— Осмелюсь потревожить тебя еще одной просьбой,— сказал он умоляющим тоном,— проводи вместе со мной моих учеников за городскую заставу, там я скажу им напутственное слово, чтобы они с честью выполнили свой долг. А когда вернемся во дворец, будем наслаждаться вечным счастьем. Мы станем жить

с тобой счастливо и мирно, не зная ни забот, ни тревог, словно птицы Люань и Фын.

Государыня, ничего не подозревая, велела тотчас же приготовить выезд и, крепко прижимаясь к Танскому монаху, села с ним вместе в колесницу, которая повезла их к западной заставе города. Улицы были политы чистой водой, воздух напоен ароматом благовоний. Толпы народа вышли на улицу, чтобы увидеть поезд государыни, послушать замечательный звон колокольчиков, и поглядеть на Танского монаха — избранника государыни.

Здесь не было ни одного мужчины, только женщины — напомаженные, напудренные, с высокими прическами.

Вскоре поезд выехал из ворот города и оказался за западной заставой.

Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн встретили приближение колесницы радостными возгласами:

— О великодушная государыня,— кричали они,— не провожай нас дальше. Распрощаемся здесь.

Танский монах медленно сошел с колесницы, молитвенно сложил руки и с поклоном обратился к государыне:

— Прошу тебя, вернись во дворец и позволь мне, бедному монаху, отправиться на Запад за священными книгами.

От этих слов государыня даже в лице изменилась. Она схватила Танского монаха за руку и вскричала:

— Мой дорогой! Ведь я обещала отдать тебе все мое состояние, только бы ты стал моим мужем. Завтра тебе предстоит занять престол и принять титул государя, я же передам тебе бразды правления и буду только твоей женой — государыней. Ведь мы пировали по этому случаю. Как же можно так неожиданно нарушить свое слово!

Чжу Ба-цзе слушал, слушал и разозлился. Он начал поворачивать то в одну, то в другую сторону свое свиное рыло и захлопал своими огромными ушами.

— Да понимаешь ли ты, что мы честные монахи?— заорал он, кинувшись к колеснице.— Неужели мы станем осквернять свое тело и жениться на такой размалеванной и напомаженной, как ты? Отпусти моего наставника и не приставай к нему!

Государыня пришла в ужас от его грозного и страшного вида. Душа у нее ушла в пятки, и от страха она свалилась со своего сиденья прямо на пол.

Между тем Ша-сэн и Сунь У-кун вывели Танского монаха из толпы и помогли ему сесть на коня. Вдруг на обочине дороги мелькнула женщина. Она бросилась к Танскому монаху с возгласами:

— О младший брат Танского императора! Не покидай нас! Дай мне насладиться с тобой утехами любви!

Ша-сэн стал отгонять ее.

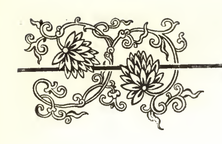
— Куда лезешь, негодница!

Выхватив свой волшебный посох, он собрался было ударить женщину по голове, но вдруг поднялся страшный вихрь, раздался свист, и Танский монах исчез.

Оии исчезли! Что за иаважденье?
Вот только были здесь и вдруг пропали!
Несчастный Сюань-цзаи: ему едва ли
Удастся выбраться из плеиа наслаждеиий!
Избавившись от пут, попал в теиета,
Из ямы выйдя, угодил в болото,
И вновь готов для новых похождеиий!
Но та, что отияла его свободу,
Была ли человеческого рода?

О том, что случилось с нашим Танским монахом, остался он жив или погиб вы узнаете, если прочтете следующую главу.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ,

из которой вы узнаете о том, как обольстительница-чародейка завлекала Танского монаха, и о том, как он оказался тверд и не осквернил себя

Итак, в тот самый момент, когда Великий Мудрец Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе собрались заколдовать силянскую государыню, вдруг налетел вихрь, бешено завыл ветер и раздался крик Ша-сэна. Наставник исчез. Сунь У-кун стал спрашивать Ша-сэна:

— Кто же мог похитить нашего наставника?

— Какая-то женщина,— растерянно отвечал тот.— Она вызвала вихрь, который подхватил и унес нашего учителя.

Услышав эти слова, Сунь У-кун стрелой взлетел на облако и, тормозя его движение своей одеждой, которую он распахнул, стал внимательно оглядываться по сторонам. Вдруг он заметил вдали столб пыли, исчезавший в северо-западном направлении. Обернувшись к монахам, он крикнул им:

— Братья! Живей взбирайтесь на облако, полетим выручать нашего наставника!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн быстро привязали поклажу на коня; раздался шум, и они оказались вместе с конем в воздухе.

Силянская государыня и вся ее свита при виде этого необыкновенного зрелища разом опустились на колени прямо в дорожную пыль.

— Нам удалось воочию увидеть средь бела дня настоящих праведников — архатов, — говорили в толпе. — Государыня наша пусть не страшится и не огорчается. Младший брат Танского императора — прозревший последователь Будды, постигший тайну самосозерцания. А мы были слепы, приняв его за простого смертного, за красавца мужчину из Серединного цветущего государства. Все наши стремления оказались тщетными. О государыня, повелительница наша! Садись в свою колесницу и возвращайся к себе во дворец.

Терзаемая стыдом, государыня возвратилась со всей своей свитой во дворец, и мы здесь покинем ее.

Тем временем Сунь У-кун и его помощники, воспарив к небесам, на облаке мчались сломя голову вслед за вихрем, унесшим их наставника. Они догнали его у высокой горы, но в этот момент пыль исчезла, ветер стих и неизвестно было, куда скрылась чародейка. Монахи прижали вниз край облака, заметили тропинку, спрыгнули вниз и пустились на поиски. Вдруг перед ними выросла стена, сложенная из темного блестящего камня. Она напоминала щит, предохраняющий внутренний двор от злых духов. Ведя за собой коня, монахи зашли за щит и увидели огромные каменные ворота, а над ними надпись, состоящую из шести больших иероглифов. Надпись гласила: «Пещера Лютни «пиба» * в горе Погибель врагам».

Чжу Ба-цзе по своему невежеству бросился к воротам и хотел было сломать их граблями, но Сунь У-кун вовремя удержал его.

— Не торопись, брат,— сказал он,— мы мчались вдогонку за вихрем, не догнали его и вот очутились здесь. Эти ворота мы видим впервые и не знаем, кто за ними живет. Что, если мы будем ломиться не в те ворота, которые нам нужны? Мы просто обидим их владельца! Вы лучше отведите коня за каменный щит и ждите меня там; я проберусь внутрь и узнаю, как там обстоят дела. Тогда и решим, что делать.

— Прекрасно!— воскликнул Ша-сэн.— Поистине ты умеешь, как говорится, вместо грубости действовать осторожностью, а при спешке быть неторопливым.

Монахи повели коня обратно. Между тем Сунь У-кун снова пустил в ход свои чары, произнес заклинание, встряхнулся всем телом и сразу же превратился в маленькую пчелку, легкую и проворную:

Ветру покорны тонкие крылышки пчелки,
Тельце блестит в полосатой одежде из шелка,
А хоботок торопливый пыльцу собирает с цветов.
Много у пчелки забот, и опасностей также немало,
Но уберечься от них помогает ей острое жало,
Жало — защита ее от жестоких врагов.
Что же такое задумала хитрая пчелка?
Вот подлетела к воротам, вот юркнула в щелку...

И так Сунь У-куну удалось благополучно пролезть в щелочку ворот. Оказавшись по ту сторону, он полетел вглубь, ко вторым воротам, но по пути заметил среди цветов небольшую беседку, в которой сидела женщина-чародейка, а с ней несколько разодетых служанок с причудливо зачесанными волосами. Женщины оживленно беседовали между собой и чему-то радовались. Сунь У-кун незаметно подлетел к ним поближе, пристроился на решетке беседки и, навострив уши, стал внимательно прислушиваться к разговору.

В это время в беседку вошли еще две женщины, тоже с затейливыми прическами, и подали два блюда с яствами, от которых шел ароматный пар. Одна из них сказала:

— Госпожа! Вот горячие пирожки, приготовленные на пару. На одном блюде скоромные, с начинкой из человечьего мяса, а на другом — постные с начинкой «дэнша».

Чародейка улыбнулась и тут же приказала:

— Приведите сюда названого брата Танского императора!

Служанки бросились во внутренние покои и вскоре вывели оттуда несчастного Сюань-цзана. Он весь пожелтел и осунулся, губы его стали мертвенно-бледными, из покрасневших воспаленных глаз катились слезы. Сердце Сунь У-куна сжалось от боли, когда он увидел своего учителя в таком ужасном виде. И он подумал: «Видно, немало страданий перенес наставник!»

Чародейка покинула беседку и пошла навстречу Сюань-цзану. Обнажив кисти рук, она взяла своими нежными пальцами Танского монаха за плечо и обратилась к нему с такими словами:

— О, будь великодушен ко мне, дорогой старший брат мой! Не взыщи, что здесь не так роскошно, как во дворце силянской государыни, нет такого богатого и изящного убранства. Зато тут царят покой и уют. Здесь тебе будет очень удобно молиться Будде и читать священные книги. Я буду во всем твоей верной спутницей и подругой, и мы с тобой проживем сто лет в мире и согласии.

Танский монах безмолвствовал.

Чародейка продолжала обольщать его:

— Перестань же сердиться и огорчаться,— говорила она.— Мне известно, что на пиру у государыни женского царства ты ничего не ел и не пил. Изволь же отведать моего угощения. Здесь два блюда с пирожками скоромными и постными. Выбирай, какие тебе по вкусу.

Танский монах между тем стал размышлять: «Если я буду молчать и не стану ничего есть, то эта ведьма, пожалуй, погубит меня. Это не то, что силянская государыня, та все же была человеком. Что же мне делать? Мои верные спутники не знают, что я попал сюда, и я могу ни за что ни про что погибнуть».

Танский монах терзался сомнениями, но ничего не мог придумать. Наконец он набрался храбрости и спокойным тоном спросил чародейку:

— А из чего сделаны ваши пирожки?

— Скоромные с начинкой из человечьего мяса,— отвечала чародейка,— а постные с начинкой «дэнша».

— Я монах и буду есть постное,— сказал Сюань-цзан.

— Эй, девушки! — позвала чародейка.— Принесите горячего чая и дайте постных пирожков нашему повелителю, хозяину дома!

Одна из служанок поднесла Танскому монаху чашечку с ароматным чаем, а чародейка дала ему пирожок, предварительно разломав его.

Трипитака взял скоромный пирожок и, не разламывая, отдал чародейке.

— Царственный брат мой, почему же ты не разломил мне пирожок? — кокетливо смеясь, спросила она.

Почтительно сложив ладони, Танский монах отвечал:

— Я ведь не мирянин, а монах, потому и не осмелился разломать скоромный пирожок.

— Если ты монах и боишься разломить скоромный пирожок,— сказала чародейка,— то как осмелился ты съесть пирожок «шуйгао» на реке Матери и младенца, а сейчас ешь пирожки с начинкой «дэнша»?

Помышляя о спасении, Танский монах ответил так:

По высокой воде корабль плывет быстро*,
А в зыбком песке конь идет медленно!

Сунь У-кун внимательно прислушивался к их беседе. Заметив, что разговор становится все более игривым, Сунь У-кун стал опасаться, как бы наставник не зашел слишком далеко и не осквернил себя. Тут он принял свой настоящий облик, занес над головой железный посох и закричал на чародейку:

— Бесстыжая тварь! Совратительница!

Чародейка выдохнула пламя, окутавшее всю беседку, а затем приказала служанкам:

— Уведите Танского монаха.

Затем чародейка вооружилась волшебным трезубцем, выскочила из беседки и крикнула:

— Ах ты, невежественная обезьяна! Как осмелилась ты самовольно проникнуть в мой дом и любоваться мною! Стой, ни с места! Сейчас я тебя угощу!

Однако Сунь У-кун отбил удар своим посохом и стал пятиться от разъярившейся ведьмы. Сражаясь, они не заметили, как очутились за воротами пещеры. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, дожидавшиеся Сунь У-куна за каменным щитом, вдруг услышали шум. Чжу Ба-цзе всполошился и, передавая поводья Ша-сэну, сказал:

— Ты обожди меня здесь, постереги коня и поклажу, а я пойду на подмогу.

Чжу Ба-цзе все же был добрым малым. Подняв свои грабли обеими руками, он выскочил к воротам пещеры и закричал:

— Сунь У-кун! Передохни! Дай мне расправиться с этой чертовкой!

Но чародейка успела заметить Чжу Ба-цзе и прибегла к новому приему. Она пронзительно взвизгнула, из ноздрей у нее метнулось пламя, изо рта повалил густой дым, она встряхнулась

всем телом и кинула в Чжу Ба-цзе свой трезубец. В тот же момент у нее появилось несметное количество рук. Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе с двух сторон нападали на нее, а она иступленно кричала:

— Наконец-то ты мне попался Сунь У-кун. Ты меня не знаешь, зато я хорошо знаю тебя. Твой покровитель Будда Татагата, обитающий в храме Раскатов грома, и тот боится меня. Теперь вам от меня не уйти. Подходите, подходите! Каждому из вас достанется!

И тут разыгрался необыкновенный бой. Вот послушайте:

Волшебница, полна воинственного пыла,
Призвав на помощь колдовские силы,
Противникам удары наносила,
А Сунь У-кун, не сдерживая гнева,
Кидался на нее в ожесточенье,
Подобно разъяренному удаву,—
Тогда как Чжу Ба-цзе, не знавший поражений,
Свою припомнив боевую славу,
То вправо граблями разил, то влево,
Выказывая в том великое уменье.
Из-за чего же началось сраженье?
Из-за чего два доблестнейших мужа
Вдруг против женщины пустили в ход оружье,
Не зная милости, забыв о снисхожденье?
Зачем, внезапно изменив обличье
И окружив себя огнем и черным дымом,
Волшебница, борясь неутомимо,
Присущий женщинам нарушила обычай,
Презрев законы, правила, приличья?
Событьям этим лишь одна была причина:
Понадобился женщине мужчина,
Который разделил бы с нею ложе
Для нежных ласк и для утех любовных...
Достойного нашла себе — и что же?
Он оказался вовсе ей не ровня!
Грешить монаху с женщиной не гоже,
И целомудрие ему всего дороже.
Мужское с женским не поладили начала,
И посему в жестокий бой вступили,
Начало женское — ответа не встречало,
Мужское — на любовь не отвечало,
И, не жалея ревностных усилий,
Они друг друга одолеть стремились.
Противники пыхтят и пышут жаром,
Изобретают новые уловки,
Обрушивают страшные удары,
Показывают дивную сноровку.
Трезубец, что в руках у чародейки,
Разит, как меч, а жалит, словно змейка,
Однако посох и большие грабли,
Что, как цепы тяжелые, взлетают,
Трезубцу грозному ни в чем не уступают!
И Чжу Ба-цзе и Сунь У-кун, не зная страха,
Сражаются за Танского монаха.
Всю кровь готовы, до последней капли,
Они отдать, чтоб победить злодейку,

Желающую их учителя заставить
Себя грехом великим обесславить
И путь за книгами священными оставить.
От шума битвы солнце лик свой скрыло,
Однако тьму луна не озарила,
И, как птенцы, покинувшие гнезда,
По небу разбрелись испуганные звезды.

Долго сражались противники, но так и нельзя было сказать, кто из них победит. Вдруг чародейка выбросила вперед руку, и, прибегнув к приему «Ядовитое дерево, способное свалить с ног коня», ударила Сунь У-куна по голове.

— Ой! Больно! — завопил Сунь У-кун и бросился бежать с поля боя. Чжу Ба-цзе, видя, что дело плохо, тоже пустился наутек, волоча за собой свои грабли.

Тут чародейка убрала оружие, празднуя победу.

Между тем Сунь У-кун, обхватив голову руками, стонал:

— Больно! Больно!

— Что случилось, братец? — спросил, подбегая к нему, Чжу Ба-цзе.— В самый удачный момент, когда мы вот-вот должны были выиграть бой, ты вдруг заорал «больно» и удрал!

Обхватив голову руками, Сунь У-кун продолжал стонать:

— Ой, как больно! Ой, как больно! Ой, как больно!

— У тебя голова заболела? — встревоженно спросил Ша-сэн.

При этих словах Сунь У-кун подскочил и заорал:

— Да нет же! Нет! Нет!

— Так скажи, в чем дело? — допытывался Чжу Ба-цзе.— Я не видел, чтобы тебя ранило, а между тем ты кричишь во все горло.

Продолжая охать, Сунь У-кун с трудом стал говорить:

— Когда я с ней дрался, чертовка почувствовала, что ей не устоять, и ударила меня чем-то по голове. С той минуты у меня началась нестерпимая головная боль, и я бросился бежать.

— А ты хвалился, что у тебя голова закаленная,— со смехом сказал Чжу Ба-цзе.— Что же ты такого пустяка не выдержал?

Сунь У-кун обиделся:

— Голова у меня действительно закаленная. Что только с ней не делали! — сказал он.— После того как я вступил на путь Истины и закалил себя в самоусовершенствовании, я учинил буйство в небесных чертогах, похитил яства в Персиковом саду и выпил вино бессмертных небожителей, а также съел пилюли бессмертия, принадлежащие Лао-цзюню. Нефритовый император послал против меня царя духов умерших, обладающего неимоверной силой, и всех духов, обитающих на двадцати восьми созвездиях. Они схватили меня и доставили на лобное место у дворца созвездия Доу-ню. Мою голову пытались отрубить, метали в нее молнии и громы, жгли огнем, но ничего не вышло. Затем Лао-цзюнь поместил меня в свою волшебную печь с триграммами, в ней он плавил меня сорок девять дней — и все

напрасно! А эта чародейка каким-то неведомым оружием причинила мне нестерпимую боль.

— Убери руки,— сказал Ша-сэн,— я погляжу, что у тебя с головой. Все цело! Ни единой царапины!

— Конечно, цело! — подтвердил Сунь У-кун.

— А не слетать ли мне в столицу Силянского государства,— предложил Чжу Ба-цзе.— Может быть, я достану там какой-нибудь мази или пластырь?

— Зачем? — удивился Сунь У-кун.— Ведь на голове нет ни шишки, ни царапины. Куда же прикладывать пластырь или мазь?

Чжу Ба-цзе рассмеялся.

— Вот видишь, послеродовой горячки у меня так и не было, а ты болячку в голове приобрел.

Ша-сэн одернул его:

— Брось свои шутки, сейчас уже время позднее, у Сунь У-куна болит голова, что с наставником, жив он или нет,— мы не знаем. Что же делать?

Сунь У-кун со стоном произнес:

— Наставник цел и невредим. Когда я, превратившись в пчелу, проник в пещеру, то увидел его. Эта ведьма сидела в беседке среди цветов. Затем служанки подали на двух блюдах пирожки: одни с начинкой из человечьего мяса — скоромные, другие — с какой-то начинкой «дэнша» — постные. Затем я видел, как две молодые служанки привели наставника в эту беседку, а ведьма стала угощать его пирожками и успокаивать. После этого она стала объясняться в своих чувствах и говорила, что хочет быть спутницей и подругой нашего наставника. Он сперва молчал, не отвечал ей и пирожков не брал, но потом, видимо, поддался ее сладким речам и нежным уговорам. Не знаю, почему он вдруг заговорил с ней и даже согласился съесть пирожок, правда, постный. Ведьма взяла пирожок, разломила его пополам и дала наставнику, а он взял скоромный пирожок и, не разломив,— передал ей. Она спросила: «Почему же ты не разломил пирожок?» — «Я — монах,— отвечал наставник,— и мне не положено разламывать скоромные пирожки». Тогда ведьма сказала: «Зачем же ты пил воду из реки Матери и младенца, а сегодня ешь пирожки с начинкой «дэнша»?» Он, видимо, не понял, что она сказала, и ответил:

«По высокой воде корабль плывет быстро,
А в зыбком песке конь идет медленно».

Все это я слышал слово в слово и, опасаясь как бы наш наставник не увлекся и не осквернил себя, принял свой первоначальный облик, поднял посох и стал наступать на чародейку. Тут она применила свои чары, выдохнула пламя и дым, скрывший всю беседку, а служанкам велела немедленно увести нашего наставника. Вращая своим трезубцем, она стала наседать на меня, и шаг за шагом мы очутились за воротами пещеры.

Ша-сэн внимательно слушал и от волнения кусал пальцы.

— Интересно, когда эта чертовка стала следить за нами и откуда ей известно, что с нами произошло несколько дней тому назад?

— Неужели,— вскричал Чжу Ба-цзе,— после этого мы будем сидеть сложа руки? Нужно сейчас же, несмотря на поздний час, отправиться к воротам и вызвать ее на бой. Будем кричать и биться всю ночь, чтобы она не знала ни минуты покоя, и помешаем ей завлечь нашего наставника.

— Я никуда не пойду,— простонал Сунь У-кун,— голова у меня разламывается.

— Не надо сейчас никуда ходить,— сказал тут Ша-сэн,— Сунь У-кун заболел и, кроме того, я уверен за нашего учителя. Он настолько чист и непорочен, что никакие женские соблазны не смутят его покой. Давайте расположимся на ночлег где-нибудь здесь, на склоне горы, где нет ветра. За ночь мы наберемся сил, а утром подумаем, что предпринять.

Трое монахов крепко привязали белого коня и, по очереди карауля свою поклажу, стали отдыхать. Здесь мы их пока оставим и вернемся к чародейке.

Чародейка пришла в радостное расположение духа и от недавней неистовой злобы не осталось и следа. Она позвала своих служанок:

— Ступайте и прикажите крепко-накрепко запереть все входы и выходы,— сказала она, а двум караульным велела зорко следить за тем, чтобы Сунь У-кун снова не пробрался в пещеру.— Как только услышите малейший шорох, так сейчас же поднимайте тревогу.

— Девушки! Приберите как следует опочивальню. Зажгите свечи и благовония, а после этого приведите нашего гостя — брата Танского императора. Я хочу провести с ним время в радостном свидании.

И вот из глубины пещеры служанки ввели Танского монаха. Волшебница с чарующим видом взяла Сюань-цзана за руки.

— Мне часто приходилось слышать,— сказала она вкрадчивым голосом,— что «не так дорого чистое золото, как дороги радость и покой». Я хочу позабавиться с тобой любовными утехами, словно мы с тобой муж и жена.

Танский монах до боли стиснул зубы и не промолвил ни слова. Ему не хотелось идти за чародейкой, но он опасался, что она загубит его своими чарами, и, дрожа от страха, последовал за ней в ее благоухающие покои.

Он шел в совершенной растерянности, робкими шагами, опустив голову. До того ли ему было, чтобы осмотреть убранство опочивальни, разглядеть ложе и постель, ознакомиться с роскошными нарядами, украшениями, шкатулками и гребешками?!

Он не слышал страстных, любовных речей волшебницы и вел себя как настоящий монах.

И в самом деле:

На грешную красоту очи его не глядели,
Грешных речей невнятен был ему сладкий звук.
Хуже гнили и тлена были ему противны
Взгляды очей прелестных, блеск ожерелий дивных,
Розовых уст улыбка, пожатье ласковых рук.
Что для него богатства, жемчуг бесценный, злато,
Шелковые одежды, каменные палаты,
Если закону Будды себя посвятил монах?
Если светом небесным сердце его объято,
Что для него соблазны? — пепел, песок и прах!
Хитрая чародейка множила обольщенья,
Сладостные усмешки, дерзостные движенья,
Но, как замшевый камень, был он и слеп и глух,
Взору его приятны были иные виденья,
Лепету слов любовных был закрыт его слух.
Женщина, как светильник, ярким огнем горела,
Страсть в ее теле нежном бурным ключом кипела,
Но от огня не таял мудрого сердца лед:
Тщетно льстивые ласки красавица расточала,
Сбрасывала одежды, скидывала покрывала,
Сетью уловок тайных праведника оплетала,—
Горек устам блаженным был тот душистый мед!
От шелковистых прядей, полунагого стана,
Яшмовых украшений он отвращал лицо,
Тихо творя молитву, твердо и неустанно,
Рук ее влажных, льнущих, он размыкал кольцо.
Молвила чародейка: «Ты мне всего дороже,
Я ж красою своею на Лю Цуй-цуй* похожа,
Лучшего из достойных лаской могу увлечь,
Так отчего со мною не разделяешь ложа
И для утех любовных вместе не хочешь лечь?»
Стягивая потуже рясу из ткани грубой,
Праведник отвечал ей: «Пусть твои ласки любы
Тем, чьи молитв священных ие повторяют губы,
Тем, кто мирским усладам жизнь свою посвятил,
Я ж не из тех монахов, кто на соблазны льстится,
Кто свою душу предал чарке или блуднице,
Кто, ради наслаждений, светоч свой угасил!»
Отповедью достойной не смущена нимало,
Этим речам суровым дерзкая не внимала,
Снова слова хмельные праведнику шептала,
Тщетно его пытаясь лестью приворожить:
«Я ведь Си-ши прелестной ласковей и нежнее,
Буду тебе покорна — в тысячекрат дружнее,
Чем та с царем Юе-ваном*, будем с тобою жить!»
«Чья же краса сгубила славного Юэ-вана,—
В гневе монах ответил,— как не твоей Си-ши?
Я предаваться блуду вместе с тобой не стану,
Не изменю обетам, не поругаю сана,
Не замараю тела, не оскверню души!»
«Царственный брат мой! — тихо женщина отвечала,—
Гневаешься напрасно! Лучше бы ты сначала
Вспомнил завет любовный, высказанный в стихах:
«Кто от любви сгорает, в скорби не умирает,
Дух его в новой жизни радостью расцветает».

Эти слова прекрасней слов твоих, о монах!»
«Что мне в твоих заветах,— молвил мудрец с досадой,—
Пагубны и тлетворны чувства твои и слова,
Лишь в чистоте нетленной я нахожу отраду,
И, как сурмленный остов, ты для меня мертва!»

До самой глубокой ночи препирался Танский монах с чародейкой, не поддаваясь ее обольщениям. Но та не отступала и всячески старалась завлечь Сюань-цзана. Наконец чародейка не выдержала и разозлилась.

— Служанки! принесите сюда веревки! — приказала она.

И вот бедного монаха, к которому чародейка воспылала любовью, скрутили веревками, словно хищного льва, а затем выволокли под веранду и оставили там. Вскоре огни в серебряных светильниках были погашены и все улеглись спать. О том, как прошла ночь, рассказывать нечего.

Когда петухи пропели в третий раз, Сунь У-кун, расположившийся на склоне горы, потянулся и обрадованно сказал:

— Голова у меня совсем не болит,— нисколечко, а ведь как мучился вчера! Зато теперь она почему-то стала чесаться.

Чжу Ба-цзе рассмеялся.

— Раз чешется, надо попросить чародейку еще разок стукнуть тебя. Что ты на это скажешь?

Сунь У-кун плюнул с досады:

— Отвяжись!

Но Чжу Ба-цзе продолжал смеяться:

— Ты говоришь «отвяжись»! А нашего наставника тем временем чародейка к себе привязала!

Тут Ша-сэн прервал их:

— Да перестаньте вы ссориться,— с сердцем произнес он,— ведь уже совсем рассвело. Идемьте лучше на расправу с этим дьяволом в образе женщины.

— Брат, ты пока побудь здесь,— сказал ему Сунь У-кун,— покарауль коня и никуда не ходи, а Чжу Ба-цзе пусть идет за мной!

Дурень приосанился, подпоясал халат и пошел вслед за Сунь У-куном. У обоих в руках было оружие. Перепрыгнув через гору, они направились к каменному щиту перед воротами пещеры. Тут Сунь У-кун обратился к своему помощнику с такими словами:

— Ты пока постой здесь, а я проберусь и узнаю, не причинила ли эта ведьма вреда нашему наставнику. Если ей удалось обольстить его и он лишился целомудрия, то нам нечего больше делать и придется расставаться, но если он остался непоколебим и проявил твердость характера, не поддавшись никаким соблазнам, то нам надо будет во чтобы то ни стало убить ведьму, выручить учителя из беды и следовать дальше на Запад.

— Ты что, полоумный, что ли? — воскликнул Чжу Ба-цзе.—

Не знаешь пословицы: «Сушеная рыба лучшая подстилка для кошки». И вряд ли ты сможешь против этого возразить.

— Да перестань ты зря болтать! Погоди, я все узнаю.

С этими словами наш Сунь У-кун покинул Чжу Ба-цзе и зашел за каменный щит.

Встряхнувшись, он снова превратился в пчелку и пробрался за ворота. Там он увидел двух молодых привратниц, которые сладко спали, положив под голову сторожевые колотушки. Сунь У-кун полетел к цветочной беседке. Там тоже крепко спали служанки, несмотря на то что уже настал день. Видимо, все они изрядно устали за ночь. Сунь У-кун полетел дальше и вдруг услышал стон. Оглядевшись, он увидел под верандой Танского монаха, связанного по рукам и ногам. Сунь У-кун тихонько подлетел к нему, уселся на голову и позвал:

— Наставник!

Танский монах сразу же узнал голос Сунь У-куна.

— Это ты, дорогой мой Сунь У-кун! Спаси меня скорей!

— Как прошла ночь? Насладился любовными утехами?

Танский монах заскрежетал зубами от ярости:

— Да я лучше умру, чем позволю себе что-либо подобное! — вымолвил он.

Сунь У-кун, однако, продолжал допытываться.

— Я заметил вчера,— сказал он,— что эта чертовка уж очень явно к тебе благоволит. Каким же образом ты очутился сейчас здесь в таком жалком виде?

Тогда Танский монах стал рассказывать:

— Она не оставляла меня в покое почти до самого утра. Но я не поддался ее уговорам и не лег в постель. Тогда она велела связать меня и бросить сюда. Умоляю, спаси меня, чтобы я мог отправиться за священными книгами.

Пока наставник и его верный ученик переговаривались, чародейка уже проснулась и услышала, как Танский монах сказал: отправиться за священными книгами. И хотя чародейка была очень зла на Сюань-цзана, расставаться с ним ей не хотелось. Соскочив со своего ложа, она подбежала к нему:

— За какими это еще священными книгами ты собрался? — спросила она гневно.—Эх ты, не сумел даже показать себя, как подобает порядочному мужу!

Сунь У-кун испугался, отпрянул от наставника и, расправив крылья, вылетел через ворота, где принял свой настоящий облик.

— Чжу Ба-цзе! — заорал он.

Чжу Ба-цзе откликнулся на зов и вышел из-за каменного щита.

— Ну, что? Ведь сбылись мои слова? — ехидно спросил он.

— Вовсе нет! — отвечал Сунь У-кун.— Эта чертовка, ничего не добившись, со злости связала нашего наставника и бросила под веранду. Он хотел рассказать мне все, что случилось с ним ночью. Но ведьма проснулась, и я поспешил улизнуть.

— Но хоть что-нибудь он успел тебе рассказать? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Он сказал, что не раздевался и в постель не ложился.

Чжу Ба-цзе обрадовался:

— Молодец! Вот это настоящий монах. Теперь давай выручать его из беды!

И, не вступая в дальнейшие разговоры, Чжу Ба-цзе схватил свои грабли и изо всей силы швырнул их в каменные ворота. Раздался страшный грохот и от ворот откололось несколько кусков. Привратницы в страхе проснулись и побежали ко вторым, внутренним, воротам:

— Отворите! — кричали они, не помня себя от страха.— Первые ворота сломаны, их сломали те двое монахов, что были вчера!

Чародейка вышла из своих покоев и к ней тотчас бросилось несколько служанок:

— Госпожа! — кричали они.— Те двое, что приходили вчера, сломали передние ворота.

Тут чародейка стала поспешно отдавать распоряжения:

— Подайте мне горячей воды умыться! Расчешите мне волосы! — кричала она.— А Танского монаха унесите в заднее помещение и спрячьте там, только не развязывайте!

Со словами: «Сейчас я с ними рассчитаюсь»,— чародейка вышла из ворот, взмахнула своим трезубцем и начала браниться.

— Эй ты, мерзкая обезьяна! И ты, грязный боров! Дожили до седых волос, а ума не набрались. Как смели вы сломать мои ворота?

— Бессовестная тварь, потаскуха,— заорал Чжу Ба-цзе.— Нас ругаешь, а сама как поступила с нашим наставником! Зачем захватила в свое логово и хотела сделать своим мужем? Выпусти его живей, тогда мы пощадим тебя! Если же ты посмеешь произнести хоть половину слова «нет», клянусь, что я, Чжу Ба-цзе, своими граблями разнесу всю эту гору и обрушу ее на тебя, ведьма проклятая!

Разумеется, чародейка не могла стерпеть такого обращения. Она затряслась всем телом, из носа и изо рта у нее повалил дым, метнулись языки пламени. Она хотела ударить Чжу Ба-цзе трезубцем, но тот успел увильнуть и принялся бить ведьму своими граблями. Сунь У-кун, не теряя времени, выхватил свой посох и стал помогать товарищу. Но чародейка опять прибегла к своему волшебству: у нее вдруг появилось огромное количество рук, с помощью которых она легко отбивала удары, сыпавшиеся на нее со всех сторон. Противники схватывались раз пять. И с каждым разом все ожесточеннее.

Вдруг чародейка чем-то с силой ударила Чжу Ба-цзе в самое рыло. От страшной боли Дурень бросился бежать, одной рукой волоча за собой грабли, а другой держась за ушибленное место. Сунь У-кун, признаться, позавидовал ему и, помахав для вида

посохом, тоже бросился бежать. Вернувшись с победой, чародейка велела слугам запереть ворота и завалить камнями пролом. На этом мы пока и расстанемся с ней.

Тем временем Ша-сэн, который пас коня на склоне горы, вдруг услышал хрюканье. Оглянувшись, он увидел Чжу Ба-цзе. Тот бежал к нему, держась за рыло, и отчаянно хрюкал.

— Что с тобой? — участливо спросил Ша-сэн.

— Беда, беда! — простонал Чжу Ба-цзе.— Ой, как больно! До чего же больно!

Тут показался Сунь У-кун, который подбежал к ним и со смехом сказал:

— Ну как, Дурень? Будешь теперь надо мною смеяться? А? Вчера ты что-то болтал про мою голову? Говорил, что у меня там болячка, а сегодня сам подхватил не то язву, не то сап?

— Ой, сил больше нет! — стонал Чжу Ба-цзе.— До чего же больно! Что теперь будет! Вот беда!

Все трое находились в полной растерянности и не знали, что делать. Вдруг показалась старушка, которая несла корзинку, сплетенную из бамбука. Она, видимо, шла с южного склона горы, где собирала лекарственные травы. Ша-сэн увидел ее и обратился к Сунь У-куну:

— Братец! Не спросить ли мне у старушки об этой ведьме? Может, она знает, что у нее за оружие и как она причиняет столь нестерпимую боль?

— Погоди! — отвечал Сунь У-кун,— дай лучше я сам все узнаю.

Сунь У-кун пристально вгляделся в старушку и заметил сияние вокруг ее головы, да и вся она была окутана ароматной дымкой. Сунь У-кун сразу же догадался, кто была эта старушка.

— Братцы мои!— вскричал он.— Скорей становитесь на колени и совершайте земные поклоны! Ведь это сама бодисатва Гуаньинь к нам пожаловала.

Чжу Ба-цзе так переполошился, что, забыв про боль, опустился на колени, а Ша-сэн, держа коня на поводу, изогнулся в низком поклоне. Сунь У-кун, стоя на коленях, молитвенно сложил руки и проговорил:

— Я верю во всемилостивейшую и вселюбящую, спасающую от горестей и бед, всепроницательнейшую и величайшую Гуаньинь.

Старушка поняла, что монахи узнали ее по сиянию, которое она излучала. Ступив ногами на благовещий луч, она вознеслась в небо и приняла свой первоначальный вид. Она явилась в одном из своих тридцати трех изображений, с корзиной для рыб в руках. Сунь У-кун тоже взлетел на воздух и, поклонившись бодисатве, молвил:

— О бодисатва! Прости, что мы не почтили тебя поклоном раньше! Мы старались спасти нашего наставника, попавшего в беду, и не знали, что ты соблаговолишь спуститься в мир. На

этот раз нас мучает чародейка, с которой мы никак не можем справиться, и взываем к тебе о помощи. Помоги нам!

Бодисатва ответила:

— Я знаю эту чародейку! Она обладает огромной силой. Ее трезубец — волшебные клешни, а колет она своим хвостом, на конце которого есть крючок. Называется он «ядовитый крючок, от которого добрый конь валится с ног»! В своем первоначальном виде эта чародейка — скорпион. Когда-то в прошлом она слушала, как Будда толковал священные книги в храме Раскатов грома. Будда увидел ее в образе скорпиона и оттолкнул от себя, а она ужалила его в большой палец левой руки. Будде было нестерпимо больно. Он велел своим хранителям схватить ее, но она укрылась здесь. Если вы хотите спасти своего наставника — Танского монаха, то нужно обратиться к кому-нибудь другому, а я тоже не смею приближаться к ней.

Сунь У-кун снова стал кланяться:

— Молю тебя, о бодисатва, укажи, к кому же нам обратиться?

Бодисатва отвечала:

— Отправляйся к Восточным небесным воротам, там есть дворец Лучистого сияния, в котором живет властитель Плеяд. Он один может покорить чародейку.

Тут бодисатва превратилась в сверкающий золотой луч и вернулась в свою обитель на Южном море.

Сунь У-кун, оставаясь в воздухе, прижал книзу край облака и крикнул:

— Братья! Не беспокойтесь! У нашего наставника нашлась звезда-избавительница!

— Что за звезда? — спросил Ша-сэн. — Где она?

— Бодисатва посоветовала мне отправиться за помощью к властителю Плеяд,— отвечал Сунь У-кун.— И я сейчас же отправлюсь к нему!

Чжу Ба-цзе, продолжая держаться за рыло, крикнул Сунь У-куну вдогонку:

— Брат! Попроси у властителя этой звезды какого-нибудь снадобья!

Сунь У-кун, смеясь, отвечал:

— Никакого снадобья не надо. Потерпи, как я, всю ночь, утром все как рукой снимет.

— Не теряй времени,— сказал Ша-сэн,— иди и быстрее возвращайся.

И вот наш герой, оседлав облако, вмиг долетел до Восточных небесных ворот. Тут он увидел перед собой небесного стража, который окликнул его:

— Куда путь держишь, Великий Мудрец?

— Я сопровождаю Танского монаха на Запад за священными книгами,— стал объяснять ему Сунь У-кун.— И вот по дороге нам попалась ведьма, с которой мы никак не можем справиться.

Хочу просить властителя Плеяд, обитающего во дворце Лучистого сияния помочь мне.

Тут неожиданно появились еще четыре небесных полководца: Тао, Чжан, Синь и Дэн. Они тоже спросили Сунь У-куна, зачем он явился и куда направляется.

— Мне надо увидеться с властителем Плеяд,— отвечал Сунь У-кун,— только он один способен справиться с чародейкой и спасти моего наставника.

— Сегодня утром властитель Плеяд получил повеление Нефритового императора отправиться в башню Созерцания звезд и проверить, как духи выполняют распоряжение Нефритового императора,— в один голос молвили все четыре полководца.

— А вы не врете? — усомнился Сунь У-кун.

— Разве посмели бы мы обманывать тебя?— отвечал полководец Синь. — Я сам проводил его из дворца Доу-ню.

Тут в разговор вмешался полководец Тао:

— Прошло довольно много времени. Может быть, он уже вернулся? Ты все же наведайся во дворец Лучистого сияния. Если его там нет, отправляйся в башню Созерцания звезд и там найдешь его!

Великий Мудрец обрадовался и распрощался с полководцами. Подойдя к парадному входу, ведущему во дворец Лучистого сияния, Сунь У-кун убедился, что там никого нет. Он собрался было вернуться, но вдруг заметил, что с другой стороны дворца выстроились в ряд воины, а вслед за ними показался и властитель Плеяд. На нем была парадная одежда и он весь сверкал золотом.

Пятью остриями венец его дивиый блистал,
Семь главиых плаиет украшали парчовый халат,
На яшмовой гладкой доске, что в руке ои держал,
Начертаиы были все реки и горы подряд.
Был перьев пàвлииа и радуги ярче стократ
Сверкающий пояс, что стан его обвивал.
Подвески его золотые иа песеиный лад
Звучали, едва только их ветерок колебал.
Раскрыв опахало, пошел ои к дворцу своему —
Поток ароматов струился иавстречу ему.

Небесный аромат налетел и заполнил весь двор.

Один из воинов, шедший впереди, увидел Сунь У-куна, стоящего у входа во дворец Лучистого сияния, и доложил:

— О повелитель! Здесь находится Великий Мудрец Сунь У-кун.

Властитель Плеяд оправил на себе одежды, остановился и разделил свою свиту на две шеренги. Затем он выступил вперед, подошел к Сунь У-куну и совершил поклон.

— Зачем изволил пожаловать сюда, Великий Мудрец? — вежливо спросил он.

— Я пришел потревожить тебя и попросить помочь мне выручить из беды моего наставника.

— А что за беда стряслась с ним? — спросил властитель Плеяд.— И в каком месте вашего пути?

— Это произошло в женском царстве Силяи, там, где находится гора Погибель врагам, а в ней пещера Лютии «пипа».

— Какой же злой дух живет в этой пещере? — продолжал расспрашивать властитель Плеяд. — Почему ты именно ко мне обратился?

— Мне явилась бодисатва Гуаньинь и сказала, что в этой пещере живет злой оборотень-скорпион, с которым только ты один можешь справиться. Вот почему я и явился к тебе с покорной просьбой.

— Мне, по правде говоря, надо явиться с докладом к Нефритовому императору,— сказал властитель Плеяд,— но раз ты сам, Великий Мудрец, пожаловал с такой просьбой, да еще по указанию бодисатвы Гуаньинь, я не смею медлить, чтобы не упустить время. Я даже не решаюсь предложить тебе чаю, и готов сейчас же следовать за тобой, чтобы расправиться со злым духом. К Нефритовому императору я явлюсь по возвращении.

Суиь У-кун не заставил себя долго ждать, и они вместе покинули Восточные небесные ворота, а оттуда прямым путем направились в женское царство Силян. Когда до горы Погибель врагам было уже совсем близко, Суиь У-кун протянул руку и сказал:

— Вот эта самая гора и есть!

Властитель Плеяд прижал книзу край облака, сошел с него и вместе с Суиь У-куном направился к тому месту на горе, где стоял каменный щит. Ша-сэн увидел их первым и стал расталкивать Чжу Ба-цзе:

— Вставай, брат, вставай! Явился Суиь У-кун, и привел с собой властителя Плеяд.

Чжу Ба-цзе, продолжая держаться за рыло, обратился к прибывшим с такими словами:

— Простите мне мою грубость и невежество, но я болею и не могу поклониться вам.

— Ведь ты вступил на путь познания Истины, какая же у тебя может быть болезнь?— удивился властитель Плеяд.

— Я вступил в бой с ведьмой, обитающей на этой горе,— простонал Чжу Ба-цзе,— но эта чертовка чем-то ударила меня в самое рыло, и я до сих пор страдаю от невыносимой боли.

— А ну-ка, подойди ко мне поближе! — приказал властитель Плеяд.— Сейчас я тебя вылечу!

Чжу Ба-цзе опустил руку, которой держался за рыло, и прошамкал:

— Умоляю тебя, избавь меня от этой боли! А я уж отблагодарю тебя, как только поправлюсь.

Властитель Плеяд потер рукой ужаленное место, дунул на

него, и боль сразу же утихла. Вот уж поистине, как рукой сняло. Чжу Ба-цзе обрадовался, повалился в ноги и стал благодарить:

— Чудо! Настоящее чудо! — повторял он без конца.

Сунь У-кун рассмеялся и затем обратился к властителю Плеяд:

— Не потрете ли вы и мою голову?

— А зачем? — удивился властитель Плеяд,— ведь тебя злой дух не ударил?

— Как не ударил? — возразил Сунь У-кун.— Вчера мне тоже досталось. Но прошла ночь, и боль утихла сама по себе, только теперь голова зудит. Боюсь, не случилось бы чего худого. Прошу тебя, полечи и меня тоже.

Властитель Плеяд потер Сунь У-куну голову, потом дунул, снял весь оставшийся яд, и зуд прошел.

— Теперь, брат, пойдем бить эту чертовку! — проговорил Чжу Ба-цзе.

— Да, да! Пора идти! — сказал также властитель Плеяд.— Вы ступайте первыми и вызовите ее, а уж я сам с ней расправлюсь.

Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе вспрыгнули на вершину горы, подошли к каменному щиту и скрылись за ним. Неистово ругаясь, Чжу Ба-цзе стал крошить каменные ворота своими граблями и проделал в них брешь, в которую и вошел вместе с Сунь У-куном. Дойдя до вторых ворот, Чжу Ба-цзе еще яростнее накинулся на них и раскрошил их вдребезги. Привратницы в страхе бросились докладывать своей госпоже.

— Госпожа ты наша! Те двое монахов опять появились и разломали вторые ворота!

Как раз в это время чародейка освободила Танского монаха от веревок и собиралась сама поить его чаем и кормить разными яствами. Услышав, что вторые ворота разбиты, она выскочила к цветочной беседке, схватила свой трезубец и, вращая им в воздухе, словно колесом, пошла на Чжу Ба-цзе. Тот стал защищаться своими граблями, а Сунь У-кун, находившийся сбоку, принялся наносить удары своим посохом. Чародейка собралась было применить свое волшебство, но Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе, наученные горьким опытом, пустились наутек.

Преследуя их, чертовка очутилась за каменным щитом.

— Властитель Плеяд! Где ты?— закричал тут Сунь У-кун и в следующий же момент увидел его на склоне горы. В один миг властитель Плеяд принял свой настоящий облик. Он оказался большим петухом с двойным гребнем и когда поднял голову, то рост его достиг почти семи чи. Он крикнул что-то чертовке, которая моментально приняла свой первоначальный вид. Она оказалась громадным скорпионом, величиной с музыкальный инструмент «пипа». Петух еще раз что-то прокричал, и скорпион вдруг весь размяк и тотчас сдох у склона горы.

У петуха был гребень, словно пламя,
А шея, что расшитая шелками,
Хвост отливал лазурным, черным, алым
И прочими чудесными цветами.
Приятно было видеть, как шагал он,
Как выступал красиво, плавно, важно,
Как круглыми, блестящими глазами
Посматривал и гордо и отважно,
То был защитник правды, добрый дух,
Властитель звезд, а вовсе не петух!
Вот широко раскрыл он клюв янтарный,
И трижды клич его могучий грянул.
Тут, оглушенный, в ужасе отпрянул,
Едва его заслышав, дух коварный,
Пытавшийся монаха сбить с пути,
Чтоб тот не смог за книгами идти,—
И суть свою сокрывший скорпион
Был снова в скорпиона обращен.

Чжу Ба-цзе шагнул вперед и с яростью наступил на издохшего скорпиона.

— Вот тебе, гадина!— с ненавистью произнес он. — Больше тебе не придется пускать в ход свое жало, которое валит коней с ног.

После этого Чжу Ба-цзе ударил скорпиона граблями и превратил его в бесформенный комок.

Тем временем властитель Плеяд превратился в золотистый луч, скользнул на облако и умчался. А Сунь У-кун вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном обратились лицом к небу и стали отбивать поклоны.

— Премного благодарны тебе за твою помощь,— кричали они хором,— настанет время, и мы обязательно отблагодарим тебя.

После этого они втроем собрали поклажу, привели в порядок коня и отправились в пещеру. Их встретили служанки, которые стояли на коленях по обе стороны от ворот и кланялись им в ноги:

— Благодетели вы наши! — вопили они. — Пожалейте нас, не губите! Ведь мы не оборотни, а простые смертные из государства Силян. Нас в свое время похитила злая чародейка и обратила в своих рабынь. Не беспокойтесь, ваш наставник жив и находится в заднем помещении, в ароматной опочивальне, где безутешно плачет!

Услышав эти слова, Сунь У-кун стал внимательно разглядывать девушек и убедился в том, что они действительно не оборотни. Затем он вошел во внутреннее помещение и позвал:

— Наставник!

Танский монах, увидев своих учеников, пришел в неописуемую радость.

— Сколько хлопот я вам доставил! — повторял он без конца. — А что сталось со здешней хозяйкой?

— Здешняя хозяйка оказалась огромным скорпионом-самкой. К счастью, бодисатва Гуаньинь явилась нам в образе старуш-

ки и сказала, кто может покорить эту ведьму. Старший брат Сунь У-кун помчался в небесные чертоги и попросил властителя Плеяд спуститься на землю и помочь нам. А я потом раздавил скорпиона своими граблями, и от него осталось мокрое место! Лишь после этого мы осмелились проникнуть сюда и вот, наконец, нашли тебя, дорогой наш наставник!

Танский монах не переставал благодарить своих учеников за избавление. Затем они нашли в пещере рис и муку, приготовили пищу и плотно закусили. Они отпустили всех служанок, указав им путь в царство Силян, а после этого зажгли факел и спалили все, что было в пещере.

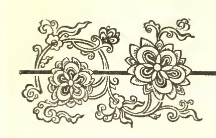
Наконец ученики подвели Танскому монаху коня, попросили его сесть верхом, отыскали дорогу, и все вместе отправились дальше на Запад.

Вот уж поистине:

> Танский монах от соблазнов мирских отрешен,
> Женские чары отверг и предал порицанью,
> Также и золото. Для мудреца созерцанье
> Было дороже всего, и ему посвятил себя он.

Неизвестно, сколько лет Танскому монаху пришлось скитаться, прежде чем его причислили к лику святых. О том, что с ним происходило в дальнейшем, вы узнаете из последующих глав.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о том, как Сунь У-кун в ярости убил разбойников с большой дороги и как Танский монах впал в заблуждение и прогнал от себя смышленую обезьяну

Зовется сердце чистым лишь тогда,
Когда его раздумья не тревожат,
Заботы не гнетут, сомнения не гложут,
Не увлекают радость и беда.
Когда вокруг безмолвие царит —
Приходят чистые, благие думы,
Блаженствуя, раскрепощенный дух парит
Над жизнью суетной, порочной и угрюмой.
Уйми страстей снедающий огонь,
Чтоб не была душа им обуяна!
Мысль тороплива, словно обезьяна,
Неукротимо сердце — резвый конь...
И мысль и сердце ты держи в узде —
Хозяином их будь всегда, везде!
Всех шестерых врагов ты изгони,
Впитай в себя все три ученья Будды:
Тогда, расставшись с ересью и блудом,
Познаньем мудрости достигнув совершенства,
Ты счастьем истинным свои наполнишь дни
В сияющей обители блаженства.

Итак, мы рассказали о том, как Танский монах проявил железное упорство и стальную выдержку и готов был ценою жизни сохранить свое целомудрие и благочестие. Благодаря Сунь У-куну он был спасен.

О том, как путники продолжали идти на Запад, мы рассказывать не будем. Стояла середина лета:

Дождь пролился, и стало все вокруг
Еще благоуханнее и краше —
Прохладой дышит молодой бамбук,
Цветы раскрыли радужные чаши,

Душистый пар струится от земли,
Тростник пьянящий запах источает,
Все склоны гор полынью поросли,
Но здесь ее никто не замечает.
Потока шум и птичьи голоса
Сливаются в единый хор веселый,
Над розовым кустом роятся пчелы,
И бирюзой сияют небеса.

Наступил праздник лета. Танский монах и его спутники любовались прекрасным летним пейзажем и печалились, что ничем не могут отметить наступивший праздник. Вдруг они увидели впереди высокую гору, преграждавшую им путь. Сюань-цзан придержал коня и, обернувшись, сказал:

— Видишь, Сунь У-кун? Впереди — гора. Боюсь, что там тоже обитают злые духи и оборотни. Нужно быть настороже.

— Не бойся, наставник! — хором отвечали ему ученики. — Ведь мы отдали себя на волю Будды, чего же нам бояться злых духов!

Танский монах успокоился, подстегнул коня и натянул поводья, чтобы скорей добраться до горы. Вскоре путники поднялись на отроги горы, откуда им открылась чудесная картина. Вот послушайте, что об этом написано в стихах:

Высокие горы приблизиться к небу стремились,
На горных вершинах стояли стеной кипарисы,
Угрюмые скалы красивым узором покрылись,
Ползучие травы по каменным граням стелились,
И мох одевал их своей бирюзовою ризой.
Отвесные кручи гряда за грядою вставали,
В глубины земли уходили разверзтые бездны,
И взор изумленный притягивали и пленяли
Широким окружьем раскинувшиеся дали,
Луга и долины в цветочном уборе прелестном.
В густых можжевеловых рощах и в кущах тенистых
Невидимых птиц раздавались и щебет и пенье,
И каждый крылатый певец с превеликим уменьем
С другим состязался, таким же, как он, голосистым.
Тропинка крутая опавшими лепестками
Была словно медью и золотом жарким покрыта,
Гремучий поток меж высокими тростниками
Стремил свои воды прозрачные, цвета нефрита.
В местах, где не знали ловушек, тенет и капканов,
Плодились и множились дивные птицы и звери;
Козули и лоси, лисицы и обезьяны,
Что странникам нашим встречались в пути непрестанно,
Не ведали страха и к людям питали доверье.
И только порой нарушало звериные игры,
И только порой заглушало и щебет и пенье,
Подобное грому, глухое рычание тигра,
Невольно вводившее в трепет живые творенья.
Меж листьев зеленых, таясь, наливались и зрели
Плоды, издававшие дивное благоуханье,
В высокой траве шелковистой цветы пламенели,
Которым доселе никто не придумал названья.

Наши путники, углубившись в горы, очень медленно продвигались вперед и, достигнув вершины, стали спускаться вниз по западному склону, совершенно гладкому и озаренному солнцем. Чжу Ба-цзе решил передохнуть и передал ношу Ша-сэну, а сам взял свои грабли и, размахивая ими, понукал коня. Но тот ничуть не боялся Чжу Ба-цзе и несмотря на все понукания еле плелся.

— Брат! Ты зачем коня погоняешь? — спросил Сунь У-кун.— Пусть идет, как ему удобно.

— Становится поздно,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Целый день мы идем без отдыха. У меня уже живот подвело. Нужно поторапливаться! Может быть, нам удастся отыскать какое-нибудь жилье и выпросить подаяние!

— Давайте тогда я попробую. Может быть, мне удастся заставить коня идти быстрее.

С этими словами Сунь У-кун стал размахивать своим посохом и прикрикнул на коня, который вырвал поводья из рук Сюань-цзана и стрелой помчался вперед. А известно ли вам, читатель, почему конь, ничуть не боявшийся Чжу Ба-цзе, испугался Сунь У-куна? Дело в том, что пятьсот лет назад Нефритовый император пожаловал Сунь У-куну звание смотрителя конюшен и поручил ему смотреть за лошадьми. Тогда же ему было присвоено чиновничье звание бимавэнь — избавитель от конской болезни. С того времени все лошади боятся обезьян.

Напрасно пытался Танский монах удержать коня поводьями, это ему не удалось. Тогда он крепко ухватился за седло и дал коню полную волю. Конь отмахал без передышки двадцать ли и стал сбавлять бег, лишь когда очутился на полевой дорожке.

Вдруг где-то вблизи ударили в гонг и сразу же с двух сторон появилось более тридцати молодчиков, вооруженных копьями, мечами и дубинами. Преградив путникам дорогу, они закричали:

— Эй ты, монах! Куда едешь?

Танский монах задрожал от страха, как в лихорадке, не удержался в седле и свалился с коня. Он быстро отполз к стогу сена у дороги и громким голосом молил:

— О всемогущие повелители! Пощадите меня, пощадите!

Два здоровенных детины, видимо главари разбойников, крикнули ему:

— Отдавай деньги, и мы тебя не тронем!

Тут только Танский монах понял, что имеет дело с грабителями. Он приподнялся с земли и стал их разглядывать:

Один был темноликий и клыкастый,
Как дух, что со звезды Тай-суй* спустился.
Второй же, что пред ними появился,
Был словно дух звезды Санмынь — глазастый.
Таких страшилищ двух узреть воочью
Никто б не пожелал, ни днем, ни ночью!
И тот, со злыми круглыми очами,
И тот, чьи зубы изо рта торчали,

По ветру космы алые, как пламя,
И бороды густые развевали.
В больших тигровых шапках были оба,
В собольих шубах и в одежде браиной,
И оба лютою пылали злобой,
Оружием размахивая рьяно.
Один держал тяжелую дубину,
Усеянную волчьими клыками,
Другой же в суковатую лозину
Вцепился волосатыми руками.
И оба, в ярой соревиуясь силе,
„На тигров сычуаиских походили.

Винмательио разглядев обоих главарей, Танский монах убедился в том, что однн свирепее другого. Он подошел к иим, молитвенно сложил рукн, прижал их к груди и сказал:

— О всемогущие повелители! Я бедный моиах, нду нз далеких восточиых земель на Запад за священиыми кннгами. Меня послал Таиский нмператор. С того дня, как я покннул Чанъаиь — столицу моего государства, прошло миого дней и лет. Если у меия и были кое-какне деньги иа дорожиые расходы, то оии давно уже израсходоваиы. Мы, монахи, отрешившиеся от мирских сует, живем одиими подаяииями. Откуда же у иас богатства?! Умоляю вас, повелители, будьте сиисходительны н позвольте мие продолжить мой путь!

Тогда оба главаря вывели вперед всю шайку и один нз них сказал:

— Мы здесь, словио тигры, задерживаем путииков. Дорога в наших руках и иам нужен выкуп за нее, инчего больше. Какие еще могут быть снисхождения?! Еслн у тебя и в самом деле иет иичего, живей сиимай с себя свою рясу и оставь иам белого коия. Тогда мы пропустим тебя!

— О великий Будда! — воскликиул Таиский моиах. — Да иа что вам мое рубище? Оио все в заплатах: вот одна, вот другая. Все это собрано из одннх лоскутков. Если вы отиимете мое рубище, то тем самым погубнте меия. И хотя сейчас вы добрые молодцы, в последующем перерождеиии вы станете скотами!

Услышав такие речи, разбойиики пришли в ярость и, подияв свое оружне, иакинулнсь на Танского монаха. Тот иичего ие стал им больше говорить, ио в душе подумал: «Эх вы, несчастные! Зря хвалитесь своимн дубииами! Вам, видио, неизвестно какой есть посох у моего ученика».

Разбойиики так расходились, что остаиовить их было уже иевозможно. Не помня себя от ярости, они прииялись колотить Танского монаха. И он, за всю жизнь ни разу не солгавший, на этот раз в отчаянии решился пойти на ложь.

— Почтеиные господа,— взмолился ои.— Не бейте меия. Со миою вместе идут мои ученики, оии немиого отстали. Вот у них есть при себе иесколько лянов серебра. Заранее обещаю вам его.

— От этого монаха мы в убытке не останемся,— вскричали разбойники.— Ну-ка, ребята, свяжите его!

Все как один навалились на Танского монаха, скрутили его веревками, а затем подвесили высоко на сук дерева.

Тем временем трое злосчастных спутников гнались пешком за своим наставником. Чжу Ба-цзе балагурил и громко хохотал:

— Интересно знать, где сейчас наш учитель, куда умчал его конь?

И вдруг они заметили своего наставника на высоком суку придорожного дерева.

Чжу Ба-цзе продолжал шутить:

— Глядите, братцы! — сказал он. — Наш учитель заждался нас и от скуки полез на дерево, да еще качается на суку, словно на качелях!

Сунь У-кун сразу же понял, в чем дело, и прикрикнул на Чжу Ба-цзе.

— Замолчи ты, Дурень! Он не сам полез, кто-то подвесил его на сук. Вы идите помедленнее, а я слетаю вперед и узнаю, что случилось.

О, волшебный Сунь У-кун! Быстро взбежав на пригорок, он стал пристально вглядываться вдаль и увидел шайку разбойников. Это обрадовало его. «Вот удача,— подумал он,— на ловца и зверь бежит».

Сунь У-кун тотчас же встряхнулся и мигом превратился в чистенького, благообразного послушника лет шестнадцати, одетого в черную рясу. За спиной у него висел синий холщовый мешок. Семеня ногами, послушник подбежал к дереву, на котором висел Танский монах, и окликнул его:

— Наставник! Что с вами случилось? И откуда взялись эти злодеи?

— Брат мой! — отвечал Танский монах.— Зачем спрашивать? Ты бы лучше помог мне...

Но Сунь У-кун не унимался:

— Чем занимаются эти люди? Кто они такие?

— Эти люди преградили мне путь,— отвечал Танский монах. — Они задержали меня и потребовали денег за проход. Но денег у меня, как тебе известно, нет. Вот они и подвязали меня сюда и ждут твоего прихода, чтобы ты им уплатил. Иначе придется отдать им нашего белого коня.

Эти слова рассмешили Сунь У-куна, и он сказал:

— Наставник мой, ты неисправим! Я видел много монахов, но такого мягкотелого, как ты, не встречал. Ты — посланец самого Танского императора и идешь на Запад к Будде, как же ты можешь отдать своего коня-дракона?

Но Танский монах возразил ему:

— Брат мой! Что поделаешь? Гляди, как меня избили, а потом еще подвесили на этот сук.

— Что же ты им сказал? — спросил Сунь У-кун.

— Когда они принялись меня бить,— отвечал Сюань-цзан,— я не знал, что делать, и сослался на тебя.

— Что же ты сказал им, сославшись на меня? — снова спросил Сунь У-кун.

— Я сказал им,— продолжал Сюань-цзан,— что у тебя есть деньги на дорожные расходы и обещал им, как сделал бы всякий, попавший в беду, отдать их, лишь бы они перестали истязать меня.

— Вот хорошо! — обрадованно произнес Сунь У-кун.— Просто замечательно! Благодарю за то, что ты меня так высоко ценишь. Ну что ж! Раз уж сослался на меня, пусть так и будет. Если в течение месяца будешь ссылаться на меня раз семьдесят, а то и восемьдесят, у меня, старого Сунь У-куна, пожалуй, будет работенка.

Заметив, что Сунь У-кун переговаривается со своим наставником, разбойники окружили Сунь У-куна и, подступив к нему, закричали:

— Эй ты, молодой монах! Твой наставник сказал нам, что у тебя за пазухой есть деньги на путевые расходы. Выкладывай их сюда, только живо! Если же посмеешь сказать «нет», то сразу же расстанешься со своей паскудной жизнью.

Положив узел на землю, Сунь У-кун спокойно произнес:

— Уважаемые начальники! Не кричите на меня! Здесь в узле есть кое-какие сбережения на дорожные расходы, но немного. Золота слитков двадцать, серебра слитков тридцать, да еще немного мелочи на разные расходы, не знаю сколько, не считал. Если вам нужны эти деньги, забирайте их вместе с узлом, только оставьте в покое моего наставника и не бейте его. Помните, что сказано в древней книге: «Основой всего является добродетель, а богатство — дело второстепенное». Поэтому деньги для меня ничего не стоят. Мы — монахи, отрешившиеся от мира, всегда найдем себе подаяние. Стоит нам встретить доброго человека, как у нас появятся и деньги и одежда. А много ли нам нужно? Вы только отпустите моего наставника, а я отдам вам все, что имею.

Разбойники обрадовались.

— Старый монах — скряга, зато этот молодой, видно, щедрый малый.

Сразу же раздался приказ:

— Освободить монаха!

И на этот раз Танский монах был спасен. Не помня себя от радости, он вскочил на коня и, забыв о Сунь У-куне, поскакал обратно. Видно было лишь, как он стегал коня, чтобы скорее скрыться.

— Наставник! — крикнул ему вслед Сунь У-кун.— Ты не по той дороге поехал!

Подхватив узел, он хотел было бежать вдогонку, но разбойники преградили ему дорогу:

— Ты куда? Отдавай деньги, не то мы разделаемся с тобой!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Уж если говорить о деньгах, то третью часть следовало бы отдать мне.

— Ишь ты, какой шустрый,— сказал один из разбойничьих главарей.— Хочешь провести своего наставника и взять себе часть денег. Ну ладно, выкладывай сколько у тебя есть. Если много, то мы и тебе часть выделим, чтобы ты купил себе фруктов и тайком полакомился.

— Уважаемый брат мой! — отвечал на это Сунь У-кун самым серьезным тоном.— Ты не понял меня. Откуда я возьму деньги? Я хотел получить долю из тех денег, которые вы отняли у других людей.

Тут разбойники пришли в неописуемую ярость и стали на чем свет стоит бранить Сунь У-куна:

— Этот мальчишка играет с огнем, он, видно, не знает, что мы с ним сделаем! Мало того, что он не желает отдавать своих денег, он еще осмеливается посягать на наше добро. Вот тебе за это!

И с этими словами один из главарей принялся хлестать Сунь У-куна по его гладко выбритой голове. Он нанес ему несколько ударов, но тот, как ни в чем не бывало, продолжал говорить, расплывшись в улыбке.

— Уважаемый брат мой! Ты можешь бить меня до весны будущего года, все равно я ничего не почувствую.

Разбойник призадумался:

— Ну и крепкая у тебя башка! — сказал он удивленно.

— Что ты! Что ты! — засмеялся Сунь У-кун. — Я не заслужил такой похвалы. Голова у меня самая обыкновенная, но для меня и такая хороша.

Разбойники, конечно, не могли вынести такого позора и принялись бить Сунь У-куна вдвоем, а потом втроем.

Наконец Сунь У-кун не выдержал и сказал им:

— Уважаемые господа! Смирите свой гнев. Сейчас я достану вам деньги!

И вот наш шутник потер себе ухо и вытащил оттуда иглу.

— Уважаемые господа! Я монах, покинувший мир суеты,— сказал он,— и денег не имею. Вот возьмите, если хотите, эту иглу. Больше мне нечего дать вам.

— Проклятье! — выругался один из разбойников.— Богатого монаха упустили, а вместо него поймали этого лысого осла! Может быть, ты хороший портной, не знаю,— сказал разбойник, обратившись к Сунь У-куну,— но нам на что твоя игла?

Тогда Сунь У-кун несколько раз подбросил иглу на ладони, потом помахал ею, и вдруг на глазах у всех она превратилась в огромный посох толщиной с плошку. Разбойники испугались.

— Глядите-ка! Этот монах хоть и мал, а владеет тайнами волшебства.

Сунь У-кун воткнул посох в землю и сказал:

— Вот, милостивые государи, дарю вам этот посох, если только вы сможете вытащить его из земли.

Оба главаря вышли вперед и, отталкивая друг друга, схватились за посох. Но, увы, их усилия были так же ничтожны, как усилия стрекозы, если бы она вздумала сдвинуть с места каменный столб! Посох даже на волосок не шевельнулся. Вы уже, конечно, догадались, читатель, что этот посох был тем самым посохом с золотыми обручами, о котором мы уже много раз рассказывали. Его взвешивали на небесных весах, и оказалось, что он весит ровно тринадцать тысяч пятьсот цзиней. Но откуда могли знать об этом невежественные разбойники?!

Сунь У-кун, глядя на их бесплодные усилия, подошел к посоху и свободно выдернул его из земли, совершив при этом фехтовальный прием. Затем он нацелился на разбойников и крикнул:

— Эй вы! Несчастные! Довелось вам встретить на свою погибель Сунь У-куна!

Но разбойники не сдавались. Один из них накинулся на Сунь У-куна и нанес ему по крайней мере полсотни, а то и больше ударов. Но тот лишь смеялся.

— Ты уже устал,— сказал он разбойнику.—Дай-ка я теперь ударю разок, но берегись!

С этими словами Сунь У-кун помахал в воздухе своим волшебным посохом, который сразу же стал толщиной с колодезный сруб, а длиною в восемь чжан, и нацелился. От первого же удара один из главарей повалился наземь, не издав ни единого звука.

Второй разбойник стал ругаться:

— Ах ты, негодяй лысый! Мало того, что ты не дал нам денег, так ты еще убил нашего начальника!

— Погоди! Погоди!— отвечал ему сквозь смех Сунь У-кун.— Сейчас я всех вас переколочу. Вот, смотри!

Сунь У-кун снова взмахнул своим посохом, и второй главарь повалился, сраженный насмерть. Все остальные разбойники так перепугались, что побросали свое оружие и разбежались.

А Танский монах тем временем скакал на восток. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн остановили его и пустились в расспросы:

— Наставник! Куда же ты направляешься? Ты ведь сбился с пути.

Сдержав коня, Танский монах крикнул:

— Братья! Спешите к Сунь У-куну и скажите, чтобы он осторожнее действовал своим посохом, не то убьет еще кого-нибудь и загубит свою душу!

— Я мигом слетаю,— отвечал Чжу Ба-цзе,— а вы ждите меня здесь!

С этими словами Дурень помчался вперед и заорал во все горло:

— Сунь У-кун! Наставник приказал тебе никого не убивать!

— А разве я когда-нибудь убивал,— отвечал Сунь У-кун.

— Куда же в таком случае делись разбойники?— спросил Чжу Ба-цзе, подходя ближе.

— Они разбежались,— отвечал Сунь У-кун,— а их главари спят здесь.

Чжу Ба-цзе засмеялся:

— Эй вы! Поганцы! Видимо, всю ночь так колобродили, что свалились замертво. Какого же черта вы здесь разлеглись? Другого места не нашли?

С этими словами Чжу Ба-цзе подошел поближе и стал их рассматривать.

— Спят так же крепко, как и я, да еще с разинутым ртом, а у одного даже слюни потекли!

Тут Сунь У-кун не выдержал:

— Это не слюни, — сказал он.— Я ему так дал посохом по голове, что у него изо рта бобовый сыр брызнул.

— А разве бывает в голове бобовый сыр?— удивился Чжу Ба-цзе.

— Ну, не сыр, а мозги! — отвечал Сунь У-кун.

Услышав это, Чжу Ба-цзе поспешно побежал обратно.

— Наставник! — сказал он. — Разбойники разбежались!

— Вот и прекрасно! — обрадовался Сюань-цзан.— Отлично! Куда же они скрылись?

— А я почем знаю? Когда бьют, то бегут куда глаза глядят.

— Как же это ты узнал, что разбойники разбежались? — удивился Танский монах.

— Очень просто, если их главарей побили, то куда им было деваться?

— Как побили?

— Очень просто,— отвечал Чжу Ба-цзе,— проделали у каждого в голове по две больших дырки!

— Поскорее развяжи узел,— приказал Танский монах,— достань несколько монет и сбегай купи где-нибудь пластырь и мазь.

Чжу Ба-цзе стал смеяться.

— До чего же ты наивен! Пластырь и мазь помогают только живым, а мертвых разве вылечишь?

— Неужто он успел убить их? — испугался Сюань-цзан.

Он сразу же разволновался, что-то долго бормотал про себя, на все лады поносил обезьяну, а затем повернул коня и направился вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном к убитым разбойникам. Они лежали в луже крови под пригорком. Это зрелище было невыносимым для Танского монаха, и он приказал Чжу Ба-цзе:

— Ну-ка, живей вырой яму своими граблями и закопай их, а я прочту над ними заупокойную молитву.

— Наставник! Это несправедливо,— обиделся Чжу Ба-

цзе.— Сунь У-кун убил, Сунь У-кун пусть и хоронит, а я тут причем? С какой стати я должен копать могилу?

Сунь У-кун, раздосадованный тем, что Танский монах обругал его, запальчиво прикрикнул на Чжу Ба-цзе:

— Негодяй ты этакий! Ленивая тварь! Ну-ка, живей принимайся за дело! Не то я проедусь по тебе этим посохом!

Дурень испугался и поспешно стал рыть яму под пригорком. Но оказалось, что на глубине трех чи залегал камень, и грабли со звоном отскакивали от него. Чжу Ба-цзе отбросил грабли и пустил в ход собственное рыло. Вскоре он докопался до рыхлой земли. Раз подденет рылом — два с половиной чи, другой раз — пять чи. Вскоре он закопал обоих мертвецов и насыпал холмик.

— Сунь У-кун! — позвал Танский монах. — Отправляйся за свечами, чтобы я мог прочитать заупокойную молитву.

Сунь У-кун надулся:

— Еще чего недоставало?! В этих горах нет ни деревушки, ни лавчонки! Откуда я возьму жертвенные свечи? Здесь ни за какие деньги их не купишь!

— Убирайся вон! — не на шутку рассердился Танский монах.— Негодная обезьяна! Я и без тебя обойдусь. Да послужит мне горсть пыли священным ладаном при молении!

Эти слова он произнес уже спешившись и загребая пыль руками перед свежим могильным холмом. Танский монах был мастером читать отходные молитвы. Вот послушайте:

— Кланяюсь вам, отважные молодцы, и прошу выслушать меня. Я иду из восточных земель, из государства Тан. Мой император Тай-цзун повелел мне отправиться на Запад и достать там священные книги. Дорога привела меня в ваши края. Не знаю, из какой области, из какого округа и уезда вы пришли сюда и собрались здесь в шайку. Я добрыми словами увещевал вас и молил, но вы не послушались меня и, отвратившись от добра, задумали совершить зло. Однако Сунь У-кун поразил вас своим посохом. Тревожась, что тела ваши останутся непогребенными, я велел похоронить вас и насыпать над вами могильный холм. Вместо жертвенных свечей я ставлю перед вами ветви бамбука, и хотя они не дают огня, его заменит мое стремление услужить вам. Пусть эти камни заменят жертвы, которые мы должны были принести вам: в них нет вкуса, но они служат символом моей искренности и честности. Когда вы явитесь во дворец владыки подземного царства, принесете ему жалобу и он будет допытываться, кто виновник вашей смерти, знайте, что его зовут Сунь, а меня Чэнь. Мы с ним из разных мест и не связаны родством. Всякая обида имеет свой повод, всякий должник имеет своего заимодавца. Умоляю вас не обвинять в вашей смерти меня, бедного монаха, паломника за священными книгами!

— Ну, наш наставник вышел сухим из воды,— засмеялся Чжу Ба-цзе.— Но ведь меня и Ша-сэна не было, когда Сунь У-кун расправился с разбойниками.

Дух Вечерней звезды и отшельник У Чао

Услышав это, Танский монах снова взял щепоть земли и продолжал:

— Добрые молодцы! Когда будете жаловаться, жалуйтесь на одного Суня, спутника моего. Да будут непричастны к этому злодейству ни Чжу Ба-цзе, ни монах Ша-сэн!

Великий Мудрец внимательно слушал молитву своего наставника, но под конец не удержался и стал хохотать.

— Дорогой мой наставник! — сказал он, наконец, сквозь смех,— в тебе нет ни благодарности, ни справедливости! Вспомни, сколько трудов я положил, сколько мучений перенес, и все ради того, чтобы ты мог спокойно следовать на Запад за священными книгами. А сейчас, только лишь потому, что я убил этих двух негодяев, ты подстрекаешь их души жаловаться на меня, старого Сунь У-куна! Да, я их убил, но ведь я сделал это ради твоего спасения! Сам посуди, я никогда не попал бы в эти края и не убил этих негодяев, если бы ты не отправился за священными книгами, а я не стал бы твоим верным учеником. Так давай лучше я сам прочту над ними молитву!

Он решительными шагами подошел к могиле, трижды ударил по ней своим посохом и закричал:

— Слушайте меня, проклятые грабители! Вы изо всей силы били меня по голове. Первый раз вы нанесли мне восемь ударов, второй раз столько же. Боли я не почувствовал, зато рассердили вы меня не на шутку. Поэтому я и убил вас. Можете жаловаться на меня кому угодно. Я ничуть не боюсь. Это истинная правда. Меня знает сам Нефритовый император, небесный князь слушает мои советы, небесные духи, обитающие на двадцати восьми созвездиях, страшатся меня. При моем появлении трепещут властители девяти небесных светил. Передо мною становятся на колени духи — покровители городов. Великий дух — властитель священной Восточной горы [1], и тот боится меня! Судьи смерти находились у меня в услужении. Моими учениками были духи Чаншэнь*. Со мной ведут дружбу духи трех сфер*, пяти чистилищ ада и десяти стран света. Идите, жалуйтесь кому угодно и куда угодно!

Танский монах от этих слов сильно встревожился.

— Брат мой! — взволнованно произнес он.— Я читал свою молитву лишь потому, что хотел образумить тебя, пробудить в тебе любовь к живым существам и направить по пути добродетели. Как же это ты принял ее всерьез, а?

— О мой наставник! — огорченно отвечал Сунь У-кун,— так шутить нельзя! Ну, а теперь нам надо поскорее найти пристанище на ночь.

Танский монах, досадуя в душе, взобрался на коня, и путники двинулись дальше.

---

[1] Гора Тайшань в провинции Шаньдун.

Всю дорогу Великий Мудрец был в плохом настроении. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тоже испытывали досаду. Однако они продолжали свой путь, стараясь делать вид, что ничего не произошло. Дорога, по которой они шли, вела на Запад. Вдруг они заметили в стороне от дороги какую-то усадьбу, огороженную высоким забором. Указывая на нее плетью, Танский монах предложил своим спутникам:

— Давайте попросимся здесь переночевать.

— Вот это дело!— отозвался Чжу Ба-цзе.

Подъехав поближе, Танский монах слез с коня и стал осматриваться. Ему очень понравилась усадьба и ее окрестности.

К усадьбе тропочка ведет,
Стоят деревья у ворот,
Толпою заграждая вход...
Как бы узнать, кто там живет?
Отрада слуха и очей —
Бежит, спешит с окрестных гор,
Сверкая и журча, ручей
И, вырываясь на простор,
Несет прохладу на поля.
В последнем золоте лучей
Спокойно нежится земля,
Дневную жажду утоля,
Переходя в объятья сна...
И блещут красотою риз
Голубоватая сосна
И изумрудный кипарис.
Устало шепчут тополя,
Едва лепечут ив листы,
Смолкают птичьи голоса,
Смыкают яркие глаза
Благоуханные цветы,
Небес темнеет бирюза,
Ложится светлая роса
На засыпающий тростник.
Доносится протяжный крик —
То ночь приветствует петух...
Зажегся первый свет в окне,
Последний луч зари потух,
И в каждой хижине, везде,
Поспела каша иа огне
Для тех, кто день провел в труде...
И вот ночная мгла легла
На крыши горного села.

Танский монах направился к усадьбе и увидел старца, который выходил из ворот. Они обменялись приветствиями и принялись задавать вопросы друг другу.

— Откуда изволил пожаловать, благочестивый отец? — спросил старец.

— Я, бедный монах, следую из восточных земель по повелению Танского государя, который послал меня на Запад за священными книгами. Путь мой как раз пролегает мимо вашей

усадьбы, а так как время позднее, я и осмелился просить разрешения переночевать здесь.

— Ваши земли от этой усадьбы отделяет огромное расстояние,— заметил старец,— как же это ты отважился пуститься в столь дальний путь один, переправляться через глубокие реки и переходить через высокие горы?

— Я не один,— отвечал Танский монах:— меня сопровождают три моих ученика.

— Где же они, твои уважаемые ученики?

Танский монах указал на край дороги:

— Вот они!

Старец посмотрел в указанном направлении, увидел Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна и, напуганный их безобразным видом, бросился к воротам. Но Сюань-цзан удержал его:

— Благодетель ты мой!— воскликнул он. — Умоляю тебя, прояви милосердие и пусти нас переночевать.

От страха у старца зуб на зуб не попадал, он не мог вымолвить ни слова и только мотал головой и отмахивался.

— Не... не... Они не похожи на людей!— запинаясь выговорил он наконец.— Э-э-это же оборотни-чудовища!

Танский монах стал его успокаивать:

— Благодетель ты мой! Не бойся! Мои ученики хоть и не блещут красотой, но в действительности вовсе не злые духи и не оборотни.

— О небо!— не переставал изумляться старец,— один твой ученик точь-в-точь злой дух — якша*, у другого лошадиная морда, а третьего не отличишь от бога Грома.

До ушей Сунь У-куна донеслись последние слова старца, и он крикнул что было мочи:

— Бог Грома мой внук, злой дух — якша — правнук, а дух с лошадиной мордой — праправнук.

От этих слов у старца душа ушла в пятки. Он побледнел и порывался войти в ворота, но Танский монах не отпускал его. Он пошел вместе со старцем, все время его успокаивая:

— Благодетель ты наш, не бойся! Они просто невежи и не умеют разговаривать с людьми, как полагается.

Пока Танский монах уговаривал старца, из усадьбы вышла женщина, ведя за руку ребенка лет пяти. Обращаясь к старцу, она спросила:

— Что это у тебя такой испуганный вид, дедушка?

— Принеси нам чайку,— попросил старец, не отвечая на ее вопрос.

Женщина оставила ребенка, вошла в дом и вскоре вынесла две чашечки чая.

Осушив чашечку, Танский монах повернулся к женщине, совершил поклон и произнес:

— Я, бедный монах, по повелению Танского императора следую из восточных земель на Запад за священными книгами. И вот

сейчас попал в ваши уважаемые края. Покорнейше прошу досточтенного хозяина позволить переночевать у вас. Мои спутники — ученики с виду очень безобразны, вот они и напугали хозяина...

— Неужели безобразный вид может так напугать? — насмешливо спросила женщина.— Ну, а если доведется увидеть тигра или барса, что тогда будет?

— То, что у них лица безобразны,— это бы еще ничего,— отвечал старец.— Страшно, когда они начинают говорить. Не успел я сказать, что один из них походит на злого духа якшу, второй, на духа с лошадиной мордой, а третий, на бога Грома, как старший закричал: «Бог Грома мой внук, злой дух — якша — правнук, а тот, что с лошадиной мордой — мой праправнук!» Я так и обомлел от страха.

— Что ты? Ведь это неправда!— вмешался Танский монах.— Тот, что походит на бога Грома — мой старший ученик и последователь по имени Сунь У-кун. Похожий на духа с лошадиной мордой — второй ученик по имени Чжу У-нэн, а похожий на злого духа якшу — третий ученик по имени Ша У-цзин. Они хоть и безобразны, но являются верными последователями учения Будды и буддийскими монахами шраманами. Они вовсе не злые дьяволы и не оборотни, чего же их бояться?!

Старец и женщина, услышав о том, что они имеют дело с настоящими буддийскими монахами, носящими соответствующие имена и сан шраманов, пришли в себя и совершенно успокоились.

— Зовите их сюда! Зовите! — обратились они к Танскому монаху.

Сюань-цзан вышел за ворота, позвал своих учеников и дал им такое наставление:

— Вы до смерти напугали старика хозяина. И сейчас, когда предстанете перед ним, не смейте ему грубить. Пусть каждый из вас выкажет ему должное уважение.

Чжу Ба-цзе сразу же надулся:

— Я ничуть не уступаю Сунь У-куну в образовании и воспитанности.

— Если бы не твое рыло, огромные уши и безобразная морда, — засмеялся Сунь У-кун,— был бы ты герой хоть куда!

— Да перестаньте же вы спорить, — сказал Ша-сэн. — Здесь не место хвалиться, а тем более ссориться. Давайте лучше войдем в усадьбу.

С этими словами все трое с поклажей и конем вошли в ворота и подошли к хижине, где их ожидали хозяева. После приветствий, их усадили. Хозяйка оказалась очень расторопной. Она увела с собой ребенка и велела приготовить горячую пищу. Вскоре подали монашескую трапезу. Наставник и его ученики с аппетитом поели. Стемнело. В хижине зажгли фонари и при свете их гости вели беседу.

— Благодетель мой!— обратился к хозяину Танский монах.— Какую ты носишь фамилию?

— Фамилия моя Ян,— отвечал старец.

Затем Сюань-цзан спросил, сколько ему лет.

— Мне исполнилось семьдесят четыре года,— сказал старик.

— Сколько же у тебя сыновей? — заинтересовался Сюань-цзан.

— Всего один,— со вздохом отвечал старик,— а ребеночек, которого вы видели,— мой внучек.

— Нельзя ли пригласить сюда твоего сына,— спросил Танский монах,— я хочу приветствовать его!

— Этот негодяй недостоин того, чтобы его приветствовали,— гневно произнес старик.— Тяжелая мне выпала доля, не слушает он меня. Вот до сей поры его все нет дома.

— Где же он изволит заниматься делами?— спросил Сюань-цзан.

Старик покачал головой и тяжело вздохнул:

— Беда мне с ним! Если бы он занимался делами, это было бы счастье для меня! Но у этого мерзавца на уме одни лишь злодейства. Он забыл о семье, ведет беспутный образ жизни, затевает драки, грабит прохожих, занимается убийствами и поджогами, водит дружбу со всякими проходимцами. Вот и теперь ушел из дому пять дней тому назад и до сих пор не возвратился.

От этих слов у Танского монаха перехватило дыхание и отнялся язык. Он подумал:

«Уж не был ли его сынок одним из тех разбойников, которых убил Сунь У-кун?» Ему стало не по себе, он приподнялся и произнес:

— Я думаю, что ваш сын — прекрасный человек; разве мог у столь достопочтенных родителей вырасти непутевый и непокорный сын!

Сунь У-кун поднялся с места и подошел к старику:

— Уважаемый! — сказал он.— Зачем тебе такой недостойный сын? Ведь он причиняет тебе и матери на старости лет столько огорчений, предается грабежам и распутству? Позволь мне разыскать его, привести сюда и забить до смерти.

— Да я и сам хотел было передать его властям,— отвечал старик,— но что поделаешь? У меня он ведь единственный! И хоть непутевый, пусть все же остается при мне, будет кому похоронить меня.

— Брат,— сказали тут Ша-сэн и Чжу Ба-цзе.— Не суйся, куда не следует! Не нам судить. Зачем вмешиваться в их семейные дела? Лучше попросим у нашего благодетеля немного сена, устроим себе постель вон в том помещении и ляжем спать, а завтра пораньше снова отправимся в путь.

Старик велел Ша-сэну пройти на задний двор, взять вязанки две рисовой соломы и устроить постель.

За Ша-сэном пошли Сунь У-кун с конем, Чжу Ба-цзе с покла-

жей и Танский монах. Вскоре они улеглись спать, и мы пока оставим их.

Среди разбойников, о которых уже шла речь выше, действительно был сын старика Яна. Утром того дня, когда Сунь У-кун у пригорка убил обоих главарей, вся шайка разбежалась и лишь ночью, ко времени четвертой стражи, разбойники снова собрались вместе и стали стучаться в ворота усадьбы.

Старик поспешно облачился и сказал своей старухе:

— Жена! Опять эти негодяи явились!

— Ну что же? Ступай, отворяй ворота! — сказала женщина.— Пускай идут в дом.

Не успел старик открыть ворота, как вся шайка ворвалась с криками: «Мы голодны, мы есть хотим!»

Сын старика поспешил к себе, разбудил жену и велел ей варить рис и готовить еду; затем он направился в кухню и, заметив, что возле очага нет хвороста, побежал на задний двор. Вернувшись на кухню, он спросил жену:

— Чей это белый конь стоит у нас на дворе?

— Тут к нам забрел какой-то монах из восточных земель, который идет за священными книгами. Вчера вечером он попросился на ночлег. Свекор-батюшка и свекровь-матушка накормили его постной пищей и уложили спать в хижине...

Выслушав жену, разбойник вышел из дома, стал хлопать в ладоши и смеяться.

— Ребята! — сквозь смех крикнул он.— Вот удача так удача! Ведь обидчик-то, оказывается, ночует у нас в доме!

— Какой обидчик? Что за обидчик? — загалдели разбойники.

— Да тот самый монах, который убил наших главарей. Он попросился переночевать у нас и сейчас как ни в чем не бывало спит в хижине.

— Вот хорошо!— обрадовались негодяи.— Сейчас схватим этих лысых ослов и изрежем на мелкие кусочки; во-первых, нам достанется их поклажа и белый конь, а во-вторых, мы отомстим за смерть наших главарей!

— Не торопитесь,— остановил их сын старика,— ступайте пока точить ножи, а я наварю вам каши. Поедим сперва досыта, а затем разделаемся с ними.

Разбойники принялись точить свое оружие. Одни точили ножи, другие — копья.

Старик Ян слышал, о чем говорил его сын с разбойниками; он крадучись отправился на задний двор и разбудил Танского монаха и его спутников:

— Мой сын-негодяй привел сюда всю свою шайку,— прошептал он. — Они узнали, что вы здесь, и собираются погубить вас. Я не могу допустить, чтобы вы, далекие странники, погибли в моем доме от рук злодеев. Живее собирайте свою поклажу и идите за мною. Я выведу вас через заднюю калитку.

Танский монах, трясясь от страха, стал отбивать земные поклоны и благодарить старика, а затем велел Чжу Ба-цзе взять коня, Ша-сэну — нести поклажу, а Сунь У-куну — его посох с золотыми обручами.

Старик открыл калитку, выпустил беглецов, а сам так же тихонько вернулся и лег спать.

Тем временем негодяи наточили ножи и копья и наелись каши до отвала. Наступил час предутренней пятой стражи. Вся шайка устремилась на задний двор, но никого там не обнаружила. Стали искать с фонарями, искали долго, но монахов так и не нашли, а потом увидели, что задняя калитка раскрыта настежь. Тут все стали кричать: «Убежали! Убежали через заднюю калитку!» — и пустились в погоню. Разбойники летели стрелой и, когда восток заалел, заметили вдали Танского монаха. Услышав погоню, Сюань-цзан оглянулся и увидел, что за ними гонятся человек двадцать, а то и тридцать разбойников с копьями и ножами.

— Братья!— крикнул монах своим спутникам.— Нас догоняют разбойники! Что делать? Как быть?

— Успокойся, наставник!— отвечал Сунь У-кун.— Не волнуйся! Сейчас я с ними расправлюсь!

Танский монах придержал коня и строго сказал:

— Смотри, даже ранить никого из них не смей. Попугай их, пусть разбегутся,— и все!

Но Сунь У-кун уже не слушал. Он выхватил свой посох и, обернувшись, пошел навстречу разбойникам:

— Куда изволите спешить, уважаемые господа? — насмешливо спросил он.

— Ах ты, лысый невежа! — кричали разбойники.— Верни к жизни наших славных предводителей!

Они окружили Сунь У-куна плотным кольцом, нанося ему удары копьями и ножами.

Великий Мудрец Сунь У-кун помахал в воздухе своим волшебным посохом, и он стал толщиной с плошку. Затем он принялся колотить разбойников направо и налево. И те, кого касался посох, тут же падали замертво. Трещали кости, летели клочья кожи. Более смышленые удрали, глупцы же все предстали перед владыкой ада Янь-ваном.

Танский монах, сидя верхом на коне, издали наблюдал за этим побоищем. Увидев, как много людей попадало на землю, он испугался и погнал коня на запад. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не отставали от него ни на шаг и, как говорится, рядом со стременем, с одной стороны и рядом с плетью — с другой, следовали за своим наставником. А Сунь У-кун тем временем стал спрашивать раненых разбойников:

— Кто здесь сын почтенного старика Яна?

Один из раненых, хныча, сказал:

— Вон тот, в желтом, господин наш!

Сунь У-кун подошел к раненому, вырвал у него из рук острый нож и одним ударом отрубил ему голову, затем взял голову за волосы, стряхнул кровь, спрятал посох и очень быстро нагнал Танского монаха.

Поднеся голову убитого своему наставнику, Сунь У-кун сказал:

— Учитель мой! Эта голова принадлежит непокорному сыну уважаемого старика Яна. Я ее взял как доказательство нашей победы.

При виде отрубленной человеческой головы Танский монах изменился в лице и, не в силах усидеть в седле, скатился с коня.

— Мерзкая ты обезьяна,— стал он ругать Сунь У-куна.— Ты меня доведешь до смерти! Убери скорей! Убери эту голову!

Чжу Ба-цзе бросился вперед, пинком ноги отбросил голову на обочину дороги и засыпал ее землей. Ша-сэн опустил коромысло с ношей и стал поднимать Танского монаха.

— Прошу тебя, наставник! Встань! — приговаривал он.

Успокоившись немного, Танский монах стал читать заклинание о сжатии обруча, от которого Сунь У-куна сразу же бросило в жар: у него покраснели уши и запылали щеки, потом в глазах стало темно, голова закружилась, он катался по земле, крича истошным голосом:

— Не читай! Не читай!

Но Танский монах продолжал читать и уже прочел раз десять, не собираясь останавливаться. Сунь У-кун стал кувыркаться через голову, вставал вверх ногами, корчась от нестерпимой боли и, наконец, взмолился:

— Наставник! Прости меня! Пощади! Брани меня сколько хочешь, только перестань читать!

Наконец Сюань-цзан перестал читать заклинание.

— Мне больше не о чем с тобой говорить!— сказал он.— Я не нуждаюсь в тебе, можешь отправляться, куда хочешь.

Превозмогая боль, Сунь У-кун опустился на колени и начал отбивать земные поклоны.

— Как же так, наставник? Неужели ты прогонишь меня?

— Ты злой и вредный!— гневно произнес Танский монах.— И не достоин идти за священными книгами. Вчера под пригорком, когда ты убил двоих главарей, я сказал тебе, что это бесчеловечно. На ночь нас приютил почтенный старик — хозяин усадьбы, который накормил нас и дал нам ночлег. Мало того. Он проявил великодушие, открыл калитку, выпустил нас и этим спас нам жизнь. Пусть у него был непутевый сын, какое нам до этого дело?! Кто дал тебе право казнить его таким ужасным образом? Ты загубил невесть сколько жизней, посеял горе на земле. Я много раз убеждал тебя и отговаривал, но у тебя не появилось ни малейшего стремления к добру. Зачем же ты мне нужен? Что я буду

с тобой делать? Уходи скорей! Убирайся! Не то я снова начну читать заклинание!

Сунь У-кун не на шутку перепугался.

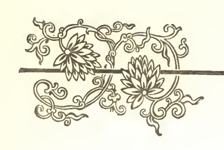
— Только не читай! — взмолился он. — Я уйду!

После этого он перекувырнулся, очутился на облаке и бесследно исчез.

Напрасно ищешь к Истине пути,
Напрасно жаждешь для души бессмертья —
Их никогда не сможешь обрести
В смятенье духа и в жестокосердье!

Куда же исчез наш Сунь У-кун? Если вы хотите узнать об этом, читатель, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ,

из которой вы узнаете о том, как настоящий Сунь У-кун отправился на гору Лоцешань с жалобой, а мнимый Царь обезьян перечитывал грамоту в пещере Водного занавеса

Итак, Великий Мудрец Сунь У-кун, полный досады и грусти, поднялся на облако и собрался было лететь обратно в свою пещеру Водного занавеса на горе Цветов и плодов, но не решился сделать этого из боязни, что все его подданные обезьяны будут смеяться над ним и скажут: «Отправился смело, а вернулся ни с чем!» Это совсем не к лицу великому мужу, каким он считал себя. Тогда он решил было полететь в небесные чертоги, но побоялся, так как не знал, долго ли ему позволят оставаться там. Он подумал было об островах бессмертных на море, но ему сразу же стало совестно при мысли о том, как он предстанет перед ними. Вспомнил он еще о дворце Дракона, но отказался и от этого намерения при мысли, что ему придется заискивать перед Царем драконов. Вот уж поистине ему совершенно некуда было приткнуться и не на кого опереться. Он пребывал в тяжком раздумье, как вдруг его осенило.

— Ба! — воскликнул он. — Чего же думать? Отправлюсь-ка я обратно к своему наставнику. Вот это дело!

Он налег на край облака, помчался к Танскому монаху и опустился прямо перед мордой белого коня, на котором ехал Сюань-цзан.

— О мой наставник,— взмолился Сунь У-кун,— прости меня на этот раз. Обещаю больше не совершать злодеяний. Во всем буду беспрекословно слушаться тебя. Умоляю, позволь мне сопровождать тебя на Запад.

Увидев перед собой Сунь У-куна, Танский монах насупился, приостановил коня и стал торопливо читать заклинание о сжатии обруча, повторяя его не менее двадцати раз. Сунь У-кун упал

на землю и забился в судорогах от нестерпимой боли. Казалось, в голову ему впился на целый дюйм стягивающийся железный обруч. Наконец монах перестал читать заклинание и сказал:

— Чего же ты не убрался прочь? Зачем снова явился сюда беспокоить меня?

Сунь У-кун продолжал молить лишь об одном.

— Не читай, не читай своего заклинания! Я уйду, у меня есть пристанище. Боюсь только, что без меня тебе не попасть на Запад.

Танский монах принял эти слова за неслыханную дерзость и еще больше разгневался.

— Ах ты, мерзкая обезьяна! Негодяй! Загубил столько жизней и хочешь, чтобы я вместе с тобой отвечал за все грехи. Довольно! Ты мне больше не нужен и тебе нет никакого дела,— доберусь я на Запад или нет. Убирайся вон, да поживей, не то я снова начну читать заклинание и буду читать его до тех пор, пока из твоей башки все мозги не вылезут.

Великий Мудрец не мог больше терпеть. Он видел, что наставник непоколебим в своем решении. Тогда он подскочил и снова очутился на облаке. Внезапно его опять осенило, и он сказал сам себе:

— Этот монах оскорбил меня, и я пожалуюсь на него бодисатве Гуаньинь, которая живет на горе Путошань.

Сунь У-кун перекувырнулся. Не прошло и часа, как показалась широкая гладь великого Южного моря. Там по благодатному лучу Сунь У-кун спустился вниз на гору Лоцешань и проник в густую бамбуковую рощу, где столкнулся лицом к лицу с Мучей*. Совершив положенный поклон в знак приветствия, Муча спросил Сунь У-куна:

— Куда направляешься, Великий Мудрец?

— Хочу повидать бодисатву,— отвечал Сунь У-кун.

Муча тотчас же повел Сунь У-куна к пещере Рокот морского прибоя. Там его встретил с глубоким поклоном отрок Шаньцай* и спросил:

— По какому делу изволил пожаловать?

Сунь У-кун отвечал:

— Я пришел с жалобой к бодисатве.

Услышав слово «жалоба», отрок рассмеялся:

— Ну и остер же ты на язык! — проговорил он, захлебываясь от смеха.— Опять хочешь выкинуть какую-нибудь штуку, как тогда, когда я схватил Танского монаха! Помнишь? Бодисатва Гуаньинь — всемилостивейшая и всеблагая, преисполнена великих желаний и обладает познаниями великого учения Будды— махаяны. Она спасает от всех бед и страданий, бескрайняя и безграничная, вездесущая богиня милосердия! На что же ты хочешь жаловаться?

Сунь У-кун, до этой минуты печальный и расстроенный, услышав эти слова, сразу же вскипел гневом. Он так гаркнул на отрока, что тот сразу же подался назад и чуть не упал.

— Ах ты, неблагодарная скотина! — злобно проговорил Сунь У-кун.— До чего же ты глуп! Когда ты был оборотнем и творил всякие безобразия, я упросил бодисатву принять тебя к себе и наставить на путь Истины, благодаря чему ты сейчас ведешь райскую жизнь беспредельной радости: все к твоим услугам, твое долголетие равно долголетию неба. И вот вместо того чтобы быть мне обязанным за все это и выражать благодарность, ты еще позволяешь себе так оскорблять меня! Я явился сюда попросить бодисатву об одном деле, а вовсе на жаловаться. Как же ты смеешь издеваться надо мною и говорить, что я хочу жаловаться на бодисатву?!

— Зачем так горячиться?— расплывшись в любезной улыбке, проговорил отрок.— Ведь я шучу.

Пока они разговаривали, неожиданно появился белый попугай и стал летать над ними. Это означало, что бодисатва зовет к себе. Муча и отрок сейчас же отправились на зов, ведя за собой Сунь У-куна к трону бодисатвы, имеющему форму цветка лотоса. Увидев Гуаньинь, Сунь У-кун повалился ей в ноги, и слезы ручьем покатились из его глаз. Он не выдержал и стал горько рыдать. Гуаньинь велела Муче и отроку поднять Сунь У-куна и обратилась к нему с такими словами:

— Что тебя огорчило, Сунь У-кун? Зачем ты так убиваешься? Откройся мне! Не плачь! Я избавлю тебя от твоих горестей и невзгод.

Продолжая ронять слезы, Сунь У-кун низко поклонился и молвил:

— Чей гнев я навлек на себя, когда был человеком? Ведь с той поры, как ты, милостивая бодисатва, избавила меня от тяжкой кары, я принял монашеский постриг, стал верным последователем истинного учения и отправился с Танским монахом, охраняя его в пути на Запад, куда он идет, чтобы поклониться Будде и получить у него священные книги. Я, твой ученик и последователь, не щадя себя, избавлял Танского монаха от наваждений злых духов и демонов и спасал его от опасности, рискуя собственной жизнью. Спасая его, я словно вынимал кость из пасти тигра или выдергивал чешую со спины дракона! Все мои помыслы и желания были устремлены к тому, чтобы путешествие Танского монаха завершилось полным успехом, чтобы искоренилась ересь и восторжествовала Истина. Но я никак не ожидал, что Танский монах окажется столь неблагодарным и несправедливым! Он совершенно забыл, что я для него сделал, и совершенно незаслуженно обидел меня, не разобравшись, в чем дело.

Тут Гуаньинь перебила его:

— В чем же он не разобрался? Ну-ка, расскажи мне, что случилось?

Сунь У-кун стал рассказывать со всеми подробностями о том, как на Танского монаха и его спутников напали разбойники с

большой дороги и как он, Сунь У-кун, многих убил, а остальных разогнал. Он добавил, что Танский монах придрался именно к тому, что он убил людей, и так за это рассердился, что стал читать заклинание о сжатии обруча, а затем несколько раз прогонял Сунь У-куна от себя. Теперь ему некуда деваться. Вот почему он и явился к бодисатве, чтобы донести о случившемся.

— Танский монах получил повеление направиться на Запад,— сказала Гуаньинь,— и вполне понятно, что он стремится вести себя, как и подобает честному и безупречному монаху. Он ни в коем случае не позволит поранить или загубить живое существо. А ты, обладающий огромной волшебной силой, чего это ради вздумал убивать стольких людей, пусть даже разбойников? Кем бы они ни были — они люди, и убивать их не дозволено. Другое дело — злые духи, дьяволы, черти и разные оборотни. Каждый убитый зачтется тебе как заслуга. Но ты убил людей и тем самым показал, насколько ты бесчеловечен. Можно было просто разогнать злодеев и таким образом спасти твоего наставника. По-моему, ты недостаточно великодушен.

— Пусть так,— отвечал Сунь У-кун,— нельзя же было за это прогонять меня, забыв о моих заслугах. Умоляю тебя, всемилостивейшая бодисатва, прояви свое милосердие и прочти заклинание о снятии обруча. Я отдам его тебе, вернусь в свою пещеру Водного занавеса и навсегда останусь там.

Гуаньинь засмеялась:

— Заклинание о сжатии обруча сообщил мне Будда Татагата. Это было, когда он послал меня в восточные земли, чтобы я нашла там человека, достойного отправиться за священными книгами. Тогда же он дал мне три драгоценных талисмана: парчовую рясу, посох с девятью обручами и три золотых обруча. Кроме того, он научил меня трем тайным заклинаниям, но никакого заклинания о снятии обруча он мне не сообщал!

— Ну, раз так,— отвечал Сунь У-кун,— мне придется с тобой распрощаться?

— Куда же ты пойдешь? — спросила Гуаньинь.

— Я отправлюсь на Запад. Там я поклонюсь Будде и попрошу его прочесть заклинание о снятии обруча.

— Постой!— удержала его Гуаньинь. — Я хочу взглянуть, какие предзнаменования тебя ожидают: счастливые или несчастливые.

— Нечего смотреть! — возразил Сунь У-кун.— Достаточно того несчастья, которое свалилось на меня.

— Да я и не собираюсь смотреть на твою судьбу и узнавать, что тебя ожидает,— насмешливо произнесла Гуаньинь. — Меня интересует судьба Танского монаха.

Тут всемилостивейшая Гуаньинь замерла в торжественной позе на своем троне, похожем на цветок лотоса, и устремила свое сердце в три небесные сферы: настоящего, прошедшего и будущего. Ее всевидящее око ярко засветилось, и взор устремился в

неведомые дали, витая в просторах вселенной. Через короткое время созерцания она вдруг заговорила:

— Сунь У-кун! Твоему наставнику Сюань-цзану грозит сейчас смертельная опасность. Вскоре он сам будет взывать к тебе, чтобы ты ему помог. Оставайся пока здесь и жди меня, а я отправлюсь к нему и уговорю его снова принять тебя, чтобы ты сопровождал его за священными книгами и помог благополучно завершить эту великию миссию.

Сунь У-куну ничего не оставалось, как повиноваться. Он не осмеливался больше перечить и пребывал в почтительном ожидании возле трона бодисатвы, где мы пока и оставим его.

Между тем Танский монах, прогнав от себя Сунь У-куна, велел Чжу Ба-цзе вести коня под уздцы, а Ша-сэну поручил нести поклажу на коромысле. Теперь вместе с конем их было четверо. Продолжая путь на Запад, они отошли не более пятидесяти ли, как вдруг Танский монах придержал лошадь и сказал:

— Братья мои! Мы вышли из селения до зари, еще в часы пятой стражи. Потом этот негодяй огорчил меня. Так прошло много времени, день клонится к вечеру, а мы еще ничего не ели и не пили. Я испытываю муки голода и жажды. Кто из вас отправится за подаянием, накормит и напоит меня?

— Учитель,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Слезай с коня и побудь здесь, а я разузнаю, есть ли поблизости жилье или селение.

Танский монах слез с коня, а Дурень вскочил на облако и поднялся в небеса. Он внимательно осмотрел всю местность, но, кроме гор, ничего не увидел. Место было глухое, и вряд ли здесь могло показаться человеческое жилье.

Спустившись на облаке вниз, Чжу Ба-цзе сообщил Танскому монаху:

— Здесь не у кого просить подаяния: всюду одни только горы и нигде не видно следов человека.

— Если нет пропитания,— отвечал Танский монах, — то, может быть, где-нибудь протекает горный ручеек. Достал бы хоть немного водицы, чтобы утолить жажду.

— Ладно,— послушно отозвался Чжу Ба-цзе,— я отправлюсь на южный склон горы, где течет горный поток, и принесу воды!

Ша-сэн достал монашескую плошку для подаяния и передал ее Чжу Ба-цзе. Тот взял плошку в руки, вскочил на облако и умчался. Танский монах тем временем уселся на обочине дороги и стал ждать. Но Чжу Ба-цзе все не возвращался, и у несчастного Сюань-цзана совсем пересохло во рту. Есть стихи, которые могут служить подтверждением того, что с ним происходило:

Природа-мать нам всем дает сама
Все наши качества и дарованья
И силы для свершенья и дерзанья;
Но сущность наша нам природой не дана.
Когда мы силы духа и ума
Познанием великим укрепляем,

То собственную сущность созидаем,
И в этом наша цель достойная видна.
Коль сердце смятено, тогда и дух слабеет,
Плоть, отягченная недугами, хиреет,
Основы Истины опоры не имеют
В тебе самом — и в том твоя вина.
Коль вянут «три цветка», — к чему тогда трудиться?
Без Древа высшего* — к чему вперед стремиться?
На чем душа твоя теперь утверждена?

Ша-сэн находился рядом и видел, как наставник мучился от голода и жажды. Между тем Чжу Ба-цзе все не возвращался. Наконец Ша-сэн не выдержал, сложил поклажу в укромное место, крепко привязал белого коня и сказал:

— Наставник! Ты пока посиди здесь, а я пойду потороплю Чжу Ба-цзе, пусть скорей несет воду.

Танский монах промолчал, глотая горькие слезы, и лишь кивнул головой в знак согласия. Ша-сэн быстро вскочил на облако и умчался к южному склону горы.

Танский монах остался в одиночестве и тяжело переживал все невзгоды. И вот в момент наибольших терзаний он вдруг услышал резкий звук, сильно напугавший его. Он приподнялся, стал озираться и вдруг увидел Сунь У-куна, который стоял на коленях у обочины дороги, держа обеими руками фарфоровую чашу.

— Наставник! — сказал он.— Без меня, старого Сунь У-куна, некому даже напоить тебя. Выпей пока этой прохладной водицы и утоли свою жажду, а затем я схожу за едой и накормлю тебя.

— Я не стану пить твою воду,— сердито отвечал Сюань-цзан,— лучше умру от жажды, но не отступлюсь от своих слов! Ты мне больше не нужен! Ступай, куда хочешь!

Но Сунь У-кун не сдавался.

— Без меня тебе не попасть на Запад,— решительно сказал он.

— А тебе что за дело попаду я туда или нет,— отвечал Танский монах.— Несносная обезьяна! Чего ты пристаешь ко мне?

Сунь У-кун вдруг изменился в лице и стал бранить своего наставника.

— Ах ты, лысая злюка! Совсем ни во что меня не ставишь!

Он отбросил фарфоровую чашу и, размахнувшись, треснул посохом по спине своего наставника. Тот не издал ни звука и сразу же повалился наземь. Тем временем Сунь У-кун подхватил оба узла в черной кошме, вскочил на облако и был таков.

Вернемся к Чжу Ба-цзе, который с монашеской плошкой спускался по южному склону горы. Неожиданно он увидел в расселине человеческое жилье, которое ранее не заметил, так как оно находилось в ложбине, скрытой от взоров горными отрогами. Подойдя поближе, он убедился, что в нем жили люди. Дурень решил так: «Если я покажусь в своем безобразном виде, мне откажут в подаянии, и все мои старания пропадут зря... Надо принять более приятный облик».

И вот наш Чжу Ба-цзе щелкнул пальцами, прочел заклинание, встряхнулся всем телом несколько раз и превратился в болезненного, одутловатого монаха, страдающего одышкой. Тяжело дыша и сопя, он подошел к дверям лачуги и громко позвал:

— Благодетели мои! У вас на кухне осталась еда, а на дороге страдает голодный путник. Я, бедный монах, иду из далеких восточных земель на Запад за священными книгами. Мой наставник страдает от голода и жажды. У вас, наверное, найдутся для него какие-нибудь остатки пищи. Пожертвуйте хоть сколько-нибудь, чтобы избавить его от голода. Умоляю вас!

В лачуге мужчин не было: они все отправились на полевые работы — сажать рассаду. Дома хозяйничали две женщины, которые только что сварили обед. Они наполнили две миски и собирались отнести их на поле. В котле еще оставалось немного каши и поджарков. Болезненный вид монаха разжалобил женщин. Его слова о том, что он идет из далеких восточных земель, они сочли за бред сумасшедшего. Опасаясь, что он потеряет сознание и умрет у порога их лачуги, чем навлечет на них большую беду, они решили утешить и порадовать его: взяли у него плошку и наполнили ее выше краев остатками каши и поджарками. Дурень принял от них подаяние и направился в обратный путь, преобразившись в свой первоначальный вид.

По дороге он услышал, как кто-то позвал его. Чжу Ба-цзе стал оглядываться и заметил Ша-сэна, который стоял на вершине утеса и кричал ему:

— Сюда! сюда!

Не дождавшись, пока Чжу Ба-цзе подойдет, Ша-сэн спустился с утеса и пошел ему навстречу.

— Ведь в этом горном ручье очень хорошая чистая вода, зачем же ты отправился неизвестно куда?

Чжу Ба-цзе рассмеялся.

— Я был здесь и вдруг заметил человеческое жилье вон в той лощине. Я отправился туда и выпросил целую плошку каши.

— Каша тоже пригодится,— сказал Ша-сэн.— Но сейчас нашего наставника всего больше мучает жажда. Как же теперь быть с водой? В чем мы ее принесем?

— Очень просто!— ответил Чжу Ба-цзе.— Давай твой подол. Мы выложим в него кашу, а в плошку я наберу воды.

Оба монаха, радостные и довольные, возвращались к своему наставнику и вдруг увидели, что он лежит ничком, весь в пыли, а белый конь отвязан, громко ржет и бегает вокруг. Ни узлов, ни коромысла нет и в помине. От досады Чжу Ба-цзе стал топать ногами, колотить себя кулаками в грудь и вопить во все горло:

— Все ясно! Все ясно! Это те самые разбойники, которые спаслись от Сунь У-куна. Они явились, чтобы отомстить, убили нашего наставника и похитили всю нашу поклажу!

— Перестань кричать! — одернул его Ша-сэн.— Лучше привяжи коня.

Но тут он тоже не выдержал и стал причитать:

— Что же нам делать? Как быть? Вот уж поистине все труды пропали зря. С полдороги вернулись ни с чем! — И он стал громко звать: — Наставник!

Слезы полились у него из глаз, словно жемчужины, а сердце разрывалось от жалости и боли.

— Да ты не плачь! — стал утешать его Чжу Ба-цзе.— Раз уж так случилось, о священных книгах теперь и думать нечего. Ты постереги тело наставника, а я полечу в область, округ, уезд или деревню, продам коня, а на вырученные деньги куплю гроб. Мы похороним наставника, и каждый из нас пойдет своей дорогой.

Но Ша-сэн не в силах был расстаться с наставником. Он повернул Танского монаха на спину, прильнул к его лицу и стал голосить.

— О мой несчастный, бедный учитель!

И вдруг он почувствовал горячее дыхание наставника и тепло в его груди.

— Чжу Ба-цзе! — радостно вскрикнул он. — Иди сюда! Наш наставник жив!

Дурень приблизился к Танскому монаху и поднял его на ноги. Тот совсем пришел в себя и начал яростно браниться!

— Экая ты гнусная обезьяна! Вздумал убить меня!

Ша-сэн и Чжу Ба-цзе стали расспрашивать:

— Что за обезьяна? Какая обезьяна?

Но наставник ничего не ответил и лишь тяжело вздохнул. Отпив несколько глотков воды, он успокоился и начал рассказывать:

— Братья мои! Только вы ушли, как вдруг откуда ни возьмись опять появился Сунь У-кун и стал приставать ко мне. Но я наотрез отказался принять его обратно. Тогда он набросился на меня, ударил посохом, забрал оба узла в черной кошме и исчез.

Чжу Ба-цзе от гнева стал скрежетать зубами и вскричал:

— Нет! Больше нельзя терпеть такую грубую и дерзкую обезьяну! Да как она смеет так нагло вести себя?!

И он обратился к Ша-сэну:

— Ты оставайся здесь и ухаживай за наставником, а я отправлюсь к этой обезьяне за нашими узлами.

— Успокойся и не злись!— проговорил Ша-сэн.— Давай лучше отведем нашего наставника к добрым людям, живущим в ложбине, попросим у них горячей похлебки или чаю, чтоб попоить его, подогреем ему кашу, которую они дали, подлечим его немного, а затем отправимся на поиски поклажи!

Чжу Ба-цзе согласился. Они с трудом усадили наставника на коня, взяли плошку с остывшей едой и направились к лачуге.

Там они застали одну лишь старушку, которая, увидев их, испугалась и поспешно спряталась.

Молитвенно сложив ладони, Ша-сэн стал взывать к ней:

— Матушка! Благодетельница наша! Прими нас! Мы, бедные монахи, по велению Танского императора идем из далеких восточных земель на Запад. Наш наставник занемог. Дай ему чайку или горячего отвару.

Наконец старушка отозвалась:

— Только что к нам приходил какой-то больной монах, тоже говорил, что он из далеких восточных земель. Мы дали ему на пропитание, и он ушел. Сколько же может быть монахов из восточных земель? Дома никого нет. Обратитесь еще к кому-нибудь.

Танский монах при этих словах слез с коня, поддерживаемый Чжу Ба-цзе, и, склонившись в низком поклоне, молвил:

— Уважаемая сударыня! У меня было трое спутников, моих учеников и последователей. Охваченные единым стремлением, они сопровождали меня на Запад, туда, где находится храм Раскатов грома. Там я должен поклониться Будде и попросить у него священные книги. Однако старший мой ученик по имени Сунь У-кун, всю жизнь отличавшийся злобным и дурным нравом, не пошел по пути добра, и я прогнал его от себя. Но он подстерег меня, ударил своим посохом по спине и утащил всю нашу поклажу. Я хочу послать одного из моих учеников в погоню за ним, чтобы отобрать у него наши вещи. Но не могу ведь я ждать его прямо на дороге?! Вот почему я и осмелился явиться сюда и просить у тебя временного пристанища. Как только мой ученик вернется с поклажей, я тотчас же тронусь в путь и не посмею затруднять тебя своим присутствием.

Старушка ответила ему так:

— Совсем недавно какой-то больной монах заходил к нам за подаянием. Он тоже говорил, что явился из восточных земель и направляется на Запад. Откуда же взялись вы?

Чжу Ба-цзе не выдержал и громко расхохотался.

— Так ведь это был я! Я побоялся, что мой безобразный вид, огромные уши и рыло перепугают вас и вы откажете мне в подаянии, потому и преобразился в больного монаха. Если не веришь, посмотри сюда — разве не ты дала мне эту кашу?

Убедившись, что это была та самая каша с поджарками, старушка не стала больше противиться и пустила монахов в свою лачугу. Она вскипятила им целый жбан чая. Ша-сэн согрел в жбане остывшую кашу и поднес наставнику. Тот съел немного, а затем долгое время приводил себя в состояние душевного равновесия. Наконец он спросил:

— Кто же из вас отправится за поклажей?

— В прошлый раз, когда наставник прогонял его от себя, я был у него и знаю, где находится его пещера Водного занавеса на горе Цветов и плодов. Позволь мне отправиться!

— Нет, тебе нельзя! — запротестовал Танский монах.—

Эта мерзкая обезьяна никогда не была дружна с тобою, а кроме того, ты не умеешь разговаривать с людьми. Скажешь что-нибудь не то, и он побьет тебя. Пусть лучше Ша-сэн отправляется!

Ша-сэн беспрекословно подчинился:

— Я готов!

Напутствуя Ша-сэна, Танский монах сказал:

— Прежде всего, как только прибудешь туда, обрати внимание на то, как он тебя встретит. Если он тут же согласится возвратить наши узлы, поблагодари его, возьми их и уходи. Если же он не пойдет на уступки, ни в коем случае не затевай с ним ссоры, а сейчас же отправляйся к Южному морю, где живет бодисатва Гуаньинь, и пожалуйся ей. Расскажи все, как было, и попроси, чтобы она помогла нам вернуть нашу поклажу.

Ша-сэн обещал все исполнить в точности, а затем обратился к Чжу Ба-цзе.

— Ну вот, я ухожу, а ты, смотри, ни с кем не ругайся, ухаживай за нашим наставником, с хозяевами веди себя учтиво, не то вас могут выгнать. Я скоро возвращусь.

Чжу Ба-цзе кивнул головой в знак послушания и сказал:

— Понимаю! Только поскорее возвращайся, все равно с поклажей или без нее, да будь осторожен, не то сам пропадешь.

Ша-сэн прочитал заклинание, вскочил на облако и отправился прямо на священный остров Дуншэньчжоу.

Бренное тело презрев и отринув,
Дух отлетел, оболочку покинув,—
Пробил разлуки томительный час:
Как приготовить пилюли бессмертья,
Если душа возвращается к тверди,
Тигель остался, а пламень угас?
Коль селезенка решила проститься*
С прежним хозяином и обратиться
К мужу с лицом золотым,
Кто воспрепятствовать этому сможет,
Кто отлетающий дух потревожит
Тщаньем и рвеньем своим?
Сколько отлучка Ша-сэна продлится,
Скоро ль придет он, когда возвратится,
Нам это ведать и знать не дано.
Где же скрывается Царь обезьяний?
Ведь без него одолеть испытанья
Мудрый не сможет монах все равно!

Трое суток, не слезая с облака, мчался Ша-сэн и, наконец, прибыл к великому Восточному морю-океану. Услышав грозный рокот волн, он посмотрел вниз. Там все было окутано густым, черным туманом. Стояло холодное утро, так как бескрайный водный простор поглощал лучи солнца.

Но Ша-сэну было не до того, чтобы любоваться открывшейся перед ним картиной. Он помчался дальше, пролетел над островом Бессмертных и, обратившись на восток, прямым путем достиг

окрестностей горы Цветов и плодов. Прошло довольно много времени, пока Ша-сэн, подгоняемый морским ветром и волнами, приблизился к высоким вершинам с рядами остроконечных пиков и к отвесным скалам, подобным огромным стенам. Он поднялся на облаке к одной из вершин, прижался к скале, увидел тропинку, спустился на нее и пошел вниз на поиски пещеры Водного занавеса. По мере того как он спускался, до его слуха стал доноситься шум и гам бесчисленного множества обезьян, обитающих на этой горе. Пройдя дальше, Ша-сэн стал внимательно осматриваться и увидел Сунь У-куна, который сидел на высоком каменном постаменте и, держа обеими руками большой развернутый лист бумаги, громко читал нараспев:

— «Мы, император Ли, великого Танского государства в восточных землях, повелеваем нашему царственному младшему брату, праведному монаху Чэнь Сюань-цзану, направиться в Западные страны в государство Тяньчжу *, на священную гору Линшань, где находится Сопо — обитель Будды и там в великом храме Раскатов грома поклониться самому Будде Татагате и попросить у него священные книги, ибо, когда на нас напал злой недуг и душа наша попала в подземное царство, вдруг владыка сего царства проявил сострадание к нам и продлил срок нашего пребывания на белом свете. Он вернул нам жизнь, за что решили мы широко распространить благодеяния Будды и возвести в нашем царстве храмы и монастыри для спасения от грехов. Нам явилась златотелая богиня милосердия — бодисатва Гуаньинь, избавительница от горя и страданий, указавшая нам, что в Западной стране живет Будда, там есть его священные книги, благодаря которым можно спастись от кары и избавиться от несчастных перерождений. Посему повелеваем названному монаху Чэнь Сюань-цзану отправиться в далекий путь за тысячи гор и испросить упомянутые книги и священные песнопения.

Ежели в Западных государствах и царствах, через которые доведется ему переходить, не уничтожены добро и благожелательство, то пусть сия грамота послужит пропуском.

Дано в счастливый день осенью тринадцатого года эры правления Чжэн-гуань[1] Великого Танского государства.

Покинув великое Танское государство, Сюань-цзан прошел через многие царства и государства.

В пути он принял к себе старшего ученика и последователя Сунь У-куна по прозванию странник; второго ученика и последователя Чжу У-нэна, по прозванию Ба-цзе, блюститель восьми заповедей*, и третьего ученика и последователя Ша У-цзина по прозванию хэшан — монах».

Сунь У-кун прочел это несколько раз от начала до конца. Ша-сэн понял, что он читает проходное свидетельство Танского монаха. Не выдержав, он подошел поближе и громко крикнул:

[1] Тринадцатый год эры правления Чжэн-гуань — 639 г.

— Что это ты вдруг вздумал читать проходное свидетельство нашего наставника?

Сунь У-кун поднял голову и, не узнав Ша-сэна, приказал своим приближенным:

— Хватайте его! Хватайте.

Толпа обезьян окружила Ша-сэна, навалилась на него со всех сторон и поволокла к своему повелителю. Тот заорал на Ша-сэна:

— Ты кто такой? И как смел самовольно проникнуть в мою священную пещеру?

Заметив, что Сунь У-кун от гнева изменился в лице и не желает узнавать его, Ша-сэн, отвешивая поклоны, сказал:

— Позволь сказать тебе, что в прошлый раз наш наставник действительно погорячился. Он напрасно рассердился на тебя, несколько раз прочитал заклинания о сжатии обруча и даже прогнал тебя. Мы, спутники нашего наставника, очень виноваты перед тобой, во-первых, за то, что вовремя не удержали его от гнева и не объяснили ему, что́ произошло; а во-вторых, за то, что, оставив наставника одного, сами пошли добывать ему воду и пропитание. Мы не думали, что ты снова явишься с добрыми намерениями. Но ты обозлился на него и так стукнул, что он, бесчувственный, повалился наземь. Затем ты забрал нашу поклажу и скрылся. Когда мы вернулись, мы привели в чувство нашего наставника. Вот я и явился к тебе лишь за тем, чтобы поклониться. Если ты не питаешь злобы к наставнику и помнишь ту милость, которую он оказал тебе, избавив тебя от прежних мучений, вернись к нему с поклажей и продолжай путь на Запад, чтобы довести до конца начатое дело. Но если злоба проникла к тебе в самое сердце и не позволяет вернуться со мной, то умоляю тебя отдать мне узлы с поклажей. Ты же останешься здесь у себя в горах и будешь наслаждаться вечерним видом зарослей тутовника и ильмов. Таким образом и тебе и нам будет хорошо.

Тот, к кому была обращена эта просьба, злобно расхохотался:

— Просвещенный брат мой! Мне совсем не нравятся твои рассуждения, я вовсе не потому стукнул Танского монаха и забрал всю поклажу, что раздумал идти на Запад, и не потому что мне нравится жить в этих местах. Я учу эту грамоту потому, что намерен сам отправиться к Будде и выпросить у него священные книги, которые доставлю в восточные земли, и мне одному зачтется эта заслуга. Пусть все жители Южного острова, на котором расположено Танское государство, будут чтить меня патриархом и прославлять мое имя во веки веков!

Ша-сэн усмехнулся:

— Как странно ты говоришь! Со дня сотворения мира никто не слыхал о том, что Сунь У-куну предназначено достать священные книги! Когда великий Будда Татагата написал свои священные книги — «три сокровищницы», или «Трипитака», в которых собраны записи его речей, его трактатов и его монастырских уло-

жений,— он обратился к бодисатве Гуаньинь, прося ее разыскать в восточных землях человека, достойного получить все эти книги. Он велел нам охранять этого человека в его пути через тысячи гор и множество стран. Бодисатва рассказывала, что человека, которому предназначалось получить священные книги, в свое время звали почтенным Золотым кузнечиком. Он был близким учеником Будды Татагаты. Но однажды проявил невнимательность к поучениям Будды и в наказание был изгнан со священной горы Линшань, после чего переродился. Но ему предназначено отправиться на Запад и снова вступить на верный путь. По дороге его везде подстерегали злые духи и демоны, которые чинили всевозможные препятствия, но мы трое были освобождены от наказания, чтобы охранять его своими волшебными чарами и устранять все препятствия. Неужели ты думаешь, что, если явишься к Будде без Танского монаха, он даст тебе свои священные книги! Подумай, не зря ли ты затеял все это?

— Просвещенный брат мой!— отвечал Сунь У-кун.— Ты никогда не отличался умом: видишь только одну сторону, а другой не замечаешь. По-твоему получается, что только у тебя есть Танский монах, которого ты собираешься охранять вместе со мною. Неужели ты думаешь, что и у меня не найдется Танского монаха? Я уже имею здесь настоящего праведного монаха, которого сам избрал; он отправится со мной за священными книгами. А я, старый Сунь У-кун, буду охранять его без твоей помощи, думаешь, не справлюсь? Уже решено: завтра мы отправимся в путь. Если не веришь, сейчас покажу тебе моего монаха.

И он крикнул:

— Эй, слуги! Ступайте живей и попросите уважаемого наставника пожаловать сюда!

И в самом деле слуги скрылись, а затем вышли, откуда-то таща на поводу белого коня и приглашая следовать за собой появившегося Танского монаха. За ним показался Чжу Ба-цзе, который нес коромысло с поклажей, и Ша-сэн с посохом.

Увидев своего двойника, Ша-сэн вскипел гневом и крикнул:

— Я никогда еще, как говорится, «ни в пути, ни дома не изменял ни своего имени, ни своей фамилии». Откуда же взялся этот Ша-сэн? Такой наглости я не потерплю! А ну-ка, отведай моей палки!

Молодец Ша-сэн! Он замахнулся своим посохом, покоряющим бесов, и изо всей силы ударил прямо по голове мнимого Ша-сэна, сразу же убив его наповал. Оказалось, что это был оборотень из породы обезьян.

Выдающий себя за Сунь У-куна, страшно разозлился, стал размахивать посохом с золотыми обручами и бросился на Ша-сэна, окружив его толпой мартышек. Ша-сэн бросался из стороны в сторону, прокладывая себе дорогу своим волшебным посохом, и, наконец, вскочил на облако.

— Вот каким ты оказался, негодяй! — улетая, громко крик-

нул он.— Подлая, мерзкая обезьяна! Погоди! Я пожалуюсь на тебя бодисатве Гуаньинь.

Сунь У-кун, однако, не пустился вдогонку за Ша-сэном, а удовольствовался тем, что заставил его бежать без оглядки. Вернувшись в свою пещеру, он велел слугам оттащить в сторону труп убитой обезьяны; с нее содрали шкуру, а мясо сварили и зажарили, и он со всеми своими обезьянами стал лакомиться, запивая еду кокосовым и виноградным вином. Потом он отыскал другую обезьяну-оборотня, которая превратилась в Ша-сэна, и сызнова принялся ее обучать всему тому, что надо было знать для путешествия на Запад. Но об этом рассказывать мы не будем.

Тем временем Ша-сэн на своем облаке покинул Восточное море-океан, целые сутки был в пути и, наконец, достиг Южного моря. Когда он увидел, что священная гора Лоцешань совсем недалеко, он стремительно подлетел к ней и стал смотреть вниз, остановив облако и прижимая его к земле.

Перед ним открылась картина удивительной красоты.

Вот, что говорится об этом в стихах.

Куда бы, в какие края,
Твои ни вели пути,
Краше, чем эта земля,
Нигде тебе не найти.
Сто рек здесь сливаются,
Словно одна река,
В реке той купаются
Солнце и облака.
Здесь запад с востоком
Своими морями слились,
В едином потоке
Струями переплелись...
Здесь Южное море
С морем полночных стран
Слились на просторе
В один голубой океан.
Сквозь брызги прибоя
И пены кудрявой руно
Здесь диво морское
Узреть тебе будет дано.
Красой небывалою
Мелькнет в предрассветную рань,
Меж спящими скалами
Чудесная птица Луань...
Сколько бы гор и рек
В жизни ни видел ты,
Не встретить тебе вовек
Такой, как здесь, красоты...
Здесь птиц голосистых
Кудрявые рощи таят,
Здесь в кущах тенистых
Чертоги блаженных стоят,
И в каждой обители,
Не ведая горя и мук,
Бессмертные жители
Достойно проводят досуг.

За тихой беседою
Текут их неспешные дни,
Все сутры им ведомы,
Их мудро толкуют они...
Багряными зорями
Украшен для них небосвод,
И звезды над взгорьями
Свой светлый ведут хоровод.
И лотосы чистые
В чудесных уборах своих,
Как мед, золотистые
Цветы раскрывают для них.
Росой омывается
Земли изумрудный наряд,
Священные аисты
В безбрежной лазури парят...
Где бы ты ни был досель,
Куда б ни стремил свой шаг,
Краше этих земель
Тебе не найти никак...

Ша-сэн медленно шел по горе Лоцешань и невольно любовался замечательным пейзажем. Вдруг прямо перед ним появился Муча, который после приветствия спросил:

— Ша У-цзин! Как мог ты оставить Танского монаха совсем одного, без всякой защиты? И зачем явился сюда?

Совершив положенный поклон, Ша-сэн отвечал:

— Мне нужно видеть саму бодисатву Гуаньинь. Очень прошу тебя, проведи меня к ней!

Муча сразу же догадался, что речь будет идти о Сунь У-куне, и потому без дальнейших расспросов оставил Ша-сэна и отправился доложить бодисатве.

— Явился младший ученик Танского монаха, Ша У-цзин,— сказал он,— и просит принять его.

Сунь У-кун, стоявший у трона бодисатвы, услышал эти слова и со смехом сказал:

— Ну, верно, с Танским монахом что-то случилось, и Ша-сэн явился к тебе, бодисатва, за помощью.

Бодисатва велела Муче немедленно ввести Ша-сэна, стоявшего за воротами.

Войдя, Ша-сэн повалился в ноги бодисатве, совершил положенное число поклонов, а затем поднял голову и только собрался было рассказать, что с ним произошло, как вдруг увидел Сунь У-куна. Ни слова не говоря, он схватил свою волшебную палицу, покоряющую злых духов, и бросился на Сунь У-куна. Но Сунь У-кун не стал драться, а лишь уклонился в сторону. Тогда Ша-сэн стал ругать его:

— Я тебе покажу, подлая обезьяна, совершившая все десять злодейских преступлений!— кричал он.— Ты явился сюда не иначе, как обмануть или провести бодисатву!

Но тут вмешалась сама Гуаньинь.

— Ша У-цзин,— прикрикнула она.— Не смей давать волю рукам! Если что случилось, то прежде расскажи мне!

Ша-сэн опустил свой волшебный посох, еще раз поклонился и, еле сдерживая гнев, начал рассказывать.

— Эта обезьяна за весь наш путь совершила столько злодеяний, что их и не сосчитать. Несколько дней тому назад у пригорка этот злодей убил двоих главарей разбойников. Наш наставник побранил его за это. Никто из нас не думал, что в ту же ночь мы найдем ночлег в самом логове разбойников. Сунь У-кун перебил целую шайку, да еще принес наставнику отрубленную голову одного из них. Наставник так перепугался, что свалился с коня, обругал Сунь У-куна и прогнал от себя, приказав ему убраться восвояси. Через некоторое время наставника начали мучить голод и жажда. И он велел Чжу Ба-цзе отправиться на поиски воды. Тот долго не возвращался, тогда наставник послал меня за ним. А тем временем Сунь У-кун, видя, что нас обоих нет, подбежал к наставнику, ударил его своим железным посохом, а затем утащил оба узла в черной кошме, в которых была вся наша поклажа. Возвратившись, мы привели наставника в чувство, а я отправился в пещеру Водного занавеса, чтобы забрать наши узлы. Я никак не думал, что такое произойдет. Он не пожелал признать меня, громко читал и перечитывал проходное свидетельство нашего наставника, а когда я его спросил, зачем он это делает, заявил мне, что больше не собирается охранять Танского монаха, а отправляется сам на Запад в обитель Будды за священными книгами, которые доставит в восточные земли. Это зачтется ему как великая заслуга, его сделают патриархом и имя его станут прославлять во веки веков. Я тогда сказал ему: «Как же ты возьмешь священные книги без Танского монаха?» Он ответил, что уже выбрал себе праведного и благочестивого монаха. И действительно, по его приказанию, сперва вывели белого коня, потом показался Танский монах, за ним Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Тут я и говорю: «Как же так? Ведь Ша-сэн — это я! Откуда же взялся мой двойник?» Я не выдержал, бросился к обманщику и ударил его своей волшебной палицей. Оказалось, что это была обезьяна-оборотень. Ну, а Сунь У-кун собрал все свое стадо обезьян, чтобы схватить меня. Я едва успел удрать и явился к тебе, бодисатва. Не знал я, что он сумеет на своем облаке обогнать меня и первым явится сюда. Не знаю также, какими хитрыми словами и цветистыми речами он обманул тебя, о бодисатва!

— Ша У-цзин,— молвила богиня Гуаньинь.— Не надо возводить напраслину! Вот уже четыре дня, как Сунь У-кун неотступно находится здесь. Как могло у него возникнуть желание самому отправиться за священными книгами и найти себе другого Танского монаха?

— Да я только что из пещеры Водного занавеса и собственными глазами видел Сунь У-куна. Неужели я осмелюсь лгать тебе?

— Ну, раз так, то перестань горячиться,— сказала бодисатва Гуаньинь.— Пусть Сунь У-кун отправится с тобой вместе на гору Цветов и плодов и там разберетесь. Правду трудно уничтожить, а ложь легко искоренить. На месте все сразу выяснится!

Наш настоящий Сунь У-кун, услышав эти слова, стал вместе с Ша-сэном прощаться с бодисатвой.

На этот раз он отправился за тем, чтобы:

Где черное, где белое, решить
Они должны у входа в ту пещеру,
От мерзкой ереси избавить веру,
И правду от неправды отделить.

Удалось ли им все выяснить и каким образом, об этом вы, читатель, узнаете, если прочтете следующую главу.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ,

в которой рассказывается о том, как два сердца нарушили покой неба и земли, и о том, как трудно одному совершенствоваться и достичь подлинного покоя

Итак, наш Сунь У-кун и Ша-сэн распрощались с бодисатвой и на двух благовещих лучах покинули Южное море. Облако Сунь У-куна мчалось быстрее, чем облако, на котором летел Ша-сэн, и Сунь У-кун решил лететь первым. Однако Ша-сэн удержал его:

— Дорогой брат мой! —сказал он.— Не торопись первым прилететь, ведь все равно, как говорится, голову спрячешь, а хвост останется торчать. Давай-ка лучше лететь вместе.

У Великого Мудреца никаких злых намерений не было, но Ша-сэн заподозрил его в хитрости. Итак, они вдвоем взобрались на одно облако и полетели вместе. Вскоре их взорам представилась гора Цветов и плодов. Прижав вниз край облака, путники стали пристально ее разглядывать и действительно увидели двойника Сунь У-куна, который, важно восседая на каменном постаменте, пил вино и забавлялся с толпой окружавших его обезьян. Отличить его от настоящего Сунь У-куна не было никакой возможности: рыжий, с золотыми обручами на голове и огненными глазами. Одет он был, как и Сунь У-кун, в холщовый халат, туго затянутый тигровой шкурой, на ногах башмаки из кожи козули. В руках посох. Такое же заросшее волосами лицо и рот как у бога Грома, голые, в отличие от духа звезды Земли, щеки, торчащие уши, широкий лоб, выступающие наружу клыки.

Как увидел наш Сунь У-кун своего двойника, так сразу же пришел в неописуемую ярость, оттолкнул Ша-сэна и, крепко сжимая свой железный посох, ринулся вниз, отчаянно ругаясь.

— Ты что за оборотень такой? И как осмелился принять мой облик, одурачить моих сынов и внуков, завладеть моей священной пещерой, да еще напустить на себя вид повелителя?

Поддельный Сунь У-кун надменно выслушал настоящего, взял свой посох и пошел навстречу. И вот оба Сунь У-куна, как две капли воды похожие друг на друга, вступили в бой. Они сражались не на жизнь, а на смерть.

Два посоха с лязгом сшибаются,
Два посоха в битву кидаются
За монаха из царства Танов.
Два оборотня сражаются,
Друг друга осилить стараются
Две схожие обезьяны.
В уменье и хитрости равные,
Бьются за звание славное
Защитника мужа святого.
Одна из них — Будде привержена,
И этим от зла обезврежена.
От ереси древней и новой,
Вторая — обманщица ловкая,
Своей колдовскою сноровкою
Введет в заблужденье любого.
Одна своим знанием Истины
И мудростью вправе гордиться.
Другая же — злобой неистовой
Да силой волшебной кичится.
Вперед Сунь У-кун бросается,
Как птица, посох взвивается,
Сверкая насечкой червонной.
И точно таким же посохом
Противник обороняется,
В борьбе и боях искушенный.
Так, равно неукротимые,
Могучие, неутомимые,
Сражаясь, не ведая роздыха,
Враги поднялись над пещерою,
Чтоб битву свою беспримерную
Закончить, как коршуны, в воздухе.

Оба они вскочили на облако и, продолжая ожесточенно биться, подпрыгивали все выше, пока не попали на девятое небо. Ша-сэн, находившийся тут же, боялся пустить в ход свое оружие, так как в этом бою трудно было распознать кто свой, кто чужой. Он хотел было вытащить из-за пазухи нож и пойти на подмогу, но не решился из опасения ранить настоящего Сунь У-куна. Долго он выжидал, но, наконец, не вытерпел, потянулся, спрыгнул прямо на вершину утеса и пустил в ход свое чудодейственное оружие, разящее всех бесов и оборотней. Он устремился ко входу в пещеру Водного занавеса. Все обезьяны в страхе разбежались. Ша-сэн перевернул каменные столы, а всю посуду, в которой были вина и разные яства, перебил вдребезги. Он все обшарил, чтобы найти узлы в черной кошме, но нигде их не было. Ведь пещера Водного занавеса, как известно читателю, была скрыта от глаз огромным водопадом, издали действительно напоминающим

белый занавес. Это был непрерывный каскад воды, вот почему пещера и получила такое название.

Ша-сэн не знал, как пройти в пещеру, и заблудился. Вспрыгнув на подвернувшееся облако, он помчался обратно на девятое небо, непрерывно размахивая своим волшебным посохом. Однако он не решался пустить его в ход. Тогда Великий Мудрец, настоящий Сунь У-кун, крикнул ему:

— Если ты не можешь помочь мне, отправляйся обратно к нашему наставнику и доложи ему все, что произошло, а я приведу этого оборотня к бодисатве, которая живет на горе Лоцешань, пусть разберется, кто из нас настоящий Сунь У-кун. Второй Сунь У-кун повторил точь-в-точь такую же просьбу. Ша-сэн, видя, что оба Сунь У-куна ничем не отличаются друг от друга и даже голос у них одинаковый, решил, что ему не отличить, как говорится, черное от белого, и, вняв просьбе обоих, повернул облако и пустился в обратный путь. Он явился к Танскому монаху Сюань-цзану и передал ему все, но об этом пока рассказывать мы не будем.

Между тем оба Сунь У-куна — поддельный и настоящий — продолжали драться и, наконец, достигли горы Лоцешань в Южном море. Нанося друг другу удары и ругаясь, они подняли такой шум, что встревожили хранителей бодисатвы, которые немедленно скрылись в пещере Рокот морского прибоя и обратились к Гуаньинь.

— О бодисатва!— молвили они.— Два Сунь У-куна появились у пещеры и дерутся!

Бодисатва Гуаньинь сошла со своего трона, вместе с Мучей, отроком Шаньцай и девой-драконом вышла из ворот и крикнула:

— Куда это вас несет, негодяи вы этакие?

Услышав голос бодисатвы, противники все же не отпускали друг друга, и один из них заговорил:

— О бодисатва! Этот негодяй, принявший мой облик, вступил со мной в драку у пещеры Водного занавеса. Мы долго сражаемся, но ни один из нас не может одолеть другого. Ша-сэн не сумел разобраться, кто из нас настоящий Сунь У-кун, и поэтому не смог оказать мне помощи. Тогда я велел ему возвратиться к нашему наставнику, который идет на Запад, и доложить о случившемся. И вот, не переставая драться с этим негодяем, я достиг твоей священной обители. Прошу тебя, бодисатва, взгляни на нас своим мудрым и проницательным оком и рассуди, кто из нас настоящий Сунь У-кун.

Не успел один Сунь У-кун закончить свою просьбу, как другой повторил ее слово в слово. Духи—хранители бодисатвы и сама она долго и внимательно разглядывали обоих Сунь У-кунов, но никак не могли установить, кто из них настоящий. Наконец бодисатва молвила:

— Оставьте друг друга в покое и станьте по обе стороны от меня! Я еще раз посмотрю на вас как следует.

Противники повиновались и встали по обе стороны бодисатвы. Один из них заявил:

— Я настоящий Сунь У-кун.

Но другой тут же закричал:

— Врет, он поддельный!

Тут бодисатва подозвала Мучу и отрока Шаньцай и вполголоса дала им наказ:

— Станьте рядом с ними. Сейчас я прочту про себя заклинание о сжатии обруча. Тот, которому станет невмоготу от боли, будет настоящий Сунь У-кун.

Бодисатва стала про себя читать заклинание, и служители внимательно следили за обоими Сунь У-кунами. И — о чудо! — при первых же словах, тайно произнесенных бодисатвой, оба Сунь У-куна в один голос вскрикнули от боли, обхватили голову руками и стали кататься по земле, умоляя: «О, не читай заклинания, перестань читать!»

Бодисатва перестала читать, тогда противники снова сцепились и принялись кричать и драться.

Бодисатва не знала, что придумать и как поступить. Она велела своим духам-хранителям и Муче разнять Сунь У-кунов, но те не знали, как подступиться, чтобы не поранить настоящего Сунь У-куна.

Тогда бодисатва громко позвала:

— Сунь У-кун!

Оба разом отозвались.

— Вот что,— сказала Гуаньинь,— помнишь тот год, когда тебя по должности величали бимавэнь и ты учинил буйство в небесных чертогах? Ведь все духи-полководцы с того времени хорошо знают тебя. Поднимись в высшие небесные сферы и попроси, чтобы там разобрались, а затем вернешься сюда и доложишь мне!

Настоящий Сунь У-кун стал благодарить за мудрое и милостивое решение, то же самое сделал и второй.

И вот оба Сунь У-куна, хватая друг друга и непрерывно изрыгая друг на друга потоки брани, направились прямо к Южным небесным воротам, где всполошили четырех великих полководцев небесного войска Широкоокого небесного князя, которых, как вы помните, звали Ма, Чжао, Вэнь и Гуань, и всю их свиту из старших и младших духов. Все они схватились за оружие и преградили дорогу пришельцам с грозными словами:

— Стойте! Куда идете? Здесь не место для драки!

Тут Великий Мудрец стал им объяснять.

— Я верой и правдой охранял Танского монаха Сюань-цзана в его путешествии на Запад за священными книгами. В пути мы встретили разбойников, я перебил их, за что Танский монах и прогнал меня. Оскорбленный, я направился на гору Путошань, обитель бодисатвы Гуаньинь, пожаловаться на несправедливость. Не думал я, что этот оборотень в мое отсутствие примет мой облик,

явится к Танскому монаху, изобьет его и украдет у него всю нашу поклажу. Ша-сэн отправился за поклажей на гору Цветов и плодов и там увидел этого разбойника-оборотня, который завладел моей пещерой. Тогда Ша-сэн отправился на гору Лоцешань жаловаться бодисатве Гуаньинь, и там увидел меня. Тут он стал врать, будто я обогнал его на облаке и первым явился к бодисатве с целью скрыть свои преступления. Но бодисатва прозорлива, она не поверила Ша-сэну и велела мне вместе с ним отправиться на гору Цветов и плодов и посмотреть, что там происходит. Оказалось, что этот оборотень в самом деле принял мой облик. Я вступил с ним в бой, и так, сражаясь, мы добрались от пещеры Водного занавеса до горы Лоцешань, где и предстали перед бодисатвой. Но и бодисатва не смогла распознать, кто из нас настоящий Сунь У-кун. Вот она и послала нас сюда, чтобы ты потрудился распознать, кто из нас настоящий, а кто поддельный!

Не успел он закончить свою речь, как второй Сунь У-кун повторил ее всю от начала до конца, слово в слово.

Небесные духи долго глядели на обоих Сунь У-кунов, и тоже никак не могли найти разницы между ними. Тогда оба Сунь У-куна в один голос рявкнули:

— Раз не можете разобраться, кто из нас настоящий Сунь У-кун, мы явимся к Нефритовому императору, и пусть он нас рассудит!

Духи не стали их задерживать и пропустили через небесные ворота, откуда они прямым путем достигли драгоценного дворца Чудодейственного неба. Четыре небесных наставника: Чжан, Гэ, Сюй и Цю во главе с полководцем Ма отправились с докладом к самому императору.

— О владыка! В низших сферах,— начали они,— объявилось два Сунь У-куна, похожих друг на друга как две капли воды. Они подрались и вот явились сюда, чтобы повидать тебя.

Не успели они закончить свой доклад, как оба Сунь У-куна с шумом ворвались в дворцовые покои и так встревожили Нефритового императора, что ему пришлось подняться со своего трона.

— Вы по какому делу пожаловали?— спросил он.— И как осмелились шуметь и ломиться в небесный дворец? Смерти своей ищете, что ли?

Великий Мудрец стал оправдываться:

— О ваше императорское величество, многие вам лета, многие вам лета! Я, ваш покорный слуга, вступил на путь Истины и стал последователем Будды, так что теперь ни за что не осмелюсь кривить душой и обманывать высших. Я решился предстать перед вами лишь потому, что... — И тут он опять рассказал все, что с ним приключилось, о чем вам, читатель, уже известно.— Умоляю вас, ваше императорское величество, рассудите, кто же из нас двоих настоящий Сунь У-кун!— так закончил он свою просьбу.

Второй Сунь У-кун повторил то же самое в тех же самых выражениях.

Нефритовый император немедленно отдал приказ, повелевающий небесному князю Вайсраване:

«Явиться с волшебным зеркалом, отражающим только оборотней, и с помощью этого зеркала определить, кто из этих двоих смутьянов является настоящим Сунь У-куном, и чтобы поддельный сгинул, а настоящий остался в живых!»

Небесный князь явился и установил волшебное зеркало, а затем попросил Нефритового императора и всех окружающих его небесных духов глядеть в него. В зеркале отразились оба Сунь У-куна; их посохи с золотыми обручами и одежда были совершенно одинаковы. Нефритовый император был озадачен и поспешно выгнал их из тронного зала.

Настоящий Сунь У-кун презрительно рассмеялся. Другой немедленно последовал его примеру, а затем оба снова вцепились друг в друга и выскочили за небесные ворота, кубарем полетев вниз. Они очутились на дороге, которая вела на Запад.

— Идем к наставнику! Идем к наставнику!— кричали они друг другу.

Тем временем Ша-сэн, расставшись с обоими Сунь У-кунами на горе Цветов и плодов, странствовал еще трое суток. Наконец он вернулся к Танскому монаху и рассказал все как было.

— Зря я погорячился,— печалился Сюань-цзан,— но откуда мог я знать, что побил меня палкой и отнял узел не настоящий Сунь У-кун, а какой-то оборотень, принявший его облик?

Ша-сэн продолжал свой рассказ:

— Кроме того, этот оборотень одного духа превратил в старца, похожего на вас, уважаемый наставник, другого — в белого коня, а третьего — в точную копию Чжу Ба-цзе и тоже с коромыслом и нашими узлами, а еще одного превратил в меня. Я не смог удержаться от гнева и одним ударом своего посоха убил моего двойника. Оказалось, что это была обезьяна-оборотень. После этого я бежал, отправился к бодисатве Гуаньинь и пожаловался ей. Бодисатва велела мне вместе с Сунь-У-куном вернуться на гору Цветов и плодов, посмотреть, что там происходит. Оказалось, что этот оборотень как две капли воды похож на Сунь У-куна, ну, никак не отличишь. Так что мне трудно было помочь нашему Сунь У-куну. Вот почему я решил вернуться к вам и доложить о случившемся.

Танский монах, услышав все это, пришел в отчаяние и даже в лице изменился. А Чжу Ба-цзе, громко расхохотавшись, сказал:

— Вот видите! Сбылись слова жены нашего благодетеля. Ведь она говорила: сколько вас ходит за священными книгами? Вот и оказалось, что еще один появился!

Тут все жители усадьбы от мала до велика, собрались вокруг Ша-сэна и стали его расспрашивать:

— Где это ты пропадал все эти дни? Ходил за подаянием или собирал деньги на дорогу?

Ша-сэн с улыбкой отвечал им:

— Я ходил искать Сунь У-куна — старшего ученика нашего наставника на гору Цветов и плодов, что на острове Дуншэнчжоу, чтобы взять у него наши узлы и поклажу. Затем я был еще на горе Путошань в Южном море и виделся с бодисатвой Гуаньинь, потом мне снова пришлось побывать на горе Цветов и плодов, и вот оттуда я пришел сейчас!

Тогда хозяин снова спросил:

— Как долог путь туда и обратно?

Ша-сэн, не задумываясь, отвечал:

— Более двухсот тысяч ли!

— Батюшки мои,— изумился старец,— неужели за эти несколько дней ты смог совершить столь далекий путь? Разве только на облаке, а иначе никак невозможно!

Тут вмешался в разговор Чжу Ба-цзе:

— А как же иначе можно переправиться через море?

— Да разве я быстро хожу? Вот старший ученик моего наставника — тот другое дело,— скромно заметил Ша-сэн.— На такой путь он потратил бы всего день или два.

Все окружающие пришли в полное замешательство и решили, что имеют дело с праведниками-небожителями.

— Мы сами хоть и не праведники-небожители,— сказал Чжу Ба-цзе,— но старше их по возрасту.

Как раз в этот момент откуда-то с неба послышался шум и крики, вспугнувшие всех присутствующих, которые гурьбой бросились из помещения взглянуть, что случилось. Тут они увидели двоих Сунь У-кунов, которые приближались к ним, продолжая драку.

При виде этого зрелища у Чжу Ба-цзе зачесались руки, и он крикнул:

— Стойте! Сейчас я узнаю кто из вас настоящий Сунь У-кун!

И Чжу Ба-цзе, стремглав вытянувшись, подпрыгнул высоко вверх и закричал:

— Братья! Перестаньте шуметь. Я здесь!

Те разом крикнули ему в ответ:

— Браток! Ну-ка, наподдай этому дьяволу—оборотню! Бей его!

Напуганные и вместе с тем обрадованные хозяева стали переговариваться между собой.

— Оказывается, в нашем доме остановились сами архаты, умеющие летать на облаках! Ведь никому еще, даже тем, кто по обету кормит монахов, никогда не доводилось принимать таких хороших людей!

После этого они перестали считать расходы на пропитание путников и давали им всего вдоволь.

— Как бы эти Сунь У-куны не натворили здесь беды!

Танский монах заметил, что хозяин, несмотря на кажущееся радушие, чем-то обеспокоен, и, улучив удобный момент, обратился к нему с такими словами:

— Почтенный благодетель мой! Успокойтесь и не грустите. Не надо тревожиться. Я сейчас угомоню своих учеников, устраню зло и после этого отблагодарю вас за гостеприимство.

Хозяин стал с жаром оправдываться:

— Что вы, помилуйте! Да разве посмел бы я таиться от вас!

Тут в разговор вмешался Ша-сэн:

— Благодетель вы наш! Не надо так говорить! А вы, наставник, сядьте вот здесь, сейчас мы с братом Чжу Ба-цзе живо приведем сюда обоих Сунь У-кунов и поставим перед вами. Вы прочтете свое заклинание. А мы посмотрим, на кого из них оно подействует. Кому станет больно, тот, значит, и есть настоящий Сунь У-кун, а кто будет спокойно стоять,— тот, значит, поддельный.

Танский монах согласился.

— Вот это правильно!— сказал он.

Тогда Ша-сэн взвился ввысь и стал кричать:

— Остановитесь, остановитесь! Я отведу вас к наставнику, пусть он рассудит, кто из вас настоящий.

Наш Великий Мудрец Сунь У-кун остановился, его двойник сделал то же самое. Ша-сэн крепко схватил одного из них и позвал:

— Брат Чжу Ба-цзе! Возьми-ка другого!

Чжу Ба-цзе схватил второго Сунь У-куна, и они все спустились на облаках прямо у входа в усадьбу. Увидев их, Танский монах начал читать свое заклинание. Оба Сунь У-куна разом вскрикнули от боли и взмолились:

— Мы и так наколотили друг друга, а ты еще шлешь на нас свои заклинания. Зачем ты это делаешь? Перестань, умоляем тебя. Остановись!

Танский монах по природе своей был человеком сердобольным. Он сжалился и перестал читать, но зато так и не узнал, кто из них настоящий Сунь У-кун.

Противники снова принялись драться. Настоящий Сунь У-кун вдруг предложил:

— Братья! Побудьте с нашим почтенным наставником, чтобы защитить его в случае необходимости, а я загоню этого черта в преисподнюю и представлю самому властителю ада Янь-вану, пусть хоть он, наконец, рассудит нас!

Двойник Сунь У-куна повторил то же самое.

С этими словами оба Сунь У-куна, хватая и теребя друг друга, мигом исчезли из виду.

Чжу Ба-цзе с недовольным видом обратился к Ша-сэну.

— Как же это ты так сплоховал?— начал он.— Надо было притащить сюда того оборотня, которого ты видел в моем облике!

— Когда я пустил в ход волшебное оружие и убил своего двойника, тот дьявол полез было на меня, чтобы схватить. Но мне удалось бежать, спасая свою жизнь. Затем, когда по повелению бодисатвы я снова прибыл на гору Цветов и плодов уже вместе с Сунь У-куном, то Сунь У-кун сразу же вступил в драку

со своим двойником. Пока они дрались в воздухе, я перевернул все столы, разогнал всех бесов и увидел перед собой водопад. Я заблудился и никак не мог отыскать вход в пещеру, чтобы найти нашу поклажу, поэтому и вернулся к наставнику с пустыми руками.

Чжу Ба-цзе не унимался:

— Эх, ничего ты не понимаешь. Ведь в позапрошлом году, когда я ходил к Сунь У-куну приглашать его, то сперва встретился с ним за воротами пещеры; потом мне удалось его уговорить, и он соскочил вниз, чтобы попасть в свою пещеру и переодеться. Я видел, как он перепрыгнул через водопад. Ведь водяная завеса как раз и прикрывает вход в пещеру. Я уверен, что этот дьявол спрятал наши узлы именно там, в самой пещере.

— В таком случае,— сказал Сюань-цзан,— раз ты знаешь, где вход в пещеру, так воспользуйся тем, что оборотень здесь, проберись туда и добудь наши узлы. Тогда мы спокойно отправимся дальше на Запад. А когда Сунь У-кун заявится, я откажусь от него, он мне больше не нужен!

Чжу Ба-цзе обрадовался.

— Ну, я пошел,— сказал он.

— Брат,— предостерег его Ша-сэн,— там перед пещерой снуют тысячи оборотней-обезьян. Боюсь, что одному тебе не легко будет справиться с ними. Как бы не вышло конфуза!

— Не бойся! Не бойся!— проговорил, смеясь, Чжу Ба-цзе, и, выскочив из ворот, поднялся на облако, которое помчало его прямо к горе Цветов и плодов.

Но о том, как он добывал узел с поклажей, мы пока рассказывать не станем.

Тем временем оба Сунь У-куна с шумом и криками домчались до горы Иньшань с северной ее стороны и напугали чуть не до смерти всех многочисленных ее обитателей — духов покойников, которые дрожа от страха попрятались кто куда. Те, что были попроворнее, вбежали в ворота, ведущие в управление царства Теней, и, явившись во дворец Сэнло, доложили:

— О великий князь! Над горой Теней появились двое Сунь У-кунов — Великих Мудрецов, равных небу, которые ведут бой.

Охранявший первый дворец князь Цинь-гуан перепугался и велел немедленно поднять на ноги хранителя второго дворца князя Чу-цзяна, третьего дворца — князя Сун-ди, четвертого дворца — князя Бянь-чэна, пятого дворца — князя Янь-ло, шестого дворца — князя Нин-дэна, седьмого дворца — князя Тай-шаня, восьмого дворца — князя Ду-ши, девятого дворца — князя У-гуаня и последнего десятого дворца — князя Чжуань-луня. Тревога передавалась из дворца во дворец, и вскоре все десять князей собрались в первом дворце и решили срочно послать гонца к владыке подземного царства Ди Цзан-вану. Они вызвали всю караульную стражу и устроили ей проверку, решив во что

бы то ни стало изловить обоих Сунь У-кунов — настоящего и поддельного. В наступившей тишине было слышно,как завывал ветер. Зловещий туман стал сгущаться вокруг. Это оба Сунь У-куна, барахтаясь и кувыркаясь, с шумом приближались ко дворцу Сэнло.

Правитель царства Теней выступил вперед и преградил им путь.

— Великий Мудрец, как смеешь ты затевать драку в подземном царстве? — грозно спросил он.

Настоящий Сунь У-кун сразу же ответил:

— Я был приставлен охранять Танского монаха Сюань-цзана, который направляется на Запад за священными книгами. Наш путь пролегал через царство Силян. У одной горы на нас напала шайка разбойников и ограбила нашего наставника, Танского монаха. Я убил нескольких разбойников. Тогда наставник стал укорять меня и прогнал прочь от себя. Я тотчас же отправился с жалобой к бодисатве Гуаньинь, которая живет у Южного моря. Не знаю, откуда взялся этот оборотень и как ему удалось принять мой облик. Он напал на моего наставника, ударил его так, что тот свалился без чувств, и захватил всю нашу поклажу. Брат мой, Ша-сэн, тоже сопровождающий Танского монаха, направился тогда в мои владения на гору Цветов и плодов, чтобы вернуть унесенную поклажу. Там он нашел этого оборотня, который решил под именем нашего наставника направиться на Запад и получить все священные книги. Ша-сэн помчался к Южному морю, чтобы заручиться помощью бодисатвы. А я как раз находился там. Ша-сэн все рассказал как было, и бодисатва Гуаньинь велела ему вместе со мной отправиться на гору Цветов и плодов, посмотреть, что там происходит. Оказалось, что этот негодяй в самом деле завладел моей пещерой. Я вступил с ним в бой, и мы отправились на суд к бодисатве. Но мой двойник наружностью и даже голосом так удивительно походит на меня, что даже бодисатва не смогла различить, кто из нас истинный Сунь У-кун. Тогда я отправился с ним в небесные чертоги. Но ни один небесный дух не сумел различить нас. Наконец мы отправились к наставнику. Он прочел заклинание о сжатии обруча, чтобы узнать правду. Но от заклинания нам обоим стало одинаково больно. Таким образом наставник тоже ничего не узнал. Вот почему мы пришли сюда в надежде, что ты, правитель царства Теней, прикажешь проверить по книге записей Жизни и Смерти, под каким именем в ней значится этот мнимый Сунь У-кун и откуда он родом, чтобы поскорей найти его блуждающую душу. Нельзя, чтобы два сердца нарушали покой на небе и на земле.

Все это слово в слово повторил второй Сунь У-кун.

Выслушав обоих, правитель царства Теней велел немедленно вызвать судью, ведающего книгой Жизни и Смерти и приказал ему просмотреть все записи по порядку. Однако в книге «Мнимого Сунь У-куна» не оказалось. Тогда стали просматривать

книгу, в которой были записаны все звери. Там нашли под сто тридцатой статьей запись о том, что Великий Мудрец Сунь У-кун в юные годы, когда еще только учился жизни, учинил буйство в управлении царства Теней, но отметка, что он подлежит смерти, была зачеркнута. Далее перечислялось еще много других обезьян, но без названий и прозвищ. Когда все книги были просмотрены, судья доложил о результатах в зале судилища. Правитель царства Теней, держа в руках дощечки для записей, обратился к одному из Сунь У-кунов с такими словами:

— Великий Мудрец! В царстве вечной тьмы не оказалось никаких свидетельств, которыми можно было бы проверить имя и прозвище твоего двойника. Придется тебе вернуться в царство белого света и там добиться справедливости.

Не успел он закончить, как послышался голос владыки подземного царства.

— Погоди! Погоди! Я сейчас велю моему слухачу внимательно послушать и определить, кто из них настоящий.

Слухачом называлось животное, которое постоянно лежало под столиком с сутрами у владыки подземного царства. Стоило слухачу лечь на голую землю, как он сразу же определял, где среди гор и рек всех четырех материков, в разных общинах, в обителях бессмертных или в счастливых краях среди разных животных, ползающих, чешуйчатых, пушистых, пернатых и членистых, среди бессмертных праведников разных царств, неба, земли, духов, людей и покойников есть добрые и злые, умные и глупые. По приказанию повелителя подземного царства этого слухача привели во внутренний дворик, прилегающий ко дворцу Сэнло, и положили ничком на землю. Слухач мигом поднял голову и обратился к своему господину с такими словами:

— У оборотня есть имя, но я не смею раскрыть его. Поймать оборотня не в ваших силах.

— А что случится, если ты раскроешь его имя в его присутствии,— спросил владыка подземного царства.

— Боюсь, что он разозлится и учинит такое буйство в драгоценном зале, что весь дворец царства Теней надолго лишится покоя.

— А почему я не в силах поймать его?— продолжал допытываться владыка.

— Этот оборотень обладает огромной волшебной силой, не уступающей силе Сунь У-куна,— отвечал слухач.— Ни один из духов, обитающих в царстве вечной тьмы, не обладает такой магической силой, как он, вот почему мы не сможем изловить это существо.

— Каким же способом можно избавиться от этого оборотня и изгнать его?— снова спросил владыка подземного царства.

— Учение Будды беспредельно,— коротко отвечал слухач.

Владыка подземного царства догадался, что он имеет в виду, и обратился к обоим Сунь У-кунам с такими словами:

— Вы как две капли воды похожи друг на друга и обладаете одинаковой волшебной силой. Если желаете установить, кто из вас истинный Сунь У-кун, то вам следует отправиться туда, где находится Будда Татагата, в храм Раскатов грома.

Оба Сунь У-куна согласились и с возгласами: «Совершенно верно! Совершенно верно!» — устремились к выходу, говоря один другому: «Я пойду с тобой на Запад к престолу Будды, где нас быстро рассудят».

Хранители всех десяти дворцов царства Теней проводили их как подобает, поблагодарили владыку подземного царства за совет и вернулись во дворец Изумрудных облаков, приказав служителям крепко-накрепко запереть ворота пограничной заставы, ведущей в царство вечного мрака.

Пока оставим их там и продолжим наш рассказ.

Между тем оба Сунь У-куна, продолжая бой на облаке, долетели, наконец, до Западных земель.

Об этом сложены стихи, в которых говорится:

О двоедушие, источник горьких бед!
Тебе и небосвод внушает подозренье,
И вызывают странные сомненья
И цвет морской волны и солнца ясный свет!
О двоедушие, великих бед творец!
Начав свой путь в неискреннем смиренье,
Ты добиваешься богатства, поклоненья
И проникаешь в императорский дворец...
О двоедушие, тебе прощенья нет!
На юг и на восток ведешь ты наступленье,
На западе война, на севере броженье,
И нет конца борьбе и усмиренью,
И края нет походам и сраженьям,
О двоедушие, источник вечных бед!
Откроем же смятенные сердца,
Избавив их от зла,— благому созерцанью!
И возрастим в себе не горе и страданье,
А жизнь без тлена и блаженство без конца.

Итак, наши двойники продолжали драку, улетая все дальше и дальше, и, наконец, с шумом долетели до храма Раскатов грома, который стоит на священной горе Линцзешань. Еще задолго до их прибытия четыре великих бодисатвы *, восемь хранителей закона Будды *, пятьсот святых подвижников-архатов, три тысячи Цзе-ди *, вникших в суть учения Будды, множество монахинь-бикшуни и монахов-бикшу *, близких приверженцев Будды, а также монахов упанов * и монашек упасик * собрались у возвышения, сделанного в виде исполинского цветка лотоса с семью драгоценностями, и с благоговением внимали поучениям Будды Татагаты, который в этот момент толковал вот о чем:

В небытии родившись — бытие
В свой вид первоначальный переходит,
Из жизни тлен, из тлена жизнь выходит,
Меняя лишь обличие свое.

Все будущее скрыто в пустоте,
Пустое — содержанием богато,
Невидимое — зримым чревато,
Грядущий свет таится в темноте.
Что пустота?— оиа лишь пустота,
Пустое невесомо и иезримо,
И ие вещественно, ио это только мнимо.
В ней ширь и глубь, объем и высота!
Однако глубь и высь, объем и широта
Вовек от пустоты иеотделимы:
Все то, что осязаемо и зримо,
По сути дела— та же пустота!
Но пустота — ие пустота, поскольку
Храиит в себе и суть вещей и вид,
А все вещественное пустоту таит,
Не будучи вещественным иисколько.
Лишь тот, кто сказанное мной постичь сумеет,
Все тайны бытия уразумеет!

Толпа слушала, склонив головы и стараясь вникнуть в суть его слов. Когда все стали повторять вслух это поучение, Будда разбросал в толпу множество лепестков небесного цветка лотоса, после чего покинул свой трон, сказав при этом:

— У всех у вас одно сердце, но поглядите на тех, что приближаются к нам. У них два сердца *.

Все устремили взоры вверх и, действительно, увидели в небе двух Сунь У-кунов, которые кричали так, что было слышно по всему небу и по всей земле. Не переставая драться, они подлетели к храму Раскатов грома. Восемь великанов — хранителей закона Будды, встревоженные их приближением, выступили вперед, чтобы преградить им путь.

— Куда направляетесь?— спросили они.

Настоящий Сунь У-кун, Великий Мудрец, отвечал первым:

— Этот дьявол-оборотень принял мой облик, возымев желание предстать перед драгоценным возвышением, на котором восседает Будда, чтобы потревожить его просьбой рассудить кто из нас настоящий Сунь У-кун.

Хранители Будды не смогли удержать его, и он с криком приблизился к возвышению, опустился на колени перед Буддой и начал молить его:

— Я, твой смиренный последователь, охранял Танского монаха Сюань-цзана, который должен был прибыть сюда к твоей драгоценной горе и просить у тебя священные книги. В пути сколько мне довелось выловить разных дьяволов и злых духов мара, строивших козни и чинивших препятствия! А сколько было потрачено душевных и телесных сил! И вот, когда мы прошли уже половину пути, на нас напали разбойники. Нескольких из них я убил, других ранил. За это мой наставник, Танский монах, разгневался и прогнал меня прочь, не желая, чтоб я вместе с ним предстал перед тобой, великий Будда. Мне не оставалось ничего иного, как отправиться к Южному морю, к бодисатве Гуаньинь, и пожаловаться ей. Я никак не предполагал, что этот дья-

волгоборотень сумеет принять мой облик и даже подражать моему голосу. После этого он явился к моему наставнику, Танскому монаху, ударил его так, что тот лишился чувств, отнял всю нашу поклажу и исчез. Брат мой в монашестве, по имени Ша-сэн, думая, что это был я, отправился искать меня в мои владения. А там этот негодяй стал молоть всякий вздор, утверждая, что есть истинный монах, который пойдет на Запад, чтобы получить твои священные книги. Тут встревоженный Ша-сэн помчался к Южному морю и рассказал обо всем бодисатве Гуаньинь. Узнав об этом, Гуаньинь велела мне вместе с Ша-сэном вновь отправиться к моей горе. Там мы вступили в бой и вот до сих пор никто не может определить, кто из нас истинный Сунь У-кун. Мы побывали у Южного моря, в небесных чертогах, у Танского монаха — моего наставника; побывали мы также и в царстве вечного мрака, но все напрасно. А теперь, набравшись мужества, мы осмелились обратиться к тебе с великой просьбой, которую готовы неустанно повторять. Прояви благодеяние, яви нам свою милость и скажи, кто же из нас настоящий Сунь У-кун, чтобы я мог охранять Танского монаха в его паломничестве на Запад за священными книгами, которые мы должны испросить у тебя и вернуться с ними в далекие восточные земли, где твое великое учение будет проповедоваться вечно.

Все, кто здесь был, слышали, как оба Сунь У-куна произносили всю эту речь совершенно одинаково, в один голос. Разумеется, они тоже были не в силах определить, кто из говоривших был истинным Сунь У-куном. Один только Будда Татагата знал об этом. Он собрался было сказать, кто из двоих истинный Сунь У-кун, как вдруг заметил, что на юге между облаками показалась бодисатва Гуаньинь.

Сложив ладони рук, наш великий Будда молвил:

— Высокочтимая Гуаньинь! Погляди на этих двух Сунь У-кунов и определи, кто из них настоящий.

— Еще позавчера,— отвечала Гуаньинь,— в моей далекой обители я пыталась это сделать, но безуспешно. После меня они отправились в небесные чертоги, затем в подземное царство, но и там никто не мог распознать истину. Поэтому я и явилась к тебе, о великий Будда Татагата, и хочу просить тебя, чтобы ты определил, кто из них истинный Сунь У-кун, а кто двойник.

Будда засмеялся и сказал:

— Все вы хоть и обладаете великой многообразной волшебной силой, однако можете лишь наблюдать происходящие в небесной сфере явления. Вы не знаете всех существ, обитающих там, и не можете постичь их разнообразие.

Гуаньинь стала просить Будду пояснить столь мудреную мысль. Тогда Будда молвил:

— Во всей небесной сфере духи делятся на пять групп: духов неба, земли, небожителей, людей и умерших. Есть также пять видов зверей: панцирные, чешуйчатые, пушистые, крылатые и членистые. Перед нами же стоят два существа, которые не

относятся ни к небу, ни к земле, ни к небожителям, ни к людям, ни к душам умерших. Они не являются также ни панцирными, ни чешуйчатыми, ни пушистыми, ни крылатыми, ни членистоногими. На свете есть еще четыре обезьяны, которые чинят беспорядок в мире, но они не входят в перечисленные выше десять разновидностей.

Тут Гуаньинь спросила:

— А что это за четыре обезьяны, осмелюсь спросить?

Будда отвечал:

— Первая называется: каменная обезьяна, обладающая волшебной прозорливостью. Эта обезьяна в совершенстве владеет способом превращения в любые другие существа. Она знает время, предопределенное небом, и блага, приносимые землей, и может перемещать на небе звезды; вторая обезьяна — это павиан, который обладает способностью управлять положительным и отрицательным началом, в совершенстве знает дела людей, ловко прячется и внезапно появляется, умеет избавлять от смерти и продлевать жизнь; третья — это горилла, у которой необыкновенно длинные руки. Она может достать ими солнце или луну, сжать тысячи гор. Она знает судьбу всех и не боится ни земли, ни неба. Четвертая обезьяна это шестиухая макака, у которой замечательный слух. Она способна вникать в суть вещей, знает последовательность событий и считается самой смышленой из всех живых тварей. Эти четыре обезьяны не входят в перечисленные мною десять разновидностей и не относятся ни к первой, ни ко второй группе. Так вот, двойник Сунь У-куна как раз и есть шестиухая обезьяна. Эта обезьяна знает о событиях, которые совершаются на расстоянии в тысячу ли. Она знает все, о чем говорят люди. Вот почему я и перечислил четыре ее достоинства. Утверждаю, что обезьяна, принявшая облик Сунь У-куна и подражающая его голосу, как раз и есть шестиухая макака!

Услышав это, двойник Сунь У-куна затрепетал от страха, подпрыгнул и кинулся вон.

Будда тотчас же отдал приказание всем своим приближенным действовать. В тот же миг, находившиеся здесь четыре бодисатвы, восемь хранителей, пятьсот святых подвижников-архатов, три тысячи Цзе-ди, вникших в суть учения Будды, монахи-бикшу и монахини-бикшуни, близкие приверженцы Будды — монахи упаны и монахини упасики, бодисатва Гуаньинь и Муча разом стали в круг, чтобы не дать обезьяне убежать. Великий Мудрец Сунь У-кун тоже хотел было податься вперед, но Будда остановил его:

— Не вмешивайся! Я изловлю его живым и отдам тебе.

Тем временем, дрожа от страха, несчастная макака сразу же сообразила, что спасения нет и убежать не удастся. Тогда она встряхнулась и сразу же превратилась в пчелку, улетев ввысь. Но Будда метнул ей вдогонку свою золотую чашу для сбора подаяний, и беглец упал на землю, накрытый чашей. Присутствую-

щие ничего не заметили, считая, что макака бежала. Но Будда усмехнулся:

— Перестаньте шуметь!— сказал он.— Оборотню не удалось бежать. Ищите его под моей чашей!

Все разом кинулись к чаше и приподняли ее. Там оказалась маленькая шестиухая обезьянка макака. Великий Мудрец не стерпел, размахнулся своим посохом и одним ударом размозжил ей голову. С той поры шестиухие обезьяны перестали существовать на свете.

Будда гневно крикнул:

— Хорош же ты, нечего сказать!

Сунь У-кун стал оправдываться:

— О великий Будда! Не жалей этого негодяя. Он не достоин твоей жалости. Ведь он осмелился поднять руку на моего наставника — Танского монаха и ранил его. Он утащил всю нашу поклажу. По мирским законам его бы судили как настоящего разбойника с большой дороги, который средь бела дня грабит прохожих. За подобные преступления его бы обезглавили.

Будда остановил его:

— Ступай живей к своему наставнику и продолжай охранять его, чтобы он мог благополучно прибыть сюда за священными книгами.

Великий Мудрец стукнул лбом о землю и с волнением произнес:

— Осмелюсь доложить, всевышний Будда, что наставник мой безусловно прогонит меня, тогда снова придется тебя беспокоить, не так ли? Сделай милость, прочти заклинание о снятии обруча, я отдам его тебе, Будда, а ты отпусти меня и позволь стать простым мирянином.

— Оставь свои сумасбродные мысли,— прервал его Будда,— и перестань неистовствовать. Я велю бодисатве Гуаньинь проводить тебя, и твой наставник тебя примет. Смотри только, служи ему верой и правдой. А когда он выполнит свой долг, его будет ожидать великая радость, да и тебе предоставят право восседать на троне, который похож на цветок лотоса!

Гуаньинь при этих словах сложила ладони рук и поблагодарила за мудрое указание. Она повела за собой Сунь У-куна; они вскочили на облако и умчались. За ними последовали Муча и белый попугай. Вскоре они прибыли в усадьбу. Первым их заметил Ша-сэн и побежал предупредить наставника, чтобы тот приготовился достойно встретить прибывших.

Гуаньинь обратилась к Танскому монаху с такими словами:

— Третьего дня на тебя осмелился поднять руку двойник Сунь У-куна, оказавшийся шестиухой макакой. К великому счастью, Будда, обладающий безграничной силой провидения, распознал его, а Сунь У-кун одним ударом его убил. Теперь тебе надо простить Сунь У-куна и оставить его при себе, так как по дороге будет еще много препятствий, чинимых злыми духами-мара. Сунь У-кун должен защищать тебя и устранять препят-

ствия. Иначе ты никогда не достигнешь горы Линшань, не поклонишься Будде и не получишь у него священные книги. Не сердись на Сунь У-куна и прости его!

Танский монах ударил об землю челом и проговорил:

— С почтением повинуюсь твоему велению и следую ему!

Как раз в тот момент, когда Танский монах отбивал земные поклоны, с востока налетел сильный порыв ветра и в воздухе появился Чжу Ба-цзе с двумя узлами. Увидев бодисатву, Дурень рухнул наземь и, совершив поклон, проговорил:

— Твой недостойный ученик и последователь третьего дня расстался с наставником, Танским монахом, и отправился на гору Цветов и плодов к пещере Водного занавеса, чтобы отыскать там наши узлы. На этой горе я действительно, увидел мнимого Танского монаха и своего двойника. Я их убил. Оказалось, что это были обезьяны. Я вошел в пещеру и отыскал наши узлы. Все оказалось в целости. Затем, воспользовавшись сильным порывом ветра, я примчался сюда. Куда делись оба Сунь У-куна и что с ними случилось, мне неизвестно.

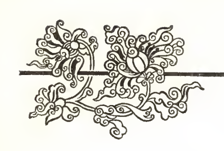
Тогда Гуаньинь рассказала ему об всем, что произошло, и Чжу Ба-цзе, ликуя и радуясь, принялся благодарить. Наставник и его ученики еще раз поклонились бодисатве, которая распрощалась с ними и, довольная тем, что все уладилось, вернулась к себе на Южное море. Все обиды забылись, и гнев прошел.

Затем наши путники распрощались с хозяевами усадьбы, гостеприимно приютившими их, привели в порядок всю свою поклажу, оседлали коня, вышли на дорогу и отправились на Запад.

Пришлось расстаться им иа полпути,
Расстроился стихий великий лад.
Теперь же оборотеиь ими побежден,
И сиова можно вместе им идти,
Коль встали виовь стихии в прежиий ряд.
Покуда в сердце дух еще ие водворен,
Возможно ль утвердиться в созерцанье?
Коль властны над тобой вместилища позиаиья,
Возможно ли бессмертье обрести?

Удалось ли Танскому монаху достичь своей цели, когда он получил возможность лицезреть Будду и просить у него священные книги, обо всем этом, читатель, вы узнаете из последующих глав.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ,

в которой рассказывается о том, как на пути Танского монаха выросла Огнедышащая гора и как Сунь У-кун пытался в первый раз раздобыть волшебный веер

Бесчисленны снедающие страсти,
Однако же природа их едина:
Бесчисленны тревоги и напасти,
И кажется печаль неодолимой.
Десятки тысяч дум, волнений и забот,
Которым нет ни края, ни конца,
В свой гибельный влекут круговорот
Смятенные, смущенные сердца.
Но все ж настанет день, когда предел
Положен будет тяжким испытаньям,
Лавине столь пустых, столь неотложных дел,
И суетным мечтам и суетным дерзаньям.
Настанет день, когда к земным страстям
Дух человеческий навеки охладеет,
Когда душа ослепшая прозреет
И в славе вознесется к небесам.
Тогда не будет к западу восток
Стремиться, каждой Истины гонимый,
Тогда сгорят в огне неопалимом
Забота, суета, желанья и порок.
Восстав из раскаленного горнила,
Одарена бессмертием, нетленна,
Душа навек избавится от плена,
И обретет незыблемую силу.

Итак, мы остановились на том, что Танский монах, повинуясь указаниям бодисатвы, снова принял к себе Сунь У-куна. Он отбросил всякие подозрения и, обуздав беспокойное, как обезьяна, сердце и быстрые, словно конь, мысли, вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном отправился на Запад.

Пока мы все это рассказывали, время летело с быстротой стрелы, солнце и луна сновали по небу, подобно ткацким челнокам, промчались знойные дни лета, и вот наступила глубокая осень, украсившая пейзаж серебристым инеем.

Стремительный ветер рвет облака,
Свинцовым налетом покрылась река,
Вчера еще бывшая синей...
Доносится крик журавлиный
Откуда-то издалека.
Печально и хмуро глядят небеса,
Как горные выси, поля и леса
Парчой своей выстелил иней...
Как лебеди, водной стихии краса,
Летят вереницею длинной
В страну, где неведомы зимы...
Как ласточек стаи стремятся на юг,
В края, где не знают морозов и вьюг...
Старается странник не сбиться с пути,
Торопится путник скорее дойти
До цели, до верного крова...
Кто в рясе монашьей боится найти
Погибель от холода злого?

Путники все шли и шли, и чем дальше они продвигались вперед, тем становилось все жарче, казалось, что от раскаленного воздуха они сварятся живьем. Танский монах не вытерпел, остановил коня и спросил:

— Отчего такая невыносимая жара? Ведь наступила глубокая осень.

Чжу Ба-цзе отвечал:

— Разве вы не знаете, в чем дело? По дороге на Запад находится государство Сыхали, а в этом государстве есть место, где заходит солнце. В народе это место называют: «Край неба». Между пятью и семью часами правитель этого государства посылает жителей на городские стены, чтобы они били там в барабаны и трубили в рога, заглушая клокотанье кипящего моря, в которое погружается раскаленное солнце. Ведь солнечный диск является истинным огнем мужского начала ян, и когда он опускается в водные просторы Западного моря, то получается то же, что с обычным огнем, когда его заливают водой; вода начинает шипеть и бурлить, и если не заглушить это шипение грохотом барабанов и звуками рогов, то могли бы погибнуть все младенцы в городе. Я думаю, что мы приближаемся к этому месту: вот почему здесь такая сильная жара...

Сунь У-кун прыснул со смеху.

— Да перестань ты, Дурень, чепуху молоть! — сказал он. — Говорить о государстве Сыхали пока еще рано. Если наш наставник будет всякий раз задерживаться в пути и то выгонять, то снова принимать своих спутников, ему придется прожить до старости, затем снова стать младенцем и так три раза стареть и молодеть, — но даже за это время он все равно не достигнет цели.

— Если я ошибаюсь, то скажи, пожалуйста, почему здесь такая нестерпимая жара?— насмешливо возразил Чжу Ба-цзе.

— Думаю, что нарушены периоды времени,— вмешался тут Ша-сэн,— и вернулось лето. Вот в чем причина.

Пока трое спутников Танского монаха вели между собой этот спор, в стороне от дороги показалась усадьба с домами, крытыми красной черепицей, со стенами из красного кирпича, с воротами, выкрашенными в красную масляную краску. И даже скамейки перед воротами тоже были покрыты красным лаком. Словом, вся усадьба была красная.

Танский монах спешился и обратился к Сунь У-куну.

— Сходи в усадьбу и разузнай там, почему здесь такая нестерпимая жара?

Великий Мудрец спрятал свой посох, поправил на себе одежду и принял благообразный вид. Свернув с дороги на тропинку, он направился прямиком к усадьбе и подошел к воротам. Неожиданно из ворот вышел старец, вид которого лучше описать в стихах:

То ли желтая, то ли красная,
То ли чистая, то ли грязная,
Дерюжная, неподпоясанная
Одежда на нем была.
Из грубого лыка плетеная,
То ли синяя, то ли черная,
А может быть, и зеленая
Шляпа на нем была.
То ли новенькая, начищенная,
С высокими голенищами,
То ли рваная, как у нищего,
Обувь его была.
Посох его бамбуковый
Или из ветви буковой,
То ли согнутый и кривой он был,
То ли прямой, как стрела.
Лицо не сказать, чтоб бледное,
Цвета кирпично-медного,
Очи — как у орла,
Зубы, хотя и редкие,
Все же отменно крепкие,
А борода — бела.

Увидев перед собой Сунь У-куна, старец вздрогнул от неожиданности. Опираясь на посох, он произнес строгим голосом:

— Откуда ты, странный человек, и что делаешь здесь, у ворот моего дома?

В ответ Сунь У-кун вежливо поклонился, а затем сказал:

— Почтенный благодетель мой! Не бойся, я вовсе не странный, а странник и иду из великого Танского государства, что в восточных землях, на Запад за священными книгами. Нас с наставником всего четверо. Подходя к этим местам, мы почувствовали нестерпимую жару и не могли понять причины этого явления. Кроме того, мы не знаем, как называется это место. Только

это и побудило меня явиться к твоему дому. Прошу тебя ответить, за что и кланяюсь особо!

Старец успокоился и, улыбаясь, сказал:

— Ты уж прости меня старика. Подслеповат стал и не разглядел твоего благочестивого лица!

— Да что ты!— поспешил вежливо ответить Сунь У-кун.

Старец пустился в расспросы:

— Где же остался твой наставник?

— А вон он,— отвечал Сунь У-кун,— стоит на дороге.

— Прошу пожаловать! Прошу пожаловать!— стал приглашать старец.

Сунь У-кун обрадовался и махнул рукой.

Танский монах вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном, один из которых вел белого коня, а другой нес коромысло с поклажей, подошли ближе и совершили приветственные поклоны.

Старец был и встревожен и обрадован. Благообразный и воспитанный Танский монах ему понравился с первого же взгляда, а Чжу Ба-цзе и Ша-сэн напугали его своим диковинным видом. Однако пришлось в ответ на вежливые поклоны предложить путникам войти в дом. Хозяин велел слугам подать чай, а в соседнем помещении приготовить еду. Услышав это, Танский монах поднялся со своего места, поблагодарил хозяина, а затем спросил:

— Скажи, почтенный мой сударь! Здесь ведь уже осень, почему же стоит такая жара?

— Наша местность называется Огнедышащая гора,— отвечал добродушный старец.— Здесь не бывает ни весны, ни осени, и жара стоит все четыре времени года.

— А где же находится сама гора? — стал допытываться Танский монах.— Не задержит ли она нас? Мы идем на Запад.

— На Запад здесь никак не пройти,— отвечал старец.— А сама гора находится в шестидесяти ли отсюда, как раз там, где проходит путь на Запад. Она извергает пламя на восемьсот ли вокруг, и во всем крае нет никакой растительности. Даже тот, у кого медная голова и железное тело, если вздумает перейти через эту гору, все равно расплавится.

Эти слова так напугали Танского монаха, что он сразу изменился в лице и не осмелился продолжать расспросы.

В это время за воротами показался юноша с красной тачкой, который остановился и стал кричать:

— Кому хлебцы, кому хлебцы?

Великий Мудрец выдрал у себя шерстинку, превратил ее в несколько медных монет и попросил у юноши хлебец. Тот взял деньги, спокойно приподнял чехол, покрывавший тачку, оттуда вырвался горячий пар, и, достав хлебец, передал Сунь У-куну. Как только Сунь У-кун взял хлебец в руки, ему показалось, что он держит кусок раскаленного угля или железный гвоздь, раскаленный докрасна в кузнечном горне. Посмотрели бы вы, как умо-

рительно он перебрасывал хлебец с одной руки на другую, приговаривая:

— Горячо! Ой, как горячо! До чего же горячо! В рот не возьмешь!

Юноша рассмеялся:

— Если боишься жары, лучше здесь не появляйся! Тут всегда жарко.

— Я вижу, что ты, парень, не очень-то смышленый,— оборвал его Сунь У-кун.— Слыхал ли ты пословицу: «Без холода и жары — хлеба не родятся»? А здесь у вас уж очень жарко. Откуда же вы достаете муку для этих хлебцев?

— Если хочешь знать,— отвечал юноша,— мы вымаливаем хлеб у здешнего праведника по прозванию Железный веер.

— А он при чем здесь? — заинтересовался Сунь У-кун.

— У него есть волшебный веер из листа банана. Если он соглашается взмахнуть им, огонь сразу же гаснет; в другой раз взмахнет, ветер поднимется, а в третий раз взмахнет — пойдет дождь. Так вот мы сеем и убираем, когда ему угодно, и имеем поэтому все пять видов хлебных злаков *. Иначе бы нам жить было нечем. Ведь здесь ничего не растет.

Сунь У-кун выслушал юношу, затем поспешно вбежал в помещение и, передавая хлебец Танскому монаху, сказал:

— Наставник! Пока не надо беспокоиться. Съешь этот хлебец, а потом я сообщу тебе кое-что.

Наставник взял хлебец и, обращаясь к старцу, хозяину усадьбы, сказал:

— Почтенный сударь мой! Разреши мне попотчевать тебя этим хлебцем!

— Да что ты? — возразил старец.— Неужели я осмелюсь взять твой хлебец, когда еще не угостил тебя в своем доме?

Сунь У-кун засмеялся:

— Уважаемый хозяин! Угощать нас вовсе незачем! Ты лучше скажи, где живет праведник по прозванию Железный веер?

— А почему ты о нем спрашиваешь? — заинтересовался старец.

— Продавец хлебцев только что рассказал мне о нем. Оказывается, он владеет волшебным веером из листа банана. Взмахнет раз — огонь погаснет, взмахнет во второй раз—ветер поднимется, а в третий раз — дождь польет. Но об этом его надо просить, иначе вам ни сеять, ни убирать нельзя. Так вот, я хочу попросить этого праведника погасить на время огонь, пока мы переберемся через гору, да и вы вовремя соберете урожай.

Старец подумал и ответил:

— Все, что вы слышали, сущая правда. Но у тебя не найдется подарков, чтобы задобрить его, а без них этот мудрец не явится.

— А какие ему нужны подарки? —спросил Танский монах.

— Здешние жители,— отвечал старец, — раз в десять лет устраивают в честь его богослужение, приносят этому праведнику

четырех свиней, четырех овец, красные и цветные материи на одежду и подкладку, разные благовония и свежие плоды, дарят ему кур, гусей, сладкие вина, совершают почтительные омовения, затем идут на гору, где живет праведник, и просят его выйти из пещеры и совершить волшебство.

— Где находится гора, в которой он живет? Как она называется и сколько ли до нее? — допытывался Сунь У-кун.— Я сам к нему отправлюсь и выпрошу у него волшебный веер.

— Эта гора находится на юго-западе,— отвечал старец,— и называется горой Изумрудных облаков. Там же есть пещера, в которой живет праведник. Пещера эта называется Банановая пещера. Наши люди, отправляющиеся на поклон к праведнику, тратят на дорогу туда и обратно ровно месяц, что примерно должно составить тысячу четыреста пятьдесят или шестьдесят ли.

Сунь У-кун сразу же повеселел:

— Это пустяки! Я мигом слетаю туда и обратно.

— Постой! — остановил его старец.— Выпей чайку да поешь чего-нибудь. Надо взять с собой еду на дорогу и найти проводника, так как места эти безлюдные и кишат волками и тиграми. В один день туда никак не добраться. Это тебе не шутки!

— Не надо! Ничего не надо! — Посмеиваясь, наотрез отказался Сунь У-кун.— Я сейчас же отправлюсь!

С этими словами он бесследно исчез.

— О небо! Да ведь это, оказывается, небожитель, летающий на облаках,— испуганно произнес старец.

Пока не будем рассказывать о том, как хозяин усадьбы стал еще любезнее обходиться с Танским монахом, и обратимся к Сунь У-куну, который мигом долетел до горы Изумрудных облаков, остановил облако и быстро отыскал пещеру. Неожиданно застучал топор дровосека. Сунь У-кун быстрыми шагами направился в лес и, подходя ближе, услышал, как дровосек говорил нараспев:

Пусть снег глаза запорошит, сойдет туман с небес,
К тебе дорогу все равно найду, мой старый лес!
Пусть скрыта узкая тропа средь зарослей и скал,
Ее и в темноте ночной всегда б я отыскал.
Над склоном западным дожди сегодня пролились,
На склоне южном все ручьи сегодня разлились,
Стал полноводен и шумлив сверкающий поток,
Через него не перейти,— настолько он глубок!

Сунь У-кун подошел к дровосеку и, вежливо поклонившись, сказал:

— Любезный брат мой! Разреши тебя приветствовать.

Дровосек отбросил в сторону топор и также вежливо ответил на поклон:

— Почтеннейший! Куда путь держишь?

— Позволь мне прежде спросить тебя, уважаемый дровосек, это ли гора Изумрудных облаков?

— Она самая и есть! — отвечал дровосек.

— А где тут Банановая пещера, в которой обитает праведный отшельник по прозванию Железный веер?

Дровосек рассмеялся:

— Пещера есть, а вот отшельника не существует. Есть царица по прозванию Железный веер, известная также под именем Лоча, что значит Свирепая дьяволица.

— Не она ли обладает банановым веером, которым, как говорят люди, можно погасить Огнедышащую гору? — спросил Сунь У-кун.

— Да, она действительно обладает волшебным веером. Она может гасить им огонь и защищает тех, кто живет вон в той стороне. Поэтому они и прозвали ее праведник Железный веер. Мы же, живущие здесь, не нуждаемся в ее помощи, а поэтому зовем ее просто Свирепая дьяволица. Она жена служителя подземного царства — Князя с головой быка.

При этих словах Сунь У-кун так сильно встревожился, что даже изменился в лице. Он подумал про себя: «Опять враг стал на моем пути! Ведь приведенный мною в покорность Красный младенец — его родной детеныш! Недавно на горе Освобождения от мужского начала в пещере Гибели младенцев я повстречался с дядюшкой этого младенца. Мало того что он не хотел дать мне целебной воды, он еще собирался отомстить. А теперь, видно, придется встретиться с родителями этого младенца. Эх! Разве удастся взять у них веер?»

Заметив, что Сунь У-кун погрузился в глубокое раздумье, молчит и лишь тяжко вздыхает, дровосек усмехнулся.

— Почтеннейший! Ты, я вижу, монах, отрешившийся от мирской суеты. Какая же забота так беспокоит и печалит тебя? Ступай-ка по этой маленькой тропинке прямо на восток, пройдешь не более пяти или шести ли, там и будет Банановая пещера. Не надо так отчаиваться.

— Не стану скрывать от тебя, уважаемый дровосек,— отвечал ему Сунь У-кун,— я старший ученик и последователь Танского монаха из восточных земель, того самого, который направляется на Запад за священными книгами. В позапрошлом году в пещере Огненных облаков мне довелось повздорить с сыном Свирепой дьяволицы, которого зовут Красный младенец, и, конечно, она затаила злобу против меня и ни за что не даст мне своего веера. Вот, что меня тревожит...

Дровосек стал советовать ему:

— А ты, сударь мой, не признавайся в том, что было. Постарайся понравиться ей и попроси одолжить тебе веер — вот и все. Уверен, что она не откажет в твоей просьбе.

Сунь У-кун был очень тронут добрым советом, по-монашески поблагодарил дровосека, пожелал ему всяких благ и добавил:

— Благодарю за то, что ты надоумил меня. А теперь я отправлюсь в путь!

Простившись с дровосеком, Сунь У-кун пошел по указанной тропинке и вскоре очутился перед входом в пещеру. Ворота были крепко заперты. Перед ними открывался великолепный вид; всю красоту его можно передать только лишь в стихах.

Горы из камня сделаны
Черного, красного, белого,
Камни — земная сила.
Зори в них отражаются.
Мхи их разрезать стараются,
Чтоб были они красивы.
Горы здесь выше, чем те, что на острове Пын,
Цветы — благовонней растущих на острове Ин...*
На соснах высоких вьют аисты гнезда свои,
Лазурных драконов скрывают потоков струи.
Горы хранят ревностно
Память седой древности,
Давних времен следы;
Вечна краса памятников
Благочестивым праведникам
У голубой воды...

*

Выбившись из-под земли, родники серебристо журчат,
В нежной листве песни фениксов пестрых звучат,
Плотный ковер из ползучих растений лежит
На потускневшей поверхности каменных плит.

*

Тихо бамбук колышется,
Крик отдаленный слышится,
С западной стороны...
То обезьяны черные,
Легкие и проворные,
Славят восход луны.

В ясном, безоблачном небе восходит она,
Ревностный страж безмятежной обители сна.

Дремлют лианы цепкие,
Свив свои стебли крепкие,
Переплетясь в жгуты,
В яркой одежде шелковой,
Алые, синие, желтые,
Белые — спят цветы.

Тучке залетной невесело в небе одной —
Вот она скрылась за дальнею горной грядой.

Сунь У-кун подошел к воротам и стал звать:

— Эй, старший брат мой, Нюмо-ван! Отвори! Отвори!

Ворота со скрипом распахнулись, и навстречу ему вышла растрепанная девица с корзиной для цветов в руках. На плече она держала заступ. С виду она казалась простой, скромной

работницей, без всяких затей и кокетства, лицо ее дышало добротою.

Сунь У-кун подошел к ней, сложил руки ладонями вместе и сказал:

— Девушка! Потревожу тебя просьбой доложить обо мне твоей хозяйке. Я монах, идущий за священными книгами. По дороге на Запад нам попалась Огнедышащая гора, через которую невозможно перейти. Явился я сюда лишь за тем, чтобы одолжить у царицы ее волшебный веер из бананового листа.

— А ты из какого монастыря,— спросила девица.— И как зовут тебя? Ведь я не знаю даже, как доложить.

— Я иду из восточных земель,— отвечал ей Великий Мудрец,— а имя мое Сунь У-кун.

Девица вошла в ворота и углубилась в пещеру. Там она встала на колени перед повелительницей Лоча и обратилась к ней:

— О повелительница! У ворот пещеры стоит какой-то странник из восточных земель, который назвал себя монахом Сунь У-куном. Он хочет повидать тебя и попросить твой волшебный веер из листа банана, чтобы перейти через Огнедышащую гору.

Услышав имя Сунь У-куна, Лоча вспыхнула, словно порох, брошенный в пламя, или масло, подлитое в огонь. Лицо ее покрылось красными пятнами, а сердце чуть не лопнуло от ярости.

— Мерзкая обезьяна! И какая наглая! Посмела явиться сюда! Эй! служанки! — приказала Лоча,— подайте мне мои доспехи и оружие!

Она быстро облачилась, взяла в обе руки обоюдоострый булатный меч и выбежала за ворота.

Сунь У-кун успел шмыгнуть в сторону и, притаившись, украдкой разглядывал, какова из себя Лоча и во что одета. Что же он увидел?

Цветным платком повязана головка,
Халат; расшитый облачным узором,
Прекрасным видом привлекает взоры,
Чудесный стан охватывая ловко;
А пояс у нее — из жил тигровых,
Каменьями отделанный богато,
Малютки ножки в туфлях трехвершковых
Видны из-под парчового халата,
Из-под лазоревой блестящей юбки;
Носки у них, что клювик у голубки!
И наколенники ее на славу:
Блестят на солнце золотом червонным,
Расходятся налево и направо,
Как бы усы колючие дракона.
В руках она булатный меч держала,
И гневно звонким голосом кричала.
Был злобный лик ее ничуть не лучше,
Чем у колдуньи, на луне живущей.

Расхаживая за воротами, Лоча громко кричала:

— Где Сунь У-кун?

Сунь У-кун вышел к ней, поклонился в пояс и сказал:

— Золовушка! Я здесь! Почтительно кланяюсь тебе!

Сплюнув от злости, Лоча заорала:

— Какая я тебе золовушка?! Нужны мне твои поклоны, негодяй этакий.

Сунь У-кун спокойно отвечал ей:

— Ниомо-ван когда-то побратался со мною и признал себя моим седьмым братом. Недавно я узнал, что ты изволила выйти за него замуж. Как же мне иначе величать тебя, как не золовушкой?

— Негодная ты обезьяна! — продолжала браниться Лоча.— Если ты побратался с мужем, то как же посмел погубить моего любимого сына?

Сунь У-кун притворно спросил:

— А кто твой сын?

— Моего сына зовут Красный младенец, он великий князь, Просвещенный младенец Ин, рожденный в пещере Огненных облаков, у горного потока Высохшей сосны, стекающего с горы Воплей. Это ведь ты погубил его. Мы с мужем никак не могли найти тебя и отомстить за сына, а теперь ты сам явился на свою погибель. Неужели ты думаешь, что я пощажу тебя?!

Расплывшись в самой любезной улыбке, Сунь У-кун отвечал ей:

— Милая золовушка! Ты не разобралась в этом деле и незаслуженно сетуешь на меня, старого Сунь У-куна! Твой сынок схватил было праведного монаха, моего наставника, и собирался не то сварить, не то изжарить его. Но, к счастью, бодисатва Гуаньинь спасла его от беды, а сына твоего забрала к себе. Он и сейчас находится у нее в услужении — зовется отроком Шаньцай, получил откровение в праведном учении Будды, никогда не познает мук рождения и смерти, не будет ни грязным, ни чистым, жизнь его будет вечной, как небо и земля, а долголетие уподобится солнцу и луне. И вот вместо того чтобы благодарить меня за то, что я облагодетельствовал твоего сына, ты еще бранишь меня! С какой же это стати, а?

— Ишь ты, какая хитроумная обезьяна! — уже более мягко произнесла Лоча.— Пусть даже сынок и сохранил жизнь, но как он сможет теперь повидаться со мною? Побывать в родительском доме?

— Да разве это трудно устроить, дорогая золовушка? — улыбаясь, сказал Сунь У-кун.— Если хочешь повидаться с ним, одолжи мне свой веер, я загашу огонь, проведу моего наставника через гору и сразу же отправлюсь к Южному морю, где живет твой сынок. Я попрошу его явиться к тебе и с ним передам твой веер. Разве это невозможно? И если ты заметишь, что у твоего сына хоть один волос на голове пострадал или найдешь на нем хотя бы маленькую царапину, ругай меня как хочешь. Если же он окажется лучше и красивее, чем прежде, то тебе придется благодарить меня.

— Ах ты, дьявол этакий! Поменьше болтай языком, — вскри-

чала Лоча.— Давай-ка сюда свою шею, я стукну по ней несколько раз! Стерпишь, так и быть, одолжу тебе веер, а нет, так готовься предстать перед владыкой преисподней князем Янь-ваном!

Сунь У-кун скрестил руки на груди, вытянул шею и, посмеиваясь, сказал:

— Ты лучше сама поменьше болтай, золовушка! Вот тебе моя бритая голова, руби ее сколько хочешь, пока духу хватит! А веер все же придется одолжить.

Тут Лоча схватила меч обеими руками и, вращая его колесом, стала колотить Сунь У-куна по шее. «Бим-бом, бим-бом»,— разнеслось в воздухе. Лоча нанесла Сунь У-куну больше десятка ударов, но он стоял как ни в чем не бывало. Лоча испугалась и собралась было бежать, но Сунь У-кун остановил ее:

— Золовушка! Куда ты? Давай же мне твой веер поскорей!

— Я свой веер так легко никому не одалживаю,— отвечала Лоча капризным тоном.

— Ну, раз добром не желаешь одолжить, так отведай посох своего шурина! — обозлился Сунь У-кун.

Ну и молодец Царь обезьян! Схватив царицу одной рукой, он другой вытащил из уха иглу, взмахнул ею и сразу же превратил в посох толщиной с плошку. Но Лоча все же вырвалась и, замахнувшись мечом, бросилась на Сунь У-куна. А тот, вращая посохом, начал отбиваться и наносить удары. И вот перед горой Изумрудных облаков завязался бой. Противники забыли о чувствах любви и родства и лишь пылали злобой и мщением.

Ну и жаркий это был бой!

Красавица, одетая нарядно,
С прическою затейливой, приглядной,
Владевшая наукой превращенья,—
По сути дела оборотень страшный,—
Пылая злобой, движимая мщеньем,
Готова в бой пуститься рукопашный.
А Сунь У-кун, скрывая нрав свой дерзкий,
Свой гнев, свою невольную тревогу,
Готовый на лукавые уступки,
Дабы открыть наставнику дорогу,
Склонился перед оборотнем в юбке,
Умильно руку прижимая к сердцу,
И Лочу ласково просил сначала
Им одолжить на время опахало.
Однако та его словами не пленилась,
И тотчас же за острый меч схватилась.
Ум невелик у женщины, что смеет
Затеять драку с молодым мужчиной:
Мужчина женщину бесспорно одолеет,
Сама природа их тому причиной.
Жалея Лочу, Сунь У-кун старался
Ее не допустить до униженья,
До горечи нежданной пораженья,
И потому ей родичем назвался.
Но та его и слушать не хотела:
Своим мечом размахивая смело,
На недруга бросалась в исступленье.

Вот раз, другой она его задела,
Тогда и палица его вступила в дело.
В искусстве боя состязаясь, оба
Ни сил своих, ни жизни не щадили;
Снедаемые ненасытной злобой,
Друг другу меткие удары наносили.
Пуская в ход и хитрости, и силу,
То отступая в мнимом утомленье,
То наступая с превеликим рвеньем,
Один другого победить стремились,
И оба не заметили мгновенья,
Когда на небе солнце закатилось,
И светлые лучи его сокрылись
В пурпурной, догорающей заре.
Проворно Лоча руку протянула,
Волшебным веером своим лишь раз взмахнула,
И загрустили духи на горе.

Лоча билась с Сунь У-куном до самого вечера. И наконец, почувствовав, что противник все так же тяжело бьет своим посохом, нанося удары не переставая, она убедилась в невозможности одолеть его. Улучив момент, Лоча извлекла волшебный веер, и как только взмахнула им, так сразу же налетел бешеный порыв ветра, подхватил Сунь У-куна и понес неизвестно куда. Торжествуя победу, Лоча вернулась к себе.

Между тем Сунь У-кун, барахтаясь, несся по ветру, не зная, за что зацепиться, и рискуя ежеминутно разбиться насмерть. Всю ночь его кружило в воздухе, словно осенний лист или лепесток, попавший в водоворот, и лишь к утру он опустился на вершине какой-то горы, ухватившись обеими руками за выступ скалы. Он долго не мог отдышаться и все озирался по сторонам, разглядывая местность. Наконец он догадался, что попал на малую гору Сумеру *, и из груди его вырвался протяжный стон.

— Ну и лихая баба!— промолвил он.— Как удалось ей загнать меня, старого Сунь У-куна, в этакую даль? Помнится, в каком-то году мне довелось побывать здесь и просить здешнего бодисатву Линцзи * покорить оборотня по прозванию Желтый ветер. Таким образом был спасен мой наставник. До вершины горы, на которой обитает Желтый ветер, более трех тысяч ли прямо на юг. Сколько же десятков тысяч ли я пролетел, свернув с запада на юго-восток? Надо спуститься с горы, пойти к бодисатве Линцзи и узнать у него, как вернуться на прежнюю дорогу.

Пока он раздумывал, неожиданно ударил колокол. Сунь У-кун быстро сбежал вниз и направился прямо в монастырь. Привратник сразу же признал Сунь У-куна по внешнему виду и поспешил доложить о нем.

— О бодисатва!— сказал он,— тот волосатый мудрец, который в позапрошлом году приходил к тебе и просил справиться с оборотнем Желтым ветром, снова явился.

Бодисатва понял, что это Сунь У-кун, поспешно сошел с воз-

вышения, на котором восседал, и вышел навстречу гостю. Введя Сунь У-куна в помещение, он церемонно поклонился ему.

— Поздравляю!— любезно проговоил он.— Вы, наверное, уже получили священные книги?

— Где там!— печально отвечал Сунь У-кун.— Еще очень рано говорить об этом!

— Раз ты еще не побывал в храме Раскатов грома, зачем же пожаловал ко мне, в этакую глушь?

— С того самого года, когда ты внял моей просьбе и расправился с оборотнем Желтым ветром, я непрерывно находился в пути и изведал столько горя и бед, что не знаю даже, как рассказать тебе обо всем. Мы достигли Огнедышащей горы, но перейти ее невозможно. Я спрашивал местных жителей, и они сказали мне, что у какого-то праведника по прозванию Железный веер есть веер из бананового листа. Стоит только взмахнуть им, и огонь погаснет. Я отправился на розыски и узнал, что этот праведник не кто иной, как супруга Князя с головой быка и мать Красного младенца. Лоча стала ругать меня за то, что по моей милости сын ее находится теперь в услужении у бодисатвы Гуаньинь и она лишена возможности видеться с ним, ненавидит меня как врага, хочет отомстить и, конечно, отказалась одолжить мне веер, вступив со мною в бой. Поняв, что ей со мной не справиться и удары моего посоха очень тяжелы, она взмахнула своим веером, меня подхватил бешеный вихрь и, как видишь, принес сюда. Я только что спустился с вершины этой горы, за которую мне удалось зацепиться. Вот каким образом я очутился у тебя здесь в твоем монастыре. Прошу тебя, скажи, как мне вернуться на прежнюю дорогу. Сколько тысяч ли до Огнедышащей горы?

Бодисатва Линцзи засмеялся:

— Эту женщину зовут Лоча,— сказал он,— а еще называют ее царицей Железный веер, так как у нее есть веер из бананового листа. Это, собственно говоря, волшебный талисман, порожденный небом и землей после того, как был упорядочен первоначальный хаос. Небо и земля произвели его за горой Куэньлунь. Этот веер представляет собой лист, впитавший в себя силу Луны. Вот почему им можно погасить любой огонь. Если же махнуть этим веером на человека, то его унесет за восемьдесят четыре тысячи ли, и только тогда ветер утихнет. Но от этой горы до Огнедышащей всего лишь пятьдесят с лишним тысяч ли. Видно, тебе, Великий Мудрец, удалось опуститься здесь только потому, что ты смог несколько задержать полет облака. А простого смертного унесло бы еще дальше.

— Вот это здорово!— то и дело восклицал Сунь У-кун, слушая бодисатву, а потом спросил:— Как мне все же переправить моего наставника на ту сторону горы?

— Ты не беспокойся!— отвечал бодисатва.— Видно, это тоже испытание, выпавшее на долю Танского монаха, и зачтется тебе как заслуга.

— О какой заслуге ты говоришь?— удивился Сунь У-кун.

Бодисатва Линцзи неспеша отвечал:

— Когда Будда Татагата поучал меня, в том же году он подарил мне пилюлю, спасающую от ураганного ветра, и жезл Летающего дракона. Этим жезлом я одолел злого духа ветра, а пилюля еще цела. Дарю ее тебе, Великий Мудрец. Пусть теперь эта чертовка машет на тебя своим веером, ты даже не шелохнешься, зато тебе удастся раздобыть у нее веер и погасить огонь. Разве это не явится твоей заслугой?

Сунь У-кун склонил голову, совершил поклон, как положено монахам, и от всего сердца стал благодарить бодисатву. Тем временем бодисатва достал из рукава парчовый мешочек, вытащил из него волшебную пилюлю и дал Сунь У-куну. Тот спрятал пилюлю за воротник и крепко-накрепко зашил. Провожая Сунь У-куна за ворота, бодисатва сказал:

— Не смею тебя задерживать! Лети прямо на северо-запад, там и будет гора, где живет Лоча.

Сунь У-кун распрощался с бодисатвой Линцзи и вспрыгнул на облако, которое помчало его обратно к горе Изумрудных облаков. Он добрался туда очень быстро и, подойдя к воротам пещеры, стал стучаться в них своим железным посохом.

— Отворяйте! Отворяйте!— кричал он.— Это я — Сунь У-кун, пришел за волшебным веером.

Привратницы испугались и побежали к своей повелительнице.

— Госпожа ты наша! Монах, который приходил за веером, снова явился!

Лоча встревожилась и подумала про себя: «Ну и ловкая же эта обезьяна! Если б я махнула веером на обыкновенного человека, то его унесло бы за восемьдесят четыре тысячи ли! Как же он сумел так быстро вернуться? Не успела я махнуть, а он опять явился! Ну, ничего, на этот раз я ему покажу! Махну на него не раз, а два или три! Пусть его занесет так, чтобы он не нашел дороги обратно». Она оправила на себе одежды, взяла меч и вышла из ворот.

— Эй, Сунь У-кун! — крикнула она.— Ты что? Не боишься меня? Опять за своей смертью пришел?

— Не скупись, дорогая золовушка! — смеясь, отвечал Сунь У-кун.— Я не отстану от тебя, пока не одолжишь мне веер. А как только переправлю своего наставника, Танского монаха, через эту гору, так сейчас же верну тебе твою драгоценность. Я — достойный муж, правдивый и искренний, даже чересчур,— пошутил он,— а не какой-нибудь подлец, который не возвращает долгов.

Но Лоча снова принялась ругаться:

— До чего же ты мерзкая и надоедливая обезьяна!— кричала она.— Бесцеремонная и нахальная! Я еще не отомстила тебе за моего сыночка, которого ты отнял у меня. Неужели ты думаешь, что я одолжу тебе свой веер по доброй воле? Если ты сейчас же не уберешься отсюда, то отведаешь вкус моего меча!

Однако Великий Мудрец не проявил ни малейшего страха. Он схватил свой посох и, размахивая им, пошел навстречу разъяренной Лоче. Они схватывались несколько раз, наконец Лоча не выдержала, почувствовала слабость в руках, и ей стало тяжело вращать мечом. А Сунь У-кун, напротив, чувствовал прилив сил и явно одолевал ее. Видя, что ей несдобровать, Лоча выхватила свой веер и махнула им прямо на Сунь У-куна. Но тот стоял как вкопанный и даже не шелохнулся. Спрятав посох, он весело рассмеялся и сказал:

— На сей раз ничего у тебя не получится. Как хочешь маши на меня своим веером, и если я сдвинусь с места, можешь не считать меня храбрым воином.

Лоча махнула веером еще два раза, но Сунь У-кун стоял не двигаясь. Тут она совсем растерялась, поспешно спрятала свой талисман, повернулась и убежала в пещеру, крепко заперев ворота.

Тогда Сунь У-кун прибег к своему испытанному средству. Он распорол ворот, взял в рот пилюлю против ветра, встряхнулся, превратился в цикаду и пролез в пещеру через щель в воротах. Там он увидел Лочу, которая кричала своим служанкам: «Умираю от жажды! Подайте мне чаю скорей!»

Прислужницы тотчас же подали ей целый чайник ароматного чаю и так поспешно налили ей чашку, что чай даже вспенился. Увидев пену над чашкой, Сунь У-кун обрадовался, расправил крылышки и прыгнул прямо в чашку под пену. Лоча так хотела пить, что, приняв чашку от служанок, разом осушила ее. Сунь У-кун таким образом оказался у нее в животе и, приняв свой первоначальный вид, стал кричать оттуда, что было мочи.

— Золовушка! Одолжи мне свой веер!

От испуга Лоча изменилась в лице.

— Служанки! — крикнула она, — заперты ли передние ворота?

— Заперты! — дружно ответили ей все прислужницы.

— Как же так? — удивилась она. — Если ворота заперты, то как может Сунь У-кун орать у меня в доме?

— Да он кричит где-то здесь, совсем близко, — робко сказала одна из прислужниц.

— Сунь У-кун! Где ты? — спросила Лоча. — Перестань шутить!

— Старый Сунь У-кун никогда в жизни не шутил, — обиделся тот. — Я все делаю по-настоящему, с помощью волшебных способов. Сейчас я нахожусь у тебя в животе, золовушка, и забавляюсь здесь. Вижу твои легкие и печенку. Знаю, что тебя мучают голод и жажда. Дозволь же мне угостить тебя полной чашей, чтобы ты утолила жажду.

С этими словами он надавил ногою. Лоча сразу же почувствовала нестерпимую боль в нижней части живота и со стоном упала наземь.

— Золовушка! Не отказывайся! — говорил тем временем

Сунь У-кун.— Сейчас я угощу тебя вкусным блюдом, чтобы ты утолила голод.

Тут он поддал головой вверх. У Лочи так схватило сердце, что она стала кататься по земле. У нее даже лицо пожелтело и посинели губы.

— Шурин мой, родненький! — взмолилась волшебница.— Дорогой мой Сунь У-кун, пощади меня!

Сунь У-кун перестал действовать.

— Ну как? Теперь ты, наконец, признаешь меня своей родней?— ехидно спросил он.— Так и быть, ради моего дорогого брата Нюмо-вана пощажу тебя на сей раз. Давай скорей свой веер.

— Родной мой, веер здесь! — простонала Лоча.— Ты только вылезай скорее и бери его!

— Нет, сперва покажи мне его: когда увижу, тогда и вылезу!— упрямился Сунь У-кун.

Лоча велела служанкам принести веер из бананового листа. Сунь У-кун вскарабкался до горла и сквозь рот увидел веер.

— Ну, золовушка!— молвил он.— Раз уж я пощадил тебя, то не стану проламывать тебе нижнее ребро и вылезать через отверстие в боку. Дай-ка вылезу через рот. А ты пошире раскрой его три раза.

Лоча раскрыла рот, а Сун У-кун, превратившись в цикаду, выскочил и уселся на веере. Лоча даже не заметила, как он вылетел, и продолжала разевать рот, приговаривая:

— Дорогой! Вылезай скорее!

Сунь У-кун принял свой первоначальный вид, взял веер и крикнул:

— Да вот я здесь! Не видишь, что ли? Спасибо тебе за веер! Большое спасибо.

Быстрыми шагами он направился к выходу. Служанки поспешно открыли ворота и выпустили его. Великий Мудрец вспрыгнул на облако и, повернув его, полетел на восток. Он мигом долетел до красной усадьбы, прижал край облака и спрыгнул прямо у красной кирпичной стены. Чжу Ба-цзе первым увидел его и очень обрадовался.

— Наставник!— закричал он.— Старший брат Сунь У-кун прибыл! Явился наконец!

Танский монах с хозяином усадьбы и с Ша-сэном тотчас вышли из ворот встретить Сунь У-куна. Все вместе они вошли в помещение. Держа перед собой веер из бананового листа, Сунь У-кун обратился к старцу:

— Скажи, пожалуйста, уважаемый хозяин, тот самый это веер или нет?

— Да, да! Он самый!— отвечал старец.

Танский монах несказанно обрадовался.

— Просвещенный ученик мой!— произнес он.— Это одна из величайших твоих заслуг, которой нет равной! Надо думать, не легко тебе достался этот волшебный талисман!

— Не будем говорить об этом! — скромно отвечал Сунь У-кун. — А знаешь, кем оказался праведник по прозванию Железный веер? Оказывается, это супруга самого Князя с головой быка, Нюмо-вана, мать Красного младенца. Зовут ее Лоча, а еще называют царица Железный веер. Я попросил ее одолжить мне веер, но она вспомнила старую вражду и грозила местью. Она пыталась отрубить мне голову мечом, но ничего не вышло. Когда же я пугнул ее посохом, она махнула веером, меня подхватил бешеный вихрь, и я очутился у малой горы Сумеру. К счастью, там я встретился с бодисатвой Линцзи, который подарил мне пилюлю, защищающую от любого ветра, и указал обратный путь. Я снова отправился на гору Изумрудных облаков. Но Лоча, как и в первый раз, махнула на меня веером, однако на этот раз я даже не шелохнулся. Она скрылась в пещере, а я, старый Сунь У-кун, превратился в цикаду и тоже проник в пещеру. Чертовка в этот момент потребовала чаю. Тогда я забрался в чашку, и она проглотила меня. Оказавшись у нее в животе, я причинил ей нестерпимую боль, и она стала звать меня всякими ласковыми именами, запросила пощады и пообещала веер. Я пощадил ее, взял веер и дал слово вернуть его обратно, как только мы переправимся через Огнедышащую гору.

Танский монах выслушал все, что рассказал ему Сунь У-кун и не переставая выражал свою признательность. Затем наставник и его ученики поблагодарили старца за гостеприимство и распрощались.

Они прошли примерно сорок ли и остановились. Дальше идти было невозможно. Ша-сэн первым стал кричать: «Ой, не могу, пятки жжет!»

Вслед за ним заорал Чжу Ба-цзе: «Ой, братцы, не могу! Копыта горят!»

Да и конь стал бежать быстрее: раскаленная земля жгла ему копыта.

— Наставник, — сказал тут Сунь У-кун, — слезь, пожалуйста, с коня. А вы, братцы, тоже остановитесь и никуда не уходите! Я пойду затушу огонь, вызову ветер и дождь. Пусть земля немного охладится, тогда мы сможем отправиться дальше и перейдем через гору.

Подняв веер, Сунь У-кун пошел вперед, туда, где полыхал огонь, и изо всей силы махнул веером. Громадный столб огня сразу же вырвался из жерла горы. Сунь У-кун махнул еще раз — огонь увеличился во сто крат. Он еще раз махнул и, о, ужас, пламя высотой более тысячи чжан вскинулось к небу. Сунь У-кун почувствовал, что его обожгло. Он стремительно повернул назад, но как ни бежал, шерсть на обеих ягодицах у него сгорела дочиста. Подбегая к Танскому монаху, он издали закричал ему:

— Живей поворачивайте назад! Живей назад! Огонь приближается, огонь!

Наставник взобрался на коня и в сопровождении Чжу Ба-цзе

и Ша-сэна повернул обратно на восток. Отъехав около двадцати ли, они остановились передохнуть.

— Что же случилось?— спросил Танский монах.

— Ничего не вышло!— воскликнул Сунь У-кун, отбросив веер.— Эта тварь обманула меня! Все пропало!

Танский монах при этих словах нахмурился, сердце его сжалось от боли и из глаз хлынули непрошеные слезы.

— Как же нам быть? Что делать?— всхлипывал он.

— Что же произошло, братец?— спросил любопытный Чжу Ба-цзе.— Отчего это ты вдруг так поспешно вернулся и велел нам возвращаться?

— Вот как все получилось,— начал рассказывать Сунь У-кун.— Когда я первый раз махнул веером, огонь запылал сильнее. Когда махнул во второй раз, огонь стал еще более свирепым, а когда махнул в третий раз, в небо на тысячу чжан взметнулось огромное пламя. Если бы я бежал не так быстро, огонь спалил бы всю мою шерсть!

— Что же ты раньше хвалился, что тебя и гром не убьет, и огонь не спалит?— насмешливо спросил Чжу Ба-цзе.

— Эх ты, Дурень!— отвечал Сунь У-кун.— Ничего ты не смыслишь! Стоит мне применить волшебную силу и меня действительно ничто не возьмет. Но на сей раз я был занят тем, что старался затушить огонь и не успел прочесть никакого заклинания. К тому же я не применил волшебства, которое охраняет от огня, вот почему у меня и обгорела шерсть на ягодицах.

— Видно, нам не пробиться на Запад через такой огонь,— вмешался в разговор Ша-сэн.— Что же теперь делать?

— Надо найти место, где нет огня, и там пройти!— посоветовал Чжу Ба-цзе.— Больше ничего не придумаешь.

— А где мы найдем такое место?— спросил Танский монах.

— Как где? На востоке, на юге, на севере — нигде нет огня.

— Ну, а где есть священные книги?

— На Западе,— отвечал Чжу Ба-цзе.

— Тогда я пойду только на Запад,— произнес Танский монах решительным тоном.

— Там, где священные книги, бушует огонь,— заметил Ша-сэн,— а где нет огня, нет и священных книг. Вот уж поистине попали в тупик.

И вот в то время как наставник и ученики переговаривались между собой, неожиданно прозвучал громкий голос:

— Великий Мудрец! Не отчаивайся! Приглашаю вас всех подкрепиться немного, а там посмотрим, что делать.

Все четверо разом обернулись и увидели пожилого человека, одетого в легкий плащ, развевающийся по ветру, и шапку, похожую на полумесяц. В руках он держал посох с набалдашником в виде головы дракона, на ногах были сапоги с железными голенищами. За незнакомцем стоял прислужник с клювом орла и мордой, напоминающей рыбью голову. К голове прислужника был

прикреплен медный таз, наполненный блинами, хлебцами и просяной кашей. Стоя у западной стороны дороги, человек этот склонился в глубоком поклоне и сказал:

— Я — дух земли на Огнедышащей горе. Мне стало известно, что ты, Великий Мудрец, охраняешь праведного монаха в его путешествии. Сейчас вы все равно не можете продолжать свой путь, поэтому приглашаю вас подкрепиться.

— Еда — пустяки, а вот как загасить огонь на горе, чтобы мой наставник смог пройти дальше,— вот что главное.

— Чтобы загасить огонь,— отвечал дух земли,— надо обратиться к царице Лоче и выпросить у нее волшебный веер.

Сунь У-кун отошел в сторону, нашел брошенный веер и, показывая его духу земли, сказал:

— Да ведь вот он, этот веер. Почему же от действия его огонь еще сильнее разгорается?

Дух земли внимательно осмотрел веер и засмеялся:

— Это не настоящий!— сказал он сквозь смех.— Она тебя обманула!

— Как же получить настоящий?— спросил Сунь У-кун.

Дух земли вновь низко поклонился и с легкой усмешкой произнес:

— Если хочешь достать настоящий веер, надо обратиться к самому Князю с головой быка, Нюмо-вану.

Почему надо было обратиться к самому князю, вы узнаете, читатель, из следующей главы.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ,

в которой речь пойдет о том, как Князь с головой быка прекратил битву и отправился пировать и как Сунь У-кун пытался во второй раз добыть волшебный веер

Итак, дух земли сказал:

— Князь Великой силы — это и есть Князь с головой быка Нюмо-ван.

— Так, может быть, гора эта называется Огнедышащей только так, для отвода глаз, а в действительности напускает огонь сам Князь с головой быка?— спросил Сунь У-кун.

— Нет, нет!— отвечал дух земли.— Если ты, Великий Мудрец, простишь мне мою вину, я тебе все расскажу.

— Какую вину?— удивился Сунь У-кун.— Говори прямо, без обиняков. Я тебе ничего не сделаю.

— Дело в том, что этот огонь напустил ты сам, Великий Мудрец!

— Как сам?— гневно крикнул Сунь У-кун.— Как смеешь ты говорить обо мне подобные вещи? Ты что, ослеп? Не видишь, где я нахожусь? Разве стану я огонь напускать?

— Видно, ты совсем не помнишь меня,— отвечал дух земли.— Должен тебе сказать, что раньше здесь никакой горы не было. Лет пятьсот тому назад, когда ты, Великий Мудрец, учинил буйство в небесных чертогах, тебя поймал всеми прославляемый мудрец и направил к Лао-цзюню, который заключил тебя в свою волшебную печь с восемью триграммами*. Там он тебя калил и перекаливал, а когда открыли крышку, ты так стремительно выскочил оттуда, что зацепил несколько раскаленных кирпичей, которые упали сюда и превратились в огнедышащую гору. Я в то время был истопником, прислуживавшим у философа Лао-цзюня

во дворце Тушита. Мне влетело от хозяина за то, что я не доглядел за тиглем, и он сослал меня сюда, где я и сделался духом земли.

Услышав эти слова, Чжу Ба-цзе вскипел от гнева:

— Так вот почему ты ходишь в таком одеянии!— злобно проговорил он.— Оказывается, ты был даосом!

Сунь У-кун тоже отнесся к духу земли не совсем доверчиво.

— А скажи, пожалуйста,— подозрительно спросил он,— почему надо непременно обращаться к Князю с головой быка? В чем дело?

Дух земли отвечал:

— Князь с головой быка — супруг Лочи. Но теперь он бросил ее и проводит время в пещере Скребущей облака на горе Скопления громов. Там жила когда-то десятитысячелетняя царица Лисиц. После ее смерти осталась дочь, царевна Яшмовое личико, обладательница несметных богатств, но распоряжаться ими некому. Года два тому назад, узнав, что Князь с головой быка обладает огромной волшебной силой, она изъявила желание поделиться с ним богатствами и приняла его в дом в качестве мужа. Князь бросил свою Лочу и давно не появляется у нее. Если ты, Великий Мудрец, обратишься к нему и попросишь его вернуться сюда, Лоча одолжит тебе настоящий веер. Тогда ты сможешь погасить это грозное пламя, провести своего наставника через гору и отправиться дальше; а кроме того, ты навеки избавишь весь этот край от бедствия, причиняемого огнем, и обеспечишь жизнь всем существам; меня ты избавишь от наказания, чтобы я мог вернуться на небо и слушать проповеди моего повелителя Лаоцзюня.

— А где находится гора Скопления громов? Далек ли путь до нее?— спросил Сунь У-кун.

— Нужно идти прямо на юг,— отвечал дух земли,— отсюда более трех тысяч ли.

При этих словах Сунь У-кун тотчас же велел Ша-сэну и Чжу Ба-цзе взять под защиту Танского монаха, а духу земли приказал оставаться и прислуживать. Сам же он со свистом исчез.

Не прошло и получаса, да что получаса, гораздо меньше, как перед ним показалась высокая крутая гора. Сунь У-кун подлетел к самой вершине, прижал к ней облако и, остановив его движение, стал осматриваться. Гора была поистине замечательная:

Она была не то, чтоб высока,
Но все ж вершиной в небо упиралась,
И облаков над ней клубился дым;
Она была не так уж велика,
Однако Желтого источника касалась
Гранитным основанием своим.
На склоне северном ее снега и льды
За девяносто летних дней едва ль растают,

Зато на южном и зимой не увядают
Листва деревьев, травы и цветы.
Подобны яшме светлые ручьи,
Что с шумом непрестанным, неуемным,
Стремят свои игривые струи
В глубокие, как море, водоемы,
Где обитают дивные драконы.
На шелковом песке, у плещущей воды,
Видны глубокие звериные следы:
Сюда прохладною вечернею порой
В спокойный, тихий час после заката,
Покинув логово, идут на водопой
Большие тигры в шубе полосатой.
Красив благоухающий покров,
Которым устланы крутые склоны,
Причудлив вид огромных валунов
И сосен, словно бурей искривленных...
Ну что ж, воистину
Сказать мы можем,
И слово искреннее
Не будет ложным —
Гора отвесная
С вершиной снежною,
Цветы прелестные,
Растенья нежные,
Плоды душистые,
Потоки чистые
Своих чудесных красок не теряют
Ни в зимний холод, ни в палящий зной,—
Над ними годы тихо протекают,
Но вид гора не изменяет свой:
Она, подобная бессмертному дракону,
Стоит в веках под вечным небосклоном.

Сунь У-кун долго не мог оторвать глаз от чудесной картины, открывшейся перед ним, затем медленно спустился с вершины и, углубившись в горные отроги, нашел узенькую тропинку. Только было он подумал, что не у кого спросить дорогу, как неожиданно увидел женщину, которая сорвала цветок душистой орхидеи под сенью сосны и, держа его в руках, грациозно шла ему навстречу. Сунь У-кун быстро шмыгнул за какой-то причудливый камень и, не сводя глаз, наблюдал за ней.

Если хотите знать, как выглядела красотка, послушайте:

Единым взглядом дивных глаз своих,
Таких зеленовато-голубых,
Таких глубоких, как вода речная,
Она способна царства покорить,
Привычный ход событий изменить,
Нарушить ход вещей, сама того не зная.
В своей неописуемой красе
Она походит на прелестную Ван-сэ,
Красавиц царства Чу осанкой превосходит,
Она нежна, как яблоневый цвет,
Подобно яшме, излучает свет,
Румяна, как луна, которая восходит.
Не больше розового лепестка

Ее легко ступающие ножки,
Обутые в парчовые сапожки
В вершок длиной от пятки до носка.
Причудлива ее высокая прическа,
Блистают на руках ее запястья,
Затейливо ее лазоревое платье
И шелковая юбка цвета воска.
Когда б взглянул на эту женщину Чжуаи-ван,
То позабыл бы тотчас же девицу,
К которой шел когда-то в Гаотан *,
Чтоб красотой ее великой насладиться.
У этой, право же, уста алее,
Белее зубки, волосы длиннее
И гибче и стройнее тонкий стан.
Она прославленной Вэнь-цзюнь милее,
И несравненной Сюэ-тао нежнее,
Светлей и чище вод реки Цзиньцзяи.

Когда женщина, медленно шагая, поравнялась с причудливым камнем, Великий Мудрец вышел ей навстречу и, совершив поклон, спросил ее, произнося слова нараспев:

— О бодисатва в образе девы! Куда путь держишь?

Женщина шла, рассеянно глядя вперед, но, услышав вопрос, быстро подняла голову. Перед нею стояло безобразное существо. Сердце женщины сжалось от ужаса. Она хотела было бежать, но не могла даже двинуться с места. Дрожа как в лихорадке, она с трудом проговорила:

— Откуда ты явился? И как смеешь обращаться ко мне с вопросами?

Великий Мудрец стал размышлять: «Что, если расскажу ей о том, что иду за священными книгами и сейчас мне необходимо достать волшебный веер? Нет, нельзя! Она может оказаться возлюбленной Князя с головой быка. Лучше прикинуться родственником и сказать ей, что я явился сюда с приближенными к князю. Так и сделаю!»

Тем временем женщина, видя, что незнакомец молчит, нахмурилась и начала сердито кричать:

— Ты кто такой? И как смеешь находиться здесь и заговаривать со мною?

Сунь У-кун изогнулся в низком поклоне и с улыбкой сказал:

— Я пришел сюда с горы Изумрудных облаков, в эти края попал впервые и не знаю дороги. Позволь мне спросить тебя, о бодисатва, не та ли это самая гора, которую называют горой Скопления громов?

— Она самая и есть! — отвечала женщина.

— Где-то тут есть пещера Скребущая облака. Не скажешь ли мне, как туда пройти?

— А зачем тебе понадобилась эта пещера? — спросила красавица.

— Видишь ли, — отвечал Сунь У-кун, — меня послала царица по прозванию Железный веер из Банановой пещеры на горе

Изумрудные облака, она хочет видеть у себя Князя с головой быка.

Услышав о том, что царица Железный веер приглашает Князя к себе, красавица так разгневалась, что даже мочки ушей у нее покраснели.

Брызгая слюной, она стала браниться:

— Этакая подлая рабыня! Дура! Еще нет и двух лет, как Князь поселился у меня, а сколько за это время ей было послано драгоценных подарков: жемчугов, изумрудов, золота, серебра, шелков и атласов?! Ежегодно ей доставляется топливо, каждый месяц привозят крупу, у нее есть все, а она, этакая бесстыжая, вздумала еще звать его к себе... Для чего?

Сунь У-кун сразу же смекнул, что это и есть сама царевна по прозванию Яшмовое личико. Тут он нарочно выхватил свой посох с золотыми обручами и заорал во все горло:

— Ах ты, мерзавка! Подлая тварь этакая! Соблазнила своими богатствами Князя с головой быка и еще ругаешь других! Как же тебе не стыдно!

Увидев, как рассвирепел Сунь У-кун, женщина перепугалась и, не помня себя, в ужасе пустилась бежать, едва касаясь земли крохотными ножками. Сунь У-кун погнался за ней с гиканьем и улюлюканьем. Пещера Скребущая облака оказалась неподалеку от сосновой рощи. Женщина вбежала в нее, и ворота сразу же с грохотом захлопнулись.

Тогда Сунь У-кун убрал свой посох, остановился у ворот и стал разглядывать местность. Какая великолепная картина открылась его взору!

Вокруг раскинулись лесные чащи,
Пронзенные зубцами острых скал,
Подобных страже, на посту стоящей.
Похожие на неподвижных змей,
По камню стелются упругие лианы,
Среди бамбуков ищет путь ручей,
И пряный запах нежных орхидей
Струится в теплом воздухе дурманом.
Бьют родники из яшмовых расселин,
Журчанье их прозрачных, светлых струй
Напоминает песенку свирели.
Уж астры расцвели, и лепестки
Укрыли землю радужным узором,
Вдали видны пещеристые горы,
Шумят в сырой прохладе тростники,
И в песнь единую слились все птичьи хоры.
Луна и солнце смотрят с высоты,
Попеременно озаряя небо
И облака чудесной красоты.
Покоем дивным дышит темный лес,
И скалы, и зеленые долины,
И снежных гор туманные вершины,
И все, что расстилается окрест.
Воистину, прелестен этот вид,
И взоры он и сердце веселит.

Но оставим пока Сунь У-куна любоваться прелестными видами и вернемся к нашей красотке.

Она вбежала прямо в «книжную» комнату. По лицу ее струился пот, смешанный с пудрой. Сердечко трепыхало от страха. Князь с головой быка обычно проводил время в этой комнате, где забавлялся писанием знаков киноварью.

Красотка упала ему на грудь, хватая его за уши и щеки, а затем разразилась громкими воплями и рыданиями.

Князь с головой быка расплылся в широкой улыбке и стал утешать ее:

— Красотка моя,— нежно говорил он,— не огорчайся! Скажи мне, что случилось.

Женщина забилась в ярости и начала неистово ругаться:

— Подлец ты этакий, негодный дьявол! Загубил мою жизнь!

— За что ты так бранишь меня?— спросил Князь.

— Я — круглая сирота, нет у меня ни отца, ни матери, которые могли бы защитить меня. Я понадеялась на тебя, думала, будешь мне опорой на всю жизнь. Повсюду о тебе идет молва, как о добром молодце, а оказывается, ты подлый трус, который сидит под юбкой у своей жены!

Услышав эти слова, Князь с головой быка схватил красотку в свои объятия:

— Красавица моя!— нежно произнес он.— Если я в чем-нибудь провинился перед тобой, скажи мне. Я готов просить прощения.

Женщина немного успокоилась и стала рассказывать:

— Только что, когда я гуляла за пещерой на лугу и рвала цветы, вдруг откуда-то появился волосатый монах, точь-в-точь бог Грома. Он подошел ко мне и вежливо поклонился. В первую минуту я не могла прийти в себя от страха, но затем опомнилась и спросила, кто он. Он сказал, что его прислала царица Железный веер за тобой. Ну, я, конечно, рассердилась, наговорила ему грубостей, а он набросился на меня со своим посохом и преследовал до самой пещеры. Если бы я не успела скрыться, он убил бы меня. Взяла я сюда тебя на свою погибель!

Князь с головой быка выслушал ее и стал просить прощения. Ему долго пришлось ублажать ее, пока она, наконец, успокоилась. Зато теперь обозлился Князь.

— Красавица моя!— сказал он.— Не стану скрывать от тебя, Банановая пещера хоть и глухое место, зато тихое и уютное. Супруга моя с самых малых лет воспитывалась в благочестии, постигла премудрость жизненного пути и стала небожительницей. Она держит дом в строгости и почтительном повиновении. В услужении у нас не то что мужчин, но даже мальчиков нет. Откуда же взялся этот мужик, похожий на бога Грома? Скорей всего это какой-то злой оборотень, который под вымышленным именем решил навестить меня. Дай-ка я выйду и сам погляжу на него!

Ай да Князь! Он вошел в большой зал, достал там свои боевые доспехи, облачился в них, затем взял палку в железной оправе, вышел за ворота и стал громко кричать:

— Кто здесь нарушает спокойствие?

Сунь У-кун был поблизости и заметил, что Князь с головой быка уже совсем не такой, каким был пятьсот лет назад.

Вот что рассказывают о нем стихи:

Железный шлем его сиял, начищенный песком,
Узор кольчуги золотой соперничал с огнем,
Красивы были сапоги высокие на нем,
С подошвой белой, словно снег, и с загнутым носком.
Был рот его, как чаша, кругл и красен, словно кровь,
Сверкала радугой крутой изогнутая бровь,
Подобны медным зеркалам свирепые глаза —
Казалось, отражалась в них далекая гроза.
Был перетянут стройный стан плетеным кушаком,
На пряжке бронзовой его был лев изображен,
И, что б сей муж ни говорил, казались рыком льва
И самый звук его речей и все его слова.
Мощь несравненная его не ведала границ,
И даже духи вольных гор пред ним склонялись ниц.
Недаром душам, чьи тела уж превратились в прах,
Величье грозное его всегда внушало страх!
Недаром славу он себе недобрую стяжал,
И князем дьяволов его весь Запад величал.

Великий Мудрец Сунь У-кун оправил на себе одежды и, откликнувшись, выступил вперед. Он совершил самый глубокий поклон и сказал:

— О старший брат мой! Узнаешь ли ты меня, своего младшего брата?

Ответив поклоном на поклон, Князь с головой быка неуверенно спросил:

— Не ты ли Сунь У-кун, тот самый, которого величают равный небу Великий Мудрец?

— Да, это я и есть! Давно я с тобой не виделся и не являлся к тебе на поклон. А тут повстречал женщину и не успел спросить о тебе, а ты уже тут как тут. Красотка она у тебя. Поздравляю!

Но Князь сразу же сердито оборвал его:

— Попридержи свой язык! До меня дошли слухи, что после буйства, учиненного тобою в небесных чертогах, великий Будда заточил тебя под гору Усиншань и что лишь недавно ты избавлен от небесной кары и должен за это сопровождать Танского монаха, который идет на Запад поклониться Будде и получить у него священные книги. Как же ты осмелился погубить моего сына в пещере Огненных облаков, возле горного потока Высохшей сосны на горе Воплей? Я зол и собираюсь мстить тебе, а ты еще посмел ко мне явиться!

Великий Мудрец снова совершил поклон и сказал:

— О старший брат мой! Не гневайся на своего младшего брата понапрасну. Твой сын схватил Танского монаха и собирался съесть его. А я никак не мог подступиться к нему, чтобы защитить своего учителя. К счастью, бодисатва Гуаньинь изъявила желание спасти моего наставника. Она обратила твоего сына в истинную веру, и он по сей день находится при бодисатве, называется отроком Шаньцай, стал больше тебя ростом, наслаждается жизнью в райских чертогах и обрел долголетие на веки вечные. За что же ты зол на меня?

— Ишь ты, как остер на язык!— продолжал браниться Князь с головой быка.— Ладно, не будем пока говорить о сыне, тебя не переговоришь. Скажи мне лучше, зачем ты только что обидел мою любимицу и преследовал ее до ворот?

Сунь У-кун рассмеялся.

— Я пришел к тебе на поклон. Спросил у этой женщины, где можно тебя найти. Откуда мне было знать, что она приходится мне второй золовушкой! Она ни за что ни про что обругала меня, а я не сдержался и напугал ее, свою золовушку. Прошу тебя, дорогой мой брат, великодушно простить меня!

Князь с головой быка успокоился и произнес:

— Ну, так и быть, в память о нашей прежней дружбе прощаю тебя. Можешь идти!

— Я бесконечно благодарен тебе за великодушие, которым ты удостоил меня,— промолвил в ответ Великий Мудрец.— но позволь мне побеспокоить тебя и просить твоей помощи, без которой я никак не могу обойтись!

Князь снова стал ругаться:

— Что за наглая обезьяна! Никаких приличий не понимает. Вместо того чтобы уйти по-хорошему, когда тебя простили, ты смеешь еще приставать ко мне с какими-то просьбами!

— Великий мой старший брат!— проговорил Сунь У-кун.— Я, право, не хочу тебя обманывать и скажу всю правду. Сейчас путь нам преградила Огнедышащая гора, и мы не можем двигаться дальше. Я расспросил местных жителей и узнал, что у твоей супруги Лочи есть веер из бананового листа. Я хотел одолжить его и вчера посетил твой прежний дом и поклонился первой золовушке, но она заупрямилась и не согласилась одолжить мне веер. Вот почему я и явился к тебе. Прояви свое великодушие, безграничное, как небо, и огромное, как земля, отправляйся вместе со мной к своей первой супруге и вели ей одолжить мне волшебный веер. Я загашу огонь, переведу Танского монаха через гору, а после этого возвращу ваше сокровище.

От этих слов сердце Князя вспыхнуло огнем неукротимой ярости. Он заскрежетал и залязгал зубами и стал еще сильнее браниться.

— Значит, по-твоему, не наглость явиться к моей жене, чтобы выманить веер? Она тебе не дала веера, а поэтому ты явился ко мне да еще гоняешься за моей любимицей! Вот уж

поистине не для тебя, видно, сказано: «Не обижай жену друга, не губи его любовницу!» Мало того что ты обидел мою жену, ты вознамерился еще погубить и любовницу. Разве это не наглость? Ну-ка, подойди поближе, я познакомлю тебя с моей железной палкой!

— Вот что, брат!— сказал тут Великий Мудрец,— если хочешь драться, изволь, я ничуть не боюсь тебя. Но знай, что я от всего сердца прошу одолжить твой талисман. Это моя самая искренняя просьба!

— Ладно! — проговорил Князь с головой быка.— Если ты в трех схватках одолеешь меня, я велю жене одолжить тебе веер; если же не одолеешь, убью тебя и хоть этим умерю свой гнев.

— Согласен!— спокойно отвечал Сунь У-кун.— Прости, что за все время ни разу не удосужился навестить тебя. Увидим, как ты теперь владеешь оружием. Давай посостязаемся!

Князь с головой быка не стал больше пререкаться. Он взмахнул своей железной палицей и нацелился на Сунь У-куна. Но тот успел отбить удар, и между ними разгорелся жаркий бой.

Ужасной злобой лица исказились:
Враги забыли о былой приязни,
За верное оружие схватились
И в ход его пустили без боязни.
«Ты сына мне сгубил!» — кричит один,
Другой ему на это отвечает:
«Тот, кто путь истинный постиг, не погибает,
Тебе же гневаться не подобает,
Коль жизнь достойную себя обрел твой сын!»
«Что привело тебя ко мне домой?
Зачем к моим приблизился воротам?»—
Кричит один; ему в ответ другой:
«Прийти меня заставила забота
Не о тебе, не о себе самом,
А только о наставнике моем.
Хотел я у тебя твой веер попросить,
Чтоб Танского монаха защитить».
Но витязь с бычьей мордой не желал
Расстаться с драгоценным опахалом
И, распалившись злобой небывалой,
На Сунь У-куна с палицей напал.
Он этой палицей владел, пожалуй, лучше,
Чем взбешенный дракон хвостом своим могучим.
Однако Сунь У-кун удары отражал
С такой необычайною сноровкой,
Он посохом орудовал так ловко,
Что даже духов горных распугал.
Сначала на земле враги дрались,
Потом на помощь облака призвали,
Как скакунов, их мигом оседлали
И, словно птицы, в небеса взвились.
Там каждый проявлял свое уменье
И в обороне и в нежданном нападенье.
Однако битвы той исход еще неведом:
Кому же суждена желанная победа?

Более ста раз схватывались противники, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. И вот в самый трудный и решающий момент боя кто-то с вершины горы громко крикнул:

— Князь! Мой повелитель давно уже ждет тебя на пир!

Князь с головой быка, отразив удар Сунь У-куна, закричал:

— Погоди, обезьяна! Я должен сходить к своему приятелю на пиршество. А когда вернусь, продолжим бой.

С этими словами он прижал облако, на нем проник к себе в пещеру и там обратился к своей красотке с такими словами:

— Красавица моя! Напугавший тебя грубиян, похожий на бога Грома, оказался не кем иным, как мартышкой Сунь У-куном. Я так отдубасил его своей палицей, что теперь он никогда больше не посмеет появиться здесь. Можешь спокойно играть и забавляться, а я сейчас отправлюсь к приятелю, который звал меня отведать его вино.

С этими словами Князь снял шлем и боевые доспехи, облачился в просторный кафтан темного цвета, вышел из ворот, оседлал исполинскую черепаху с золотистыми глазами, велел привратникам хорошенько стеречь ворота и, направившись прямо на северо-восток, исчез в облаках.

Великий Мудрец с вершины горы видел, как Князь с головой быка куда-то отправился, и подумал: «С кем же это он, старый бык, завел дружбу и где собирается пировать? Дай-ка я последую за ним и узнаю!»

О, прекрасный Царь обезьян! Он встряхнулся всем телом, превратился в легкий ветерок и вмиг догнал Князя с головой быка. Вскоре они достигли какой-то горы, и Князь вдруг пропал. Великий Мудрец принял свой первоначальный вид и отправился на поиски. На горе оказалось глубокое прозрачное озеро, на берегу которого высился каменный монумент с высеченными на нем шестью большими иероглифами: «Озеро Лазоревые волны на горе Каменный хаос». Великий Мудрец подумал про себя: «Ручаюсь, что бык скрылся в этом озере. На дне, видимо, живет какой-то оборотень: крокодил, дракон, рыба, черепаха или тритон. Дай-ка и я опущусь на дно, посмотрю, что там происходит».

Сунь У-кун щелкнул пальцами, прочел заклинание, встряхнулся и сразу же превратился в краба средней величины, не очень большого, но и не маленького, весом примерно в тридцать шесть цзиней. Бултыхнувшись в воду он сразу же опустился на дно и увидел там триумфальные ворота, тонкой резной работы, перед которыми находилась на привязи черепаха с золотистыми глазами. Сунь У-кун вполз в ворота. За ними воды не оказалось. Продолжая ползти дальше, Сунь У-кун внимательно

осматривался. Поодаль из какого-то строения доносились звуки музыки.

Вот что он увидел:

Светом прозрачным подводных лучей озаренный,
Дивный чертог неземной возвышал свои стены,
Алые своды, коралловые колонны
Переливались огнями камней драгоценных.
Кровля покрыта была черепицей златою,
Как чешуя, серебрились высокие башни,
Вход же, ведущий во внутренние покои,
Яшмою белой и жемчугом крупным украшен,
Оберегался тяжелым и прочным заслоном
Из закругленных, как волны, щитов черепашьих.
В зале высоком, просторном и великолепном,
Залюбовался бы каждый сверкающим троном,
Напоминающим лотос и видом и цветом,
Желто-медовым с утра, а к закату червонным.
Запах пьянящий и пряный цветы источали,
Также и водоросли, и благовонные травы;
Схожее с лунным сиянье на все проливали
Чудо-светильники, что в углублениях стояли,
Словно жемчужины в каменной гладкой оправе.
Если обители светлой, чертогам небесным
Этот подводный дворец уподобить не можем,—
Ибо сравненье такое весьма неуместно,—
Все же он каждому будет казаться похожим
На восхищающий взоры, цветущий, прелестный
Остров Пэнлай *, красотою своею известный.
Праздник в разгаре. Пируют почтенные гости,
Восемь прекраснейших яств* с наслажденьем вкушают,
Кубок за кубком хмельного вина осушают,
Сидя бок о бок сплоченными тесно рядами.
Резвые рыбки разносят напитки и блюда,
Ловко и плавно скользя меж большими столами,
Пенье и музыка равно слышны отовсюду,
Все музыканты сидят на высоком помосте,
Девушки-окуни славно на гуслях играют,
Окуни-юноши нежно на флейтах им вторят,
С ними в уменье киты голосистые спорят,
Дивные звуки до самых небес долетают.
Празднику этому всякий бы мог подивиться,
Глядя, как в сопровождении рыб большеротых
Шествуют чинно и важно драконы-девицы
С яркими, пестрыми перьями феникса-птицы,
В темно-зеленых прическах, что башни высоких,
Как черепахи большие, старательно, строго,
С видом торжественным в длинные дуют свирели,
Как, преисполнившись буйно-хмельного веселья,
Лихо отплясывают молодцы-осьминоги.

На почетном месте восседал Князь с головой быка. Около него вертелось несколько оборотней, принявших облик драконов. Перед ним сидел пожилой дракон — тоже, видно, оборотень. По обеим сторонам дракона сидели его сыновья, внуки, жены и дочери. Когда хозяева и гости оживленно предлагали друг другу чарки и палочки для игры на выпивку, вдруг показался Сунь

У-кун, принявший вид краба, и пополз к ним. Хозяин заметил его и крикнул:

— Хватайте этого невежу краба! Какой дикарь!

Сыновья и внуки дракона кинулись на краба и схватили его, а он вдруг заговорил человечьим голосом и стал молить:

— Пощадите! Пощадите!

— Откуда ты взялся,— заинтересовался старый дракон,— и как осмелился войти в мои хоромы, да еще расхаживать перед уважаемыми гостями? Живей выкладывай все как есть, тогда, может быть, я помилую тебя.

Наш Великий Мудрец и тут нашелся и стал выдумывать всякие небылицы. Вот послушайте:

Я в этом озере рожден,
Я им и вскормлен и вспоен...
Немало в озере воды,
Довольно в озере еды;
Стоит на берегу гора,
А под горой — моя нора.
По воспитанью я не князь,
В моей норе — сплошная грязь:
Со всеми я вступаю в спор,
И всем иду наперекор.
Быть может, я не так уж глуп,
А если неотесан, груб,
То это не моя вина:
Я — житель тинистого дна!
Коль чем тебя я оскорбил,
Прошу, чтоб ты меня простил!
Ведь сам я очень огорчен,
Что правилам не обучен!

Всем, кто был здесь, понравились слова краба, и они стали кланяться старому дракону и просить его:

— Он ведь в самом деле первый раз в жизни попал в твой дворец, откуда же ему знать дворцовые приличия? Просим тебя, уважаемый хозяин наш, помилуй и отпусти его!

Старый дракон поблагодарил гостей за совет, а они закричали: «Отпусти краба! Но не забудь поухаживать за ним там, за воротами!»

Великий Мудрец в знак благодарности издал нечленораздельный звук и поспешил поскорее убраться. Спасая жизнь, он полз, не останавливаясь, до самых триумфальных ворот и в то же время раздумывал:

«Теперь Князя с головой быка не скоро дождешься! Он не уйдет, пока не захмелеет. А когда вернется, то все равно не согласится одолжить мне свой веер. Пожалуй, лучше увести его черепаху с золотистыми глазами, принять его облик, надуть Лочу и выманить у нее настоящий веер. Тогда можно будет перевести наставника через Огнедышащую гору. Да, так будет лучше!..»

Очутившись за воротами, он сразу же принял свой первоначальный вид, отвязал черепаху с золотистыми глазами, уселся

в резное, изукрашенное седло и отправился в обратный путь. Выбравшись из озера, Сунь У-кун преобразился в Князя с головой быка и, погоняя бедное животное, на облаке очень быстро добрался до Банановой пещеры на горе Изумрудных облаков.

— Эй, отворяйте ворота!— закричал он.

На шум выбежали две привратницы, приоткрыли ворота и увидели своего повелителя — Князя с головой быка. Девушки стремглав побежали с радостной вестью к своей госпоже.

— Госпожа! Наш повелитель вернулся!

Лоча, не веря своим ушам, поспешно поправила прическу и, быстро переступая своими крохотными ножками, побежала за ворота встретить мужа.

Тем временем наш Мудрец Сунь У-кун слез с резного седла и повел за собой черепаху с золотистыми глазами. Набравшись храбрости, он решил обмануть красавицу. Лоча влюбленными глазами смотрела на Сунь У-куна, не подозревая обмана. Она взяла его за руки и повела к себе, приказав служанкам подать чай и угощение. Все в доме знали, что явился хозяин, и каждый старался, как мог, выказать ему свое внимание и уважение. Сразу же начались разговоры, обычные при первом свидании.

— Давно мы с тобой расстались, дорогая супруженька!— сказал Князь с головой быка — Сунь У-кун.

— Да будет тебе большое счастье, великий повелитель, на добром слове!— отвечала Лоча, а затем спросила:— Каким же ветром тебя занесло сюда, в дом твоей рабыни, которую ты бросил, променяв на новую любовь?

Сунь У-кун рассмеялся:

— Что ты? Разве я мог навсегда покинуть тебя? Дело в том, что в доме у царевны Яшмовое личико часто бывают гости и хлопот не оберешься, вот и пришлось задержаться. Зато мне удалось приобрести целое состояние!

Помолчав немного, он добавил:

— Недавно я узнал, что негодяй Сунь У-кун, который охраняет Танского монаха в пути, появился в окрестностях нашей Огнедышащей горы. Боюсь, что он явится к тебе одолжить волшебный веер. Ты знаешь, как я досадую на себя за то, что до сих пор еще не отомстил ему за нашего сына, которого он сгубил. Если только он появится, немедленно пошли за мной, я его схвачу и растерзаю на мелкие кусочки, чтобы мы с тобой хоть душу отвели.

Услышав эти слова, Лоча со слезами на глазах стала жаловаться:

— О великий Князь! Ты же знаешь поговорку: «Мужчина без жены, все равно что богатство без присмотра, а женщина без мужа, что слуга без хозяина». Эта противная обезьяна чуть было не погубила меня!

Сунь У-кун при этих словах сделал вид, что сильно разгневан. Изрыгая потоки брани, он спросил:

— Когда проходила тут эта мерзкая обезьяна?

— Да она еще где-то здесь,— ответила Лоча,— вчера только была у меня и просила одолжить веер. Я облачилась в боевые доспехи, взяла меч, выбежала за ворота и начала рубить ее по голове, но она все терпела и нагло называла меня «золовушкой», уверяя, что ты когда-то с ней побратался!

— Да, это было пятьсот лет тому назад!— пробурчал Великий Мудрец.

— Так вот,— продолжала Лоча,— я его ругаю, а он все терпит и делает вид, будто не смеет слова сказать; я бью его по голове, а он прикидывается, будто не смеет руки на меня поднять. Потом я на него махнула веером, и его унесло вихрем. Однако он достал где-то волшебное средство от ветра и сегодня рано утром снова появился и стал шуметь за воротами. Я во второй раз махнула на него веером, а он, представь себе, даже не шелохнулся. Когда же я пошла на него с мечом в руках, чтобы срубить ему голову, он вступил в бой. Я испугалась его тяжелого посоха и скрылась в пещере, плотно затворив ворота. Не знаю каким образом он пробрался ко мне в живот и я едва не рассталась с жизнью! Пришлось молить его о пощаде и признать родственником. Потом я дала ему веер, и он ушел...

Сунь У-кун принялся колотить себя кулаками в грудь и убиваться:

— Ах, какая жалость, какая жалость!— вопил он.— Как же это ты, супруженька, так опростоволосилась?! Отдать этакую драгоценность противной обезьяне. Ведь я умереть могу от злости!

— Не сердись, великий Князь мой!— смеясь, проговорила Лоча.— Я дала ему не настоящий веер, обманула его, только бы он убрался отсюда.

— А где же настоящий веер?— спросил Сунь У-кун.

— Успокойся! Успокойся! Я его спрятала,— ласково отвечала Лоча.

Затем она приказала служанкам по случаю приезда дорогого хозяина подать лучшие вина и изысканные яства. Поднося обеими руками полную чашу вина, Лоча обратилась к мнимому супругу с такими словами:

— О великий Князь мой! Хотя тебе весело с новой супругой, молю тебя, не забывай обо мне! Выпей чарочку этого домашнего вина.

Сунь У-куну пришлось принять чарку. Он поднял кубок и с улыбкой ответил:

— Супруженька! Сперва ты выпей! Ради того, чтобы приумножить наше богатство, пришлось мне быть в долгой разлуке с тобой, но ты все это время исправно вела хозяйство, так что мне следует угощать и благодарить тебя.

Лоча выпила, снова налила чарку и передала мнимому мужу со словами:

— Еще во времена глубокой древности сложилась поговорка: «Жена — мужу ровня!» Для меня ты, супруг мой, что отец родной: поишь, кормишь меня, за что же тебе меня благодарить?

Продолжая говорить другу другу любезности, они уселись рядом и пили вино по очереди. Сун У-кун боялся нарушить монашеский пост и ел одни только фрукты. После нескольких чарок вина Лоча опьянела, и в ней пробудилась страсть. Она стала прижиматься к Сунь У-куну, взяла его за руки, шептала нежные слова. Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, и перешептывались, пили вино из одной чарки, откусывали от одного куска.

Великий Мудрец прикидывался нежным и страстным. Ничего иного ему не оставалось. Поистине верно сказано в стихах:

Что может быть чудесней, чем вино?
Его метлой печаль мы выметаем,
На удочку его нам стих поймать дано,
Мы с ним ни горя, ни забот не знаем...
А сколько радостей в себе таит оно!
Его вкусив, смыкает разум вежды,
И сбрасывает тесные одежды
Святое целомудрие само.

Взгляни на женщину, когда, испив вина,
Забыв все правила, что с детства были любы,
В улыбке обольстительной она
Приоткрывает розовые губы,
Пленительно колеблет гибкий стан,
Что ветка ивы под напором ветра,
И слов бессвязных негу и дурман
В хмельной истоме расточает щедро...

Взгляни: то встанет, то опять присядет,
То волосы растреплет, то пригладит,
И томными очами поведет,
Закроет веер и опять раздвинет,
И снимет кофту, и опять накинет,
Но в рукава никак не попадет.

Вот шелковые косы расплелись,
Румянцем жарким щеки налились
И расстегнулись пуговки на платье...
Глядишь — и в ход пошли рукопожатья,
Прикосновенья, нежные объятья,
И все бесчинства с якоря снялись!

Заметив, что Лоча изрядно опьянела, Великий Мудрец Сунь У-кун решил приступить к действиям и стал ее подзадоривать.

— Супруженька,— произнес он.— Куда же ты спрятала настоящий веер? Надо быть настороже. Ведь Сунь У-кун может появиться в любой момент и обмануть тебя, изменив собственный облик.

Лоча хихикнула, вынула изо рта листик, величиной с листик абрикоса, и, передавая его Сунь У-куну, сказала:

— Разве это не он, наш драгоценный талисман?

Сунь У-кун недоверчиво взял листик в руки и подумал: «Как же такой крохотной штучкой можно затушить пламя Огнедышащей горы?.. Боюсь, как бы снова не вышло обмана».

Заметив, что он, разглядывая талисман, погрузился в глубокое раздумье, Лоча не вытерпела, придвинулась к нему еще ближе и, касаясь своим напудренным личиком его волосатой физиономии, пролепетала:

— Родненький мой! Спрячь талисман у себя, запей вином и развеселись! О чем еще думать?

Сунь У-кун, положив ногу на ногу, спросил:

— Как же можно такой штучкой затушить пламя, бушующее на пространстве в восемьсот ли?

Вино настолько разобрало Лоча, что она, ничего не подозревая, рассказала, как пользоваться талисманом:

— О великий Князь мой! — молвила она.— Я провела в разлуке с тобой два года. Все это время ты, наверное, дни и ночи предавался любовным утехам и твоя ненаглядная красотка Яшмовое личико отшибла у тебя память. Как мог ты забыть тайну своего собственного талисмана? Надо большим пальцем левой руки скрутить седьмую красную шелковинку на ручке веера и при этом произнести заклинание.

Листки сразу увеличатся до целого чжана и двух ли! У него неисчерпаемые возможности превращения, и даже пламя на пространстве нескольких тысяч ли можно погасить одним его взмахом!

Великий Мудрец крепко запомнил все, что сказала Лоча, положил листок в рот, потер лицо руками и тотчас принял свой первоначальный вид.

— Ну-ка, Лоча, погляди на меня! — заорал он свирепым голосом.— Посмотри, каков из себя твой родной муженек! Ай-ай-ай! И не стыдно тебе было завлекать меня в свои сети!

Увидев перед собой настоящего Сунь У-куна, женщина в ужасе перевернула стоявший перед нею стол с яствами, упала на пол и, сгорая от жгучего стыда, стала громко причитать:

— Убил! Без ножа зарезал!

Но Сунь У-кун, не обращая никакого внимания на Лочу, повернулся и быстрыми шагами вышел из Банановой пещеры.

Недаром говорится: «Кто не жаждет женских ласк, тот довольный и веселый возвращается от красотки».

Потянувшись всем телом, Сунь У-кун вскочил на облако, перемахнул через высокую гору и достал изо рта волшебный талисман, чтобы испытать его. Большим пальцем левой руки он начал скручивать седьмую шелковинку на ручке веера и произнес заклинание.

Листок действительно увеличился до одного чжана и двух чи. Сунь У-кун стал внимательно разглядывать его и убедился, что этот веер совсем не похож на тот, оказавшийся поддельным. От этого веера исходило какое-то сияние. Он был прошит тридцатью шестью красными шелковинками.

Но Сун У-кун узнал только одно заклинание: как увеличить размеры волшебного веера, а как уменьшить его до начального размера — этого заклинания он не знал и как ни крутил веер, тот оставался такого же огромного размера. Делать было нечего, он взвалил его на спину и пустился в обратный путь. Но об этом мы рассказывать не будем.

Вернемся к Князю с головой быка. Когда пир на дне озера закончился и гости стали расходиться, Князь тоже вышел за ворота, но там нигде не мог найти свою черепаху с золотистыми глазами. Почтенный хозяин — старый дракон — собрал всех своих домочадцев и стал расспрашивать.

— Кто из вас тайком отвязал и выпустил черепаху с золотистыми глазами?

Домочадцы опустились на колени перед своим повелителем.

— Никто из нас не осмелился бы ни отвязать, ни украсть это священное животное,— говорили они, не переставая кланяться.— Здесь никого из нас не было: мы на пиру разносили гостям вино и блюда с яствами, пели им песни, играли на музыкальных инструментах!

Старый дракон поверил.

— Наши домашние музыканты, безусловно, этого себе не позволят. Может, сюда приходил кто-нибудь чужой?

Тут вмешались в разговор сыновья и внуки дракона:

— Когда мы рассаживались,— сказали они,— в зале появился краб. Вот он и утащил черепаху.

Князь с головой быка сразу же сообразил, кто это мог быть, и сказал:

— Не стоит больше говорить об этом. Когда ты, мой добрый друг, послал за мной, чтобы пригласить на этот великолепный пир, ко мне явился Сунь У-кун, которому велено охранять Танского монаха в его паломничестве за священными книгами. А как тебе известно, чтобы пройти Огнедышащую гору, необходим волшебный веер, вот Сунь У-кун и обратился ко мне с просьбой одолжить его, но я не дал, и он затеял со мною драку. Мы долго бились, но не смогли одолеть друг друга. Тогда я первый покинул поле боя и отправился к тебе на пир. А эта хитроумная обезьяна, которая умеет проделывать всевозможные штуки, наверняка превратилась в краба и заявилась разузнать, что здесь происходит. Затем она украла черепаху и отправилась к моей жене, чтобы обмануть ее и раздобыть банановый веер!

Все, кто присутствовал здесь, пришли в неописуемый ужас.

— Уж не тот ли это Сунь У-кун, который когда-то учинил великое буйство в небесных чертогах? — дрожа от страха, спрашивали они.

— Конечно, это и есть тот самый Сунь У-кун! — отвечал им Князь с головой быка.— Дорогие мои хозяева,— продолжал он,— если вам доведется быть на большой дороге, ведущей на Запад, и вы в чем-нибудь виноваты, советую вам ни в коем случае не встречаться с ним.

— Если все, что ты говоришь, правда, то как теперь быть с твоей пропавшей черепахой? — сказал старый дракон.

Князь с головой быка рассмеялся:

— Ничего! Не беспокойтесь,— успокаивал он.— Сидите и ждите, а я живо догоню его и вернусь обратно.

И тут Князь с головой быка проложил себе путь в воде, вынырнул со дна озера на поверхность, взлетел на желтое облако и помчался прямо к горе Изумрудных облаков. Подлетая к Банановой пещере, он еще издали услыхал, как неистовствовала Лоча, стуча ногами, колотя себя в грудь кулаками и крича на все лады.

С силой распахнув ворота, Князь с головой быка увидел привязанную к ним черепаху с золотистыми глазами. Тогда он громким голосом спросил:

— Жена! Куда девался Сунь У-кун?

Все домочадцы, увидев своего хозяина, опустились перед ним на колени и приветствовали его:

— С прибытием тебя, наш повелитель!

А Лоча вцепилась в Князя и, тычась головой в его грудь, ругалась на чем свет стоит:

— Ну и ротозей! Чтоб тебя громом поразило! Как же ты позволил этой несносной обезьяне украсть черепаху с золотистыми глазами? Ведь Сунь У-кун, приняв твой облик, явился сюда и обманул меня!

Князь с головой быка от ярости заскрежетал зубами:

— А не знаешь ли ты, куда он делся? — зарычал он, колотя себя в грудь кулаками. Лоча сквозь поток брани и проклятий ответила:

— Эта негодная обезьяна выманила у меня наш драгоценный талисман, приняла свой настоящий облик и сбежала! Я чуть не лопнула от злости!

— Побереги себя, женушка! — ласково произнес Князь.— Не надо так волноваться. Я сейчас догоню обезьяну, отниму у нее наш талисман, а с нее спущу шкуру, раздроблю ей кости, вырву у нее сердце и печень и отдам тебе. Может быть, хоть так ты утолишь свой гнев!

— Подайте мне мое оружие, живо! — обратился он к служанкам.

— Повелитель! — отвечали служанки. — Твоего оружия здесь нет!

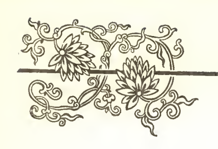
— Тогда несите мне оружие вашей госпожи!

Служанки мигом поднесли ему булатный меч, и Князь с головой быка, сняв с себя облачение, в котором присутствовал на пиру, закрепил на себе исподние одежды и с мечом в руках выбежал из Банановой пещеры. В таком виде он помчался прямо к Огнедышащей горе. Вот уж поистине:

У женщиины иной ума ие больше,
Чем красоты у курицы промокшей,—
Такую жеищииу иетрудио обмануть!
И дьяволу пришлось сразиться с Пратимокшей *,
Чтоб отомстить за дуру как-нибудь.

Благополучно ли кончились все те события, о которых вы сейчас прочитали, можно узнать из следующей главы.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ,

из которой вы узнаете о том, как Чжу Ба-цзе приложил все силы, чтобы одолеть Князя с головой быка, и как Сунь У-кун в третий раз раздобыл волшебный веер

Когда Князь с головой быка нагнал Сунь У-куна, он увидел у него за спиной огромный веер из листа банана. Сунь У-кун ликовал. Князь сильно струхнул и подумал: «Оказывается, эта обезьяна сумела выпытать, как пользоваться веером. Если я прямо потребую вернуть мне талисман, Сунь У-кун, конечно, не отдаст его мне, махнет веером, и меня унесет отсюда за сто восемь тысяч ли. А это ему как раз на руку. Мне известно, что Танский монах ждет его на большой дороге. В те годы, когда я был еще простым оборотнем, помню, довелось мне встретиться как-то со вторым учеником Танского монаха по имени Чжу Ба-цзе, и с третьим — Ша-сэном. Приму-ка я облик Чжу Ба-цзе и попробую провести Сунь У-куна. Он сейчас торжествует победу, и, конечно, забыл о предосторожности».

Князь с головой быка тоже владел волшебством семидесяти двух превращений, да и в военном искусстве не уступал Сунь У-куну.

Он был крепче его телом, но зато не такой ловкий и изворотливый. Спрятав свой драгоценный меч, Князь произнес заклинание и сразу же превратился в точную копию Чжу Ба-цзе. Выскочив на дорогу, он преградил путь Сунь У-куну и воскликнул:

— Братец, это я!

А Сунь У-кун в этот момент действительно упивался собственной победой. Еще древние люди сложили поговорку: «Победивший кот радуется, словно тигр». Сунь У-кун теперь всецело полагался на свою силу и способности и даже не подозревал, какие намерения у появившегося перед ним оборотня.

Он был уверен, что перед ним Чжу Ба-цзе, и спросил:

— Брат, ты куда направился?

Князь с головой быка с невинным видом отвечал:

— Наш наставник заждался тебя и стал беспокоиться, опасаясь, что у тебя не хватит сил одолеть Князя с головой быка, обладающего огромной волшебной силой, и ты не сможешь достать волшебный веер. Вот он и послал меня тебе в помощь.

Сунь У-кун засмеялся:

— Не стоит беспокоиться! Талисман уже у меня!

— Как же тебе удалось раздобыть его? — спросил Князь с головой быка.

— Я схватывался с этим старым быком раз сто,— отвечал Сунь У-кун,— но ни один из нас не мог одолеть другого. Неожиданно Князь оставил меня и отправился на гору Каменный хаос, где опустился на дно озера Лазоревые волны. Там он стал кутить с целой шайкой оборотней, принявших облик драконов. Я же тайком последовал за ним, превратился в краба, украл черепаху с золотистыми глазами, на которой старый бык опустился на дно озера, затем принял облик самого Князя с головой быка и направился в Банановую пещеру, обманув Лочу, которая приняла меня за своего мужа и ласково обошлась со мной. Вот каким образом я сумел выманить у нее волшебный веер!

— Нелегко он тебе достался? — с деланным участием спросил мнимый Чжу Ба-цзе.— Чересчур много ты на себя берешь и утруждаешься сверх меры, дорогой брат! Дай-ка я понесу веер, а ты передохни немного,— предложил он.

Разве мог Сунь У-кун в таком радостном возбуждении отличить ложного Чжу Ба-цзе от настоящего? Да ему и в голову не приходило, что тут кроется обман, и он, не раздумывая, передал веер мнимому Чжу Ба-цзе.

Князь с головой быка отлично знал, как и что нужно делать, чтобы увеличить или уменьшить волшебный веер. Получив его, Князь прочитал заклинание, и веер сразу же стал величиной с абрикосовый листочек. После этого оборотень принял свой настоящий вид и набросился на Сунь У-куна с ругательствами:

— Ах ты, гнусная обезьяна! — кричал он.— Что, узнаешь меня?

Сунь У-кун подумал: «Какую же я допустил оплошность!» — топнул с досады ногой и воскликнул:

— Тому, кто годами бил диких гусей без промаха, ныне глаз выклевал гусенок! — Неукротимая ярость мгновенно, как удар грома, обуяла его, он схватил железный посох и бросился с ним на врага. Князь с головой быка пустил в ход свой веер и махнул им на Сунь У-куна. Он не знал, что Великий Мудрец в свое время под видом цикады проник в живот Лочи, заложил за щеку пилюлю от ветра и невзначай проглотил ее. Поэтому теперь все внутренности его, кожа и кости так окрепли и затвердели, что он от взмаха веера даже не шелохнулся.

Князь с головой быка опешил, спрятал в рот свой талисман и, вращая мечом, принялся рубить Сунь У-куна.

Оба противника взлетели на воздух и вновь вступили в страшный поединок. Вот послушайте:

За обладанье дивным опахалом
Сошлись в бою, взлетев за облака,
Мудрец Великий в гневе небывалом,
И злобный Князь в обличии быка.
У Сунь У-куна выманить сумел он
Свой веер так решительно и смело,
Что Сунь У-кун совсем впросак попал:
Тут гнев его великий обуял,
И посох свой пустил он снова в дело.
Могучий Князь скорей за меч взялся,
И новый поединок начался,
И новые посыпались удары...
Противники отважны и сильны,
И непоколебимы, и грозны,
И славой бранною своей горды недаром.
Вот Сунь У-кун окутался туманом,
Окутался завесою из туч,
Чтоб попытаться взять врага обманом;
Но тот послал ему вдогонку луч,
И тьму внезапно озарявший свет
Свел хитрости противника на нет.
Зубами неприятели скрежещут,
Как молнии в грозу, глаза их блещут,
Под их ногами вьется звездный прах,
От шума и от вида этой битвы
И злые духи в ужасе трепещут,
И добрые испытывают страх,
Их вопли, заклинанья и молитвы
В смятенных раздаются небесах.
«Как смел ты обмануть меня, противный?» —
Кричит один разгневанный противник.
Другой в ответ: «Пришел тебе конец!
Когда-то я любил тебя, как друга,
Ты ж дерзко обошел мою супругу,
Я по делам твоим воздам тебе, наглец!»
И снова два врага в ожесточенье,
По-петушиному вытягивая шеи,
Размахивают боевым оружьем.
Уста их извергают оскорбленья,
Слова бойцов — одно другого хуже,
Одно другого — жестче и наглее!
Однако осторожность соблюдают
Соперники, сражаясь неустанно,—
Ни тот, ни этот, видно, не желают
До срока с грозным встретиться Янь-ваном,
Но вместе с тем любой из них стремится
Помочь другому к праотцам спуститься!

Однако оставим пока обоих противников и вернемся к Танскому монаху. Сидя на дороге, он изнывал от палящей жары и от нестерпимой жажды. Обратившись к духу земли Огнедышащей горы, он стал его расспрашивать:

— Осмелюсь спросить тебя, уважаемый дух земли, какими чарами владеет Князь с головой быка и какова их сила?

— Князь с головой быка владеет немалыми чарами,— отвечал дух,— а сила их безгранична. Он — достойный противник Великому Мудрецу Сунь У-куну!

— Странно,— продолжал Танский монах,— что Сунь У-куна все еще нет. Ведь он такой ходок. Ему ничего не стоит мигом пролететь две тысячи ли туда и обратно. Почему он так долго не возвращается? Наверное, вступил в бой с Князем.

Затем он обратился к своим спутникам:

— Скажите мне, ученики мои, кто из вас отважится пойти навстречу Сунь У-куну? Если он сражается с врагом, то надо помочь ему достать волшебный веер, чтобы избавить меня от этой нестерпимой жары и поскорей провести через гору. И так мы потеряли много драгоценного времени.

— Сейчас уже поздно, скоро вечер,— сказал Чжу Ба-цзе.— Я бы пошел за ним, да не знаю дороги.

— Я знаю дорогу,— вмешался дух земли.— Пусть с наставником останется Ша-сэн, а я провожу тебя. Мы с тобой мигом слетаем!

Танский монах несказанно обрадовался:

— Благодарю тебя от всего сердца, почтенный дух,— молвил он.— Если вернетесь с удачей, еще раз поблагодарю.

Чжу Ба-цзе приосанился, затянул потуже черный халат, заткнул за пояс грабли и вскочил вместе с духом горы на попутное облако, которое помчало их прямо на восток.

Еще в пути они неожиданно услышали громкие крики, звон оружия, почувствовали сильные порывы ветра, поднятого быстрыми движениями воинов. Чжу Ба-цзе приостановил облако, огляделся и увидел Царя обезьян Сунь У-куна, сражающегося с Князем.

— Чего же ты ждешь? — спросил дух земли, обращаясь к Чжу Ба-цзе.— Иди вперед!

Дурень схватил свои грабли и заорал во все горло:

— Брат Сунь У-кун! Я пришел к тебе на помощь...

— Эх ты, Дурень,— с досадой произнес Сунь У-кун,— ты испортил мне все дело!

— Я что-то не понимаю,— удивился Чжу Ба-цзе,— меня послал к тебе наш наставник. Не зная дороги, я долго не решался пуститься в путь, пока дух земли не вызвался проводить меня. Из-за этого я немного опоздал. Как же я мог навредить тебе?

— Да я вовсе не за то ругаю тебя, что ты опоздал,— с досадой произнес Сунь У-кун.— Князь с головой быка оказался наглецом, каких мало! Мне удалось раздобыть у Лочи волшебный веер, а этот негодяй, приняв твой облик, обманул меня, старого дурака: я на радостях поверил ему и своими собствен-

ными руками отдал ему его талисман. Он сразу же преобразился в свой первоначальный вид и вступил со мною в бой. Вот почему я и сказал, что ты испортил мне все дело.

Чжу Ба-цзе, услыхав это, так и вскипел от гнева. Он поднял свои грабли и пошел на Князя с головой быка, понося его на чем свет стоит.

— Я тебе покажу, мерзавец ты проклятый! — кричал он, замахиваясь на него.— Как ты посмел принять мой облик и обмануть моего старшего брата, Сунь У-куна, чтобы посеять вражду между нами?

С этими словами он принялся изо всех сил дубасить Князя с головой быка. Тот сразу же пустился наутек; за целый день битвы с Сунь У-куном он сильно утомился и, кроме того, не на шутку испугался Чжу Ба-цзе, перед которым не в силах был устоять. Однако бежать ему не удалось, так как дух земли привел воинов царства Теней и преградил ему путь.

— Стой! — крикнул дух земли.— Да будет тебе известно, что все добрые духи, обитатели небес и трех небесных сфер везде и всюду помогают Танскому монаху, направляющемуся на Запад за священными книгами. Доставай живее свой волшебный веер и погаси им пламя Огнедышащей горы, чтобы Танский монах мог беспрепятственно продолжать свой путь. Иначе я пожалуюсь на тебя верховному владыке неба и тебя лишат жизни.

— Очень уж ты прыток,— сказал Князь с головой быка, не разобравшись в чем дело,— лезешь со своими угрозами! Да знаешь ли ты, что эта проклятая обезьяна отняла у меня сына, обидела мою любимицу и обманула мою жену. Она натворила столько пакостей, что я готов от злости проглотить ее целиком, превратить в кал и кормить им собак. Неужели же ты думаешь, что я соглашусь одолжить свой драгоценный талисман этой обезьяне?

Не успел Князь с головой быка договорить, как Чжу Ба-цзе накинулся на него с ругательствами.

— Чтоб тебе издохнуть от коровьей болезни! — орал он.— Подай сюда твой веер, только живее, если хочешь, чтоб я пощадил тебя!

Князю с головой быка ничего другого не оставалось, как пустить в ход меч и сразиться с Чжу Ба-цзе. Но Сунь У-кун поднял свой посох и ринулся на помощь. Тут разгорелся такой бой, о котором даже в стихах рассказывают:

Сошлись достигший совершенства боров,
Огромный бык, творящий чудеса,
Царь обезьяний, обокравший небеса
И в многих подвигах свой проявивший нров.
Они все трое Будде поклонялись,
Стремились жить, его заветам внемля,
Сейчас, в борьбе своей, они старались
С намереньем своим связать и землю.

Остры зубцы на граблях Чжу Ба-цзе,
Остер и меч у Князя с мордой бычьей,
А палицу мартышки знают все:
Всех побеждать — таков ее обычай!
К кому ж на выручку сам дух земли спешит?
Кому несет желанную победу?
Кто будет ниспровержен? Кто убит?
Исход борьбы противникам неведом.
Никто не хочет побежденным быть,
Всяк жизнь свою желает сохранить.
Тот, кто быка сумеет одолеть,
Не только подвигом свой род прославит —
Быка он для себя пахать заставит
И сможет без труда разбогатеть.
А тот, кому достанется свинья,
Не будет голоден к исходу боя:
И сам герой, и все его друзья
Разделят небывалое жаркое!
Но победитель будущий обязан
Все страсти обуздать, волнующие грудь,
Иначе истинный ему изменит путь,
Не награжден он будет, а наказан!
В сраженье этом посох, грабли, меч
Сшибались с шумом, грохотом и звоном,
И слышались проклятия и стоны,
И рык звериный, и людская речь...
Уж звезды ясные свои сомкнули очи,
Встает туман над гладью спящих вод,
Бледнеющее покрывало ночи
Рожденье дня грядущего пророчит,
И солнца пробужденье и восход,
А лютый бой по-прежнему идет.

Князь с головой быка бился храбро и отважно, постепенно отступая к своей пещере. Бой продолжался всю ночь, но все еще неизвестно было, кто возьмет верх. Вот уже и рассвет наступил. Впереди показалась гора Скопления громов. Бой теперь шел у самого входа в пещеру Скребущую облака. Трое противников да еще дух земли со своими воинами издавали громкие крики и подняли невообразимый шум. Красавица Яшмовое личико встревожилась и велела своим служанкам посмотреть, что происходит за воротами.

— Там наш повелитель сражается не на жизнь, а на смерть с монахом, похожим на бога Грома, тем самым, что появлялся здесь вчера; и еще с одним, у которого длинное рыло и огромные уши. С ними пришел дух земли, обитающий у Огнедышащей горы, со своими воинами!

Царевна Яшмовое личико приказала немедленно вызвать всех начальников и старшин караульной стражи, чтобы они тотчас же выступили на помощь в полном боевом снаряжении. Те устроили поверку и отобрали годных. Набралось более сотни воинов. Выйдя из пещеры, они стали воинственно размахивать копьями и дубинами и хором воскликнули:

— О наш повелитель! Нас прислала госпожа тебе на помощь!

Князь с головой быка несказанно обрадовался.

— Вот удача! Вовремя подоспели! — замычал он.

Тут вся орава бесов принялась рубить кого попало. Чжу Ба-цзе не успевал отбивать удары, убрал свои грабли и пустился бежать без оглядки. Великий Мудрец совершил неимоверный прыжок через голову и мигом очутился на облаке, вырвавшись из кольца нападавших. Остальные тоже рассеялись во все стороны. Князь с головой быка одержал победу и с толпой своих бесов отправился в пещеру. Ворота захлопнулись, и, что там происходило, мы рассказывать не будем.

— Ну и храбрый же этот негодяй! — промолвил Сунь У-кун.— А до чего вынослив! Мы начали бой еще вчера в часы шэнь[1], и он до ночи держался. Когда вы подоспели мне на помощь, он продолжал драться без передышки до самого утра. Выходит, что он выдержал бой, продолжавшийся полдня, и все его оборотни такие же здоровенные, как он. Ворота в пещеру закрыты наглухо... Что же нам теперь делать?

— Странно,— отозвался Чжу Ба-цзе.— Ты говоришь, что в часы шэнь вступил с ним в драку, а покинул нашего наставника в часы сы [2]. Где же ты околачивался больше четырех часов?

— Как только я с вами распрощался,— стал рассказывать Сунь У-кун,— то первым делом направился к этой горе, и тут встретил женщину. Я начал ее расспрашивать и выяснил, что она возлюбленная Князя с головой быка по прозванию Яшмовое личико. Я напугал ее своим железным посохом, и она скрылась в пещере. Через некоторое время оттуда вышел Князь с головой быка и стал ругаться со мной. Мы с ним повздорили и затеяли драку. Бой продолжался примерно часа два, потом Князя пригласили на пир. Я последовал за ним и нашел его на дне озера Лазоревые волны, которое расположено на горе Каменный хаос. Там я превратился в краба, узнал все, что мне было нужно, украл черепаху с золотистыми глазами, принадлежащую Князю с головой быка, а затем, приняв его облик, отправился верхом на черепахе к Банановой пещере на горе Изумрудных облаков. Там я обманул Лочу и выманил у нее волшебный веер. Выйдя из пещеры, я решил испробовать, как действует веер, и, произнеся заклинание, увеличил его, но как уменьшить не знал. Тогда я взвалил его на спину. Однако этот негодяй, приняв твой облик, выманил у меня веер. Вот на что я и потратил четыре часа, о которых ты спрашиваешь.

— Получилось совсем как в поговорке,— прервал его Чжу Ба-цзе: — «Откуда пришло — туда и ушло». Как же нам без

[1] Ш э н ь — часы от 3 до 5 часов дня.
[2] С ы — часы от 9 до 11 часов утра.

этого веера переправить нашего наставника через Огнедышащую гору? А раздобыть его на этот раз будет еще трудней! Давай лучше вернемся обратно и найдем обходный путь. Ну ее, эту гору, к чертовой матери!

— Не сердись, Великий Мудрец, а ты, Чжу Ба-цзе, не отчаивайся,— сказал тут дух земли.— Искать обходный путь, все равно что идти к истине через еретические учения. Помните, что говорится в древних книгах: «Не ходите боковыми тропинками». Да разве можно, находясь почти у цели, пускаться в обходный путь? Твой наставник ждет тебя на правильной дороге и с надеждой смотрит вдаль, желая увидеть вас обоих, идущих к нему с великой удачей!

— Да, ты прав, совершенно прав! — с досадой проговорил Сунь У-кун.— А ты, Дурень,— продолжал он, обращаясь к Чжу Ба-цзе,— перестань городить чепуху! Дух земли говорит вполне резонно,— и он закончил свои слова стихами:

Готов побиться об заклад,—
Одержим мы победу!
И будет злобный супостат,
Сразившись с нами, сам не рад
Своим грядущим бедам.
Не знает он, сколь я горазд
Принять любое сходство,
И оттого могу не раз
Добиться превосходства,
Свой вид привычный изменив,
Обличье новое явив.
Пусть хитрый Князь владеет сам
Искусством превращенья,
Ему я все равно воздам
Достойное отмщенье
За все, что должен испытать,
Чтоб веер у него достать!
Хоть не страшится ничего
Достойный мой соперник,
А все ж повергну я его,
Не он меня повергнет!
Поможет веер усмирить
Бушующее пламя,
Поможет веер путь открыть,
Столь вожделенный нами,
И, если мы хотим предстать
Пред светлым ликом Будды,
То веер тот я должен взять,
И я его добуду
В любом бою, любой ценой,
И даже хитростью любой!
И вскоре путь свой, полный мук,
Мы завершим в веселье,
Под райским древом сядем вкруг
И трапезу разделим!

Эти стихи так подзадорили Чжу Ба-цзе, что у него снова появились сила и энергия, и он ответил:

Должны скорей мы обуздать
Злодея с мордой бычьей:
Своими чарами пугать —
Таков его обычай!
Нам чародейства не страшны,
Мы все от них ограждены.
Благоприятен нам, друзья,
Год «хай» *, — стихия древа,
Ему сопутствует свинья,
Свинья же — борову родня,
К нам не питает гнева.
Задача хоть и не легка —
Возьму я за рога быка,—
Рожден он в год коровы,
Когда господствует земля:
Она к нам не сурова,
Ведь силы дерева сильней —
Они господствуют над ней!
Год «шэнь» *, где властвует металл,
Под знаком обезьяны,
Над древом, над землею встал,
Своею силой их объял,
И воедино нас спаял;
Итак, на подвиг бранный,
За дивный лист банана
В согласье полном мы идем,
Победу верную найдем!
Без опахала нет пути
Сквозь дым, огонь и пламя,
Без опахала не пройти
В тот край обетованный,
Где будет ждать награда нас
За наши все мученья,
Где не один промчится час
На пиршестве осеннем!

Воодушевленные, Чжу Ба-цзе и Сунь У-кун повели за собой духа земли и его воинов прямо к пещере. Тут один стал бить в ворота граблями, а другой — железным посохом. Поднялся ужасный грохот, и вскоре входные ворота в пещеру рухнули. Караульная стража в страхе разбежалась, а ее начальники бросились во внутренние покои и, дрожа, доложили:

— О Великий Князь! Сунь У-кун с толпой приспешников разбил передние ворота!

Князь с головой быка только было собрался поговорить со своей красоткой Яшмовое личико о проделках Сунь У-куна, чтобы излить свой гнев и досаду. Узнав, что обезьяна разбила ворота, он так разгневался, что сразу же, накинув на себя боевые доспехи и захватив свою палицу в железной оправе, выскочил навстречу, бранясь и крича:

— Мерзавец ты! Кто ты такой, что так нагло ведешь себя? Как смеешь ты творить здесь безобразия и ломать мои ворота?!

Тут вперед выступил Чжу Ба-цзе и, отругиваясь, сказал:

— Негодяй ты! Шкуру с тебя содрать мало! Сам-то ты кто?

Как смеешь ты осуждать других! Стой, ни с места! Погляди на мои грабли!

— Ах ты, мерзавец,— заорал Князь,— грязная тварь, питающаяся отбросами! Знаешь, что я с тобой сделаю? Живей зови сюда обезьяну!

— Ты что так разошелся, жвачная скотина! — отозвался Сунь У-кун.— Не понимаешь доброго отношения к себе. Я только вчера напомнил тебе о том, что мы побратимы, а ты выступаешь как враг мой. Ну-ка, испробуй моего посоха!

Князь с головой быка ринулся на Сунь У-куна, и между ними снова завязался бой, еще более ожесточенный, чем все предыдущие.

Три героя сошлись в этом бою.

Вновь грабли и посох в сраженье сошлись,
За старого недруга вместе взялись,
Как грозные коршуны, в небо взвились
И камнем к земле опустились!
Могучие воины духа земли
К двум дружным бойцам на подмогу пришли
И с ними бок о бок сразились.
Но их не страшится разгневанный бык —
Не ведая слабости хоть бы на миг,
Один против всех он сражаться привык,
И с силою, равной небесной,
Удар за ударом он шлет на врагов,
Мешает порядок их стройных рядов
Он палкою тяжеловесной.
Зловещими звуками край оглашен,
Разносятся вопли, и грохот, и звон,
И тот, кто их слышит, молчит, поражен
И шумом, и громом, и криком.
Удар за удар и укор за укор
Враги воздают, продолжая свой спор,
Борясь в исступлении диком.
Все трое бойцов в своем гневе равны,
И силой великою равно полны,
Стремленьем к победе ослеплены,
Что тигры, за главенство бьются!
Не зная — грядущая воля небес
Земле или древу сулит перевес,—
Сторонники духа мятутся.
Врага Сунь У-кун посрамляет: «Скупец!
За жадность твою отомщу наконец!
На доброе дело, рогатый наглец,
Не смог одолжить опахало!»
«Ты, в доме моем учинивший разбой! —
В ответ ему бык.— Рассчитаюсь с тобой!
За низкий поступок с моею женой
Сейчас обуздаю нахала!
Ты сына сгубил мне, ты гнался за той,
Чья жизнь дорога мне, чей дорог покой,
Бесстыжая ты обезьяна!»
Кричит Сунь У-кун: «Я тебе отомщу!
Я шкуру с тебя за угрозы спущу!
И, что б ты ни делал, тебе не прощу
Тот лист всемогущий банана!»

И вторит ему Чжу Ба-цзе: «Погоди!
Я девять отверстий во вражьей груди
Проделаю — слово монаха!
Взгляни, как остры моих грабель зубцы!»
Но, как бы ему ни грозили бойцы,
Противник не ведает страха,
Он с каждой угрозой становится злей,
Да палкой тяжелою машет быстрей,
Со всей своей силой могучей.
Вид трех неприятелей злобен и лют,
Они друг на друга стеною идут —
Так туча сшибается с тучей,
Так с валом сшибается пенистый вал,
Так с круч поднебесных несется обвал,
Сметая с дороги преграды,
Так буря нежданная валит дубы,
Так смерч воздвигает из праха столбы,
Так камень крушат водопады.
Уловки и хитрости пущены в ход,
Кто прядает зверем, кто птицей снует,
Кто сзади колотит, кто спереди бьет,
Но все ж еще все невредимы...
Начавшись с рассветом, закончился бой
В час чэнь [1], когда бык возвратился домой,
По-прежнему непобедимый.

В этом жестоком бою никто из противников, казалось, не щадил жизни. Произошло по меньшей мере сто десять схваток. Наконец Чжу Ба-цзе, которому сила Сунь У-куна придала смелости, развернул вовсю свою бесшабашную удаль и начал колотить граблями куда попало. Князь с головой быка оказался не в силах отражать эти удары и бросился бежать с поля боя, чтобы укрыться в своей пещере. Но дух земли со своими воинами успел преградить ему дорогу и закричал:

— Ты куда? Я здесь! Дожидаюсь тебя!

Итак, старому быку не удалось пробиться к своим воротам. Он стремительно подался назад, но Чжу Ба-цзе и Сунь У-кун уже настигали его. В сильном смятении Князь сбросил свой шлем, латы, отбросил железную палицу, встряхнулся и, превратившись в лебедя, взмыл в небеса.

Сунь У-кун при виде этого превращения зло рассмеялся.

— Ну, Чжу Ба-цзе! — сказал он сквозь смех.— Старый бык бежал!

Дурень никак не мог сообразить, что произошло, да и дух земли ничего не понял. Оба они растерянно смотрели по сторонам, шаря глазами по всей горе Скопления громов.

— Вон он! — крикнул им Сунь У-кун, указывая рукой на улетавшего лебедя.— Видите, как летит!

— Да ведь это же лебедь! — возразил Чжу Ба-цзе.

— В него-то и превратился Князь с головой быка,— объяснил ему Сунь У-кун.

---

[1] Чэнь — время с 7 до 9 часов утра.

— Вот беда,— безнадежно произнес дух земли,— что же нам теперь делать?

— Вот что! — решительным тоном сказал Сунь У-кун.— Вы пробейтесь в пещеру, уничтожьте всех оборотней, сколько бы их там ни было, разорите дотла все это логово, чтобы старому быку некуда было вернуться, а я с ним сейчас посостязаюсь в превращениях!

Чжу Ба-цзе и дух земли беспрекословно подчинились и начали разбивать ворота, преграждавшие путь в пещеру. На этом мы с ними пока распрощаемся.

Великий Мудрец Сунь У-кун спрятал свой посох с золотыми обручами, прищелкнул пальцами, прочел заклинание, встряхнулся и превратился в быстрого сокола. Одним взмахом крыльев он со свистом взлетел в небесную высь и скрылся в просвете облаков, а оттуда камнем опустился прямо на лебедя, вцепившись в него когтями, и начал клевать ему глаза. Князь с головой быка сразу же догадался, что это не сокол, а Сунь У-кун, поспешно тряхнул крыльями, обратился в желтого ястреба, извернулся и начал клевать своего врага. Тогда Сунь У-кун превратился в черного феникса — единственную птицу, которая легко может побить ястреба. Князь с головой быка знал это. В свою очередь он превратился в белого аиста, издал протяжный трубный звук и полетел на юг. Тогда Сунь У-кун остановился, тряхнул крыльями, превратился в красного феникса и пронзительно закричал. Надо вам сказать, читатель, что красный феникс считается царем всех птиц, и его не смеет тронуть ни одна птица. Поэтому Князь с головой быка на одном крыле скользнул вниз, опустился на скалу, где сразу же превратился в кабаргу, и с самым беспечным видом принялся щипать траву.

Но Сунь У-кун узнал его и, стремглав опустившись вниз, превратился в голодного тигра, который стал бить хвостом и шевелить когтями, готовый наброситься на кабаргу, чтобы сожрать ее. У Князя с головой быка от страха перестали повиноваться руки и ноги. Ему с огромным трудом удалось превратиться в золотистого барса, и он бросился на тигра. Но Сунь У-кун вовремя спохватился и, обернувшись головой против ветра, качнул ею, превратившись в льва с золотистыми глазами, поедающего тигров [1]. Он начал громоподобно рычать, вращая своей головой с железным лбом и медным теменем, и готовился сожрать золотистого барса. Князь с головой быка встревожился и впопыхах превратился в большого бурого медведя. Расставив задние ноги, он встал на дыбы и готовился схватить льва. Но Сунь У-кун не растерялся. Он покатался по земле и превратился в огромного слона, с длинным, как удав, хоботом, и с острыми,

[1] Его изображение вырезается на седалище Будды.

как ростки бамбука, бивнями. Подняв хобот, он готов был обмотать его вокруг медведя.

Тут Князь с головой быка громко рассмеялся и принял свой первоначальный вид — он превратился в белого быка, но исполинских размеров. Голова его была величиной с горную вершину. Глаза метали молнии. Рога вздымались над головой, как две железные пагоды. Зубы походили на острые клинки. Его длина от головы до хвоста была более тысячи чжан, а вышина от копыт до хребта — восемьсот чжан!

Обратившись к Сунь У-куну, белый бык заревел:

— Негодная обезьяна! Посмотрим, как теперь ты справишься со мной?!

Сунь У-кун тоже принял свой первоначальный вид, вытащил посох с золотыми ободками, изогнулся и произнес: «Увеличивайся!»

Сунь У-кун мигом вырос до десяти тысяч чжан, голова его стала величиной с гору Тайшань [1], глаза — как луна и солнце, рот — кровавый пруд, а зубы — створки ворот. Держа в руках огромный железный посох, он начал колотить белого быка прямо по голове. Но голова у быка оказалась крепкой. Не обращая внимания на удары, он пустил в ход свои рога и начал бодаться. Тут произошел такой бой, что даже горы ходуном заходили, небо содрогнулось и земля задрожала:

Коль иа одни только чи добродетель растет,
Преграды пред ней возрастают на тысячу чжан,
И, если бы не умнейшая из обезьян,
Кто смог бы препятствия страшные сдвинуть с пути?
Чтоб пламя немеркнущее у горы загасить,
Банановый лист чудодейственный надо добыть,
Но сила и хитрость не могут его залучить...
Случалось, что и Сунь У-кун всю надежду терял
Наставнику мудрому в новом несчастье помочь,
Но тот среди сил всемогущих поддержку всегда обретал,
И так удавалось напасти и зло превозмочь,
В согласье стихии враждующие привести,
Чтоб в добрых делах они снова могли расцвести,
Злых духов унять, грязь с души возмущенной отмыть,
И вновь по открытой дороге на Запад спешить.

Оба противника пустили в ход все свое волшебство и могущество и вели бой на высоте половины горы. Все духи и бесплотные существа, которым довелось пролететь мимо, сильно встревожились и вместе с золотоглавым своим повелителем, вникающим в суть всех явлений природы, а также с небесными духами Лю-дином и Лю-цзя, с восемнадцатью духами — хранителями кумирен плотным кольцом окружили Князя с головой быка.

Но он ничуть не испугался. Посмотрели бы вы, как он бодался! Он бросался то вправо, то влево, то устремлялся вперед. Его рога блестели, как отполированное железо, он бросался

[1] Самая высокая гора в провинции Шаньдун.

с разбегу на своих врагов, ловко поворачиваясь во все стороны. Шерсть вздыбилась на нем щетиной, хвост от злости и напряжения стал твердым и упругим. Он бил им и махал во все стороны.

Сунь У-кун нападал на быка спереди, а множество духов, явившихся на помощь, били его с разных сторон. Наконец бык не выдержал. Бросившись на землю, он стал кататься по ней и, приняв прежний облик Князя с головой быка, метнулся в свою Банановую пещеру. Сунь У-кун тоже принял свой первоначальный вид и погнался за ним, сопровождаемый всеми духами. Но дьявол крепко запер за собой ворота и не показывался. Между тем духи обступили гору так плотно, что ни капли воды не могло бы просочиться.

Как раз в тот момент, когда осаждающие стали разбивать ворота пещеры, к ним подоспели с громкими криками Чжу Ба-цзе, дух земли и его воины. Сунь У-кун первый заметил их и спросил:

— Как обстоят дела в пещере Скребущей облака?

Чжу Ба-цзе стал со смехом рассказывать:

— Бабенку этого старого быка я убил сразу, одним ударом граблей. Когда я содрал с нее одежду, то оказалось, что она оборотень-лисица с яшмовым личиком, а все духи, большие и малые, находившиеся в пещере, тоже оборотни: ослы, мулы, телки, быки, барсуки, лисицы, еноты, серны, бараны, тигры, лоси и олени. Мы их истребили, а затем сожгли все постройки, находившиеся в пещере. Дух земли сказал, что у этого быка есть еще одно пристанище на этой горе,— там живет его жена. Вот почему мы и примчались сюда, чтобы стереть и это его логово с лица земли.

— Поздравляю тебя с удачей! — подбодрил его Сунь У-кун.— А я вот ничем не могу похвастаться. Зря только состязался с быком в искусстве превращений. Он принял вид белого быка огромных размеров, я же превратился в великана и начал с ним биться. Тут ко мне на подмогу явились духи: мы обступили быка со всех сторон и долго держали в плотном кольце. Однако он принял свой обычный вид и снова удрал к себе в пещеру.

— Уж не эта ли пещера называется Банановой?—спросил Чжу Ба-цзе.

— Совершенно верно! — отвечал Сунь У-кун.— Здесь как раз живет его жена по имени Лоча.

— Отчего же вы не ломитесь в ворота? — с досадой проговорил Чжу Ба-цзе.— Надо сейчас же покончить с быком и раздобыть веер. А то он отдыхает и забавляется со своей женушкой. Ну и Дурень!

Встряхнувшись и набрав сил, он поднял свои грабли и принялся ломать ворота. Раздался оглушительный треск, и ворота вместе с частью скалы рухнули. Привратницы пришли в ужас и помчались к своему повелителю с громкими воплями и криками:

— Князь ты наш, повелитель! Кто-то сломал ворота! — голосили они.

Князь с головой быка еще не успел отдышаться, но уже начал рассказывать Лоче о том, как он сражался с Сунь У-куном и отнял у него волшебный веер. Услыхав, что сломали ворота, он пришел в ярость, выплюнул изо рта драгоценный талисман и передал его Лоче. Та приняла веер и, держа его в руках, залилась слезами:

— О великий Князь! — рыдая, говорила она.— Отдал бы ты лучше противной обезьяне этот веер. Пусть только она уберется отсюда со своими приспешниками.

— Нет, супруженька! — возразил Князь с головой быка,— вещица эта, правда, мала, зато гнев мой велик. Ты пока посиди здесь, а я опять начну с ним бой и прогоню его отсюда.

Князь оправил на себе боевое облачение, выбрал два меча и пошел к воротам. Тут он увидел Чжу Ба-цзе, который изо всех сил старался проломить вторые ворота. Не говоря ни слова, старый бык взмахнул своими мечами, целясь в голову Чжу Ба-цзе, но тот успел прикрыться граблями и отступил назад на несколько шагов. Сунь У-кун давно уже был наготове и выступил вперед. Тогда Князь с головой быка оседлал вихрь и вылетел из пещеры. Но Сунь У-кун успел нагнать его, и над горой Изумрудных облаков снова произошел бой. На этот раз многочисленные духи окружили сражающихся со всех сторон, а дух земли со своими воинами нападал и слева и справа.

Бой был очень жесток:

Вздымая тучи щебня и песка,
Зловещий ветр подул издалека,
Пошли гулять валы по океану,
Земля и небеса окутались в туманы,
Вселенную укрыли облака
От бешенства премудрой обезьяны,
От гнева оскорбленного быка.
Отточены булатные мечи,
Надеты наколенники и латы
С узорною насечкою богатой,
Глаза быка — как два костра в ночи!
Он землю роет, злобою объятый.
Любил он Сунь У-куна, словно брата,
Но чувство дружбы, сильное когда-то,
В душе его заглохло и молчит,
А чувство мести сердце горячит.
И Сунь У-кун приязнь былую предал,
Как будто никогда быку он другом не был,
Сраженье началось, и снова силы все
Пришли в необоримое движенье;
Князь с Сунь У-куном бьются в исступленье,
Грозит, и рвет, и мечет Чжу Ба-цзе,
А полчища покорных Будде духов
Сулят и пораженье, и разруху,
И гибель непокорному врагу.
Но князь проклятьям духов не внимает,
Упорно все удары отражает;

И Вэнь-цзао и Чэнь-жуй.

Когда ж его десница устает,
Он левою рукою меч хватает
И снова рубит, колет, режет, бьет...
Сложили крылья и умолкли птицы,
Зарылись рыбы в тинистое дно,
Земля покрылась мглой, и в небесах темно,
Лишь только блещут изредка зарницы.
Как плачут духи! Как горьки их стоны!
Как потревоженных людей печален вид!
В пучинах вод сражаются драконы,
И под землей не молкнет грохот битв!

Князь с головой быка на этот раз совсем не щадил себя и дрался с остервенением. Противники схватывались уже более пятидесяти раз, когда, наконец, Князь почувствовал, что не в силах устоять. Покинув поле боя, он бросился бежать на север. Но его давно уже поджидал там хранитель Будды Бофа с Пятитеррасовой горы, обитающий на скале Сокровенный дьявол. Он владел огромной волшебной силой.

— Стой,— крикнул он.— Куда ты? Меня прислал сам Будда Сакья-муни, он велел расставить небесные сети и земные капканы и поймать тебя.

Тут подоспели Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и целая толпа добрых духов.

Князь с головой быка хотел повернуть и бежать на юг. Но его остановил второй хранитель Будды Шэнчжи с горы Густые брови, из пещеры Свежая прохлада, магическая сила которого безгранична.

— Я получил приказ Будды,— крикнул он,— подстеречь тебя здесь и изловить!

У Князя с головой быка душа ушла в пятки. Он пытался улизнуть на восток, но тут путь ему преградил третий хранитель Будды, Дали с горы Сумеру, со скалы Мор — обладатель неимоверной силы.

— Ты куда, старый бык? — закричал он громовым голосом.— Будда Татагата приказал мне прибыть сюда и схватить тебя!

Князь с головой быка стал пятиться назад и пустился бежать на запад, но здесь его ждал четвертый хранитель Будды, Юнчжу с вершины Золотых зорь на горе Куэньлунь.

— Куда бежишь, скотина? — закричал он зычным голосом.— Почтенный Будда, обитающий в храме Раскатов грома, что находится на Западе, велел мне задержать тебя.

От ужаса у Князя с головой быка сердце замерло и затряслась печенка. Не успел он опомниться, как со всех сторон его обступили воины Будды и небесные полководцы. Из таких сетей действительно невозможно было выпутаться. И вот пока Князь находился в полном смятении, подоспел Сунь У-кун со своими помощниками. Князь с головой быка взметнулся вверх и вскочил на облако, которое стало быстро подниматься и унесло его в небесную высь.

Но и там, как нарочно, оказался небесный князь Вайсравана со своим сыном-наследником Ночжа. Их сопровождали небесные полководцы: якша по прозванию Рыбье брюхо и Величайшая прозорливость. Завидев Князя с головой быка, они закричали ему:

— Стой! Не спеши! Мы получили указ Нефритового императора расправиться с тобой и истребить твое логово.

Князь с головой быка стал метаться. Он опять, как и в прошлый раз, встряхнулся, превратился в исполинского белого быка и своими железными рогами принялся бодать небесного князя. Тот стал отбиваться мечом. Тем временем примчался Сунь У-кун. Завидев его, наследник Ночжа громко крикнул:

— Великий Мудрец! Не могу приветствовать тебя как полагается, латы мешают. Вчера мы с отцом посетили Будду Татагату, который сообщил Нефритовому императору о том, что Огнедышащая гора преградила путь Танскому монаху и что тебе, Великий Мудрец, одному трудно одолеть Князя с головой быка. Нефритовый император распорядился, чтобы мы с отцом и все небесные воины выступили тебе на помощь.

— Этот старый негодяй обладает большой волшебной силой,— проворчал Сунь У-кун,— погляди только, в какое чудовище он преобразился! Как с ним справиться?

Наследник рассмеялся:

— Не тревожься, Великий Мудрец! Вот увидишь, как я изловлю его.

Тут Ночжа воскликнул: «Изменись!» И сразу же у него появилось три головы и шесть рук. Он взвился вверх, мигом вскочил на спину Князя с головой быка и, взмахнув своим мечом, разящим дьяволов и злых духов, разом отрубил быку голову. Тем временем небесный князь Вайсравана опустил свой меч и приветствовал Сунь У-куна.

Однако у Князя с головой быка на месте отрубленной выросла другая голова, изо рта повалил черный дым, а глаза засветились золотистым блеском. Тогда Ночжа отрубил ему и эту голову, но на ее месте выросла новая. Ночжа срубил подряд более десяти голов, но вместо них сразу же вырастали другие. Тогда Ночжа нацепил на рога быка огненное колесо и стал раздувать огонь. Взметнулось сильное пламя. От боли бык начал неистово реветь, мотать головой и колотить хвостом. Он хотел совершить еще какое-нибудь превращение и исчезнуть, но небесный князь Вайсравана навел на него волшебное зеркало. Увидев себя в зеркале, Князь с головой быка замер на месте и стал мычать:

— Не губите мою жизнь! Я от всего сердца выражаю свою покорность Будде и отныне буду во всем повиноваться ему!

— Если тебе дорога жизнь, давай сюда твой волшебный веер, только живо! — приказал Ночжа.

— Веер у моей жены в пещере,— промычал бык,— она его спрятала у себя.

Тогда Ночжа снял с себя аркан, которым ловят и вяжут бесов, сел верхом на быка и, пропустив конец аркана через его ноздрю, затянул петлей. Затем он повел быка к пещере.

Сунь У-кун, четыре хранителя Будды, небесные духи Лю-дин и Лю-цзя, хранители кумирен, князь Вайсравана, небесный полководец по прозванию Величайшая прозорливость, Чжу Ба-цзе и дух земли со своими воинами последовали за ним и вскоре достигли Банановой пещеры.

— Женушка! — позвал бык.— Вынеси сюда веер, спаси мне жизнь!

Лоча, услыхав зов, поспешно сняла с себя все шпильки и кольца, скинула цветные одежды, закрутила волосы как даосская монашка и облачилась в монашескую одежду из черного шелка с белыми отворотами, как бикшуни. Взяв обеими руками волшебный веер из бананового листа, длиной до двух чжан, она вышла из ворот. Увидев перед собой хранителей Будды с небесными полководцами и духами, а также небесного князя Вайсравану с сыном, Лоча бросилась перед ними на колени и стала отбивать земные поклоны.

— Умоляю вас, праведные бодисатвы! — кланяясь, запричитала она,— пощадите нас с мужем. Пусть Сунь У-кун берет этот веер и продолжает свой путь, дабы выполнить священный долг.

Сунь У-кун подошел к Лоче, принял от нее веер, а затем вместе со всеми небожителями и духами вскочил на благодатное облако, и оно помчало их в восточном направлении.

Вернемся теперь к Танскому монаху. Все это время он не знал ни минуты покоя и не находил себе места: то вставал, то садился, с нетерпением ожидая возвращения Сунь У-куна. Но тот все не возвращался, причиняя этим тревогу и беспокойство своему учителю. Наконец Танский монах увидел благодатное облако, сияние которого распространилось по всему небу, а отблеск озарил землю. Облако быстро приближалось, плавно несясь по небу, и вскоре можно было разглядеть на нем всех небесных обитателей.

Танский монах испугался.

— Что это значит, Ша-сэн? К нам приближается небесное воинство!

Ша-сэн сразу же распознал всех сидящих на облаке и ответил:

— Наставник! Я вижу четырех хранителей Будды, Златоглавого повелителя духов, вникающего в суть явлений природы, небесных гонцов Лю-цзя и Лю-дина, духов — хранителей кумирен и других добрых небесных духов, их очень много. Быка держит на привязи наследный сын небесного князя Вайсраваны по имени Ночжа, зеркало в руках у самого небесного князя, старший ученик твой Сунь У-кун несет банановый веер, за

ними я вижу Чжу Ба-цзе, духа земли и еще многих небесных воинов.

Танский монах стал поспешно переодеваться. Надел монашескую шапку, облачился в рясу и пошел навстречу небожителям.

— Какой добродетельный подвиг совершили мои ученики, что все вы соизволили покинуть небесные чертоги и спуститься на грешную землю?! — так начал свое приветствие Танский монах.

— Мы можем поздравить тебя, мудрый и праведный монах,— молвили четыре хранителя Будды,— твой великий подвиг приближается к завершению! Мы получили повеление самого Будды явиться сюда и помочь тебе. Теперь тебе надо спешить в дальнейший путь, чтобы скорей обрести полное совершенство. Нельзя мешкать ни минуты.

Танский монах совершил земной поклон и стал собираться в путь.

Тем временем Сунь У-кун с веером в руках успел приблизиться к Огнедышащей горе и, собрав все силы, махнул на огонь, который сразу же стал угасать, а зарево померкло. Он махнул во второй раз и услышал сильное шипение, а вслед за тем на него подул свежий, прохладный ветер. Сунь У-кун махнул в третий раз: все небо заволокло тучами и заморосил мелкий дождик.

Кстати, приведем здесь стихи, которые могут служить доказательством того, что все так и было на самом деле.

Высокая гора, что пламя извергала,
Дыханием своим уничтожала
Все, что в окрестностях ее лежало,
Не меньше, чем на восемь сотен ли,
И славу грозную себе стяжала
Средь всех живых, и близко и вдали,
Не меньше чем на восемь тысяч ли:
Что было делать путникам усталым,
Когда в течение почти пяти клепсидр *
Коварная гора не прекращала
Своих жестоких, смертоносных игр,
Когда огонь охватывал заставы,
Ломая все дороги и пути,
Ни взад и ни вперед, ни влево, ни направо
Не позволяя путникам идти!
С препятствием, доселе небывалым,
Возможно справиться, владея опахалом,
Чья сила колдовская велика.
А для того пришлось смирить быка,
Потратив хитростей на то и сил немало,
И воинов призвать небесных на подмогу,
Чтоб, укротив огонь, себе открыть дорогу.
Вот веер совершил желаемое чудо,
И гнев огня и гнев быка угас,
Для странников настал победы час,
А бык на привязи пойдет, покуда
Не встанет он пред светлым ликом Будды.

Нет необходимости говорить о том, как был обрадован Танский монах, избавившись от тревог и печали. Желание его исполнилось и сердце успокоилось. Все четыре путника собрались вместе, еще раз поблагодарили хранителей Будды за их милости — и те удалились в свою обитель. Небесные гонцы Лю-дин и Лю-цзя взлетели на небо и последовали за паломниками, охраняя их в пути. Остальные небесные духи рассеялись во все стороны. Небесный князь со своим сыном-наследником повели быка прямо в обитель Будды. У пещеры остались только дух земли и Лоча, которую духу приказано было стеречь.

— Лоча! Ты почему не уходишь? — спросил Сунь У-кун.

Лоча опустилась на колени и сказала:

— Умоляю тебя, Великий Мудрец, прояви свою доброту и верни мне волшебный веер!

— Ах ты, презренная тварь!— прикрикнул на нее Чжу Ба-цзе.— Не знаешь своего места! Тебе жизнь сохранили, а ты все недовольна! Подавай тебе еще и веер! Сама посуди: мы потратили столько сил, чтобы раздобыть эту драгоценность, так неужто отдавать ее? Уж лучше мы продадим веер и на вырученные деньги купим себе разных лакомств... Ступай-ка лучше к себе в пещеру, не то тебя дождем намочит!

Но Лоча снова начала кланяться:

— Великий Мудрец, ты ведь обещал, что, погасив огонь, вернешь мне веер. Теперь поздно раскаиваться в том, что произошло. Мы не оказали тебе должного уважения и поэтому потревожили небесных духов. Ты не думай, мы с мужем тоже понимаем законы справедливости, только пока еще не вступили на истинный путь. Теперь я, наконец, увидела мужа в его настоящем виде, увидела, как его повели на Запад, а потому никогда больше не позволю себе творить зло. Прошу тебя, отдай мне веер, а я начну новую жизнь и буду заниматься самосовершенствованием.

Тут дух земли перебил ее:

— О Великий Мудрец! — сказал он.— Верни ей веер. Она владеет всеми его тайнами и знает, как гасить огонь. Тогда я смогу остаться на этой горе, буду помогать людям, а мне за это будут приносить жертвы. Не откажи в этом благодеянии!

— Я слышал от здешних жителей,— отвечал Сунь У-кун,— что за то время, когда пламя на горе бывает погашено одним взмахом веера, можно вырастить и собрать урожай. Каким же образом навсегда загасить огонь?

— Если хочешь навсегда загасить Огнедышащую гору, то надо сорок девять раз подряд махнуть веером. После этого огонь никогда больше не появится! — сказала Лоча.

Сунь У-кун, выслушав ее, взял веер в руки и стал изо всех сил махать им в направлении вершины горы. После сорок девятого взмаха с неба хлынул ливень прямо в жерло горы. Веер действительно был волшебным: дождь лил только туда, где был огонь, а вокруг стояла ясная безоблачная погода.

Танский монах со своими учениками находился там, где не было огня. Поэтому на них не упало ни единой капли. Так они провели всю ночь, а с наступлением утра привели в порядок коня и поклажу, вернули Лоче ее волшебный веер, причем Сунь У-кун сказал ей:

— Если я не отдам тебе веер, люди станут говорить, что я не хозяин своему слову, и не будут верить мне. Бери свой талисман к себе на гору, но, смотри, не устраивай больше никаких безобразий, помни, что я пощадил тебя и отпустил с миром лишь потому, что ты раскаялась.

Лоча приняла веер, прочла заклинание, и веер сразу сжался у нее в руке, став величиной с листок абрикосового дерева. Она засунула его себе в рот и поклонилась монахам, поблагодарив их. С этого времени она уединилась и стала вести жизнь отшельницы. Впоследствии она достигла перевоплощения, и имя ее увековечено в книгах, описывающих жизнь буддийских святых.

Лоча и дух горы, растроганные до слез милостью Сунь У-куна, пошли провожать паломников. Наконец они распростились, и Танский монах, Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн отправились вперед, ощущая приятную прохладу и ступая по влажной земле.

Когда две крайности соединились *,
То истинное родилось от них начало;
Когда огонь с водою усмирились,
Вражда угасла, ярость замолчала,
Широкая дорога вновь открылась.

Если вас, читатель, интересует когда, через сколько лет, наши путники вернулись в восточные земли, прочитайте следующие главы.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ,

в которой рассказывается о том, как в храме-пагоде было совершено телесное и духовное омовение, как на суд правителя были доставлены связанные черти и как паломники решили совершить еще одно доброе дело

Сто «кэ» * ты должен помышлять о благе,
Чтоб в это время совершнть благое дело:
С такой задачей справншься ты смело...
Но наберешься лн терпенья и отваги,
Чтоб больше сотнн тысяч «кэ» не прекращать
От высыханья охранять жнвую влагу
И жар огня могучнй усмнрять?
Вода с огнем уж более не в ссоре,
Не гнев являют свой теперь, а милость.
Пять снл природы * меж собой не спорят,
И в цепь одну они соеднннлнсь;
И темное н светлое начало
Прнведены в достойное согласье,
Исчезло все, что странннкам мешало,
И снова перед ннми расстелилнсь
Путн-дорогн к истинному счастью.

Этот стих, который поется на мотив «Линцзянсян»*, мы привели здесь к тому, чтобы напомнить вам, как Танский монах и его ученики привели в гармонию силы воды и огня, благодаря чему вокруг распространились свежесть и прохлада. При помощи волшебного веера была потушена Огнедышащая гора, и вскоре путники миновали пространство в восемьсот ли, где еще совсем недавно бушевало пламя. Весело и беззаботно наставник и его ученики пустились в дальнейший путь на Запад.

Осень была на исходе, начиналась зима, и путники чувствовали ее приближение.

Вот послушайте:

С астр отцветающих уж лепестки облетают,
Нежные почки набухли на веточках сливы,
Вкусной похлебкою жены мужей угощают,
Что ни деревня, везде урожай убирают,
А в урожае — награда для трудолюбивых.
Листья опали с деревьев в дубравах равнинных,
Даль прояснилась, и словно приблизились горы...
Берег ручья покрывает серебряный иней,
Первый предвестник зимы, привлекающий взоры,
В воздухе гулко разносится звон колокольный,
В час предвечерний звучащий прощальным приветом.
Радуга скрылась, но ищешь ты в небе невольно
Яркий убор ее, что тебя радовал летом.
Водной стихии могущество видно повсюду,
С днями погожими, теплыми, жаль расставаться:
Все воспаренья земные таятся под спудом,
Все излученья небесные к небу стремятся...
Царство луны наступает в просторах Вселенной,
Лед одевает в наряд свой пруды и озера,
Гордые сосны от холода жмутся смиренно —
Осень проходит, заменит зима ее скоро.

Путники шли довольно долго и, наконец, в один прекрасный день увидели впереди город. Танский монах придержал коня и обратился к Сунь У-куну:

— Ты только взгляни, какие там высятся строения! — воскликнул он.— Что это за место? Хотелось бы узнать!

Сунь У-кун вытянул шею и стал пристально вглядываться вдаль. Это действительно был город. И выглядел он настолько необычно, что лучше его описать в стихах.

Как тигр, притаившийся в засаде,
Или свернувшийся клубком дракон,
Лежал он в каменной своей ограде,
Обрывами крутыми окружен.
Вознесшийся поверх орлиных гнезд,
И, захватив владенья небосклона,
Он, кровлями почти касаясь звезд,
Был озарен их светом благосклонным.
Хранила неприступная вершина
Красу его, как некий клад старинный.
Быть может, то небесная столица,
Твердыня царства в десять тысяч ли,
У неба отняла его границы
И, гордая, раскинулась вдали.
Быть может, те чудесные чертоги,
Сиявшие, как десять тысяч лун,
И были славные в столетьях многих,
Заветные чертоги Вэйянгун *.
Но кем бы ни был город тот построен,
Что перед взором путников предстал,
Он роскошью своею был достоин
Восторга, подражанья и похвал.
Подметены мощеные дороги,
Блистают чистотой ступени и пороги,
Благоухают дивные сады,
Цветы, что и зимой не увядают,

С листвой, что никогда не облетает,
Посажены в красивые ряды.
На высоко воздвигнутом помосте
Мудрейшие правители страны
Изваяны из яшмы, бронзы, кости
И в ярких красках изображены.
Мосты, колонны, стены из нефрита
Резными украшеньями покрыты.
Доносится неугомонный шум
И слышатся веселый гам и пенье
В домах семейных и домах питейных —
Здесь скука никому нейдет на ум:
Воистину во все века и времена
Сей город был и славный и великий;
На зов его достойного владыки
Покорные сходились племена,
К нему стекались гости издалече,
Как реки к морю синему текут,
И каждый был добросердечно встречен,
Здесь обретая милость и приют.

— Наставник! — ответил Сунь У-кун.— Это действительно город и в нем находится дворец правителя царства.

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

— С чего это ты взял, что здесь живет правитель?

— У нас в Поднебесной в каждой области и в каждом уезде есть своя столица...

— Да где тебе знать, что резиденция правителя совершенно не то, что областной или уездный город,— едко ответил Сунь У-кун.— Ты погляди, одних ворот здесь более десяти, а в окружности город не менее ста с лишним ли. Смотри, какие высокие здания, а их крыши теряются в облаках. Если бы это не была резиденция, никакой пышности или величия ты бы здесь не увидел.

Тут Ша-сэн не выдержал:

— Братец! — с нарочитой вежливостью, вкрадчиво произнес он.— Ты всегда отличался проницательностью и зоркостью. Не скажешь ли нам, как называется этот город?

— Я не вижу ни надписей, ни стягов, на которых было бы обозначено название города, — нашелся Сунь У-кун. — Откуда мне знать, как он называется? Надо отправиться туда и расспросить у жителей: тогда мы и узнаем, как он называется.

Танский монах, услышав это, подстегнул коня, и вскоре путники достигли городских ворот. Сюань-цзан спешился, прошел по мосту через крепостной ров и вошел в ворота. Его спутники следовали за ним. На улицах города было оживленно, шла бойкая торговля. Чего здесь только не было! По улицам ходили люди в роскошных головных уборах и одеждах, с виду богатые.

И вот продвигаясь вперед в этой нарядной толпе, наши путники вдруг увидели человек десять монахов. В рубищах, с колодками на шее, они шли, скованные между собой длинной цепью. Монахи переходили от дома к дому, прося подаяний.

Глядя на этих несчастных, Танский монах стал громко вздыхать:

— Как не пожалеть товарищей в беде,— сокрушенно произнес он и обратился к Сунь У-куну: — Подойди, расспроси, за что их наказали.

Сунь У-кун беспрекословно повиновался.

— Эй, братья-монахи! — крикнул он, подходя к ним.— Из какого вы монастыря и за что вас заковали в колодки?

Монахи разом опустились на колени и, отбивая поклоны, отвечали:

— Господин хороший! Мы невинно пострадавшие бедные монахи из монастыря Золотое сияние...

— А где находится ваш монастырь?

— Здесь, за углом, совсем близко.

Сунь У-кун привел монахов к наставнику, и Танский монах ласковым голосом обратился к ним:

— Братья! Расскажите же мне, за что вас так обидели.

Монахи переглянулись, а один из них сказал:

— Господин! Мы не знаем, кто вы и откуда пришли, но лицо ваше кажется нам знакомым. Здесь говорить опасно, давайте пойдем к нам в монастырь, и мы поделимся с вами нашим горем.

— Ну что же,— отвечал Танский монах.— Ведите нас к себе в монастырь! — Пойдем и узнаем обо всем,— добавил он, обращаясь к своим ученикам.

Вскоре они подошли к воротам монастыря, над которыми висела вывеска с семью золотыми иероглифами: «Возведенный по царскому указу монастырь Золотое сияние».

Наставник и его ученики вошли в ворота монастыря, и глазам их представилась неприглядная картина:

Давно уж опустел чудесный храм:
То не благоуханный фимиам
Под сводами старинными струнтся,
То ветерок, пробившись в щели, мчится
И развевает пыль по сторонам.
Своею кровлей, некогда узорной,
Пусть пагода восходит к облакам,
Но двор ее порос травою сорной,
Святилище не привлекает взоров,
Никто не молится, никто не служит там.
Войдя в него, пойдешь не по коврам,
А по шуршащему покрову листьев мертвых.
Повисла паутина по углам,
На росписях поблекших распростерта.
Сколь ни ходи по внутренним дворам —
Повсюду мрак, унынье, оскуденье,
Не слышно ни молитв, ни песнопений,
Лишь только птиц неугомонный гам.
Пуста курильница пред изваяньем Будды,
Расхищены священные сосуды,
И все открыто четырем ветрам.

К горлу Танского монаха подступили слезы и неудержимым потоком полились из глаз. Тем временем монахи открыли двери храма, упираясь в них своими колодками, и предложили Танскому монаху поклониться изваянию Будды.

Сюань-цзан вошел в храм, мысленно воскурил фимиам перед Буддой и сразу же вышел во двор. У столбов, поддерживающих крышу храма, он увидел еще нескольких подростков-монахов, тоже скованных цепью. Этого Сюань-цзан уже не мог вынести и направился к настоятелю монастыря. Там уже собрались все монахи и встретили наших путников поклонами и расспросами:

— Почему это у вас разная наружность? — заинтересовался один из монахов.— Уж очень вы не похожи друг на друга. Неужто вы все из великого Танского государства, находящегося в восточных землях?

Сунь У-кун рассмеялся.

— Каким образом ты узнал, что мы из восточных земель? Ты обладаешь волшебным способом угадывания? — сквозь смех спросил он и, не дожидаясь ответа, сказал: — Да! Мы из восточных земель. Но, скажи нам, как ты об этом узнал?

— Господин! — отвечали монахи.— Какие могут быть у нас волшебные способы? Все очень просто: мы незаслуженно обижены и нам некому доказать свою правоту. Целыми днями мы ходим по городу, собирая подаяния и горько жалуясь на свою судьбу. Должно быть, эти жалобы тронули духов, так как вчера ночью мы все видели один и тот же сон. Нам приснилось, что явится Танский праведный монах из восточных земель, который спасет нас, и мы сможем рассказать ему о наших обидах. И вот сегодня, когда ты появился, глядя на твой необычный вид и одеяние, мы поняли, что ты и есть праведный монах из восточных земель.

Эти слова очень обрадовали Танского монаха.

— Скажите мне, что это за край,— спросил Сюань-цзан,— и за что вас здесь обидели?

Монахи опустились на колени и один из них начал жаловаться:

— Господин! Этот город — столица государства Цзисай — один из крупных городов в западных странах. В свое время варвары со всех сторон являлись сюда и приносили дары. С юга приходили послы из государства Юето, с севера — из государства Гаочан, с востока — из Силян, с запада — из Вэньбо. Ежегодно сюда привозили несметное количество самой лучшей яшмы и белого жемчуга, красавиц и резвых коней, причем все эти дары приносились добровольно, из чувства уважения к государству Цзисай, которое никогда ни с кем не воевало и никого не приводило в покорность.

— Видимо,— заметил Танский монах,— правитель этого государства был человеком высокой добродетели, а его граждан-

ские и военные сановники отличались мудростью и добросердечностью.

— Нельзя сказать, что гражданские сановники были очень мудры, а военные — добросердечны. Да и сам правитель не отличался высокой добродетелью. Дело в том, что священная пагода в нашем монастыре Золотое сияние издавна излучала дивное сияние, которое возносилось высоко в небо и по ночам было видно на расстоянии десятков тысяч ли, а днем окрашивалось в разные цвета радуги и озаряло даже соседние государства. Жители этих государств были уверены, что наш город священный, и все варвары являлись сюда с дарами. Но вот три года тому назад в день новолуния, в самом начале осени, ровно в полночь вдруг хлынул кровавый дождь. Когда рассвело, все жители были в страшном испуге и печали. Сановники доложили правителю государства, что, по их мнению, небесный владыка неизвестно за что прогневался и ниспослал кару. Тотчас же были приглашены все ученые маги-даосы для устройства молений, а буддийским монахам было велено читать сутры, чтобы задобрить духов Неба и Земли. Пагода, излучающая сияние, потускнела и с тех пор вот уже два года никто не привозит даров. Наш правитель хотел было пойти войной на соседей, однако сановники все в один голос отговорили его и оклеветали нас. Они сказали, будто это мы, монахи, украли золото, которым была покрыта пагода, она перестала сиять, а потому соседние страны отказались приносить дары. Неразумный правитель наш, не разобравшись, в чем дело, поверил злым сановникам: нас схватили и всячески пытали, требуя признания. В нашем монастыре было три поколения монахов. Старшие два не выдержали пыток и погибли; теперь принялись за наше поколение: нас допрашивают и держат в колодках. Будь над нами судьей, отец наш! Посуди сам: неужели мы осмелились бы похитить золотую кровлю пагоды? Умоляем тебя, сжалься над нами, прояви свою доброту и сострадание и своей волшебной силой спаси нам жизнь, мы ведь тоже монахи, такие же, как и ты.

Танский монах слушал, участливо кивая головой, а затем со вздохом сказал:

— В этом деле очень трудно разобраться. Я думаю, что ваш правитель отошел от добродетельного образа правления, а вас самих постигла кара за грехи. Но почему вы сразу же, на другой день, не сообщили вашему правителю, что пагода потускнела от кровавого дождя? Вот и навлекли на себя беду.

— Отец наш! Мы ведь простые смертные! Нам и в голову не приходило, что небо, ниспослав этот дождь, изъявило нам свою волю. Даже старые монахи и то не поняли этого. Как же мы, младшие, могли разобраться!

— Который сейчас час, Сунь У-кун? — спросил Танский монах.

— По-моему, около часа «шэнь»,— отвечал тот.

— Мне бы хотелось поспеть на прием к правителю и лично попросить его выдать нам подорожную, только вот не знаю, как быть с этими несчастными монахами. Пока дело не выяснится, нельзя даже слова вымолвить в их защиту. Когда я, отправляясь на Запад, покидал нашу столицу Чанъань, то дал обет в монастыре Преддверие буддийских Истин возжигать во всех буддийских храмах фимиам, поклоняться изваянию Будды во всех буддийских монастырях и наводить чистоту во всех буддийских пагодах, которые мне встретятся на пути. И вот сейчас нам попались несчастные собратья — монахи, которые незаслуженно терпят тяжкие мучения из-за потускневшей пагоды. Раздобудь-ка мне новенький веник, а я пока обмоюсь, а затем пойду чистить пагоду. Надо выяснить, почему она перестала излучать сияние, тогда мне легче будет доложить об этом деле здешнему правителю и избавить несчастных монахов от незаслуженной кары.

Монахи, которые жадно ловили каждое слово Танского монаха, поспешили на кухню и вернулись с большим тесаком, который был передан Чжу Ба-цзе:

— Отец наш! — обратился к нему один из монахов.— Разруби этим тесаком цепь у столба кумирни, к которой прикованы молодые монахи, и освободи их. Тогда они смогут приготовить вам еду и помогут вашему наставнику обмыться. А мы пока сходим на базар и выпросим веник для вашего наставника.

— Да разве трудно расковать цепь? — смеясь, спросил Чжу Ба-цзе.— Никакого тесака не потребуется. Надо только попросить вон того монаха с волосатым лицом. Он — старый мастер открывать замки и расковывать цепи!

Сунь У-кун и в самом деле подошел к тому месту, где были прикованы монахи, и пустил в ход свои чары. Не успел он коснуться рукой цепи, как она сразу же упала. Освободившись, монахи бегом помчались в кухню, вычистили очаг и котел и стали готовить еду и чай.

Когда Сюань-цзан и его ученики поели, уже стало смеркаться. В это время появились монахи с двумя новыми вениками. Сюань-цзан очень обрадовался и только было начал с ними разговаривать, как вбежал послушник, зажег фонарь и попросил Танского монаха пойти обмыться. В это время на небе уже появились звезды и ярко светила луна. На часовой башне ударили в барабаны, отбивая часы ночной стражи.

Вот что рассказывается об этом в стихах:

Повеяло с полей прохладой славной,
Как будто в праздник, все дома в огнях,
Но жители захлопывают ставни,
Засовы задвигают на дверях.
Замкнулись и базарные ворота,
Рыбачьи лодки к пристани пришли...
Вот слышно — кличет женщина кого-то,
И кто-то отвечает ей вдали...

Вернулись с поздней пахоты быки,
Стреножены веревкою короткой...
За ставнями мерцают огоньки —
И школьники твердят свои уроки.

Закончив омовение, Танский монах надел рубаху с короткими рукавами, подпоясался шнуром, обулся в мягкие туфли, которые носят старцы, вооружился новым веником и обратился ко всей монашеской братии с такими словами:

— Идите спать и спите спокойно; я почищу пагоду и приду к вам.

— А что, если я пойду с вами, наставник? — попросил Сунь У-кун.— Пагода полита кровавым дождем, кроме того, в ней давно не зажигались священные светильники, поэтому могла завестись разная нечисть. К тому же ночь сегодня безоблачная и ветер холодный, одному вам будет тревожно и жутко.

— Вот и отлично! — обрадовался Танский монах, охотно приняв предложение Сунь У-куна.

После этого они оба, неся веники, направились к пагоде. Сперва они вошли в главное здание и зажгли глазурные светильники. Танский монах воскурил фимиам и, совершая поклоны перед изваянием Будды, произнес:

— Я, твой скромный последователь Чэнь Сюань-цзан, получил повеление государя великого Танского государства в восточных землях направиться к священной горе Линшань, предстать перед живым Буддой Татагатой и попросить у него священные книги. Ныне я достиг государства Цзисай и нахожусь в сем монастыре, именуемом Золотое сияние. Здешние монахи рассказали мне, что пагода сия осквернена грязью и ее сияние померкло, а правитель страны заподозрил монахов в том, будто они украли золотую кровлю пагоды, и наложил на них тяжкое наказание. Трудно теперь разобраться, где правда. Я, твой верный ученик, со всей искренностью явился сюда, в эту пагоду, чтобы очистить ее от грязи, и умоляю тебя, великий мой Будда, не откажи мне в прозрении, чтобы я смог узнать причину осквернения пагоды, не допусти того, чтобы простые смертные невинно страдали и мучились.

Закончив эту молитву, Танский монах вместе с Сунь У-куном открыл дверь, ведущую на лестницу, и начал подметать, переходя с нижних ярусов на верхние.

Вот что сказано об этой пагоде в стихах:

Столь высоко ее здание вознесено,
Что утопает оно в небосклоне лазурном;
Истинно ей надлежащее имя дано —
«Гордая башня из пятицветной глазури».
Вверх поднялся ты, и словно из темной норы
Вырвался — ввысь твои мысли и чувства стремятся,
Словно стоишь на вершине священной горы *,
Той, где нетленного Будды частицы хранятся.

Как драгоценный сосуд, отражает сиянье луны
Пагода эта и звезд отдаленных мерцанье.
С кровли узорной ее чудеса мирозданья,
Ход облаков и рождение солнца видны.
А колокольцев ее золотой перезвон
Слышен в селеньях, лежащих у дальних предгорий,
Звон их прелестный и чистый недаром рожден
Ветром, сюда долетающим с теплого моря.
Глянешь окрест — и поверхность огромной земли
Видишь впервые, как будто на ней ты и не был,
Видишь просторы земные на тысячи ли,
Словно живым ты взошел на девятое небо.
Жаль, что покинут людьми удивительный храм,
Мудрыми зодчими осуществленное чудо,
Что не возносится, мирно струясь, фимиам,
Пред изваяньем священным великого Будды.
Что поломались решетки искусной резьбы
И потускнели от грязи лепные узоры,
Чаши, светильники, трона витые столбы
Скрыты увядшими листьями, пеплом и сором.
Что запустенье и сумрак, везде воцарясь,
Все благолепье былое собой заменили,
И что под слоем густым паутины и пыли
Ждет оно лучших времен, до поры затаясь.
Приняли много безвинно страданий и мук
Жители пагоды, чье светозарное свойство
Вдруг прекратилось; но вот устранить неустройство
Взялся Сюань-цзан, и тотчас принялся он за дело,
Чтоб омраченная пагода вновь просветлела.

Выметая сор, ярус за ярусом, Танский монах ко времени второй ночной стражи * добрался до седьмого яруса. Он уже начал испытывать усталость.

— Отдохните, устали ведь! — сказал Сунь У-кун.— Дайте, я немного помету!

— Сколько же всего ярусов в этой пагоде? — спросил Танский монах.

— Пожалуй, все тринадцать,— отвечал Сунь У-кун.

Превозмогая усталость, Танский монах твердо заявил:

— Нет, я должен сам все сделать, только так я выполню свой обет!

Он подмел еще три яруса, но тут поясница и ноги у него так заныли, что он вынужден был остановиться и сесть на пол.

— Ничего не поделаешь, придется просить тебя подмести остальные три яруса,— сказал он, обращаясь к Сунь У-куну.

Сунь У-кун приосанился и полез на одиннадцатый ярус. Вскоре он уже был на двенадцатом. Он вошел во вкус и работал, можно сказать, с остервенением. Вдруг с вершины башни до него донеслись голоса. «Странно, очень странно! — подумал он.— Сейчас, должно быть, уже третья стража *, кто же в такую пору может разговаривать на крыше пагоды? Не иначе, как снова какая-то нечисть. Пойду погляжу!»

И вот наш прекрасный Сунь У-кун, тихонько ступая и держа под мышкой веник, подобрал полы одежды и, подкравшись к дверям, стал всматриваться через отверстие. Посередине тринадцатого яруса лицом друг к другу сидели два оборотня. Перед ними стояли тарелка с едой, чашка и чайник. Оборотни играли в цайцюань *. Проигравший пил штрафную. Сунь У-кун решил воспользоваться своими чарами, чтобы изловить их. Он отбросил веник, в руках у него появился железный посох с золотыми обручами. Держа его наготове, он заслонил выход и крикнул:

— Ну и хороши, черти проклятые. Так вот, оказывается, кто похитил богатства этой пагоды!

Оборотни опешили. Они вскочили на ноги и запустили в Сунь У-куна тарелку, чашку и чайник. Но тот отбил все это своим посохом и пригрозил:

— Если я убью вас здесь, некому будет давать показания на суде! — С этими словами он прижал оборотней концом своего посоха к стене пагоды с такой силой, что они даже пошевельнуться не смогли, будто вросли в нее.

— Пощади, пощади! — едва слышно молили они.— Мы здесь ни при чем, но мы знаем, кто похитил богатство пагоды.

Тут Сунь У-кун прибег к волшебному приему поимки и, одной рукой ухватив обоих оборотней, поволок их на десятый ярус к Танскому монаху.

— Наставник! — доложил он.— Я поймал разбойников, которые ограбили пагоду.

Танский монах только было начал дремать, но, услышав эти слова, сразу очнулся и обрадовался.

— Где же ты их изловил?

Сунь У-кун подвел оборотней ближе и заставил их встать на колени.

— Я их поймал на последнем, тринадцатом, ярусе,— сказал он.— Они там играли в цайцюань на выпивку. Я услышал, как они выкрикивали и шумели, выскочил на самую вершину пагоды и там изловил их без всяких усилий. Я мог убить их одним ударом моего посоха, но побоялся, что некому будет давать показания, а потому поймал их и живыми доставил сюда. Наставник! Вы можете допросить их, узнать, как они попали сюда и где находятся украденные богатства.

Оборотни, стоя на коленях, дрожали от страха и молили: «Пощадите!»

Затем они чистосердечно покаялись:

— Мы присланы сюда караулить пагоду царем драконов Вань-шэном с озера Лазоревые волны, что расположено на горе Каменный хаос. Моего приятеля зовут Бэньборба, а меня — Баборбэнь. Он оборотень сома, а я — угря. У моего повелителя, царя драконов, есть дочь, царевна Вань-шэн. Она прекрасна, как цветок, и свежа, как луна. Обладает всеми люд-

скими талантами в двойной мере. Ей нашелся достойный жених, которого взяли в дом царским зятем. Зовут его Девятиголовым. Он обладает огромной волшебной силой. В позапрошлом году он явился сюда со своим тестем — царем драконов и напустил на весь город кровавый дождь, от которого потускнела пагода. После этого им удалось выкрасть пепел Будды, который здесь хранился. Между тем самой царевне удалось пробраться в высшее небо, где она украла у матери небесного царя чудесное грибовидное растение с девятью отростками, которое выращивает теперь на дне озера в своем дворце. Ныне этот дворец и днем и ночью излучает золотое сияние, которое играет всеми цветами радуги. Совсем недавно прошел слух, что какой-то Сунь У-кун направляется на Запад за священными книгами. Про него рассказывают, будто он владеет великой волшебной силой. На всем пути он следит за тем, где кто провинился, и никому не дает спуску. Вот нас и отрядили сюда следить и разведывать, где он находится, и в случае его появления немедленно сообщить, чтобы можно было принять необходимые меры!

При этих словах Сунь У-кун зло усмехнулся:

— До чего же эти выродки и скоты бесцеремонны! Так вот, оказывается, почему они пригласили Князя с головой быка на пирушку! Они хотели укрепить с ним дружбу, чтобы вместе заниматься своими грязными делишками.

Не успел он договорить, как показался Чжу Ба-цзе и с ним три молодых монаха. Все они поспешно поднялись на башню, неся два фонаря.

— Учитель,— сказал Чжу Ба-цзе, подходя к Танскому монаху.— Что ты тут делаешь? Пагода убрана, и я думаю, что пора отправляться на покой.

— Ты пришел очень кстати,— вмешался Сунь-У-кун,— оказывается, все драгоценности этой пагоды украл царь драконов Вань-шэн. А этих двух оборотней, которых я только что изловил, он выслал сторожить пагоду и разузнать, когда мы здесь появимся.

— Как их зовут? И что это за оборотни? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Они все сами рассказали нашему наставнику. Одного зовут Бэньборба, а другого Баборбэнь. Один — оборотень сома, а другой — угря.

Тут Чжу Ба-цзе выхватил свои грабли и бросился на оборотней:

— Раз они оборотни и во всем признались, надо убить их — и все! Чего еще ждать? — крикнул он.

Но Сунь У-кун остановил его:

— Погоди! Ты еще всего не знаешь. Оставь их, пусть живут себе пока. Теперь мы сможем явиться к здешнему правителю и говорить с ним. А оборотни пригодятся нам. Они помогут найти сокровище пагоды.

Тогда Чжу Ба-цзе убрал свои грабли, и все они стали спускаться вниз, таща за шиворот оборотней, которые всю дорогу вопили: «Пощадите! Пощадите!»

— Эх, до чего же хочется поесть сома! — смеялся Чжу Ба-цзе.— А из угря можно бы наварить ухи и накормить всех невинно пострадавших монахов!

Молодые монахи тоже были очень довольны и радостно хихикали. Они вели Танского монаха под руки, освещая ему дорогу фонарем. Один из них побежал вперед сообщить всем остальным радостную весть.

— Все в порядке! Все в порядке! — кричал он.— Теперь для нас опять воссияет солнце. Только что наши спасители изловили чертей, похитивших наше сокровище.

— Несите сюда проволоку,— скомандовал Сунь У-кун.— Мы сейчас проденем ее через ключицы оборотней и привяжем их здесь, а вы их как следует стерегите. Сейчас мы ляжем спать, а завтра решим, как поступить.

Монахи, разумеется, стали сторожить чертей и дали возможность Танскому монаху и его спутникам как следует выспаться.

Незаметно наступил рассвет. Танский монах проснулся и сказал:

— Я пойду с Сунь У-куном во дворец, чтобы обменять подорожное свидетельство, и скоро вернусь.

Сюань-цзан облачился в свою парадную рясу, расшитую парчой, надел шапку, приосанился и направился во дворец. Сунь У-кун тоже привел в порядок свое одеяние, набедренную повязку из тигровой шкуры и холщовый халат, достал подорожное свидетельство и отправился вслед за наставником.

— Отчего же вы не берете с собой этих оборотней? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Погоди, мы сперва доложим о себе, а за этими двумя пришлют стражников, чтобы доставить их на суд! — отвечал на ходу Сунь У-кун.

Вся дорога до самых дворцовых ворот была застроена величавыми постройками и дворцами, украшенными красными птицами и желтыми драконами.

Дойдя до восточных ворот главного дворца, Танский монах вежливо поклонился начальнику караульной стражи и обратился к нему с такими словами:

— Осмелюсь побеспокоить тебя, господин мой, просьбой. Передай, пожалуйста, правителю, что я хочу его лично повидать и попросить засвидетельствовать мое проходное свидетельство. Я, бедный монах, из великого Танского государства в восточных землях и по повелению моего императора иду за священными книгами.

Начальник стражи отправился докладывать правителю и, приблизившись к трону, сказал:

— У ворот дворца стоят два монаха. Они совершенно непохожи на наших. Говорят, что явились с материка Джамбудвипа, где находится Танское государство, и идут на Запад за священными книгами по велению самого Танского императора. Они хотят лично повидать тебя, мой царь и повелитель, чтобы ты им засвидетельствовал проходное свидетельство.

Правитель выслушал его и велел ввести монахов.

Наставник повел за собой Сунь У-куна ко двору. Все гражданские и военные чины пришли в ужас при виде Сунь У-куна. Одни говорили, что это обезьяна в образе монаха, другие находили, что он точь-в-точь похож на бога Грома. У всех бегали мурашки по спине и никто не осмеливался подолгу рассматривать Сунь У-куна. Сюань-цзан подошел к ступенькам трона и совершил церемонный поклон, а Сунь У-кун отошел в сторону, скрестил руки на груди и даже не пошевельнулся.

Танский монах обратился к правителю царства Цзисай:

— Я, бедный монах,— начал он,— явился сюда с южного материка Джамбудвипа, на котором расположено государство моего повелителя, Танского императора. Он послал меня на Запад в страну Индию, чтобы я предстал перед Буддой в его храме Раскатов грома, поклонился ему и попросил у него священные книги. Путь мой лежит через твое уважаемое государство, но я не смею пройти его самовольно. У меня есть при себе проходное свидетельство, которое прошу тебя засвидетельствовать и разрешить мне продолжить путь.

Правитель с радостью выслушал Танского монаха, велел провести его в парадный зал с золотыми колокольцами и усадил в кресло, расшитое дорогими вышивками. Войдя в зал, Танский монах обеими руками вручил проходное свидетельство правителю, после чего поблагодарил его за милость и лишь теперь решился сесть в присутствии государя.

Правитель ознакомился с проходным свидетельством и очень обрадовался.

— Когда твой правитель, государь великого Танского царства, тяжело заболел, ему посчастливилось найти тебя, высокочтимого монаха, который не испугался трудностей далекого пути и смело отправился на поклон к Будде за священными книгами. А вот у меня здесь монахи — негодяи и разбойники: только и помышляют о том, как бы погубить государство и свалить с трона своего повелителя.

При этих словах Танский монах молитвенно сложил руки и воскликнул:

— Откуда же тебе известно, что у твоих монахов столь преступные помыслы?

— Представь себе, что это так! — отвечал правитель.— Должен тебе сказать, что мое царство раньше занимало первое место среди всех прочих государств в западных землях. Сюда постоянно ездили чужеземцы из разных стран с богатыми дарами. И все наше благополучие зиждилось на монастыре Золотое сияние, вернее, на его замечательной пагоде с золотой кровлей. Она днем и ночью излучала дивное сияние, разноцветными лучами возносившееся к небу. Но вот совсем недавно разбойники-монахи этого монастыря тайком похитили все сокровища пагоды, и уже третий год как пагода потускнела и не излучает дивного сияния. Поэтому чужеземцы перестали являться сюда со своими приношениями. Ух, и зол же я на этих монахов!

Танский монах снова сложил ладони рук и сказал:

— Желаю тебе многих лет царствования! Но позволь мне напомнить тебе мудрое изречение: «Незначительная ошибка может привести к серьезному заблуждению»! Я, бедный монах, вчера поздно вечером прибыл в твою благословенную страну и как только вошел в ворота, увидел целую толпу жалких монахов, их было более десяти человек,— все с колодками на шее. Я спросил их, за что они наказаны, и монахи рассказали мне, что живут в монастыре Золотое сияние и страдают совершенно невинно. Я отправился к ним в монастырь, тщательно все проверил и убедился, что эти бедные монахи действительно ни в чем не повинны. Ночью я занялся уборкой пагоды, и мне удалось изловить тех чертей-разбойников, которые похитили все сокровища пагоды.

Правитель государства очень обрадовался.

— Где же эти разбойники? — живо спросил он.

— Они связаны и находятся в монастыре,— отвечал Танский монах.

Правитель тотчас же велел выдать золотую табличку, на которой был приказ:

«Немедленно повелеваю страже отправиться в монастырь Золотое сияние, взять чертей-разбойников, привязанных проволокой, и доставить сюда для допроса».

Тогда Танский монах снова заговорил:

— Желаю тебе десять тысяч лет царствовать! — начал он.— Прошу тебя послать с ними и моего ученика: так будет более надежно.

— А где твой ученик? — спросил повелитель.

Танский монах указал на Сунь У-куна:

— Вон стоит в стороне, у яшмовой лестницы.

Повелитель взглянул на Сунь У-куна и в сильном испуге произнес:

— Как же это у тебя, благообразного монаха, такой страшный ученик?

Сунь У-кун услышал эти слова и громко ответил:

— Ваше величество! Нельзя судить о человеке по его на-

ружности, так же как глубину моря нельзя измерить ведрами! Хотел бы я посмотреть, как благообразные, которые вам так нравятся, изловили бы чертей-разбойников?

Тут правитель успокоился и повеселел:

— Ты совершенно прав,— сказал он,— для меня важнее всего изловить похитителей и вернуть драгоценности пагоды, а у кого какой вид — мне безразлично.

После этого он велел подать придворный паланкин, приказал страже усадить туда со всякими почестями ученика Танского монаха и отправиться вместе с ним за разбойниками.

Большой придворный паланкин был подан моментально вместе с огромным желтым зонтом. Начальник стражи отрядил почетную стражу из старших и средних чинов дворцовой охраны; восемь носильщиков подняли паланкин с Сунь У-куном, а восемь сменных носильщиков побежали рядом, прокладывая путь в толпе зевак и разгоняя их грозными окриками. Процессия проследовала прямо в монастырь Золотое сияние. Весь город встревожился, и улицы были запружены народом: всем хотелось поглядеть на диковинного монаха и чертей-разбойников.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн услышали крики охраны, разгонявшей толпу, и решили, что за ними едут гонцы от правителя государства. Они поспешили навстречу, но оказалось, что это прибыл Сунь У-кун, восседая в придворном паланкине. Дурень Чжу Ба-цзе не удержался и прыснул со смеху.

— Братец! — насилу проговорил он, задыхаясь от смеха.— Наконец-то ты в своем настоящем облике.

Сунь У-кун слез с паланкина, опираясь на Чжу Ба-цзе, и строгим тоном спросил его:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну как же? — продолжал смеяться Чжу Ба-цзе.— Тебя несли сюда под желтым зонтом в роскошном паланкине восемь носильщиков. Разве это не царские почести? Вот почему я и сказал, что ты предстал в своем настоящем виде.

— Ну, полно тебе смеяться,— строго осадил его Сунь У-кун.

Затем он отвязал обоих оборотней и передал их страже.

Тут Ша-сэн обратился к Сунь У-куну с просьбой:

— Братец, ты и меня взял бы с собой во дворец! Возьми, а?

— Нет, оставайся лучше здесь и стереги нашу поклажу и коня,— отвечал Сунь У-кун.

Но монахи поддержали Ша-сэна:

— Ступайте все вместе, почтенные монахи! — заговорили они.— Пусть вас облагодетельствует наш повелитель. А мы тут за всем присмотрим и сбережем все в полной сохранности!

— Ну, раз так,— сказал Сунь У-кун,— пойдемте все вместе к повелителю и попросим его освободить вас.

Чжу Ба-цзе схватил за шиворот одного оборотня, Ша-сэн — другого, Великий Мудрец Сунь У-кун сел в паланкин, и эта необычная процессия направилась во дворец.

Вскоре они достигли яшмовых ступеней трона, и Сунь У-кун доложил правителю:

— По вашему повелению разбойники доставлены во дворец.

Правитель сошел с трона и в сопровождении Танского монаха, а также своей многочисленной свиты из гражданских и военных чинов вышел поглядеть на оборотней. Один из них был с острой свирепой мордой, черной спиной и острыми клыками, а другой — толстобрюхий, гладкий, с огромным ртом и длинными ушами.

Хотя у них были ноги, и они могли передвигаться на них, но по всему было видно, что это не люди.

— Откуда вы взялись, разбойники? — спросил их повелитель. — Где ваше пристанище? Давно ли занимаетесь грабежом в моем царстве? В каком году похитили сокровища моей пагоды? Сколько вас всех в вашей шайке? Как зовут? Отвечайте на все без утайки!

Оборотни опустились на колени перед повелителем. У каждого из них из шеи сочилась кровь, но они, видимо, не ощущали никакой боли.

— Три года тому назад, — начали рассказывать оборотни, — в первый день седьмого месяца появился недалеко отсюда, примерно в ста десяти ли, царь драконов по прозванию Мудрейший, который поселился в этом государстве, в юго-восточной окраине, со всеми своими многочисленными сородичами. Там есть озеро, которое зовется Лазоревые волны. Оно расположено на горе Каменный хаос. У царя драконов есть дочь необыкновенной красоты, которая пленяет всех. Ей подыскали жениха, и он вошел зятем в дом царя драконов. Зовут его Девятиголовый. Нет равных ему в различных чарах и волшебствах. И вот, узнав про чудеса твоей драгоценной пагоды, он вместе со своим тестем, царем драконов, ограбил ее. Сперва они напустили кровавый дождь, а потом уже выкрали из пагоды пепел Будды. Сокровища пагоды хранятся теперь во дворце царя драконов, а царевне к тому же удалось выкрасть у матери небесного владыки грибовидное растение, которое она выращивает на дне озера. Мы сами — мелкие сошки и состоим на службе у царя драконов. Он послал нас сюда на разведку. Сегодня ночью нас схватили. Вот все, что мы можем показать; и это сущая правда!

— А почему вы скрываете свои имена? — спросил правитель.

Один из оборотней отвечал:

— Меня зовут Бэньборба, а его Баборбэнь. Я оборотень сома, а он — угря.

После этого правитель приказал стражникам отвести оборотней в тюрьму и издал указ, в котором говорилось:

«Помиловать монахов монастыря Золотое сияние и снять

с них колодки и цепи. Велеть стольничьему приказу устроить пиршество во дворце Цилиня в честь благочестивых монахов, изловивших разбойников. Предлагаю всем обратиться с просьбой к праведным монахам изловить главарей разбойников».

Тотчас по получении этого указа были приготовлены всевозможные постные и скоромные яства. Правитель государства пригласил Танского монаха и его спутников во дворец Цилиня, где вступил с ним в дружескую беседу.

— Как величать вас? — учтиво спросил он Танского монаха.

Тот почтительно сложил руки и ответил:

— Меня, бедного монаха, зовут по фамилии Чэнь. Монашеское имя мое — Сюань-цзан. Мой государь удостоил меня высокой чести носить ту же фамилию, что и его династия. Прозвище мое «Трипитака».

— А как величать твоих уважаемых учеников? — спросил вслед за тем повелитель государства.

— У моих учеников нет еще заслуженных прозвищ,— отвечал Танский монах.— Старшего зовут Сунь У-кун, второго — Чжу У-нэн, а младшего — Ша У-цзин. Эти имена были пожалованы им бодисатвой Гуаньинь, богиней, которая обитает на Южном море. Когда они признали меня своим учителем и изъявили желание быть спутниками-последователями, я стал звать их так: Сунь У-куна — Странником-богомолом, Чжу У-нэна — Чжу Ба-цзе — блюстителем восьми заповедей, а Ша У-цзина — просто монахом.

Правитель выслушал Сюань-цзана, а затем предложил ему занять почетное место на пиру. Сунь У-кун сел слева от наставника, а Чжу Ба-цзе и Ша-сэн — справа. Гостям были поданы исключительно постные блюда и закуски, фрукты и чай. Место выше Сюань-цзана занял правитель, которому были поданы скоромные угощения. Ниже более ста мест были уставлены тоже скоромными блюдами. Там разместились гражданские и военные чины.

Сановники поблагодарили государя за проявленную милость, покаялись в ложном обвинении монахов и затем заняли свои места.

Правитель поднял бокал, но Танский монах не осмелился выпить и распивал слабое вино со своими учениками. Внизу играл оркестр, состоящий из струнных и духовых инструментов. Это был оркестр придворной музыкальной школы.

Посмотрели бы вы, читатель, как вел себя Чжу Ба-цзе! Кажется, он дал полную волю своему неумеренному аппетиту. Он поглощал разные блюда с жадностью голодного волка или тигра. Всю еду и фрукты, которые стояли неподалеку от него, он съел один. Вскоре подали дополнительные блюда, но он опять накинулся на них, словно еще ничего не ел, и очистил все блюда без остатка. Он ни разу не отказывал разносящим вино ни в единой чарке. Веселый пир продолжался весь день почти до

самого вечера. Танский монах поблагодарил за богатое угощение. Правитель государства стал упрашивать его остаться.

— Этот пир был устроен в знак благодарности за поимку оборотней-разбойников,— сказал он.

Затем он велел стольничьему приказу:

— Живей приготовьте угощение во дворце Цзяньчжангун. Там мы обратимся к праведному монаху еще с одной просьбой — изловить главарей разбойников и придумать способ, как вернуть драгоценности, похищенные из пагоды.

— Если вы хотите, чтобы мы изловили главарей разбойников, то для этого вовсе не нужно устраивать еще один пир,— сказал Танский монах.— Позвольте нам на этом закончить праздник, поблагодарить за угощение и распрощаться с вами. Мы сейчас же отправимся на поимку главарей!

Но правитель ни за что не соглашался. Он во что бы то ни стало хотел отправиться во дворец Цзяньчжангун и снова сесть за стол с яствами. Пришлось последовать за ним. Поднимая полную чару с вином, он сказал:

— Кто из вас, праведные монахи, возглавит мое войско для покорения и поимки главарей разбойников?

Танский монах подсказал:

— Пусть идет мой старший ученик и последователь Сунь У-кун.

Великий Мудрец сложил руки в знак согласия и вежливо поклонился.

— Сколько же тебе понадобится людей и коней, если ты, уважаемый Сунь У-кун, решил отправиться в этот поход? И когда ты думаешь покинуть город? — спросил правитель.

Тут Чжу Ба-цзе не вытерпел и закричал во весь голос:

— Для чего ему люди и кони и зачем устанавливать определенное время? Разрешите мне с моим старшим братом Сунь У-куном прямо с этого пира, пока мы сыты и пьяны, отправиться за главарями разбойников и приволочь их сюда своими руками!

Танский монах очень обрадовался.

— Ну, Чжу Ба-цзе,— сказал он,— ты за последнее время стал очень старательным!

— Раз на то пошло,— добавил Сунь У-кун,— то пусть Ша-сэн остается здесь и охраняет нашего наставника, а мы вдвоем живо слетаем и мигом явимся обратно.

— Как же так? — удивился правитель государства,— вы не хотите брать с собой ни людей, ни коней! Может, вам пригодится какое-либо оружие?

— Ваше оружие,— засмеялся Чжу Ба-цзе,— нам не пригодится. У нас есть свое.

Правитель государства, услышав это, возликовал, поднял огромный кубок с вином и стал прощаться с обоими монахами.

— Нет, пить больше нельзя! — отказался Сунь У-кун. — Прошу тебя, прикажи стражникам выдать нам обоих чертей. Мы их возьмем с собой в качестве проводников.

Правитель отдал соответствующее распоряжение, и просьба Сунь У-куна была тут же исполнена. Каждый монах схватил по оборотню, и вместе с ними, уцепившись за порыв ветра, монахи исчезли из виду, направившись прямо на юго-восток.

О читатель! Вы и представить себе не можете, как были поражены правитель и его свита, когда увидели это чудо, свершившееся перед их глазами. Теперь только они вполне убедились, что имеют дело не с простыми монахами, а с праведным наставником и его учениками.

Если вы хотите знать, удалось ли им поймать главарей разбойников и каким образом, то прочтите следующую главу.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ,

повествующая о том, какой разгром учинили два монаха во дворце царя драконов, и о том, как с помощью Эрлана и его братьев они расправились с нечистью и вернули похищенные драгоценности

Мы остановились на том, как правитель государства Цзисай и все его придворные высших и низших рангов увидели настоящее чудо: Великий Мудрец Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе, зацепившись за порыв ветра, умчались в облака, прихватив с собой двух оборотней. Это зрелище так изумило каждого из присутствовавших, что все они обратили свои взоры к небу и, совершая поклоны, восторженно восклицали:

— Правду, значит, говорят: оказывается, на самом деле существуют святые небожители и живые Будды!

Когда же, наконец, оба монаха исчезли вдали, правитель государства совершил поклон перед Сюань-цзаном и Ша-сэном, выражая свою благодарность.

— Вы со своими плотскими очами и бренным телом думали, что наш собрат поймал оборотней благодаря своей неимоверной силе,— сказал Ша-сэн.— Где уж вам было разглядеть, что он небожитель, способный летать на облаках?!

Танский монах смущенно потупился:

— Но я, бедный монах,— произнес он,— сам не обладаю никакими чародействами и многим обязан моим трем спутникам-ученикам, владеющим тайнами разных волшебств.

— Не скрою от тебя, почтенный правитель,— вмешался Ша-сэн,— что наш старший ученик и есть тот самый Великий Мудрец, которого прозвали равным небу и который признал истинное учение Будды. Он в свое время учинил буйство в небесных чертогах и со своим волшебным посохом с золотыми

обручами один противостоял стотысячному небесному войску — никто не мог справиться с ним. Он так разбушевался, что привел в смятение самого Лао-цзюня и вызвал сердечный трепет у Нефритового императора. Мой второй собрат и ученик нашего наставника Чжу Ба-цзе — повелитель зловещей звезды Тяньпэн, также вступивший на путь Истины. Прежде он возглавлял восьмидесятитысячное водное войско небесной реки — Млечный Путь. Один лишь я не владею никакими особыми чарами. Не могу ничем похвастаться, кроме того что умею ловить и вязать бесов и оборотней, хватать разбойников и настигать беглецов. Могу также укрощать тигров и покорять драконов, умею пробивать пинком ноги колодцы в небе, кое-что смыслю и в том, как возмущать море и поворачивать вспять реки. О том же, как летать на облаках и туманах, вызывать дождь и ветер, менять расположение звезд, переносить горы и гонять луну, даже не стоит говорить,— для меня это сущие пустяки!

Слушая все это, правитель государства все больше и больше изумлялся и, наконец, проникся к нашим путникам огромным уважением. Он предложил Танскому монаху занять почетное место и всякий раз, обращаясь к нему, величал его почтенным Буддой, а Ша-сэна и других учеников стал именовать бодисатвами. Все придворные чины, как гражданские, так и военные, были преисполнены чувством великой радости. Народ совершал земные поклоны в честь Танского монаха и его спутников, но об этом мы рассказывать не будем.

Обратимся теперь к Великому Мудрецу Сунь У-куну и Чжу Ба-цзе, которые вместе с двумя оборотнями мигом домчались до озера Лазоревые волны на горе Каменный хаос.

Сунь У-кун придержал облако, на котором они летели, дунул на свой волшебный посох и произнес одно только слово: «Изменись!» И вместо посоха в руках у него сразу же оказался острый монашеский нож. Он отхватил им ухо у угря и нижнюю губу у сома, а затем сбросил обоих в воду.

— Живей отправляйтесь к своему повелителю, царю драконов Вань-шэну,— крикнул Сунь У-кун вдогонку,— и доложите ему, что я, Великий Мудрец, равный небу, Сунь У-кун, прибыл сюда и требую, чтоб он немедленно отдал мне все сокровища пагоды Золотое сияние, находящейся в государстве Цзисай. Этим он спасет жизнь себе и всем своим домочадцам! Если же он вздумает вымолвить хоть половину слова «нет», я выплесну всю воду из этого озера, а его со всеми сородичами, старыми и малыми, предам лютой казни!

Оборотни, получив свободу, пустились в бегство, превозмогая боль. Они с шумом погрузились в воду, переполошив остальных оборотней: тритонов, крокодилов, жестких и мягких черепах, осьминогов, крабов и рыб, обитающих в озере, которые

собрались толпой и наперебой расспрашивали, что случилось.

— Отчего это на вас болтаются обрывки проволоки? — спросил кто-то.

Вместо ответа один оборотень мотал лишь головой и с досады бил хвостом, прикрывая плавником обрезанное ухо, а второй, закрывая обрезанную губу, колотил себя в грудь и махал хвостом, видимо, подражая людям, когда они топают ногами от досады.

Вместе с расшумевшейся толпой оборотни направились прямо ко дворцу царя драконов и доложили ему:

— О великий царь, беда пришла!

А царь в это время как раз распивал вино со своим зятем Девятиголовым. Увидев оборотней, они поспешно отодвинули чарки и стали спрашивать, какая случилась беда.

Оборотни сразу подробно обо всем рассказали:

— Вчера ночью, когда мы были в дозоре, нас изловили Танский монах со своим учеником Сунь У-куном. Они явились чистить пагоду. Нас привязали проволокой, а сегодня утром притащили к правителю государства на допрос, после чего Сунь У-кун и другой ученик — Чжу Ба-цзе — схватили нас, у него обрезали ухо, а у меня — нижнюю губу, и бросили в озеро, приказав явиться к тебе и сказать, чтобы ты вернул все сокровища пагоды!

Услышав имя Сунь У-куна, Великого Мудреца, равного небу, царь драконов так перепугался, что у него, как говорится, душа едва не выскочила из тела, а дух готов был умчаться за девятое небо *. Трясясь от страха, он обратился к своему зятю:

— Ну, дорогой мой зять! Дело — дрянь! Будь кто другой на его месте — мы с тобой еще как-нибудь справились бы, а с этим... если только в самом деле это он,— нам не сладить!

Но Девятиголовый надменно рассмеялся:

— Не беспокойся, дорогой тесть! Я с детства обучен военному искусству и кое-что смыслю в нем. Во всех уголках страны, омываемой четырьмя морями, мне приходилось не раз встречаться в бою с прославленными удальцами. Чего нам бояться? Вот я сейчас выйду и если за три схватки не заставлю его покориться, то не посмею больше предстать перед тобой.

Он быстро облачился в военные доспехи и вооружился серпообразной секирой. Выйдя из дворца, он вынырнул из пучин озера и, показавшись на его поверхности, громко крикнул:

— Кто посмел называть себя Великим Мудрецом, равным небу? Ну-ка, прощайся с жизнью и выходи сюда!

Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе, стоя на берегу озера, разглядывали появившегося из воды беса-оборотня.

Словно снег на вершине,
Блестит его шлем серебром,
Словно искристый иней,
Сверкает кольчуга на нем.

Для похода удобен
Халат, что на плечи надет,
Светлой яшме подобный,
Всегда излучает он свет.
Опояска цветная
На нем замыкает свой круг —
Так змея оплетает
Огромного дерева сук.
С ясиым месяцем схожа
Секира в могучих руках —
Всех сокровищ дороже
Оружье, несущее страх!
Еслн издали глянешь —
Увидншь: он странен и днк,
А рассматривать станешь
Его удивительный лик,
То в смятенье великом
От ужаса, верно, замрешь:
С человеческим ликом
Тот образ зловещий несхож!
Многоок он и зорок,
А взгляд его черен и пуст...
Всех врагов переспорит:
Ведь рот его — девятиуст!
Как во лбу и в затылке
Раскроет он злые глаза,
С многоустой ухмылкой
Завоет на все голоса —
Так река замутится
И дрогнет встревоженный лес,
Легкокрылые птицы
Взовьются до самых небес!

Бес-оборотень выждал некоторое время и, не дождавшись ответа, крикнул еще раз:

— Кто здесь Великий Мудрец, равный небу?

Сунь У-кун провел рукой по золотым обручам своего посоха, погладил его, а затем ответил:

— Великий Мудрец Сунь У-кун это я!

— Ты откуда взялся? — насмешливо спросил бес-оборотень.— Где живешь и как очутился в государстве Цзисай? Почему правитель поручил тебе охранять свою пагоду? По какому праву ты позволил себе схватить и изувечить двух старшин из моего войска и, мало того, посмел явиться сюда, на мою драгоценную гору и угрожать мне?

— Ах ты, разбойник! — выругался Сунь У-кун.— Видно, не узнаешь меня, своего отца, Сунь У-куна?!

— Подойди-ка сюда и послушай, что я тебе скажу.— И Великий Мудрец рассказал в стихах всю историю своей жизни:

Я на горе Хуагошань * воспитан,
В пещере Шуйлянунской * обучен,
Во многих битвах и боях испытан
И в тайные иауки посвящен.
Не знающнй ушибов и ранений,
Ударов н телесных повреждений,

Великий и прославлеиный Мудрец,
Что равен иебесам в познаньях и в свершеиьях,
Так названный по высшему веленью,
Я — дед детей твоих и твой отец!
Тот самый досточтимый Сунь У-кун,
Что буйство учинил в чертогах Доунюгун *,
Что устрашил небесных полководцев,
Что одолел их доблестную рать,
И с Буддой вознамерился бороться,
Пытаясь дерзновенно доказать
Величие свое и превосходство!
Да, я и есть тот самый Суиь У-куи,
Которого великий Татагата
Своей деснйцею поверг когда-то,
Горой тяжелой сверху придавил
И, покарав его как супостата,
Свободы и могущества лишил.
И если бы не мудрый бодисатва,
Не выбраться бы мне до сей поры
Из-под давящей на меня горы.
Тем временем почтенный Сюань-цзан
Отправился в Линшань, обитель Будды,
Чтоб книги принести священные оттуда.
Пройти ои должен был немало стран,
Подвергнуться опасиостям немалым.
И для того, чтобы не пострадал он,
Я в спутники достойному был дан.
Я ограждал его от бедствий разных,
Я козни дьявольские разрушал,
Я дьяволов в сраженьях сокрушал,
Уничтожал источники соблазнов,
И подвиги иные совершал.
На Запад двигаясь, пришли мы в край,
Носящий имя звучное Цзисай,
Где ждали помощи и избавленья
Монахи трех различных поколений,
Живущие в тревоге и в томленье,
Из-за того что их чудесный храм
Свое утратил дивное сиянье
И сумрак скорби воцарился там.
Монахов тех безвинные страданья
Внушили нам приязнь и состраданье.
Помочь решил им мой наставник сам
И навести в их пагоде порядок,
Чтоб вновь могли они в ней совершать обряды.
Нам было с ним дано постичь случайно
Бесовской силы пагубную тайну,
Двух бесов-оборотней в пагоде поймать
И имя дерзновенного узнать,
Проникшего в святилище, как тать,
Лишившего чудесный храм сиянья,
Затем, чтобы сокровище там взять.
Тот гнусный вор, поправший все законы,
Ты — зять могучего царя драконов,
Преступник ты, тебе помог твой тесть
На пагоду низвергнуть дождь кровавый,
Чтоб вы могли в святилище пролезть,
Лишить его иеугасимой славы.
Вы — похитители сокровищ древних,
Их преподиес ты в дар своей царевне!

За это вызываю вас иа бой:
Так приказал цзисяйский мне правитель;
Так выходи ж померяться со миой,
Ты — храма иедостойиый осквеpиитель!
Спеши, чтобы с тобой разделаться я мог,
Мой иезакоииорождеииый сыиок!
Отдашь добром все то, что сам похитил,
И все, что уволок жены твоей родитель,—
Вам всем я жизиь согласен сохраиить,
Не то все озеро я ваше расплескаю,
По камешку всю гору разметаю
И разорю бесовскую обитель:
Как порешил я,— так тому и быть!

Зять царя драконов выслушал Сунь У-куна и с холодной усмешкой произнес:

— Так, так, так! Значит, ты идешь за священными книгами? Зачем же тебе понадобилось соваться в чужие дела без всяких к тому причин! Пусть даже я украл сокровище пагоды, тебе-то что? Ты ведь идешь за священными книгами! Ну и иди!

— Э, да я вижу, этот негодяй и грабитель понятия не имеет о справедливости! По-твоему выходит, что раз я не получал милостей от повелителя той страны и не ел его хлеба, значит, мне не следует помогать ему и оказывать услуги; но можешь ли ты понять, что в течение нескольких лет невинно страдают монахи монастыря Золотое сияние, которые приходятся мне собратьями, и причиной их страданий являетесь вы со своим тестем, так как похитили сокровища их пагоды и осквернили ее. Как же могу я не вступиться за них и не снять с них напраслины?

— Ну, в таком случае нам придется померяться силами. Пословица гласит: «Когда воюют — не остается места для жалости», а потому не обижайся, если я буду беспощаден! Смотри, распрощаешься с жизнью, и не придется увидеть священных книг!

Эти слова привели Сунь У-куна в ярость, и он осыпал оборотня ругательствами:

— Подлый разбойник, оборотень!— запальчиво воскликнул он.— Какими же ты обладаешь силами, что смеешь так говорить со мной? Подойди поближе и отведай посох твоего отца!

Но оборотень ничуть не испугался, отбил секирой удар, и вот на горе Каменный хаос разгорелся бой. Это было лютое побоище. В память о нем сложены такие стихи:

Ограбив пагоду, лишив ее сиянья,
Те оборотни заслужили наказанья
За святотатство, дерзость и разбой.
Разгневан был правитель государства,
Узнав про их злодейство и коварство,
И царь драконов утратил свой покой,
Когда, дрожа, ему признались бесы,
Что Сунь У-куну шашни их известны
И что грозит им небывалый бой.
Царю драконов это не по нраву:
Он созывает всю свою ораву

И держит с нею горестный совет,
Сражаться им с противником иль нет?
Однако зять его девятиглавый
Уже в доспехи новые одет:
Неосторожный рвется в бой кровавый!
Весьма самонадеян бес лукавый,
Грозя достойному сопернику расправой:
Самонадеянность — источник многих бед,
Когда не служит истине и праву;
Велик и страшен Сунь У-куна гнев:
О благе храма древнего радея,
Искусно славным посохом владея,
На беса он бросается, как лев,
Стремясь жестоко поразить злодея.
Но тот, в искусстве бранном преуспев,
Своей секирой верною гордится,
И сам торопится с врагом сразиться,
И нападает сам, рассвирепев.
Он сыплет дерзновенными речами
Из восемнадцати разверзтых губ,
Своими восемнадцатью очами
Пронзает, словно острыми мечами —
Глаза его страшны, а голос груб.
У Сунь У-куна руки, что железо —
Не меньше тысячи, пожалуй, цзиней весом,—
Их озаряет благодатный луч,
Чтобы помочь ему в сраженье с бесом:
Однако тот и ловок и могуч!
Секира с посохом взлетают быстро,
И, опускаясь, порождают искры,
Сверкают, словно молнии из туч.
«В чужую ссору лезешь, ты, безумный! —
Кричит в сердцах противник Сунь У-куна,—
Зачем суешь в чужое дело нос?»
«А ты зачем сокровища унес
Из пагоды чужой, скажи на милость?
Быть может, для тебя они хранились?
Что мне ответишь ты на мой вопрос?—
Мудрец ему кричит с великой злобой:—
Верните все, что вы украли оба,
И ты и твой звероподобный тесть,
Иль вам обоим головы не снесть!»
Шум поединка слышен повсеместно —
В широком поле и в ущелье тесном,
В глуши лесов и в тишине небес.
Сражаются враги, но неизвестно,
Кто — Сунь У-кун или оборотень-бес —
Получит в этой битве перевес.

Более тридцати раз схватывались противники, но так и нельзя было сказать, кто победит. Чжу Ба-цзе стоял у подножья горы и наблюдал за боем. Наконец он решил, что бой в самом разгаре, поднял свои грабли и стал подкрадываться, чтобы нанести оборотню удар в спину. Но, как вы знаете, читатель, у беса было девять голов и девять пар глаз. Заметив, что Чжу Ба-цзе подкрадывается сзади и готовится нанести удар граблями, он сразу же отбил грабли концом секиры, в то же время лезвием отразив удар посоха. Прошло еще не то пять, не то семь ожесто-

ченных схваток, но тут бес почувствовал, что ему не устоять перед двумя противниками. Он перекувырнулся, подскочил и сразу же принял свой настоящий облик, превратившись в страшную гидру с девятью головами.

Увидев такое чудовище, можно было умереть со страху! Вы только послушайте!

Покров на ней из ярких, пестрых перьев,
Подбитых снизу легким пухом белым,
На лапах когти остры, как у зверя,
И как из глыбы высечено тело.
В длину она с морскую черепаху,
А поперек, пожалуй, в три обхвата;
Крыла у ней — огромного размаха,
И девять глав на шее волосатой.
Чудесный гриф, что прочих птиц сильнее,
И с каждою из них готов сразиться,
Остерегается встречаться с нею,
От зорких глаз ее спешит укрыться.
Их леденящий взгляд и дик и злобен,
И голос зычен и громоподобен.

— Брат! — вскричал Чжу Ба-цзе, напуганный страшным видом оборотня в образе летающей гидры,— с тех пор как я принял облик человека, я еще не видывал такого страшилища. От кого могла народиться этакая гадина, не то зверь, не то птица?

— Да, действительно редко встретишь нечто подобное,— отвечал Сунь У-кун.— Очень редко, это верно. Погоди, я все же попробую одолеть его.

Ну и молодец Сунь У-кун! Он поспешно вскочил на благодатное облако и начал колотить посохом по всем девяти головам гидры. Чудовище сразу же проявило свое могущество. Оно расправило крылья, со свистом перевернулось и камнем упало к подножью горы, где стоял Чжу Ба-цзе. Из туловища у него внезапно появилась еще одна голова, раскрылась жуткая пасть, похожая на кровавую чашу, острые зубы ухватили Чжу Ба-цзе за загривок. Чудовище поволокло его к озеру Лазоревые волны и погрузилось с ним на дно. Достигнув ворот дворца царя драконов, чудовище вновь приняло прежний свой облик. Бросив полумертвого Чжу Ба-цзе на землю, Девятиголовый громко крикнул:

— Эй, слуги! Куда это вы запропастились?

На крик со всех сторон кинулись к Девятиголовому оборотни разных рыб и крокодилов. Тут были голавли, белорыбица, карпы и окуни, черепахи с жестким и мягким панцирем, крокодилы и тритоны.

— Мы здесь! — разом отозвались они.

— Возьмите этого монаха,— приказал Девятиголовый,— да покрепче свяжите. Он мне ответит за моих старшин!

Оборотни взялись за Чжу Ба-цзе и общими усилиями, с криком и пыхтением потащили его. В это время старый царь драконов вышел на крики и очень обрадовался, увидев пленника.

— Как же это тебе удалось изловить этакую скотину? — спросил царь, обращаясь к своему зятю. Ты совершил великий подвиг!

Девятиголовый рассказал, как было дело, о чем мы уже знаем. Царь драконов на радостях велел тотчас же устроить пир, чтобы поздравить зятя с успехом, но мы не будем рассказывать о том, как они распивали вино.

Обратимся к Великому Мудрецу Сунь У-куну. Когда он увидел, как оборотень схватил Чжу Ба-цзе, у него сердце сжалось от страха.

«Ну и лихой же этот дьявол! — подумал Сунь У-кун.— Мне теперь стыдно возвращаться к наставнику, ведь правитель государства Цзисай засмеет меня... А если я вызову оборотня на единоборство, то, пожалуй, не справлюсь с ним. К тому же у меня и сноровки нет воевать в воде. Дай-ка я приму другой вид, проникну во дворец царя драконов и посмотрю, что сталось с Чжу Ба-цзе. Может, мне удастся освободить его, тогда он поможет мне».

Ну и Мудрец! Прищелкнув пальцами и прочитав заклинание, он встряхнулся, превратился в краба и, бултыхнувшись в воду, очутился перед триумфальными воротами дворца. Дорога во дворец была ему хорошо знакома, так как он уже был здесь в тот раз, когда увел черепаху с золотистыми глазами, принадлежавшую Князю с головой быка. Добравшись до входа во дворец, он бочком перелез через порог и увидел старого царя драконов, который весело распивал вино со своим зятем. Однако Сунь У-кун не посмел приблизиться к ним и пополз под восточную галерею, где увидел нескольких оборотней-крабов, игравших в какую-то игру. Сунь У-кун стал прислушиваться к их разговору, а затем, усвоив их язык, спросил:

— Послушайте! Не знаете ли вы, что с тем длиннорылым монахом, которого изловил царский зять? Сдох он?

— Пока еще не сдох! — хором ответили крабы-оборотни.— Не слышишь разве, как он стонет там на привязи, у западной галереи?

Узнав таким образом, где находится Чжу Ба-цзе, Сунь У-кун незаметно перебрался к западной галерее и там действительно увидел Дурня, привязанного к столбу и издававшего протяжные стоны. Сунь У-кун подполз к нему поближе и спросил:

— Узнаешь меня, Чжу Ба-цзе?

Чжу Ба-цзе по голосу узнал Сунь У-куна и стал жаловаться:

— Брат! Как же это я попался в лапы этому негодяю-оборотню, вместо того чтобы самому изловить его!

Сунь У-кун оглянулся вокруг и, убедившись, что поблизости никого нет, быстро перекусил клешнями путы, освободил Чжу Ба-цзе и велел ему бежать.

— А как быть с граблями? — спросил Чжу Ба-цзе, расправляя затекшие руки.— Оборотень отнял их у меня!

— Может, ты знаешь, где они спрятаны?

— Должно быть, во дворце,— отвечал Чжу Ба-цзе.

— Ступай к триумфальным воротам и жди меня снаружи,— приказал Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе, спасая свою жизнь, быстро улизнул, осторожно ступая на цыпочках.

Между тем Сунь У-кун снова пополз во дворец и, озираясь по сторонам, заметил слева от себя яркий свет. Это грабли Чжу Ба-цзе излучали сияние. Сунь У-кун превратился в невидимку, выкрал грабли, выполз с ними за ворота и окликнул Чжу Ба-цзе.

— Забирай свое оружие! — сказал он торжествующе.

— Брат! — воскликнул обрадованный Чжу Ба-цзе,— ты уходи отсюда, а я ворвусь во дворец. Если мне удастся одолеть оборотня, я захвачу всех остальных, если же нет — я брошусь бежать, а ты на берегу озера жди меня и выручай!

Сунь У-кун охотно согласился, только велел Чжу Ба-цзе быть осторожней, но Дурень перебил его.

— Я не боюсь! — сказал он.— А как драться в воде, учить меня не надо. Кое-что я смыслю в этом.— Тут они и расстались. Сунь У-кун выплыл на поверхность воды. И здесь мы пока оставим его.

Тем временем Чжу Ба-цзе подобрал халат, взял грабли обеими руками и ринулся во дворец с воинственными криками. Обитатели озера, как большие, так и малые, в страхе начали метаться в разные стороны, некоторые кинулись во дворец с воплями:

— Беда пришла! Длиннорылый монах освободился от веревок и идет на нас!

Старый дракон, его зять и домочадцы растерялись и даже подпрыгнули от неожиданности. Все бросились прятаться кто куда. Дурень, не щадя своей жизни, ворвался во дворец и начал крошить все, что попадалось ему на пути: двери, столы, стулья, посуду. Об этом даже рассказывается в стихах:

Могучий Чжу Ба-цзе впросак попался,
И, если б не смышленый Сунь У-кун,
Не на одну, быть может, сотню лун
Несчастный боров бы в плену остался.
Но Сунь У-кун его от пут избавил,
И тем ему возможность предоставил
Досаду, гнев и силу проявить.
Дракон-старик не знает, как тут быть,
От страха у него язык отнялся;
Не меньше зять его перепугался
И поспешил с супругою своей
От мести борова укрыться поскорей.
В припадке бьются младшие драконы,
Иные мечутся, что в клетке звери,
Слышны повсюду крики, вопли, стоны,
Разбиты окна, высажены двери,
Поломаны запоры и заслоны...

Чжу Ба-цзе до того разошелся, что разбил вдребезги черепаховый щит перед главным входом во дворец, а коралловое дерево вырвал с корнем и швырнул с такой силой, что оно разлетелось на мелкие кусочки.

Между тем Девятиголовый спрятал царевну в тайниках дворца, после чего вооружился своей серповидной секирой с лезвием, подобным серпу луны, и помчался ко входу во дворец.

— Эй, ты! гнусное животное, свинья тупорылая! — кричал он.— Как ты посмел встревожить всех моих родственников?

Чжу Ба-цзе в ответ обрушил на него потоки брани.

— Я тебе покажу, мерзавец этакий! — кричал он.— Скажи на милость! Меня, Чжу Ба-цзе, посмел изловить! Что же, пеняй на себя, ты сам затащил меня к себе, я не напрашивался... Возвращай живей все, что награбил. Я доставлю сокровища правителю государства Цзисай. На этом и покончим, не то я никого из вас не пощажу!

Девятиголовый не мог принять этого условия. Стиснув зубы, он ринулся на Чжу Ба-цзе и скрестил с ним оружие.

Только сейчас старый дракон пришел в себя. Он собрал своих сыновей и внуков, все они вооружились мечами и разом бросились на Чжу Ба-цзе, стремясь схватить его. Чжу Ба-цзе понял, что дело плохо. Он помахал граблями, словно собираясь продолжать бой, а сам отпрянул от своих врагов и бросился наутек. Старый дракон кинулся вдогонку со всей своей сворой. Они мигом погрузились в воду и вскоре, кувыркаясь, показались на поверхности озера.

Обратимся теперь к Сунь У-куну. Он долго стоял на берегу и ждал. Вдруг он увидел водяных оборотней, гнавшихся за Чжу Ба-цзе. Как только они вышли из воды и поднялись на воздух, Сунь У-кун грозно вскричал:

— Стойте! Ни с места!

Одним ударом своего железного посоха он размозжил череп старому дракону.

Воды озера Лазоревые волны окрасились кровью дракона, и бездыханное тело его понеслось по волнам, теряя чешую.

Сыновья и внуки дракона с перепугу разбежались в разные стороны, а Девятиголовый забрал тело тестя и отправился с ним обратно во дворец.

Однако Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе не погнались за ним. Они расположились на берегу, и Чжу Ба-цзе принялся рассказывать, что произошло.

— Теперь у этого негодяя спеси поубавится! — сказал Чжу Ба-цзе.— Во дворце я не оставил камня на камне. Все там перевернул вверх дном и на всех нагнал страх. Но как только я вступил в бой с зятем дракона, откуда ни возьмись, появился старый дракон, который накинулся на меня, а затем погнался за мною. Спасибо, что ты его укокошил. Теперь все эти бесы убрались к себе и наверняка будут оплакивать и хоронить своего

царя и, конечно, не покажутся больше. К тому же время позднее, и я не знаю, как быть!..

— Что значит время позднее? — насмешливо спросил Сунь У-кун.— Нельзя упускать такого удобного случая. Отправляйся на дно озера и пробейся во дворец. Надо во что бы то ни стало добыть сокровища: без них мы не можем возвратиться.

Однако Дурень медлил, видимо, не желая соглашаться. Сунь У-кун стал торопить его:

— Брат, брось раздумывать,— сказал он,— чего ты сомневаешься? Ты только вымани его, а уж я с ним разделаюсь.

Пока они судили да рядили, вдруг завыл ветер, кругом все потемнело и показалась мрачная туча, летящая с востока прямо на юг. Сунь У-кун стал пристально вглядываться в нее и увидел премудрого праведника Эрлана с шестью братьями с горы Мэйшань, которые с острыми клинками в руках и арбалетами за спиной, изогнувшись под тяжестью добычи, состоящей из серн и лосей, а также лисиц и зайцев, радостно возвращались с попутным ветром с охоты с собаками и соколами.

— Чжу Ба-цзе! — воскликнул Сунь У-кун.—Да ведь это мои дорогие братья! Вот бы хорошо задержать их сейчас и попросить помощи, чтобы сразить Девятиголового. Какой прекрасный случай нам представился! Теперь мы сможем добиться успеха в порученном нам деле!

— Раз они приходятся тебе братьями, то, конечно, не откажут в помощи,— отозвался Чжу Ба-цзе.

— Да, но видишь ли в чем дело,— в замешательстве произнес Сунь У-кун,— среди них находится старший брат, которого называют премудрым Эрланом. Когда-то он привел меня в покорность, и мне неудобно обращаться к нему за помощью. Уж лучше ты задержи их облако и обратись к нему с такими словами: «Праведный государь! Задержись немного. Мудрец, равный небу, Сунь У-кун находится здесь и желает поклониться тебе!» Я уверен, что, услышав обо мне, он остановится. Тогда я и явлюсь к нему. Так будет гораздо удобнее.

Чжу Ба-цзе тотчас взлетел на облаке и, поднявшись на вершину горы, преградил путь приближавшейся туче.

— Праведный государь! — закричал он изо всех сил,— задержись немного. Мудрец, равный небу, Сунь У-кун находится здесь и желает поклониться тебе.

Старший из семи братьев услышал эти слова и тотчас велел шестерым младшим остановиться. Совершив церемонию приветствия, положенную при встрече с незнакомцем, Эрлан спросил:

— Скажите, пожалуйста, где же находится Великий Мудрец, равный небу?

— У подножья этой горы,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Он ждет, когда вы его позовете.

— Братья мои,— молвил Эрлан, обращаясь к шестерым спутникам,— скорей пригласите его сюда!

Шестерых братьев звали: Кан, Чжан, Яо, Ли, Го и Чжи. Выступив вперед, они стали громко кричать: «Старший брат Сунь У-кун! Тебя приглашает премудрый Эрлан!»

Сунь У-кун пошел братьям навстречу, вежливо поклонился каждому из них и направился вместе с ними на гору, где расположился Эрлан.

Премудрый Эрлан, завидев Сунь У-куна, поднялся с места, пошел к нему навстречу, взял его за руки и, обняв, сказал:

— Дорогой мой Великий Мудрец! Поздравляю тебя! Сердечно поздравляю! Ты избавился от тяжкой кары, принял учение Будды и стал подвижником-шраманом. В скором времени ты завершишь свой великий подвиг и взойдешь на лотосовый трон.

— Что ты, что ты! — смущенно ответил Сунь У-кун.— В свое время я удостоился от тебя великой милости, и мне совестно, что до сих пор еще не отблагодарил тебя! Я, правда, избавился от тяжкой кары и совершаю путь на Запад, но еще далеко не уверен в благополучном его завершении. Вот и сейчас на нашем пути встретилось государство Цзисай, и мы обещали спасти невинно пострадавших монахов. Поэтому я и нахожусь здесь. Я должен изловить злого оборотня и отнять у него сокровища пагоды, которые он похитил у этих монахов. Заметив тебя с братьями, я осмелился задержать вас немного и просить помочь мне справиться с этим оборотнем. Прости, что сразу изложил тебе свою просьбу, не осведомившись, откуда ты направляешься и сможешь ли проявить ко мне дружеские чувства любви.

Премудрый Эрлан при этих словах любезно улыбнулся.

— Мне нечего делать, и я не знаю, как убить время,— сказал он.— Мы с братьями возвращаемся сейчас с охоты, и я очень рад, что ты задержал меня, вспомнив о нашей старой дружбе. Ты только скажи, какого оборотня надо изловить. Разве мы посмеем отказаться? Интересно знать, что за разбойник поселился в этих местах.

Тут в разговор вмешались младшие братья Эрлана. Один из них сказал:

— Брат! Неужто ты забыл? Да ведь это гора Каменный хаос. Здесь же находится озеро Лазоревые волны, а в нем — дворец царя драконов, по прозванию Вань-шэн.

— Да разве царь драконов позволит себе заниматься такими делами?— изумился Эрлан.— Неужто это он посмел обворовать священную пагоду?

— Дело в том, что он недавно взял себе в дом зятя по прозванию Девятиголовый, который является оборотнем гидры с девятью головами,— сказал Сунь У-кун.— Грабеж они совершили вместе, а до этого послали на столицу государства Цзисай кровавый дождь. Им удалось похитить из пагоды монастыря Золотое сияние пепел Будды, который хранился в ней. Правитель государства, не разобравшись в этом деле, заподозрил

монахов и стал истязать их. Мой наставник пожалел несчастных собратьев и ночью отправился чистить пагоду. Я пошел вместе с ним, и мне удалось на самом верхнем ярусе изловить двух оборотней. Оказалось, что их выслал в дозор царь драконов. Сегодня утром они были доставлены под конвоем во дворец и там чистосердечно во всем признались. Тогда правитель государства Цзисай обратился к моему наставнику с просьбой изловить главного оборотня и привести его в покорность, а наставник велел нам обоим,— он указал на Чжу Ба-цзе,— выполнить это дело. Вот мы и прибыли сюда. В первом же сражении у Девятиголового появилась еще одна голова. Ею-то он утащил моего собрата Чжу Ба-цзе. Тогда я превратился в краба, полез в воду и освободил его. Только что мы снова вступили в бой и мне удалось убить царя драконов. Сопровождавшие его бесы и оборотни уволокли его тело на дно озера и, видимо, оплакивают его там. И вот, когда мы думали, как поступить дальше, мы увидели тебя с твоей свитой.

— Раз старый дракон убит, сейчас очень удобно разделаться с Девятиголовым,— сказал Эрлан.— Бесы, лишившись главаря, растеряются, и нам ничто не помешает разнести все их логово!

— Это, конечно, верно, — отозвался Чжу Ба-цзе,— но ведь уже поздно, как быть?

— В книгах древних стратегов есть такой совет: «Для похода всякое время хорошо!» Чего же бояться? — задорно ответил Эрлан.

Но четыре брата Эрлана: Кан, Яо, Го и Чжи, поддержали Чжу Ба-цзе.

— Брат,— молвили они, обращаясь к Эрлану,— не торопись. Ведь вся эта шайка бесов и оборотней находится здесь в озере, бежать им некуда. Для нас Сунь У-кун — желанный гость, а его брат Чжу, по прозванию Жесткая щетина, уже вступил на истинный путь. Мы взяли с собой вино и еду. Вели слугам развести огонь, и мы тут же устроим пир на славу! Во-первых, мы отпразднуем радостную встречу с двумя уважаемыми монахами, во-вторых, поговорим по душам. Давайте попируем эту ночь. А завтра на рассвете успеем вызвать этого оборотня на смертный бой! Не так ли?

Эрлан не стал возражать.

— Просвещенные братья мои совершенно правы,— весело сказал он и тут же дал распоряжение приготовить угощения.

— Я, конечно, не смею отказываться,— сказал Сунь У-кун,— но с тех пор, как принял монашество, строго соблюдаю пост и считаю, что не должен вкушать скоромного.

— У нас есть фрукты, да и вино тоже не хмельное,— смеясь, сказал Эрлан.

Шестеро братьев при свете луны и звезд быстро разостлали циновки, и вскоре вся компания, то и дело поднимая чарки с вином, стала весело пировать, вспоминая о былых делах.

Не зря говорит пословица: «В тоскливом одиночестве долго длятся часы ночной стражи, а в часы веселой пирушки и ночь коротка».

Наши друзья долго веселились и не заметили, как заалел восток.

Наконец Чжу Ба-цзе, который изрядно хватил вина, воскликнул:

— Ну, вот уже и светает! Пора мне лезть в воду и вызывать оборотня на бой.

— Будь осторожен,— предупредил его Эрлан.— Ты только раздразни его и замани сюда, чтобы нам было удобнее всем вместе взяться за него.

— Знаю, знаю!— засмеялся Чжу Ба-цзе.

Посмотрели бы вы, читатель, как ловко он подоткнул одежду, прикрепил грабли и нырнул, рассекая воду. Очутившись на дне озера, он направился прямо к триумфальной арке и, испустив громкий крик, с боем ворвался во дворец.

Тем временем сыновья дракона в траурных одеждах рыдали у тела своего повелителя. Внуки дракона вместе с его зятем в заднем помещении дворца делали гроб.

Наш Чжу Ба-цзе с ругательствами ворвался в палаты и изо всех сил хватил граблями по голове царского сына, проломив ему череп сразу в девяти местах. Жена дракона со всей челядью в страхе забилась во внутренние покои и завопила истошным голосом.

— О небо! Длиннорылый монах только что убил моего сына!

Девятиголовый, услышав эти вопли, тотчас вооружился своею серповидной секирой и вместе с внуками дракона поспешил на помощь. Чжу Ба-цзе встретил противников граблями и, ведя с ними бой, начал пятиться к выходу, а затем выскочил из воды. На берегу озера его встретили Великий Мудрец Сунь У-кун и семь премудрых братьев-праведников. Они все разом набросились на внуков дракона, искромсали их на мелкие куски и превратили в кровавое месиво. Видя, что дело плохо, Девятиголовый перекувырнулся у пригорка и сразу же принял свой первоначальный вид. Расправив крылья, он взлетел на воздух и стал кружить над врагами. Эрлан спокойно достал свой золотой самострел, наложил серебряную стрелу и, натянув лук до отказа, стал стрелять в девятиголовое чудовище. Чудовище, сложив крылья, ринулось вниз, намереваясь укусить Эрлана. У него снова появилась еще одна страшная голова. Но старшая охотничья собака мигом кинулась на нее и разом откусила. Хлынули потоки крови. Превозмогая ужасную боль, чудовище бросилось бежать в сторону Северного моря и погрузилось в волны. Чжу Ба-цзе хотел было помчаться вдогонку, но Сунь У-кун остановил его.

— Не надо,— сказал он.— Ты же знаешь пословицу: «Не пре-

следуй разбойника, доведенного до крайности!» Вряд ли он теперь выживет, раз собака откусила ему голову. Ты лучше проложи мне дорогу в воде, а я приму его облик и проникну во дворец царя драконов, чтобы выманить у царевны похищенные сокровища!

Эрлан и шестеро его премудрых братьев поддержали Сунь У-куна, однако добавили:

— Ну, что же! Не будем преследовать чудовище. Только знайте, что если он выживет, то причинит немало бед грядущим поколениям!

И действительно, по сей день еще существуют кровоточащие девятиголовые гидры. Это и есть потомки того чудовища, о котором мы вам рассказали.

Чжу Ба-цзе послушался Сунь У-куна и стал прокладывать ему дорогу, разрезая воды озера. Превратившись в Девятиголового, Сунь У-кун первым вбежал во дворец, а Чжу Ба-цзе, делая вид, что гонится за ним, с криками бежал сзади. Когда они приблизились ко дворцу, царевна громко воскликнула:

— Дорогой муженек! Что же ты в таком смятении?

— Меня одолел Чжу Ба-цзе,— отвечал Сунь У-кун.—Он гонится за мною по пятам, а я чувствую, что не могу справиться с ним. Надо скорей спрятать сокровища.

Царевна впопыхах даже не разглядела, настоящий ли муж явился к ней. Она поспешно вынесла из заднего помещения золотой ларец и, передавая его Сунь У-куну, сказала:

— Вот пепел Будды!

Затем она вынесла ларец из белой яшмы и сказала:

— А здесь растение Линчжи * с девятью листьями. Ты спрячь их, а я пока схвачусь с этим Чжу Ба-цзе и задержу его,— продолжала царевна,— потом ты придешь мне на помощь.

Сунь У-кун забрал оба ларца и, проведя рукой по лицу, принял свой настоящий вид.

— Ну-ка, царевна, погляди на меня! — крикнул он.— Похож я на твоего муженька?

Царевна опешила и хотела вырвать ларцы у Сунь У-куна, но тут подоспел Чжу Ба-цзе и так хватил ее по плечу своими граблями, что она как сноп свалилась на землю.

Оставшаяся в живых царица хотела незаметно улизнуть, но Чжу Ба-цзе замахнулся на нее граблями.

— Стой! — закричал Сунь У-кун.— Не убивай! Пусть остается в живых. Мы ее возьмем с собой, и она расскажет правителю государства Цзисай о наших подвигах.

Чжу Ба-цзе вытащил ее на поверхность озера, а затем из воды показался Сунь У-кун, который в обеих руках нес ларцы с драгоценностями. Обратившись к Эрлану, Сунь У-кун сказал:

— Весьма признателен, дорогой мой брат, за оказанную мне помощь! Лишь благодаря тебе нам удалось одолеть оборотней и вернуть сокровища пагоды.

— Да что ты! В этом нет никакой нашей заслуги,— скромно отвечал Эрлан.— Все произошло, во-первых, из-за того, что правитель государства Цзисай обладает счастьем, равным самому небу, а во-вторых, ты и твой брат обладаете огромной силой.

— Теперь, когда ты одержал победу,— сказали тут шесть братьев Эрлана, — позволь нам распрощаться с тобой.

Сунь У-кун был очень растроган и не переставал благодарить Эрлана и его братьев, уговаривая их отправиться вместе с ним к правителю царства Цзисай. Но они никак не соглашались. Эрлан во главе своего охотничьего отряда направился в свою обитель на горе Гуанькоу *.

А Сунь У-кун с ларцами в руках вместе с Чжу Ба-цзе, который тащил за собой на привязи жену царя драконов, переходя с облаков на туманы, быстро добрались до государства Цзисай. Монахи из монастыря Золотое сияние ждали их возвращения за городскими воротами. Когда Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе остановили облако, на котором они примчались к городу, все монахи пали ниц и, отбивая земные поклоны, приветствовали их прибытие, а затем ввели в город.

Как раз в это время правитель государства Цзисай вел беседу с Танским монахом в тронном зале. Часть монахов, опередивших процессию, проникла во дворец, и один из них, набравшись храбрости, приблизился ко входу в тронный зал и доложил:

— Ваше величество! Желаем вам десять тысяч лет царствовать! Почтенные монахи Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе прибыли. Они привели с собой разбойников и несут похищенные сокровища.

Правитель государства при этих словах поспешно спустился с трона и вместе с Танским монахом и Ша-сэном поспешил к выходу, чтобы встретить героев. Он выразил им бесконечную благодарность за огромную заслугу перед всем государством, а затем приказал устроить пиршество в честь праведных монахов и в знак признательности за совершенное благодеяние.

Танский монах, однако, остановил его:

— Пока не нужно никаких благодарственных возлияний. Пусть мои ученики отправятся в монастырь Золотое сияние и водворят возвращенные сокровища на прежнее место. Тогда только можно будет приступить к празднеству.

Затем он обратился к Сунь У-куну:

— Почему вы так долго отсутствовали? Вы ведь еще вчера отправились!

Сунь У-кун рассказал, как ему пришлось сражаться с зятем царя драконов, как он убил самого дракона, затем встретился с Эрланом, нанес поражение гидре, преобразился в нее и, наконец, как выманил сокровища у царевны—дочери царя драконов.

Вы не можете себе представить, в какой неописуемый восторг пришли от этого рассказа не только Танский монах, но

и правитель государства Цзисай со всеми своими гражданскими и военными сановниками старших и младших рангов.

Затем правитель государства спросил:

— А скажите, умеет ли супруга царя драконов говорить человечьим голосом?

— Еще бы! — воскликнул Чжу Ба-цзе.— Как может она не уметь, если была женой самого царя драконов и народила ему столько сыновей?

— Раз она знает человеческий язык, то пусть расскажет нам поскорей про грабеж в пагоде все, что ей известно, от начала до конца.

— Я ничего не знаю о похищении пепла Будды,— промолвила пленница.— Все это дело рук моего покойного мужа и повелителя, царя драконов, и его зятя — Девятиголовой гидры. Им стало известно, что твоя пагода излучает дивное сияние оттого, что в ней хранится пепел Будды. Три года назад они напустили на нее кровавый дождь и, воспользовавшись им, ограбили пагоду...

— А как было украдено дивное растение Линчжи?— спросил правитель.

— Моя дочь, по прозванию Всемудрая царевна, проникла в высшее небо и украла это растение у входа во дворец Чудотворного неба, где пребывает небесная царица, мать небесного царя. Благодаря этому дивному растению пепел Будды остается неизменным на протяжении тысячелетий, а сияние от него будет излучаться десятки тысяч лет. Можно даже закопать это сокровище в землю, но стоит после этого только обмести его дивным растением, как от него появится сияние, состоящее из десятков тысяч лучей, подобных утренней или вечерней заре. Сейчас эти сокровища отобраны вами, я лишилась мужа и сына, зять исчез бесследно, дочь погибла, так пощадите хоть меня, старуху.

— Вот тебя-то и не следует щадить! — вскричал Чжу Ба-цзе.

Но Сунь У-кун вступился за нее:

— Не бывает так, чтобы вся семья состояла из одних преступников,—сказал он твердым голосом.— Я, так и быть, пощажу тебя, но при условии, что ты будешь вечно находиться при пагоде и охранять ее.

— Плохая жизнь лучше хорошей смерти,— отвечала жена царя драконов,— и если ты не убьешь меня, я выполню все, что ты пожелаешь.

Вместо ответа Сунь У-кун велел принести железную проволоку, продел ее через ключицу жены царя драконов, а затем приказал Ша-сэну:

— Приглашай правителя государства пожаловать в пагоду и посмотреть, как мы водворим там пепел Будды.

Правителю государства был подан царский выезд, и он, держа за руку Танского монаха, сопровождаемый пышной свитой гражданских и военных чинов, покинул дворец.

Пепел Будды был водворен на тринадцатом ярусе пагоды в драгоценной вазе. К центральному столбу этого яруса привязали жену царя драконов. Затем Сунь У-кун прочитал заклинания и вызвал духа земли государства Цзисай, духа — защитника города и духов — хранителей монастыря, которым поручил каждые три дня доставлять сюда еду и питье для вдовы царя драконов. При этом он пригрозил, что, если кто-либо ослушается или допустит малейшую оплошность, будет тотчас обезглавлен. Все духи изъявили полное послушание. Потом Сунь У-кун обмел дивным растением Линчжи все тринадцать ярусов пагоды, а затем поместил его в вазу с сокровищем Будды. Наконец пагода стала такой, как и прежде, и над ней воссиял яркий свет из десятка тысяч лучей и вознеслись в небо тысячи эфирных струй. Вновь увидели ее лучезарное сияние жители дальних стран и соседних государств.

Когда Сунь У-кун вышел из пагоды, правитель государства выразил ему свою благодарность в следующих словах:

— Если бы ваш наставник и три его ученика не явились сюда, нам никогда не удалось бы раскрыть тайну всего случившегося.

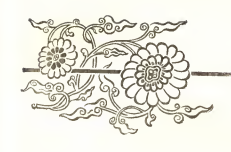
— Ваше величество! — обратился Сунь У-кун к правителю царства Цзисай.— Название пагоды Золотое сияние не совсем удачное. Предметы, которые входят в это название, представляют собой вещества недолговечные: золото — вещество плавкое, а сияние — это светящийся эфир. Я постарался ради тебя восстановить благолепие этой пагоды и предлагаю переименовать этот монастырь в монастырь Ниспровергающий драконов, чтобы он существовал во веки веков.

Правитель тотчас приказал заменить вывеску над воротами монастыря, и вскоре появилась новая, на которой блестели иероглифы, означающие: «Учрежденный по указу государя монастырь Охраняющий государство и ниспровергающий драконов».

Пока происходило пиршество, художники нарисовали портреты с монахов в красках. Монахи получились как живые, а в тереме Пяти фениксов к этим портретам написали пышные прозвания. Правителю государства подали выезд с колокольцами, и он лично проводил Танского монаха и его спутников в дальнейший путь. Он хотел одарить их слитками золота и драгоценными яшмами, но наши путники наотрез отказались принять дары.

Конец пришел тем оборотням злобным,
Покой и мир водворены опять,
Сияет пагода, и светом бесподобным
Навеки будет землю озарять.

О том, что произошло в дальнейшем с нашими путниками, вы узнаете, читатель, из следующей главы.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ,

из которой вы узнаете о том, какую пользу принесла путникам исполинская сила Чжу Ба-цзе на Тернистой горе и как Танский монах вел беседу о стихах с обитателями скита лесных праведников

Итак, правитель государства Цзисай был от всего сердца благодарен Танскому монаху и его спутникам за то, что они изловили оборотней-разбойников и вернули похищенную из пагоды драгоценность. Он хотел щедро наградить монахов золотом и яшмой за огромное благодеяние, совершенное ими, но те наотрез отказались принять драгоценные дары. Тогда правитель распорядился, чтобы монахам сшили по две смены одежды, точно такой же, какую они носили, по две пары матерчатых чулок и кожаных башмаков, а также по два пояса. Кроме того, им насушили на дорогу разных сухарей и печений.

Когда подорожная была засвидетельствована, монахам устроили пышные проводы. Сам правитель в роскошной колеснице выехал провожать их в сопровождении гражданских и военных чинов и всех жителей города.

Монахи из монастыря, получившего новое название Ниспровергающий драконов, тоже вышли провожать своих спасителей. Воздух сотрясался от громких звуков духовых и ударных инструментов.

Торжественная процессия покинула город, вышла за ворота, и лишь когда они прошли около двадцати ли, правитель стал прощаться. А жители города прошли еще двадцать ли. Монахи же и не думали возвращаться: они шли за путниками и прошли, пожалуй, пятьдесят или даже шестьдесят ли. Некоторые изъявляли желание сопровождать путников на Запад. Находились и такие, которые просили принять их в услужение и обещали за это добиваться нравственного самоусовершенствования.

Сунь У-кун, видя, что монахи не отстают от них и не хотят возвращаться обратно, решил прибегнуть к волшебному средству. Он вырвал у себя небольшой клок шерсти из тридцати или сорока волосков, дунул на него и произнес одно лишь слово: «Изменитесь!» И все волоски сразу же сделались пятнистыми тиграми, свирепо преградившими монахам дальнейший путь. Тигры страшно рычали и метались, готовые броситься на людей. Монахи испугались и не осмелились двигаться дальше. Великий Мудрец Сунь У-кун тем временем повел за собой белого коня, а Танский монах стал подстегивать его кнутом. Вскоре путники были уже довольно далеко от монахов, но до их слуха долго еще доносились вопли и громкие причитания.

— Милостивые и справедливые отцы! — кричали монахи.— Очевидно, такая уж у нас судьба, что вы не желаете навсегда спасти нас!

Мы не будем рассказывать здесь о том, как горевали монахи, а вернемся к Сюань-цзану и его спутникам. Вскоре они вышли на большую дорогу, и здесь Сунь У-кун водворил на место выдернутый клок шерсти. После этого путники двинулись дальше прямо на Запад. Время летело незаметно: зима была на исходе и приближалась весна. Погода стояла не жаркая, и идти было легко. Неожиданно перед путниками выросла длинная цепь гор, и дорога теперь шла по самым вершинам хребта. Танский монах остановил коня и стал осматриваться. Горы поросли густым, колючим терновником, перевитым цепкими лианами. И хотя дорогу можно было различить, продвигаться в этих зарослях было очень трудно; колючки вонзались в тело, словно иголки.

— Братья мои! — воскликнул Танский монах.— Как же мы пройдем здесь?

— Как пройдем? — удивился Сунь У-кун.

— Братья! — продолжал Танский монах.— Дорога хоть и видна, но все кругом поросло колючками. Здесь можно двигаться лишь ползком, как змеи. Вам и то трудно идти, согнувшись в три погибели, а каково мне ехать верхом?

— Пустяки! — воскликнул Чжу Ба-цзе.— Глядите, как я сейчас расчищу дорогу граблями: можно будет проехать не только верхом, но даже в паланкине!

— Ты, конечно, силен, что и говорить,— молвил в ответ Танский монах,— но надолго тебя не хватит. Ты ведь не знаешь, на каком протяжении дорога заросла терновником. К чему же зря тратить силы?

— Что попусту разговаривать,— сказал тут Сунь У-кун,— я сейчас сам все узнаю.

С этими словами он поднатужился, совершил прыжок в воздух и, очутившись на облаке, стал всматриваться, но заросли терновника, казалось, не имели границ.

Необозримые, бескрайние просторы
Оделись легкой дымкою тумана,
Набросили покров зеленый горы,
Переплелись упругие лианы.
На тонких ветках распустились почки.
И тысячи проснувшихся растений,
Их первые, блестящие листочки
Отбрасывают трепетные тени.
Конца не видно дали изумрудной,
Пространства эти не окинешь взором:
Раскинулись зеленою запрудой
И радуют сияющим убором
Деревьев кущи, свежие дубравы,
Ковры лугов в узорах пестротканных,
Кустарники, лекарственные травы
В наряде из цветов благоуханных.
Лучей своих живую позолоту
Деревьям солнце расточает щедро,
Баюкают их легкую дремоту
Порывы освежающего ветра.
Причудливые сосны, кипарисы,
Едва лишь холода зимы изведав,
Украсили немеркнущие ризы
Узором ослепительных побегов;
Стеной сплошною высятся бамбуки,
О чем-то шепчутся с ручьями ивы,
И ветви поднимают, словно руки,
Седые вязы, молодые сливы.
Ползут лианы по стволам дуплистым,
Их переплеты с плотной тканью схожи:
То виснут над землей шатром тенистым,
То стелются гостеприимным ложем.
Но где б то ни было, найдешь едва ли
Такие заросли кустов колючих,
Чтобы все пути-дороги закрывали
Изгибами ветвей своих и сучьев.
Куда ни глянь, везде являет взгляду
Терновник небывалую преграду.

Долго вглядывался Сунь У-кун в бесконечные заросли терновника и, наконец, прижав ниже к земле край облака, на котором он находился, крикнул:

— Наставник! По этой дороге нужно идти еще очень долго.

— Как долго? — спросил Танский монах.

— Конца пока не видно. Видимо, заросли тянутся на расстоянии тысячи ли!

— Что же нам делать? — испугался Сюань-цзан.

— Не печальтесь, учитель,— принялся утешать его Ша-сэн.— Когда-то я выучился пускать палы и сжигать сорняки. Сейчас я подпалю кустарник: он выгорит, и мы сможем пройти.

— Не мели чепуху,— остановил его Чжу Ба-цзе.— Палы пускают обычно осенью, в десятом месяце года, когда травы засыхают и кусты оголяются. Вот тогда огонь их быстро охватывает. А сейчас наступила пора, когда растения начинают пышно распускаться. Как же тебе удастся спалить кустарник?

— Да если и удастся,— вмешался Сунь У-кун,— боюсь, нам за это крепко достанется.

— Как же нам пробраться? — спросил Танский монах.

— На сей раз без меня вам никак не обойтись,— рассмеялся Чжу Ба-цзе.

И вот наш герой, прищелкнув пальцами, прочел какое-то заклинание, сделал несколько телодвижений, а затем крикнул: «Расти!» Неожиданно на глазах у всех Чжу Ба-цзе стал увеличиваться и превратился в великана ростом в двадцать чжан. Помахав граблями, он скомандовал: «Изменитесь!» И грабли сразу же удлинились на тридцать чжан. И вот наш новоявленный великан зашагал по кустарнику, словно по траве, разбрасывая граблями поломанные сучья.

— Наставник! — крикнул он на ходу.— Можешь спокойно следовать за мной!

Танский монах очень обрадовался и стал подстегивать коня, неотступно следуя за Чжу Ба-цзе. Ша-сэн шел за ним и нес поклажу на коромысле, а Сунь У-кун помогал Чжу Ба-цзе, сбивая железным посохом колючие ветви кустарника. В этот день оба они работали, как говорится, не покладая рук, и путникам удалось пройти более ста ли. К вечеру они подошли к довольно большой прогалине, а у самой дороги заметили каменный столб, на котором было высечено три больших иероглифа: «Тернистая гора».

Когда они подошли ближе, то разглядели под этими знаками еще четырнадцать маленьких иероглифов, расположенных двумя вертикальными строчками. Вот, что они обозначали:

Заросли протянулись на восемьсот ли;
Проложена здесь дорога — немногие ею шли.

Прочтя эту надпись, Чжу Ба-цзе громко рассмеялся:

— Я бы прибавил еще две строки,— сказал он, и с нарочитой важностью произнес:

Однако сумел расчистить лучшую из дорог
Лишь Чжу Ба-цзе почтенный — больше никто не смог.

Танский монах, очень довольный, слез с коня и обратился к своим ученикам.

— Ну и замучил я вас сегодня, братья мои!— сказал он.— Давайте переночуем здесь, на этой лужайке, а завтра с первыми же лучами солнца отправимся дальше!

— Наставник, не надо здесь останавливаться! — запротестовал Чжу Ба-цзе.— Пока еще светло и мы в силах, надо идти дальше! Я готов всю ночь напролет ломать этот кустарник, будь он проклят!

Наставнику не оставалось ничего иного, как согласиться, и путники отправились дальше.

Чжу Ба-цзе шел впереди, старательно прокладывая дорогу. Остальные следовали за ним. Они шли, не останавливаясь, еще целые сутки. Однако перед ними была все та же густая чаща кустарника. Тоскливо завывал ветер, шумя соснами. Наконец они вышли на просторную лужайку и тут увидели древний монастырь. За воротами стояли изумрудные сосны и кипарисы. Персики и сливы, казалось, оспаривали друг у друга красоту. Танский монах слез с коня и вместе со своими учениками стал разглядывать монастырь.

Вот что представилось их глазам:

Обитель одиноко над водой
Стояла, и в тревожный час заката
Окутывал ее туман седой.
А в роще одичавшей и глухой
Гнездились аисты, как в древности когда-то.
Ступени храма мох покрыл густой,
Разрушена узорная ограда,
И обвивают плети винограда
Углы и выступы стены крутой.
Не весел окружающий покой,
Печаль вселяют в сердце, не отраду,
И крики птиц из дремлющего сада,
И шепот листьев в рощице сырой...
Здесь нет ни кур, ни псов сторожевых,
Почти не видно и следов людских.

При виде такого запустения Сунь У-кун предостерегающе сказал:

— Ну, здесь добра не жди, во всяком случае задерживаться нам не следует...

— Что-то очень подозрительным ты стал,— проговорил Шасэн.— Не понимаю, какое зло разглядел ты в этом уединенном месте, где никто не живет и уж конечно нет ни злых духов, ни оборотней, принявших вид зверей или птиц.

Не успел он договорить, как налетел порыв холодного ветра и из ворот монастыря вышел старец в шляпе отшельника, в светлой одежде, с посохом в руке и в соломенных туфлях. За ним следовал бес-слуга, темнолицый, с кривыми зубами, рыжебородый, почти что голый, он нес на голове целое блюдо блинов.

Старец опустился на колени и произнес:

— О Великий Мудрец! Я дух земли у этой горы, которая называется Тернистой. Я знал, что ты прибудешь сюда, но не успел приготовить достойное тебя угощение. Прошу отведать хотя бы этих простых блинов, которые подношу тебе, твоему наставнику и остальным путникам. Здесь на расстоянии восьмисот ли вы нигде не встретите человеческого жилья. Прошу всех вас подкрепиться немного и утолить голод.

Чжу Ба-цзе не скрыл своей радости. Он выступил вперед и стал засучивать рукава, собираясь отведать блинов. Однако Сунь У-кун, внимательно приглядевшись к старцу, закричал:

— Постой! Мы повстречались с недобрыми людьми! Не торопись!

Обратившись к старцу Сунь У-кун продолжал:

— Какой же ты дух земли? Вздумал провести меня, старого Сунь У-куна? Ну-ка, отведай моего посоха!

Старец, видя, что Сунь У-кун действительно собирается ударить его, быстро повернулся к нему спиной и сразу же превратился в порыв ветра, который со злобным свистом подхватил Танского монаха, поднял его в воздух, закружил и умчал неизвестно куда. Сунь У-кун так опешил, что не сообразил даже пуститься в погоню; Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, побледнев, растерянно переглядывались. Белый конь тоже перепугался и заржал. О том, как трое спутников Танского монаха и его конь глядели во все стороны в полном смятении, а затем принялись метаться в бесплодных поисках, мы здесь рассказывать не будем.

Обратимся к старцу-оборотню, который с помощью своего беса-слуги примчал Танского монаха ко входу в каменное помещение, окутанное туманом, и осторожно опустил его на землю, а затем, поддерживая обеими руками, ласково произнес:

— Премудрый монах! Не бойся. Мы вовсе не плохие люди. Я— один из восемнадцати гунов *, владеющих Тернистой горой. Прошу тебя в эту тихую лунную ночь познакомиться с моими друзьями и побеседовать с ними о стихах, развлечься немного и развеять свою тоску.

От этих слов Танский монах пришел в себя, успокоился и широко открытыми глазами стал осматривать местность. Удивительной красоты картина открылась его взору:

Что может быть прекрасней этих мест,
Чтоб тела чистоту хранить и духа?
Куда ни взглянешь — облака окрест:
Они белее снега, легче пуха...
Земли здесь вдосталь, много и воды,
И, коль работы не страшатся руки,
Тут зашумят зеленые сады,
Зашелестят высокие бамбуки.
До самого утра здесь хор гремит
Лягушек, в тихой заводи живущих,
Чудесный аист свой полет стремит
К высоким скалам в изумрудных кущах...
Как на вершине Хуашань *, красив
Восходов и закатов яркий пламень,
И кажется, что, небо озарив,
Тяньтайцы * плавят философский камень...
Пусть кто-то ловит рыбу на луне *
И вспахивает облако седое,
Ты не найдешь в той сказочной стране
Такого небывалого покоя,
Который обретаешь только здесь,
В тот лунный час, когда уходит горе,
И в думы погружаешься ты весь,
Глубокие и вечные, как море.

Танский монах не мог налюбоваться окружавшей его красотой. Между тем взошла луна, засияли звезды и послышались оживленные голоса:

— Наш правитель, восемнадцатый гун, привел сюда премудрого монаха!

Наставник Сюань-цзан поднял голову и увидел трех старцев. Первый из них, тот, что шел впереди, был статный, благообразный и совершенно седой; казалось, голова его покрыта инеем. У второго волосы были черные с зеленоватым оттенком и непрерывно колыхались; третий, темнолицый, выглядел очень робким и скромным. Все трое были совершенно различными по наружности и по одеянию. Приблизившись к Танскому монаху, они совершили перед ним вежливый поклон. Сюань-цзан ответил на приветствие, а затем спросил их:

— За какие же мои добродетели вы, достопочтенные праведники-отшельники, соизволили проявить ко мне столь высокие чувства любви и почтения?

На это правитель горного хребта, гун восемнадцатый, смеясь, отвечал:

— О премудрый монах! Мы давно слышали о твоих высоких моральных совершенствах и с нетерпением ждали случая увидеть тебя. Наконец пришел долгожданный день и мы обрели это счастье. Если ты в самом деле не поскупишься одарить нас своими поучениями, каждое слово из которых нам дороже жемчуга, и поговоришь с нами по душам, то мы вполне убедимся в силе твоей созерцательности и уверимся в том, что ты принадлежишь к подлинной школе правоверных.

Танский монах низко поклонился и произнес:

— Разрешите узнать, уважаемые праведники, как вас величать.

— Вот этого мужа,— сказал гун восемнадцатый,— с головой седой, словно иней, мы зовем Гун Чжи-гун, что значит беспристрастный, прямой гун; того, у кого волосы черные с зеленоватым отливом, мы зовем Лин Кун-цзы, что значит мудрец, витающий в небесах, а скромного и робкого — Фу Юнь-соу, что значит старец, обметающий пыль с облаков. Меня же зовут просто Цзин-цзе, что значит крепкий, как сучок.

— А как велик возраст у почтенных мужей? — поинтересовался Танский монах.

Первым отвечал Гун Чжи-гун:

Мой возраст — тысячелетний,
Но строен, как в юности, стан,
Всегда я в одежде летней,
Чей запах душист и прян;
Как кружевное плетенье
Изгибы моих ветвей,
Бегут от них легкие тени,
Как сотни проворных змей...
Меня посещают птицы,

Чьих крыльев размах широк,
К познанью мой дух стремится,
Подходит мудрости срок...
Рожден я прямым и твердым
И старости не боюсь —
Она не помеха гордым,
И ей я не поддаюсь.
Пусть я не простого рода,
Приют мой — в чаще густой,
Минуют меня невзгоды
И мир с его суетой.

Когда Гун Чжи-гун закончил, заговорил с усмешкой Лин Кун-цзы:

Мне тоже немало лет —
Их с тысячу наберется:
По возрасту я — дед,
Но ствол мой к земле не гнется.
Не страшен мне вихрь и град,
Крепка моих сучьев сила,
Свой изумрудный наряд
Поныне не износил я.
В тиши заповедных рощ,
Как юноше, мне не спится,
И шелест мой, словно дождь,
В прохладе ночной струится.
С помощью цепких своих
Корней сумел овладеть я
Щедротами недр земных
И тайнами долголетья.
Я птицам приют даю,
Владеющим дивной силой,
Мне дружбу дарит свою
Сам аист сереброкрылый.
Мудрей всех пернатых он,
Умеет менять обличье —
То с виду он, как дракон,
То снова повадка птичья...
Я знатного рода сам,
В лесу — не последний житель:
Мой вид украшает храм
И праведника обитель.

После него стал говорить Фу Юнь-соу. Он тоже засмеялся и прочел стихи о себе:

Срок в тысячу лет, что прожит,
Оставил на мне свой след:
Ничто меня не тревожит,
В очах моих меркнет свет.
В дремотном, благом покое,
Бездумная жизнь течет,
И мир с его суетою
Не манит и не влечет.
А был я молод когда-то
И к радостям не суров...
Любили меня, как брата,
Шесть добрых весельчаков *,
И семь мудрецов известных *

Спешили ко мне прийти,
Чтоб правду искать совместно
И к ней обретать пути.
Давно уже отзвучали
Знакомые голоса.
И никнет в немой печали
Былая моя краса.

Наконец заговорил гун восемнадцатый, по прозванию Цзин-цзе:

Одиннадцатый век
Живу я на этом свете,
Но времени рьяный бег
Ничем меня не отметил.
По-прежнему зелен я,
Могуч и хорош собою,
И праведные друзья
Досуг свой делят со мною.
Собравшись в моей тени,
Ведут мудрецы беседу —
Все тайны знают они,
Им путь к совершенству ведом.
Питает меня земля
Своим благотворным соком,
Не ведаю жажды я
Ни в зной, ни в мороз жестокий.
Цвету я в долине той,
Где мрут дерева другие,
Не властвуют надо мной
Разгневанные стихии.

Танский монах поблагодарил их всех и спросил:

— Не являетесь ли вы, уважаемые праведники, теми четырьмя старцами, которые появились во времена династии Хань *, поскольку каждый из вас достиг столь высокого возраста, а почтенному Цзин-цзе даже минуло свыше тысячи лет? Я сужу по вашим годам и благообразному виду.

— Что ты, что ты! — почтительно отвечали старцы.— Ты слишком высоко нас ставишь. Мы вовсе не те знаменитые отшельники, за которых ты нас принимаешь, а всего лишь четыре хранителя, обитающие в глубинах гор. Позволь же теперь узнать, каков твой возраст?

Танский монах почтительно сложил руки ладонями вместе и с поклоном отвечал:

Покинув материнскую утробу
Давно, тому назад уж сорок лет,
Изведал я слепого рока злобу
И много им определенных бед.
Спасая жизнь свою, упал я в воду,
И тут бы, верно, свой окончил век,
Когда б шальные волны в непогоду
Не вынесли меня на тихий брег!
Так на горе Цзиньшань я оказался,
Где мудрость древних книг в себя впитал,
Где истины великие познал,

Где Будде всеблагому поклонялся.
На Запад государь меня послал.
Не раз со злом в дороге я сражался,
Но никогда ему не поддавался;
Сколь счастлив я, что здесь вас увидал!

Все четверо старцев пришли в умиление и начали превозносить Танского монаха.

— О мудрый монах! С того дня, как ты вышел из утробы матери, ты сразу же принял закон Будды и, безусловно, являешься высшим из монахов, по-настоящему владеющим способом сохранять беспристрастность, поскольку ты с детства занимался нравственным самоусовершенствованием. Мы счастливы принять тебя и осмеливаемся просить дать нам твои мудрые наставления. Надеемся, что ты расскажешь нам хотя бы о нескольких способах созерцания, за что мы будем благодарны тебе всю жизнь!

Выслушав эту просьбу, Танский монах обрадовался и без всякого страха сразу же приступил к поучению.

— Созерцание,— начал он,— это спокойствие духа, а правила — это установления. Для того чтобы понять правила достижения спокойствия духа, необходимо познание. Познание же состоит в очищении сердца и мыслей и отрешений от мирских треволнений. Труднее всего воплотиться в человеческом теле, родиться в Срединной земле и встретиться с настоящим вероучением. Тот, кто сочетает в себе эти три условия, может считать себя счастливейшим из смертных. Высшие добродетели и истины безграничны, бесформенны и невидимы, но с помощью их можно избавиться от желаний, вызываемых мыслью основными органами познания *. Под словом «Пути»* понимается состояние, при котором нет ни жизни, ни смерти, нет ни излишка, ни недостатка, происходит смешение небытия с формой, отсутствует обычное и мудрое.

Этому состоянию знакомы щипцы и молот Высшего первородного неба (то есть секрет вечного бессмертия, к которому стремятся даосы, выплавлявшие пилюли бессмертия), и тот, кто находится в нем, постигает силы Сакья-муни.

Развитие же в себе желаний нарушает состояние нирваны.

Необходимо в презрении добиваться презрения, в постижении Истины постигать Истину, и тогда чудесный небольшой луч ореола Будды будет все охранять. Этот луч, превратившись в ясное пламя, будет освещать всех, кто пребывает в состоянии покоя, и везде и во всем будет проявляться одна истинная непорочная природа, заложенная в живых существах.

Что касается самого сокровенного, то оно еще более труднодоступно, и кто спасется, если будет только говорить о вступлении в ворота учения Будды. Я все время занимаюсь самосозерцанием и благодаря судьбе и горячему желанию помню о необходимости познания.

Все четверо старцев, склонив голову, внимательно и с большой радостью выслушали Танского монаха, затем каждый из них совершил низкий поклон, благодаря Танского монаха за поучение.

— О премудрый монах! — восклицали они.— Ты действительно познал основы прозрения, заложенные в правилах созерцания.

— Хотя созерцание — это спокойствие духа, а правила — это установления,— сказал Фу Юнь-соу,— все равно сначала необходимо добиться спокойствия (состояния Самади) и искренности сердца.

Пусть даже кто-нибудь и достигнет вершин созерцания, он все время будет сидеть на одном и том же месте, а это путь к отрицанию жизни. Наше учение в корне отличается от вашего.

— О каком различии можно говорить? — удивился Танский монах.— Ведь Дао не постоянно, а субстанция и ее проявление в действиях сливаются воедино.

Фу Юнь-соу рассмеялся и сказал:

— Мы со дня своего появления на свет обладаем прочным и солидным телосложением,— сказал он.— Вещество, из которого сложено наше тело, и способности нашего тела отличаются от всего того, что свойственно тебе. По милости Неба и Земли мы появились на свет, а благодаря дождям и росам наливаемся соком и расцветаем. Смеясь над ветром и морозами, мы живем день за днем, месяц за месяцем, но ни один листик не вянет у нас, тысячи наших ветвей соблюдают принципы нравственности. Таким образом мы не кланяемся пустоте. Ты придерживаешься толкований, изложенных на языке браминов *. Между тем Дао, ведущее к совершенству, находится в Серединном царстве (Китае). Но ты почему-то ищешь святости на Западе. Зря истопчешь ты свои соломенные туфли; неизвестно, что удастся тебе найти там... Своими действиями в поисках Истины ты напоминаешь человека, желающего вырезать сердце и печень у статуи каменного льва, и до мозга костей наполнен болтовней чужеземных учений.

Забывая про все и вся, погружаться в созерцание, безрассудно добиваться плодов учения Будды,— все равно что распутывать заросли лиан, растущих здесь, на Терновой горе, и прислушиваться к шуму семян, гонимых ветром. Как же можно принимать создателя такого учения? Как же при таком положении управлять государством? Необходимо обратить внимание на все то, что лежит перед нами, так как и в спокойствии тоже есть жизнь. Ведь нельзя представить себе, как можно носить воду в бамбуковой корзине без дна или как могут расцветать цветы на железном дереве без корней! Останови пока свои стопы на вершине горы Бессмертия, называемой Линбао, а потом, когда появится Майтрея*, последуешь к нему под дерево Лунхуа *.

Услышав это, Танский монах пал ниц и начал отбивать поклоны, отказываясь от своих слов. Гун восемнадцатый обеими руками стал удерживать его от поклонов, а Гун Чжи-гун помог встать. Тем временем Лин Кун-цзы громко расхохотался и сказал:

— Совершенно ясно, что Фу Юнь-соу наговорил много лишнего. Прошу тебя, премудрый монах, встань и не верь всему, что он тебе сказал. Давайте воспользуемся этой прекрасной лунной ночью, когда так ярко светит луна, и, вместо того чтобы вести рассуждения о нравственном самоусовершенствовании, будем беззаботно сочинять стихи и раскроем свою душу друг перед другом.

Фу Юнь-соу засмеялся и, указывая рукой на небольшое строение, сложенное из камней, сказал:

— В таком случае как вы отнесетесь к моему предложению: зайти в этот крошечный скит и попить чайку?

Тут Танский монах поднялся с колен и посмотрел на каменное строение. Над входом виднелись три иероглифа: «Скит лесных праведников». Затем все вместе вошли туда и только успели рассесться, как появился уже знакомый нам голый бес-слуга с целым подносом пирожков, приготовленных из фулина *, и потом подал пять чашек ароматного бульона. Все четверо старцев стали просить Танского монаха первым приступить к трапезе, но он колебался, медлил, боясь рисковать. Тогда старцы сами принялись за еду, после чего Танский монах тоже отведал пирожков. После пирожков поели бульона и тогда убрали со стола. Танский монах украдкой осмотрелся вокруг и заметил, что помещение было украшено богатой блестящей резьбой и залито лунным светом.

Струился родничок из-под скалы,
Прекрасные цветы благоухали,
Все уголки обители пленяли
Своей необычайною красой.
Достойны были всяческой хвалы
Все те, кто в ней порядок соблюдали,
И пыль и паутину обметали,
Следя за благолепной чистотой.

Танскому монаху очень понравилась эта праведная обитель, и чувства радости и сердечного расположения раскрылись в нем. В состоянии полного восторга он не удержался и произнес:

Сердце того, кто отверг все мирское, схоже с луной:
Чисто и светло оно: на нем — ни пылинки земной.

Старец Цзин-цзе усмехнулся и сразу же сложил вторую строку:

Дар же его стихотворный велик и непревзойден,
Ибо черпает в небе свое вдохновение он.

За ним сложил третью строку Гун Чжи-гун:

Цветистой парче подобен слов его дивный узор:
Радует слух, как ткань золотая радует взор.

Четвертую строку сложил Лин Кун-цзы:

Мудр стихотворец, а строки его, как звезды, ясны —
Им украшенья излишни, ему хвалы не нужны.

Пятую и шестую строки прочел Фу Юнь-соу:

Шесть величайших династий * стерты уж с лика земли,
С ними веселье, и роскошь, и наслажденья ушли;
На лучшие главы Сышу * наложен запрет,
Ищешь напрасно ты оды Шицзина * — их уже нет.

— У меня случайно вырвалась одна строка нескладного стиха,— сказал Танский монах,—и обо мне поистине можно сказать, что я машу топором у дверей дома Лу Баня *. Ваши же стихи, которые я только что услышал, свежи и изящны. Судя по ним, вы настоящие мастера поэзии.

— А ты, пожалуйста, не отвлекайся,— сказал старец Цзин-цзе.— Помни, что монахи начатое дело доводят до конца. Ты сложил первую строку, почему же не заканчиваешь стих? Прошу тебя, продолжай.

— Это мне не под силу,— стал отнекиваться Танский монах.— Очень прошу тебя, уважаемый гун, сделай это вместо меня.

— Ну и хорош, нечего сказать,— шутливо воскликнул гун,— ты ведь сам начал слагать стих, почему же отказываешься закончить его? У тебя нет никаких оснований скупиться на свои рифмы, они дороги нам, как жемчужины...

И пришлось Танскому монаху завершить начатое им стихотворение следующими двумя строчками:

Чай поспевает; тихо на ложе я полулежу,
Взором за легкою птицей, слухом за ветром слежу.
Сами приходят стихи — лишь стоит уста разомкнуть...
Чувством сладчайшим весны моя преисполнена грудь.

— Какая великолепная строфа! — воскликнул гун восемнадцатый.— До чего хорошо звучит: «Чувством сладчайшим весны моя преисполнена грудь».

— Цзин-цзе! — обратился Гун Чжи-гун к правителю горного хребта,— ты прекрасно разбираешься в поэзии, потому и смакуешь последнюю строку. А почему бы тебе самому не начать следующее стихотворение?

Правитель горного хребта гун восемнадцатый был в ударе и не заставил себя упрашивать. Он сам предложил разыграть стихотворную игру:

— Я начну первую строку с последнего слова предыдущего стиха, а вы по очереди слагайте последующие строки таким же образом.

С этими словами он начал:

Грудь моя дышит привольно, а сам я зелен и щедр,
Не страшен мне зной палящий, не страшен и зимний ветр.

— Ну что ж,— сказал Лин Кун-цзы,— я продолжу с последнего слова твоего двустишия:

Ветры утихли, но пляшет тень моих легких ветвей,
Любуется путник красою неугасимой моей.

Вслед за Лин Кун-цзы выступил Фу Юнь-соу:

Моей седине достойной, стройному стану к тому ж
Может завидовать каждый в преклонном возрасте муж.

Последним выступил Гун Чжи-гун:

Муж, здесь стоящий пред вами, собою поддержит трон*,
Также и дом укрепит он со всех четырех сторон,
И рукоятью секиры также окажется он.

Танский монах слушал, беспрестанно восторгался, а под конец сказал:

— Какие блестящие стихи! Они сверкают, словно снег под яркими лучами весеннего солнца! Их утонченность возносится за облака. Вдохновленный вашими стихами, я осмелюсь предложить еще одно двустишие для начала, хоть и не обладаю никаким талантом.

Гун Чжи-гун перебил его:

— О премудрый монах! Ты такой добродетельный муж, так много положил трудов на воспитание в себе высоких качеств. Тебе не подобает играть с нами в эту игру. Прошу тебя, сложи нам лучше целое стихотворение. Может, кто-нибудь из нас в ответ тоже сложит стихи, созвучные твоим!

Танскому монаху пришлось согласиться. С улыбкой он прочел следующие стихи:

Дорога на Запад должна меня увести,
Книги священные там я смогу обрести,
Чтобы благое ученье дальше по свету нести.
Счастье великое встретил я в трудном пути,
Видя, как дар ваш до неба сумел возрасти,
Благоуханнейшим древом сумел расцвести.
Быть вам в почете, друзья, и в великой чести
Ныне и вечно, и всюду, во всех десяти
Света частях, коль сумеет зло отвести,
Сетью его не дадите себя оплести,
Благо и Истину будете в сердце блюсти,
Дабы в обитель блаженства свой дух вознести!

Четверо старцев выслушали это стихотворение с нескрываемым восторгом. Гун восемнадцатый воскликнул:

— Хоть я и стар и глуп и с моей стороны было бы дерзостью слагать стихи после вас, я все же попытаюсь:

Высокомерен я и горд, зовут меня Цзин-цзе,
Сам славный Чунь * и дивный Цзы * уступят мне в красе,
И по сравнению со мной юнцы — деревья все.
В ущельях горных на сто чжан ложится тень моя,
Она струится, как ручей, и вьется, как змея,
Питает мощь моих корней бессмертная земля.
Дружу я с небом и с землей. Сегодня, как и встарь,
Пошлет мне солнце жаркий луч, луна зажжет фонарь,
Как прежде, светел и пахуч смолы моей янтарь.
Меня печалью не гнетет веков прошедших ряд,
И дождь люблю я, и росу, и непогоде рад,
Мне ветер мил, он мне всегда, в любой невзгоде — брат.
Но красоты не сохранить, когда начнешь стареть:
Когда угаснет блеск листвы, коры угаснет медь,
Кто скажет надо мной «увы» — на это мне ответь.

— Начало у этого стиха очень бодрое и мужественное,— сказал Гун Чжи-гун,— каждая строка связана с другой, но в последних двух строках ты чересчур себя принизил. А в общем недурно, очень даже недурно! Я тоже хочу попробовать сложить стих под стать твоему, хоть и стар и несмышлен.

С этими словами он начал:

Тебя я выслушал — теперь внемли моим речам:
Являю я прекрасный вид внимательным очам,
Когда свет лунный серебрит мой купол по ночам...
Когда, бессонный, в тишине несу я свой дозор,
Средь преисполненных красы величественных гор,
Когда алмазами росы блистает мой убор,
Благоухание мое разносится вокруг,
Бесшумно пашет облака великий звездный плуг,
И на меня издалека глядит луна — мой друг.
Сам царь пернатых свой полет стремит под сень мою,
Я каллиграфам четырем * всегда приют даю,
Я охраняю дивный храм — ему стихи пою.
Под эту песнь священный храм благие видит сны,
Я этой песней славлю всех, что в мир сей рождены,
И пору радостных утех — пришествие весны.

Лин Кун-цзы рассмеялся и стал расхваливать его:

— Хороши стихи! Очень хороши! — молвил он.— Вот уж, действительно, как говорится: «Они сверкают так же ярко, как луна в небе». Где уж мне, старому, сочинить такие стихи? Но все же неловко пропускать свой черед. Дай-ка и я попробую сочинить что-нибудь.— И он прочел:

Пригоден мой могучий ствол для балок и стропил,
Где человек своим трудом под песню звонких пил
Возводит новый прочный дом — там дорог я и мил.
Опора государя — друг, не лицемер, не льстец,
Опора дома — из стволов положенный венец.
Как друг вхожу под каждый кров, как к сыновьям — отец.
Дыханье уст моих бодрит и освежает грудь
Того, кто в жаркий летний день, оставив трудный путь,
Войдет в мою густую тень от зноя отдохнуть.
Существованию моему положен долгий срок,
В подземном царстве мощь корней моих берет исток,
Уходит в небо ширь ветвей, настолько я высок.

Я красотою не кичусь, мой гордый вид суров,
И потому не нахожусь средь редкостных цветов,
Среди изнеженных дерев причесанных садов.

— Ваши стихи, уважаемые братья, право, очень изысканны и совершенны,— сказал Фу Юнь-соу.— Я не гожусь: слаб здоровьем, да и таланта нет у меня. Но вы просветили мое невежество и заразили своим примером. Так и быть, я тоже что-нибудь придумаю, только прошу вас, не смейтесь!

И Фу Юнь-соу сложил стихи:

Запечатлел я на века все рукописи Хань *.
В садах Циао * был славен я, в долине Вэйчуань *
Моим достоинствам, друзья, все отдавали дань.
Среди людей мой древний род доныне знаменит,
Ведь вид мой долгие года все взоры веселит,
Моя зеленая листва всегда свой цвет хранит.
Не страшен мне сырой туман и гибельный мороз,
Седому времени меня скрутить не удалось,
И надо мною может лить немало горьких слез
Царица Э * — им не смочить упругого ствола,
Коль влаги не приемлет он, как добродетель — зла!
(Невнятен ей и лести звон и зависти хула.)
С тех пор, что мир покинул сей достойный Цзы-ю,
Немного у меня друзей, но радость познаю —
Художникам и мудрецам дарить красу свою.

— Ваши стихи,— прочувствованно сказал Танский монах,— поистине замечательны! Что ни слово, будто фениксы вылетают из ваших уст, словно жемчуга изо рта рассыпаются! К ним ничего не могли бы добавить ни Цзы Ю, ни Цзы Ся *. Я весьма благодарен и признателен вам за проявленное ко мне внимание, но время уже позднее, а я не знаю, где ожидают меня трое моих спутников-учеников, потому не смею дольше оставаться. Позвольте мне на этом распрощаться с вами. Я унесу с собой чувство безграничной любви к вам. Прошу вас только указать мне дорогу, уважаемые старцы!

— Ты не беспокойся! — засмеялись старцы.— Для нас встреча с тобой — самое знаменательное событие за целое тысячелетие. К тому же сейчас такая чудная погода, ночь хоть и глубокая, зато от луны светло как днем. Посидим, пока не наступит рассвет, а тогда мы проводим тебя через горы, и ты наверняка встретишься со своими уважаемыми спутниками!

В этот момент снаружи показались две девушки-служанки в темных одеждах, с фонарями из красного шелка, а за ними красавица — волшебная фея. Она вертела в руках цветок абрикоса и с легкой усмешкой вошла в помещение. Хотите ли знать, читатель, как она выглядела? Вот послушайте:

Подобны звездам ласковые очи,
Двум полумесяцам подобны бровки,
А волосы на маленькой головке
Нежнее шелка и темнее ночи.

Приспущены узорные чулочки —
Их видом невозможно не плениться:
На туфлях островерхие носочки
Изогнуты, что клюв у хищной птицы.
Разбросаны цветы и листья сливы
По платью бледно-розового цвета,
Поверх — доспехи легкие надеты
И облегают стан ее красиво.
Она стройнией, бесспорно, и милее
Цзюй-цзи * самой и девушек Тяньтая:
Ее лицо и без румян алее
Зари, что светит, утро возвещая.

Четверо старцев при виде волшебной феи встали и вежливо спросили ее:

— Откуда пожаловала, фея Абрикосов?

Красавица поздоровалась со старцами, пожелав им счастья и благополучия, а затем сказала:

— Я узнала, что у вас здесь дорогой гость, с которым вы вместе пируете, а потому и пришла. Осмелюсь просить вас провести меня к нему.

Гун восемнадцатый, указывая рукой на Танского монаха, сказал:

— Вот он, наш дорогой гость! И вести вас никуда не нужно!

Танский монах склонился в поклоне, не осмеливаясь произнести ни слова:

— Подать сюда чаю, живей! — крикнула красотка.

Сразу же появились еще две молодые девицы в желтых одеждах, которые несли красные лаковые подносы. На подносах были установлены шесть чашек из тонкого фарфора с диковинными плодами. На плодах лежали ложечки. Кроме того, девушки принесли с собой большой железный чайник в светлой медной оправе, из которого шел приятный аромат. Фея разлила чай, а затем, улыбнувшись и полуобнажив свои прелестные белоснежные зубки, похожие на дольки весенней луковицы, подала первую чашечку Танскому монаху. После этого она поднесла чай четырем старцам и, наконец, налила себе.

— Отчего же ты не садишься? — спросил фею Лин Кун-цзы.

Красавица только тогда села вместе с ними. Затем она встала и спросила:

— Не поделитесь ли вы, уважаемые старцы, вашими прекрасными стихами, которые, несомненно, сложены при встрече?

Фу Юнь-соу ответил:

— У всех у нас уж очень бедный, грубый язык. Зато гость наш, мудрый монах из Танского государства,— истинный поэт. Вот кому действительно можно позавидовать.

— Прошу, если только вы не поскупитесь, поделиться со мною,— сказала фея.— Мне очень хочется послушать!

Тут все четыре старца рассказали красавице, какие стихи

прочел Танский монах в первый и во второй раз, а также передали ей поучения монаха о способах созерцания.

Лицо волшебницы расцвело, как прелестный цветок весною. Обратившись ко всем присутствующим, она смущенно сказала:

— Я не обладаю талантом и не вправе отнимать у вас время. Но, услышав такие прелестные стихи, не могу оставить их без ответа. Постараюсь, как смогу, сложить в честь гостя хоть один стих. Как вы отнесетесь к этому?

И, не дожидаясь ответа, она стала нараспев читать свой стих:

Когда великий царь У-ван * еще на свете жил,
Мой нежный вид и стройный стан уже прославлен был.
Под сень мою Конфуций сам с друзьями приходил *.
Моим румянцем врач Дуи-сянь был некогда пленен,
Им в честь мою был дивный сад плодовый насажден,
Благословением небес казался людям он.
А запах сладкий мой прельстил отшельника Сунь Чу:
Так — всем достойным я мила, коль только захочу...
Но, что бываю и кисла, — о том я умолчу.
Пусть омывает хладный дождь огонь моих ланит —
Не угасает робко он, но пуще лишь горит:
Он солнцем золотым рожден и душу веселит.
Но жарких испарений яд — страдание мое:
Тускнеет яркий мой наряд, впадаю в забытье,
И переходит в вечный сон земное бытие.

Четверо старцев внимательно выслушали стихотворение и похвалили волшебную фею.

— Очень изящные стихи, в них нет ничего мирского,— говорили они.— В каждой строке чувствуется весна. Особенно хороша строка:

Пусть омывает хладный дождь огонь моих ланит —
Не угасает робко он, но пуще лишь горит!

Подумайте только!

Пусть омывает хладный дождь огонь моих ланит—
Не угасает робко он, но пуще лишь горит!

Ведь это просто замечательно!

Красавица улыбнулась и тихо ответила:

— Мне стыдно! Очень стыдно! Разве можно сравнивать мои стихи со стихами мудрого монаха, которые я только что слышала! Они поистине великолепны! О, если бы наш дорогой гость не поскупился еще на одно стихотворение, оно было бы для меня драгоценнее жемчуга и яшмы!

Но Танский монах не посмел ответить. Волшебная фея, желая понравиться, начала кокетничать с ним. Она придвигалась к нему все ближе и, наконец, прижавшись, прошептала:

— Дорогой гость мой, молчальник! Что, если мы с тобой позабавимся в эту чудную ночь? Ведь человеческая жизнь так коротка! Сколько времени тебе еще суждено прожить?!

Гун восемнадцатый поспешно произнес:

— Смею уверить тебя, мудрый монах, что наша чудная фея Абрикосов питает к тебе самые возвышенные чувства. Неужели ты откажешь ей? Если ты поступишь подобным образом, значит, ничего не смыслишь в прелестях жизни!

Но тут вступился Гун Чжи-гун:

— Не забывай,— сказал он,— что наш гость в монашеском звании! Благочестие и доброе имя не позволяют ему поступать легкомысленно. Если мы будем уговаривать его, то тем самым примем на себя великий грех. Осквернить доброе имя, лишить благочестия — все это недостойно нас. Если же у чудной феи Абрикосов действительно есть такое желание, то пусть Фу Юнь-соу и гун восемнадцатый выступят сватами, а я и Лин Кун-цзы — поручителями. Сыграем свадьбу! Ведь это будет великолепно!

Лицо у Танского монаха при этих словах мгновенно изменилось. Он подскочил на месте и закричал:

— Вы все, оказывается, заодно, мерзкие оборотни! Задумали обольстить меня! Еще недавно вы вели со мною достойные речи, и я был рад говорить с вами о сокровенных тайнах и о пути к совершенству. Как же вы посмели посягнуть на мой монашеский сан, задумав погубить меня женскими соблазнами?! Кто дал вам право поступать подобным образом?

Старцы, видя, что Танский монах не на шутку разгневался, стали в смущении кусать себе пальцы, не зная, как оправдаться.

Вдруг стоявший в стороне бес-слуга вспылил и заорал громовым голосом:

— Ишь ты какой! Не понимаешь, что тебе оказывают честь? Чем плоха наша барышня? Она талантлива, изящна, красива и так грациозна! А какая дельная! Стоит ли говорить, до чего она искусна в рукоделии, да и в сложении стихов великая мастерица. Куда искуснее тебя! Как же ты смеешь отказываться от такой высокой чести? Смотри, поплатишься за свою гордость! Гун Чжи-гун прав. Если не хочешь так, давай сыграем свадьбу. Все хлопоты беру на себя!

Танский монах от страха даже побледнел, но твердо решил не поддаваться ни на какие уговоры. Тогда бес-слуга снова стал кричать:

— Ах ты, гнусный монах! Мы тебя по-хорошему уговариваем, а ты и слушать не желаешь! Если будешь вести себя подобным образом, мы поступим с тобой по-мужицки, затащим тебя в такое место, что тебе и монахом не быть и жениться нельзя будет! Пожалеешь тогда, что на свет божий родился. Ну, что ты теперь скажешь?

Но Танский монах был тверд, как алмаз, и продолжал стоять на своем. «Где-то теперь мои ученики разыскивают меня?..» — думал он. Вдруг Сюань-цзан громко вскрикнул и слезы неудержимым потоком хлынули из его глаз. Волшебница рассмеялась и,

подойдя поближе к нему, достала из своего широкого рукава изумрудного цвета носовой платочек из нежной тонкой ткани. Вытирая ему слезы, она говорила:

— Дорогой гость! Не огорчайся и не сердись. Давай хоть немножко поласкаемся и понежимся — вот и все. Позабавимся и разойдемся!

Танский монах с омерзением плюнул и с громкими воплями пустился было бежать, но его схватили, и началась перебранка, которая продолжалась до самого рассвета.

Вдруг откуда-то послышались возгласы: «Эй, учитель!», «Наставник!», «Где ты?», «С кем ссоришься?»

Оказывается, Великий Мудрец Сунь У-кун вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном всю ночь искали своего наставника. Они исходили колючие кустарники вдоль и поперек, и все тщетно. За ночь они прошли на облаках и туманах все восемьсот ли Терновой горы и спустились у ее западных отрогов. Там они и услышали громкие вопли своего учителя и стали звать его. Танский монах, уверенный в том, что спасение близко, крикнул:

— Сунь У-кун! Я здесь. Спеши скорей ко мне на помощь!

Четверо старцев с голым бесом-слугой, а также волшебная фея со своими служанками еще некоторое время в замешательстве цеплялись за Танского монаха, а затем вдруг куда-то исчезли.

Вскоре к тому месту, где находился Танский монах, подошли Чжу Ба-цзе и Ша-сэн.

— Как ты попал сюда, наставник? — спросили они с изумлением.

Но Танский монах, не отвечая, кинулся к Сунь У-куну и стал причитать:

— О братцы мои! До чего же я замучил вас, обременив заботой о себе. И во всем виноват только я. Ведь этот старец, который вчера вечером явился к нам под видом духа земли и предложил подкрепиться, а ты обругал его и хотел прибить, в самом деле оказался оборотнем. Он умчал меня сюда. Здесь взял за руки и ввел в помещение, куда пришли еще три старца. Все они были очень вежливы со мною и величали меня «мудрым монахом». Каждый из них говорил изысканным языком, причем все они оказались замечательными стихотворцами. Незаметно пролетело время и наступила глубокая ночь. Но тут появилась прелестная дева с цветными фонарями. Она сказала, что пришла повидаться со мною и тоже прочла очень хорошее стихотворение. Она величала меня «дорогим гостем», и, видимо, я ей настолько понравился, что она стала добиваться слияния со мною. Тут я понял, в чем дело, и стал всячески отказываться. Остальные же стали заступаться за нее и сватать ее мне, кто в качестве свата, кто в качестве посаженого отца, а кто и в качестве устроителя свадьбы. Я поклялся сам себе ни за что не соглашаться. Хотел

бежать, но они задержали меня, и началась ссора. Совершенно неожиданно вы подоспели ко мне на выручку. То ли потому, что уже совсем рассвело, или просто они испугались вас, но вдруг все они куда-то сразу исчезли, хотя только что еще цеплялись за меня.

— А вы, наставник, так долго с ними беседовали, стихи слагали и даже не поинтересовались, как их зовут?— удивился Сунь У-кун.

— Я спросил у них, как их величают по прозвищам, и они мне сказали. Самого старшего зовут гун восемнадцатый, его прозвище: Крепкий, как сучок. Второго зовут Гун Чжи-гун, третьего — Лин Кун-цзы, а четвертого — Фу Юнь-соу; деву они величали феей Абрикосов...

— Где они живут и куда могли исчезнуть? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Я не знаю, куда они могли исчезнуть,— ответил Танский монах.— Но то место, где мы слагали стихи, совсем недалеко отсюда!

Все трое учеников последовали за своим наставником к тому месту, где помещалось каменное строение. Они увидели скалу, на которой было высечено три иероглифа: «Скит лесных праведников».

— Вот здесь! — сказал Танский монах.

Сунь У-кун внимательно стал оглядывать все это место и вдруг заметил четыре больших дерева: одно из них было огромное можжевеловое дерево, другое — старый кипарис, третье — сосна почтенного возраста и четвертое — старый бамбук. За бамбуком он увидел клен. Продолжая всматриваться, он заметил с другой стороны скалы старое абрикосовое дерево, рядом с которым росли два деревца восковой сливы и два коричных деревца.

— Ты не видишь, где находятся оборотни? — спросил он.

— Не вижу,— отвечал тот.

— Какой же ты недогадливый! Все эти деревья, которые ты видишь поблизости, как раз и есть оборотни.

— Как же ты узнал, братец, что оборотни оказались деревьями? — заинтересовался Чжу Ба-цзе.

— Очень просто,— отвечал Великий Мудрец Сунь У-кун.— Гун восемнадцатый как раз и есть иносказательное название элементов, из которых составляется иероглиф, имеющий значение «сосна». Гу Чжи-гун — это кипарис; Лин Кун-цзы — можжевеловое дерево, а Фу Юнь-соу — бамбук; бес-слуга — это клен, фея Абрикосов — абрикосовое дерево, а ее прислужницы — две восковые сливы и два коричных деревца.

Услышав эти слова, Чжу Ба-цзе стал бить по деревьям граблями и подрывать их корни своим рылом. Он сразу же выворотил оба деревца восковой сливы и оба коричных деревца, абрикосовое дерево и клен. Когда он повалил их на землю, то на корнях в самом деле проступили капли крови.

Танский монах подошел к Чжу Ба-цзе и стал его удерживать:

— Чжу У-нэн! Не губи ты их! Они хоть и оборотни, но не нанесли мне никакого вреда. Давайте лучше выйдем на дорогу и отправимся дальше!

— Наставник! — сказал Сунь У-кун.— Не жалей этих оборотней. Неизвестно еще, какие превращения они примут в будущем и сколько бед причинят людям!

Эти слова придали еще больше решимости Чжу Ба-цзе. Одним ударом своих грабель он повалил сосну, а затем и остальные три дерева. После этого он предложил наставнику сесть на коня. Они выбрались на большую дорогу и продолжали путь на Запад.

О том же, как совершалось их дальнейшее путешествие, вы узнаете из следующих глав.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ,

повествующая о том, как дьявол-оборотень воздвигнул ложный храм, назвав его малый храм Раскатов грома, и как четверо путников попали в большую беду

Причины и следствия бед, о которых мы здесь говорим,
Вещают о том, сколь мы в жизни бываем неправы,
Когда по неведенью зло вместо блага творим,
Когда вместо пищи духовной вкушаем отраву!
Все помыслы наши мирские, все тайное с миром родство
Известны всевышнему, но не меняет теченья
Намерений наших греховных само божество,
Желая, чтоб жили мы по своему разуменью.
Нельзя научиться безумью, нельзя научиться уму —
Мы качествам собственным следуем с самого детства...
Быть умным иль глупым? О, кто нас обучит тому,
Коль в мире еще не открыто подобное средство?
Пусть каждый, при жизни стремясь к совершенству прийти,
Как кормчий рулем, неуклонно владеет собою,
Иначе собьется невольно с прямого пути
И будет метаться без цели по воле прибоя.
Познавший истоки свои и всего, что живет,
Себя сохранит от опасностей перерождений;
Покорный учению Будды — себя соблюдет
От власти греховной и от слепоты наваждений.
Отверзший соблазнам и очи, и слух, и уста
Навеки себя погружает в пучину печали;
Лишь тот, кто добра преисполнен, чья совесть чиста,
На птице Луань вознесется в пресветлые дали.
За благо содеянное воздадут в небесах,
По действиям прошлым достойный получит награду,
Как равный войдет он в обитель безмерной отрады * —
У входа ее добродетель стоит на часах!

Танский монах, только и помышлявший о том, чтобы быть почтительным и искренним, пользовался покровительством всех небесных духов, даже духи трав и деревьев прониклись к нему уважением; они провели его к себе и всю ночь с ним вместе развлекались стихами.

Наши путники, выбравшись из терновников, которые кололись больнее иголок, больше уже не встречали на пути своем цепких лоз и лиан. Они продолжали идти на Запад и шли уже довольно много времени. Снова кончилась зима и наступили весенние дни.

Пора любви в природе наступила,
По-вешнему переместились звезды,
Все травы на земле зазеленели,
Побеги набрались чудесной силы,
Щебечут птицы, вьют и лепят гнезда —
Весна проснулась в новой колыбели!
Зима прошла, ее как не бывало!
Листвой лепечущей оделись ивы,
С вершины горной, нежно пламенея
Заря спускается потоком алым —
То зацветают персики и сливы.
Глядишь, вокруг — и красками Ван Вэя*
Все взоры привлекает и чарует.
Как музыка прелестных слов Су Циня *
Доносятся певцов крылатых трели,
С цветка к цветку перелетают пчелы,
Природа обновленная ликует
Под солнцем золотым, под небом синим!
Ручьи, как колокольца, зазвенели,
И сердце переполнилось весельем,
Чудесным чувством нежности и счастья:
Его лучи весенние согрели
И не страшат весенние ненастья!

Ученики Танского монаха, любуясь красотами природы, следовали за конем своего наставника, который замедлил ход. Путники все шли и шли, и неожиданно перед ними выросла высокая гора, которая, казалось, соединялась с небом. Указывая плетью на гору, Танский монах обратился к своему старшему ученику:

— Гляди-ка, Сунь У-кун! Эта гора настолько высока, что кажется, будто она соединяется с небом и даже достигает Млечного Пути.

— Разве вы забыли древние стихи:

Мой друг, на свете нет горы такой,
Что с небом бы сравнялась высотой! —

ответил Сунь У-кун.— Как бы высока ни была гора, она никогда не достигнет неба. Разве может земная гора соприкасаться с небесной лазурью?

— Если, по-твоему, гора не может соприкасаться с небом,— вмешался Чжу Ба-цзе,— то почему же горы Куэньлунь называют опорой неба?

— Ты, видно, не знаешь, что исстари в северо-западной части неба был пролом,— насмешливо ответил Сунь У-кун.— Горы Куэньлунь как раз находятся под северо-западной частью небосклона. Поэтому про них говорят, что они подпирают небо и заслоняют брешь.

Ша-сэн стал смеяться:

— Брат, ты ему не рассказывай таких замечательных вещей, а то он наслушается и опять натворит что-нибудь. Давайте лучше прибавим шаг, взберемся на гору и узнаем, насколько она высока.

Дурень Чжу Ба-цзе пустился наперегонки с Ша-сэном, то забавляясь, то ссорясь с ним. Конь у наставника полетел словно на крыльях, и вскоре путники очутились у подножья горы. Они начали подниматься вверх, ступая шаг за шагом, и вскоре глазам их представилась картина необычайной красоты.

Вот послушайте:

Бывает же такая красота,
Которой невозможно не плениться!
Бывает же такая высота,
Которой не достигнет даже птица!
Бывает же такая крутизна,
Что даже дух ее не одолеет,
И облаков такая белизна,
Что иней перед нею потемнеет!
Воистину, чудесная гора
Пред путниками нашими предстала!
Ее, как одеянье, облегала
Шершавая гранитная кора,
Ущельями покрытая, местами
Грозящая зубцами темных скал,
Таящая губительный обвал
Иль скрытая зелеными лесами.
Вершина, подпирая свод небесный,
Своим подножьем уходила в бездну.
А сколько в тех лесах гнездилось птиц,
А сколько серн там было и оленей,
Седых енотов, огненных лисиц,
И обезьян различных поколений!
Но можно было слышать там порой
И тигра кровожадного рычанье,
И волка душу леденящий вой,
Пугающие робкие созданья.
Увидеть можно было там не раз
Как, выйдя из засады, барс пятнистый,
С безвинной жертвы не спуская глаз,
Крадется тихо по тропе тенистой.

У Танского монаха при виде хищных зверей сердце сжалось от страха.

Но вы посмотрели бы, читатель, как Сунь У-кун, обладавший огромной волшебной силой, взмахнул своим посохом с золотыми

обручами и рявкнул... Все звери с перепугу расступились, а он проложил дорогу и провел своего наставника прямо к вершине горы. Они благополучно перевалили через нее и спустились по западному склону на ровное плато. Тут они вдруг заметили чудесное сияние и клубы разноцветных воспарений, исходивших от дворцовых построек с высокими стенами и башнями. До их слуха донеслись мелодичные звуки колокола и била.

— Братья! — воскликнул Танский монах.— Посмотрите, что это за обитель?

Сунь У-кун поднял голову, приложил руку к глазам и стал всматриваться. До чего же красивое место он увидел! Вот уж поистине:

Обитель та чудесный вид являла:
Она невольно взоры привлекала
И благолепием и роскошью своей.
Святыни древние она напоминала,
И все ж немногие из них, пожалуй,
Своей красой могли б сравниться с ней.
Сквозь переплеты сучьев и ветвей,
Усыпанных прозрачною росою,
Блистающие сотнями огней
Виднелись малахитовые стены
С воротами из яшмы драгоценной,
И лестницы из розовых камней,
Пурпурные крученые перила,
Лазурные узорные стропила,
Тяжелые заслоны у дверей.
Вдали, подобный сну, подобный чуду,
Ввысь устремляется храм благого Будды
В неясном свете утренних лучей.
Так, разодрав завесу из туманов,
Предстал священный монастырь шраманов
Пред взглядом очарованных очей.
Все здесь великой прелестью пленяло,
Все расцветало, все благоухало,
Пел песню нежную свою ручей,
И вторил песне той в садах тенистых
Хор птичий, неумолчный, серебристый,
И светлым днем и в сумраке ночей.
Садам обители Циао лишь подобен,
И с ними он один соперничать способен.
Да, видно, был тот зодчий чародей,
Что в небо вывел башни из порфира:
Взглянув оттуда, ты узришь полмира,
Пространства снежные и синеву морей.
В покоях, где читаются деянья,
Луна в окно струит свое сиянье,
И тысячи лампад оно светлей;
Все стены отливают перламутром
В покое дивном, где внимает сутрам,
Вдыхая фимиам, толпа людей.
Откроешь ты трехстворчатые двери,
И, выглянув, своим глазам не веря,
Подумаешь, что вдруг попал в Шэвэй *.
Под небом звон струится колокольный,
Неся далеко над землей привольной
Искусство монастырских звонарей.

Свет солнечный здесь кажется отрадней,
А горный воздух чище и прохладней,
И ветерок приятней и свежей.
Здесь мир и добродетель, торжествуя,
Не допускают суету мирскую
С ее потоком гибельных страстей,
Здесь места нет соблазнам и обманам,
Желаньям плоти и иным дурманам,
Здесь не расставить злу своих сетей.
Здесь праведник, отринув с миром битвы,
Предастся в тишине спасительной молитве.

Осмотрев все, что охватывал взор, Сунь У-кун ответил своему наставнику:

— Учитель! Это в самом деле монастырь, но почему-то сквозь божественное сияние проступают струйки зловещего духа. С виду монастырь этот очень походит на храм Раскатов грома, но нам ни в коем случае не следует входить туда по своей воле, чтобы не попасть в лапы злодеям.

— Если ты говоришь, что монастырь похож на храм Раскатов грома, не значит ли это, что перед нами священная гора Линшань? Перестань дурачиться и не томи меня.

— Нет, нет! — отвечал Сунь У-кун.— Я ведь несколько раз бывал на священной горе Линшань и хорошо знаю дорогу.

— Ну, пусть даже так,— вмешался Чжу Ба-цзе,— все равно здесь наверняка живут добрые люди.

— Что думать да гадать! — сказал тут Ша-сэн.— Наша дорога пролегает мимо ворот монастыря. Вот мы и посмотрим, что это за монастырь.

— Совершенно верно,— сказал Сунь У-кун.— Ша У-цзин прав.

Танский монах стал подстегивать коня и, когда достиг ворот монастыря, то увидел вывеску, на которой красовались три больших иероглифа: «Храм Раскатов грома». В страхе и смятении он свалился с коня наземь и простерся перед воротами, сердито ворча на Сунь У-куна:

— Ах ты, противная обезьяна! Погибель ты моя! Ведь это храм Раскатов грома, а он вздумал еще потешаться надо мной!

Сунь У-кун услышал его ворчанье и засмеялся:

— Наставник! Не сердись на меня, а лучше взгляни хорошенько еще раз на вывеску. Ведь на ней не три, а четыре иероглифа. Как же это ты прочел только три и сразу стал бранить меня?

Танский монах, дрожа всем телом, поднялся на ноги, еще раз взглянул на вывеску и убедился, что на ней в самом деле четыре иероглифа: «Малый храм Раскатов грома».

— Ну и что же? — произнес он.— Пусть малый храм, но и в нем, безусловно, тоже находится Будда. Ведь в священных

книгах говорится о трех тысячах Будд, стало быть Будда не находится в одной только стороне: подобно богине Гуаньинь у Южного моря на горе Эмэй и Вэньшу на горе Утай. Это, конечно, монастырь одного из Будд. У древних мудрецов есть такое выражение: «Где Будда, там и его учение». Я думаю, мы можем, откинув страх и сомнение, войти сюда!

— Нет, ни в коем случае! — вскричал Сунь У-кун.— Сюда заходить нельзя. Здесь мало добра, зато много зла. Если что-нибудь с нами случится, не пеняй на меня!

— Ну, пусть даже мы не найдем здесь живого Будды, но ведь его изображение должно быть на своем месте,— продолжал настаивать Танский монах.— Я хочу исполнить свой обет: поклоняться Будде везде, где встретится его обитель. С какой же стати я буду пенять на тебя?

И он велел Чжу Ба-цзе достать рясу, сменил свой головной убор, подпоясался и, приняв осанистый вид, торжественно направился вперед.

В это время в воротах кто-то крикнул:

— Танский монах! Что же ты не идешь, почему медлишь? Ты ведь прибыл сюда из восточных земель поклониться нашему Будде!

Танский монах при этих словах тотчас начал отбивать поклоны. Чжу Ба-цзе встал на колени и тоже бил челом об землю. Ша-сэн вслед за ним повалился на колени, и только один Великий Мудрец Сунь У-кун невозмутимо стоял позади них и, держа коня под уздцы, приводил в порядок поклажу. Путники вступили в монастырь и, когда дошли до вторых ворот, глазам их представился великий дворец Будды Татагаты. Перед входом, внизу, у престола Будды, выстроились рядами пятьсот архатов, три тысячи подвижников, вникших в учение Будды, четыре махарачжи — хранителя Будды, восемь бодисатв, монахини-бикшуни, упаны, упасики, а также бесчисленные толпы премудрых монахов и праведников. Вот уж поистине это зрелище являло собой картину, достойную быть воспетой в стихах:

Благоуханные цветы своею красотой блистают,
А благовещие пары над ними в воздухе витают.

Танский монах, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн так были смущены этим зрелищем, что еле-еле продвигались вперед, на каждом шагу отвешивая поклоны. Так они дошли до священного трона и с поклоном остановились перед ним. Только Сунь У-кун не кланялся.

Вдруг с того места, где находился трон, устроенный в виде цветка лотоса, послышался злой окрик:

— Эй! Сунь У-кун! Ты почему не кланяешься, представ перед Буддой Татагатой?

Сунь У-кун внимательно всмотрелся в того, кто крикнул, и,

распознав в нем обманщика, выдававшего себя за Будду, бросил коня и узлы с поклажей и вооружился посохом.

— Ах ты, негодная скотина! — заорал он.— До чего же ты обнаглел? Как посмел ты принять вид Будды и осквернить его чистую добродетель?! Стой! Ни с места!

С этими словами Сунь У-кун стал вращать колесом свой посох и бросился вперед, намереваясь побить обманщика. Но в этот момент в воздухе что-то звякнуло и вниз полетела пара музыкальных тарелок из золота, которые сжали Сунь У-куна с обеих сторон вместе с головой и ногами и захлопнули его. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, придя в смятение, поспешно выхватили один — грабли, другой — волшебный посох, но не успели они и пальцем шевельнуть, как их сразу же окружили плотным кольцом все архаты, приверженцы Будды, премудрые монахи и праведники. Танского монаха тоже схватили, и их всех вместе крепко-накрепко связали толстыми веревками.

Восседавший на троне обманщик оказался царем оборотней, а вся толпа, которая стояла перед его троном, в том числе и архаты,— разными мелкими оборотнями и чертями. После того как пленники были связаны, оборотень принял свой настоящий облик и поволок свои жертвы в заднее помещение, где спрятал их, а Сунь У-куна так и оставил в металлических тарелках. Тарелки были возложены на драгоценный трон Будды и по истечении трех суток находившемуся в них Сунь У-куну суждено было превратиться в сгусток гноя и крови. После этого царь оборотней предполагал посадить учеников Танского монаха в железные решета, сварить их и съесть.

Все эти печальные события описаны в стихах:

Мартышка наша, зоркое созданье,
Сумела ложь от правды отличить
И духов злых в обмане облнчнть;
Последователь школы созерцанья
Сумел узреть лншь образ золотой,
Пред ним, как пред святыней, преклонился,
Поклоны бил и Чжу Ба-цзе дурной,
Да и Ша-сэн, то вндя, соблазнился.
К тому ж он был почтн совсем слепой!
А оборотень злой, себе поживу чуя,
В упрямой голове мысль затаил такую:
Природе истинной наперекор пойти,
Монахов с истинного совратить пути
И загубить людей, угодных небу:
Погнбель нх злодею на потребу.
Недаром же про дьявола толкуют:
«В его ученье правды ни на грош,
Зато коварства много там найдешь!»
Попали страннннки в беду лихую...
И ты себе такую ж обретешь,
Когда не в те ворота попадешь!

Толпа оборотней стала стеречь Танского монаха и его спутников, спрятанных в заднем помещении. Там же привязали коня.

Рясу и головной убор Танского монаха уложили в узел и тоже спрятали вместе с остальными вещами путников. О том, какие еще были введены строгие меры, мы здесь рассказывать не будем.

Вернемся к Сунь У-куну, зажатому тарелками. Его окружал непроницаемый мрак, и он обливался потом от нестерпимой жары. Мечась из стороны в сторону, он не находил выхода и, доведенный до исступления, стал яростно колотить своим посохом куда попало, однако тарелки ни на волос не поддались! Не зная, что придумать, Сунь У-кун решил пробить тарелки и бросился на их стенки всем своим телом; затем он прочитал заклинание и сразу же вырос в вышину на тысячу с лишним чжан. Но, о чудо! Тарелки соответственно увеличились и нисколько не разжались. Даже луч света не проникал сквозь них. Тогда Сунь У-кун снова прочел заклинание и уменьшился до размеров горчичного зернышка, однако тарелки соответственно уменьшились, и снова никакого просвета в них не оказалось. Сунь У-кун взял свой железный посох, дунул на него и воскликнул: «Изменись!» Посох сразу же превратился в шест, похожий на древко с перекладиной, как для хоругвей. Сунь У-кун раздвинул шестом стенки тарелок, а затем нащупал на затылке самые длинные волоски, выдернул два и крикнул: «Изменись!» И волосы превратились в сверло с пятью лепестками, напоминающими цветок сливы. Сунь У-кун приладил сверло к посоху и начал сверлить, вращая более тысячи раз. Раздался скрежет, но ничего не получилось, ни малейшего углубления. Сунь У-кун заволновался, но все же еще раз прочел заклинание:

— Аньлань! О мир невозмутимого покоя Будды! Цянь-юаньхэн-ли-чжэнь *.

Сразу же снаружи послышались голоса повелителей духов пяти стран света *, духов-служителей Лю-дина и Лю-цзя * и восемнадцати духов—хранителей кумирен и пагод.

— Великий Мудрец! — разом воскликнули все духи-небожители.— Мы давно уже здесь: защищаем твоего наставника и не допустим, чтобы дьявол-оборотень причинил ему вред. Зачем ты вызвал нас к себе?

— Мой наставник не послушал меня,— ответил Сунь У-кун,— и если даже его лишат жизни, я о нем не пожалею! А вас я прошу как можно скорей разнять эти тарелки, освободить меня, и тогда мы решим, как действовать дальше. Здесь у меня совсем темно, свет не проникает, я задыхаюсь от жары. Так и умереть недолго!

Все духи взялись за тарелки, но тарелки будто срослись вместе, и их нельзя было разнять ни на волосок. Тогда Златоглавый дух крикнул Сунь У-куну:

— Великий Мудрец! Эти тарелки волшебные. Они словно срослись, и мы не в силах разжать их!

— Да я уже пускал в ход все свое волшебство: ничего не вышло,— отозвался Сунь У-кун.

Златоглавый дух, услышав эти слова, тотчас велел духу Людин взять под защиту Танского монаха, а Лю-цзя — сторожить тарелки. Духам — хранителям кумирен он приказал вести разведку, а сам вознесся на благодатном луче к Южным небесным воротам. Не дожидаясь, пока его позовут, он вошел прямо во дворец Чудотворного неба и распростерся ниц перед Нефритовым императором, докладывая ему:

— О владыка всех владык. Я — повелитель духов всех пяти стран света, вникающих в явления природы, взываю к тебе. Известный тебе Великий Мудрец, равный небу, Сунь У-кун, которому поручено охранять Танского монаха в его паломничестве за священными книгами, проводил своего учителя через гору, на которой стоит монастырь под названием малый храм Раскатов грома. Танский монах принял эту гору за священную гору Линшань и вошел в монастырь поклониться Будде. Но оказалось, что это дьявол-оборотень воздвигнул ложный монастырь, подделав его под монастырь Будды, с тем чтобы завлечь и погубить Танского монаха с его спутниками-учениками. Он заключил Великого Мудреца в металлические музыкальные тарелки, и ему никак не выбраться из них. Они так плотно сомкнулись, что Сунь У-кун того и гляди задохнется. Я явился лишь затем, чтобы известить тебя о случившемся!

Нефритовый император тотчас отдал распоряжение:

— Срочно отрядить духов — правителей всех двадцати восьми созвездий к малому храму Раскатов грома, чтобы они освободили всех страждущих и покарали дьявола-оборотня!

Духи — правители двадцати восьми созвездий не посмели мешкать и вместе с правителями духов пяти стран света вышли из небесных ворот, а через миг вошли в ворота монастыря. Уже наступило время второй ночной стражи, и все бесы, большие и малые, вкусившие щедрое угощение по случаю поимки Танского монаха, улеглись спать. Воспользовавшись этим, духи — повелители двадцати восьми созвездий приблизились к металлическим тарелкам и объявили Сунь У-куну о своем прибытии:

— Великий Мудрец! Мы прибыли по повелению Нефритового императора, все двадцать восемь повелителей духов двадцати восьми созвездий. Нам велено выручить тебя!

Сунь У-кун очень обрадовался и сказал им:

— Разбейте своим оружием тарелки, и я окажусь на свободе.

— Нет, мы пока не смеем разбивать их! — ответили духи.— Ведь этот талисман сделан из цельного золота. Если мы будем ударять по нему, то поднимется такой звон, что все злые духи, дьяволы и оборотни переполошатся, и тогда нам трудно будет спасти тебя. Мы лучше попробуем разжать их с помощью оружия, а ты, как только заметишь просвет, так сейчас же выскользни через него.

— Ладно! — согласился Сунь У-кун.

И вот духи с великим усердием принялись разжимать тарелки! Кто копьем, кто острием меча, кто ножом, кто топором, кто плечом, кто руками, одни тащат, другие тянут... Так они провозились до третьей стражи, но тарелки ничуть не разжались, словно слитые из одного куска. Сунь У-кун метался из стороны в сторону, надеясь увидеть где-нибудь отверстие, но все его старания были тщетны: нигде никакого просвета не было видно.

Тогда вмешался дух созвездия Дракона, способный пробивать металлы.

— Великий Мудрец! — вскричал он.— Не волнуйся! Судя по всему, с помощью этого талисмана можно делать все, что угодно, он обладает способностью всевозможных превращений. Ты шарь руками по всему шву, а я попробую просунуть свой рог. Как только нащупаешь кончик рога, так сейчас же превращайся в крохотное существо и вылезай наружу.

Сунь У-кун так и сделал. Он стал шарить изнутри, а дух созвездия Дракона тем временем уменьшился настолько, что кончики его рогов стали тонкими, как острие иголки. Он попытался вонзить свой рог между тарелками и надавил с такой силой, которой было бы достаточно, чтобы сдвинуть с места тысячу цзиней. Наконец один его рог прошел насквозь. Тогда дух прибег к волшебству и приказал «Расти!» Он и его рога сразу же начали увеличиваться, причем вонзенный рог сделался толщиной с чайную чашку. Однако тарелки вели себя совсем не как металлические, а скорее как кожаные или мясные: отверстие в них, проделанное рогом, тоже увеличивалось и плотно облегало рог, так что не оставалось даже крохотной щелочки. Сунь У-кун нащупал кончик рога и тут же горестно воскликнул:

— Ничего не выйдет! Нигде никакой лазейки! Что поделаешь? Придется тебе претерпеть острую боль ради того, чтобы я выбрался отсюда.

О, чудесный Сунь У-кун! Он превратил свой посох в сверло и высверлил им маленькую ямку на самом кончике рога, а затем, став величиной с горчичное зернышко, забился в эту ямку и крикнул:

— Ну, вытаскивай свой рог! Только живее.

Духу созвездия Дракона, однако, пришлось затратить немало усилий, чтобы вытащить свой рог, и он тут же в изнеможении рухнул наземь.

Тем временем Сунь У-кун выскочил из ямки, проделанной им на кончике рога, и принял свой первоначальный облик. Выхватив посох, он с размаху ударил им по тарелкам. Раздался оглушительный грохот, словно рухнула медная гора или обвалился горный рудник. Какая жалость! Драгоценные тарелки, принадлежность буддийского храма, разбились на мельчайшие осколки! Все двадцать восемь духов — правителей двадцати восьми

созвездий обомлели от страха, а у повелителей духов пяти стран света даже волосы встали дыбом. От страшного грохота и звона пробудились все большие и малые бесы. Царь оборотней в испуге проснулся, стремительно вскочил на ноги, напялил на себя одежду, забил в барабан и наскоро проверил ряды собравшихся бесов, явившихся с оружием. К этому времени уже стало светать. Вся ватага бесов кинулась к трону Будды. Там они увидели Сунь У-куна с духами — правителями двадцати восьми созвездий и разбитые золотые тарелки. Царь оборотней даже в лице изменился от сильного испуга и приказал своим приближенным:

— Ребята! Закройте наглухо передние ворота и никого не впускайте!

Сунь У-кун, услышав его распоряжение, вместе со всеми небесными духами взмыл на облаке прямо на девятое небо. Тем временем царь оборотней собрал осколки золотых тарелок, а затем расставил рядами полчище своих бесов за воротами храма. Сам он, горя злобой и не зная, что придумать, вооружился короткой эластичной палицей, усеянной волчьими клыками. Выйдя вперед, он громко крикнул:

— Эй ты, Сунь У-кун! Настоящий муж не станет спасаться бегством. Если ты не трус, живей выходи: схватимся с тобой и посмотрим, чья возьмет!

Сунь У-кун не удержался от любопытства. Вместе с духами созвездий он прижал книзу край облака и стал разглядывать царя оборотней. Вот каким он представился Сунь У-куну:

Собой являл он истинное диво:
Чтобы сдержать волос косматых гриву,
Надвинул обруч золотой себе на лоб,
Перепоясан был жгутом, как в поле сноп,
Обвязанный рукою нерадивой.
Нос посреди лица, как спелый плод,
Висел, ему заглядывая в рот,
Который было бы назвать уместно пастью:
Он был пошире, чем у щуки, и зубастей
Блестели брови, желтые, как медь,
А из-под них глаза метали пламя;
Своими волосатыми руками
Держал он палицу, на четверть иль на треть
Усеянную волчьими клыками.
Кольчуга прочная, но тонкая, как сеть,
Охватывала стан его и плечи:
Он, видно, был готов для бранной встречи.
И сколько ни гляди, а взять не сможешь в толк:
То — в шкуре человека или в доспехах волк?

Выставив посох, Сунь У-кун крикнул:

— Ты что за чудовище? И как посмел принять облик Будды, захватить гору и устроить на ней монастырь под названием малый храм Раскатов грома?

— Ты, обезьяна, видно, не знаешь, кто я и как величать меня по имени, а потому и позволил себе дерзость вторгнуться на мою священную гору. Так знай: это место называется Малым западным небом. Я обрел истинное перерождение за свое нравственное самоусовершенствование, за что само небо пожаловало мне эти богатые храмы и чертоги. А зовут меня Желтобровым Буддой. Но здешние жители не знают этого и зовут меня или великим Желтобровым царем, или Желтобровым старцем. Мне давно стало известно, что ты направляешься на Запад. Знал я также, что ты кое-что смыслишь в волшебстве, вот и устроил все так, чтобы завлечь твоего наставника и померяться с тобой силами. Если ты одолеешь меня, я пощажу твоего наставника и всех вас и позволю вам получить истинное перерождение. Если же не справишься со мной, я всех вас перебью, а сам отправлюсь к Будде Татагате, возьму у него священные книги и буду наставлять на путь Истины цветущую Серединную империю.

— Ишь расхвастался, подлый оборотень! — зло засмеялся Сунь У-кун.— Если хочешь схватиться со мной, подойди поближе. Сейчас я покажу тебе, как надо драться!

Царь оборотней был вне себя от ярости, он отразил удар Сунь У-куна, и тут между ними разгорелся такой замечательный бой, что о нем даже сложены стихи:

Два посоха сошлись между собой несхожих:
Один из них в длину растягиваться может,
Другой из них способен вширь расти.
Одним владеет почитатель Будды,
Другой теперь у дьявола в чести
И служит ревностно ему покуда,
И славу помогает обрести.
Вот, соревнуясь в ловкости и силе,
Враги волшебное оружие скрестили;
Как бы узоры сложные чертя,
Один из посохов по воздуху летает,
Другой ему пути не уступает,
Драконом разъяренным нападает,
Чеканными ободьями блестя.
Один становится длинней, другой — все шире,
И кажется — не два их, а четыре,—
С такой они летают быстротой:
Враги страшны в своем ожесточенье,
Они равны и в злобе и в уменье —
И потому ужасен этот бой!
Мартышка путь проделала немалый,
И всюду хитрость и смекалку проявляла.
Владея истинным учением, она
Ни страха, ни смятения не знала,
И потому всегда была сильна.
А оборотень в дерзостном безумстве
Решился на велнкое кощунство
И, в дивный образ Будды воплотясь,
Хотел достойных странников заставить
Самих себя сгубить и обесславить,
Но хитрость та ему не удалась.

Он, ненавистью лютою пылая,
Разделаться с противником желая,
Наотмашь посохом своим разил;
Однако Сунь У-кун, ему не уступая,
Удары отбивал, что было сил,
И сам их в исступленье наносил.
Пар изо рта клубится, словно туча,
Благого солнца застилая свет,
Туманом их испарины одет
Далекий лес и гор сокрыты кручи.
Враги дерутся, то сходясь, то расходясь,
Забыв про жизнь и смерти не боясь;
Ты, Сюань-цзан, чьи праведны молитвы,
Один невольная причина этой битвы.

Противники схватывались уже более пятидесяти раз, но все еще нельзя было сказать, кто из них победит. Вдруг в воротах монастыря забили в гонги и барабаны. Целая толпа бесов, размахивая знаменами, кинулась с военным кличем к месту боя.

На помощь Сунь У-куну выступили духи — повелители двадцати восьми созвездий и повелители духов пяти стран света. Все они подняли свое оружие и, грозно вскрикнув, обступили кольцом царя оборотней. Бесы так перепугались, что замерли в оцепенении: барабаны и гонги сразу же умолкли.

Однако царь оборотней не выказывал ни малейшего страха. В одной руке он держал палицу, отражая сыпавшиеся на него со всех сторон удары, а другой достал из-за пояса старый холщовый мешок и подкинул его в воздух. Раздался пронзительный свист, и в мешке сразу же оказался Сунь У-кун вместе со всеми духами — правителями созвездий и с правителями духов пяти стран света. Царь оборотней взвалил мешок на плечи и медленно, важно направился к себе. Бесы приветствовали его восторженными криками и вместе со своим повелителем вернулись в монастырь. Царь оборотней приказал слугам принести пятьдесят веревок покрепче и, развязав мешок, стал доставать оттуда пленников и связывал каждого из них в отдельности. Несчастных так туго связали, что они не могли пошевельнуться, а у некоторых даже кожа лопалась. Затем всех унесли в заднее помещение и швырнули на землю.

На радостях царь оборотней приказал устроить торжественный пир, который продолжался с самого раннего утра до поздней ночи. Однако о том, как он закончился и все разошлись на покой, мы здесь рассказывать не будем.

Вернемся к Великому Мудрецу Сунь У-куну и небесным духам, которые лежали, связанные, на земле. Около полуночи Сунь У-кун услышал жалобный плач. Он стал прислушиваться и узнал по голосу своего наставника — Танского монаха, который причитал:

О Сунь У-кун, достойный друг,
Сколь на себя я негодую,
Что вверг вас всех в беду такую...
Не выйти нам из вражьих рук!
За ослушанье я наказан:
Зачем твоим словам не внял?
Злой дух, как лев, меня подмял,
Теперь повержен я и связан...
Все подвиги и все труды,
Увы, пропали бесполезно!..
Мы — в прахе под пятой железной,
Враги — победою горды!
Кто нас научит? Как нам быть?
Как нам от пут освободиться?
Свой путь на Запад завершить
И восвояси воротиться?

Сунь У-кун слышал каждое слово и проникся жалостью к Танскому монаху. «Хоть он и не послушался моего совета,— думал Сунь У-кун,— и сам виноват, что попал в беду, все же он не забыл обо мне, несмотря на страдания, которые ему приходится выносить. Надо воспользоваться этой глухой ночью, пока бесы все спят и нет никакой охраны, освободить всех пленников и бежать отсюда!»

До чего же доброе сердце у нашего Сунь У-куна! Он прибег к волшебному способу, уменьшился и, выбравшись таким образом из веревок, опутывавших его тело, подошел к Танскому монаху:

— Наставник! — тихонько окликнул он его.

Танский монах сразу же узнал Сунь У-куна по голосу и спросил:

— Зачем ты пришел сюда?

Сунь У-кун вполголоса рассказал все, что произошло.

— Брат,— взмолился Танский монах,— спаси меня скорей! Обещаю впредь во всем слушаться тебя и никогда не перечить!

Только после этих слов Сунь У-кун решил действовать. Он сперва освободил наставника, затем Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, потом снял веревки с повелителей духов двадцати восьми созвездий и повелителей духов пяти стран света. Наконец он вывел коня и велел всем немедленно выбраться из монастыря; едва они вышли за ворота, как хватились своей поклажи, но никто не знал, куда ее спрятали бесы. Сунь У-кун повернул обратно, чтобы найти поклажу, но дух созвездия Дракона удержал его:

— Я вижу, для тебя вещи дороже жизни,— сказал он,— довольствуйся тем, что тебе удалось спасти своего наставника. Чего ради искать еще какую-то поклажу?

— Разумеется, жизнь дорога,— отвечал Сунь У-кун,— но для монаха его одеяние и плошка для подаяний еще дороже. У нас там осталось проходное свидетельство, парчовая ряса и золотая чаша для подаяний. Все это для истинных последователей

учения Будды величайшие ценности. Как можно отказаться от них?

— Брат! Сходи поищи, а мы тем временем выйдем на дорогу и будем ждать тебя,— предложил Чжу Ба-цзе.

Вы бы видели, читатель, до чего предупредительными оказались духи — правители созвездий! Они окружили Танского монаха со всех сторон и совершили волшебное заклинание. Тут налетел порыв ветерка, и все они благополучно перенеслись через монастырскую ограду прямо на дорогу, спустились с горы и расположились на лужайке в ожидании Сунь У-куна.

Время было примерно около третьей стражи.

Сунь У-кун неслышными шагами пробирался в монастырь, но оказалось, что все двери крепко заперты. Тогда он взобрался на башню, осмотрел окна, но и они тоже были наглухо закрыты. Он хотел было проникнуть внутрь, но побоялся, что заденет оконные рамы и они задребезжат.

Прочитав заклинание, он встряхнулся и превратился в небесную мышь, или, как говорят в просторечье, летучую мышь.

Если вам интересно знать, как выглядит эта мышь, послушайте:

Мордочка и глазки — как у мыши,
Но еще к тому же два крыла;
Цвета темного, собой мала,
И живет под черепичной крышей.
Солнца свет не мил ее очам —
Все она порхает по ночам,
Радуется лунному сиянью,
На лету хватает комаров,
Поутру летит под темный кров —
Таково ее существованье!

Сунь У-кун нашел незаделанное отверстие в решетине, поддерживающей черепицы крыши, и пролез через него. Он миновал двери и окна и попал во внутреннее помещение, где стал оглядываться и вдруг заметил под окном третьего яруса ярко светившийся столб света, не такой, как от горящих свечей, и не такой, как от светлячков, не похожий ни на зарницу, ни на молнию. У него сильно забилось сердце. Приблизившись к окну, Сунь У-кун увидел, что свет излучают их собственные узлы. Дело в том, что, когда царь оборотней сорвал с Танского монаха его рясу, ее засунули в узел, не сложив как следует. А эта ряса была священной, ее украшали всевозможные драгоценности: жемчужины исполнения желаний, жемчужины мохни, красный агат, красные кораллы, сожженные кости Будды и жемчуг, светящийся по ночам. Вот почему от узла и исходило дивное сияние. Сунь У-кун очень обрадовался, увидев поклажу. Он принял свой обычный облик, схватил узлы как попало, не обратив внимания на то, как они привязаны к коромыслу, взвалил

на плечи и пустился бегом вниз. Но надо же было так случиться, что один из узлов оторвался от коромысла и с грохотом упал на деревянный настил! А царь оборотней спал в нижнем помещении, как раз под этим настилом. Его разбудил шум, он сразу же вскочил на ноги и стал неистово кричать: «Воры! Воры!» Все бесы, большие и малые, всполошились, стали высекать огонь и зажигать фонари, метались с громкими криками в поисках вора. Вскоре прибежало несколько бесов с докладом: «Танский монах исчез!» — за ними примчались другие: «Сбежал Сунь У-кун и все остальные пленники!» — докладывали они.

Царь оборотней поспешно отдал распоряжение: «Охранять все ворота!»

Сунь У-кун услышал крики и, опасаясь снова попасть в ловушку, бросил поклажу, перекувырнулся через голову и, выпрыгнув за окно, сбежал.

Между тем оборотень всюду разыскивал Танского монаха и остальных пленников, но нигде не мог их найти. Уже стало светать. Он взял свою палицу и во главе всей оравы бесов пустился в погоню. Вскоре он заметил под горой всех духов — повелителей двадцати восьми созвездий и повелителей духов пяти стран света, окутанных густым туманом. Царь оборотней приблизился к ним и грозно закричал:

— Вот и я! Куда вы теперь денетесь?

Дух созвездия Саламандры поспешно стал звать остальных духов:

— Братья! Чудовище явилось!

Все остальные духи — повелители созвездий Дракона, Летучей мыши, Зайца, Лисицы, Тигра, Барса, Однорогого барана, Тельца, Енота, Крысы, Ласточки, Свиньи, Рыси, Волка, Собаки, Кабана, Курицы, Ворона, Мартышки, Обезьяны, Шакала, Овцы, Серны, Коня, Оленя, Змеи и Земляного червя, ведя за собой двух повелителей духов пяти стран света — Златоглавого и Сереброглавого, а также небесных духов Лю-дина и Лю-цзя, духов — хранителей кумирен, вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном, оставили Танского монаха и белого коня-дракона и все вместе с оружием в руках ринулись на царя оборотней. Но тот поглядел на них и расхохотался. Затем он издал резкий свист, и появилось около четырех, а то и пяти тысяч больших и малых бесов, один другого грознее и сильнее, которые и устремились в бой на западном склоне горы. Тут такая пошла резня, что о ней говорится даже в стихах:

Глава всех оборотней, лют и зол,
Монаха праведного обошел
И вверг его в пучину горькой муки,
А тот не смог противиться ему,
И сам отдался оборотню в руки,
Покорный добронравью своему.
Как быть теперь почтенному монаху?

Исполненный раскаянья и страха,
Он ищет путь спасти из западни
Себя и спутников своих несчастных;
Но замыслы его, увы, напрасны.
Как видно, дни страдальцев сочтены;
Однако, зная, что монах не предал веры,
А лишь по слабости последовал примеру
Ша-сэна и дурного Чжу Ба-цзе,
Что по неведенью они виновны все,
Пришли на помощь к Сюань-цзану духи:
С небесных круч они спустились вниз —
И мигом за оружие взялись.
Сам Сюань-цзан — тот не обидит мухи,
Без помощи ему не обойтись;
Вот силы грозные добра и зла столкнулись.
И небеса и горы содрогнулись,
Луна и солнце взор свой отвели
От сумраком одевшейся земли,
И в облака густые завернулись...
Взвились знамена, словно стаи птиц,
Гром загремел, как сотня колесниц,
Летящих сквозь клубящиеся тучи...
И барабанов слышен звук трескучий,
И гонгов душу леденящий звон,
Клич боевой и раненого стон,
И голос победителя могучий.
Враги врагов теснят со всех сторон;
Холодным светом вспыхивают копья,
С отточенными пиками скрестясь,
Огнем молниеносным осветясь,
Мечи с мечами сквозь тумана хлопья
Сшибаются в смертельнейшей из сеч...
Но чья рука удержит дольше меч?
И духи зла и войско силы блага
Являют хитрость, мужество, отвагу,
Один — чтоб праведника уберечь,
Другие — чтоб в беду его вовлечь:
Так воины двух войск, разя с размаха,
Сражаются за Танского монаха.

Царь оборотней удвоил яростный натиск и начал наседать всей своей оравой.

В этот решающий момент сражения вдруг раздался зычный крик Сунь У-куна:

— Я, Сунь У-кун, явился!

Чжу Ба-цзе кинулся к нему навстречу со словами:

— А поклажу принес?

— Какую там поклажу! Сам едва жизни не лишился,— ответил Сунь У-кун.

— Перестаньте ссориться! — крикнул Ша-сэн, держа в руках свой волшебный посох.— Бейте живей проклятых бесов!

Между тем бесы успели окружить кольцом всех небесных духов — повелителей созвездий, повелителей духов пяти стран света, Лю-дина и Лю-цзя, а сам царь оборотней, размахивая

страшной палицей, бросился на троих спутников Танского монаха. Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн едва успевали отбиваться. Уже стемнело, и было очевидно, что никому не добиться победы. Солнце зашло за гору, а с востока, где высился морской пик, показалась луна. Царь оборотней, видя, что время позднее, пронзительно свистнул. Все бесы сразу же насторожились, а он тем временем достал свой волшебный талисман. Сунь У-кун успел заметить, как оборотень взял в руки волшебный мешок. Крикнув: «Дело плохо! Спасайся, кто может!» — Сунь У-кун оставил Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, покинул всех небесных духов и одним прыжком через голову поднялся вверх и сразу же очутился на девятом небе.

Небесные духи, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не сообразили, что им крикнул Сунь У-кун, и снова очутились в мешке. Одному только Сунь У-куну на этот раз удалось спастись.

Царь оборотней приказал дать отбой и вернулся со своим полчищем бесов в храм. Там он, как и в первый раз, приказал принести веревки и связал всех своих пленников. Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна он подвесил высоко к столбам храма, а коня привязал позади храма; духи тоже были крепко связаны, помещены в погреб и заперты на замок. О том, как все бесы выполняли распоряжения своего главаря, мы здесь рассказывать не будем.

Сунь У-кун спас себе жизнь тем, что одним прыжком оказался на девятом небе. Он увидел оттуда, как полчище бесов направилось обратно со свернутыми знаменами, и сразу же догадался, что им опять удалось взять в плен всех его товарищей. Он спустился по благовещему лучу вниз на восточную макушку горы и, скрежеща зубами от досады, бранил оборотня на чем свет стоит. Со слезами на глазах думал он о своем наставнике — Танском монахе и глядел в небо.

Он так горевал, что почти лишился голоса.

— О мой наставник! — причитал Сунь У-кун.— В каком прежнем перерождении тебе довелось совершить тяжкие грехи, за которые теперь ты несешь такое искупление. Ведь что ни шаг, то на твоем пути встречаются злые дьяволы и оборотни! Но на этот раз, кажется, ничего не придумаешь, чтобы спасти тебя. Как же быть? Что делать?

Долго он горевал и тяжко вздыхал один-одинешенек. Но вот опять его осенила счастливая мысль. Он спросил сам себя:

— Что за мешок такой у этого дьявола-оборотня? Как может уместиться в нем столько дружин? Мало того, поместились еще и небесные духи и полководцы? Я бы опять обратился за помощью к Нефритовому императору, но боюсь, что он рассердится на меня за назойливость. Помнится мне, что на севере прожи-

вает Чжэнь У *. Его прозвище — Владыка неба, изгоняющий дьяволов. Сейчас он пребывает на горе Уданшань *, что находится на южном материке Джамбудвипа. Отправлюсь-ка я к нему и попрошу выручить моего наставника!

Вот уж поистине:

Нет больше праведного пути:
Куда коию с обезьяиой идти? *
Мысли с желаиьями ие по пути:
Куда без хозяииа им идти?
Коль вновь согласья ие обрести,
Пяти стихиям уж ие цвести!

Чем все это кончилось, вы узнаете, читатель, из следующей главы.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о том, как небесные духи и праведники столкнулись со злым оборотнем и как Будда Майтрея покорил дьявола

Итак, наше повествование мы прервали на том, как Великий Мудрец Сунь У-кун терзался и не знал, что ему предпринять. Наконец он решился, вскочил на благодатное облако и стрелой помчался прямо к горе Уданшань на великом южном материке Джамбудвипа, чтобы поклониться первоучителю Чжэнь У и попросить его выручить из беды всех пленников царя оборотней: Танского монаха Сюань-цзана и его спутников Чжу Ба-цзе и Ша-сэна вместе с небесными воинами, явившимися на помощь. Он мчался без остановки, и вскоре перед его глазами показались благодатные пределы, входящие во владения первоучителя Чжэнь У. Сунь У-кун легонько приспустил передний край облака и залюбовался прекрасными видами, не в силах оторвать от них глаз.

А места здесь действительно были замечательные:

По самой середине той земли,
Что перед ним свободно простиралась
И уходила вдаль на сотни ли,
Крутой горы священная вершина,
Как Фужунфын чудесный, возвышалась,
Как несравненный Цзыгайлин *, вздымалась,
Касаясь небосвода середины.
Пусть здесь не протекает девять рек,
Как в области Цзинчжоу и Хэнъяна *
И вод прохладных неуемен бег,—
Их не влечет к седому океану
Зато красу сего материка
Являют сотни кряжистых отрогов,
Подъемов, спусков, каменных порогов,

Где часто отдыхают облака,
Светил небесных пасмурная свита;
Зияет с незапамятной поры
Пещера черная в глубинах той горы.
Столь широка она и глубока,
Что, словно в раковине, пустота звенит в ней.
Для Чжу и Лу *, двух мудрецов страны,
Чья слава несравненная в зените,
Два дивных трона там помещены.
У солнечной горы сокровищ много есть,
И главные из них — святилищ светлых зданья.
Те пагоды, дворцы их счетом тридцать шесть,
Хранят благого Будды изваянья.
Туда толпа паломников спешит,
Там фимиам свое благоуханье
Под сводами просторными струит,
Не гаснет там светильников сиянье.
Хранят навеки правду золотую
На яшме золотые письмена,
То мысли Шуня и молитвы Юя *.
Их мудростью душа озарена.
И мир и благолепие кругом,
Над башнями летают птичьи стаи,
Чудесным видом счастье возвещая,
И реют стяги в небе голубом.
Землей священная гора порождена,
Святые храмы — неба порожденье...
Землей и небом рождена весна,
Ее роскошное, могучее цветенье.
Что может быть прекрасней дней весенних,
Когда природа вновь пробуждена,
Когда и щебет слышится и пенье
Среди деревьев сливовых в цвету,
И фениксы в пурпурном оперенье
Благого солнца славят красоту,
И птицы чернокрылые Луань
Их песне звонкой вторят в упоенье.
Взгляни: резвятся робкие олени;
Взгляни: о страхе забывает лань
И человека видит без смятенья...
Вот белый аист вьет гнездо свое
На дереве высоком и ветвистом,
И кажется, что прямо в небе чистом
Его птенцам построено жилье.
На дне потоков, в их прозрачной мгле,
Драконы нежатся, как дети в колыбели;
Порою тигр выходит из ущелья,
Ступая осторожно по земле...
Порою звук печальный и прелестный,
Как голос жалобный, доносится из бездны.
Недаром край сей — праведных приют,
Недаром в нем живет первоучитель,
И посетившие его обитель
В ней милосердие и благо познают.

Первоучитель Чжэнь У появился на свет от правителя царства Чистой радости и царицы по прозвищу Всепобеждающая, которая почувствовала, что зачала после того, как проглотила во сне солнечный луч. Она носила младенца четырнадцать месяцев,

после чего он родился в дворцовых покоях в час «у» * первого дня третьего месяца в год цикла Цзя-чэнь *, который пришелся на первый год правления под девизом Кай-хуан *.

О нем в стихах говорится так:

Он в юные лета чудесную доблесть являл,
И мужем мудрейшим он сделался в зрелые годы;
Себя посвятив совершенству духовной природы,
Он бремя правления царством с души своей снял.
Его удержать не сумели ни мать, ни отец,
Когда он покинуть решил свой роднмый дворец.
И к тайнам и к таинствам дивным себя приобщив,
От чувств и от мыслей мирских он навек отрешился,
О прелестях мира забыв, на пустынной горе поселился
И в небо вознесся, подвижничество завершив.
Тогда император Нефритовый сам повелел
Дать мудрому имя Чжэнь У, или Истинный воин,
Решив, что великий велнкого званья достоин
И славного славный в веках ожидает удел.
Верховное божество пустоты сокровенной
На то согласилось, и первоучитель блаженный
Немедля был образом новым своим наделен,
И стал черепахой и змеем в том облике он;
Нет тайн сокровенных, которых бы он не постиг,
Нет им не свершенных достойных и явных деяний,
Его восхваляют все сущие в мире созданья,
И славят его без конца — столь он благ и велик.
Он борется с духами зла и бесовскую власть истребляет,
И в этой борьбе ни пощады, ни страха не знает.

Любуясь красотами земли праведников, Великий Мудрец Сунь У-кун, сам того не замечая, уже давно пролетел через первые небесные ворота, затем через вторые и, наконец, через третьи. Но вот, когда он стал приближаться к дворцу Великого согласия, он вдруг заметил среди благодатных воспарений и благовещих сияний пятьсот духов-сановников, стоявших полукругом. Все они двинулись навстречу с возгласами:

— Кто ты? Откуда явился?

Великий Мудрец ответил им так:

— Я, Великий Мудрец, равный небу, Сунь У-кун. Мне надо повидаться с первоучителем!

Услышав такой ответ, сановники отправились доложить первоучителю, который тотчас вышел из тронного зала и направился встретить Сунь У-куна во дворец Великого согласия. Сунь У-кун совершил перед ним положенную церемонию приветствия и затем сказал:

— У меня есть к тебе дело!

— Что за дело? — спросил первоучитель.

— Я сопровождаю Танского монаха на Запад за священными книгами, и вот на пути мы попали в беду. Когда мы дошли до Западного материка Синюхэчжоу, там оказалась гора, носящая название Малого западного неба, а на горе мона-

стырь под названием малый храм Раскатов грома, в котором обитает дьявол-оборотень. Когда Танский монах вошел в монастырь, он увидел множество архатов, провидцев, бикшу и праведных монахов, выстроившихся рядами перед прахом Будды. Танский монах, ничего не подозревая, повалился наземь и начал молиться ложному Будде, как вдруг дьявол-оборотень схватил его и крепко связал веревками. Я тоже забыл о предосторожности и попал в большие музыкальные тарелки, сделанные из золота, которыми оборотень зажал меня. Там я очутился один-одинешенек. Тарелки сомкнулись настолько плотно, что в них ни на волос не оказалось просвета, и я был зажат словно в тиски. Златоглавый дух обратился к Нефритовому императору за помощью, и небесный владыка в ту же ночь отрядил духов — повелителей двадцати восьми созвездий на землю, чтобы они освободили меня. Но они не смогли разжать тарелки. К счастью, духу — повелителю созвездия Дракона удалось все же просунуть свой рог между тарелками, и он таким образом освободил меня. В сердцах я разбил тарелки вдребезги и разбудил чудовище. Мы схватились с ним, но он неожиданно пустил в ход свои чары — кинул в воздух белый холщовый мешок, и все мы: я, духи — повелители двадцати восьми созвездий, и духи — повелители пяти стран света, попали в мешок. После этого оборотень вытащил нас и связал каждого веревками. Но я в ту же ночь избавился от пут и освободил всех небесных духов, а также Танского монаха и его учеников, после чего отправился на поиски рясы и плошки для подаяний, принадлежащих моему учителю. Нечаянно я произвел шум: оборотень проснулся, пустился в погоню за небесными духами и вступил с ними в жестокий бой. И на сей раз дьявол снова пустил в ход свой холщовый мешок, но, когда он начал им размахивать, я понял, в чем дело, и поспешил удрать, а небесные духи снова попались в ловушку, и он утащил их к себе. Я ничего не могу придумать, чтобы спасти их, а потому и явился к тебе и очень прошу, первоучитель, помоги мне своей волшебной силой.

— В прежние годы мне пришлось наводить страх на дьяволов-оборотней в северных краях,— отвечал первоучитель.— Получив звание Истинного воина по велению Нефритового императора я стал истреблять злых духов в Поднебесной. Затем мне довелось усмирять злых духов в северо-восточных краях, куда я отправился походом на своей черепахе, сросшейся со змеей. Я возглавил войско, состоявшее из пяти священных громов-полководцев и огромных саламандр, львов, хищных животных и ядовитых драконов. Это было сделано по призыву Всевышнего, Всемогущего владыки неба. Ныне я пребываю в полном покое на горе Уданшань и блаженствую во дворце Великого согласия. Все это время моря и горы объяты спокойствием, небо и земля наслаждаются миром и тишиной. Что поделаешь? В наших землях: на юге — Джамбудвипа и на севере — Курудвипа, все дьяво-

лы-оборотни усмирены, а бесы и злые духи исчезли без следа... Поскольку ты, Великий Мудрец, пожаловал сюда и зовешь меня на помощь, я должен пойти за тобой, но самовольно, без повеления высших, не посмею пустить в ход своего оружия. Если же я пошлю священное воинство без разрешения, боюсь, что навлеку на себя гнев Нефритового императора. Но отказать тебе, Великий Мудрец, я тоже не могу — это значило бы идти наперекор справедливости. Я вполне допускаю, что на путях в западные страны водятся разные бесы-оборотни, но вряд ли они могут причинить большой вред. Я пошлю с тобой для подмоги двух моих полководцев: черепаху и змею с пятью большими священными драконами. Они, несомненно, помогут тебе изловить дьявола-оборотня и избавят от беды твоего наставника — Танского монаха.

Сунь У-кун поблагодарил первоучителя, низко поклонился ему и тотчас отправился в обратный путь вместе с черепахой, змеей и священными драконами, которые взяли с собой отборное оружие. Вскоре все они прибыли к малому храму Раскатов грома, прижали вниз передний край облака, сошли с него и направились прямо к воротам монастыря, вызывая чудовище на бой.

Между тем Желтобровый царь оборотней собрал всех своих приближенных бесов во дворце и обратился к ним с такими словами:

— Последние два дня Сунь У-кун что-то не появляется. Не знаю, куда он на этот раз отправился в поисках помощи.

Не успел оборотень произнести эти слова, как к нему подбежали привратники, охраняющие передние ворота, и доложили:

— Явился Сунь У-кун, а с ним несколько драконов, змея и черепаха. Они стоят за воротами и вызывают вас на бой.

— Как удалось мартышке заручиться помощью этих животных? — изумился царь оборотней.— Откуда могли явиться сюда эти твари?

Не теряя времени на догадки, он напялил на себя боевые доспехи и, выйдя за ворота, громко крикнул:

— Эй! Откуда вы взялись, мерзкие духи-драконы и как посмели вступить на мою священную землю?

Пять драконов и оба предводителя, сохраняя величественную осанку, с надменным видом грозно отвечали:

— Знай, негодяй, что мы, пять священных драконов и два предводителя — черепаха и змея, служим Владыке неба, изгоняющему дьяволов, первоучителю изначального вероучения, обитающему во дворце Великого согласия, что на горе Уданшань. Нас привел сюда Великий Мудрец Сунь У-кун, и по приказу Нефритового императора мы должны изловить тебя. Ты можешь избежать смерти, если тотчас же освободишь Танского монаха и всех небесных духов — повелителей созвездий. В противном случае мы уничтожим всех бесов, обитающих на этой горе, и тебя

в том числе, раскрошим их трупы, а все твои постройки сожжем дотла!

Царь оборотней вскипел гневом, услышав эти слова.

— Жалкие скоты! — воскликнул он.— Какими же чарами вы владеете, что смеете так бахвалиться? Стойте, ни с места! Сейчас я угощу вас своей палицей!

Но драконы, не слушая его, сразу же напустили тучи. Хлынул проливной дождь, а оба полководца, вздымая пыль и песок, ринулись на оборотня с ножами, мечами и копьями. За ними следовал Сунь У-кун, размахивая своим железным посохом. Ну и жаркий разгорелся бой! Вот послушайте:

Злой дьявол силу проявил,
И вызвал Сунь У-кун подмогу,
Однако тот не уступил,
Вновь Сунь У-куну в путь-дорогу
Идти — за новою подмогой.
За то, что дьявол дерзновенный
Благого Будды принял вид
И пострадал монах почтенный,—
Наказан будет враг презренный!
Блюститель истинных законов,
Владыка мира всеблагой,
Пятерку боевых драконов
Шлет в помощь, чтоб пресечь разбой.
Их Сунь У-кун ведет с собой.
Его велениям покорны,
Они сразятся с силой черной,
И беспощаден будет бой!
Как молнии, клинки сверкнули,
С клинками вражьими скрестясь,
И копья с пиками блеснули
Зарницами в полнощный час —
Так эта битва началась.
Противники разят с размаха
Среди потоков и огней:
Шлет воду с неба черепаха,
Шлет пламя с неба мудрый змей.
Вновь силой мерятся своей
Оружье с волчьими клыками
И с золотыми ободками!
Которое из них сильней?
Которое руке могучей
Повиноваться будет лучше?
Как молоты по наковальне
Звенят и копья и мечи,
Рождают искры и лучи
Удары их и блеск зеркальный.
Вода с огнем врага теснят,
Берут злодея в окруженье,
Чтоб затруднить ему движенье.
Нет хода дерзкому назад,
Вперед не ступит он ни шагу:
Везде клинки ему грозят,
Везде встречает он преграду:
Являют силу и отвагу
Противники; решить спешат

Они исход большого боя.
Их крики душу леденят,
Дрожит от страха все живое,
Узрев побоище такое...
Однако и в сраженье дьявол
Замашек прежних не оставил:
Пойти задумав на обман,
Он достает свой талисман.

Сунь У-кун возглавлял в этой битве пять драконов и двух полководцев — змею и черепаху. Бой длился уже около часа, как вдруг в руке царя оборотней опять появился холщовый мешок. Сунь У-кун испугался и воскликнул: «Друзья, будьте осторожны!» Но драконы, змея и черепаха не поняли, что значит: «Будьте осторожны». Они приостановили бой и стали приближаться к оборотню. Тем временем царь оборотней что-то крикнул и подбросил свой мешок в воздух.

Тут Сунь У-кун совершил гигантский прыжок через голову и мигом очутился на девятом небе, покинув драконов и обоих полководцев, которые тут же очутились в мешке. Затем царь оборотней взвалил мешок на спину и, торжествуя победу, вернулся к себе в монастырь. Тут он связал попавших к нему в лапы пленников, унес их в погреб, запер, и о них мы пока рассказывать не будем.

Великий Мудрец в полном отчаянии спустился на облаке на вершину горы и, прислонившись к скале, с досадой проговорил:

— Ну и силен дьявол!

Незаметно Сунь У-кун задремал. Вдруг ему ясно послышался голос, который звал его:

— О Великий Мудрец! Отгони от себя сон! Поспеши на помощь! Твоему наставнику грозит смертельная опасность, и дорог каждый миг!

Сунь У-кун раскрыл глаза и проворно вскочил на ноги. Оказывается, его разбудил дежуривший днем дух времени.

— Ишь ты, болван! — прикрикнул на него Сунь У-кун.— На поверках небось не бываешь, все рыскаешь в поисках наживы, а теперь вдруг явился тревожить меня. Ну-ка, подставляй спину, я пройдусь по ней раза два своим посохом, чтобы развеять тоску!

Дух опешил и, кланяясь Сунь У-куну, начал оправдываться:

— Великий Мудрец! Какая у тебя может быть тоска? Ведь ты самый веселый среди праведников! Дело в том, что богиня Гуаньинь уже давно приказала нам незримо защищать Танского монаха, а потому я вместе с духами земли неотступно нахожусь при нем и не имею возможности являться на твои поверки. За что же ты ругаешь меня?

— Если ты защитник, то скажи мне, куда запрятал злой оборотень всех духов — повелителей созвездий, духов — повелителей пяти стран света, духов — хранителей кумирен, а также моего наставника и братьев? Каким мучениям их подвергают?

— Твой наставник и братья подвешены к столбам храма,— отвечал дух времени,— а повелители созвездий и прочие духи все заперты в заднем помещении. Последние два дня о тебе, Великий Мудрец, ничего не было слышно, зато в погреб были еще запрятаны священные драконы, черепаха и змея, которых изловил злой оборотень. Я понял, что это ты призвал их на помощь, а потому и явился к тебе. Прошу тебя, Великий Мудрец, забыть об усталости и как можно скорее отправиться за новой подмогой!

При этих словах Сунь У-кун не сдержался и, роняя слезы, стал говорить:

— Мне стыдно направляться в небесные чертоги! Совестно также идти в морские дворцы. Я боюсь явиться к бодисатве! Меня пугает мысль о встрече с Буддой Татагатой! Только что попали в плен черепаха, змея и пять священных драконов, которых я выпросил у первоучителя Чжэнь У. Теперь мне больше не у кого просить помощи! Как же быть?

Дух времени рассмеялся.

— Великий Мудрец! — молвил он.— Успокойся. Я вспомнил, где еще есть сильные воины. Если ты позовешь их на помощь, то непременно покоришь злого оборотня. Недавно ты побывал на горе Уданшань, которая расположена на земле Джамбудвипа. Так вот, это войско находится там же, в городе Биньчэн у горы Сюйишань *, то есть в нынешнем округе Сычжоу. Там обитает бодисатва по прозванию Гошиван, мудрый царь наставников государства. Он владеет огромной волшебной силой. У него есть ученик по прозванию наследник престола маленький Чжан и четыре великих полководца, которые в прошлом привели в покорность царицу Воды. Отправляйся к этому бодисатве и попроси его помочь тебе. Если он не откажет, ты наверняка изловишь злого оборотня и спасешь наставника!

Сунь У-кун очень обрадовался.

— Ладно,— сказал он.— Береги тут как следует моего учителя, чтобы ему не причинили вреда, а я отправлюсь искать помощи.

Сунь У-кун вскочил на облако, покинул заколдованное место и помчался к горе Сюйишань. Не прошло и дня, как он прибыл на место. Осматриваясь вокруг, он любовался сказочными видами. Местность действительно была очень красивая:

На юге гора спускается
К переправе через Янцзы,
На севере омывается
Водами Хуайшуй *.
К подножью ее сбегаются
Волны чудесной красы,
Камни ее купаются
В холоде светлых струй.
Дорога к приморским горам
Ведет с этих гор на восток,
Пределов Фынфу * касается

Западный горный отрог,
В темных ущельях потоки
Шумят и бьют родники,
Причудливы скалы большие,
И сосны на них высоки.
Соком златым наливаются
Этих деревьев плоды,
Дивным ковром расстилаются
Абрикосовые сады,
На солнышке распускаются
Невиданные сады.
Гора подобна красавице!
Не часто в пути встречаются
Места такой красоты!

*

Как муравьи, здесь люди повсюду снуют,
Словно гусей вереницы, здесь корабли плывут
По необъятным просторам больших, полноводных рек...
Трудом своих рук недаром гордится здесь человек!
Здесь пагоды и обители
Священные возведены,
Подобных им мы не видели
В пределах этой страны:
То Жуйяньгуань известная,
Прекрасная Усяньсы,
И Дунъюегун чудесная,
И дивная Гуйшаньсы *.
Их звон колокольный возносится к небесам,
От них голубым туманом вздымается фимиам.
Чистый источник, питаемый
Водами горных недр,
Потоком неиссякаемым
Бежит, серебрист и щедр.
Своими храмами славится
Красивейшая из долин,
Что в темные скалы врезается,
Как ярко-зеленый клин.
Пять пагод там возвышаются
Созвездием золотым.
Отблеск горы касается
Стен дивного града Биньчэн,
Тень ее скал сливается
С тенью от этих стен.
Вершина горы отвесная столь царственно высока,
Что перебраться не в силах через нее облака,
И птиц перелетных стаи,
Спешащих издалека,
Ее кругом облетают —
Столь она высока!
Вершины гордые Тая
Суна, Хэна и Хуа *
Красою с вершиной этой
Могут сравниться едва,
И только страны небожителей блаженные острова
С нею соперничать могут — так говорит молва!

Великий Мудрец Сунь У-кун никак не мог налюбоваться красотами этих мест. Он пересек реку Хуайшуй, вышел в ворота

города Биньчэн и вскоре оказался перед входом в монастырь под названием Созерцание Великого Мудреца. Здесь Сунь У-кун увидел высокие строения главного храма, богато разукрашенные длинные проходы-галереи и величественную пагоду. Что это была за пагода!

Верхушка ее касается
Тверди нетленной,
Над миром она возвышается
Как страж бессменный,
Свет ее расстилается
По всей вселенной.
Ни в утренний час сияющий,
Ни в час сновидений
От стен ее, свет излучающих,
Не падают тени.
Колокольцами ее звонкими
Ветер играет,
Слышится музыка тонкая,
Песнь неземная.
Солнца лучи пламенные
Златой попоной
Падают на спины каменные
Больших драконов;
Лежат у ворот храма они,
Словно живые,
Однако на ощупь прохладные,
Как ледяные,
На кровле ее лазоревой
Ночуют птицы,
Щебечут, кричат и спорят они —
Им все не спится.
Если ж наверх взберешься ты,
Глянешь оттуда,
Увидишь звездные россыпи,
Лунное чудо,
Их отраженье хрустальное
В реке могучей,
Увидишь вершины дальние,
Ближние кручи.

Сунь У-кун на ходу любовался пагодой, пока не достиг вторых ворот. Бодисатва — Царь наставников государства уже давно знал о прибытии Сунь У-куна и вышел встретить его с наследником престола маленьким Чжаном. После того как церемония приветствия была закончена, Сунь У-кун сказал:

— Я охраняю Танского монаха в его пути на Запад за священными книгами. По дороге нам попался монастырь под названием малый храм Раскатов грома. Там поселилось желтобровое чудовище, которое выдает себя за Будду — основателя вероучения. Мой наставник, Танский монах, не подозревая обмана, стал отбивать поклоны перед чудовищем, приняв его за Будду, но оборотень схватил его, а меня заключил в золотые тарелки. К великому счастью, Нефритовый император послал духов — повелителей всех созвездий спасти меня. Освободившись, я разбил тарелки вдребезги, а затем вступил в жестокий бой с оборотнем.

Но оборотень пустил в ход волшебство, и все небесные духи, духи — повелители пяти стран света, духи — хранители кумирен, вместе с моим наставником и братьями попали в холщовый мешок, который оборотень подбросил в воздух. Пленников он уволок в свое логово. Тогда я отправился на гору Уданшань и попросил владыку Северного неба оказать мне помощь. Он отрядил пять священных драконов, черепаху и змею изловить чудовище, но и они попали в мешок к волшебнику. Я не знал, куда еще обратиться за помощью, и решил явиться сюда — просить тебя, бодисатва, проявить свое могущество, с помощью которого ты покорил царицу Воды и спас здешний народ, и вызволить из беды моего наставника! Если ему удастся получить священные книги, и он вернется к себе на родину, в Китай, то имя твое будет вечно прославляться в той стране, как великая мудрость нашего Будды. И эта радость будет подобна той, которую испытываешь, вступая в царство Брамы.

Бодисатва ответил ему так:

— Дело, с которым ты явился, действительно очень важное. Речь идет о судьбе учения Будды, и мне следовало бы отправиться с тобой на помощь, но сейчас как раз начало лета, время, когда река Хуайшуй обычно выходит из берегов. Недавно я привел к покорности Водяную обезьяну, тоже великой мудрости. Но во время разлива она приходит в бурный восторг. Вот я и боюсь, что, если меня здесь не будет, обезьяна эта станет резвиться и натворит столько бед, что никакие духи не справятся. Я лучше велю своему ученику вместе с четырьмя полководцами последовать за тобой и помочь тебе изловить и покорить злого оборотня.

Сунь У-кун поблагодарил бодисатву и, не мешкая, вместе с четырьмя полководцами и наследником престола маленьким Чжаном на быстром облаке помчался обратно к малому Западному небу.

Когда они прибыли к малому храму Раскатов грома, наследник престола достал копье с древком из дерева Чу, а четыре полководца начали размахивать своими широкими мечами и ринулись в бой вместе с Великим Мудрецом Сунь У-куном. Бесенята, сторожившие вход в кумирню, стремглав понеслись к царю оборотней и сообщили ему об этом. Царь оборотней снова повел все свое войско и вышел из ворот под грохот барабанов.

— Мартышка! — насмешливо закричал он: — Кого же на этот раз ты привела с собой?

Не успел он закончить, как наследник престола, маленький Чжан, ведя за собой четырех полководцев, вышел вперед и прикрикнул на оборотня:

— Молчать, негодяй! Бесстыжая тварь! Не знаешь, кто здесь находится!

— Это что за вояки такие взялись помочь мартышке? — проговорил оборотень.

Принцесса Железный веер и князь с головой быка

— Так знай же! — еще больше распалился маленький Чжан.— Я — ученик бодисатвы, царя наставников государства, обитающего в Сычжоу. У меня под командой четыре великих полководца. Я получил приказ изловить тебя живьем!..

Царь оборотней стал хохотать:

— Мальчишка! Каким же военным искусством ты владеешь, если посмел самовольно явиться в мою обитель?

— Если хочешь знать,— ответил Чжан,— изволь; я тебе расскажу.

И он стал говорить:

Я родом из царства Зыбучих песков, что в Западном крае,
Дед мой там жил и отец мой тем царством владел.
С детства с бедой я знаком и невзгоды горькие знаю:
Духи звезд вредоносных сулили мне жалкий удел,
Мстительной злобой своею меня донимая,
Я ж, свою жизнь от нападок и козней спасая,
Даром великим бессмертья владеть захотел,
Тайною, коей наставник мой мудрый владел.
В дальние страны пошел я, пути и дороги не зная,
Славного друга-наставника встретить желая.
Найти его мне удалось, и достойный мне тайну открыл:
Киновари самородной едва ль полкрупицы,
Существованье земное продлив мне сторицей,
Силу мне дали и мощь: от недугов избавлен я был,
И, отказавшись в отчизне своей воцариться,
Стал к совершенствованью своей сути стремиться,
К цели великой, которой наставник служил.
Так, научившись благому искусству бессмертья,
Став долговечным, подобно незыблемой тверди,
Вид и обличие юноши я сохранил.
На сборищах был я под дивным драконовым древом,
Подобно орлице, в заоблачных высях парил,
Пленяя драконов, на духов я страх наводил,
И тигров смирял кровожадных, исполненных лютого гнева.
Ловил я туманы и ветры в веревку свивал,
И в горние храмы на облаке белом летал,
И, храмы земные для мирных народов построив,
Морские пучины раденьем своим успокоив,
Я сущность сияния пепла великого Будды постиг.
Копьем своим метким караю я дьявола злого,
Бесовские чары способен разрушить я вмиг:
Взмахну рукавом своей рясы и беса повергну любого,
Гублю я неправду и зла истребляю основы —
Погибнешь и ты, коль со мною сразишься, старик!

Царь оборотней, холодно улыбаясь, выслушал наследника престола, а затем с едким смехом сказал ему:

— Ты отказался от своего царства и последовал за бодисатвой, чтобы обрести бессмертие и вечную молодость. На деле же ты годишься разве лишь на то, чтобы ловить водяных бесов в реке Хуайшуй. Как же мог ты поверить сумасбродным речам Сунь У-куна и отправиться в такой далекий путь, за тысячу гор и десятки тысяч рек, чтобы здесь сложить свою голову! Посмотрим сейчас, насколько ты долговечен и юн!

Маленький Чжан пришел в ярость от этой насмешки и, схватив копье, начал колоть им оборотня. Четыре полководца тоже разом набросились на него, да и Сунь У-кун, не желая отставать, принялся колотить своим посохом. Но оборотень держался молодцом. Не выказывая ни малейшего страха, он вращал колесом свою короткую палицу с волчьими клыками, заслоняясь от ударов то слева, то справа и делал разные выпады.

Держит наследник копье свое с древком из дивного чу,
Подвиг любой, труднейший, достойному по плечу.
С ним полководцы могучие — у каждого по мечу.
С воинами бок о бок сам Сунь У-кун стоит,
В руках его верная палица, как серебро, блестит,
Взор его мечет молнии, гневен и грозен вид.
Все они разом оборотня окружили, словно кольцом,
Но тот привык к опасности оборачиваться лицом,
Он чародей великий — все ему нипочем!
Его острозубая палица всегда неразлучна с ним,
Силой ее священною оборотень храним,
Бессильны мечи и копья — дьявол неуязвим!
Оборотень, сражаясь, бьется за жизнь свою,
А Сунь У-кун стремится его одолеть в бою,
Чтобы святые книги в дальнем добыть краю.
В стороны разбегаясь, сходятся вновь бойцы,
Хитрые, словно старцы, ловкие, как юнцы,
Бьют, как по наковальне молотом кузнецы.
Жаркое их дыханье стелется паром густым,
Землю от глаз скрывает, словно пожара дым,
Даже светил небесных не разглядишь за ним.
Только кругом и слышно — ветер воет в горах,
Только кругом и видно — буря вздымает прах,
Черный туман зловещий в души вселяет страх.
Много уловок искусных было пущено в ход,
Однако верха в сраженье никто еще не берет.
Кого ж из врагов пораженье, кого же победа ждет?

Бой длился очень долго, но все еще нельзя было определить, кто выйдет победителем. Оборотень снова достал волшебный мешок, а Сунь У-кун, как и в предыдущий раз, крикнул: «Друзья, будьте осторожны!» Но наследник престола и его полководцы не поняли, что значит «будьте осторожны», а тем временем чудовище издало резкий звук, и все четыре полководца вместе с наследником сразу же очутились в мешке. Только один Сунь У-кун, который знал, что может произойти, успел удрать. Царь оборотней, вновь торжествуя победу, вернулся в монастырь, велел принести веревки, связал каждого пленника в отдельности и запер в погребе под замок. Но об этом мы рассказывать не будем.

Сунь У-кун, совершив головокружительный прыжок, поднялся в воздух и оттуда видел, как оборотень вернулся к себе и за ним закрылись ворота. Сунь У-кун опустился по благовещему лучу на западный склон горы и там предался полному отчаянию.

— О мой наставник! — всхлипывал он, причитая:

С тех пор, что принял я учение благое
И к школе созерцания примкнул,
Я бодисатву непрестанно славил
За то, что он меня от бед моих избавил
И руку помощи, как брату, протянул.
Затем на Запад я отправился с тобою,
Желая охранять тебя в пути,
Чтобы, не ведая опасностей, в покое,
Ты мог за книгами священными идти.
Идти туда, где храм Раскатов грома,
Тебе я, мой учитель, помогал...
О безрассудный, я того не знал,
Что ждет нас путь иерозный и покатый,
А рытвинный, ухабистый, горбатый,
Невзгодами, напастями богатый,
Запутанный, как конопляный жгут,
Что будет он длинней кишок барана,
Что захлестнет он нас петлей аркана
И что на нем нас оборотни ждут!
Напрасно я придумывал ходы,
Летал за помощью в иные страны,—
Не смог тебя спасти я от беды!

Пока Великий Мудрец Сунь У-кун предавался горестным переживаниям, вдруг где-то в юго-западной части горы опустилось на землю сверкающее разными цветами облако, и на гору полил проливной дождь. Затем кто-то отчетливо произнес:

— Сунь У-кун! Узнаешь ли ты меня?

Сунь У-кун поспешил к тому месту, откуда доносился голос, и увидел человека, у которого

...были большие уши,
Четырехугольный лик;
С виду он добродушен,
Ростом довольно велик,
Полного телосложения,
И животаст и плечист,
Словно река осенняя
Взор его ясен и чист.
Вешним теплом пронизаны
Взгляды его и слова,
Златыми цветами унизаны
Ризы его рукава.
От лика его и прохладных
Ярких его одежд
Веет довольством отрадным,
Сбыточностью надежд.
То первый из достопочтенных
Живущих в горных краях,
Майтрея присиоблаженный,
Улыбающийся монах.

Увидев великого бодисатву, Сунь У-кун распростерся перед ним и воскликнул:

— О первоучитель мой, пришедший с Востока! Куда путь держишь? Прости, что не заметил тебя и не поспешил скрыться! Прости! Прости!

— Я прибыл сюда лишь для того, чтобы устранить оборотня из моего храма Раскатов грома,— ответил бодисатва Майтрея.

— О мой повелитель! Чем отблагодарю я тебя за твои щедрые милости и благодеяния? Дозволь спросить тебя, что это за чудовище такое? Откуда оно взялось? Что за мешок у него волшебный? Не откажи мне в просьбе рассказать о нем.

— Это мой служка — Желтобровый отрок, которого я приставил к билу отбивать часы. В третий день третьего месяца я отправился на собор, созванный Всевышним, Всемогущим Владыкой неба, а его оставил сторожить мой дворец. Он выкрал мои драгоценные талисманы и стал выдавать себя за Будду. Волшебный мешок, который ты видел, это моя сума для последующей жизни, или, как ее называют, «Мешок для продолжения рода человеческого». А палица с волчьими зубами — это колотушка для била.

Сунь У-кун выслушал бодисатву, а затем воскликнул:

— Ну и хорош ты, смеющийся монах! У тебя сбежал твой служка, выдает себя за Будду первоучителя, чуть не сгубил меня, старого Сунь У-куна, а ты и в ус не дуешь. Видно, нет в твоем доме порядка.

— Я виноват,— сказал бодисатва Майтрея,— что не проявил должной осмотрительности и у меня сбежал служка, но, кроме того, твой наставник и вы, его ученики, еще не прошли через все испытания. Вот почему все духи-небожители, сошедшие на грешную землю, чинят вам препятствия. Я явился сюда за тем, чтобы изловить этого негодного служку и отвести его на место.

— Но проклятый оборотень обладает великой волшебной силой. Как же ты думаешь изловить его, ведь у тебя нет никакого оружия?

— Я устроил здесь под горой соломенный шалаш,— смеясь, ответил бодисатва Майтрея,— и засадил весь склон горы дынями. Ты ступай и вызови оборотня на бой, только не смей одолевать его, а постарайся заманить на бахчу. Дыни на моей бахче еще не зрелые, а ты превратись в спелую дыню, самую большую. Оборотню, конечно, захочется съесть дыню, тогда я предложу ему съесть тебя. Когда же ты попадешь к нему в живот, то можешь вытворять все, что угодно, а я тем временем отниму у него волшебный мешок, засуну туда его самого и отнесу к себе.

— Хорошо ты придумал,—прервал бодисатву Сунь У-кун,— но как ты узнаешь спелую дыню, в которую я превращусь? И как заманить его сюда?

— Меня все почитают за уменье управлять миром,— засмеялся Майтрея,— и я отличаюсь необыкновенной прозорливостью. Неужто я не узнаю тебя?! Будь уверен, в кого бы ты ни превра-

тился, я всегда узнаю. Опасаюсь я другого, что этот оборотень не пожелает следовать за тобой, а потому открою тебе одну тайну.

— Я уверен, что он постарается поймать меня в мешок,— сказал Сунь У-кун,— и, конечно, не явится сюда! Каким же способом завлечь его?

— А ну-ка, протяни руку,— смеясь, сказал Майтрея.

Сунь У-кун спокойно протянул левую руку. Тогда Майтрея послюнил указательный палец своей правой руки и на ладони левой руки Сунь У-куна начертил один только иероглиф: «Запрещаю!» После этого он велел ему зажать руку в кулак, а когда оборотень приблизится, то сразу же разжать кулак и показать ладонь. Тогда оборотень сразу же последует за ним.

Сунь У-кун зажал руку в кулак и с радостью выслушал бодисатву. Размахивая железным посохом, он подошел к воротам монастыря и стал громко кричать:

— Эй ты, дьявол, злой мара! Твой отец Сунь У-кун опять пришел! Выходи-ка скорей! Посмотрим, чья возьмет!

Привратники снова бросились к своему повелителю с докладом.

— Сколько же войска на этот раз он привел с собой? — спросил повелитель.

— Никакого войска у него нет,— отвечали привратники.— Он один явился.

— Видно, эта мартышка ничего больше не могла придумать,— засмеялся царь оборотней.— Да и просить помощи больше не у кого. Не иначе, как она решила распрощаться с жизнью!

Царь оборотней привел в порядок свое облачение и доспехи, взял талисман и, подняв высоко над головой короткую эластичную палицу с волчьими зубами, выбежал за ворота с криком:

— Ну, Сунь У-кун! Помни, на этот раз не убежишь!

Сунь У-кун в ответ осыпал его ругательствами:

— Негодяй ты этакий! Почему это я не убегу,— кричал он.

— Я вижу, ты уже ничего не можешь придумать против меня и тебе больше не к кому обратиться за помощью. Вот ты и решил один на один померяться силами. Так знай, если на этот раз ты потерпишь поражение и я изловлю тебя, то уж никакие небесные духи-воины тебя не спасут.

— Видно, ты еще не знаешь, где раки зимуют! — злобно ответил Сунь У-кун.— Замолчи, тварь ты этакая! На-ка, отведай моего посоха!

Видя, что Сунь У-кун действует только одной рукой, царь оборотней не удержался от смеха.

— Ишь ты, мартышка! Хочешь показать свою ловкость! Да разве ты удержишь одной рукой тяжелый посох?

— Сынок! — насмешливо отвечал Сунь У-кун.— Ведь ты не устоишь против меня, если я начну колоть обеими руками!

Хоть я и действую одной рукой, тебе ни за что не одолеть меня, даже призвав на помощь троих и пятерых таких, как ты, но, чур, не пользоваться мешком!

— Ладно, согласен! — отвечал царь оборотней.— На этот раз я не воспользуюсь своим талисманом, но давай драться по-настоящему. Посмотрим, кто выйдет победителем!

С этими словами он бросился вперед с высоко поднятой палицей. Сунь У-кун разжал перед его лицом кулак левой руки, а затем схватил свой посох обеими руками и завертел его колесом.

Оборотень попал под чары запрета и уже не помышлял о бегстве. Он в самом деле не воспользовался волшебным мешком и едва поспевал наносить удары своей палицей. Сунь У-кун помахал для вида посохом и, притворившись побежденным, бросился бежать. Оборотень кинулся за ним вдогонку, и так они добежали до западного склона горы.

Здесь Сунь У-кун, увидев поле, засаженное дынями, перекувырнулся и сразу же превратился в большую спелую дыню, сочную и сладкую. Оборотень остановился как вкопанный и стал оглядываться по сторонам, не зная, куда девался Сунь У-кун. Затем он подбежал к шалашу и спросил:

— Эй! Кто посадил здесь дыни?

Бодисатва Майтрея успел принять вид старика огородника, вышел из шалаша и ответил:

— Великий царь! Я посадил.

— А есть у тебя спелые? — спросил оборотень.

— Есть,— отвечал бодисатва.

— Сорви мне одну,— приказал оборотень,— я хочу утолить жажду.

Майтрея тотчас сорвал ту самую дыню, в которую превратился Сунь У-кун. Держа дыню обеими руками, он поднес ее царю оборотней. Тот, не подозревая ничего дурного, принял дыню, разинул рот и начал ее есть. Сунь У-кун, воспользовавшись этим моментом, маленьким катышком проскочил через рот прямо в пищевод и, не дожидаясь, что будет дальше, принялся действовать руками и ногами. Он хватался за кишки, бил ногами в брюшину, кувыркался через голову, становился на голову, словом, расправлялся со своим врагом как только мог. От боли оборотень скрежетал зубами и кусал губы, слезы катились градом. Он стал кататься по земле и укатал все поле так, что оно стало походить на площадку для молотьбы хлеба.

— Довольно! Довольно! Хватит! — кричал оборотень не своим голосом.— О, если бы кто-нибудь оказал мне помощь и спас меня!

Тем временем бодисатва Майтрея принял свой настоящий облик и, посмеиваясь, подошел к оборотню.

— Что, скотина, узнаешь меня? — спросил он гневным голосом.

Оборотень поднял голову и, увидев своего хозяина и повелителя, в страхе повалился ему в ноги и, хватаясь за живот обеими руками, стал отбивать земные поклоны и приговаривать:

— О мой владыка! Мой повелитель! Пощади меня! Молю тебя, пощади! Никогда больше я не буду поступать подобным образом!

Бодисатва Майтрея одним движением схватил его за шиворот, отвязал у него волшебный мешок, отнял колотушку для била и крикнул:

— Сунь У-кун! Ради меня пощади его!

Но Сунь У-кун пришел в такую ярость, что продолжал буйствовать: он бил кулаками и ногами и переворачивал все внутренности оборотня. Тот стал терять сознание от нестерпимой боли и повалился на землю.

Бодисатва Майтрея вновь обратился к Сунь У-куну:

— Ну, хватит! Довольно! Пощади ты его, Сунь У-кун.

Теперь только Сунь У-кун послушался бодисатву.

— А ну, открой рот пошире! — приказал он оборотню.— Дай-ка я вылезу!

У оборотня болели все внутренности, но сердце еще не было повреждено, а в народе говорят: «Если у человека не поражено сердце, он не умрет,— так же и у цветов: лепестки и листья опадают только тогда, когда отжили век корни». Он услышал приказание и, превозмогая ужасную боль, разинул рот как можно шире. Сунь У-кун выпрыгнул изо рта, сразу же принял свой первоначальный вид и, схватив свой посох, собрался было добить оборотня, но бодисатва успел запрятать своего служку в мешок и привязать к поясу. Держа в руках колотушку от била, он, бранясь, спросил оборотня:

— Скотина ты этакая! Куда девал золотые музыкальные тарелки?

Оборотень, который думал сейчас лишь о том, чтобы его пощадили, всхлипывая стал говорить:

— Золотые тарелки разбил Сунь У-кун.

— Тогда верни мне осколки,— потребовал бодисатва.

— Осколки сложены на престоле Будды в тронном зале,— отвечал оборотень.

Неся мешок за плечами, бодисатва Майтрея весело хихикнул и, обращаясь к Сунь У-куну, сказал:

— Пойдем с тобой, Сунь У-кун, за осколками золотых тарелок.

Сунь У-кун, убедившись в силе волшебства бодисатвы, разумеется, не посмел ослушаться. Он повел бодисатву на гору в монастырь, чтобы собрать ему золотые осколки. Но оказалось, что ворота монастыря наглухо заперты. Тогда бодисатва Майтрея указал на ворота своей колотушкой, и они сами раскрылись. Бодисатва и Сунь У-кун вошли в монастырь и увидели, как все бесы, уже знавшие, что их повелитель пойман живьем,

собирали свои пожитки и готовились бежать куда глаза глядят. Сунь У-кун принялся истреблять их и убивал одним ударом каждого, попавшегося под руку. Так он убил до пятисот, а может быть и семисот, бесов и бесенят, которые после смерти приняли свой первоначальный облик. Тут оказались разные лесные и горные духи, духи хищных зверей и птиц. Бодисатва сложил кусочки золота вместе, дунул на них своим волшебным дыханием, прочел заклинание, после чего сразу же кусочки срослись и тарелки стали такими же, какими были первоначально. Затем он простился с Сунь У-куном, вскочил на благовещее облако и умчался в свое царство беспредельной радости и блаженства.

Теперь только Великий Мудрец Сунь У-кун смог освободить своего наставника Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Дурень за несколько дней, пока он висел на столбе, так сильно проголодался, что, забыв поблагодарить Сунь У-куна за спасение, с подведенным животом побежал на кухню искать еду. Оказалось, что бесы как раз готовились к обеду и им помешал Сунь У-кун, вызвавший их повелителя на бой. Чжу Ба-цзе увидел полный котел каши и в один присест съел полкотла. Но все же он вспомнил про Танского монаха и других его спутников. Он достал две плошки и отложил в них кашу, а затем пригласил наставника и учеников подкрепиться. Каждому из них досталось по две чашки. Лишь теперь он принялся благодарить Сунь У-куна. Речь зашла о царе оборотней. Сунь У-кун рассказал всю историю, как он сперва попросил первоучителя Чжэнь У помочь ему и тот отрядил черепаху и змею, затем обратился с просьбой к мудрому царю наставников государства, который послал наследника престола, и, наконец, рассказал про бодисатву Майтрею, который изловил оборотня. Танский монах выслушал этот рассказ и стал горячо благодарить Сунь У-куна. Затем он совершил глубокий поклон небу и сказал:

— Братья мои! Где же томятся небесные духи?

— Мне вчера дежурный дух времени сказал, что они все заперты в погребе,— ответил Сунь У-кун и обратился к Чжу Ба-цзе: — Пойдем со мной, Чжу Ба-цзе, и освободим их.

Чжу Ба-цзе, наевшись каши до отвала, вновь почувствовал прилив сил, приосанился, нашел свои грабли и отправился вслед за Великим Мудрецом Сунь У-куном. Они открыли погреб, сняли веревки со всех небесных духов и пригласили их к главному строению.

Тем временем Танский монах облачился в свою драгоценную рясу и, низко склонясь перед каждым из духов, благодарил их за добрые намерения. Сунь У-кун проводил драконов и двух полководцев на гору Уданшань, наследника престола маленького Чжана вместе с четырьмя полководцами проводил в город Биньчэн, затем он проводил духов—повелителей двадцати восьми созвездий в небесные чертоги, отпустил также духов — повелите-

лей пяти стран света и духов — хранителей пагод и кумирен в их обитель.

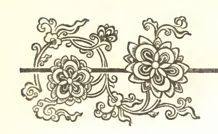
Наставник и его ученики провели в монастыре еще полдня, накормили досыта белого коня, собрали свою поклажу и на другой день рано утром отправились в дальнейший путь. Перед уходом они подожгли все постройки: башни, дворцы, храмы, молельни, которые сгорели дотла.

Поистине:

Удалось им вырваться из беды
И сухими выбраться из воды.
Вновь звезда счастливая их хранит,
Вновь в края далекие путь открыт.

Если вы хотите знать, читатель, когда же наши путники прибыли в храм Раскатов грома, прочтите последующие главы.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ,

из которой читатель узнает о том, как были спасены жители селения Толо́, как укрепилась духовная сила учения Будды и как путники избавились от грязи и очистили свои сердца

Итак, мы остановились на том, что Танский монах вместе со своими учениками покинул пределы малого Западного неба и они вчетвером радостно отправились в дальнейший путь. Прошел месяц, весна была в самом разгаре, все цветы распустились, и вот как-то раз наши путники увидели сады и рощи, утопающие в зелени, но тут налетел ветер, полил дождь, а день клонился к вечеру. Танский монах осадил коня и обратился к своим ученикам:

— Братья! Время позднее. Не поискать ли ночлег?

— Не беспокойся, наставник! — с усмешкой ответил Сунь У-кун.— Если даже мы не найдем поблизости жилья, то будь уверен, что твои ученики все же имеют кое-какую сноровку. Мы устроим здесь при дороге такой замечательный шалаш, что в нем можно будет прожить целый год, пусть только Чжу Ба-цзе нарежет травы, а Ша-сэн наломает сосновых сучьев. Я кое-что смыслю в плотницком деле. Так что волноваться незачем.

— Брат, да разве можно строить здесь шалаш? — спросил Чжу Ба-цзе.— Горы кишат тиграми, барсами, волками и змеями, а кругом бродят разные духи и демоны. Здесь даже днем опасно, каково же нам будет проводить ночь?

— Эх, Дурень! — стал подтрунивать Сунь У-кун.— С годами ты все глупеешь. Думаешь, я бахвалюсь? Могу смело сказать, что если даже небо рухнет, то я смогу удержать его вот этим самым посохом!

Пока ученики Танского монаха препирались между собой, невдалеке показалось горное селение.

— Ну, вот и хорошо!—обрадованно воскликнул Сунь У-кун.— Ночлег нашелся?

— Где?— спросил Танский монах.

— А вон там, в леске, разве не видишь? Попросим, чтобы нам разрешили переночевать, а завтра пораньше отправимся в путь.

Танский монах обрадовался и, подстегивая коня, направился к селению. Подъехав к воротам, он спешился и увидел, что они плотно заперты. Он стал стучаться и кричать: «Отоприте! Отоприте!»

Какой-то старец с посохом в руке, в соломенных туфлях, с черной косынкой на голове, в простой одежде, открыл ворота и спросил:

— Кто здесь стучится и кричит?

Танский монах сложил руки в знак приветствия, поклонился по всем правилам вежливости и ответил:

— Благодетель наш! Я, бедный монах из восточных земель, послан на Запад за священными книгами. Наш путь пролегает мимо вашего селения. Сейчас уже поздно, и мы просим разрешения переночевать в твоей усадьбе. Будем весьма признательны тебе за оказанную милость.

— Послушай, монах! — ответил старец.—Отсюда тебе никак не попасть на Запад! Это место — малое Западное небо. До большого Западного неба еще очень далеко, причем идти будет трудно не только потом, но и сейчас.

— Почему? — спросил Танский монах.

— На запад от этого селения,— отвечал старец, указывая рукой,— примерно в тридцати с лишним ли, есть узкий проход, который называется Сиштун, проход Гнилых фиг, а сама гора, где находится этот проход, носит название Цицзюе — Семь преимуществ.

— Почему она так называется? — заинтересовался Танский монах.

— В поперечнике эта гора насчитывает восемьсот ли,— отвечал старец,— и вся поросла фиговыми деревьями, а древняя поговорка гласит: «Фиговые деревья обладают семью преимуществами»:

1. Способствуют долголетию. 2. Дают много тени. 3. Вороны не вьют на них свои гнезда. 4. Возле этих деревьев не водятся змеи. 5. Заиндевелые листья очень красивы. 6. Прекрасные плоды. 7. Ветви и листья очень большие и сочные.

Вот почему эта гора называется горой Семи преимуществ. Земли здесь много, людей мало, в горы издавна никто не ходит. Ежегодно переспелые фиги падают на землю, и единственный узкий проход в скалах весь завален ими почти доверху. Дождь, снег, роса и иней мочат их, и за лето они сгнивают настолько, что пре-

вращаются в липкую грязь. Местные жители называют также этот проход проходом фиговых нечистот. Стоит подуть западному ветру, как сразу же поднимается ужасный смрад, хуже чем при очистке нужников. Сейчас самый разгар весны и чаще дуют юго-восточные ветры, поэтому смрад пока не чувствуется.

Танский монах удрученно молчал. Сунь У-кун не выдержал и стал кричать:

— Какой же ты бестолковый! Мы устали от долгого пути и пришли к тебе на ночлег, а ты докучаешь нам своими разговорами! Сказал бы прямо, что у тебя тесно и нас некуда положить, мы бы уж как-нибудь на корточках провели эту ночь под деревьями. Зачем зря болтать?

Старец стал разглядывать Сунь У-куна и так опешил от его безобразного вида, что в первый момент не мог выговорить ни слова. Но, придя в себя, он набрался храбрости и тогда стал кричать и размахивать посохом:

— Ах ты, невежа! Скуластая морда, вдавленный лоб, плоский нос, впалые щеки, глаза мохнатые, черт чахоточный! Не умеешь вести себя со старшими, да еще смеешь совать свое рыло и грубиянить мне, старому человеку!

Сунь У-кун, ласково посмеиваясь, стал успокаивать старика:

— Почтенный господин мой,— вежливо проговорил он,— ты хоть и с глазами, а зрачков, видно, у тебя нет, раз не узнал меня, черта чахоточного. В правилах угадывания человека по лицу сказано так: «У кого наружность диковинная, в том скрываются качества драгоценные, как в груде камней — прекрасная яшма!» Если ты определяешь людей только по их словам и наружности, то можешь ошибиться. Пусть я безобразен на вид, но зато владею кое-каким искусством.

— Откуда ты родом? — спросил старец.— Как звать тебя по имени и по фамилии? И каким искусством ты владеешь?

Сунь У-кун рассмеялся и стал рассказывать о себе:

...Мои досточтимые предки жили в землях Дуншэискнх,
Я ж с самого детства на дивиой горе Хуагошаиь
Старался постигнуть учеиие совершенства,
Ему отдавая душою и разумом дань.
Сердец человечных великий, благой прародитель,
Открывший мие Истины путь,— вот кто был мой учитель!
Узиал я и поиял иемало вещей сокровенных:
Дракоиов могу покорять, будоражить моря,
За солицем гоняться, от жара его ие горя,
И горы ворочать, и также в иауках воеииых
Любых полководцев мудрейших могу превзойти.
Задумал — и звезды собьются с прямого путн,
И Ковш повернется иа иебе другой стороною;
Я оборотня покорю и бесовские козни расстрою.
На дьявола злого сумею управу найтн,
И землю вращаю, и небо могу уиестн, —
Недаром слыву я иепобедимым героем!
Из камия бесцеииого созданная обезьяна,
Владею я даром свой облик меиять постоянно!

Старец выслушал его и, сменив гнев на милость, с поклоном пригласил путников в дом.

— Прошу! Заходите в мою скромную обитель и располагайтесь как вам удобно!

Четверо монахов с конем и поклажей вошли в ворота и увидели дорожку, обсаженную с обеих сторон густыми рядами терновников. Вторые ворота были устроены в стене, сложенной из кирпича и камней, и тоже покрыты колючими растениями. И только за этими воротами оказались строения из трех отделений, покрытые черепичной крышей. Старец ввел гостей в дом, усадил и стал потчевать чаем, приказав слугам приготовить еду. Немного погодя слуги поставили столы и начали расставлять на них обильные яства: вязигу, бобовый сыр, ростки батата, тертую редьку, перец и горчицу, брюкву, отварной рис и суп из растения «куй», вымоченного в уксусе.

Наставник и его ученики наелись до отвала. После еды Чжу Ба-цзе отвел в сторону Сунь У-куна и тихо спросил его:

— Брат! Объясни, почему вначале старец не хотел оставить нас ночевать, а теперь вдруг стал так гостеприимен, что даже устроил нам обильную трапезу?

— Подумаешь! — возразил Сунь У-кун.— Что стоит все это угощение? Погоди, завтра я еще потребую с него по десять сортов плодов и овощей нам на дорогу!

— Как тебе не стыдно? — укоризненно прошептал Чжу Бацзе.— Мало того что своим бахвальством ты сбил с толку старика и он угостил нас на славу, не подозревая обмана... Как бы не пришлось завтра бежать без оглядки. Неужто он еще станет устраивать нам проводы?

— Не горячись! — спокойно отвечал Сунь У-кун.— Я знаю, как заставить его сделать это.

Прошло еще немного времени и совсем стемнело. Старец велел зажечь фонари. Сунь У-кун, поклонившись ему в пояс, спросил:

— Как прикажешь величать тебя, повелитель мой?

— Моя фамилия Ли,— ответил старец.

— Видно, все это селение является родовым и называется по твоей фамилии?

— Нет,— отвечал старец,— оно называется Толо. В нем насчитывается более пятисот дворов, и все они носят другие фамилии. Пожалуй, только я один зовусь Ли.

— Благодетель мой, почтенный Ли,— продолжал Сунь У-кун.— Скажи мне, из каких добрых побуждений ты угостил нас такой обильной трапезой?

Старец встал со своего места и произнес:

— Я услышал от тебя, что ты умеешь ловить оборотней и проклятых злых духов. У нас здесь водится злой дух-оборотень, и я хотел бы обременить тебя просьбой изловить его ради нас всех, обитателей этого селения. За это мы щедро отблагодарим тебя!

Обратив лицо вверх, Суиь У-кун пробормотал клятву послушаиия и сказал:

— Благодарю за оказаиную мие честь!

Чжу Ба-цзе ие стерпел и крикнул:

— Вы только посмотрите на иего! Навлекает беду на иас! Когда его просят изловить злого духа-оборотия, ои готов услужить кому угодио, словио родиому тестю, зараиее даже поклялся!

— Премудрый брат мой! — веско произиес Суиь У-куи.— Ты ведь ие зиаешь, в чем дело. Я дал клятву для того, чтобы старик больше ии к кому ие обращался с этой просьбой.

Таиский моиах, услышав эти слова, сказал:

— Ну и мартышка! Всюду суется. А что, если у этого злого духа-оборотня чары сильиее твоих и тебе будет не под силу изловить его? Получится, что мы, моиахи, отрешившиеся от всего мирского, лгуиы и обмаищики?

— Не сетуй иа меия, иаставиик мой! — засмеялся Суиь У-куи.— Погоди! Дозволь мие еще спросить его.

— О чем еще ты хочешь спросить? — отозвался старец.

— Скажи мне,— иачал Суиь У-куи,— какой злой дух-оборотеиь смеет появляться в твоих хоромах, когда здесь совершенно ровиое и спокойное место и к тому же рядом живет миого людей?

— Так и быть, ие буду обмаиывать тебя,— ответил старец.— У иас здесь с давиих времен всегда было тихо и спокойно, ио вот три года тому назад, в шестом месяце, вдруг иалетел сильиый порыв ветра. В эту пору все люди были очеиь заняты: кто молотил хлеб на току, кто рассаживал рис на полях. Сиачала все думали, что погода перемеиилась, но потом оказалось, что вместе с порывом ветра появился злой дух-оборотеиь. Ои пожирал коров и коней иа пастбищах, поедал свииней и бараиов, глотал целиком кур и гусей, заглатывал живьем мужчии и женщин. С того времени он стал часто посещать иас и причиияет большой вред. Обращаюсь к тебе, как к иаставиику! Если ты в самом деле обладаешь волшебными средствами, излови этого беса, очисти от иего иашу землю. Обещаю тебе, что жители щедро отблагодарят тебя! Верь мне, я говорю истиииую правду.

— Такого беса, пожалуй, трудно изловить,— в раздумье произиес Сунь У-кун.

— Коиечно, трудно! — поспешил поддакнуть ему Чжу Бацзе,— очеиь трудио! Да и к чему ловить каких-то бесов? — продолжал ои.— Мы ведь страиствующие монахи. Нам бы только переиочевать, а завтра с утра мы сиова отправимся в путь.

— Ах, вот вы, какие! — закричал старец.— Обманом вымогаете подаяиия! Распустили свои лживые языки и стали бахвалиться, что можете звезды смещать и ручку Ковша поворачивать, злых духов и бесов покорять, а как дошло до дела, так испугались: «Трудно изловить»! — передразиил ои.

— Да что ты, старичок?! — ласково проговорил Сунь У-кун.— Беса поймать легко, только народ у вас здесь не очень дружный, потому я и сказал: «Трудно изловить».

— Откуда ты взял, что у нас народ не дружный? — обиделся старик.

— Сам посуди,— отвечал Сунь У-кун.— Вот уже три года у вас здесь бесчинствует злой дух-оборотень. Загубил невесть сколько жизней. Если бы у вас народ был дружный, я думаю, каждый охотно дал бы хоть по одному ляну серебра. С пятисот дворов можно было бы собрать пятьсот лян, а за такие деньги всюду найдется штатный даос-колдун, который может изловить беса. Как же иначе объяснить то, что вы три года безропотно терпите мучения от этого дьявола?

— Ну, уж если говорить о деньгах, то даосам должно быть стыдно до смерти! Да кто у нас не потратил на это дело три, а то и целых пять лян серебра? Вот и в позапрошлом году наши жители ходили к одному монаху, на южный склон горы, просили его прийти изловить беса, так ничего у него не вышло.

— А каким способом собирался он изловить беса? — спросил Сунь У-кун.

Старик отвечал:

Как положено, монах облачился,
Сутры толковать священные начал:
Поначалу речь повел о Куицяо *
А потом и к Фахуа * обратился.
Благовонные возжег он куренья;
В руки взявши золотой колокольчик,
Все читал да причитал неустанно,
Надлежащего исполненный рвенья.
От его молений бес пробудился,
Исповедывавший ересь лихую;
Он услышал голос истинной веры
И, услышав его, встревожился и озлился.
Облака нагнал на наше селенье,
Вместе с буйными ветрами и градом,
И, представ перед бессильным монахом,
На него злодей напал в исступленье.
Завязался бой великий меж ними,
Похвалы и удивленья достойный;
Кулаками бьет монах злого беса,
Тот орудует когтями своими.
Долго доблестный монах продержался:
Голова его гола, что колено,
И противник за нее ухватиться
Был не в силах, как он там ни старался.
Все ж победа оказалась за бесом:
По макушке бритой стукнув монаха
Так, что череп, как арбуз, раскололся,
Бес закутался завесой из праха:
Как видение, в тумане исчез он.

Сунь У-кун рассмеялся:

— Выходит, что он сам пострадал!

— Пострадали мы, а он только поплатился жизнью,— сказал старик.— Нам пришлось покупать гроб и устраивать похороны, да еще ссужать деньгами его учеников, которые до сих пор не успокоились и всё грозятся подать на нас жалобу.

— И больше вы ни к кому не обращались с просьбой изловить беса? — спросил Сунь У-кун.

— В прошлом году опять звали одного даоса.

— Как же он ловил беса?

— А вот как.— И старик снова начал говорить:

Надев златой убор и облаченье,
Достойный муж костяшками пощелкал,
Прочел магические изреченья
Над чистою водою втихомолку;
Исполнив надлежащие обряды,
Даос почтенный вызвал духа злого.
В покрове из тумана ледяного
Явился тот и стал доступен взгляду.
Тут начался меж ними бой жестокий,
Как листья в бурю, закружились оба,
И мгла, как ненасытная утроба,
Их поглотила во мгновенье ока.
Когда же непогода прекратилась,
Туман рассеялся над местом боя.
Мы все туда бегом бежать пустились,
Разыскивать несчастного героя.
Как курица, попавшая в похлебку,
На дне ручья лежал он без движенья,
Растерзанный, с разодранною глоткой,—
Несчастный! Потерпел он пораженье!

— Выходит, второй монах тоже пострадал,— засмеялся Сунь У-кун.

— Да он только отдал жизнь, и все,— возразил старик,— а нам опять пришлось раскошеливаться впустую.

— Ничего, ничего! — стал успокаивать старика Сунь У-кун.— Я непременно изловлю этого дьявола.

— Если ты в самом деле знаешь, как поймать беса, то я сейчас схожу за старейшинами нашего селения, и мы напишем бумагу: одолеешь его, мы заплатим тебе столько, сколько сам назначишь, ни на полгроша не обманем. Если же он тебя побьет, то пусть с нас никто не взыскивает, такова уж, видно, воля неба.

— Ишь ты какой!— сквозь смех проговорил Сунь У-кун.— Видно, здорово тебя припугнули. Да мы ведь не такие люди. Приглашай скорей своих старейшин.

Старец очень обрадовался и тотчас велел слугам пригласить соседей слева и справа, старших и младших двоюродных братьев по отцу и матери, родных и друзей. Всего набралось восемь старцев, которые явились и представились монахам.

Речь зашла о поимке беса-оборотня. Все старцы пришли в восторг и стали спрашивать: кто же берется изловить беса?

Сунь У-кун скрестил руки на груди и, выступив вперед, сказал:

— Это я, смиренный монах!

Старцы в страхе заговорили:

— Ничего не выйдет! Тебе не справиться! Этот бес владеет множеством чар, да и сам он здоровенный. А ты, почтенный монах, такой тщедушный и маленький, что даже не заполнишь просвета между его зубами и клыками!

— Уважаемые мои почтенные господа! — смеясь, ответил Сунь У-кун.— Плохо вы в людях разбираетесь. Я хоть и мал ростом, зато очень крепкий, как говорится, «вспоили меня водой от точильного камня, лучший из всех пяти жизненных духов играет во мне!» *

Старцам ничего другого не оставалось, как поверить, и они перешли к делу:

— Сколько же ты возьмешь в награду за поимку беса, почтенный монах? — спросил самый старший.

— Какая там еще награда! — отвечал Сунь У-кун.— В народе есть такая поговорка: «Кто о золоте говорит, у того пелена на глазах, кто о серебре говорит, тот круглый дурак, а кто о меди говорит, от того дурно пахнет!» Мы — добродетельные монахи и никаких денег нам не надо!

— Судя по твоим словам,— сказали старцы,— вы действительно весьма добродетельные монахи-аскеты. Но где это видано, чтобы даром трудились? Раз ты не хочешь денег, мы можем предложить тебе другое: все мы занимаемся рыболовством и земледелием и этим кормимся. Если ты в самом деле одолеешь беса и очистишь нашу землю, каждый из нас выделит в дар по два му самой лучшей полевой земли, таким образом наберется тысяча му, которые мы нарежем в одном месте. Вы с вашим наставником возведете там монастырь и будете предаваться созерцанию, что, пожалуй, лучше, нежели скитаться по свету, подобно облакам.

— Об этом и говорить нечего! — рассмеялся Сунь У-кун.— Допустим, что мы возьмем вашу землю, значит, надо будет обзаводиться хозяйством, держать коней и слуг, платить налоги, поставлять фураж, поздно ложиться, рано вставать. Этим предложением вы просто без ножа нас режете.

— И от одного ты отказываешься и от другого,— огорченно молвили старцы.— Так скажи, чем же отблагодарить тебя?

— Я — человек, ушедший из мира— ответил Сунь У-кун.— Напоите чайком, покормите вареным рисом,— вот и все воздаяние!

— Ну, это пустяки,— обрадовались старейшины.— А теперь расскажи нам, как ты думаешь изловить беса.

— Как только он появится,— сказал Сунь У-кун,— так я его и поймаю.

— Он ведь огромный! — предупредили старцы.— Голова его упирается в небо, а ноги — в землю. При его приближении налетает сильный порыв ветра, а когда он исчезает, остается туман. Как же ты приблизишься к нему?

— Если этот дьявол способен только вызвать ветер и носиться в облаках, то он годится мне во внуки. Не беда, что он ростом велик; я все равно с ним справлюсь.

Пока они беседовали, неожиданно завыл ветер. Старцы пришли в смятение и, дрожа от страха, стали говорить:

— У этого монаха дурной язык: как заговорил о дьяволе, так дьявол тут как тут!

Хозяин, старец Ли, открыл калитку и стал звать всех своих родных, а также Танского монаха:

— Заходите сюда! Заходите! Прячьтесь скорей! Бес явился!

Даже Чжу Ба-цзе перепугался и тоже хотел спрятаться, а за ним и Ша-сэн. Но Сунь У-кун удержал их.

— Я вижу, вы совсем забыли, кто вы такие, и ведете себя неподобающим образом! Разве можно монахам забывать, где свои, где чужие?! Оставайтесь здесь! Выйдем и посмотрим, каков из себя бес.

— Брат,— сказал на это Чжу Ба-цзе,— зачем нам на него смотреть? Эти умудренные опытом старцы знают, что раз ветер зашумел, значит, должен появиться дьявол. Они спрятались, а мы что? Мы не приходимся ему родней, никогда не были с ним знакомы и не ведем дружбы...

Но Сунь У-кун не стал его слушать. У него оказалось достаточно силы, чтобы вытащить своих обоих братьев во двор. А ветер все крепчал:

Он валит деревья, дорогу в лесу пролагает,
На тигров с волками смятенье и жуть нагоняет,
Всю воду речную мутит и волнует широкое море,
И духов печалит, ввергая в тревогу и горе,
С горы Хуаюэ * он огромные камни срывает
И небо с землею, что коней, на дыбы поднимает,
И всякий в селенье, охваченный новой заботой,
Укрыться спешит, на засов замыкая ворота.

Чжу Ба-цзе, дрожа от страха, ничком лег на землю и стал рыть ее своим рылом, чтобы спрятаться: было слышно лишь, как он сопит. Ша-сэн обхватил голову руками и крепко зажмурил глаза.

Прислушиваясь к ветру, Сунь У-кун старался разгадать, кто был этот бес. Как только ветер немного утих, высоко в воздухе замерцали два фонаря. Сунь У-кун тотчас наклонил голову и крикнул:

— Братья! Ветер умчался! Вставайте смотреть!

Дурень вытащил свое рыло из земли и, отряхивая пыль, стал смотреть на небо, где действительно увидел свет двух фонарей. Засмеявшись, он сказал сиплым голосом:

— Вот так штука! Оказывается, он знает, как себя вести, и нам следует с ним подружиться.

— Почему ты так думаешь? — изумился Ша-сэн.— В этакую темень ничего нельзя разглядеть, к тому же ты ведь с ним ни разу не встречался.

— А ты разве не знаешь древнюю пословицу?— ответил Чжу Ба-цзе: — «Если ночью в путь идешь, бери фонарь с собою, нет фонаря — стой на месте». Видишь, какие фонари он зажег, чтобы освещать себе дорогу? Несомненно — это добрый бес.

— Ты ошибся,— проговорил Ша-сэн.— Это вовсе не фонари, а глаза чудовища.

От страха Дурень сжался в росте на три цуня и промолвил:

— О небо! Неужели бывают такие огромные глазищи! Какая же у него должна быть пасть!

— Братья, не бойтесь,— стал успокаивать Сунь У-кун.— Охраняйте хорошенько нашего наставника, а я поднимусь в воздух и узнаю, что это за бес.

— Брат! — умоляюще сказал Чжу Ба-цзе.— Только уж ты нас, пожалуйста, не впутывай в это дело.

Молодец Сунь У-кун! Он вытянулся, присвистнул и совершил прыжок в воздух.

— Полегче! полегче! Здесь я нахожусь! — грозно крикнул он, держа наготове свой посох.

Чудовище, увидев Сунь У-куна, вытянулось во всю длину и стало размахивать длинным копьем. Сунь У-кун, замахнувшись посохом, спросил:

— Ты откуда взялся, проклятый дьявол? Из каких мест?

Но дьявол ничего не ответил и продолжал размахивать копьем. Сунь У-кун повторил вопрос, но дьявол опять промолчал. Усмехнувшись про себя, Сунь У-кун сказал:

— Видно, ты глухой и немой! Стой! Ни с места! Гляди, какой у меня посох!

Но чудовище, не выказывая ни малейшего страха, продолжало махать копьем, отражая удары. И вот в воздухе начался бой: враги то наступали, то отступали — один сверху, другой снизу. Они дрались до третьей стражи, но все еще нельзя было сказать, кто победит. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн находились во дворе, откуда им было все хорошо видно. Оказывается, чудовище только и умело отбивать удары своим копьем, но совсем не владело приемами нападения. Посох же Сунь У-куна все время летал над головой чудовища. Это рассмешило Чжу Ба-цзе и он сказал:

— Брат Ша-сэн! Побудь здесь и постереги наставника, а я отправлюсь на подмогу, чтобы обезьяна не приписала себе одной победу над бесом и не получила в награду первую чарку вина.

Сказав это, Дурень сразу же вскочил на облако и, поспешив к месту боя, напал на беса. Однако тот пустил в ход еще одно копье и стал отбиваться. Оба копья извивались змеями и сверкали молниями. Восхищенный ловкостью беса, Чжу Ба-цзе воскликнул:

— Ну и бес! Здорово владеет копьями! Какими же приемами он действует? Это не «шаньхоуцян», а, пожалуй, «чаньсыцян». Нет, ни тот, ни другой. И не «мацзяцян». А, знаю, этот прием называется «шуаньбинцян» — «копье с эластичным древком»*.

— Брось болтать глупости, Дурень! — оборвал его Сунь У-кун. — Разве существует прием «копье с эластичным древком»?

— А ты гляди, ведь он отбивает наши удары только острием копий! — возразил Чжу Ба-цзе. — Древков совсем не видно, даже не поймешь, где он их держит!

— Может, ты и прав, — согласился Сунь У-кун, — но зато бес этот не умеет говорить человеческим языком. Видно, не приобщился к человеческому перерождению и в нем живет еще дух темного царства Инь. Увидишь, когда начнет светать и дух светлого царства восторжествует в природе, бес непременно удерет. И вот, как только он обратится в бегство, нам надо непременно догнать его и изловить.

— Верно! Верно! — поддакнул Чжу Ба-цзе.

Бой продолжался еще очень долго, и воины не заметили, как восток начал светлеть. Бес не осмелился продолжать бой и бросился наутек. Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе разом кинулись за ним вдогонку. Вдруг они оба почувствовали нестерпимое зловоние, которое исходило как раз от горного прохода на горе Семи преимуществ, заваленной гнилыми фигами.

— Где это чистят выгребную яму? — задыхаясь, вскрикнул Чжу Ба-цзе. — Тьфу! Гадость какая! Дышать нечем!

Сунь У-кун, зажав нос, кричал:

— Догоняй живее беса! Живее!

Тем временем бес скрылся за гору и там принял свой настоящий вид. Оказалось, что это был огромный удав, покрытый красной чешуей. Представьте себе, читатель:

Ярче звезды утренней злые глаза его блещут,
Острее мечей булатных зубы его, что скрежещут,
При виде железных когтей его люди и звери трепещут.
Из черных ноздрей дыханье его вылетает со свистом,
Вокруг него расстилается туманом сизым.
На голове вздымается рог мясистый —
Словно агатом толченым тот рог обсыпан.
Дивно глядеть на змея, когда лежит он, —
Красною чешуею тело его покрыто.
Как из румян составленный, весь отливая алым,
Вид он собой являет воистину небывалый,
Словно то в груду свалены парчовые одеяла.
Дивно глядеть на змея, когда летит он,
В воздухе расстилаясь пламенеющим свитком
Или пурпурной радугой, по небесам разлитой...
Запах встает тяжелый, на серную вонь похожий,
В месте, где долгий отдых свой он проводит лежа,
Никто на земле живущий тот запах вдыхать не может.
Его толщина такая, что, если стоишь с ним рядом,
Того, кто стоит напротив, никак не окинешь взглядом,
Не различишь лица его, ни цвета его наряда.

Длина же его такая, что если он на гору ляжет,
То край ее южный с краем, глядящим на север, свяжет.
Хвостом упираясь в реку, а головою в пажить.

— Так вот это кто! — воскликнул Чжу Ба-цзе.— Исполинский змей! Ему мало пятисот человек, чтобы насытиться.

— А два копья, которые ты назвал эластичными,— сказал Сунь У-кун,— не что иное, как его раздвоенное жало. Мы загнали удава в тупик и деваться ему некуда, а теперь давай выгонять его из горы с другой стороны.

Чжу Ба-цзе подбежал к удаву и начал колотить его граблями. Но удав быстро шмыгнул в нору, и только конец его хвоста длиною в несколько чи высовывался наружу. Чжу Ба-цзе отложил грабли в сторону, ухватился за хвост и что было силы начал тащить его, приговаривая:

— Попался! Попался! Не уйдешь! — Однако все его усилия оказались тщетны.

— Дурень!— засмеялся Сунь У-кун.— Отпусти его. Я знаю, что делать, а тащить его бесполезно.

Чжу Ба-цзе разжал руки, и удав быстро вобрал хвост в нору.

— Пока я держал его за хвост,— огорченно произнес Чжу Ба-цзе,— он все же был в наших руках. А теперь забился в свою нору, его оттуда и не выгонишь. Вот и остались мы с носом!

— Ничего! — сказал Сунь У-кун.— У этого удава — туша огромная, а нора узкая. Он в ней даже повернуться не может. Стало быть, из норы наверняка есть еще один выход. Ты ступай стереги его с того конца, а я буду здесь выбивать его из норы.

Дурень мигом перебежал через гору и там действительно увидел вход в нору. Он стал устраиваться около него поудобнее, совершенно не предполагая, что Сунь У-кун так скоро начнет действовать своим посохом. Удав, изнывая от боли, пополз к другому выходу, и не успел Чжу Ба-цзе охнуть, как удав выскочил из норы и одним ударом хвоста повалил его наземь. Превозмогая боль, Чжу Ба-цзе беспомощно лежал на земле.

А Сунь У-кун, увидев, что нора опустела, схватил свой посох, перебежал через гору и стал кричать Чжу Ба-цзе, чтобы тот погнался за удавом. Чжу Ба-цзе, сгорая от стыда и пересиливая боль, ползком поднялся на ноги и начал как попало бить граблями по траве. Сунь У-кун увидел это и расхохотался:

— Чего зря колотишь? Ведь бес давно удрал!

— А я, как говорится, бью по траве, чтобы всех змей вспугнуть,— пытался отшутиться Чжу Ба-цзе.

— Вот дурак,— обозлился Сунь У-кун,— беги скорей, догоняй!

Оба помчались за змеем, перескочили через горный поток и увидели чудовище, свернувшееся клубком с поднятой головой и широко разинутой огромной пастью, готовое проглотить Чжу

Ба-цзе. Тот в ужасе отпрянул назад и бросился бежать, а Сунь У-кун, наоборот, кинулся вперед, и удав разом проглотил его. Чжу Ба-цзе стал в исступлении бить себя в грудь кулаками, топать ногами и вопить: «Брат! Пострадал ты из-за меня».

Тем временем Сунь У-кун, поставив посох поперек брюха удава и устроившись поудобнее, крикнул:

— Эй, Чжу Ба-цзе! Не печалься! Гляди, как я заставлю его выгнуться мостом!

Удав в самом деле выгнулся, напоминая арочный мост Лудунхун.

— Хоть и похож на мост,— произнес Чжу Ба-цзе,— да никто не осмелится пройти по нему.

— Смотри, Чжу Ба-цзе,— крикнул Сунь У-кун,— а сейчас я заставлю его изобразить из себя большую ладью!

С этими словами Сунь У-кун подпер брюхо удава, а тот, прижав подпертое место к земле, от боли задрал голову вверх и действительно стал походить на большую ладью с задранным носом.

— Хоть и похож на ладью,— тем же тоном отозвался Чжу Ба-цзе,— но нет мачт и парусов, не сможет плыть по ветру.

— Ну-ка, посторонись! — крикнул Сунь У-кун.— Я тебе покажу, как он у меня понесется по ветру.

Поднатужившись, Сунь У-кун проткнул своим посохом спину удава так, что она увеличилась на несколько чжан в вышину и действительно стала походить на мост. Чудовище, не выдержав боли, помчалось вперед быстрее ветра, а затем повернуло обратно, спустилось с горы, проползло еще более двадцати ли и, наконец, зарылось в пыль без движения. Чжу Ба-цзе сзади подбежал к издохшему удаву и стал бить его граблями. Сунь У-кун проделал дыру в брюхе удава и вылез наружу.

— Чего колотишь? Ведь он сдох!

— Ты разве не знаешь,— ответил Чжу Ба-цзе,— что я всегда любил бить мертвых змей?

Затем он убрал свои грабли, взял удава за хвост и поволок за собой.

Вернемся в селение Толо, где старец Ли со всеми старейшинами обратился к Танскому монаху с такими словами:

— Твоих учеников не было всю ночь, и до сих пор они не возвратились. Видно, нет их больше в живых.

— Нет, с ними ничего не могло случиться. Выйдем посмотрим,— предложил Танский монах.

Вскоре они увидели Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе, которые с шумом и гиканьем тащили огромного удава. Вот когда старцы действительно обрадовались. Все селение поднялось на ноги. Сюда сбежались все от мала до велика. Встав на колени, жители

селения стали выражать свою благодарность. Слышались возгласы:

— Это и есть тот самый бес! Вот он и губил людей! Теперь благодаря вам, благочестивые отцы наши, уничтожившие злого оборотня, мы избавлены от напасти и можем жить спокойно!

Все в знак благодарности приглашали путников в гости и подносили им разные благодарственные угощения.

Наставник и его ученики были вынуждены остаться еще на несколько дней. Насилу удалось упросить благодарных жителей отпустить их. Убедившись, что монахи действительно не хотят брать ни денег, ни вещей, они наготовили на дорогу разные печенья, сухари и фрукты и вышли провожать, кто верхом на муле, кто на лошади, с красными цветами и шелковыми флагами. В селении было пятьсот дворов, и провожающих набралось до восьмисот человек. Всю дорогу они веселились и радовались. Вскоре путники стали подходить к горному проходу Гнилых фиг на горе Семи преимуществ, и Танский монах почувствовал зловоние. Вся дорога впереди была забита гнилыми фигами.

— Сунь У-кун, как же мы здесь проберемся? — спросил он своего старшего ученика.

Зажимая нос рукою, Сунь У-кун ответил:

— Вот с этим трудно будет справиться.

От этих слов у Танского монаха на глазах сразу же навернулись слезы. Старец Ли и остальные провожающие выступили вперед и сказали:

— Почтенный отец наш! Не огорчайся. Мы условились проводить вас до этого места и предложить наш совет. Твои уважаемые ученики расправились со злым духом-оборотнем и избавили наше селение от беды и пагубы. В благодарность за это мы готовы проложить вам другой, хороший путь и проводить вас через эту гору!

Сунь У-кун улыбнулся:

— Нет, почтенный старец, ты сказал не подумав. Ты сам говорил, что эта гора в поперечнике тянется на восемьсот ли, как же вы сможете проложить дорогу через нее в короткий срок, раз не являетесь священными воинами великого Юя?* Чтобы провести нашего наставника через эту гору, опять нужно будет нам потрудиться, а вы этого не сумеете.

Танский монах слез с коня и спросил:

— Сунь У-кун, что же ты думаешь делать?

Не переставая улыбаться, Сунь У-кун ответил:

— Перейти через гору, конечно, трудно, но еще труднее ждать, когда проложат новую дорогу. Надо все же попытаться пройти через старый проход, боюсь только, что некому будет доставлять нам пищу.

— Что ты, что ты! — вмешался старец Ли.— Зачем так говорить? Сколько надо будет, столько и будем вас кормить и поить. Зачем же говорить, что некому будет доставлять пищу?

— Ну, в таком случае,— бодро сказал Сунь У-кун,— отправляйтесь обратно и наготовьте нам два даня [1] сухой провизии да напеките разных пампушек и блинов. Мы накормим досыта вот этого монаха с длинным рылом, он превратится в большую свинью, проложит нам дорогу через старый проход, наставник наш сядет верхом на коня, мы будем его поддерживать и уж как-нибудь проберемся!

Чжу Ба-цзе услышал и сказал:

— Ишь ты, какой умный! Вы все хотите остаться чистенькими, а на меня одного взвалить уборку всей этой зловонной грязи?!

— Чжу У-нэн! — ласково сказал Танский монах.— Если тебе под силу это дело и ты сможешь проложить путь через проход и провести меня через эту гору, то не сомневайся — это зачтется тебе, как самый большой подвиг!

— Ладно! — рассмеялся Чжу Ба-цзе.— Будь, наставник, судьей над нами, вот в присутствии всех наших благодетелей-кормильцев скажу без смеха. Я, Чжу Ба-цзе, владею способом тридцати шести различных превращений. Но если вы захотите, чтобы я превратился во что-либо легкое, грациозное, нежное и красивое, скажу напрямик, что не смогу. А вот в гору, дерево, камень, кочку, в тапира, в борова, в буйвола, в верблюда — я, честное слово, могу превратиться без труда. Только предупреждаю, что если я превращусь в существо большее по размерам, то и брюхо у меня станет больше. Я должен наесться до отвала, вот тогда смогу поработать как следует!

— Еда найдется! Еда найдется! — закричали все.— Каждый из нас взял с собой сухари, разные плоды, блины жареные и прочую снедь. Мы ведь думали, что нам придется прокладывать для вас новую дорогу. А теперь бери все и ешь на здоровье. Когда же ты увеличишься и возьмешься за работу, мы еще пошлем людей за провизией.

Чжу Ба-цзе очень обрадовался. Он снял с себя черный халат, отложил в сторону грабли с девятью зубьями и, обращаясь ко всем присутствующим, сказал:

— Только уж вы надо мной не смейтесь, когда увидите, как я примусь за эту грязную работу.

О, добрый Чжу Ба-цзе! Посмотрели бы вы, читатель, как он прочел заклинание, встряхнулся и тут же превратился в огромную свинью. Вот уж, право:

Сала в ней больше, чем наполовину,
Пятачок круглый на рыле предлинном,
Уши огромные, как листья банана,
Спина ершится острой щетиной,
Толстая морда чернее ночи,
Луны светлее круглые очи,

[1] Д а н ь — мера веса, равная примерно 50 килограммам.

Голос ее пронзительный звонок —
Громко визжит, когда есть захочет.
Еще поросенком в селеньях горных
Питалась всходами трав благотворных,
Теперь же любую пищу людскую,
Сопя и чавкая, съест проворно.
Немало нужно ей, чтоб быть сытой,
Такой громадной, так плотно сбитой!
Груз выдерживают небывалый
Ее четыре белых копыта.
Себя совершенствовала недаром:
Крепкий хребет не боится ударов,
Шкуру железную не проколешь,
Не осмолишь, не обваришь варом.
Свиней упитанных встретить просто —
Следит хозяин за их дородством,
Но ей подобных средь них не сыщешь:
Далеко им до такого роста!
В тысячу чи она вышиною,
Не меньше ста чжан, пожалуй, длиною,
Своим долголетием небу подобна,
И всех людей удивляет собою.
Танский монах с нее глаз не сводит,
Любуется ею толпа народа,
Глядя, как путь пролагает усердно
Бывший великой звезды полководец.

Сунь У-кун, увидев, что Чжу Ба-цзе завершил свое превращение, тотчас же велел провожающим сложить в кучу всю провизию, которая была у них с собой, чтобы Чжу Ба-цзе смог подкрепиться. Дурень, не разбираясь, что вареное, что сырое, стал поглощать всю еду, а затем принялся расчищать рылом дорогу. Сунь У-кун велел Ша-сэну разуться, чтобы было легче нести поклажу, а наставника попросил крепче держаться в седле. Сам он тоже разулся, а провожающих отправил в селение.

— Если вы действительно благодарны нам,—сказал он,— то отправляйтесь сейчас же за провизией для моего собрата, чтобы поддержать в нем силы.

Больше половины провожающих, а их набралось, как уже говорилось, около восьмисот человек, были на мулах и лошадях. Они немедленно отправились в селение и занялись приготовлением пищи. Остальные провожающие, человек триста, которые шли пешком, остановились под горой и смотрели вслед удалявшимся путникам. Селение отстояло от горы на тридцать с лишним ли. Пока посланцы ходили в селение, а затем возвратились с едой, проделав таким образом путь почти в сто ли, наставник со своими учениками успел уже далеко уйти, но провожающих это не остановило: они погнали своих мулов и лошадей вдогонку, всю ночь ехали горным проходом, и только на следующий день им удалось догнать монахов.

— Благочестивые отцы наши! — стали кричать они еще издали.— Искатели священных книг! Подождите нас! Не спешите! Мы вам еду принесли!

Танский монах услышал их и сказал:

— Вот уж поистине добрые, верующие люди!

Затем он велел Чжу Ба-цзе остановиться и поесть, чтобы набраться сил.

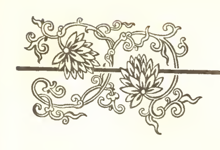
Дурень, поработавший рылом два дня, уже начал испытывать голод. Жители навезли больше семи даней еды. Чжу Ба-цзе опять, не разбираясь, что перед ним: вареный ли рис, или лапша,— все подряд заглатывал, сбивая в кучу. Наевшись досыта, он снова принялся прокладывать дорогу. Тут Танский монах с Сунь У-куном и Ша-сэном еще раз поблагодарили гостеприимных жителей и распростились с ними.

Вот уж, право:

Все провожавшие идут домой;
Им Чжу Ба-цзе дорогу пролагает;
Спокойны все: повержен дьявол злой,
И путникам никто не помешает.
Сам Сюань-цзан и прост и чист душой,
Его благие духи защищают,
Пред Сунь У-куном никнет враг любой,—
Такой он дивной силой обладает.
Отныне может всяк пройти горой,
Ход вновь открытый взоры привлекает...
Плодов гнилых завал стовековой
Его уж боле не загромождает.
Презрев мирских желаний праздный рой,
Опять друзья путь продолжают свой,
И всяк из них по-прежнему стремится
Перед престолом Будды преклониться.

Много ли осталось путникам пройти и какие еще злые духи встретились им, обо всем этом вы узнаете, читатель, из следующих глав.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ,

в которой рассказывается о том, как в Пурпурном царстве Танский монах изложил историю прежних китайских династий, а также о том, как Сунь У-кун проявил себя искусным врачевателем

Коль справедлив ты и добро творишь,
И с суетой мирскою порываешь,
То славу праведника обретаешь
И в человеческих сердцах царишь.
Коль беспристрастный твой рассудок чист,
То счастье ты великое постигнешь!
На легком облаке, под ветра вой и свист,
Ты берега блаженного достигнешь,
Где бесконечна жизнь во всей ее красе,
Где праведника дружбы удостоят
Там обитающие Будды все
И в честь его чудесный пир устроят.
На яшмовый престол воссев по их веленью,
Освободясь от бренности мирской,
От суетных забот, подобных сновиденью
О мотыльке *,— ты обретешь покой.
Себя очистив от земного праха *,
Ты будешь жить без горя и без страха.

Вы уже знаете о том, что Танский монах и его ученики прочистили загрязненный проход через гору. Выйдя на дорогу, они отправились вперед радостные и довольные. Время шло очень быстро, и снова наступили знойные дни лета.

На гибких ветвях наливались,
Словно пламенем жарким объяты,
В ризах пурпурных гранаты.
Листья лотоса вширь раздавались,
Закруглялись, как яркие блюда
Цвета дивного изумруда,

В тополях придорожных скрывались
И там щебетали пугливо
Птенцы ласточки легкокрылой.
Пешеходы от зноя спасались
Легким веяньем опахала,
По дороге шагая устало.

Продвигаясь вперед, наши монахи вдруг увидели какой-то город, к которому они приближались. Танский монах остановил коня и спросил:

— Братья! Взгляните, что за город перед нами?

— Да ты, оказывается, неграмотный,— отвечал Сунь У-кун.— Как же тебе посчастливилось получить повеление Танского императора отправиться на Запад?

— Я с малых лет учился, чтоб стать монахом, выучил наизусть тысячи сутр и десятки тысяч песнопений. Как же ты можешь говорить, что я неграмотный! — возмутился Танский монах.

— Если ты грамотный,— продолжал Сунь У-кун,— то почему не можешь прочесть три четко написанных крупных иероглифа на флаге абрикосового цвета, который развевается над городской стеной, и спрашиваешь нас, что это за город?

— Несносная обезьяна! — рассердился Танский монах.— Чего ты чепуху болтаешь? Разве не видишь, что от ветра флаг колышется и на нем ничего нельзя разглядеть, а иероглифы и подавно.

— Почему же я их вижу?— не унимался Сунь У-кун.

Тут вмешались Чжу Ба-цзе и Ша-сэн.

— Наставник! Не слушай ты его грубостей! До города еще так далеко, что даже стен не видно. Как же можно на таком расстоянии разглядеть иероглифы на флаге?

— А я все-таки прочел! — злорадно сказал Сунь У-кун.— Разве не видите вы три иероглифа «Чжу», «Цзы» и «Го»?

— Чжуцзыго! — повторил Танский монах.— Так это значит, Пурпурное царство, расположенное на Западе. Здесь нам надо будет предъявить проходное свидетельство и получить пропуск.

— Нечего объяснять! И так понятно,— пробурчал Сунь У-кун.

Прошло немного времени, и монахи достигли городских ворот. Наставник слез с коня и вместе с учениками, пройдя через мост и через трое ворот, вошел в город. Их поразил величественный вид, открывшийся перед ними.

Вот уж, право:

Тысячеоки стены городские —
Глядят на мир во все свои бойницы;
Вкруг них вода проточная струится
И отражает камни вековые,
И горы голубые отражает,
Что город тот чудесный окружают.
Коль ты пройдешь через его ворота,
Увенчанные башнями витыми,
Расстелется пред взорами твоими

Картиною прелестной и приглядной
Весь город в пестроте своей нарядной,
Пленяя очи дивными дворцами,
Тенистыми прохладными садами,
Раздольем площадей своих базарных,
Своих мощеных улиц широтою,
Раскраской яркой пагод светозарных
И зданий величавой простотою.
До поздней ночи здесь открыты лавки,
В них продают заморские новинки;
Под разной снедью ломятся прилавки
На переполненном народом рынке.
Засовами надежными заставы
От беспорядков город замыкают;
Оберегая честь его и славу,
Покой гостей и граждан охраняют.
Краса империи — ее столица,
Недаром всяк в ней побывать стремится!

Путники шли по главной улице города и поражались замечательному виду не только зданий, но и прохожих, великолепно одетых, говоривших изысканным языком, право, ничуть не хуже, чем в столице великого Танского государства. Но как только продавцы и покупатели, толпившиеся по обеим сторонам улицы, увидели безобразнейшего Чжу Ба-цзе, высоченного Ша-сэна с черным лицом и Сунь У-куна с волосатой мордой и низким лбом, так сейчас же прекратили торговлю и стали глазеть на них. Танский монах, обращаясь к своим ученикам, все приговаривал:

— Только бы не случилось беды! Идите, опустив голову!

Выполняя распоряжение наставника, Чжу Ба-цзе уткнул рыло за пазуху; Ша-сэн не осмеливался поднять головы, и только один Сунь У-кун смотрел по сторонам, держась совсем близко от Танского монаха. Но жители города оказались воспитанными и спокойно расходились, наглядевшись на диковинных прохожих. Однако нашлись праздные зеваки, любители разных происшествий, а также уличные мальчишки, которые с улюлюканьем и смехом сопровождали путников, забегали вперед и кидали в них осколками кирпичей и черепицы, потешаясь больше всего над Чжу Ба-цзе. От волнения Танского монаха бросало в пот, и он непрестанно твердил:

— Не заводите ссоры!

Дурень Чжу Ба-цзе послушно прятал голову, не смея поднять ее.

Прошло еще немного времени, и путники завернули за угол. Там они увидели высокий забор и ворота, над которыми была надпись: «Казенное подворье для иноземцев».

— Ученики мои! — молвил Танский монах.— Зайдемте сюда!

— Зачем? — спросил Сунь У-кун.

— Подворье для иноземцев является таким местом, где оказывают услуги приезжим из разных стран,— пояснил Тан-

ский монах.— Мы тоже вправе потревожить служителей этого учреждения. Пока что войдем туда и передохнем. Потом я явлюсь к властям, получу пропуск по подорожной, и мы тотчас же отправимся в дальнейший путь!

Услышав эти слова, Чжу Ба-цзе высунул свое рыло, при виде которого несколько десятков зевак от страха попадали на землю.

— Учитель, ты совершенно прав,— сказал он, подойдя к Танскому монаху.— Давайте пока спрячемся здесь, чтобы избавиться от этих горлопанов-зевак.

Они вошли в подворье, и толпа любопытных постепенно рассеялась.

В подворье оказалось два смотрителя: один — главный, другой — его помощник. Они находились в зале на возвышении и производили перекличку низших служащих, назначая их для услуг к тому или иному начальнику. Увидев Танского монаха, неожиданно подошедшего к ним, оба встревожились и стали спрашивать его:

— Кто ты? Что за человек? Куда направляешься?

Сложив руки ладонями вместе, Танский монах ответил им:

— Я — бедный монах из восточных земель великого Танского государства, посланный за священными книгами на Запад. Ныне, прибыв по пути в вашу страну, я не осмелился самовольно пройти через нее. У меня есть проходное свидетельство, которое хочу дать на проверку и получить пропуск на выезд. А сюда я зашел, чтобы передохнуть с дороги.

Оба смотрителя выслушали Танского монаха, оставили низших служащих, привели в порядок свои головные уборы, одежду и пояса и сошли вниз, чтобы приветствовать гостя. Затем они велели слугам привести в порядок помещение для гостей, приготовить все для отдыха и заказали угощение из постных блюд. После этого оба смотрителя вышли из зала, ведя за собой низших служащих. Слуги пригласили Танского монаха, величая его «почтенный отец», проследовать в помещение для гостей, и он отправился отдыхать.

— Эти негодяи ведут себя вызывающе! — возмущался Сунь У-кун.— Почему они не отвели нам место в главном строении?!

— Они не находятся в подчинении у нашего великого Танского государства,— успокаивал Сунь У-куна Танский монах.— С нашей страной они не граничат, и у них свои порядки. К тому же в любое время здесь могут проезжать какие-нибудь очень важные сановники и начальники, поэтому им и неудобно было оставлять нас в главном помещении...

— Раз ты так говоришь,— упрямо проговорил Сунь У-кун,— я назло заставлю их поухаживать за мной...

В этот момент вошли служащие с разной провизией; они

принесли целое блюдо белого риса, блюдо лапши из белой муки, два пучка свежей зелени, четыре куска бобового сыра, две порции вязиги, блюдо сушеных ростков бамбука и блюдо древесных грибов Муэр.

Танский монах приказал своим ученикам принять провизию и поблагодарил служащих.

— В западном домике есть очаг, чистый котел и достаточное количество хвороста. Если пожелаете, то можете сами сварить себе еду по своему вкусу,— сказал служащий.

— Вот что я хочу спросить,— обратился к нему Танский монах,— не находится ли правитель вашей страны в своем тронном зале?

— Наш повелитель,— десять тысяч лет ему царствовать,— давно уже не являлся во дворец и не устраивал приема,— ответил служащий,— но сегодня, поскольку для этого счастливый день, он призвал к себе гражданских и военных сановников и сейчас обсуждает с ними воззвание к народу. Если тебе нужно получить пропуск по проходному свидетельству, то воспользуйся этим случаем и поспеши во дворец; завтра будет поздно и неизвестно, сколько времени придется ждать другого случая.

— Сунь У-кун! — сказал тогда Танский монах.— Вы здесь пока займитесь приготовлением трапезы, а я поспешу во дворец за пропуском. Как только вернусь, мы поедим и отправимся в путь.

Чжу Ба-цзе тотчас же достал рясу и проходное свидетельство. Танский монах облачился и отправился во дворец. Уходя, он велел своим ученикам ни в коем случае не выходить из помещения, во избежание каких-либо неприятных происшествий.

Танский монах очень скоро дошел до дворца, который назывался Терем пяти фениксов. Великолепие этой постройки и красоту его архитектуры трудно описать словами. Сюань-цзан подошел к главным воротам и попросил начальника дворцовой стражи доложить придворным вельможам о его желании предъявить проходное свидетельство. Начальник дворцовой стражи сразу же отправился во дворец, предстал перед яшмовыми ступенями трона и доложил:

— У ворот дворца находится монах, который говорит, что он прибыл из восточных земель и по повелению государя великого Танского государства направляется на Запад в храм Раскатов грома, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Монах желает предъявить свое проходное свидетельство и получить пропуск. Жду ваших указаний.

Правитель, выслушав доклад, очень обрадовался.

— Мы давно уже страдаем недугом и не появлялись во дворце,— сказал он.— Надо же было случиться, что как раз сегодня, когда мы явились в тронный зал, чтобы составить воззвание к народу с призывом найти лекаря, который бы излечил нас, явился сей высокочтимый монах в нашу столицу!

Он тотчас повелел пригласить монаха во дворец. Танский монах, войдя в тронный зал, совершил низкий поклон, как положено по этикету, и пал ниц перед троном. Правитель выразил желание принять его в золотом зале и велел стольничьему приказу приготовить угощение. Танский монах поблагодарил за милость и предъявил свое проходное свидетельство.

Правитель прочел документ и очень обрадовался.

— Благочестивый наставник! — молвил он.— Не скажешь ли ты, сколько справедливых правителей ныне царствующей династии Тан было в твоем великом государстве? Сколько находилось при ней мудрых сановников? Хотелось бы также узнать о ныне правящем Танском императоре, чем он болел, как вернулся к жизни и в благодарность отправил тебя в дальний путь через горы и реки за священными книгами.

Танский монах поднялся, сложил руки ладонями вместе и стал рассказывать:

— Там, на родине моей, бедного монаха,— начал он,—

...было три благодатной страны устроителя,
Три древнейших над нами правителя;
Вслед за ними народом правили
Мудрых пять императоров,
Создававших законы и правила.
Яо и Шунь воцарились храбрые,
Свой престол до небес возвысили.
Юй и Тан дали отдых жителям,
Мирной жизнью их дни насытили.
Чэнь и Чжоу * тот покой нарушили:
Разделили землю единую
Меж наследниками непослушными,
Сыновьями своими недружными,
Жаждой власти и славы томимыми.
Притеснять стали слабых сильные,
Называть себя государями.
Восемнадцать царьков-правителей
Над собою двенадцать поставили,
Ненадолго тех, коих обидели,
И народ свой в покое оставили.
Поделить не сумевши конницу,
Вновь вступили в распрю жестокую;
Вновь в набат ударили звонницы,
Вновь копыта коней зацокали,
И страна огласилась воплями.
В той борьбе уцелели храбрейшие:
Семь храбрейших бились за первенство,
Шесть из них покорились сильнейшему,
Поклялись ему в дружбе-верности.
Царство Цинь себя в битвах прославило *,
Остальные царства возглавило.
Знаменитые гунны-правители
Лу и Пэй *, хоть и рода небесного,
Обрели себе славу нелестную:
Много горя при них увидели
Городов и селений жители.
Вслед за ним единовластие
И законов с ним почитание

Воцарились при Ханьской династии *
С первых лет ее основания.
Сыма Цянь * в династию Ханьскую
Возвеличил страну китайскую,
И при Цзинях, гласят предания *,
Вновь она раздиралась распрями.
На двенадцать царств, южных и северных,
Разделилась вновь наша империя.
Но не все они были равными:
Сунь и Цы, Лянь и Чэнь из двенадцати
Оказались самыми главными.
Так, до славной Суйской династии *,
Да и после ее воцарения,
Жили в горестях поколения.
Жизнь двора протекала в праздности
И в беспутных забавах и празднествах,
Но не видел народ облегчения,
Знал лишь горе одно да лишения,
Знал он муку одну — не радости.
Из рода Ли теперь наши правители
И зовется империя — Танскою.
Днесь почиет в горней обители
Основатель этой династии.
Сын его над страною властвует.
Носит имя Ши-минь * правитель сей,
Самый мудрый из покровителей,
Самый добрый из попечителей.
Реки вновь при нем стали лазурными,
Океаны смирились бурные.
Отдыхая от гнета воителей,
От безумных утех расточителей,
Вся страна, весь народ — свидетели
Беспримерной его добродетели.
Вдруг пришла к нам беда негаданно:
Как от горя такого скроешься?
Недалеко от города главного
Объявился дракон-чудовище.
Обладал он силою дивною,
Владел чарами он могучими,
Повелевал он дождями-ливнями,
Повелевал грозовыми тучами.
Он отвел дожди благодатные
От страны нашей, жаждой мучимой,
И наслал на нас злую засуху.
По закону нелицеприятному
За проказы свои несуразные
Смертью должен был быть наказан он.
Как-то ночью Ши-миню приснился он,
Как воочью, Ши-миню явился он,
В злодеяньях своих покаялся,
Умоляя царя о милости.
Обещал ему тот прощение
И от смертных мук избавление.
На заре царь призвал мужа верного,
Друга мудрого, нелицемерного,
И в советах своих и в решениях —
Принял царь сановника ласково.
За беседою неторопливою,
Над доскою склонившись шахматной,
Время утреннее провели они.

Сон сморил вдруг советника царского;
Тут на ложе, парчою застланном,
Он прилег отдохнуть, и тотчас же
В сновиденье узрел чудовище.
Но, поддавшись сомненью минутному,
Мудрый муж тот дракона лютого
Предал смерти рукою властною.

При этих словах правитель Пурпурного царства вдруг застонал, а затем спросил:

— Благочестивый наставник! Из какой же страны был тот мудрый советник?

— Он еще при покойном императоре состоял главным советником,— отвечал Танский монах.— Его фамилия Вэй, а имя Чжэн. Он умеет гадать по звездам, знает геомантию, умеет разделять тайные силы инь и ян и считается главной опорой государя в установлении порядка и спокойствия во всей империи. За то что он во сне совершил казнь над драконом из реки Цзинхэ *, тот подал посмертную жалобу в подземное царство Теней, в которой обвинил нашего императора в том, что он не сдержал своего обещания и вместо того, чтобы помиловать дракона, казнил его. После этого наш император заболел и почувствовал свою близкую кончину. Тогда Вэй Чжэн написал послание, вручил его императору и попросил передать судье загробного мира Цуй Цзюе. Вскоре Танский император скончался, но через три дня снова ожил. Это чудо произошло благодаря Вэй Чжэну, который в своем трогательном послании побудил загробного судью Цуй Цзюе подделать цифру и таким образом нашему императору продлили жизнь еще на двадцать лет. Ныне он задумал созвать великий собор в память душ погибших на воде и на суше, а потому и послал меня, бедного монаха, в далекий путь, чтобы я посетил многие страны, поклонился основателю учения Будде Сакья-муни и получил у него священные книги Трех сокровищниц, излагающие основы великого учения *, для того чтобы избавиться от страданий и вознестись на небо...

Правитель Пурпурного царства вновь застонал и сказал с печальным вздохом:

— Вот уж поистине небом ниспосланная династия великого государства, в котором правит настоящий император и ему служат мудрые слуги-советники! Разве можно сравнить с тем, что здесь у нас: я давно болею, но не находится никого среди моих слуг-советников, кто бы помог мне!

Танский монах, услышав эти слова, украдкой взглянул на правителя и заметил, что лицо у него желтое, сам он изможденный и производит впечатление человека слабого и телом и духом.

Танский монах хотел было спросить правителя, каким недугом он страдает, но тут появился стольничий и доложил, что можно пригласить Танского монаха на трапезу.

Правитель обратился к нему с приказанием:

— Приготовьте в зале Ароматов два места рядом, я хочу поесть вместе с благочестивым наставником.

Танский монах поблагодарил за милость и отправился вместе с правителем к столу. Однако об этом мы рассказывать не будем.

Обратимся к Сунь У-куну, который находился в подворье. Он велел Ша-сэну заварить чай, отварить рис и приготовить постные блюда.

— Поставить чай и отварить рис — дело не трудное,— сказал Ша-сэн,— а вот приготовить как следует овощи не так-то просто.

— Почему же? — спросил Сунь У-кун.

— Потому что у нас нет ни масла, ни соли, ни сои, ни уксуса, — отвечал Ша-сэн.

— У меня при себе есть немного денег,— сказал Сунь У-кун,— пошлем Чжу Ба-цзе, пусть купит.

Дурень Чжу Ба-цзе стал отвиливать:

— Нет, я не смею показываться на улицах. У меня такой безобразный вид, что может случиться какая-нибудь беда, а потом наставник будет меня ругать.

— Какая же может быть беда, если ты идешь честно покупать, не выпрашивать, не отнимать?— уговаривал его Сунь У-кун.

— Ты разве не видел, каким я был робким и смирным, когда мы шли сюда? — сказал Чжу Ба-цзе.— И все равно, стоило мне у самых ворот высунуть рыло, как от страха попадало несколько десятков зевак. Можешь представить себе, сколько людей умрет от страха, если я вдруг появлюсь на базаре!

— Ты только и умеешь затевать скандалы,— раздраженно сказал Сунь У-кун.— А скажи, видел ты, что продают там?

— Ничего я не видел,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Пока мы шли, наставник все время заставлял меня смотреть вниз и не затевать никаких ссор.

— Эх ты! — насмешливо сказал Сунь У-кун.— Посмотрел бы, какие там винные погребки, лабазы с рисом, мукомольные мельницы, не говоря о лавках, торгующих шелком. А какие прекрасные чайные, мучные магазины с громадными блинами и огромными пампушками; в кабачках — отличные супы и приправы, чудесные овощи, словом, уйма всевозможных лакомств: сладкие пироги, разные сласти, трубочки с начинкой, жареные пирожки, медовые пряники... всего и не перечесть! Хочешь, пойдем я угощу тебя.

У Чжу Ба-цзе уже слюнки потекли от всего услышанного. Он не выдержал соблазна, подскочил к Сунь У-куну и сказал:

— Так и быть, брат, на этот раз ты угости меня! А в следующий раз, как только наберу сколько-нибудь денег, так обязательно угощу тебя.

Сунь У-кун усмехнулся и сказал:

— Ну, Ша-сэн! Оставайся тут и смотри, чтобы рис хорошенько сварился, а мы сходим за приправами и живо вернемся!

Ша-сэн понимал, что Сунь У-кун собирается подшутить над Чжу Ба-цзе, и, притворившись недовольным, сказал:

— Вы уж купите себе побольше да возвращайтесь сытыми!

Чжу Ба-цзе торопливо собрал чашки и плошки и вышел вместе с Сунь У-куном за ворота.

Стоявшие у ворот привратники спросили их:

— Куда собрались, уважаемые?

— Хотим купить приправ,— отвечал Сунь У-кун.

— Идите по этой улице прямо на запад,— сказал один из привратников,— завернете за угол, обойдете сторожевую башню, а рядом будет лавка торгового дома Чжэн. Там всем торгуют. Вы купите сколько угодно масла, соли, сои, уксуса, инбиря, перца и чайного листа!

Приятели, взявшись за руки и держась рядом, пошли в указанном направлении. Сунь У-кун прошел уже несколько чайных и кабачков, но ничего не купил и ничем не угостил Чжу Ба-цзе. Тот не вытерпел и закричал:

— Брат! Давай купим чего-нибудь и поедим!

Но, как вам уже известно, Сунь У-кун решил подшутить над Чжу Ба-цзе и, конечно, отказался.

— Что ты, дорогой мой! До чего ты неспытен! Походим еще, выберем, где побольше да получше, там купим и поедим.

Пока они разговаривали между собой, за ними увязалась целая толпа зевак, наперебой стремившихся разглядеть странных монахов. Вскоре они дошли до сторожевой башни и увидели возле нее огромную толпу, запрудившую все улицы и переулки. Люди шумели, и Чжу Ба-цзе остановился:

— Брат!— робея произнес он.— Я не пойду. Слышишь, как народ шумит! Боюсь, как бы нас не схватили. К тому же мы здесь чужие и можем показаться подозрительными. Что будет, если нас схватят и уведут?!

— Глупости! — отвечал Сунь У-кун.— Кто станет хватать монахов, да еще ни в чем не повинных? Давай проберемся через толпу, зайдем в лавку торгового дома Чжэн, накупим разных приправ и тогда вернемся.

— Нет, нет, нет! — отнекивался Чжу Ба-цзе.— Я не стану лезть на рожон и навлекать беду! Знаешь, что может случиться, когда мы начнем протискиваться в толпе? У меня захлопают мои огромные уши! От страха люди начнут падать, их станут давить, а если кого-нибудь задавят насмерть, мне придется расплачиваться собственной жизнью.

— В таком случае постой здесь, у стены, а я пойду, куплю что надо, вернусь сюда, а затем угощу тебя постной лапшой и жареными блинами,— сказал Сунь У-кун.

Дурень передал Сунь У-куну чашки и плошки, повернулся к стене, спрятал свое рыло и стал как вкопанный.

Сунь У-кун прошел стороной мимо сторожевой башни и попал в самую толкучку. Пролезая прямо через толпу, он стал прислушиваться, о чем говорили. Оказывается, на стене башни висело воззвание правителя к народу, и все наперебой стремились прочесть его. Сунь У-кун протиснулся поближе и своими зоркими, горящими глазами с золотистыми зрачками быстро пробежал все от начала до конца.

Воззвание гласило:

«Мы, правитель Пурпурного царства, расположенного на большом материке Синюхэчжоу, со дня нашего правления привели в покорность и подчинение все соседние государства четырех стран света, и народ наш отныне пребывает в безмятежном покое и благополучии. Однако с недавних пор дела государства стали неблагополучны, так как тяжкий недуг приковал нас к постели, и чем больше проходит дней, тем трудней ожидать исцеления. Наша верховная палата врачевания неоднократно изыскивала лучшие способы, но оказалась не в состоянии вылечить нас.

Ныне обращаемся с этим воззванием ко всем просвещенным мужам из всех стран Поднебесной: с севера, с востока, из цветущего Серединного государства и из прочих стран. Если у кого из вас найдется верный способ лечения или снадобье для исцеления, приглашаем пожаловать к нам во дворец, излечить наше бренное тело. Тому, кто избавит нас от тяжкого недуга, обещаем охотно отдать во владение полцарства. В доказательство того, что обещание наше не пустое, издали мы сие воззвание, которое надлежит повсюду развесить на видных местах».

Прочитав воззвание, Сунь У-кун пришел в восторг и радостно сказал сам себе:

— У древних есть замечательное изречение: «Тому, кто в ходьбе иль в движении, всегда выпадает третья доля богатства». Давно бы следовало выйти, а не сидеть без толку в этом подворье. Раз уж на то пошло, то покупать какие-то приправы вовсе незачем! Придется отложить на денек путешествие за священными книгами, а я, старый Сунь У-кун, разыграю из себя опытного лекаря.

Ну и Великий Мудрец! Он изогнул спину дугой, бросил чашки и плошки, взял щепотку пыли, подбросил ее вверх, прочел заклинание и, превратившись в невидимку, тихонько пробрался к воззванию и разом сорвал его. Обернувшись лицом на северо-восток, он вобрал в себя воздух и дунул. Сразу же поднялся сильный вихрь, который разогнал всю толпу. Сунь У-кун вернулся к тому месту, где оставил Чжу Ба-цзе, и увидел, что Дурень

стоит, уткнувшись носом в стену, без движения, словно спит. Сунь У-кун не стал его тревожить, сложил лист воззвания и незаметно засунул ему за пазуху, затем повернулся и легкими шагами направился в подворье. Здесь мы пока и расстанемся с ним.

Вернемся к толпе у сторожевой башни, которую разогнал сильный вихрь. В первый момент все стали закрывать лица руками и зажмурились от пыли. Когда же вихрь промчался, оказалось, что царское воззвание исчезло. Все оцепенели от страха.

Лист с воззванием получили еще утром во дворце двенадцать евнухов и двенадцать стражников. Они вывесили этот лист, но он не провисел и трех часов, как его сорвало вихрем и куда-то унесло. Трясясь от страха, чиновники пустились во все стороны на поиски. Кому-то из них случайно попался на глаза Чжу Ба-цзе у которого из-за пазухи торчал сложенный лист воззвания. Толпа сразу же обступила Чжу Ба-цзе со всех сторон.

— Это ты сорвал царское воззвание? — допытывались чиновники.

Дурень быстро поднял голову и так оскалил зубы, что от ужаса стражники запрыгали и повалились на землю. Чжу Ба-цзе повернулся и уже хотел было бежать, но несколько храбрецов преградили ему дорогу, схватили его и опять стали допрашивать:

— Это ты сорвал воззвание с призывом вылечить нашего царя? Что же ты не спешишь во дворец? Куда собрался?

Дурень окончательно растерялся и стал огрызаться:

— Отстаньте от меня! Это ваши детки сорвали воззвание! Пусть ваши внуки лечат вашего царя!

Один из стражников спросил:

— Покажи, что у тебя за пазухой?

Тут Чжу Ба-цзе наклонил голову и увидел, что у него действительно торчит какой-то лист бумаги. Он развернул его и, взглянув, заскрежетал зубами:

— Ну и негодная обезьяна! — выругался он.— Видно, задумала погубить меня!

Издав возглас досады, Чжу Ба-цзе хотел было разодрать бумагу на мелкие клочки, но толпа накинулась на него.

— Не рви, а то смерть тебе! — закричали в толпе.— Ведь это воззвание нашего правителя! Как же ты смеешь так обращаться с ним? Ты сорвал его и спрятал у себя за пазухой, значит, неспроста, наверное ты самый лучший из всех лекарей во всем царстве. Идем с нами скорей!

— Да что вы пристали ко мне! — не на шутку разозлился Чжу Ба-цзе.— Вы ведь не знаете, кто сорвал воззвание. Я этого не делал. Его сорвал мой старший брат в монашестве по имени Сунь У-кун. Он тайком запрятал его ко мне за пазуху, оставил

меня здесь одного, а сам удрал. Если хотите разобраться в этом деле, то я пойду с вами на поиски!

— Что за чепуху ты городишь! — кричали в толпе.— Ведь не зря говорит пословица: «Никто не станет звонить в колокол, который только собираются отлить». Ты сейчас сорвал воззвание, кого же нам еще искать? Нечего с тобой разговаривать! Возьмем да и отведем тебя к нашему повелителю!

И толпа кинулась на Чжу Ба-цзе. Люди обступили Дурня. Одни тащили его, другие подталкивали. Но Чжу Ба-цзе уперся ногами так крепко, словно у него выросли глубокие корни. Добрый десяток дюжих молодцов не смог сдвинуть его с места.

— Ну что за невежи! — кричал Чжу Ба-цзе.— Не умеете вежливо обращаться со старшими! Если будете тащить меня, смотрите, я потеряю терпение, а уж если я разойдусь, то не взыщите и пеняйте на себя!

Вскоре всполошились все соседи, и громадная толпа окружила Чжу Ба-цзе плотным кольцом. В толпе оказалось двое пожилых евнухов, которые стали ругать Чжу Ба-цзе.

— Мужлан ты этакий!— говорили они.— Откуда ты взялся и что у тебя за образина и голосище?

— Мы из восточных земель,— ответил Чжу Ба-цзе,— нас послали на Запад за священными книгами. Мой наставник приходится названым младшим братом Танскому императору и сейчас находится во дворце вашего правителя, чтобы получить пропуск по проходному свидетельству. А я с моим старшим братом пришли сюда купить приправ. Увидев, что возле сторожевой башни столпилось очень много народу, я не осмелился пойти туда. Старший брат мой велел мне здесь ожидать и пошел один. Он увидел воззвание, вызвал порыв ветра, который сорвал лист, а затем тайком засунул его мне за пазуху и убежал.

Один из евнухов сказал:

— Мне давеча довелось встретить одного белолицего и полного монаха, который входил во дворец. Наверное, это и был твой наставник?

— Он самый! Он самый!— обрадовался Чжу Ба-цзе.

— А куда же девался твой старший брат? — спросил евнух.

— Нас всего четверо,— стал объяснять Чжу Ба-цзе,— наставник отправился за пропуском, а мы трое, его ученики, вместе с поклажей и конем расположились отдохнуть с дороги в подворье для иноземцев из разных стран. Старший брат мой пошутил надо мной и, наверное, вернулся в подворье.

— Отпустите его,— приказал евнух стражникам.— Мы пойдем вместе с ним в подворье и там все узнаем.

— Ишь, какие заботливые бабушки,— сказал Чжу Ба-цзе, освободившись от стражников.

— Этот монах совсем запутался! Вместо того, чтобы величать нас дедушками, стал называть бабушками!

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

— Вовсе я не запутался,— сказал он,— вы сами перепутали мужское и женское начало. Они ведь кастрированы, а вы зовете их не тетками и бабками, а дедушками!

Толпа зашумела:

— Нечего зубоскалить! Пойдем живей на поиски твоего брата!

На улице галдели и кричали не триста, а, пожалуй, все пятьсот человек. Толпа чуть ли не на руках доставила Чжу Ба-цзе к самым воротам подворья.

— Уважаемые горожане! — обратился к толпе Чжу Ба-цзе.— Мой старший брат не такой покладистый, как я, и не потерпит шуток с вашей стороны. Он очень горяч. Советую вам поклониться ему, назвать его почтенный Сунь, тогда он любезно обойдется с вами. В противном случае он будет так ершиться, что вы с ним никак не поладите.

— Если у твоего старшего брата в самом деле есть средство исцеления и он вылечит нашего правителя,— сказали разом все присутствовавшие чины,— то ему будет принадлежать половина нашего царства, а потому нам подобает нижайше поклониться ему.

Толпа зевак продолжала шуметь у ворот подворья. Чжу Бацзе провел с собой дворцовых евнухов и стражников прямо в помещение. Он слышал, как Сунь У-кун рассказывал Ша-сэну о том, что сорвал воззвание и подшутил над Чжу Ба-цзе. Подойдя к Сунь У-куну, Чжу Ба-цзе схватил его и закричал в неистовстве:

— И ты еще считаешь себя человеком! Обманщик ты гнусный! Сказал, что угостишь меня лапшой, жареными блинами и пампушками, а все это оказалось враньем! Вызвал вихрь, сорвал какое-то воззвание и тихонько запрятал его мне за пазуху с тем, чтобы превратить меня в посмещище! И это называется старший брат!

— Эх ты, Дурень!— засмеялся Сунь У-кун,— наверное, ты сбился с дороги и забрел куда не следует. Я прошел мимо сторожевой башни, купил приправы и сразу же поспешил к тебе, но тебя нигде не было, потому я и пришел сюда первым. Когда же я мог сорвать воззвание?!

— Здесь находятся вместе со мной чины, которым поручено было следить за сохранностью воззвания,— ответил Чжу Бацзе.

Не успел он проговорить эти слова, как подошли несколько евнухов и стражников, которые совершили низкий поклон перед Сунь У-куном.

— Почтенный отец Сунь! — вежливо молвили они.— Сегодня нашему государю улыбнулось счастье; само небо ниспослало нам тебя, чтобы ты помог ему. Ты, конечно, не откажешься проявить свое уменье врачевателя и вылечить нашего правите-

ля. Если только ты исцелишь его от недуга, он поделит с тобой свое царство и свою власть.

Сунь У-кун выслушал их с серьезным видом, взял воззвание из рук Чжу Ба-цзе и спросил:

— Вы, должно быть, как раз и являетесь чинами, наблюдающими за сохранностью этого воззвания?

Поклонившись до земли, один из евнухов ответил:

— Я твой покорный раб, служу во дворце и слежу за соблюдением церемоний и этикета. А остальные чины служат в придворной страже.

— Должен признаться,— сказал Сунь У-кунь,— что воззвание к врачевателям действительно сорвал я, вот почему я и послал моего младшего брата привести вас сюда. Поскольку ваш повелитель болен, напомню вам широко известную пословицу: «Лекарства неосмотрительно не покупают, лекарей больные не осуждают». Ступайте к вашему правителю и скажите ему, чтобы он сам пожаловал ко мне просить об излечении. Я владею средством исцелять больных только в том случае, если они приходят ко мне.

Евнухи перепугались, услышав эти слова, а стражники стали переговариваться:

— Раз он так хвастается, значит, не зря. Пусть одни из нас останутся и будут умасливать его, а другие отправятся во дворец и доложат обо всем.

Тотчас же четыре евнуха и шесть стражников поспешили во дворец и без доклада прошли к своему повелителю.

— О наш владыка-повелитель! Великая радость! — сообщили они.

Как раз в это время правитель Пурпурного царства, закончив трапезу, вел беседу с Танским монахом.

— Какая радость? — спросил он чиновников, выслушав их.

Старший евнух стал рассказывать:

— Мы, твои ничтожные рабы и слуги, сегодня утром получили воззвание к врачевателям и повесили его на людном месте у сторожевой башни. Премудрый благочестивый монах Сунь из восточных земель великого государства Тан сорвал это воззвание. Он сейчас находится в подворье для иноземцев и требует, чтобы ты, повелитель, лично пожаловал к нему с просьбой об излечении. Он владеет средством изгонять болезнь, когда сами больные приходят к нему. Вот почему мы и поспешили к тебе с докладом.

Правитель очень обрадовался и обратился к Танскому монаху:

— Уважаемый наставник! Скажи мне, сколько у тебя высокочтимых учеников?

Сложив руки ладонями вместе, Танский монах отвечал:

— У меня, бедного монаха, всего только три глупых ученика.

— А кто из твоих достопочтенных учеников занимается врачеванием? — продолжал расспрашивать правитель.

— Скажу тебе по правде, великий государь,— отвечал Танский монах,— что мои ученики простые, невежественные люди. Они умеют лишь носить поклажу и седлать коня, хорошо переправляются через горные реки и потоки, помогают мне, бедному монаху, взбираться на горы и спускаться с них. Бывало, что в опасных местах мои ученики покоряли злых духов, ловили тигров и подчиняли драконов,— вот и все, что они умеют. Ни один из них не может быть сведущим в свойствах снадобий.

— Зачем ты скромничаешь, уважаемый наставник! Видно, само небо устроило так, что именно сегодня, когда я поднялся на свой трон, ты, уважаемый наставник, к счастью, явился во дворец. Если ты говоришь, что твой высокочтимый ученик незнаком с врачеванием, то как же он позволил себе сорвать мое воззвание и велел моим людям передать, чтобы я сам пожаловал к нему? Безусловно, он единственный во всем государстве владеет даром исцеления, иначе и быть не может!

Затем правитель обратился к своим приближенным:

— Гражданские и военные сановники! Я настолько ослабел, что не решаюсь дойти до колесницы. Отправляйтесь все вместо меня к благочестивому монаху Суню и от всего сердца попросите его осмотреть меня и определить мой недуг. Когда вы явитесь к нему, ни в коем случае не проявляйте пренебрежения и величайте его преосвященным благочестивым монахом Сунем. Оказывайте ему почести, как мне, вашему повелителю.

Сановники обещали в точности выполнить наказ и вместе с евнухами и стражниками, призванными следить за сохранностью воззвания, отправились в подворье. Своими поклонами они так напугали Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, что один укрылся в соседнем помещении, а другой шмыгнул за стену.

Великий Мудрец смотрел на прибывших, сидя на своем месте, и даже не шелохнулся. Чжу Ба-цзе, подглядывавший тайком за происходившим, со злобой и обидой подумал:

«Ну и несносная мартышка! Как беззаботно играет с огнем! Нарядная толпа царедворцев кланяется ей так учтиво, а она не отвечает на поклоны и даже не встает с места!»

Когда церемония приветствий была окончена, придворные, выстроившись двумя рядами, обратились к Сунь У-куну:

— Имеем честь доложить тебе, преосвященный благочестивый монах Сунь. Мы все являемся сановниками нашего повелителя, правителя Пурпурного царства. Ныне мы получили наказ нашего государя воздать тебе, преосвященный монах, подобающие высокие почести и нижайше просим проследовать во дворец и осмотреть нашего повелителя.

Теперь только Сунь У-кун поднялся со своего места и спросил прибывших:

— А почему ваш правитель сам не явился?

— Наш государь сильно ослаб,— отвечали придворные,— и не решается дойти даже до колесницы. Он потому только и приказал нам просить тебя пожаловать к нему и поклониться тебе, преосвященный, как государю.

— Если это действительно так, как вы говорите, то отправляйтесь обратно во дворец, а я прибуду вслед за вами.

Придворные стали выходить, придерживаясь порядка чинов и рангов, и удалились стройными рядами.

Сунь У-кун привел в порядок свои одежды и тоже собрался идти.

— Брат,— остановил его Чжу Ба-цзе,— только, смотри, не ввязывай нас в это дело.

— А я и не собираюсь,— отвечал Сунь У-кун,— хочу только, чтобы вы оба брали здесь лекарства.

— Какие лекарства? — спросил Ша-сэн.

— Всякие, которые будут приносить разные люди,— отвечал Сунь У-кунь.— Принимайте их по счету. Когда я вернусь, буду брать те, которые мне понадобятся.

Они обещали ему выполнить все в точности, и мы пока распростимся с ними.

Сунь У-кун догнал сановников и вместе с ними прибыл во дворец. Придворные прошли вперед и доложили правителю о прибытии Сунь У-куна.

Правитель высоко откинул жемчужный полог, метнул своим царственным оком по лицам вошедших и, раскрыв свои золотые уста, спросил:

— Кто же здесь преосвященный благочестивый монах Сунь?

Сунь У-кун выступил из рядов придворных на шаг вперед и зычным голосом произнес:

— Я и есть старый Сунь У-кун!

Услышав странный голос и увидев хитрую морду, царь затрясся от страха и упал на свое царственное ложе. Переполошившиеся придворные служанки и евнухи быстро подхватили своего повелителя под руки и увели во внутренние покои.

— У, какой! Напугал царя чуть не до смерти! — говорили они.

Все придворные чины пришли в негодование:

— Что за грубый и неотесанный монах! — сердились и роптали они.— Как посмел он сорвать царское воззвание?!

Сунь У-кун услышал их ропот и рассмеялся:

— Вы напрасно сердитесь на меня,— сказал он, обращаясь к придворным.—Если вы будете относится к людям с таким презрением, то болезнь вашего государя никогда не пройдет, даже через тысячу лет!

— Разве может человек прожить столько лет на свете? — изумились придворные, — и за тысячу лет не поправиться от болезни?

— Сейчас ваш правитель — больной государь, а если умрет, то станет больным мертвым духом. В следующем перерождении он окажется опять-таки больным, но уже с рождения. Таким образом он и за тысячу лет не избавится от своего недуга!

— Ну и наглый же ты монах! — разгневались придворные.— Совсем не умеешь держаться прилично и позволяешь себе болтать разные глупости!

— Это вовсе не глупости, — продолжал смеяться Сунь У-кун.— Вот послушайте, что я вам скажу:

Искусство врачеванья — очень сложно,
Великой тайною облечено,
Им пользоваться нужно осторожно,
Большой смекалки требует оно;
Четыре правила есть главных в нашем деле,
Не зная их, ты не достигнешь цели.
Из них первейшее — больного осмотреть,
Второе — выслушать внимательно дыханье,
А третье — страждущего расспросить суметь
И правду отличить в его признаньях.
Четвертое, последнее: с терпеньем
Прощупать у запястья крови ток,
Уразуметь его невнятное биенье;
Тогда ты только сможешь без сомненья
Назвать недуг с уверенностью, в срок.
Пусть лишь в одной из этих областей
Ты не проявишь должного уменья,
Не выйдет ничего из лекарских затей:
Не принесешь страдальцу облегченья!
Итак, во-первых, осмотрев больного,
Определи его наружный вид:
Сух или влажен, тощ иль плотно сбит,
Как выглядит больной, когда он спит,
И роста и сложения какого.
Засим его дыхание проверь
(Оно быть может хриплым или чистым,
Иль вырываться из груди со свистом),
И силу вдоха, силу выдоха измерь.
Послушай речь его за этим вслед:
Пойми, насколько ею он владеет.
Быть может, в ней наличествует бред,
Быть может, сам не разумеет?
Коль он в сужденьях здрав, спроси его,
Охотно ль ест, исправен стул иль нет,
Давно ли заболел и отчего,
И в коем месте тела боль сильнее?
И наконец — последнее условье:
Прощупать правильно сплетенье жил;
Поймешь недуг, коль ты установил
И глубину и силу тока крови.
Покуда сам не осмотрю больного
Согласно правилам и знаниям моим,
Останется он слаб и недвижим,
Страданьями жестокими томим—
Не ждите от меня решения иного!

Среди гражданских и военных сановников находился также и начальник — верховный врачеватель. Выслушав Сунь У-куна, он восторженно обратился к присутствующим:

— Этот монах говорит очень дельно и толково. Даже если сам дух святой пожелает излечить больного, ему тоже надо будет осмотреть, прослушать, расспросить и прощупать. Все это вполне согласуется с волшебным искусством врачевания.

Чиновники поверили ему и велели через приближенных государя передать:

— Благочестивый монах берется определить болезнь и назначить лекарство только в том случае, если ему будет дозволено осмотреть больного, выслушать его, расспросить и прощупать пульс.

Царь лежал на своем драгоценном ложе и, не слушая приближенных, громко крикнул:

— Велите ему убраться вон! Видеть его не могу!

Приближенные вышли из внутренних покоев и сказали:

— Монах! По повелению нашего государя ты должен убраться отсюда. Царь не может смотреть на тебя.

— Если царь не может смотреть на меня,— спокойно сказал Сунь У-кун,— я умею определять пульс по шелковой нитке, привязанной к руке больного.

В толпе сановников прокатился радостный гул.

— Определять пульс через шелковую нить,— говорили придворные.— Мы слышали об этом, но никогда еще не видели. Надо еще раз попытаться доложить государю.

Приближенные вновь вошли во внутренние покои и доложили:

— О владыка — повелитель наш! Благочестивый монах Сунь не будет осматривать тебя. Он умеет определять пульс через шелковую нить, привязанную к руке больного.

Царь подумал про себя: «Вот уже три года я хвораю, но еще ни разу никто не прибегал к этому способу».

— Пусть приступает,— молвил царь.

Приближенные поспешили покинуть покои и передали:

— Наш владыка-повелитель разрешил проверить пульс через шелковую нить. Просим благочестивого монаха Суня пройти к внутренним покоям и освидетельствовать больного.

Сунь У-кун сразу же вошел в тронный зал. Его встретил Танский монах и начал бранить:

— Ну что ты за обезьяна этакая?! Сгубишь ты меня!

— Дорогой мой наставник,— смеясь, отвечал Сунь У-кун.— Что ты, я хочу, чтобы тебя еще больше уважали. Почему же ты говоришь, что я собираюсь тебя сгубить?

— Перестань глумиться! — прикрикнул на него Танский монах.— За те годы, что ты находишься при мне, видал ли я хоть раз, чтобы ты кого-нибудь вылечил! Да ты даже в лекарствах не умеешь разбираться, ни одной книги по врачеванию не прочел. Как же ты отваживаешься навлечь на нас такую беду?

— Наставник! — смеясь, ответил Сунь У-кун.— Оказывается, ты даже не знаешь, что у меня есть несколько замечательных лекарств, которые помогают от тяжелых недугов. Ручаюсь, что вылечу его. Ну, а если залечу, то про меня скажут: «Неопытный врач загубил больного». За это смертной казни не положено, чего же ты боишься? Не беспокойся ни о чем, садись и смотри, как я буду проверять пульс.

Но наставник никак не мог прийти в себя:

— Да видел ли ты хоть когда-нибудь такие книги, как «Сувэнь», «Наньцзин», «Бэньцао» и «Моцзюе». Знаешь ли ты, что содержится в них? Какие там есть толкования? Как же ты можешь сдуру болтать о том, что умеешь определять пульс через шелковую нить?!

— У меня на теле растут золотые нити,— сказал Сунь У-кун, продолжая смеяться.— Таких тебе никогда не доводилось видеть!

Он протянул руку с своему хвосту, выдернул из него три волоска, покрутил их в ладони и крикнул: «Изменитесь!» И у него в руках сразу же оказались три шелковых нити, каждая длиною в два чжана и четыре чи, соответственно двадцати четырем периодам в четырех временах года. Держа нити на ладони, Сунь У-кун показал их Танскому монаху:

— Скажи, разве они не золотые? — задорно спросил он.

Находившиеся рядом приближенные правители и евнухи обратились к Сунь У-куну:

— Благочестивый монах! Просим вас пока умолкнуть, проследовать за нами к опочивальне и определить недуг.

Сунь У-кун простился с Танским монахом и пошел вслед за приближенными к правителю.

Вот уж, право:

Способен править царством только тот,
Кто хитростью великой обладает;
Лишь тот, кто замыслы великие питает,
На свете годы долгие живет.

Если вас интересует, какой недуг определил Сунь У-кун у правителя и какие назначил снадобья, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ,

повествующая о том, как в течение ночи лекарь Сунь У-кун изготовил целебное снадобье и как на пиру правитель Пурпурного царства рассказал про злого дьявола-оборотня

Итак, Сунь У-кун вместе с приближенными правителя и дворцовыми евнухами прошел во внутренний двор, подошел прямо ко входу в опочивальню правителя и остановился. Тут он дал евнуху три золотистых нити и велел поступить так:

— Пусть наложница правителя, его супруга либо приближенный дворцовый евнух, все равно кто, обвяжут концом каждой из трех нитей левую руку государя в трех местах, где прощупываются пульсы: «нижний», «средний» и «верхний»*, а второй конец каждой нити просунут мне через оконную решетку.

Евнух сделал все так, как ему было велено: попросил царя сесть на своем ложе, обвязал тремя концами золотистых нитей кисть левой руки государя в трех указанных местах, а второй конец каждой нити просунул через оконную решетку Сунь У-куну. Сперва, зажав одну нить между большим и указательным пальцами правой руки, Сунь У-кун проверил нижний пульс, затем, прижав средним пальцем к большому другую нить, проверил средний пульс и, наконец, прижав большим пальцем к безымянному конец третьей нити, проверил верхний пульс. После этого Сунь У-кун велел отвязать нити на левой руке государя и обвязать ими, в таком же порядке, правую руку. Проверив в той же последовательности биение пульса пальцами своей левой руки, Сунь У-кун встряхнулся и, превратив золотистые нити в волосы, водворил их на прежнее место.

— Нижний пульс на левой руке его величества,— закричал Сунь У-кун зычным голосом,— бьется очень сильно и напряжен-

но; средний пульс — неровный и медленный, верхний пульс — в середине слабый, а по сторонам — сильный и глубокий; на правой руке нижний пульс поверхностный и быстрый, средний пульс запаздывающий и неровный, а верхний пульс частый и тяжелый. Итак, то, что на левой руке нижний пульс сильный и напряженный, означает болезнь сердца, которое недостаточно заполняется; то, что средний пульс неровный и замедленный, указывает на потливость и слабость мускулов; то, что верхний пульс слаб в середине и глубок по сторонам, свидетельствует о том, что моча красного цвета, а при испражнениях бывают выделения крови. То, что на правой руке нижний пульс поверхностный и быстрый, доказывает, что закупорены внутренние артерии; то, что средний пульс дает перебои, подтверждает застой пищи и жидкости в желудке; а то, что верхний пульс частый и тяжелый, дает основание утверждать, что чувства безысходной тоски и одиночества охватили государя и не оставляют его.

Итак, после осмотра правителя можно точно установить его болезнь: тревога, сопровождаемая тоской. Эта болезнь известна под названием «Голубки, потерявшие друг друга».

Правитель государства, находившийся в опочивальне, слышал все, что сказал Сунь У-кун, и сердце его исполнилось радостью. Он воспрянул духом и громко крикнул в ответ:

— Совершенно верно! Этой болезнью я и страдаю! Очень прошу тебя приготовить мне снадобье!

Вот когда Великий Мудрец Сунь У-кун набрался важности! Он вышел из внутренних покоев дворца медленными шагами. Дворцовый евнух, который находился рядом с Сунь У-куном и все слышал, уже успел известить всех придворных о случившемся.

Вскоре в тронном зале показался Сунь У-кун. Танский монах бросился к нему с расспросами:

— Я проверил пульс,— ответил Сунь У-кун,— а сейчас займусь изготовлением лекарства, необходимого при данной болезни.

Тут толпа придворных подошла к Сунь У-куну.

— Преосвященный благочестивый монах! Что же это за болезнь у нашего государя? — спросил кто-то из толпы.

Сунь У-кун улыбнулся:

— Жили-были голубок и голубка,— сказал он со смехом,— они никогда не разлучались и летали вместе. Но вот внезапно налетела буря и разметала их в разные стороны. Голубка потеряла голубка, а голубок — голубку. Голубка тоскует о голубке, а голубок — о голубке. Разве это не болезнь голубков, потерявших друг друга?

Царедворцы, услышав эти слова, пришли в радостное изумление:

— Вот уж поистине святой монах! Волшебный врачеватель!—слышались долго не смолкавшие восторженные возгласы.

Небесный князь с пагодой в руках,
Муто и дух Вечерней звезды

Присутствовавший здесь главный дворцовый лекарь обратился к Сунь У-куну с вопросом:

— Болезнь ты уже определил, но интересно знать, какое дашь снадобье для лечения?

— Нет необходимости выписывать рецепт,— беззаботно ответил Сунь У-кун,— годится любое снадобье, какое попадется на глаза.

— Как же так? — возразил лекарь.— В главной книге по врачеванию сказано: «Снадобий всего имеется восемьсот восемь, а у людей четыреста четыре болезни». Все эти болезни не могут быть в одном человеке сразу. Как же ты можешь говорить, что «годится любое снадобье, какое попадется на глаза»!

— У древних была такая поговорка,— сказал в ответ ему Сунь У-кун: — «Не смотри на рецепт, а давай то лекарство, которое помогает». Поэтому мне надо собрать все лекарства: одни убавить, другие прибавить и по собственному усмотрению приготовить снадобье.

Лекарь не стал больше разговаривать, тотчас же пошел к воротам дворца и отправил дежурных служащих своего приказа по всем знакомым и незнакомым аптекам города с распоряжением доставить на имя Сунь У-куна по три цзиня разных лекарств, какие только имеются.

— Здесь неподходящее место для изготовления снадобья,— сказал главному лекарю Сунь У-кун.— Нельзя ли все эти лекарства, а также всю посуду и приборы, необходимые для их изготовления, направить в подворье для иноземцев? Пусть передадут двум ученикам моего наставника, находящимся там!

Лекарь послушался, и все восемьсот восемь разных лекарств по три цзиня каждого, а также всевозможные вальки, терки, сита, эмульсии, вместе со ступками и пестиками, были доставлены в подворье и переданы под расписку.

Сунь У-кун вернулся в тронный зал и пригласил своего наставника отправиться вместе с ним в подворье для изготовления снадобья.

Танский монах собрался было идти, но вдруг из внутренних покоев появился кто-то из приближенных правителя и передал его желание, чтобы наставник остался во дворце и вместе с правителем переночевал в зале Изящной словесности. Правитель обещал на следующее утро, после того как он примет лекарство и получит исцеление от болезни, щедро отблагодарить монахов, выдать им пропуск и проводить их.

Танский монах сильно встревожился.

— Брат мой! Это значит, что меня оставляют здесь заложником,— сказал он.— Если ты вылечишь правителя, он нас с радостью проводит,—если же нет, то моей жизни конец... Будь как можно внимательней и тщательно проверяй дозировку, когда будешь изготовлять лекарство!

— Не беспокойся! — посмеиваясь, сказал Сунь У-кун.— Пользуйся предоставленными благами. Не забудь, что старый Сунь У-кун прослыл первым лекарем во всем государстве!

Ну что? Не молодец ли наш Сунь У-кун? Простившись с Танским монахом и поклонившись всем придворным чинам, он направился прямо в подворье. Его встретил Чжу Ба-цзе и со смехом сказал:

— Брат! Теперь я все понял!

— Что понял? — удивился Сунь У-кун.

— Понял, что ты уверился в бесплодности своего стремления добыть священные книги, а денег, чтобы заняться каким-нибудь делом, у тебя нет. Поэтому, увидев, что город этот богатый, решил открыть здесь свою аптеку.

— Перестань болтать! — одернул его Сунь У-кун.— Если удастся исцелить здешнего правителя, мы распрощаемся со двором и завтра же утром отправимся в дальнейший путь. О какой же еще аптеке может идти речь?!

— Может быть, я ошибся,— сказал Чжу Ба-цзе,— но ведь сюда нанесли восемьсот восемь разных лекарств, каждого по три цзиня, что составляет две тысячи четыреста двадцать четыре цзиня! Много ли нужно, чтобы вылечить одного человека? Сколько потребуется лет, чтобы израсходовать все это количество лекарств?

— Ты прав,— ответил Сунь У-кун.— Но дело в том, что здешние придворные лекари глупы и невежественны, поэтому я и велел достать столько разных лекарств, пусть ломают себе голову. Все равно никогда не узнают, какое из лекарств я использовал для моего снадобья.

Пока они разговаривали, к ним подошли два смотрителя и опустились на колени перед Сунь У-куном.

— Покорнейше просим тебя, преосвященный благочестивый монах, отведать вечернюю трапезу,— сказали они оба.

— Что это вы утром обращались со мной без всяких церемоний, а теперь становитесь на колени? — удивился Сунь У-кун.— В чем дело?

Отбивая земные поклоны, смотрители пояснили:

— Когда ты прибыл сюда, отец наш, мы были словно слепые, не распознали тебя. Теперь же мы убедились в том, что ты великий врачеватель и взялся излечить нашего государя. Если ты его исцелишь, то получишь полцарства, и все мы станем также и твоими подданными. Вот почему мы оказываем тебе всяческие почести.

Сунь У-кун выслушал их и, очень довольный, вошел в главный зал, где занял почетное место.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн уселись по обе стороны от него. Подали еду. Ша-сэн спросил:

— Скажи, старший брат мой, где сейчас наш наставник?

— Наш наставник задержан правителем в качестве заложника,— смеясь, отвечал Сунь У-кун.— Его отблагодарят и проводят в дальнейший путь только в том случае, если правитель излечится от своей болезни.

— А кормят ли его там? — продолжал расспрашивать Ша-сэн.

— Еще бы! — отвечал Сунь У-кун. — Когда я пришел туда, трое почтенных придворных уже ухаживали за ним и пригласили в зал Изящной словесности.

— Выходит, наш наставник поставлен все же выше тебя,— злорадно сказал Чжу Ба-цзе,— ведь к нему приставлены почтенные сановники, а нас обслуживают всего лишь два смотрителя... Ну, да какое мне до этого дело! Мне бы наесться до отвала — и все!

На этот раз монахи поели всласть.

Между тем наступил уже вечер. Сунь У-кун позвал смотрителей.

— Уберите-ка посуду,— приказал он,— и принесите побольше светильников и свечей. Ночью, когда воцарится тишина, мы приступим к изготовлению снадобья.

Смотрители принесли изрядное количество свечей и светильников, после чего им было велено удалиться. Шум города стал понемногу стихать, умолкли голоса и настала полночь.

— Брат, какое же снадобье ты будешь готовить?— спросил Чжу Ба-цзе.— Давай скорее приниматься за работу: меня что-то клонит ко сну.

— Достань мне один лян ревеня,— сказал Сунь У-кун,— и мелко разотри его.

— Ревень горький на вкус,— сказал Ша-сэн.— Он быстро действует и не ядовит; обладает свойством не задерживаться в желудке и быстро выводится из кишечника. Он отгоняет мрачное настроение и предохраняет от завалов и засорений. Его зовут в народе «полководцем», так как он усмиряет бучу и водворяет спокойствие в желудке. Это очень ходовое лекарство, но, боюсь, что больным, ослабевшим от продолжительной болезни, нельзя его принимать.

— Ты не знаешь, просвещенный брат мой,— засмеялся Сунь У-кун. — Ревень помогает также очищать и дыхательные пути. Он разгоняет жар, скапливающийся в кишечнике. Не вмешивайся в мои дела, а лучше достань один лян семян бадоу*, очисти их от кожуры и пленки, выжми ядовитое масло и хорошенько разотри.

— Бадоу — очень острый на вкус,— сказал Чжу Ба-цзе,— он быстро действует и ядовит. Он помогает при сильных запорах и простуде легких. Прочищает все проходы и действует как решительный полководец, пробивающий все заставы и ворота. Но пользоваться этим лекарством нужно очень осторожно.

— Премудрый брат мой!—иронически произнес Сунь У-кун.— Ты тоже ничего не знаешь. Это лекарство прочищает желудок, помогает при расширении сердца и от водянки. Занимайся своим делом. Мне еще надо подобрать подсобные лекарства!

Монахи тотчас же принялись растирать оба лекарства, а затем спросили:

— Братец! Сколько десятков лекарств тебе еще понадобится?

— Больше ничего не надо! — отвечал Сунь У-кун.

— Как же так? — удивился Чжу Ба-цзе.—Из восьмисот восьми лекарств, по три цзиня каждого, ты воспользовался всего лишь двумя лянами двух видов?! Право, ты решил потешиться над людьми.

Сунь У-кун взял фарфоровую плошку, разрисованную цветами, и обратился к Чжу Ба-цзе:

— Брат! Ты не разговаривай, а натри мне лучше полплошки сажи, которую наскоблишь с днища котла, и принеси сюда.

— Зачем? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Нужно для снадобья,— отрезал Сунь У-кун.

— Мне никогда еще не приходилось видеть, чтобы в лекарства клали сажу,— проговорил Ша-сэн.

— Сажа на днище котла носит название «Иней сотни трав» и способна излечивать сотни болезней, а ты не знал об этом,— поддел его Сунь У-кун.

Дурень Чжу Ба-цзе в самом деле наскоблил полплошки сажи и мелко растер ее. Сунь У-кун опять передал ему плошку и сказал:

— А теперь сходи к нашему коню и набери полплошки конской мочи.

— Для чего? — изумился Чжу Ба-цзе.

— Нужна, чтобы скатать пилюли,— ответил Сунь У-кун.

Ша-сэн рассмеялся и опять вступил в пререкания с Сунь У-куном.

— Брат! — молвил он.— Дело не шуточное, и ты брось свои шутки! Конская моча обладает резким и неприятным запахом, как же можно примешивать ее к лекарству? Мне приходилось видеть пилюли, скатанные на уксусе, на густом рисовом отваре, на растопленном меду или просто на чистой воде. Но где это видано, чтобы пилюли катали на конской моче? От них пойдет такая вонь, что всякого, кто страдает несварением желудка, от одного только запаха начнет мутить. А если вдобавок дать ему бадоу и ревеня, то беднягу начнет одновременно и рвать и нести. Это что, по-твоему, шуточки?

— Эх ты! Не знаешь самого главного,— насмешливо возразил Сунь У-кун.— У нас ведь не простой конь. Он раньше был драконом в Западном море. Если он согласится дать сейчас своей мочи, могу тебя уверить, что она вылечит сразу же от какой хочешь болезни.

Чжу Ба-цзе, услышав эти слова, отправился к коню с самым серьезным видом. Конь лежал на боку и спал. Дурень пинками поднял его на ноги и подлез под брюхо с плошкой. Долго он прождал, но конь, видно, вовсе и не собирался мочиться. Тогда он побежал к Сунь У-куну.

— Брат! Забудь о правителе и займись лучше лечением нашего коня! У него все пересохло и ни одна капля мочи не выходит!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Пойдем вместе! — сказал он.

— И я с вами, — сказал Ша-сэн.

Все трое подошли к коню. Конь стал брыкаться и вдруг заговорил по-человечьи.

— Старший брат,— грозно воскликнул конь,— неужто ты не знаешь? Я ведь летающий дракон с Западного моря и был наказан за то, что нарушил законы неба. Гуаньинь спасла меня, но в наказание у меня спилили рога, сняли чешую и превратили в коня, чтобы я вез нашего наставника на Запад за священными книгами. Этим я искупаю свою вину. Если я, переходя через речку, помочусь, то рыбы, оказавшиеся поблизости, проглотив мою мочу, сразу превратятся в драконов, если же это случится при переходе через гору и моча оросит траву, то трава превратится в чудесное грибовидное растение линчжи, а это растение дает долголетие отрокам, которые прислуживают отшельникам, собирающим целебные травы. Как же я могу в таком мирском месте извергнуть из себя свою чудодейственную влагу?

— Будь осторожен в словах, брат мой,— прервал коня Сунь У-кун.— Мы находимся не где-нибудь в мирском месте, а в царстве, расположенном в западных краях, и тебя просят извергнуть влагу неспроста. Знаешь пословицу: «Из множества шерстинок получается шуба». Нам нужно излечить от недуга здешнего правителя. Если это нам удастся, мы обретем большую честь и славу. В противном случае боюсь, что нам добром не выбраться из этой страны.

Тогда конь закричал:

— Обожди, сейчас!

Вы бы видели, читатель, как он подался вперед и стал бить землю передними копытами, потом присел на задние ноги, пятясь назад, и громко лязгая при этом зубами. Наконец с большим трудом ему удалось выделить из себя небольшое количество жидкости, и он успокоился.

— Ах ты, негодник! — сказал Чжу Ба-цзе.— Хоть жидкость у тебя и золотая, но зачем так скупиться? Дай хоть еще немного!

Сунь У-кун, увидев, что в плошке лишь немного не хватает до половины, закричал:

— Довольно! Довольно! Забирай плошку!

Теперь только Ша-сэн успокоился.

Все трое монахов вернулись в свое помещение, где смешали вместе приготовленные лекарства, а затем скатали три больших пилюли.

— Не слишком ли велики? — забеспокоился Сунь У-кун.

— Да что ты?— отвечал Чжу Ба-цзе.— Всего только с грецкий орех. Мне на один глоток не хватило бы!

Пилюли затем были уложены в маленькую коробочку, и монахи, не раздеваясь, легли спать. О том, как прошла эта ночь, рассказывать нечего.

Уж давно рассвело, когда правитель государства, преисполненный разумных надежд, превозмогая болезнь, призвал к себе своих сановников. Он пригласил Танского монаха присутствовать на приеме и сразу же повелел придворным чинам спешно отправиться в подворье, поклониться преосвященному монаху и взять у него лекарство.

Множество чинов прибыло в подворье и распростерлось ниц перед Сунь У-куном.

— Наш повелитель велел поклониться тебе и получить твое чудотворное снадобье, — молвили они.

Сунь У-кун велел Чжу Ба-цзе подать коробочку, открыл крышку и вручил снадобье придворным чинам.

— Как называется это лекарство?— спросили придворные.— Скажи нам, чтобы мы могли доложить государю.

— Оно называется «черные пилюли».

При этих словах Чжу Ба-цзе и Ша-сэн чуть не прыснули со смеху. «В самом деле,— думали они,— ведь в пилюли входит сажа, соскобленная с днища металлического котла,— как же иначе назвать это снадобье?».

— С чем принимать это лекарство?— продолжали расспрашивать придворные.

— Его можно принимать двояко: питьем, которое легче всего достать, является отвар, приготовленный из шести веществ.

— Каких же именно веществ?

— Из ветров, которые пускают вороны на лету, из рыбьей мочи в быстрой воде, из пудры царицы неба Сиван-му, из золы тигля, в котором мудрец Лао-цзюнь приготовляет пилюли бессмертия, из трех лоскутков ветхой головной косынки Нефритового императора и еще из пяти волосков, выдранных из усов дракона. Если ваш правитель примет пилюли с этим отваром, то сразу же излечится от своего недуга.

— Этих веществ на всем свете не сыщешь,— уныло отвечали придворные.— А какое же другое питье?

— Вода, не имеющая истоков,— отвечал Сунь У-кун.

Придворные рассмеялись:

— Ну, это легко достать.

— Почему вы так думаете?— насмешливо спросил Сунь У-кун.

— У нас в народе говорят так: если нужна вода, не имеющая истоков, надо взять плошку или чашку, отправиться к колодцу или к реке, зачерпнуть воды, сразу же повернуть обратно и принести домой, не ставя ее на землю и ни разу не оборачиваясь назад. Такую воду дают больным запивать лекарство,— вот и все!

— Вода в колодцах и в реках имеет истоки, — возразил Сунь У-кун.— Но вода, о которой я говорю, совсем не такая. Она ниспадает с неба, и ее надо пить, пока она еще не коснулась земли. Вот почему и называют ее «вода, не имеющая истоков».

— Ну и что же? Такую воду тоже легко раздобыть,— ответили чиновники.— Придется обождать, когда будет пасмурно и пойдет дождь, и тогда только принимать лекарство.

Затем придворные чины вновь поклонились Сунь У-куну, поблагодарили его и отправились к своему повелителю поднести ему лекарство.

Правитель очень обрадовался и велел приближенным показать ему снадобье. Рассматривая его, он спросил:

— Это что за пилюли?

— Преосвященный благочестивый монах изволил сказать, что это «черные пилюли» и их надо принимать с водой, не имеющей истоков,— отвечали придворные чины.

Правитель тотчас же приказал дворцовым служителям достать воды, не имеющей истоков.

— Преосвященный благочестивый монах соизволил еще пояснить,— поспешили сказать придворные,— что вода без истоков, это не колодезная и не речная вода, а вода, ниспадающая с неба и еще не коснувшаяся земли!

Тогда государь повелел вызвать чиновника, ведающего дворцовым выездом, и приказал ему призвать придворного мага, чтобы тот вызвал дождь.

О том, как было выполнено это распоряжение правителя, мы рассказывать не будем.

Вернемся к Сунь У-куну, который остался в подворье. Он подозвал к себе Чжу Ба-цзе и сказал ему:

— Дернуло же меня сказать им о воде, ниспадающей с неба. Время не терпит! Как же нам быть? По-моему, здешний правитель мудр и добродетелен. Давайте поможем ему раздобыть хоть сколько нибудь такой воды. Что ты на это скажешь?

— Как же мы можем помочь? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Ты становись слева от меня и будешь моей звездой, спутником,— ответил Сунь У-кун, а затем позвал Ша-сэна:— Ты же встань справа и будешь моей вспомогательной планетой, а я постараюсь помочь правителю раздобыть немного воды без истоков.

Затем он совершил заклинание для ступания по звездам. Но не успел он произнести его, как на востоке появилась черная туча, которая постепенно приближалась и остановилась прямо над их головой. Раздался возглас:

— Великий Мудрец! Царь драконов Восточного моря-океана Ао-гуан явился к тебе!

— Без дела я не посмел бы потревожить тебя, — сказал Сунь У-кун. — Прошу помочь мне дать хоть сколько-нибудь воды без истоков здешнему правителю, чтобы он мог принять лекарство.

— Что же ты, Великий Мудрец, когда вызывал меня, не сказал, что тебе понадобится вода? Я явился без всего, не взял с собой никакой дождевой посуды, при мне нет также ни ветра, ни облака, ни грома, ни молнии. Как же я вызову дождь?

— Сейчас не потребуются ни ветер, ни облака, ни гром, ни молния, да и дождя большого не надо. Нужно всего лишь несколько глотков воды, чтобы запить лекарство!

— Ну, если так,— сказал царь драконов,— то обожди, я сейчас попробую чихнуть раза два и сплюну, а этого хватит запить лекарство.

Сунь У-кун пришел в восторг:

— Прекрасно! Это лучше всего! — восклицал он.— Только ты не медли, чихай поскорей!

Почтенный дракон опустил ниже черную тучу, приблизился к самому дворцу, набрал полный рот слюней и плюнул. Слюна его превратилась в благодатный дождичек. Весь двор пришел в неистовую радость. Слышались восторженные возгласы:

— Нашему повелителю привалило огромное счастье! Сам Владыка неба ниспослал ему благодатный дождь!

Правитель немедленно распорядился:

— Достать все сосуды и собрать дождевой воды! Пусть все придворные чины, как внутренней, так и внешней дворцовой службы, независимо от старшинства и ранга, наберут в сосуды священной влаги во имя моего спасения.

Жаль, что вы не видели, читатель, как все гражданские и военные придворные чины, три тысячи прелестных придворных дам из всех дворцов, восемьсот пленительных красавиц, придворных танцовщиц выбежали с разными сосудами, чашами и тарелками в руках, чтобы набрать целебной воды.

Почтенный дракон, находясь на своей туче, все время стоявшей над дворцом и не двигавшейся ни взад, ни вперед, продолжал пускать слюни. Так прошло больше часа, после чего царь драконов распрощался с Великим Мудрецом Сунь У-куном и отправился в обратный путь.

Все придворные чины и дамы возвратились во дворец, бережно неся сосуды. У кого оказались одна или две капли, некоторым посчастливилось набрать до пяти, но были и такие, у которых

не оказалось ни одной капли в сосуде. Когда все капли слили в одно место, получилось более трех полных чарок, которые и были поставлены на столик перед правителем. Сразу же в зале Золотых колокольчиков разлился изумительный аромат, и вскоре весь дворец был напоен этим прекрасным небесным запахом!

Правитель государства расстался с Танским монахом, взял черные пилюли, благодатную дождевую воду и удалился во внутренние покои. Сперва он проглотил одну пилюлю и запил ее целой чаркой воды, затем проглотил вторую пилюлю и ее тоже запил целой чаркой и, наконец, проглотил третью пилюлю, запив ее всей оставшейся благодатной дождевой водой.

Вскоре в животе правителя так заурчало, что, казалось, там загромыхали колеса на турусах. Ему сразу же подставили стульчак, и он сходил подряд раза три, а может и пять, после чего испил немного рисового отвара и лег на свое ложе. Две придворные дамы проверили царский стул. Не пересказать даже, сколько там оказалось грязи и слизи, причем был целый комок непереваренной пищи из клейкого риса. Дамы подошли к ложу государя и доложили ему:

— Корни вашей болезни удалены!

Правитель еще больше обрадовался от этих слов и с аппетитом съел чашку риса.

Вскоре он почувствовал облегчение в груди, дыхание его стало ровным и кровь заиграла в жилах. Он воспрянул духом и ощутил силу в ногах. Сойдя со своего ложа, он облачился в парадные одежды и сам, без посторонней помощи, направился в тронный зал. Увидев Танского монаха, он сразу же повалился ему в ноги и начал низко кланяться. Танский монах поспешил в свою очередь поклониться правителю. Когда церемония поклонов была закончена, правитель, поддерживая Танского монаха, подозвал к себе самых важных сановников.

— Напишите скорей приглашение,— приказал он,— в котором должно быть сказано, что мы «еще раз бьем челом», и пошлите гонцов в подворье за тремя высокочтимыми учениками благочестивого наставника. Велите также открыть восточные хоромы и пусть стольничий приказ устроит там благодарственный пир.

Сановники принялись выполнять распоряжение. Одни писали приглашения, а другие занялись устройством пиршества. Не зря говорят, что государство обладает силой, способной свалить гору! Все было сделано почти в одно мгновение.

Вернемся теперь к Чжу Ба-цзе, который первым заметил придворных гонцов с приглашением. Вне себя от радости он стал звать Сунь У-куна:

— Брат! Твое лекарство в самом деле оказалось чудодей-

ственным! К нам идут придворные чины выражать благодарность, что полностью является твоей заслугой!

— С чего это ты взял, брат!— возразил Ша-сэн.— Есть хорошо известная пословица: «Кому повезет, у того и весь дом счастлив»! Мы все вместе готовили снадобье, стало быть и заслуга принадлежит всем нам. Ступай, принимай гонцов и не болтай лишнего.

Радостные и ликующие, наши три монаха отправились во дворец.

Придворные чины встретили их с почетом, провели в восточные хоромы, где их давно уже ожидали Танский монах, правитель Пурпурного царства и все важные сановники-царедворцы, которые приготовились пировать. Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн приветствовали своего наставника почтительными возгласами. Следовавшие за ними придворные прибыли в полном составе. На почетном возвышении в зале стояли четыре стола, уставленные всевозможными постными блюдами, до того аппетитными, что глаза разбегались, глядя на них. Впереди стоял еще один стол со скоромными блюдами, такими же аппетитными. Справа и слева были расставлены в строгом порядке четыреста, а может и пятьсот, отдельных столиков.

В древности сказано: «Сладчайшие из богатств —
Тысяча кубков вина и сотня изысканных яств,
Жир белоснежный и рядом — сыр остро-пахучий,
А за столом гости в ярких нарядах — что же может быть лучше?»
Так и сегодня: багрянцем сверкают наряды,
Словно цветы, что красой своей радуют взгляды;
Праздника ради родные покинув сады,
Полные рдяного сока, лежат на подносах плоды;
Сахарные драконы и леденцовые львы
Видом своим прихотливым заслуживают хвалы;
Жаровни и сковороды протянулись рядами,
Наполнены мясом одни, золотятся другие блинами.
Меж птицею разной лежат, над столом возвышаясь, как глыбы,
Вепри, бараны, морские, озерные рыбы.
Здесь же и овощи, что так и просятся в рот,
Побеги бамбука, грибы драгоценных пород.
Настои, отвары, изделья из сладкого теста
Просят гостей, чтоб для них уготовили место;
Похлебки душистые, кашу из желтого проса,
Сласти молочные духи проворно разносят.
Видом пленяя и вкусом, сменяются разные блюда,
И не скудеют вином искрометным сосуды.
Дивную пищу хозяин и гости вкушают,
Чару за чарою не торопясь осушают,
Потчует каждый исправно сидящего рядом соседа —
Течет, веселя, как вино, между ними беседа.

Правитель государства взял своей царственной рукой чарку с вином и высоко поднял ее. Он решил в первую очередь угостить Танского монаха.

— Я не пью вина,— отказался тот.

— Да ведь это не хмельное вино! Ничего не случится, если благочестивый наставник выпьет чарку! — настаивал правитель.

— «Не пей вина»— первая заповедь монахов,— твердо сказал Танский монах.

— Чем же потчевать тебя, благочестивый наставник, если ты отрекся от вина?— недовольным тоном спросил правитель.

— Пусть мои ученики выпьют за меня! — предложил Танский монах.

Правитель оживился и передал золотую чарку с вином Сунь У-куну. Тот принял чарку, вежливо поклонился всем присутствующим и разом осушил ее до дна.

Увидев, с какой охотой Сунь У-кун пьет вино, правитель поднес ему еще одну чарку. Великий Мудрец не отказался и опять осушил ее.

— Ну, а теперь и третью чарку во славу «трех драгоценностей», — засмеялся правитель. Сунь У-кун и от третьей не отказался и выпил ее с еще большим удовольствием. Правитель велел налить еще: — Выпей за четыре времени года! — предложил он.

Чжу Ба-цзе, видя, что вино все не доходит до него, от нетерпенья стал громко глотать слюнки. Когда же он заметил, что правитель усердно потчует только Сунь У-куна, он не выдержал и закричал:

— Есть и моя заслуга в изготовлении снадобья, которое исцелило ваше величество. В него примешана конская...

Сунь У-кун, опасаясь, как бы Дурень не проболтался, поспешил передать ему свою чарку и тем самым заставил замолчать. Дурень схватил чарку, жадно осушил ее и ничего больше не сказал, но правитель заинтересовался и спросил:

— Благочестивый монах, ты только что сказал, что в снадобье вошла конская... что конская?

Сунь У-кун, не давая Чжу Ба-цзе ответить, начал выкручиваться:

— Мой брат отличается чрезмерной болтливостью, и если знает какой-нибудь проверенный способ изготовления лекарства, то непременно должен сообщить его всем. В лекарство, которое ваше величество давеча утром изволили принять, входила конская трава.

— Что за конская трава? — спросил царь, обращаясь к своим придворным.— От чего она излечивает?

Поблизости оказался главный придворный лекарь из палаты врачевания, который так отвечал повелителю:

— Повелитель мой, владыка,— начал он:

На вкус трава горька и нёбо холодит,
Вреда ж в себе она, однако, не таит;
Ровнее от нее становится дыханье,
Спокойней крови бег, острее обонянье.

К тому ж она глистов из тела изгоняет,
Мощь плоти придает, от кашля избавляет,
От вредной хрипоты освобождает грудь
И к исцелению прокладывает путь.

— Вот и хорошо, что эта трава вошла в лекарство, то-то оно подействовало! — смеясь, проговорил правитель.— Почтеннейший Чжу, выпей еще!

Дурень продолжал молчать, но все же выпил целых три чарки за «три драгоценности».

Царь поднес вино и Ша-сэну, который тоже выпил три чарки.

Пили и ели очень долго. Наконец правитель вновь высоко поднял большую чарку и поднес ее Сунь У-куну.

— Государь! Прошу вас, сядьте!— сказал Сунь У-кун.— Смею вас заверить, что я не откажусь выпить, если только все будут пить по очереди.

— Преосвященный благочестивый монах,— произнес правитель.— Твоя милость ко мне столь же велика, как гора Тайшань. Я не знаю даже, чем отблагодарить тебя за исцеление. Уж как хочешь, но выпей эту большую чарку, и я расскажу тебе кое-что.

— Что же ты хочешь рассказать? — спросил Сунь У-кун.— Скажи, чтобы мне легче было выпить.

— Мне выпало на долю испытать скорбь, от которой я и заболел,— молвил правитель.— А ты своим волшебным средством прочистил мне внутренности и избавил от страданий.

— Когда вчера я поглядел на тебя,— лукаво посмеиваясь, сказал Сунь У-кун,— то сразу же понял, что тебя извела злая тоска, но хотелось бы знать, о чем ты горюешь?

— Есть мудрая пословица: «Нельзя выносить сор из избы», — отвечал повелитель.— Но ты, преосвященный благочестивый монах, для меня являешься милостивейшим благодетелем. Если обещаешь не смеяться надо мною, я, так и быть, расскажу тебе.

— Разве осмелюсь я смеяться над тобой, государь? — серьезным тоном проговорил Сунь У-кун.— Прошу тебя, поведай обо всех твоих тревогах.

— Преосвященный благочестивый монах, ты прибыл сюда из восточных земель, скажи, в скольких странах ты побывал по дороге сюда? — спросил правитель.

— В пяти или шести,— отвечал Сунь У-кун.

— Не запомнил ли ты, как величали цариц в этих странах?

— Обычно цариц во всех странах принято величать: «Чжэн Гун», «Дун Гун» и «Си Гун», что значит царица из Главного дворца, Восточного дворца и Западного дворца,— сказал Сунь У-кун.

— А я своих цариц звал иначе: государыню звал Цзиньшэнгун, так как она была мне дорога, как золото, вдовствующую государыню звал Юйшэнгун — Яшмовой, а первую наложницу Иньшэнгун — Серебряной. Сейчас у меня остались только две государыни: Серебряная и Яшмовая...

— Почему же Золотая государыня не находится у себя во дворце? — заинтересовался Сунь У-кун.

У правителя потекли слезы из глаз, и он едва выговорил:

— Ее там нет уже три года.

— Куда же она исчезла? — продолжал расспрашивать Сунь У-кун.

— Три года назад,— начал правитель,— как раз в день праздника Лета *, я находился с ней и с придворными прислужницами в Гранатовой беседке дворцового сада, где мы развертывали треугольники с рисом *, выбирали из них отварной рис и ели его, запивая крепким желтым вином из фиалкового корня чанпу, в которое обмакивали листья полыни для отвращения злых духов. Мы смотрели лодочные гонки, как вдруг налетел сильный ветер и в воздухе показался дьявол-оборотень, который назвался Сай Тайсуй*— сильнейшим из всех злых духов. Он заявил, что обитает в пещере Чудесного оленя-единорога, что на горе Диковинного носорога, и сказал, что ему не хватает жены. Узнав, что моя Золотая царица отличается необыкновенной красотой и грациозностью, он явился ко мне и стал требовать, чтобы я немедленно отдал ее ему в жены, что он будет считать до трех, и если я откажусь, он сожрет меня, а затем всех придворных и даже жителей столицы. Из жалости к своей стране и моему народу я тогда же вытолкнул Золотую царицу из беседки, так как ничего не мог сделать с этим дьяволом, а он с диким воплем подхватил мою красавицу и умчался с ней. Вот тогда-то я и занемог от испуга, причем рис, который я ел во время праздника, застрял во мне. Меня охватила тоска, от которой я не мог избавиться ни днем, ни ночью, отчего и заболел тяжким недугом, мучившим меня три года. Преосвященный благочестивый монах! Приняв твои чудодейственные пилюли, я очистился от всей мерзости, застрявшей во мне три года назад. Теперь я чувствую себя совершенно здоровым и бодрым, словно не болел. Я обязан тебе своей жизнью и считаю твое благодеяние столь же великим, как гора Тайшань!

Сунь У-кун преисполнился радостью, услышав эти слова. Он взял в руки огромный кубок в виде рога и в два приема осушил его до дна.

— Так вот какая тоска изводила его величество!— со смехом сказал Сунь У-кун.— Тебе повезло, что ты встретился со мною и получил исцеление. А не хочешь ли, чтобы твоя Золотая царица снова вернулась к тебе? — пытливо спросил он.

У царя навернулись слезы на глаза.

— Я искренне грущу,— проговорил он,— и днем и ночью думаю о ней, но нет у меня никого, кто мог бы схватить этого дьявола. Разве могу я надеяться на ее возвращение?

— А что ты скажешь, если я, старый Сунь У-кун, приведу в покорность злого оборотня?

Правитель сразу же опустился на колени и сказал:

— Если ты спасешь мою царицу, то я обещаю покинуть дворец со всеми своими царицами и всеми их прислужницами, выйду из города и стану твоим подданным-простолюдином, передам тебе всю страну с ее реками и горами, чтобы ты царствовал в ней как государь-император.

Чжу Ба-цзе, услышав эти слова и глядя на правителя в столь необычной позе, не выдержал и громко расхохотался:

— Вот так царь! — проговорил он, захлебываясь от смеха.— Совсем потерял свое достоинство! Как можно из-за бабы отказаться от своей страны, от рек и гор, да еще стоять на коленях перед монахом?

Сунь У-кун быстро подбежал к правителю и, поднимая его с полу, сказал:

— Государь, а являлся ли за это время еще раз дьявол-оборотень, после того как похитил Золотую царицу?

— В позапрошлом году в день праздника Лета он похитил Золотую царицу,— припоминал царь.— В том же году в десятой луне он явился за двумя прислужницами царицы, и они были выданы ему. В третьем месяце прошлого года он снова явился и потребовал еще двух дворцовых прислужниц, затем в седьмом месяце — еще двух. В нынешнем году, во втором месяце — опять двух. Не знаю, когда еще появится.

— А внушает ли он вам всем страх, когда появляется?— спросил Сунь-У-кун.

— Во-первых, я его самого боюсь,— отвечал царь,— особенно стал бояться, когда дьявол зачастил к нам; во-вторых, опасаюсь его пагубных намерений. Поэтому еще в прошлом году в четвертом месяце я приказал построить башню-убежище от дьявола. Всякий раз, как только налетает сильный порыв ветра, предвещающий появление дьявола, я прячусь в башню со своими двумя царицами и девятью наложницами.

— Не откажи в просьбе показать мне твое убежище! — попросил Сунь У-кун.

Правитель взял его за левую руку и повел из-за стола. Все придворные чины разом поднялись со своих мест.

Чжу Ба-цзе обозлился:

— Брат,— холодно сказал он.— Какой ты, право, неразумный! Стоит ли из-за этого нарушать такой великолепный пир и поднимать всех на ноги?

Правитель сразу же смекнул, чего хочет Чжу Ба-цзе, и приказал сановнику, ведающему царским выездом, распорядиться, чтобы вынесли два стола с постными блюдами и поставили их у входа в башню, а к столам чтобы приставили виночерпиев с вином. Дурень Чжу Ба-цзе тотчас же замолк и, обращаясь к Танскому монаху и Ша-сэну, предложил:

— Пойдемте пировать на новом месте!

Вереница придворных чинов, выстроившихся рядами, чинно шествовала впереди. Правитель шел рядом с Сунь У-куном, поддерживая его. Они прошли через дворец, вошли во дворцовый сад, но никаких башен или хором не было видно.

— Где же башня-убежище от дьявола? — не выдержал Сунь У-кун.

В этот момент два дворцовых евнуха взяли в руки два лома, покрытых красным лаком, и подсунули их под большую квадратную плиту, лежавшую посреди лужайки.

— Вот здесь! — сказал правитель.— В этом подземелье глубиной более двух чжанов расположено девять дворцовых залов. Четыре чана с чистым гарным маслом предназначены для фонарей, которые горят и днем и ночью. Сюда я и прячусь при шуме ветра, а людям снаружи приказано закрывать вход каменной плитой.

— Этот дьявол все же не собирается губить тебя,— засмеялся Сунь У-кун.— Да если бы он захотел, разве смог бы ты укрыться от него здесь?

Не успел Сунь У-кун договорить, как с юга подул сильный ветер с резким свистом, подняв тучи пыли. Придворные пришли в ужас и стали роптать на Сунь У-куна:

— Ну и зловещий язык у этого монаха: стоило ему только заговорить о дьяволе, а он уж тут как тут!

Правитель бросил Сунь У-куна и полез прятаться в подземелье. За ним последовали Танский монах и все придворные чины.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тоже хотели было спрятаться, но Сунь У-кун задержал их.

— Братья! Не бойтесь! Давайте познакомимся с дьяволом и посмотрим, что он представляет собой!

— Брось болтать ерунду! — взволновался Чжу Ба-цзе.— Чего с ним знакомиться? Придворные все спрятались, наставник тоже, и правитель укрылся, а мы что? Так и останемся здесь? В какой же родословной будут восхвалять нас за такую отвагу?

Он хотел вырваться из рук Сунь У-куна, но это ему не удалось. Великий Мудрец крепко держал его, пока в небе не показался сам дьявол-оборотень. Вот послушайте, как он выглядел:

Он ростом в девять чи
И злей, чем лютый пес,
Глаза, как фонари,
Свисает сливой нос,
Что ниточки, усы
Красны, под цвет волос,
Которыми, как лев,
Он до ушей оброс.
То уши у него
Иль новый вид колес?
То брови у него
Иль два огня зажглось?

То пальцы у него
Иль пять когтей впилось
В железное копье?
Клык изо рта торчит
Иль пики острие?
Как мертвеца душа,
Взлохмачен он и бос,
Мех барса, что на нем,
К нему как бы прирос,
Не пурпуром лицо,
А синью залилось,
В длину и ширину
Ужасно раздалось...
Кому из вас, друзья,
С ним встретиться пришлось?

— Ты не узнаешь его, Ша-сэн?— спросил Сунь У-кун.

— Мне никогда не доводилось встречаться с ним,— отвечал Ша-сэн.— Как же я могу узнать его?

— Чжу Ба-цзе! Ну ты, наверное, узнаешь его? — воскликнул Сунь У-кун.

— Откуда же мне знать? — удивился Чжу Ба-цзе.— Мне ни разу не приходилось с ним пить чай или распивать вино. К тому же он не приходится мне ни другом, ни соседом.

— А по-моему, он похож на дьявола с намазанным лицом и золотистыми глазами, который служит привратником у духа горы Восточный пик и получил прозвище Равный небу.

— Вот уж нет! Совсем не он,— возразил Чжу Ба-цзе.

— Откуда ты знаешь, что не он? — поддел его Сунь У-кун.

— Дьяволы относятся к темному царству и находятся там весь день до позднего вечера. Они появляются только в часы шэнь, ю, сюй и хай [1]. А сейчас еще только час сы [2]. Какой же дьявол осмелится показаться в такое время? Ведь дьяволы не умеют летать на облаках. Если они и могут вызвать ветер, то только небольшой вихрь, а не такой свирепый ураган. Уж не является ли он духом Сай Тайсуй?

— Ай да Дурень! Молодец! — засмеялся Сунь У-кун.— Оказывается, кое-что соображаешь. Раз уж ты так сказал, то вы пока покараульте здесь вдвоем, а я отправлюсь, расспрошу этого дьявола, как его зовут и величают, чтобы мне было сподручнее вызволить Золотую царицу и возвратить ее здешнему правителю.

— Делай как знаешь, только нас не впутывай,— сказал Чжу Ба-цзе.

Сунь У-кун ничего не ответил и взглянул вверх. Затем он быстро взвился в небо по благодатному лучу, совершив обычный прыжок.

---

[1] Шень с 3 до 5 часов дня; ю с 5 до 7 часов вечера; сюй с 7 до 9 часов вечера и хай с 9 до 11 часов вечера.

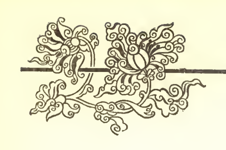
[2] Сы — с 9 до 11 часов утра.

Вот уж, поистине:

Чтобы стране спокойствие вернуть,
Пришлось царя избавить от недуга;
Чтоб совершенства соблюсти великий путь,
Пришлось, не зная недруга и друга,
От злобы и любви свою очистить грудь.

Чем кончился этот поход Сунь У-куна, победил ли он дьявола-оборотня, сражаясь с ним в воздухе, изловил ли он его и освободил ли из плена Золотую царицу,— обо всем этом вы узнаете, читатель, из следующих глав.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ,

повествующая о том, как злой дьявол с помощью своего драгоценного талисмана напускал дым, песок и огонь, и о том, как Сунь У-кун придумал способ, чтобы похитить золотые бубенцы

Итак, Сунь У-кун, приняв воинственный вид и держа в руках железный посох, взошел на благовещий луч и поднялся в воздух. Обратившись лицом к чудовищу, он закричал:

— Откуда ты взялся, мерзкий дьявол? Куда несешься буйствовать?

В ответ чудовище заорало:

— Я головной дозорный из войска, подчиненного нашему царю — Сай Тайсую, обитающему в пещере Чудесного оленя-единорога, что на горе Диковинного носорога. Сейчас по его приказу я явился сюда за двумя дворцовыми прислужницами для нашей повелительницы — Золотой царицы! А ты кто такой, что осмеливаешься спрашивать меня?

— Я — равный небу Великий Мудрец Сунь У-кун! Мне велено охранять Танского монаха, который идет из восточных земель на Запад поклониться Будде,— гордо отвечал Сунь У-кун.— Проходя через эту страну, я узнал, что ты и вся твоя нечистая шайка дьяволов обижаете здешнего правителя, а потому и решил тряхнуть удалью и истребить всех злых духов и дьяволов-оборотней. Не знал я, где искать тебя, злодей, а ты, оказывается, сам явился на свою погибель!

Услышав эти слова, чудовище, не разобравшись, кто перед ним, стало колоть своим длинным копьем храброго Сунь У-куна. А тот поднял железный посох и начал колотить чудовище. Ну и бой разгорелся в воздухе:

Драгоценность пучины морской,—
Быстрый посох, владеющий чарами!
Со сноровкою и быстротой
Он встречает врагов ударами.
Как же может простое копье
С ним в поединке сравниться?
Всуе чудище в битву стремится,
Всуе тратит уменье свое.
Отродью бесовскому биться
С мудрым праведником не дано —
Будет бес побежден все равно,—
Не ему своей мощью кичиться!
Едва только бой начался,
Понял враг — с Сунь У-куном не справиться!
Поднимает он пыль столбом,
Но напрасно — мудрец не пугается!
Только бурей песчаною зря
Потревожил безумец царя!
Сунь У-кун же, туманы топча,
На злодея, как коршун, кидается,
Солнце меркнет, что в полдень свеча,
За спиной Сунь У-куна скрывается;
Не жалеют противники сил,
Бьются, застя сиянье светил.
Неспособный на подвиг хвастун
Тщетно в злобе бессильной ярится:
Должен он с неизбежным смириться—
Одолеет его Сунь У-кун!
Посох смело вперед устремляется:
Раз — удар, и копье пополам!
Вот оно под ногами валяется,
Превратясь из оружия в хлам!

Потерпев поражение и спасая свою жизнь, чудовище повернуло ветер в обратную сторону и помчалось прямо на Запад.

Однако Сунь У-кун не погнался за ним. Он прижал край облака вниз и опустился на землю возле убежища, в котором прятались от дьявола.

— Наставник! — стал звать он. — Прошу тебя, выйди вместе с правителем! Я прогнал чудовище.

Танский монах вместе с правителем вышел из убежища, поддерживая его под руку. Небо прояснилось и стало совершенно чистым, а в воздухе даже не пахло никакой чертовщиной.

Правитель подошел к столу с угощениями и, собственноручно взяв кувшин с вином, стал разливать его по чаркам. Налив до краев золотую чарку, он обеими руками поднес ее Сунь У-куну с такими словами:

— Преосвященный монах! Благодарю и еще раз премного благодарю тебя!

Сунь У-кун взял в руки золотую чарку и только было хотел ответить правителю, как вдруг в дворцовых дверях показался сановник и доложил:

— За западными воротами дворца бушует пожар!

Услышав эти слова, Сунь У-кун подбросил чарку с вином высоко в воздух. Раздался звон, и пустая чарка упала на землю.

Правитель засуетился и, изогнувшись в три погибели, стал кланяться Сунь У-куну:

— Преосвященный монах! — умоляюще заговорил он.— Прости меня. Я сознаю свою вину. Мне бы следовало просить тебя, как положено, откушать вино в парадных хоромах дворца! Но поверь, я дерзнул предложить тебе выпить здесь только потому, что под руками оказалось это вино. Не потому ли ты кинул чарку, что хотел показать свое недовольство мною?

— Да что ты! — рассмеялся Сунь У-кун.— Совсем не в этом дело.

Немного погодя появился еще какой-то сановник и доложил:

— Ну и дождь! Только что за Западными воротами разбушевался пожар, а тут как хлынет ливень: так сразу же залил огонь. По всем улицам текут потоки воды, но почему-то от нее пахнет вином.

Сунь У-кун вновь рассмеялся и сказал:

— Правитель! Ты видел, как я кинул вверх чарку с вином, и подумал, что я чем-то недоволен, но, видишь, оказалось вовсе не так. Дело в том, что чудовище, потерпев поражение, умчалось на Запад, а я не погнался за ним. Тогда оно вернулось и напустило огонь. Я же этой чаркой вина загасил дьявольский огонь и спас от пожара жителей города, живущих по обе стороны Западных ворот. Разве могло быть у меня какое-либо иное намерение?!

Правитель еще больше обрадовался и удвоил свое почтение к монахам. Он поспешил пригласить Танского наставника и всех его спутников в тронный зал, желая, видимо, уступить им трон и передать бразды правления.

— Правитель! — смеясь, сказал Сунь У-кун, желая отвлечь государя от его намерения: — Оборотень, который появился здесь, назвал себя головным дозорным злого дьявола Сай Тайсуя и сказал, что послан за двумя дворцовыми прислужницами. Сейчас этот оборотень, потерпев поражение, вернулся ни с чем и, безусловно, доложил о случившемся главному дьяволу, который непременно явится сюда, чтобы сразиться со мною. Для этого он сразу же поднимет всю свою ораву и приведет с собой. А это, неизбежно, встревожит весь твой народ, да и тебя, государь, напугает. Поэтому я хочу выйти ему навстречу, схватить его еще в воздухе и освободить из плена твою Золотую царицу. Не знаю только, в какую сторону мне направиться. Не скажешь ли ты, как далеко отсюда логово этого дьявола?

— В свое время я посылал туда лазутчиков,— отвечал правитель.—Они отправились на боевых конях, и им потребовалось более пятидесяти дней, чтобы побывать там и вернуться обратно. Его обиталище находится на юге, больше чем в трех тысячах ли отсюда.

Услышав об этом, Сунь У-кун крикнул:

— Чжу Ба-цзе! Ша-сэн! Побудьте пока здесь и охраняйте нашего наставника, а я живо слетаю туда и обратно.

Но правитель стал удерживать его!

— Преосвященный монах! — уговаривал он.— Обожди хотя бы денек! Тебе приготовят сушеную и жареную еду, соберут серебра на дорожные расходы, выберут лучшего коня-рысака — вот тогда и можно будет отправиться!

— Да что ты, правитель! — смеясь, сказал Сунь У-кун.— Ты говоришь так, будто я собираюсь карабкаться через горы и хребты! Не стану тебя обманывать и скажу прямо: эти три тысячи ли я проделаю за такой короткий срок, что вино не успеет остыть в чарке!

— Преосвященный монах! — удивился правитель. — Ты только не обижайся на меня, но своим достопочтенным обликом ты, право, очень напоминаешь обезьяну. Хотелось бы знать, как смог ты овладеть таким волшебным способом передвижения.

И Сунь У-кун отвечал правителю так:

Пусть даровала мне судьба нечеловечий лик,
Искать всеобщие пути я с малых лет привык,
Которыми шагает жизнь, и с ней бок о бок — смерть.
Горнилом мне была земля, а крышкой тигля — твердь,
Когда наставника нашел, к которому спешил,
Когда ученье о Пути достойный мне открыл,
Когда приют мне свой дала гора Хуагошань,
Где приобщался я в тиши от мира скрытых тайн.
И тело я свое и дух в те поры закалял;
Трудился день, трудился ночь, усталости не знал;
Тогда постичь мне удалось состав, каким полна
Планета Заяц* иль в ночи светящая луна,
А также из каких веществ образовался круг
Светила, что в моей стране все Вороном * зовут;
Постиг начала «инь» и «ян», борьбу огня с водой,
Великого ученья суть раскрылась предо мной;
Узнал, что участь всех людей, и вместе с ними стран,
Находится во власти сил созвездия Тяньган *.
Жизнь наша может быть плоха, быть может хороша,
Как повернется рукоять созвездия Ковша;
Все нужно делать в должный срок: огонь сильней раздуть,
Или уменьшить, или тигль со сплавом повернуть,
Опорожнить его совсем, коль выплавке конец,
И вовремя добавить ртуть, и в срок извлечь свинец.
Двух этих действий меж собой взаимосвязь сильна,
Без них в цепи благих веществ недостает звена;
Объединение стихий рождает страсть и мощь —
Вот также тучи с высоты прохладный дарят дождь.
Взаимно связан и светил главнейших тихий бег,
И время года узнает по звездам человек.
Три славных школы * все труды разделят сообща,
Бессмертья золотой залог без устали ища.
Два духа жизненных * должны друг к другу подойти,
Чтоб круг свой плавный совершить по Желтому пути*.
Движенья рук и ног людских легко постичь закон —
Ведь каждый из простых людей тем знаньем наделен!
Но духи помощью своей как будто бы дарят
Того, кто ходит колесом, как я, сто раз подряд!

Как только кувыркнусь разок — перемахну шутя
Хребет Тайхан* — так через кочку прыгает дитя,
Еще разок — и позади и реки, и леса,
И переправа, что ведет с земли на небеса...
Не мне страшиться гор крутых, что поперек пути
Встают,— не им мне помешать, куда хочу дойти!
Не побоюсь и сотни рек таких же, как Янцзы,
Лишь полюбуюсь с высоты иа скал и волн красы...
Ведь я могу быстрей орла по воздуху летать,
И облик свой перед лицом опасности менять!

Царь выслушал Сунь У-куна с изумлением и радостью и поднес ему царский кубок вина.

— О преосвященный монах! — произнес он.— Тебе предстоит совершить дальний путь и великий подвиг. Прими от меня этот кубок с пожеланием успеха!

Но Сунь У-кун был охвачен столь неистовым желанием покорить дьявола, что даже и помышлять не мог о вине. Он лишь воскликнул:

— Поставь пока этот кубок, правитель. Я мигом слетаю туда и обратно, и тогда выпью!

И вот наш герой, едва договорив последние слова, рванулся с места и со свистом умчался, быстро исчезнув из виду.

Изумлению правителя и его сановников не было границ, но об этом мы рассказывать не будем.

Между тем Сунь У-кун вскоре увидал высокую гору. Облако, на котором он мчался, зацепилось краем за ее выступ. Тогда Сунь У-кун прижал все облако вниз и встал во весь рост на самой вершине. Внимательно осмотревшись, он убедился, что гора была поистине замечательная.

Вот послушайте сами:

Она, возвышаясь до неба, захватывала и землю,
Солнце собой закрывала, и тучи рождались на ией;
Вершин своих острия до синих небес подъемля,
Землю она загружала россыпями камней,
Гребнями кряжей и жилами мощных отрогов;
Много таила красот и таила опасностей много.
Солнце она заслоняла вершинами темными сосен,
Там же, где тучи свивали клубы грозовые свои,
В мрачных теснинах, под сенью тяжелых утесов
Мчались седые потоки и рокотали ручьи.
Сосны зимою и летом зеленый покров не теряли,
Облик свой скалы столетия ие изменяли,
С шелестом тихим порой расступались травы,
И раздавался воды иеожиданный плеск,
Ропот листвы и кустов потревоженных треск;
То выползали на поиски пищи удавы;
Крик разносился порою и резкий и странный,
Слышались скорбные вопли ночной обезьяны.
Воздух наполнен был клекотом, щебетом птичьим,
Шумом, и ревом, и писком, и рыканьем хищным;
Как шаловливые дети, олени и серны сновали,

У водопоя месили прибрежный песок;
Облаком, ветром гонимым, под самое небо взлетали
Стаи крикливых ворон и болтливых сорок.
Ну, а цветы луговые — никак не окинуть их взглядом—
Ярко пестрели в высокой траве их наряды.
Ветви склонялись под тяжестью спелых плодов,
Зрели орехи под сенью листвы шелестящей.
Пусть здесь опасны пути, непролазны кустарников чащи,
Все же убежищем может служить настоящим
Эта гора для того, кому надобен кров;
Многие праведники здесь приют обретали,
Многие оборотни здесь спасенья искали.

Наш Великий Мудрец Сунь У-кун с неослабевающим любопытством разглядывал гору и уже готовился пойти на поиски пещеры, как вдруг заметил, что из расселины вырвался яркий столб пламени, и мгновенно все небо запылало красным заревом. Затем из пламени вырвался клуб зловещего дыма, еще более страшного, чем пламя. Вот что рассказывается об этом в стихах:

Свет от тысячи фонарей дворцовых
Перед этим пламенем померк;
Пламя сбросило подземные оковы,
Тысячами языков пунцовых
Небо лижет и стремится вверх;
Не походит дым на тот дымок,
Что летит из труб жилья людского,
Ни на тот, что от костра ночного
Вдаль уносит легкий ветерок,
Ни на дым пожарища лесного.
Синий, черный, красный, желтый, белый,—
Он несется в горные пределы,
Как всеистребляющий поток,
Закоптив небесных врат основы—
Их литые, прочные столбы,—
Он, рожденный полымем багровым,
Вьет свои зловещие клубы.
Самый воздух страшно раскален,
Задыхаются, забившись в норы, звери,
Загораются на горных птицах перья,
Их теснит огонь со всех сторон,
И дворец небесный окружен
Пламенем, что буйно рвется в двери...
Как же сквозь огонь и дым пробиться,
В глубь горы себе проход открыть,
Чтоб в земные недра углубиться
И владыку демонов смирить?

Великий Мудрец струхнул, но вот из горы вдруг взметнулся огромный столб песка, который сразу же затмил солнце и скрыл небеса.

Представьте себе:

Весь необъятный небосклон
Седым песком запорошен,
Туман окутывает землю,
Несется прах со всех сторон,
Столбы огромные подъемля.

Пыль мелкая глаза слепит,
А та, что покрупней, летит
И стелется к земле поближе,
Спускается все ниже, ниже,
Ее разносит вихрь лютый,
Подобно семенам кунжута.
Через долины нет пути,
И через горы не пройти,
Из берегов выходят реки...
Тропинку нужную найти
В лесу не могут дровосеки,
И сборщики целебных трав
Друг друга кличут безуспешно:
Плутают все во тьме кромешной,
От тщетных поисков устав.
И если б ты держал в руках
Жемчужину, что ярко светит,
То все ж пути бы не приметил,—
Столь очи застилает прах!

Сунь У-кун так увлекся этим зрелищем, что не заметил, как ему в нос забился песок. В носу зачесалось, защекотало, и Сунь У-кун стал чихать. Он чихнул раза два, быстро оглянулся и, протянув руки, нащупал в выступе скалы два круглых камешка, каждый величиной с гусиное яйцо, которые и запихал себе в ноздри; качнувшись всем телом, он превратился в ястреба, обладающего способностью собирать огонь, и полетел в самое пекло, в огонь и дым. Там он сделал несколько кругов, и вдруг песок улегся, дым исчез, а огонь погас. Тогда Сунь У-кун поспешно принял свой первоначальный вид. Когда он опять стал оглядываться, его внимание вдруг привлекли резкие металлические звуки «дин-дин, дон-дон», словно били в гонг.

«Эх, я, видимо, сбился с пути! — подумал Сунь У-кун.— Здесь не может быть обиталища дьявола. Судя по ударам в гонг, это должна быть почта. Видимо, где-то близко проходит столбовая дорога, по которой идет посыльный с казенным пакетом. Пойду-ка я ему навстречу и узнаю, так ли это».

Едва он вышел на дорогу, как увидел бесенка с желтым флажком на плече и с сумкой для пакетов за спиной. Бесенок бил в гонг и мчался во весь дух. Сунь У-кун засмеялся и сказал самому себе:

— Так вот кто, оказывается, бьет в гонг! Интересно, что за грамоту он несет. Надо узнать!

Ну и молодец наш Сунь У-кун! Он снова встряхнулся, превратился в шмеля, полетел за бесенком, сел на сумку с грамотой и стал слушать, как бесенок бьет в гонг и бормочет:

— До чего же лют наш великий князь! Сверх всякой меры! Три года назад похитил он Золотую царицу в Пурпурном царстве, да видно не судьба им жить вместе, никак не может добиться ее расположения. Зря только губит неповинных прислужниц царицы, желая удовлетворить свою страсть. В первый раз привез двух — убил, затем четырех — тоже убил. В позапрошлом

году вытребовал прислужниц, в прошлом году опять понадобились, в этом году то же самое: вот и теперь еще потребовались, да ничего не вышло. Нашелся какой-то Сунь У-кун, который сразил головного дозорного, посланного за царицыными прислужницами. Наш великий князь так разгневался, что решил проучить то государство, и велел мне доставить им грамоту о войне. Вот я иду и думаю, если тамошний правитель не станет воевать, значит, он человек с умом, если же вступит в бой, то наверняка потерпит неудачу. Наш великий князь как напустит на его царство огонь, дым да еще песок, так никого не останется в живых: ни самого правителя, ни его слуг, ни подданных! Тогда мы займем столицу ихнего царства, наш великий князь провозгласит себя императором, а нас сделает придворными слугами. Я хоть и получу какой-нибудь чин, а совесть все равно будет мучить за нарушение законов неба!

Сунь У-кун слушал, а сам втихомолку радовался.

«Ишь ты, оказывается, оборотни тоже бывают с добрым сердцем! Ну, как не похвалить этого бесенка за его слова: «Совесть все равно будет мучить за нарушение законов неба»? Только никак я не пойму, что это он говорил про Золотую царицу, будто все время у ихнего князя с ней ничего не получается — никак он не может овладеть ею. Ну-ка, дай расспрошу его об этом».

Сунь У-кун зажужжал, отлетел в сторону, пролетел вперед на десять с лишним ли, там встряхнулся и превратился в отрока-послушника:

Одет он в рубище из ста заплат,
По барабану ударяет билом,
И тянет голосом пронзительно-унылым
Молитву длинную, сопровожденью в лад.
Рогульками закрученные, две
Косицы у него на голове.

Обогнув склон горы, Сунь У-кун вышел навстречу бесенку и, подняв руки в знак приветствия, воскликнул:

— Приветствую тебя, господин мой! Куда спешишь так? Какую грамоту несешь?

Бесенок как ни в чем не бывало отозвался, словно давно был знаком с отроком. Он перестал бить в гонг и, радостно хихикая, в свою очередь поклонился и сказал:

— Наш великий князь послал меня в Пурпурное царство передать грамоту о войне!

Подхватив последние слова бесенка, Сунь У-кун притворился весьма удивленным:

— Что ты говоришь? Пурпурное царство? — переспросил он. — Да ведь великий князь породнился с тамошней царицей!

— В позапрошлом году,— отвечал бесенок,— как раз когда он похитил ее, здесь объявился какой-то волшебник, который

подарил Золотой царице пестрый свадебный наряд. Как только она его надела, у нее по всему телу выросли колючие шипы, такие острые, что наш великий князь даже погладить ее не осмеливается. А стоит ему прижать ее к себе покрепче, как в руки ему вонзаются шипы и причиняют нестерпимую боль. По сей день нашему великому князю никак не удается слиться с ней. Сегодня рано утром он послал своего головного дозорного за прислужницами царицы, но какой-то Сунь У-кун схватился с этим дозорным и побил его. Наш великий князь сильно разгневался, а потому и велел мне отправиться в Пурпурное царство с грамотой о войне. Завтра он нападет на это царство.

— Отчего же это великий князь так разгневался? — притворился удивленным Сунь У-кун.

— Да он и сейчас еще злится,— отвечал бесенок.— Ты бы сходил к нему и спел свои псалмы. Может быть, он сменил бы гнев на милость — вот было бы хорошо!

Сунь У-кун попрощался и сразу же побежал прочь, а бесенок пошел своей дорогой, продолжая бить в гонг. Тут у Сунь У-куна возникло злодейское намерение. Подняв свой посох, он повернул обратно, нагнал бесенка и так хватил его по затылку, что у бедняги голова раскололась, брызнула кровь и выскочили мозги; кожа на шее лопнула, а позвоночник вылез наружу. Тогда Сунь У-кун убрал свой посох, и его охватило раскаяние.

— Эх, зря я поспешил! — огорченно сказал он.— Даже не спросил чертенка, как его зовут! Ну, делать нечего! Достану-ка из его сумки грамоту о войне и засуну ее в рукав, а желтый флаг и медный гонг спрячу в придорожной траве.

Но когда он собрался было потащить за ноги труп бесенка, чтобы сбросить его в горный поток, он услышал, как что-то звякнуло. Оказалось, что это была служебная табличка в золотой оправе, которая выпала из-за пояса. Надпись на табличке гласила:

«Предъявитель сего — доверительное лицо в чине сяосяо по имени Юлай Юцюй — «Приходи, когда зовут, и ступай, когда пошлют». Приметы: рост — пять четвертей; лицо прыщавое, без усов и бороды. Сию табличку носить при себе на всем пути следования, без оной считать самозванцем».

— Значит, этого подлеца звали Юлай Юцюй — Приходи, когда зовут, и ступай, когда пошлют! — смеясь, проговорил Сунь У-кун.— Но после моего удара посохом его можно назвать «Ушел и больше не придет»!

Сунь У-кун снял табличку с пояса бесенка, засунул ее себе за пазуху, а затем хотел было столкнуть труп в горный поток, но, представив себе ужасный дым и огонь, которые он только что видел, раздумал и не решился даже искать пещеру дьявола. Он быстро поднял посох, пронзил насквозь бесенка и,

подхватив его труп, помчался обратно, чтобы сообщить пока о своем первом подвиге. В пути он успел подумать да поразмыслить, а потом со свистом прибыл в Пурпурное царство.

Между тем Чжу Ба-цзе, который расположился перед парадным залом Золотых колокольчиков и охранял покой царя и Танского монаха, невзначай повернул голову и вдруг заметил в воздухе Сунь У-куна, тащившего бесенка.

— Вот тебе на! — огорченно произнес он.—Если бы я принес беса, мне бы это не посчитали за заслугу!

Не успел он это сказать, как Сунь У-кун прижал книзу передний край облака и сбросил мертвого бесенка прямо к ступеням зала. Чжу Ба-цзе подбежал к нему, ударил его своими граблями и громко воскликнул:

— Это заслуга моя, почтенного Чжу Ба-цзе!

— Какая же заслуга? — спросил Сунь У-кун.

— Провести меня вздумал? Не выйдет! — закричал Чжу Ба-цзе — У меня есть доказательство! Видишь на бесе девять отверстий? Это от моих граблей.

— А ты погляди лучше, есть ли у него голова?

— А он таким и был, без головы,— возразил Чжу Ба-цзе.— Я еще подумал, почему это он даже не вздрогнул, когда я хватил его граблями...

— Скажи, где наставник? — перебил его Сунь У-кун строго.

— Он сейчас в парадном зале беседует с правителем.

— Попроси его сюда!

Чжу Ба-цзе поспешно вошел в зал и кивнул головой Танскому монаху. Тот сейчас же встал и вышел из зала. Сунь У-кун сунул в рукав наставнику грамоту о войне и сказал:

— Спрячь у себя и пока не показывай правителю!

Не успел он произнести эти слова, как показался сам правитель, который тоже вышел из зала и направился к Сунь У-куну со словами:

— Преосвященный отец монах! Рад твоему прибытию! Что можешь сообщить мне о дьяволе?

Сунь У-кун, указывая рукой, ответил:

— Разве это не черт-оборотень здесь у ступеней крыльца? Ведь это я убил его.

— Несомненно, это черт-оборотень,— сказал правитель,— но не Сай Тайсуй. Того я видел собственными глазами. Он ростом больше одного чжана, а плечи у него в пять раз шире, чем у простого смертного. Лицо с золотистым блеском, голос громоподобный. Разве похож он на этого заморыша?!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Выходит, ты, правитель, знаком с дьяволом! Верно, это не Сай Тайсуй, а бесенок, посланный глашатаем. Мы встретились с ним в пути, я убил его и доставил сюда, чтобы доложить о первой удаче.

Правитель расхохотался:

— Ладно, ладно, ладно! — с удовлетворением проговорил он.— Зачтется тебе как первая заслуга! Я много раз посылал гонцов добывать сведения об этом дьяволе, но никто из них не мог сообщить ничего определенного. А ты, преосвященный монах, впервые взялся за это дело и уже изловил бесенка, да еще успел вернуться сюда! Ты и в самом деле владеешь волшебными чарами!

Обратившись к слугам, царь приказал:

— Подать сюда подогретого вина! Отблагодарим почтенного монаха за его заслугу!

— Пить вино не такое уж важное дело,— молвил Сунь У-кун.— Ты лучше скажи мне вот о чем. Когда ты расставался со своей Золотой царицей, не оставила ли она тебе каких-нибудь вещиц на память? Дай мне что-нибудь.

Слова «вещицы на память» словно ножом вонзились в сердце правителя, он не сдержался, и слезы заструились по его лицу. Вот что поведал он Сунь У-куну:

В тот год, когда беда случилась эта,
Которой я доселе не постиг,
Чудесным праздником мы все встречали лето,
Как вдруг, издав громоподобный клик,
Сам дьявол, злой Тайсуй, предстал пред нами,
Сверкая грозно круглыми очами.
Он пожелал жену мою похитить,
Грозился уничтожить мой оплот,
И мною обожаемый народ
Жестоким разорением обидеть.
Я, как отец о подданных радея,
Сам отдал милую жену злодею.
Расстались с ней мы в этот час суровый,
Печаль глубоко в сердце затаив,
Не побеседовав, не вымолвив ни слова
И даже слез горючих не пролив.
Не проводив супругу до повозки
И не проехав с ней до перекрестка,
Остался я тогда один как перст,
И ничего на память не осталось...
А как утешила б меня любая малость!
Но лишь скорбям с тех пор мой дух отверзт...

— Государь мой,— начал утешать его Сунь У-кун.— Зачем так убиваться? Ведь ты находишься в кругу своих близких! Если от твоей милой царицы у тебя ничего не осталось на память, то не может быть, чтобы в ее покоях не было ничего любимого ею. Дай мне хоть что-нибудь.

— А зачем тебе? — поинтересовался правитель.

— Видишь ли,— отвечал Сунь У-кун.— Этот дьявол действительно обладает огромными чарами. Я видел, как он напускает дым, огонь и песок. С ним в самом деле будет не легко справиться. Но, положим, я одолею его, все равно царица не пожелает последовать за мной, так как совершенно меня не знает. Она поверит мне лишь в том случае, если я передам ей одну из

ее любимых вещиц. Тогда я легко смогу доставить ее сюда. Теперь ты понимаешь, почему я хочу взять с собой такую вещицу.

— Во дворце Солнца Золотой царицы, в ее покоях, хранятся четки из чистого золота,—сказал правитель.—Она никогда с ними не расставалась, но, так как в праздник Лета полагается носить разноцветные нити, она сняла свои любимые четки. Сейчас они хранятся в шкатулке. Мне тяжело смотреть на них, так как они напоминают мне ужасную разлуку. Всякий раз, глядя на эти четки, я вспоминал ее прелестное, словно выточенное из яшмы, личико, и здоровье мое сразу же резко ухудшалось.

— Хватит говорить об этом, — остановил его Сунь У-кун.— Вели лучше принести золотые четки. Если тебе не жаль, дай две штуки, если жаль, я возьму только одну.

Правитель тут же приказал Яшмовой царице принести четки. Она вынесла их и передала царю. Увидев четки, царь несколько раз воскликнул:

— О горячо любимая, ласковая моя царица!

После этого он передал четки Сунь У-куну. Тот принял их и надел себе на руку.

Он не стал пить вина в честь своей первой заслуги, а вскочил на облако и с резким свистом понесся прямо к горе Чудесного оленя-единорога. На этот раз ему было не до того, чтобы любоваться видами. Он сразу же принялся отыскивать вход в пещеру.

Пока он шел, до его слуха донеслись голоса и крики. Остановившись, он стал вглядываться, напрягаясь изо всех сил, и увидел, что у входа в пещеру столпилось множество стражников разных рангов, охраняющих ворота.

Стояли они, сомкнув ряды,
Как деревья в лесной глуши,
Каждый держал свое копье
И выставил прочный щит.
Стояли они, сомкнув ряды
И развернув знамена,
Ясное солнце на них с высоты
Свет свой лило червонный.
Как воплощенье самой беды
Стояли они, сомкнув ряды.
Здесь полководцы различных мастей
Под стягами яркого шелка
Готовы непрошеных встретить гостей
С яростью лютого волка,
Здесь тигр и медведь бок о бок стоят
С пантерой и барсом рядом;
Все они злобы своей не таят,
Пылают огнем их взгляды.
Подобно тапиру, они храбры,
Отважны, увертливы и хитры.
Владеют они с незапамятных пор
Наукою превращенья.
Спустились они с высоких гор,
Выползли из потаенных нор,

Готовы любому дать отпор,
Готовы воздать отмщенье.
Здесь серны коварны, а зайцы ловки,
Здесь змеи — отличнейшие стрелки,
Гориллам понятен язык людской,
И все они без исключенья
Умеют порядок блюсти боевой,
Умеют вести сраженье.

Увидев это полчище, Сунь У-кун не осмелился идти дальше: он съежился и повернул обратно. Вы можете подумать, что он съежился от страха? Ничего подобного! Он вовсе не испугался. Он дошел до того места, где убил бесенка, нашел желтый флажок и медный гонг, повернулся лицом к ветру, прочел заклинание и, представив себе, как выглядел бесенок, встряхнулся, после чего сразу же принял его облик. Он начал бить в гонг и большими шагами направился прямо к пещере. Но только было он собрался разглядеть пещеру, как его окликнула какая-то обезьяна-горилла:

— Это ты, Юлай Юцюй? Уже вернулся?

Сунь У-куну ничего не оставалось, как ответить:

— Да, вернулся!

— Ступай живей! Наш великий князь ждет тебя с ответом. Он сейчас в живодерне.

Услышав эти слова, Сунь У-кун ускорил шаг и, продолжая бить в гонг, направился к главным воротам и огляделся. Перед ним было пустое помещение, высеченное в каменной скале над обрывом. Слева и справа росли чудесные цветы и трава, а впереди и позади высилось множество старых кипарисов и высоких сосен. Он прошел дальше, незаметно очутился за вторыми воротами и, подняв голову, вдруг увидел беседку с восемью окнами, внутри которой виднелось кресло, оправленное золотом. На нем важно восседал сам повелитель демонов, поистине страшный и безобразный:

Над головой его трепещет свет неверный,
И красный дым от косм его струится.
Торчат усы, как две железных спицы,
Над пастью ширной неимоверной,
Утыканной громадными клыками,
По виду схожими с булатными клинками.
Дух смертоносный от него исходит;
Очами злыми, как у бурого медведя,
И круглыми он медленно поводит;
Блестят они, как бубенцы из меди,
И ярым блеском звезды превосходят.
Густыми волосами весь покрыт он,
Как войлоком, из черной шерсти сбитым.
Железный пест, который держит бес,
Длинен настолько, что касается небес.

Сунь У-кун напустил на себя вид полного пренебрежения к дьяволу. Более того, он нарочно не совершил никаких положен-

ных церемоний в знак приветствия, а отвернулся и, глядя по сторонам, продолжал колотить в гонг.

— Это ты явился? — спросил повелитель демонов.

Сунь У-кун не ответил.

— Это ты Юлай Юцюй? — раздраженно переспросил князь. Ответа опять не последовало.

Тогда князь подошел у Сунь У-куну и, схватив его за шиворот, спросил:

— Ты что трезвонишь, вернувшись домой? Почему молчишь и не отвечаешь, когда тебя спрашивают?

Тут Сунь У-кун швырнул гонг на землю.

— «Отчего» да «почему»,— передразнил он.— Я же говорил тебе, что не хочу идти, а ты насильно послал меня! Попал я туда и вижу несметное количество людей и коней, построенных в полки. Они как увидели меня, так и заорали в один голос: «Лови его, держи!» Тут меня стали таскать, давить, жать и растягивать, втащили, наконец, в город и привели к правителю, а тот сразу же велел: «Четвертовать!» Хорошо, что советники отговорили его и даже привели пословицу: «Когда две семьи враждуют, послов не убивают». К счастью, меня пощадили, отобрали у меня грамоту о войне, а затем вывели из города под конвоем, да еще напоследок перед всем строем всыпали мне тридцать палок по пяткам, после чего отпустили и велели доложить тебе о происшедшем. У них там собрано большое войско, которое в скором времени явится сюда и вызовет тебя на бой.

— Теперь я вижу, что ты действительно пострадал. То-то, когда я тебя окликал, ты не отзывался,— уже более мягко сказал князь.

— Конечно, пострадал,— ответил Сунь У-кун.— Я не отзывался только потому, что с трудом превозмогал боль.

— Сколько же у них там людей и коней? — спросил князь, переходя к делу.

— Меня там до того напугали, что я был почти без сознания, да еще к тому же избили. Где уж мне было подсчитывать да прикидывать, какое там количество людей и коней! Я видел только, что оружие всякое выставлено густым лесом. — И Сунь У-кун закончил свой рассказ так:

Щиты и копья, мечи и латы,
Кольчуги, отделанные богато,
Ножи и пики, луки и стрелы,
Секиры, выкованные умело,
Знамена, что плещут шелком алым,
Шлемы с забралом и без забрала,
Ружья, пищали и вилы стальные,
На длинных шестах значки полковые,
Железные булавы с шипами —
Едва удержишь двумя руками! —
Нагайки-свинчатки, из кожи плети,
Молоты из червонной меди,

Есть остроги, как для красной рыбы,
Тяжелые палицы, словно глыбы,
И самострелы, и колотушки,
И сабли, что тело режут на стружки;
А воины кровожадны и грубы,
На них сапоги и толстые шубы.

Князь выслушал Сунь У-куна и засмеялся.

— Это все неважно! Пустяки! Если у них есть только такое оружие, о котором ты говоришь, то достаточно напустить на него огонь и ничего не останется. Ты пока что ступай к Золотой царице и расскажи ей обо всем, чтобы она не огорчалась, а то она слышала сегодня утром, как я сердился и решил идти войной, так у нее слезы все текут ручьем и не просыхают. Отправляйся к ней и скажи, что там, мол, людей и коней много, все храбрые да отважные, наверняка одолеют меня. Пусть она хоть немножечко утешится!

Эти слова привели Сунь У-куна в восторг, и он подумал: «Вот здорово! Как раз то, что мне надо было!»

И вы только подумайте. Он пошел так, словно хорошо знал здесь все ходы и выходы. Завернув за угловые ворота, он прошел через парадный зал. Внутри оказалось множество высоких комнат и просторных покоев, совсем не похожих на те, что он прошел ранее. Так дошел он до самого последнего дворца. Еще издали он увидел расписные ворота с красивыми украшениями. Тут и жила Золотая царица.

Когда он зашел внутрь, то увидел оборотней, лисиц и оленей, принявших образ девушек, наряженных и нарумяненных, блистающих красотой и миловидностью, которые стояли по обе стороны от Золотой царицы, готовые услужить ей. Несчастная царица сидела в самой середине зала, подперев ручкой ароматную щечку, и из очей ее капали горькие слезы.

Ее печальное лицо так нежно и прелестно,
Оно сияет красотой воистину небесной...
Что ей до украшений бесполезных?
Несчастной женщине до них и дела нет;
Давно уж не приносят ей отрады
Запястья, перстни, ожерелья и наряды,
Давно уж пудры, притираний и помады
С округлых щек ее исчез душистый след.
Где тщательная некогда прическа?
Заколки золотые, шпильки, блестки?
Лишились волосы ее былого лоска,
Распущенными прядями висят.
Хоть не померк еще ее лучистый взгляд,
Но ясные, подобно звездной ночи,
Задумчивые, ласковые очи,
Потоки слез неиссякаемых струят.
Ее краса — две черных змейки-брови
Всегда теперь нахмурены сурово,
Пурпурный рот ее не произносит слова;
В воспоминанья о царе погружена
Его достойная, любимая жена;

Ее томят досада и забота:
Как пташка малая, попавшая в тенета,
О радости свободного полета
Да о гнезде своем грустит она.
И правда, ведь недаром говорят:
«Красавицам иным дана судьба лихая:
В молчанье скорбном слезы проливая,
Ни ласки, ни участия не зная,
Вдали от дома на ветру стоят...»

Сунь У-кун подошел к царице и, осведомившись о ее здоровье, молвил:

— Прошу принять меня!

— Какой нахал и мужлан! — воскликнула оскорбленная царица. — Совсем невоспитанный! Помнится, когда я жила у себя в Пурпурном царстве и вместе с царем наслаждалась славой и роскошью, все великие мужи государства и главные помощники царя при встрече со мной не осмеливались даже глаз поднять и припадали к земле, а этот грубый дикарь не успел войти сюда, как позволил себе дерзость сказать: «Прошу принять меня!» Кто разрешил ему так разговаривать со мной? Откуда взялся этакий негодяй?!

Прислуживающие царице служанки и прислужницы, мамушки и нянюшки подошли к ней и стали объяснять:

— Сударыня, не гневайся! Это посланец нашего великого князя. Он в чине сяосяо и зовут его Юлай Юцюй. Сегодня утром наш князь посылал его в Пурпурное царство с грамотой о войне. Вот он самый и есть!

Узнав об этом, царица сдержала свой гнев и стала расспрашивать мнимого гонца:

— Так это ты доставил грамоту о войне? Значит, ты был в Пурпурном царстве?

— Я отправился с грамотой прямо в столицу этого царства, во дворец, и был в парадном зале Золотых колокольчиков, видел тамошнего правителя и получил от него ответ.

— Ты собственными глазами видел государя? — взволнованно переспросила царица. — Каков же был его ответ?

— Я только что доложил нашему великому князю, что было сказано в ответ на объявление войны и как правитель Пурпурного царства готовит войско к походу. Я пришел к тебе только за тем, чтобы рассказать, как правитель Пурпурного царства все думает о тебе, и велел передать мне одно задушевное слово... Но здесь не место сказать его, так как много посторонних окружает тебя.

Услышав эти слова, царица тотчас же велела оборотням удалиться. Сунь У-кун плотно запер двери, провел рукой по лицу и сразу же принял свой настоящий облик.

— Не бойся меня! — сказал он, подходя к царице.— Я монах из восточных земель великого Танского государства и иду

на Запад, в страну Индию, где находится храм Раскатов грома, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Мой наставник — младший брат Танского императора по прозвищу Тан Сюань-цзан. Я его старший ученик, и зовут меня Сунь У-кун. Проходя через твою страну, мы должны были предъявить подорожную и получить пропуск. Мне довелось увидеть воззвание к врачевателям, которое вывесили сановники, и я решил проявить свое уменье и вылечил твоего царя от тоски по тебе. Он устроил пир, чтобы отблагодарить меня. Когда мы пили вино, он рассказал о том, как тебя похитил злой дьявол. А так как я умею не только исцелять, но побеждать драконов и покорять тигров, царь обратился ко мне с просьбой схватить повелителя демонов, спасти тебя от него и привезти на родину. Я нанес поражение здешнему головному дозорному, а потом убил и гонца-бесенка. Когда, находясь еще за воротами, я увидел здешнего царя дьяволов, злого и взбешенного, я решил превратиться в бесенка, по имени Юлай Юцюй, и проникнуть к тебе, не щадя своей жизни, чтобы передать тебе весть о твоем царе!

Царица выслушала его, глубоко вздохнула, но не проронила ни слова.

Сунь У-кун же тем временем достал драгоценные четки и, поднеся их обеими руками, произнес:

— Если не веришь мне, то посмотри на эти вещицы и скажи, откуда они?

Царица взглянула на четки и сразу же залилась слезами. Сойдя со своего трона, она начала низко кланяться и благодарить Сунь У-куна.

— О почтенный монах! Если ты в самом деле спасешь меня и я смогу вернуться домой, то до глубокой старости, уже беззубая, все буду помнить о твоем великом благодеянии.

— Ты мне лучше вот что скажи,—перебил ее Сунь У-кун,— что это за драгоценный талисман у здешнего князя дьяволов, с помощью которого он напускает огонь, дым и песок!

— Какой там драгоценный! — насмешливо ответила царица.— Просто-напросто три бубенца. Тряхнет одним, сразу же взовьется столб пламени вышиною в триста чжан, который начнет людей палить; брякнет вторым — повалит смрадный дым облаком в триста чжан и начнет людей душить, а как звякнет третьим бубенцом — столб желтого песку взлетит на высоту трехсот чжан и начнет людей слепить. Дым и огонь не так опасны, как этот песок. До чего же он ядовит! Если в нос кому попадет, тот в живых не останется.

— Вот здорово! — промолвил Сунь У-кун.— Я уже испытал это на себе: пришлось раза два чихнуть. Ну, а где он хранит свои бубенцы?

— Разве совершит он такую оплошность, чтобы расстаться

с ними? Они у него всегда за поясом. Он с ними и ходит, и стоит, и сидит, и ложится!

— Царица! — торжественно произнес Сунь У-кун.— Если ты действительно хочешь жить в Пурпурном царстве и вернуться к своему повелителю, временно отгони от себя всю свою скорбь и печаль, постарайся придать своему лицу радостное выражение, поговори с этим дьяволом по душам, как жена с мужем, и заставь его отдать тебе бубенцы на хранение. Как только представится случай, я украду их, затем расправлюсь с самим оборотнем и тогда смогу отвезти тебя к твоему царю. Вы вновь станете жить вместе в мире и согласии, как пара фениксов, и будете до конца дней своих наслаждаться счастьем и благополучием.

Царица сразу же изъявила согласие поступить так, как сказал Сунь У-кун.

После этого он вновь превратился в бесенка-гонца, открыл двери и позвал всех приближенных мамушек и нянюшек.

— Эй ты, Юлай Юцюй,— властным голосом подозвала к себе Сунь У-куна обрадованная царица.— Ступай живей к твоему господину и пригласи его ко мне: я хочу с ним поговорить.

Ну и Сунь У-кун! Он согласился и тотчас прибыл к живодерне, где находился великий князь.

— О великий князь! — почтительно молвил он.— Царица приглашает тебя к себе!

Дьявол пришел в восторг.

— Как же так? — не веря своим ушам, радостно воскликнул он.— Царица до сих пор лишь ругала меня! Как же это она сегодня соизволила пригласить меня к себе?!

— Когда царица стала меня расспрашивать о Пурпурном царстве,— бойко отвечал Сунь У-кун,— я сказал ей так: царь забыл тебя и нашел себе царицу в другом государстве. Царица услышала об этом, перестала думать о нем, и вот только что приказала мне передать тебе приглашение!

Повелитель демонов уже в полном восторге сказал:

— Ты, я вижу, молодец! Вот погоди, разделаюсь с этим царством и пожалую тебе звание великого советника царского двора!

Сунь У-кун поблагодарил за милость и поспешил вместе с царем дьяволов к воротам дворца, в котором жила царица. Царица, сияя от удовольствия, встретила царя дьяволов и, взяв под руку, хотела провести во внутренние покои. Но тот, пятясь назад, стал говорить заплетающимся языком:

— Повелительница моя, не смею! Никак не осмелюсь быть удостоенным твоей любви. Боюсь, что рукам опять будет больно, а потому не дерзаю приблизиться к тебе.

— О великий князь! — молвила царица.— Прошу тебя, сядь! Мне надо поговорить с тобой!

— Говори все, что хочешь,— отвечал царь дьяволов,—пусть ничто не помешает тебе!

Тогда царица повела свою речь так:

— Я удостоилась твоей любви, которую стыжусь принять вот уже три года. За это время мы с тобой еще ни разу не спали на одной подушке и не покрывались одним одеялом. Но, видно, еще в прошлом нашем перерождении было нам суждено жить вместе — стать мужем и женой. Не знаю почему, великий князь, ты сторонишься меня и не хочешь выполнить свой супружеский долг. Вспомнилось мне, что, когда я была царицей в Пурпурном царстве, все драгоценности, которые подносили в дань вассальные княжества, царь передавал мне на хранение, предварительно проверив их. А здесь у тебя нет никаких драгоценностей. Окружающие тебя приближенные одеты в шкуры животных и едят сырое мясо. Ни разу я не видела здесь ни шелка, ни парчи, ни золота, ни жемчуга! Одни только меха да кожи. Может быть, у тебя есть драгоценности, но ты не хочешь показывать их мне, и тем более давать их мне на хранение, так как все время сторонишься меня. Я слышала, что у тебя есть три бубенца. Думаю, что они-то и являются твоей главной драгоценностью, иначе ты не держал бы их постоянно при себе. Разве не можешь ты дать их мне на хранение, а когда понадобятся — взять их у меня? Ведь так принято у супругов, и в этом выражаются их любовь и доверие друг к другу. Ты же не доверяешь мне, значит, чуждаешься меня.

Царь дьяволов громко рассмеялся, виновато поклонился царице и ответил:

— Повелительница! Ты справедливо сетуешь на меня! Вполне справедливо! Драгоценность находится при мне, и я сейчас же передам ее тебе на хранение.

С этими словами он расстегнул одежду и достал свой талисман. Сунь У-кун находился рядом и, не сводя глаз, смотрел, как дьявол расстегивал одну за другой свои одежды. Три бубенца были привязаны к нательному поясу. Дьявол отвязал их, заткнул ваткой отверстия, сделал узелок из кусочка шкуры барса, положил в него бубенцы и передал царице с такими словами:

— Эта вещица хоть и невзрачна, но хранить ее надо бережно и осторожно! Ни в коем случае нельзя трясти!

— Понимаю,— сказала царица в ответ, принимая узелок.— Я положу узелок сюда, на столик для прихорашиваний, и никто не будет трясти его. Эй! Слуги! — крикнула она.— Подайте вина! Сегодня мы будем пировать с великим князем по случаю радостного свидания и выпьем несколько чарок!

Толпа служанок и прислужниц бросилась расставлять посуду, плоды и закуски. Подали жаркое из серны, свинины, оленя и зайца, принесли кокосовое вино и разлили в чарки. Царица с обворожительным видом принялась угощать дьявола.

Сунь У-кун, стоявший в стороне, сделал вид, что чем-то очень занят, а сам тем временем крадучись приблизился к столику, тихонько взял узелок с тремя бубенцами и, медленно переступая ногами, выскользнул за двери. Он вышел из дворца и подошел к живодерне, где в это время никого не было. Там он развернул узелок и стал рассматривать бубенцы. В середине оказался один величиною с чайную чашку, а по бокам два других поменьше. Не подозревая об ужасных последствиях, Сунь У-кун стал вытаскивать вату из бубенцов, и вдруг все три разом звякнули. Тотчас же с шумом и грохотом из них вырвались огонь, дым и желтый песок. Сунь У-кун не знал, как остановить действие бубенцов. Все вокруг было охвачено пламенем. Бесы, сторожившие входные ворота, перепугались и бросились к заднему дворцу, где в это время находился их повелитель.

Царь дьяволов встревожился и стал поспешно отдавать приказания:

— Гасите огонь! Гасите скорее!

Когда дьявол выбежал посмотреть, что случилось, то сразу понял, что бесенок-гонец Юлай Юцюй утащил бубенцы. Дьявол подбежал к нему и заорал:

— Ах ты, презренный раб! Как посмел ты украсть мои драгоценные бубенцы да еще забавляться ими!

Вне себя от злости он приказал слугам:

— Взять его немедленно!

Стоявшие у ворот оборотни-воеводы, тигры, медведи, барсы, леопарды, тапиры, волки, горные бараны, зайцы, змеи, удавы, гориллы — разом кинулись на Сунь У-куна.

Заторопившись, Сунь У-кун выронил золотые бубенцы и принял свой настоящий облик. Выхватив посох с золотыми обручами, послушный его велениям, он стал прокладывать себе путь к бегству, нанося удары куда попало. Тем временем царь дьяволов подобрал свои бубенцы и дал распоряжение: «Закрыть передние ворота!»

Одни бесы бросились закрывать ворота, а другие продолжали побоище с Сунь У-куном.

Великий Мудрец никак не мог вырваться из круга; он убрал посох, встряхнулся, превратился в муху, и, полетев к каменной стене, где не было огня, приютился на ней. Бесы искали его, но не могли найти и доложили своему царю:

— О великий князь! Разбойник скрылся!

Тогда дьявол обратился к привратникам:

— Пробегал ли кто-нибудь через ворота?

— Ворота плотно заперты на засов и на замок,— ответили они,— никто не мог проникнуть через них.

— Тщательнее ищите! — то и дело приказывал царь дьяволов.

Одни бесы заливали огонь водою, другие рыскали в поисках Сунь У-куна, но нигде не могли напасть даже на его след.

— Ну и разбойник! — вне себя от гнева кричал царь дьяволов.— До чего же он отчаянный?! Превратился в моего гонца по имени Юлай Юцюй, явился сюда ко мне и передал ответ, а затем, сопровождая меня, воспользовался случаем и похитил драгоценный талисман! Хорошо, что он не успел вынести его. Если бы он унес его на вершину горы, а в это время подул бы ветер, что тогда было бы?!

Тут выступил вперед полководец-тигр и сказал:

— О великий князь! Счастье твое велико, как небо! Видно, и нашей жизни срок еще не вышел, вот почему мы все же вовремя спохватились.

За ним выступил предводитель-медведь:

— Великий князь! — пробурчал он.— Этот разбойник не кто иной, как тот самый Сунь У-кун, который нанес поражение нашему головному дозорному. Полагаю, что он по дороге встретился с гонцом Юлай Юцюем, погубил его, взял его желтый флажок, гонг, табличку, принял его облик, прибыл сюда и здесь обманул тебя, великий князь!

— Совершенно верно! Должно быть, все так и произошло! — согласился с ним царь дьяволов.— Твое предположение вполне справедливо.

Обратившись к слугам, царь дьяволов приказал:

— Тщательнее обыщите все возможные укрытия и убежища. Ворот ни в коем случае не открывайте, чтобы не упустить его!

Вот уж поистине:

Он позабавиться хотел,
А сам попался не на шутку;
Хотя и ловок был в веденье дел,
Все вышло вопреки рассудку.

Если вы хотите узнать о том, как Сунь У-куну удалось вырваться из пещеры дьявола, обратитесь к следующей главе.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ,

которая расскажет вам о том, как Сунь У-кун способом волшебных превращений покорил оборотня — диковинное животное Хоу, и о том, как бодисатва Гуаньинь появилась в своем образе и усмирила царя дьяволов*

Имеет оболочку вещь любая,
И в форму четкую облечена.
Но только кажется нам видимой она;
Таков закон, так исстари ведется.
Лишь пустотою форма создается,
И, если истина сия тебе ясна,
И если для тебя является бесспорным
Учение о пустоте и форме,
То смерть тебе уж больше не страшна,
И плавка киновари не нужна*.
Коль добродетель хочешь ты познать,
Отбрось своей природы нерадивость;
Тот, кто способен праведником стать,
Немало будет мучиться, страдать,
Но небеса свою к нему проявят милость.
Покинув мир тщеты, бед и страстей безумных,
В селеньях горных он себе приют найдет
И, сохранив свой облик вечно юный,
Бессмертие благое обретет.

Наше повествование мы прервали на том, как злой дьявол Сай Тайсуй велел закрыть наглухо все ходы и выходы и разыскать Сунь У-куна. Шум и крики не стихали до самых сумерек, но найти Сунь У-куна так и не удалось. Царь дьяволов, восседая в своей живодерне, устроил перекличку всем бесам, велел усилить ночную стражу у ворот, звонить в колокольцы, трубить в рога, бить в барабаны и стучать в колотушки, держать луки в боевой готовности, обнажить мечи и сабли и бодрствовать всю

ночь. Между тем вы уже знаете, что Великий Мудрец Сунь У-кун превратился в муху и неподвижно сидел на стене. Убедившись в том, что охрана передних ворот усилена, он расправил крылышки и полетел в задний дворец, где и устроился на дверях. Он увидел Золотую царицу, которая, склонив голову на столик, заливалась горькими слезами и тихонько всхлипывала. Сунь У-кун влетел в помещение, уселся на ее всклокоченную прическу и стал прислушиваться, чтобы узнать, о чем она плачет. Вскоре он услышал, как царица запричитала:

О мой владыка и повелитель!

Мы божество, как видно, прогневили,
Когда пред ним куренья возжигали:
Быть может, невниманье проявили,
Курительные палочки сломали...
За это нас невзгоды посетили,
Каких мы прежде никогда не знали...
В страданьях наших злой повинен дьявол:
Двух фениксов расстаться он заставил!
Уже три года мы с тобой в разлуке,
Уже три года длятся наши муки,
Весть о тебе принес мне праведный монах.
Он нас с тобой соединить пытался,
Но сам в беду великую попался,
И все надежды превратились в прах,
И душу бедную мою терзает страх.
Загадка бубенцов, увы, сложна!
Как было тайну разгадать такую?
И, новою невзгодой сражена,
Вновь пуще прежнего я по тебе тоскую!

Сунь У-кун, который слышал каждое слово, перелетел на краешек ее уха и тоненьким голоском запищал:

— Царица! Не бойся! Это я, все тот же монах Сунь У-кун, посланный к тебе из твоего царства. Со мною ничего не случилось. Все произошло лишь из-за того, что я горяч и нетерпелив. Я украл с твоего стола золотые бубенцы и, пока ты пила вино с царем дьяволов, улизнул. Очутившись у живодерни, я, сгорая от нетерпения, развязал узелок и стал смотреть на бубенцы, затем нечаянно вытащил из них вату, а они как брякнут! Тут же в воздух поднялся столб пламени, дыма и песка. Я растерялся, выронил бубенцы, принял свой первоначальный облик, выхватил посох, но, как ни бился, не смог вырваться. Опасаясь жестокой расправы, я превратился в муху и уселся у ворот, где и просидел до этой поры. Тем временем царь дьяволов усилил строгости и запретил открывать ворота... Ты бы еще раз позвала его, пусть придет к тебе ночевать, как полагается супругам, а я тем временем вырвусь отсюда и придумаю другой способ спасти тебя!

Царица при этих словах вся задрожала, волосы у ней стали дыбом, словно их подняли духи. Ее охватил ужас, сердце бешено заколотилось, слезы полились ручьями.

— Скажи правду: ты живой или дух? — спросила она Сунь У-куна.

— Я не живой и не дух,— отвечал Сунь У-кун.— Я превратился в муху; ты не бойся и зови скорее к себе дьявола.

Царица не поверила и продолжала горько плакать.

— Не напускай на меня свои чары,— еле слышным шепотом произнесла она.

— Разве я посмею? — с жаром произнес Сунь У-кун.— Если не веришь, протяни свою ручку, я слечу на нее, и ты разглядишь меня.

Царица так и сделала, а Сунь У-кун перелетел на ладонь, белую, как нефрит, и уселся на ней. Он выглядел, как:

В чашечке лотоса точечка черная,
На белом пионе пчелка проворная,
Из погремушки упавшее ядрышко,
На щечке ребенка родимое пятнышко.

Золотая царица подняла руку и позвала:

— Святой монах!

— Да, это я — преобразившийся монах! — тоненьким голоском прожужжала муха.

Теперь только царица поверила.

— Что же ты думаешь делать, когда я приглашу к себе царя дьяволов? — едва слышно спросила она.

—У древних людей были такие изречения,— отвечал Сунь У-кун: — «Только вино может решить судьбу всей жизни». И еще: «Чтобы раскрыть любую тайну, нет средства лучшего, чем вино». Ведь вином пользуются во многих случаях. Ты смотри только хорошенько напои его. Позови сюда одну из самых близких прислужниц. Я посмотрю на нее и смогу сразу же принять ее облик, чтобы прислуживать вам, тогда мне легче будет приступить к делу.

Царица послушалась Сунь У-куна.

— Где Чунь Цзяо? — крикнула она служанкам.

Из-за ширмы показалась миловидная девушка — оборотень лисички. Опустившись на колени, она спросила:

— Повелительница! Ты звала меня. Что угодно тебе?

— Ступай и вели зажечь шелковые фонари. Пусть воскурят камфару и мускус, а потом проведут меня в передний зал и пригласят великого князя. Я хочу провести с ним ночь.

Чунь Цзяо сразу же вышла и велела нескольким оборотням — лисичкам и оленям принести пару фонарей и две жаровни, которые были расставлены по обе стороны помещения. Царица потянулась и скрестила руки, а Великий Мудрец Сунь У-кун тем временем уже отлетел от нее. Он подлетел к служанке, вырвал у себя волосок, дунул на него и воскликнул: «Изменись!» Волосок превратился в мошку, и Сунь У-кун пустил ее на лицо девушки. А надо вам сказать, это была сонная мошка. Стоило

ей попасть на лицо, как она сейчас же заползала в ноздри, и человек засыпал. Так и случилось с Чунь Цзяо. Она почувствовала, что ее неудержимо клонит ко сну, и стала клевать носом, еле держась на ногах. Она добрела до своего спального места, повалилась на него и крепко заснула, слегка похрапывая. Сунь У-кун спрыгнул наземь, встряхнулся и сразу же превратился в девушку Чунь Цзяо. Выйдя из-за ширмы, он присоединился к другим служанкам, стоявшим в ряд, и тут мы пока оставим его.

Тем временем Золотая царица отправилась к царю дьяволов. Ее заметил бесенок, который стремглав помчался с докладом:

— Великий князь! Царица пожаловала!

Царь дьяволов тотчас же вышел из своей живодерни встретить царицу.

— О великий князь! — ласково произнесла Золотая царица.— Дым улегся, огонь погашен, а разбойник исчез бесследно. Когда спустится ночь, приходи ко мне отдохнуть и выспаться.

Дьявол преисполнился чувством радости и счастья.

— Дорогая моя! Будь осторожна! — захлебываясь от восторга, сказал он.— Я только что узнал, что этот разбойник оказался не кем иным, как Сунь У-куном. Он нанес поражение моему головному дозорному, убил моего гонца в чине сяосяо, изменив облик, проник сюда и обманул всех нас. Мы тщательно разыскиваем его, но он так спрятался, что и следов не видно,— вот почему на сердце у меня тревожно.

— Этот негодяй, должно быть, давно уже удрал,— сказала царица, стараясь успокоить дьявола.— Великий князь, не волнуйся и забудь о нем. Пойдем лучше в мои покои.

Дьявол никак не мог отказаться от любезного приглашения царицы. Приказав всем бесам осторожно обращаться с огнем и быть начеку в случае, если Сунь У-кун снова появится, он направился вместе с царицей в ее покои. Сунь У-кун под видом служанки Чунь Цзяо уже проник туда, смешавшись с двумя группами прислужниц.

— Подайте вина! — распорядилась царица.— Я хочу, чтобы великий князь отдохнул от всех забот.

— Правильно! Правильно! — рассмеялся царь дьяволов.— Скорей принесите вина, мы с владычицей царицей разопьем его, чтобы развеять тревогу.

Мнимая Чунь Цзяо вместе с другими стала накрывать на стол, подавать плоды, нарезать ровными ломтиками сырое мясо и расставлять стулья.

Царица высоко подняла свою чарку. Царь дьяволов последовал ее примеру, и они обменялись чарками. Сунь У-кун взял в руки кувшин с вином.

— Великий князь и царица-повелительница! — сказал он.— Сегодня ночью вы оба впервые обменялись чарками; прошу пить до дна во имя вашего супружеского счастья!

Он налил еще по чарке, и те опять выпили до дна.

— Великий князь и царица-повелительница! — снова обратился к ним Сунь У-кун.— По случаю вашего радостного свидания сюда пришли ваши служанки повеселить вас: одни умеют хорошо петь, другие — танцевать!

Сразу вслед за этими словами послышались звуки песни, полилась благозвучная мелодия, зазвенели чистые голоса. Пока одни служанки пели, другие пустились в пляс.

Царь дьяволов с Золотой царицей выпили уже немало вина, после чего царица велела прекратить песни и пляски. Прислужницы и служанки разделились на два ряда и ушли за ширмы; осталась одна только мнимая Чунь Цзяо с кувшином вина, которая не переставала наполнять чарки. Царица тем временем повела с царем дьяволов супружескую беседу. Вы бы видели, до чего она распалила своими томными речами и жестами царя дьяволов. Он дошел до такого состояния, что у него, как говорится, кости размякли и мускулы расслабли. Но не дано было ему счастья и не пришлось слиться с ней. Бедняга! Вот уж, как говорится в пословице: «Впустую кот радуется, грызя мочевой пузырь!»

Они еще немного поговорили, посмеялись, и царица спросила царя дьяволов:

— Скажи мне, великий князь, с твоим драгоценным талисманом ничего не случилось?

— А что могло с ним случиться? — удивился царь.— Этот драгоценный талисман был отлит еще в первобытное время! Разбойник лишь вытащил вату из бубенцов да меховой узелок спалил — только и всего.

— А как же его теперь хранить? — спросила царица.

— Это не твоя забота,— отвечал царь.— Я буду носить талисман у своего нательного пояса.

Тут мнимая Чунь Цзяо, услышав эти слова, незаметно выдрала у себя небольшой клок волос, положила его в рот, мелко разжевала и, приблизившись к царю дьяволов, дунула легонько раза три и едва слышно прошептала: «Изменитесь!» Разжеванные волосинки сразу же превратились в насекомых: вшей, блох и клопов, которые накинулись на царя дьяволов, забрались ему под одежды и стали кусать. Царь начал чесаться, полез рукой за пазуху и, скребясь то в одном, то в другом месте, поймал сразу несколько вшей и начал разглядывать их, поднеся к фонарю. Царица увидела вшей и похолодела от охватившего ее отвращения.

— Великий князь! Должно быть, они завелись у тебя в исподнем белье,— проговорила она,— наверное, давно его не стирали, потому и появилась эта гадость.

Царь дьяволов сильно смутился.

— У меня никогда в жизни не было ничего подобного,— сказал он,— и надо было случиться этому безобразию именно нынешней ночью!

— Какое же тут безобразие? — рассмеялась царица.— Есть пословица: «Даже у самого царя-императора живут на теле три императорских вши!» Ты пока сними с себя все одежды, а я выловлю насекомых.

Царь дьяволов стал раздеваться. Мнимая Чунь Цзяо все время держалась в стороне, внимательно следя за царем дьяволов, у которого во всех одеждах кишмя кишели насекомые, словно муравьи в муравейнике. Наконец были сняты последние одежды и обнажилось тело. На показавшихся бубенчиках насекомых, казалось, было еще больше, просто несметное количество.

— Великий князь! — сказал тут Сунь У-кун.— Дай мне твои бубенцы, я очищу их от насекомых.

Царю дьяволов было мучительно стыдно, и, кроме того, он очень растерялся. Ему даже в голову не пришло, что перед ним мнимая служанка. Он снял с себя все три бубенца и передал их Чунь Цзяо. Сунь У-кун взял их в руки, долго возился с ними, а заметив, что царь дьяволов усиленно вытряхивает свои одежды, быстро спрятал бубенцы, вырвал у себя еще клок волос и превратил его в три бубенца, точно такие, какие носил при себе царь дьяволов. Держа бубенцы перед фонарем, Сунь У-кун вертел их во все стороны. Затем поежился всем телом, встряхнулся, и насекомые разом исчезли, превратившись в волоски, которые Сунь У-кун водворил на место. После этого мнимая служанка передала поддельные бубенцы царю дьяволов. Он взял их в руку, но так и не разглядел, что они не настоящие. Поднеся их обеими руками царице, он молвил:

— Вот возьми и храни их, только смотри, чтобы не получилось, как в прошлый раз.

Царица приняла бубенцы, тихонько приоткрыла сундук с нарядами, спрятала поддельный талисман и заперла сундук на золотой замок.

Затем они оба выпили еще несколько чарок вина, после чего царица обратилась к служанке:

— Хорошенько вытряхни и прибери мою постель, разверни парчовое одеяло, сегодня я буду ночевать вместе с великим князем.

Царь дьяволов закряхтел и, наконец не выдержав, признался:

— Нет у меня счастья! Нет счастья! Я не смею принять твою ласку. Уж лучше пойду со служанкой в Западные покои и там лягу с ней спать. Прошу тебя, спи спокойно одна!

На том они и расстались, легли спать в разных местах, и мы пока оставим их.

Обратимся теперь к Сунь У-куну. Завладев волшебным талисманом, он спрятал его за пояс и принял свой настоящий облик. Встряхнувшись, он вернул на место клок волос, превращенный в усыпляющую мошку, а затем направился прямо к выходу. В это время ударили в колокольцы и в колотушки, так как уже наступило время третьей ночной стражи. Молодец Сунь У-кун! Он прищелкнул пальцами, прочел заклинание и, став невидимым, подошел прямо к воротам. Ворота были закрыты на засов и на них висели замки. Однако Сунь У-кун достал свой посох с золотыми обручами и, протянув его к воротам, применил способ открывания замков. Ворота тихонько отворились. Сунь У-кун быстрыми шагами вошел в ворота и остановился.

— Эй ты! Сай Тайсуй! — грозно крикнул Сунь У-кун.— Верни мне мою Золотую царицу.

Он крикнул несколько раз и переполошил всех бесов, больших и малых, которые бросились к воротам и с ужасом увидели, что ворота распахнуты настежь. Тотчас же принесли фонари и стали искать замки, а затем вновь наглухо закрыли ворота. Несколько бесов были отправлены во внутренние покои для доклада.

— О великий князь! — вскричали прибежавшие гонцы.— Кто-то за главными воротами громко кричит и требует, чтобы ты отдал Золотую царицу.

— Тише вы! Перестаньте шуметь! — произнесли вполголоса служанки, поспешно выскочившие из внутренних покоев.— Великий князь только что заснул.

Между тем Сунь У-кун снова принялся громко кричать, но бесенята не посмели больше тревожить своего повелителя. Так повторялось три или четыре раза. Великий Мудрец кричал и шумел у ворот до тех пор, пока совсем не рассвело. Наконец у него иссякло терпение, и, вращая свой посох, он стал колотить по воротам. От страха бесы пришли в полную растерянность. Одни бросились подпирать ворота, другие помчались докладывать царю дьяволов. Он только что проснулся и, услышав истошные крики и шум, вскочил, оделся и вылез из-под спального полога.

— Кто там кричит? Что происходит? — спросил он, обращаясь к служанкам.

Те опустились на колени.

— О повелитель! — молвила одна из них.— Какой-то человек у входа в пещеру почти всю ночь кричал и ругался, вызывая тебя. А сейчас он ломает ворота.

Царь дьяволов вышел из своих внутренних покоев и увидел нескольких бесенят, прибежавших с донесением. Они второпях кинулись в ноги царю и, отбивая земные поклоны, затараторили:

— Там снаружи кто-то кричит и ругается, требуя выдать ему царицу! Если же кто-нибудь из нас начинает ему перечить,

он разражается потоком скверных слов, нестерпимых для слуха. Так как ты, великий князь, до рассвета все не выходил, разбойник дошел до исступления и теперь начал ломиться в ворота!

— Пока не открывайте,— приказал царь дьяволов,— и спросите, откуда он появился, как его зовут по фамилии и по имени, и живо доложите мне.

Бесенята поспешно побежали к воротам и стали выспрашивать:

— Кто стучится в ворота?

— Я Вай-гун — дед повелителя Пурпурного царства*, явившийся сюда по его просьбе. Я прибыл за Золотой царицей, чтобы отвезти ее обратно в царство.

Бесенята выслушали Сунь У-куна и доложили о нем царю дьяволов, а царь дьяволов направился в задний дворец выяснять у царицы, кто бы это мог быть. Царица только что встала и не успела еще ни причесаться, ни умыться. Служанка, завидев приближавшегося царя дьяволов, явилась с докладом:

— Царь-повелитель пожаловал!

Царица быстро оправила на себе одежды, прибрала волосы и вышла навстречу царю дьяволов.

Они только уселись, и царь еще не успел начать свои расспросы, как вдруг снова прибежал бесенок с донесением:

— Прибывший, который назвал себя дедом правителя Пурпурного царства, уже разбил ворота!

Дьявол с улыбкой обратился к царице:

— Скажи мне, дорогая, сколько у вас при дворе полководцев и военачальников?

— Мне известно, что у нас числится сорок восемь пеших и конных полков, составляющих охрану дворца, и ими командуют тысячи доблестных полководцев; а сколько войск и полководцев на всех наших границах — даже сосчитать не могу!

— А есть ли среди полководцев кто-либо по фамилии Вай,— продолжал спрашивать царь дьяволов.

— Когда я жила у себя во дворце,— отвечала царица,— то знала только внутренние дворцовые дела и помогала в них государю, учила и наставляла придворных служительниц и служанок; где же мне знать внешние дела, которым нет края, да еще помнить имена и фамилии сановников?

— Этот пришелец назвался Вай-гуном. Насколько я помню, в книге «Ста фамилий» нет фамилии Вай. Ты от природы умна и талантлива, сама родом из знатного и почетного дома; живя у себя во дворце, наверное прочитала много книг. Не помнишь ли, в какой книге упоминается такая фамилия?

— Только в одной книге «Тысячесловник» есть фраза: «Вне дома воспринимал поучения учителей». Думается мне, что только это и может быть!

— Безусловно, конечно так! — обрадовался царь дьяволов. Он тут же поднялся с места и откланялся. Войдя в свою живодерню, он приоделся, подпоясался, проверил свое бесовское воинство, открыл ворота и вышел, держа в руках секиру с разноцветными узорами.

— Кто здесь гун Вай, прибывший из Пурпурного государства? — зычным голосом крикнул он.

Играя железным посохом, который держал в правой руке, Сунь У-кун левой показал на себя и воскликнул:

— Здравствуй внучек мой, просвещенный! Зачем ты зовешь меня?

— Ах ты, мерзавец! — воскликнул царь дьяволов, разглядев Сунь У-куна и едва сдерживаясь от гнева. И, желая оскорбить его, тут же сложил едкий стих:

Похож ты на мартышку телом,
А мордою — на павиана;
Видать, пройдоха ты умелый,
Живущий дерзостным обманом!

— Слепец — ухмыляясь, ответил Сунь У-кун.— Как ты смеешь, негодяй, так вести себя со старшими! Не знаешь, как величать меня. Вспомни, когда пятьсот лет назад я учинил великое буйство в небесных чертогах, со мной встретились небесные полководцы девяти небесных сфер, и среди них не было ни одного, кто не величал бы меня «достопочтенным», а ты позволяешь себе дерзость называть меня запросто Вай-гуном. Чем я обидел тебя, что ты так груб со мной?

— Говори живей, как тебя зовут по-настоящему,— прервал Сунь У-куна царь дьяволов.— Каким владеешь ты военным искусством, что посмел явиться сюда да еще буянить?

— Если бы ты не спросил, как меня зовут по фамилии и имени, то, может быть, все обошлось бы по-хорошему, но раз ты настаиваешь, чтобы я сказал, боюсь, что тебе не останется места на земле. Подойди поближе, держись покрепче и слушай меня:

Я — плод любви благого неба и земли,
В который жизнь вдохнули солнце и луна;
В холодном камне искру чувств они зажгли,
Их тщанием душа моя была пробуждена:
Я — сын природы, я — ее творенье,
Рожденный в пору вешнего цветенья!
Теперь я к Истине великой приобщен,
И мне во всем сопутствует удача...
Могучей силой с детства одарен,
Решал я небывалые задачи!
Я толпы оборотней собирал,
Меня своим вождем они признали,
И столько лютых бесов покорял,
Что все они передо мною трепетали.
Я поклонился мудрому владыке,
Творцу пилюль, дарующим бессмертье.

Сам властелин Нефритовый великий
Позвал меня в пределы вечной тверди.
Я, посетив небесную обитель,
Потомственную должность получил,
Мне дух звезды Тайбай [1] о том указ вручил;
Но бима чин, что мне дарован был,
И рассердил меня и разобидел.
Уединился я в пещере горной;
Поддавшийся гордыне, непокорный,
На бунт решившись, я войска свои собрал,
И полный зла и ненависти черной,
Я против императора восстал.
Князь Тота* с сыном попытались было
Мой дерзостный набег остановить,
С моим свое оружие скрестить,
Но сил у них на это не хватило.
К тому же князь, трусливый, как шакал,
Сраженья побоявшись, убежал.
Вторично дух звезды, что мне указ вручил,
Царю небесному доставил сообщенье
О мятеже моем и неповиновенье.
И снова царь меня на небеса призвал,
Но ожидало там меня не отомщенье,
А славная награда и прощенье.
Ни обойден я, ни обижен не был,
Коль званье получил «Мудрец, подобный небу».
Придворные меня с отличьем поздравляли,
Сулили мне свершенья и победы,
Опорой государя называли.
Однако новые мне предстояли беды:
Царицей Сиван-му обиженный случайно,
На празднество ее я в сад пробрался тайно,
И там разгром ужасный учинил:
Все, что сумел, украл, все, что хотел, разбил,
Все яства ел, из всех сосудов пил
И вел себя предерзко и беспечно.
И Сиван-му сама и Лао-цзюнь-мудрец
Правителя небесного просили,
Чтоб воины его ценой любых усилий
Меня бы обуздали наконец.
Узнав, что я презрел его законы,
Великий государь, безмерно возмущенный,
Навстречу мне свою направил рать,
Сто тысяч воинов вооруженных,
Чтобы меня за дерзость покарать.
То были духи многих звезд зловредных,
Дурных планет,— предвестники беды.
В доспехах золотых, серебряных и медных
Они сомкнули грозные ряды.
Со всех сторон опасностью грозили
Земли простор и синева небес:
Долины, горы и дремучий лес
Ловушки, сети, западни таили,
Но как ни билось доблестное войско
Оружием магического свойства,—
Все ж не за ним остался перевес.
Тут бодисатва Гуаньинь решила
С небес Эрлана вызвать для подмоги:

[1] Тайбай — китайское название планеты Венеры.

Она считала, что Эрлан всесилен,
Он быстро уберет врага с дороги.
Но на защиту чести встал я рьяно,
И дал отпор свирепому Эрлану.
Мы с ним сразились, силы не щадя.
Достойного соперника найдя,
Со мной соревновался он в уменье
Владеть искусством перевоплощенья
И хитрость применять, кровавый бой ведя.
С горы Мэйшань пришла его родня:
Как на подбор — все доблестные воины —
Пришли ему помочь в жестокой бойне,
Чтобы совместно одолеть меня.
Но, сколько ни старались, ни ярились,—
Все толку никакого не добились.
Тогда, раздвинув стену темных туч,
Скрывавших вход в небесные владенья,
Три мудреца, чтоб мне воздать отмщенье,
Вмешались в бой, спустившись с горних круч:
Но все ж и тут не потерпел я пораженья,
Неуязвим, как прежде, и могуч.
Лишь Лао-цзюню справиться со мною,
Как никому другому, удалось:
Свой обруч он метнул умелою рукою;
Кольцо волшебное змеей стальною
Вокруг меня тотчас же обвилось.
Мне в этот миг впервые привелось
Лежать поверженным на поле боя.
Тут духи на меня накинулись толпою
И потащили к царскому крыльцу.
Немедля надо мной произвели дознанье,
Не слушая моих признаний, оправданий...
Я был приговорен к позорному концу,—
Хотели сделать смерть мою бесславной!
Но четвертован или обезглавлен
Я быть не мог — мне это не к лицу.
Так, обладая даром жизни вечной,
Я встретил казнь без слабости сердечной.
И резали меня, и топором рубили,
И жгли огнем, и молнией разили,
И стопудовым молотом дробили—
Но это все мне было нипочем.
Того, кто наделен бессмертной силой,
Не загубить ни ядом, ни мечом.
По-прежнему живой и сильный, как всегда,
Я был препровожден к чертогам Тушита
И там в огромный тигель заключен.
Немало дров под тиглем тем спалили,
Но не расплавили меня— лишь крепче закалили!
Ничем не огорчен, ничем не удручен.
Срок плавки выдержав, я выскочил из печи,
И цел и невредим, огнем не изувечен!
Перевернулся и расправил плечи,
И, эту палицу железную схватив,
Я размахнулся ею и ударил,
Сил не щадя, по трону государя,
Всех духов испугав и поразив.
Тут началось ужасное смятенье
Покуда по престолу в исступленье
Я посохом тяжелым колотил,

Рассеялись правители светил,
От гнева моего ища себе спасенья.
То видя, разошелся я вконец,
Едва не разорив Нефритовый дворец.
Вельможи важные пришли к благому Будде,
Чтоб тот привел меня к повиновенью.
Сказав, что я — невиданный храбрец,
Он, не в пример жестокосердным судьям,
Моим рассказам внял со снисхожденьем,
А я без передышки, тут же, сразу,
Вновь принялся за прежние проказы.
Взобравшись на ладонь златую божества,
Я колесом прошелся раза два,
Подпрыгнул, вытянулся, перекувырнулся,
Всю землю облетел и вновь к нему вернулся,
Свой замысел осуществив в одно мгновенье,
Что снова всех повергло в изумленье.
Всевышний знал, как поступить со мною,
Чтоб от проказ моих избавить белый свет:
Он придавил меня небесною скалою,
Под коей я провел немало долгих лет.
Их минуло пятьсот, когда меня от гнета
Всесильной Гуаньинь избавила забота.
Я был приставлен к Танскому монаху,
Его в пути на Запад охранять
От тех забот, опасностей и страхов,
Что перед ним в пути должны предстать.
Такое дело оказалось мне под стать —
Не то что под скалою прозябать!
И вот, наставника сопровождая,
Со злыми силами я беспрестанно бьюсь,
Всех оборотней в схватках побеждаю,
Всех дьяволов и бесов истребляю,
И нет средь них того, кого я убоюсь!

Когда царь дьяволов услышал, что перед ним сам Сунь У-кун, он обратился к нему с такими словами.

— Значит, ты и есть тот самый негодяй, который учинил великое буйство в небесных чертогах?! Раз ты избавился от тяжкой кары и приставлен охранять Танского монаха в его пути на Запад, ступай себе с ним, куда тебе надо. Чего ради ты суешься в чужие дела да еще выслуживаешься, как жалкий раб, перед царем Пурпурного царства? Смерти своей ищешь здесь, что ли?

— Мерзкий дьявол! — прикрикнул на оборотня Сунь У-кун.— Только по своей глупости ты можешь так говорить. Меня с большим почетом просил государь Пурпурного царства помочь ему, отнесся ко мне, как к своему благодетелю; я, старый Сунь У-кун, стою выше этого царя во сто тысяч крат, и он чтит меня, как отца родного, и служит мне, как святым духам. А ты, мерзавец, смеешь обзывать меня рабом?! Вот я сейчас покажу тебе, наглец и обманщик! Стой, ни с места! Попробуй посох твоего дедушки!

Дьявол опешил при виде разгневанного Сунь У-куна и едва успел увернуться от смертельного удара. Оправившись, он

бросился на противника со своей разукрашенной секирой. Тут между ними разыгрался славный бой. Вот послушайте:

Посох с ободками золотыми,—
Замыслам хозяина покорный,
Встретился с секирою узорной,
С той, что ветра резкого острее.
Кто ж из славных воинов сильнее?
Иль они друг друга стоят оба?
Первый бьется, скрежеща зубами,
Лютую выказывая злобу,
А второй свирепо стиснул зубы
И сверкает грозными очами,
Вид являя яростный и грубый.
Первый на землю с небес спустился,
В мудрости великой равный небу,
А второй — царь дьяволов свирепый,
Оборотень, что из тьмы кромешной
В мир земной явился, многогрешный.
Их дыхание, клубясь, как тучи,
Из груди со свистом вылетает,
Взрытый их ступнями прах сыпучий
Небо пеленою закрывает,
Камни под ударами их ног
В мелкий превращаются песок.
То сходясь, то снова расходясь,
Все вокруг себя круша и руша,
Сталкивались воины не раз,
И не раз сшибалось их оружье,
Золотой насечкою блистая,
Искры золотые рассыпая...
Враг врагу ни в чем не уступает,
Ни на пядь никто не отступает.
Первый из противников стремится
Возвратить царю его царицу,
А второй о том лишь помышляет,
Чтобы с ней любовью насладиться...
Повод боя не такой уж важный!
Стоит ли с подобной страстью биться
За царя иль за его царицу?
Но бойцы сражаются отважно,
Сердце страхом смерти не томится,
И не первый час та битва длится!

Убедившись в том, что Сунь У-кун очень силен и искусен в бою, царь дьяволов понял, что ему не удастся победить его. Он отразил своей секирой посох врага и воскликнул:

— Сунь У-кун! Обожди! Я с утра ничего не ел. Погоди, пока я подкреплюсь немного. Я быстро вернусь, и мы продолжим бой. Посмотрим тогда, чья возьмет!

Сунь У-кун сразу же смекнул, что царь дьяволов хочет пойти за своими волшебными бубенцами. Он убрал посох и сказал:

— Хороший охотник не гонится за заморенным зайцем! Ступай, наедайся до отвала, придешь — легче будет помирать!

Царь дьяволов стремительно повернулся, влетел в пещеру и прибежал к царице:

— Скорей достань мне талисман! — запыхавшись, сказал он.

— А зачем он тебе понадобился? — спросила царица.

— Меня утром вызвал на бой последователь и ученик монаха, который направляется на Запад за священными книгами. Его зовут Сунь У-кун. Он же назвался вымышленным именем Вай-гун. Я сражался с ним до сего времени, но исход боя все еще не определился. Вот сейчас я с помощью волшебного талисмана напущу на эту обезьянью морду дым и огонь и спалю его!

У царицы при этих словах сжалось сердце. Ей вовсе не хотелось доставать бубенцы, но она опасалась, что вызовет подозрения царя дьяволов; достать же бубенцы она тоже боялась, так как не хотела погубить Сунь У-куна. Заметив, что она медлит, царь дьяволов стал торопить ее.

—Скорей давай сюда! — крикнул он.

Царице ничего не оставалось, как открыть сундук, достать все три бубенца и вручить их царю дьяволов. Тот взял их и стремительно вышел из пещеры.

Царица же осталась в своих покоях, и слезы потоками хлынули из ее глаз, ибо она считала, что теперь уже нет никакой возможности спасти Сунь У-куна. Ведь ни она, ни царь дьяволов понятия не имели о том, что бубенцы поддельные.

Итак, выйдя из ворот, царь дьяволов, уверенный в победе, стал звать:

— Эй, Сунь У-кун! Не убегай! Погляди, как я сейчас тряхну бубенцами!

Сунь У-кун рассмеялся:

— Думаешь, только у тебя есть бубенцы? Ты тряхнешь, а мне нечем тряхнуть, что ли?

— Какие же у тебя бубенцы? Ну-ка, покажи! — заинтересовался царь дьяволов.

Сунь У-кун превратил свой посох в вышивальную иглу, заложил ее за ухо, а затем вытащил из-за пояса три настоящих бубенца.

— Гляди! — сказал он, показывая их царю дьяволов.— Вот они, мои золотые бубенчики!

Увидев бубенцы, царь дьяволов не на шутку струхнул: «Вот чудеса! — подумал он про себя, — как же так? Его бубенцы точь-в-точь такие же как мои. Допустим даже, что они были отлиты в одной и той же форме, но разве возможно, чтобы они ни царапинкой, ни трещинкой, ну ничем решительно не отличались друг от друга?!»

Обратившись к Сунь У-куну, он спросил его:

— Откуда у тебя эти бубенцы?

— Внучек ты мой умненький! — насмешливо ответил Сунь У-кун.— Лучше ты скажи, где взял свои бубенчики?

Царь дьяволов стерпел насмешку и так же отвечал Сунь У-куну:

— Мои бубенцы

...вышли из тигля волшебного, в коем золото плавил
Сам Лао-цзюнь, пути совершенства постигший
И посему обитавший в чертогах небесных.
Золото это, застыв, в бубенцы превратилось,
Полные свойств небывалых и силы чудесной.
Праведный муж мне бубенчики эти оставил,
Я же храню их с тех пор как небес величайшую милость.

— Ну что ж? И мои бубенцы тоже были отлиты тогда,— смеясь, сказал Сунь У-кун.

— Как же это получилось? — удивился царь дьяволов.

— Вот послушай! — сказал Сунь У-кун.— Мои бубенцы

...вышли из тигля волшебного, где киноварь пережигал
Сам основатель учения Дао, в чертогах Тушита живущий.
Дивные свойства бубенчикам этим присущи:
Их оказалось два на три, когда их творец сосчитал
Так и выходит: мои шесть бубенчиков с курами схожи,
Ну, а твои — с петухами: хоть то, да не то же!

— Что ты говоришь? — удивился царь дьяволов.— Ведь бубенцы — это талисман, полученный из разных веществ, употребляемых при изготовлении пилюль бессмертия. Как это может быть, чтобы одни были петухами, а другие курами? Ведь они не относятся ни к пернатым, ни к четвероногим тварям?!

— Словам веры нет! — сказал Сунь У-кун.— Проверим на деле! Ну-ка, ты первый тряхни своими бубенцами.

Царь дьяволов послушался и тряхнул три раза первым бубенцом, но огонь не показался, тогда он тряхнул три раза вторым бубенцом — дым не повалил; тряхнул третьим — опять ничего не вышло. У царя дьяволов задрожали руки и ноги. «Странно, очень странно! — оробев подумал он.— Видимо, эти бубенцы ведут себя как муж, боящийся своей жены: увидел петушок курочку и боится показать свою удаль!»

— Убери свои бубенцы, внучек!— скомандовал Сунь У-кун.— Погляди лучше, как я тряхну своими!

Ну и мартышка! Ловкач! Он сразу тряхнул всеми тремя бубенцами. Вы бы видели, читатель, с каким шумом и грохотом вырвались из бубенцов красное пламя, черный дым и желтый песок! Вокруг все загорелось: и деревья и трава. Мало того, Великий Мудрец прочел еще какое-то заклинание и, обернувшись лицом к северо-востоку, воскликнул:

— Ветер! Лети сюда! — И сразу же подул ветер, раздувая пламя. Вскоре огонь, усиливаемый ветром, охватил весь небосклон. Кругом все озарилось багряным заревом, густые облака черного дыма поднялись к небу, и свет солнца померк. Вся земля покрылась желтым песком!

У царя дьяволов от страха душа ушла в пятки. Окруженный пламенем, он не знал, куда бежать, чтобы спасти свою жизнь. Вдруг с неба послышался гневный окрик:

— Сунь У-кун! Я пришла.

Сунь У-кун быстро поднял голову и увидел бодисатву Гуаньинь. В левой руке у нее была драгоценная ваза, а в правой — ивовая ветка. Она смачивала водою прутья и брызгала на пламя. Испуганный Сунь У-кун поспешно запрятал бубенцы за пояс,опустился на колени и, сложив руки ладонями вместе, стал отбивать поклоны.

Тем временем бодисатва, побрызгав благодатной водою несколько раз, сразу же загасила огонь; дым улегся, а песок бесследно исчез.

— О бодисатва! — восклицал Сунь У-кун, отбивая поклоны,— не знал я, что ты проявишь великую милость и явишься сюда, на землю... Прости, что вовремя не заметил тебя, чтобы достойно встретить. Осмелюсь спросить, куда путь держишь?

— Я прибыла сюда,— отвечала Гуаньинь,— лишь за тем, чтобы привести в покорность злого оборотня.

— Что это за оборотень, откуда он, и почему ты соизволила сама явиться покорить его? — спросил Сунь У-кун.

— Это золотистый хоу, на котором я езжу,— отвечала Гуаньинь.— Пастух, который его пас, заснул. Оставшись без надзора, эта скотина перегрызла железную цепь и удрала, но все же она спасла от беды царя Пурпурного царства.

Тут Сунь-кун даже подскочил:

— Да что ты, бодисатва! Совсем не так. Это животное обидело царя Пурпурного царства и похитило царицу! Оно развращает нравы и подрывает устои добродетели. Оно причинило большой вред царю Пурпурного царства. Как же ты говоришь, что оно спасло царя от беды?..

— Ничего ты не знаешь! — сказала бодисатва.— Еще в те времена, когда был жив прежний царь Пурпурного царства, нынешний правитель как наследник пребывал в Восточном дворце. В молодые годы он очень увлекался стрельбой и охотой. Как-то раз он ехал на охоту с большой свитой, спустил соколов и борзых собак и прибыл к склону горы, которая называется Приют фениксов. Там, как на грех, отдыхали два молодых павлина — дети, рожденные бодисатвой великого царя Павлинов, который является женским превращением Будды. Наследник подстрелил самца, а самка улетела со стрелой на Запад. Их мать, бодисатва, долго сокрушалась, а потом решила наказать наследника и разлучить его на три года с его любимой царицей. В ту пору я как раз проезжала верхом на этом хоу и собственными ушами слышала это повеление бодисатвы. Но я никак не ожидала, что эта скотина тоже обратит внимание на повеление бодисатвы. Она похитила царицу и избавила царя от беды. С тех пор прошло три года, и срок наказания кончился.

В это время появился здесь ты и исцелил царя. А сейчас я явилась за своим оборотнем.

— Бодисатва! — проговорил Сунь У-кун.— Может быть, все это правда, но ведь эта скотина оскорбила царицу, подорвала устои морали, нарушила законы и обычаи. За все эти преступления ее следовало бы предать смертной казни. Но своим появлением ты спасла оборотня от смерти. Однако оставить его совсем без наказания нельзя. Дозволь мне всыпать ему хотя бы двадцать палок, перед тем, как ты уведешь его с собой.

— Сунь У-кун!— остановила его бодисатва.— Ты видишь, что я сама сошла на землю, так уж из уважения ко мне прости его. Покорение оборотня все равно зачтется тебе как заслуга. Если же ты только притронешься к нему своим посохом, то сразу же умертвишь его.

Сунь У-кун не посмел перечить бодисатве и, совершив низкий поклон, произнес:

— О бодисатва! Раз уж ты забираешь эту скотину обратно в свою обитель, сделай милость, не допусти, чтоб она снова появилась среди людей и причинила им вред!

Тут бодисатва строго прикрикнула на оборотня:

— Негодная скотина! Ты что это не принимаешь свой первоначальный облик? Чего ждешь?

Оборотень повалился на землю, покатался в пыли, сразу же принял свой первоначальный облик и отряхнулся, а бодисатва села на него верхом. Взглянув на шею животного, она заметила, что нет трех золотых бубенцов.

— Сунь У-кун! Отдай бубенцы! — строго приказала она.

— Какие бубенцы? Я не знаю, о чем ты говоришь,— удивленно ответил Сунь У-кун.

— Ах ты, разбойник! — прикрикнула на него бодисатва.— Значит, не ты украл их? Погоди, я сделаю так, что даже десять таких, как ты, не посмеют приблизиться ко мне. Отдавай живее!

— Честно говорю, что даже в глаза не видал их,— притворно засмеялся Сунь У-кун.

— Ну, раз ты их в глаза не видал,— сказала бодисатва,— то сейчас я прочту заклинание о сжатии обруча.

Сунь У-кун сразу же пришел в замешательство:

— О нет! Только не читай! Только не читай! — взмолился он.— Вот они, бубенцы, здесь!

Поистине получилось забавно:

«Где ж ваши бубенцы?» — бесхитростный вопрос
Тот часто задает, кто сам же их унес!

Бодисатва привязала бубенцы к шее животного хоу и уселась поудобнее.

О, если б вы видели, читатель, как из-под всех четырех ног животного вырвались языки пламени, словно огненные

лотосы; как все тело его покрылось густой золотистой шерстью!

О том, как милосердная Гуаньинь вернулась в свою обитель на Южном море, мы рассказывать не будем.

Между тем Великий Мудрец Сунь У-кун привел в порядок свою одежду и, размахивая железным посохом, ринулся в пещеру Чудесного оленя-единорога, где истребил всех бесов и бесенят до единого. Приблизившись к покоям царицы, он предложил ей вернуться на родину. Услышав об этом, царица не переставала совершать поклоны, словно перед божеством выражая свою признательность. Сунь У-кун рассказал ей, как бодисатва привела в покорность царя дьяволов, и не преминул упомянуть историю о том, почему ей, царице, пришлось расстаться с государем. — Он повторил все, что рассказала ему Бодисатва. Раздобыв охапку мягкой травы, он сделал из нее дракона и обратился к царице.

— Ну, царица, садись верхом, зажмурь глаза и ничего не бойся. Я мигом доставлю тебя обратно к твоему царю-повелителю.

Царица беспрекословно повиновалась, и Великий Мудрец стал совершать магические действия. В ушах царицы вдруг раздался резкий свист.

Примерно через полчаса Сунь У-кун доставил царицу в город. Опустив облако вниз, он крикнул:

— Царица! Открой глаза!

Царица открыла глаза, увидела знакомые ей терема и дворцы; с великой радостью в душе она соскочила с дракона и вместе с Сунь У-куном направилась в тронный зал дворца. Царь, увидев ее, стремительно спустился со своего ложа и, подбежав к своей любимой, схватил ее за руки. Он хотел было поведать о своей тоске за время разлуки, но вдруг повалился на пол с воплями:

— Ой, рукам больно! Рукам больно!

Чжу Ба-цзе громко расхохотался:

— Ишь ты, мордашка! Недотрога! При первой же встрече ужалила его, беднягу!

— Дурак! — прервал его Сунь У-кун.— А ты бы отважился прикоснуться к ней?

— Почему бы и нет? Что может случиться? — удивился Чжу Ба-цзе.

— У царицы на всем теле выросли острые шипы,— пояснил Сунь У-кун.— И те шипы, которые на руках, пропитаны ядом, поражающим мужское начало. С того времени, как царь дьяволов Сай Тайсуй похитил ее и держал взаперти на своей горе в течение трех лет, он ни разу не мог сблизиться с ней из-за этих шипов. При телесном сближении шипы вонзаются в тело

и причиняют нестерпимую боль. А если дотронуться рукой, то появится боль в руке.

Все присутствующие чины изумились.

— Что же теперь делать? Как быть? — раздавались возгласы.

Пока царедворцы внешней службы дворца горевали, прислужницы и служанки внутренних покоев пришли в ужас и трепетали от страха, стоявшие сбоку две другие царицы — Яшмовая и Серебряная — подхватили царя под руки и поставили на ноги.

И в тот самый момент, когда всех охватило чувство растерянности и беспокойства, вдруг в воздухе послышался чей-то голос.

— Великий Мудрец! — кричал кто-то.— Это я явился сюда!

Сунь У-кун поднял голову и увидел... кого бы вы думали? Вот послушайте:

Крику дивного аиста
голос его был подобен,
Он прозвучал в небесах,
громок, чист и беззлобен.
Кто-то летел по воздуху
прямо к царским чертогам,
Свет от него стелился
по небу лунной дорогой.
Ткань из волокон тонких
пальмы его обвивала,
Облаком благоуханным
тело его покрывала.
Туфли его из соломы
причудливо были сплетены,
В руке он держал мухобойку,
витую из уса дракона.
Шелковый шнур, которым
был он препоясан,
Видом своим чудесным
украшал его светлую рясу.
Муж этот был
наделен чудодейственным свойством —
Мог устранять он любое
судьбы неустройство.
И на земле и на небе,
ко всем благосклонный,
Соединял и мирил он
людей разлученных.
Всюду проникнуть мог он,
нигде не встречая преграды,
Что помешала б ему
наделить огорченных наградой,
То был Пурпурного облака
всеблагой небожитель,
Ныне покинувший
верхнего неба обитель,
Затем, чтобы чары развеяв,
сердца преисполнить отрады.

Сунь У-кун выступил вперед, чтобы встретить небожителя, и спросил его:

— Чжан Цзы-ян, куда путь держишь?

Праведник-небожитель подошел ближе и, поклонившись всем, отвечал:

— Великий Мудрец! Я не Чжан Цзы-ян, а Чжан Бо-дуань. А теперь разреши приветствовать тебя.

Вежливо поклонившись, Сунь У-кун спросил:

— Откуда изволил пожаловать?

— Три года назад,— отвечал праведник,— я отправился на собор послушать проповедь Будды, и мне пришлось следовать через эту страну как раз, когда царь Пурпурного царства был разлучен со своей Золотой царицей и очень горевал. Опасаясь, как бы оборотень не осквернил царицу и не нарушил устои человеческих отношений, из-за чего царю в последующем было бы трудно вновь сожительствовать с царицей, я превратил колючее одеяние из кокосового волокна в волшебный свадебный наряд, удивительно красивой расцветки и замечательный по качеству, и велел оборотню отдать этот наряд царице. Как только царица облачилась в него, на теле у нее сразу же появились ядовитые колючки. Сейчас я узнал, что ты, Великий Мудрец, добился успеха, а потому и явился сюда, чтобы снять свое колдовство.

— Если все это правда,— сказал Сунь У-кун,— спасибо тебе за то, что прибыл сюда, несмотря на дальний путь! Сними скорей с царицы эту волшебную одежду.

Праведник вышел вперед, указал рукой на царицу, и одежда из кокосового волокна сразу же спала с нее, а тело стало таким, как прежде. Праведник встряхнул эту одежду и набросил на себя.

— Не обессудь меня, Великий Мудрец,— сказал он, обратившись к Сунь У-куну.— Я должен распрощаться.

— Да что ты? Побудь еще немного,— стал удерживать его Сунь У-кун.— Подожди, царь отблагодарит тебя.

— Не утруждайтесь, не утруждайтесь! — улыбаясь, произнес праведник. Издав протяжный прощальный возглас, он взлетел на небо и сразу же исчез.

Ошеломленный царь с царицами, а также большие и малые придворные чины, все как один смотрели на небо и низко кланялись.

Закончив церемонию поклонов, царь тотчас же повелел открыть восточные хоромы и принялся угощать четырех монахов. Царь со всеми придворными чинами на коленях благодарил их за то, что они соединили супругов. В самый разгар пира Сунь У-кун обратился к Танскому монаху:

— Наставник! Достань грамоту о войне.

Танский монах вынул грамоту из рукава и передал Сунь У-куну, а тот в свою очередь передал ее царю с такими словами:

— Эту грамоту должен был доставить сюда гонец царя дьяволов, в чине сяосяо, но я убил его и приволок сюда, доложив о первой своей удаче. Затем я вновь отправился в горы, благодаря чему мне и удалось повидать царицу; там я выкрал золотые бубенцы, но меня чуть было не схватили. Я снова превратился — на этот раз в муху,— снова выкрал бубенцы и вступил в единоборство с дьяволом. К счастью, появилась бодисатва Гуаньинь, которая усмирила оборотня и увела с собой. Она же рассказала мне, почему царю пришлось разлучиться с женой.

И он рассказал всю историю со всеми подробностями от начала до конца. Все присутствующие, начиная с царя и всех его царедворцев, внутренних и внешних, были растроганы и без конца благодарили Сунь У-куна.

Тут Танский монах сказал:

— Во-первых, все произошло из-за того, что у тебя большое счастье, просвещенный государь; во-вторых, в этом заслуга моего ученика. Я очень благодарен за роскошное угощение, и нам ничего больше не нужно! На этом мы раскланяемся и распрощаемся! Не надо задерживать нас в нашем путешествии на Запад!

Царь никак не мог уговорить монахов остаться, отметил им подорожную и приказал подать большой царский выезд. Танского монаха пригласили сесть в царскую колесницу, а сам царь, все царицы и их прислужницы впряглись в нее. Колесница тронулась. Через некоторое время царь распрощался с монахами. Вот уж право:

Судьба повелит, и тоска пропадет навсегда,
Останется сердце спокойным, заботы уйдут без следа.

Какие еще злоключения ждали наших путников в их дальнейшем пути, об этом вы узнаете, прочитав последующие главы.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ,

которая повествует о том, как семь красоток, обитавших в Паутиновой пещере, пытались соблазнить Танского монаха и как беззастенчиво вел себя Чжу Ба-цзе в водах источника Омовения от грязи

Итак, Танский монах Сюань-цзан простился с царем Пурпурного царства и, приведя в порядок коня и седло, продолжал путь на Запад со своими учениками. Наши путники прошли много гор и долин, переправились через бесчисленное количество рек, а тем временем незаметно прошла осень, кончилась зима и снова наступили светлые и ясные дни весны.

Наставник и его ученики проходили по живописным местам, покрытым сочной зеленью, любовались красотами природы и как-то раз увидели монашеский скит. Наставник Сюань-цзан живо слез с коня и встал у обочины дороги, разглядывая строения.

— Наставник! Чего это ты вдруг остановился? — спросил Сунь У-кун.— Дорога здесь совершенно гладкая и ровная, и никакие духи и оборотни в этом месте не водятся.

Тут вмешался Чжу Ба-цзе:

— До чего же ты, бездушный,— укоризненно сказал он, обращаясь к Сунь У-куну.— Разве не видишь, что наставник устал от долгой езды? Дай ему поразмяться и хоть немного полюбоваться видами...

— А я вовсе не любуюсь видами,— подхватил Танский монах.— Глядите! Там виднеется человеческое жилье. Схожу-ка я туда и попрошу подаяния. Есть хочется.

— Слышите, что говорит наставник?! — засмеялся Сунь У-кун. — Допустимо ли это? Если ты хочешь поесть, то дозволь мне сходить за подаянием. Недаром в пословице говорится: «Кто

хоть день был твоим наставником, чти его до конца жизни своей, как отца родного». Где это видано, чтобы ученики сидели как господа и посылали бы своего наставника добывать им пищу подаянием?!

— Не в этом дело! — возразил Танский монах.— Обычно вокруг все бывало пустынно, и вам приходилось ходить за подаянием, как бы далеко это ни было. А до этого жилья рукой подать, можно даже переговариваться. Так позвольте же мне хоть раз сходить самому.

— Нет, наставник, ты не убедил меня,— твердо сказал Чжу Ба-цзе.— Я знаю такую поговорку: «Когда трое странствуют, младшему из них больше всего достается». Ты — наш наставник-отец, а мы твои ученики. В древних книгах есть такое изречение: «Какое бы дело не предстояло выполнить, за него всегда принимаются ученики». Ты обожди здесь, а я схожу!

— Да что же это, братья! — взмолился Танский монах.— Сегодня такой погожий день, ласково светит ясное солнышко, совсем не то, что бывает в непогоду. Вот случится ненастье — обязательно пошлю вас искать подаяние, да еще куда-нибудь как можно дальше, а сегодня уж я сам схожу к добрым людям. И как только вернусь — все равно с подаянием или нет,— мы сразу же отправимся дальше.

Ша-сэн, молча стоявший в стороне, вдруг громко рассмеялся.

— Братья! — сквозь смех сказал он.— Незачем так много толковать об этом! Раз наставник хочет, нам не следует перечить ему, а то он рассердится и не станет есть пищу, которую мы добудем.

Чжу Ба-цзе смирился, поспешно достал плошку для подаяний, головной убор, одеяние и все это передал наставнику.

Танский монах быстрыми шагами направился прямо к жилью, которое вблизи оказалось еще красивее. Вот, что он увидел:

Мосты из камня выгнулись дугою,
Деревья старые растут густою чащей.
Мосты из камня выгнулись дугою,
Журча и лепеча, струятся воды
Потоков горных и ручьев прозрачных.
Деревья старые растут густою чащей,
Щебечут птицы на вершинах темных,
А за мостом нашли приют укромный
Опрятные и светлые жилища —
Благой приют, отшельников достойный.
И лишь одна из хижин, пусть немножко,
Всеобщий вид приятный нарушает:
Ее разбитые оконницы зияют.
Монах почтенный, заглянув в окошко,
Увиденным был изумлен немало:
Четыре девы красоты небесной
Сидели и прилежно вышивали.
Под их перстами цвел узор прелестный
Из фениксов и птиц Луань чудесных.

Нигде не было ни одного мужчины, а в окнах виднелись четыре девушки. Танский монах смутился и, не смея войти, остановился как вкопанный. Затем он быстро шмыгнул в чащу деревьев и стал рассматривать девиц.

Все четверо на вид жестокосердны
И несравненно хороши собою.
Поднявши бровки тонкие дугою,
Над вышиваньем трудятся усердно.
Полны очарованья их движенья,
И губки, глянцевитые, как вишни,
И личик своенравных выраженье,
А волосы, причесанные пышно,
На лоб спускаются красивой челкой.
Сияют девы прелестью весенней
И свежестью такой, что даже пчелки
При виде их могли бы сбиться с толку,
Приняв девиц за лилии в цветенье.

Танский монах простоял добрых полчаса и убедился, что кругом все тихо и безмолвно, не слышно даже ни петухов, ни собак. Размышляя, Танский монах решил: «Если я не выпрошу подаяния, мои ученики засмеют меня: скажут, взялся быть нашим наставником, а не сумел выпросить подаяния; как же мы с таким учителем предстанем перед Буддой?»

Не зная, что придумать, Танский монах все же позволил себе некоторую вольность: направился к мосту и, пройдя несколько шагов, увидел среди домов, крытых соломой, разукрашенную деревянную беседку, возле которой играли в мячик[1] три девицы. Они совсем не были похожи на тех четырех.

Широкие взлетают рукава,
Колышутся расшитые подолы...
Широкие взлетают рукава,
Когда же плавно ниспадают долу,
То пальцы нежных рук видненются едва
Из-под их складок, пышных и тяжелых.
Колышутся расшитые подолы,
Являя ножки малые. Они
Красой своею лотосу сродни,
И движутся или стоят на месте,
Их вид пленительный воистину чудесен.
С каким искусством мячик принимают,
С какою резвостью его обратно посылают,
Об этом трудно даже рассказать!
Взгляните: вот одна из милых дев,
Своею ножкой мяч легко поддев,
Его толкает так, что он, как будто птица,
Взмывает вверх и к небесам стремится,
К земле, однако, возвращается опять!

[1] Тряпичный мячик подкидывают ногами вверх, не давая ему упасть на землю. Выигрывает тот, кто больше раз подкинет.

Другая же прелестная девица,
Не побоясь нисколько оступиться,
Мячу проворно преграждает путь
Прыжком таким, что им бы было впору
Перескочить с налета через гору
Иль через океан перемахнуть.
А третья мячик принимает ловко,
Когда летит он, словно грязи ком,
И шлет его вперед уверенным броском,
Выказывая дивную сноровку.
Друг другу эти девушки под стать:
Умеют мяч послать, умеют и принять,
Когда летит он вниз, с жемчужиною схожий,
Спускающейся Будде на чело,—
Один удар носочком туфельки — и что же?
Его опять, как ветром, унесло!
Когда ж мяча стремительный полет
Над самым уровнем земли проходит,
Движенье нужное красавица находит,
Наклон свободный телу придает,
Как рыбка резвая, нырнувшая под лед,
И мяч далеко в сторону отводит.
То приседает, не сгибая поясницы,
То пяткой мяч отбросит, озорница,
То прыгает, как юная тигрица,—
Ну, как такой игре не подивиться,
Как от восторга тут не закричать?
Ведь эти девы, если пожелают,
Поток с горы летящий обуздают,
Речные воды течь заставят вспять.
Звенят на нежных шейках ожерелья,
Запястья раззолоченные в лад
Стремительным движениям звенят.
Мяч кубарем летит от цели к цели,
И думаешь невольно: неужели
Игра искусная уж так трудна,
Ужель усилий требует она,
И мяч отбить сложнее, чем на рынке
Наполнить свежей рыбою корзинку?
Пока одна из дев, как будто ненароком,
В сторонку быстрый мяч коварно шлет,
Его вторая принимает сбоку
И третьей не спеша передает,
А та ударом туфельки плетеной
Полет его стремит в край поля отдаленный,
Где скрыться должен он в траве густой, зеленой.
Ее противница, однако, начеку,
Она легка, подобно ветерку,
Что светлые ее одежды развевает.
Она на шаг, не боле, отступает,
И мяч, гудя, как злобная оса,
Взмывает снова прямо в небеса.
Так, весело борясь за пестрый мяч,
Красавицы не первый час проводят,
Но, утомившись, с поля не уходят,
Попавшись в сеть удач и неудач.
И градом пот с округлых лиц струится,
Смывая с них прозрачный слой белил,
И, как пионы, пламенеют лица.
И бой вести уж не хватает сил.

Всего не перескажешь, лучше завершим описание этой игры следующими стихами:

В мяч играли подкидной девы в дни луны весенней.
Благодатный ветер дул, девы — просто загляденье!
Лица, влажные от пота, что цветы в росе,— красивы,
Пыль на бровках их осела, как туман на ветках ивы.
Рукава одежды пышной пальцы тонкие скрывают,
Но расшитые подолы ножки дивные являют.
Растрепался на ветру черных кос убор затейный...
Утомленные игрой, девы — просто загляденье!

Танский монах долго смотрел на играющих девушек, но в конце концов ему все же пришлось пройти по мосту и крикнуть:

— О милостивые девы! Я, бедный монах, оказался здесь по воле судьбы и прошу подать мне хоть сколько-нибудь еды на пропитание.

Девицы, услышав его просьбу, очень обрадовались. Те, что вышивали, побросали иголки и нитки; те, что играли в мяч, оставили его и веселой гурьбой, смеясь и забавляясь, побежали навстречу.

— Почтенный наставник! Прости, что не заметили тебя и не встретили как подобает! — наперебой щебетали они.— Заходи к нам! Мы не отпустим тебя, пока не накормим.

«Замечательно! Замечательно! — обрадовался в душе Танский монах.— Вот уж поистине здесь на Западе чувствуется, что попал во владения Будды. Даже трудно себе представить, до чего должны быть набожны здешние юноши и мужчины, если такие молоденькие девушки столь радушно принимают монахов?»

Наш почтенный наставник выступил вперед, поздоровался и последовал за девами. Пройдя через деревянную беседку, он осмотрелся и пришел в изумление. Оказывается, кругом никаких жилых строений не было и в помине, а виднелись одни только

Высокие горные кряжи,
Узловатые жилы отрогов...
Высокие горные кряжи
Вершинами туч достигали,
Узловатые жилы отрогов
До самого моря тянулись,
Уходили в туманные дали.
К мосту направляясь, дорога
Песчаной змеей изогнулась,
Любуется каменный мостик
Игрой прихотливой потока,
Его синевою глубокой.
Деревья огромного роста
Красуются пышным цветеньем,
Цветы состязаются в красках,
А гости пернатые — в пенье.
Лиан кружевное плетенье,
Стеблей их крученые связки
Стволы обвивают красиво
И льнут к ним и стелятся льстиво...
Свой запах струят благовонный

Причудливые орхидеи,
В нарядах пятнистых, червонных,
Меж темными листьями рдея.
Прекрасная эта обитель
Пэндао * красой превосходит.
В ней истинной веры ревнитель
Приют себе верный находит.
С горой Тайхуаскою схожа
Гора эта высью и видом,
Здесь оборотня не потревожат
Ни схватки с врагами, ни битвы.
Поститесь, творите молитвы,
Дела свои тихо вершите,
Лихой вас сосед не увидит,
Никто вас ничем не обидит,
Живите себе как хотите!

Одна из девиц прошла вперед, распахнула настежь обе створки каменных ворот и предложила Танскому монаху войти внутрь. Сюань-цзану ничего не оставалось, как принять предложение и войти. С любопытством стал он разглядывать помещение. Все столы и скамьи были сделаны из камня. Отовсюду веяло холодом, словно в подземелье. На душе у Танского монаха вдруг стало тревожно. «Здесь все предвещает скорее несчастье, чем счастье», — подумал он про себя. Девицы тем временем продолжали весело щебетать и смеяться.

— Сядь, посиди с нами, почтенный наставник! — ласково предлагали они.

Танскому монаху было неловко отказаться, и он сел, но вскоре вздрогнул от неожиданности.

— Уважаемый наставник! Ты на какой горе обитаешь? и на что собираешь подаяние? На починку дорог и мостов или на постройку храмов и пагод? А может, на отливку изваяний Будды и печатание священных книг? Покажи нам, где у тебя ведется запись подаяний?

Девицы наперебой задавали Танскому монаху вопросы.

— Я вовсе не собираю подаяний на что-нибудь,— отвечал Танский монах.

— Так зачем же ты пришел сюда, если не за подаянием?— спросила самая бойкая девица.

— Я иду из восточных земель великого Танского государства,— с достоинством произнес Сюань-цзан, — на Запад в храм Раскатов грома за священными книгами. Путь мой как раз проходил через ваши места; я сильно проголодался, а потому и решил попросить у вас пищу и сейчас же отправлюсь дальше своей дорогой.

Девицы еще больше обрадовались.

— Вот хорошо! — кричали они в восторге.— Недаром говорится в пословице: «Монах из дальних стран лучше разбирается в священных книгах». Сестрички! Такого случая нам упускать нельзя! Давайте скорей готовить пищу.

Три девицы остались с Танским монахом и развлекали его разными разговорами и беседами о ниданах *, а остальные четыре отправились на кухню, где, засучив рукава и подоткнув подолы, рьяно принялись за стряпню. Вы хотите знать, читатель, что они готовили? Оказывается, у них был заранее вытоплен человеческий жир, тушилось и жарилось человеческое мясо, причем пережаренные дочерна волокна были подделаны в виде жженой вермишели, а жареные мозги приготовлены как бобовый творог. Еду принесли на двух подносах и расставили на каменном столике.

— Почтенный наставник! Просим к столу,— пригласили девицы.— Впопыхах мы не сумели приготовить изысканных яств. Поешь пока этой простой пищи, чтобы утолить голод. А тем временем тебе приготовят еще!

Танский монах понюхал пищу и сразу почувствовал запах мяса. Он не осмелился взять в рот ни кусочка и, встав из-за стола, молитвенно сложил руки ладонями вместе.

— О добрые девы! — произнес он.— Вы простите меня, бедного монаха, но я всю жизнь питаюсь только постной пищей.

— Да ведь это же постная пища,— засмеялись девицы.

— Амитофо!*— воскликнул Танский монах.— Стоит мне, монаху, съесть кусочек этой пищи, которую вы считаете постной, как сразу же придется отказаться даже от мысли отправиться на поклон к великому Будде за священными книгами.

— Почтенный монах! — оборвала его одна девица.— Если ты собираешь подаяние, то нечего привередничать: ешь что дают.

— Да что ты? Разве посмею я привередничать? — почтительно перебил ее Танский монах.— Я получил повеление Танского императора отправиться на Запад; за всю дорогу я не причинил ущерба ни одному живому существу, а того, кто попал в беду, старался спасти. Я с благоговением держал крохи пищи на ладони и клал их в рот с умилением. Из рваных лоскутов я сшил свои одежды, чтобы прикрыть бренное тело. Как же ты можешь упрекать меня в том, что я привередник?

— Может быть, ты и не привередник, — засмеялись остальные девы,— но ведешь себя заносчиво: не успел войти в дом, как уже начинаешь выражать недовольство. Не будь же столь взыскательным, не побрезгуй нашей пищей и ешь на здоровье!

— Я, право, не могу этого есть! — с отчаянием в голосе проговорил Танский монах.— Нельзя же нарушать своего обета. Прошу вас, милостивые девы, ни к чему насильно потчевать меня, лучше выпустите меня на свободу. Я пойду дальше своей дорогой!

С этими словами Танский монах собрался было направиться к выходу, но девицы обступили двери и никак не соглашались выпустить его.

— В гостях воля не своя. Пришел в дом торговать, нечего цены заламывать! — кричали девицы.

— Куда собрался? — спросила самая бойкая из них.

Оказалось, что все семь девиц отлично знали приемы фехтования и борьбы, руки и ноги у них были хорошо развиты, они схватили Танского монаха и оттащили от входа, а потом повалили наземь, крепко прижали, связали веревками по рукам и ногам, после чего подвесили к потолку, причем подвесили по-особому. Этот прием подвешивания называется: «Праведный отшельник указывает дорогу». Одна рука вытянута вперед и ее обвязывают отдельной веревкой. Другую скручивают за спину и привязывают к туловищу, а ноги связывают вместе. Свободными тремя концами веревки наставника подвесили к балке так, что он оказался подвешенным спиной к потолку, а животом вниз.

Танский монах терпел ужасные муки и глотал слезы, думая про себя: «Какая же горькая участь выпала на мою долю! Я шел сюда с добрым намерением, думал — здесь живут хорошие люди, и хотел попросить подаяние, а вместо этого попал словно в огненную яму! Братья мои! Скорей идите сюда! Выручайте меня из беды, пока не поздно, больше двух часов я никак не вытерплю такой пытки, и тогда мне конец!»

Как ни страдал и ни терзался Танский монах, все же он внимательно следил за девицами. А девицы закрепили концы веревки, убедились в том, что монах крепко привязан, и стали раздеваться. Монах еще больше встревожился: «Очевидно, они снимают одежду, чтобы испытать меня»,— в ужасе подумал он.

Однако девицы оголились только до нижней части живота и стали являть свое волшебство: у каждой из живота вдруг показался толстый шелковый шнур — вы не поверите,— толщиной в утиное яйцо. Послышался шум и грохот, все засверкало и заблестело, словно посыпалась яшма или серебро, и вскоре вся дверь оказалась затянутой этими шнурами. Но об этом мы рассказывать не будем.

Вернемся к Сунь У-куну, Чжу Ба-цзе и Ша-сэну. Они ждали наставника у обочины дороги, причем Чжу Ба-цзе и Ша-сэн пасли коня и сторожили поклажу, а Сунь У-кун, непоседливый от природы, лазил по деревьям, срывал листья и искал плоды. Случайно он оглянулся и вдруг увидел яркое сияние. В страхе и смятении он поспешно слез с дерева и стал кричать своим собратьям:

— Беда! Беда! С нашим наставником что-то случилось. Ему грозит опасность! Глядите,— продолжал он, указывая рукой на лучи яркого сияния,— что происходит в скиту?

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн начали всматриваться и увидели что-то очень белое, похожее на снег, но белее снега, что-то сверкающее, похожее на серебро, но блестевшее ярче серебра.

— Хватит смотреть и зря тратить время! — заключил Чжу Ба-цзе.— Наш наставник попался в лапы злым оборотням. Надо скорей идти выручать его!

— Просвещенный брат мой, не кричи так! — остановил его Сунь У-кун.— Вы все равно ничего не сможете сделать. Обождите, я живо слетаю туда и узнаю, что случилось.

— Брат! Будь осторожен,— предупредил его Ша-сэн.

— Я сам знаю, как вести себя,— ответил ему Сунь У-кун.

Ну и молодец наш мудрый Сунь У-кун! Подпоясав покрепче свою одежду из тигровой шкуры, он взял в руки посох с золотыми обручами и направился широкими шагами к скиту. Там он увидел, что все вокруг в сотни и тысячи слоев затянуто шелковыми шнурами, которые переплетались, словно основа и уток в ткани. Сунь У-кун пощупал их, они были влажные и липкие. Сунь У-кун никак не мог представить себе, что это такое. Он поднял свой посох и произнес:

— Сейчас так хвачу, что будь здесь хоть десять тысяч слоев, все равно перерублю!

Он собрался было нанести сокрушительный удар, но удержался и добавил:

— Если бы передо мной было что-то твердое, я, конечно, разбил бы его вдребезги. А ведь это какая-то мягкая масса. Своим ударом я лишь сплющу ее, и все. Если же я растревожу самого оборотня, он опутает и меня своим шнуром, и ничего хорошего из этого не получится. Нет! Надо сперва толком все разузнать, чтобы бить наверняка!

И к кому бы, вы думали, Сунь У-кун обратился с расспросами? Вот послушайте!

Он прищелкнул пальцами, прочел заклинание и вызвал духа местности, который обитал в храме и от заклинания стал кружиться словно жернов крупорушки. Жена удивилась:

— Ты что, старик? Чего кружишься на одном месте? Очумел, что ли? Можно подумать, что у тебя припадок падучей.

— Ничего ты не знаешь! — сердито ответил ей дух местности.— Ничего! Есть такой Мудрец, равный небу... Он пожаловал сюда, а я не вышел встречать его, как положено. Вот он и вызывает меня к себе...

— Так иди скорей, представься ему,— посоветовала жена,— и дело с концом! Чего же зря здесь кружиться?

— Да знаешь ты, какой у него посох тяжелый? — плаксиво ответил старик.— Если выйдешь к нему, он начнет тебя дубасить, ни на что не посмотрит.

— Что ты? — усомнилась жена.— Он ведь увидит, какой ты старенький! Неужто у него рука поднимется на тебя?

— Он всю жизнь любит попить винца за чужой счет,— отвечал дух местности,— особенно за счет стариков.

Они еще немного потолковали, но ничего не придумали, и пришлось выйти на зов. Дрожа от страха, дух местности опустился на колени у обочины дороги и крикнул:

— Великий Мудрец! Дух местности явился к тебе и нижайше бьет челом!

— Нечего валяться в пыли! Вставай! — строго приказал Сунь У-кун.— Не беспокойся, я бить тебя не буду. Скажи мне только, как называется это место?

— Откуда ты прибыл сюда, Великий Мудрец? — обрадованно заговорил дух местности.

— Я прибыл из восточных земель и направляюсь на Запад.

— Если ты прибыл с востока,— молвил дух местности,— то, должно быть, остановился вон на той горе.

— Совершенно верно,— подтвердил Сунь У-кун,— наша поклажа и конь находятся там. Видишь?

— Вижу,— ответил дух,— эта гора называется Паутиновой. А в ней есть пещера, которая тоже называется Паутиновой. В этой пещере обитают семь оборотней...

— Какого пола? — перебил его Сунь У-кун,— мужского или женского?

— Женского,— отвечал дух местности.

— А какими волшебными силами они обладают?

— Этого мне не дано знать,— скромно ответил дух местности, — так как я слаб и немощен, знаю лишь, что прямо на юг отсюда примерно на расстоянии трех ли есть источник Омовения от грязи. Вода в нем очень теплая. Собственно говоря, этот источник принадлежал семерым бессмертным девам-небожительницам и служил им местом купания, но с тех пор, как здесь поселились эти оборотни, они завладели источником, а девы-небожительницы не стали даже с ними бороться, так даром и уступили. Видимо, у оборотней есть какие-то волшебные чары, настолько сильные, что девы-небожительницы не решились тягаться с ними...

— А для чего им нужно было завладеть источником? — спросил Сунь У-кун.

— Как только они завладели им,— ответил дух местности,— так каждый день три раза стали купаться в нем. Сейчас уже прошла четвертая стража, а в следующую, пятую, стражу они обязательно появятся и начнут шуметь!

— Вот оно что! — произнес Сунь У-кун, внимательно выслушав духа местности.— Ты пока что возвращайся к себе, а я попробую сам с ними справиться.

Дух местности совершил земной поклон, стукнув лбом о землю, и, трясясь всем телом, отправился обратно в свой храм. Великий Мудрец остался один и прибег к волшебству. Он встряхнулся, превратился в мушку и уселся на стебельке придорожной травы, поджидая оборотней. Вскоре послышался шелест: казалось куча шелкопрядов ест листву тутовника или шумит морской прибой. Прошло немного времени, примерно столько, сколько необходимо на то, чтобы выпить полчашки горячего чаю, и все шелковые шнуры, лежавшие бесчисленными слоями, вдруг исчезли без следа, и скит вновь принял свой прежний вид. Потом

послышался резкий скрип ворот, и оттуда, разговаривая и смеясь, вышли все семеро девиц. Сунь У-кун стал внимательно вглядываться в них. Они шли в ряд, взявшись за руки и прильнув друг к другу, прошли мост и скрылись. Поистине восхитительные и очаровательные созданья!

Вот послушайте:

Их с яшмой бы сравнить уместно,
Но яшма не благоухает;
Их вид воистину прелестный
Скорей цветы напоминает.
Дугой изогнутые брови
Мостам над темными прудами
Подобны: губки — ярче крови —
Вход в дивный ротик открывают.
Как звездочки меж облаками,
Заколок драгоценных блестки
Средь шелковых волос сверкают
И украшают дев прически.
Из-под подолов юбок алых
Виднеются, маня нескромно,
Шалуний ножки в туфлях малых,
Подобных розовым бутонам.
Семь девушек не уступают
Ни красотою, ни повадкой
Тем небожительницам юным,
Что сходят на землю украдкой,
Ни той, что в небе обитая,
Порой, свой шар покинув лунный,
К нам в гости по ночам слетает.

— То-то наш наставник вздумал сам пойти за подаянием! — ухмыльнулся Сунь У-кун, провожая красавиц восхищенным взглядом.— Вот какие милые созданья живут здесь. Если эти семь прелестниц задержат наставника у себя, то съедят его в один присест, а если захотят использовать, то в два дня от него ничего не останется; стоит им только по очереди начать, он сразу же помрет. Дай-ка послушаю, о чем они говорят и какие строят козни!

Сунь У-кун зажужжал и уселся на прическу девицы, идущей впереди. Не успели они перейти мост, как шедшие сзади подбежали к первой и затараторили:

— Сестрица! Пойдем купаться, а после сварим этого дебелого монаха на пару́ и съедим его.

Сунь У-кун чуть не рассмеялся.

«Э! да эти оборотни совсем нерасчетливы! — подумал он.— Просто сварить — меньше бы дров пошло. Чего это они вздумали варить его на пару?»

Тем временем девицы свернули на юг и пошли купаться, по дороге срывая цветы и щекоча ими друг друга. Вскоре они прибыли к купальне отгороженной замечательно красивой стеной с небольшими воротами. Воздух был напоен ароматом цветов, образовавших здесь пышный ковер.

Вдруг одна из девиц, замыкавших шествие, бросилась вперед и, подбежав к воротам, быстро распахнула обе створки. Раздался резкий скрип; за воротами показался бассейн с теплой водой. О нем сложены стихи:

Поиачалу, когда мир сотворился,
Десять солнц на небе горело.
Тут искусный стрелок И * появился;
В девять солнц он рукою умелой
Пустил свои меткие стрелы,
И с тех пор одно только солнце,
С золотым на нем воронеиком,
Бескоиечио на небе сияло,
Разгоияя земиыс потемки.
Это солице собою являло
Силы Ян всеблагое начало,
И огнем ее мир освещало.
Там, где сбитые стрелами солнца
Когда-то на землю упали,
Девять жарких ключей зажурчали,
Животвориою влагой забили;
Им иазвания дали такие:
Благовонио-прохладиый Сянлэицюань,
Дружиый с горными недрами Паиьшаиьцюань,
Никогда не хладеющий Вэньцюань,
С Востоком согласный Дуиьхэцюань,
У горы хуаиьшаиьской Хаиьшаиьцюаиь,
Почтительный, мириый Сяоаньцюаиь,
Миогоструйный, просторный Гуаифэиьцюань,
Кипящий Танцюань
И девятый, о коем здесь речь поведется,—
Чжохоуцюаиь,— «Омовеньем от грязи» в народе зовется.

Про последний источник тоже рассказывается в стихах:

Нет здесь зимы, зной летиий не палит,
Весиа чудесная здесь круглый год царит,
Вода горячая, как будто бы в котле,
Бурлит и пенится, клокочет и кипит.
Там, где она струится по земле,
Поля питая влагою своею,
Земля стаиовится богаче и тучней,
Хлебов стеиа червоииая стоит.
Там, где струи свой замедляют бег,
Глубокий образуют водоем,
Мирская пыль смывается навек,
И растворяются мирские скорби в нем.
Слезинками жемчужными со диа,
Где раковинка каждая видна,
Вздымаются росинки пузырьком
И образуют пеиистый покров.
С иим риза не сравиится ни одна,
Будь самоцветами усеяна она!
Хоть и бурлит вода, но не броженьем
Ее благое вызвано кипеиье:
Она светла, прозрачна и чиста
И жаждущие утолит уста;

Недаром благовещие знаменья
Несут и процветанье и цветенье
Земле, где жизнь сама — благословенье!
Небесная обитель создана
Самой природой здесь, и столь она дивна,
Что слов для описанья не хватает.
Взгляни на водоем, где девы омывают
Тела свои чудесной красоты,
Где волны серебристые блистают,
Своим прикосновеньем обновляют
И мощь душевную и внешние черты...
Взглянув, для чувств своих найдешь ли слово ты?

Купальный бассейн имел в ширину примерно пять с лишним чжан, в длину более десяти чжан, а глубиною достигал четырех чи, но вода в нем была такая прозрачная и чистая, что все дно было видно как на ладони. Большие пузыри, похожие на шары из яшмы или на крупный жемчуг, бурля, поднимались со дна на поверхность. Вокруг бассейна в шести или семи местах были проделаны отверстия, через которые вода вытекала маленькими ручейками. Она оставалась теплой на расстоянии двух-трех ли от источника и орошала поля. На берегу бассейна стояли три купальных павильона, в каждом из них, ближе к задней стенке, были поставлены длинные скамейки на восьми ножках, а по обеим сторонам от них высились лакированные вешалки для одежды. Сунь У-кун, радуясь и ликуя, стремглав полетел к одной из вешалок и уселся на самом верху.

Чистая, теплая вода источника манила к себе. Девицы разом скинули с себя одежды, повесили их на вешалку, а затем все вместе вошли в воду. Вот что увидел Сунь У-кун:

Все одежды роскошные
Скинуты, сброшены,
Все завязки раздернуты,
Поясочки развернуты...
Входят в воду гурьбою подруги,
Их белые груди упруги,
Блистают точеные руки
Снега яркою белизною,
Блистает их белое тело
Красою непоказною,
Блистают их белые плечи
Поверхностью розово-млечной,
Не тронутой солнечным зноем,
А мягкая, нежная кожа
На бедрах и животе
С кожицей персика схожа
В чудесной своей наготе.
Их спины так чисты и гладки,
Что волны в сиянье лучистом
Свой блеск отражают украдкой
В поверхности их шелковистой.
Особо же ножки прекрасны,
Обутые в пышную пену;
Глядеть на них долго опасно
Лишишься ума непременно!

Прыгнув в воду, девицы начали барахтаться, брызгаться и забавляться, поднимая волны.

«Вот нападу на них,— подумал Сунь У-кун, — окуну посох в воду, поболтаю им, произнесу заклинание: «Кипяток, кипяток! Свари поганых мышей. Пусть весь выводок сразу подохнет!» — и от девиц ничего не останется. Но жаль мне их! Очень жаль! Прикончить их я, конечно, могу, но этим запятнаю свое доброе имя старого Сунь У-куна. Ведь есть же пословица: «Мужик с бабой в драку не лезет». Не к лицу мне, прославленному храбрецу, убивать этих девчонок. Нет, не буду убивать их, но надо сделать так, чтобы они впредь не совершали больше злых дел и не могли двинуться с места. Так все же будет лучше!»

Ай да Сунь У-кун! Он щелкнул пальцами, прочел заклинание, встряхнулся и превратился в старого голодного коршуна. Вот как он выглядел:

Седыми перьями, как инеем, покрыт,
Взгляд зоркий, что звезда полнощная горит,
Коварных зайцев в страх его вгоняет вид,
Лис-оборотень от него в смятении бежит.
Врагов он не страшится никаких,
Несет с собою смерть удар когтей стальных,
Он в поисках еды надеется на них,
За жертвою следя в просторах голубых.
Пронзая облака, он камнем вниз летит,
Добычу жалкую терзает и когтит
И, голод утолив, за новою спешит.

Одним взмахом могучих крыльев он подлетел к павильонам, распустил свои острые когти, быстро сорвал с вешалок все семь одежд и был таков. Перелетев через вершину хребта, он принял свой первоначальный вид, а затем направился к Чжу Ба-цзе и Ша-сэну.

Чжу Ба-цзе со смехом вышел ему навстречу:

— Не иначе, как он заложил нашего наставника в ломбард,— с ужимками сказал он, подходя к Сунь У-куну.

— Откуда ты взял это? — спросил его Ша-сэн.

— Ну как же? Ты разве не видишь, сколько тряпья притащил сюда наш старший братец?

Сунь У-кун положил одежды и стал объяснять:

— Это платья оборотней.

— Почему же так много? — нетерпеливо спросил Чжу Ба-цзе.

— Всего семь,— спокойно ответил Сунь У-кун.

— Как же тебе удалось так ловко сорвать с них одежды?

— Зачем же срывать? — отвечал Сунь У-кун.— Послушайте, что я вам расскажу. Здешняя гора называется Паутиновой, а скит носит название Паутиновая пещера. В этой пещере живут семь девиц-оборотней, которые схватили нашего наставника, подвесили к потолку, а сами отправились купаться к источнику Омовения от грязи. Этот источник образовался по

воле Неба и Земли, и вода в нем постоянно горячая. Оборотни решили искупаться, а потом сварить нашего наставника на пару и съесть. Я последовал за ними, видел, как они раздевались и вошли в воду, хотел избить их, но побоялся замарать посох и запятнать свое доброе имя. Поэтому я превратился в старого голодного коршуна и сцапал всю их одежду. Сейчас они сидят в воде, так как им стыдно показаться голыми. Надо не теряя времени отправиться к наставнику, освободить его и пуститься в дальнейший путь.

— Братец! — засмеялся Чжу Ба-цзе. — Я вижу ты не доводишь дело до конца и оставляешь корешки, от которых потом произрастут беды. Раз ты обнаружил оборотней, почему сразу не прикончил их, а вместо этого почему-то предлагаешь освободить наставника! Если оборотни сейчас стесняются показаться из-за девичьей скромности, то уж вечером наверняка выйдут. У них найдется старая одежонка, они в нее облачатся и затем погонятся за нами. Даже если им и не удастся догнать нас, то, когда мы будем возвращаться по этой же дороге обратно, со священными книгами, они отомстят нам. Ведь не зря говорится в пословице: «Лучше не искать в дороге выгоды, а стараться избежать возможных напастей». На обратном пути они зададут нам жару, как настоящие враги.

— А ты что предлагаешь? — спросил Сунь У-кун.

— По-моему, надо сперва убить этих оборотней,— ответил Чжу Ба-цзе,— а уж потом идти освобождать наставника. Это называется: «Вырвать сорную траву с корнем».

— Я убивать их не буду!—решительно произнес Сунь У-кун.— Хочешь — убивай сам!

Чжу Ба-цзе приосанился, радостный и довольный поднял свои грабли и побежал прямо к источнику.

Когда он открыл ворота купальни, то увидел семерых девиц, которые скорчившись сидели в воде, извергая потоки брани на коршуна, похитившего их одежды.

— Ах ты, тварь мохнатая,— ругались они.— Чтоб тебе кот голову откусил! Зачем унес все наши одежды? Как нам теперь выйти из воды?

Чжу Ба-цзе не мог удержаться от смеха.

— О милостивые девы!— воскликнул он, обращаясь к ним.— Оказывается, вы здесь купаетесь! Очень приятно! Не возьмете ли и меня, монаха, в свою компанию? Что вы на это скажете?

Девицы увидели Чжу Ба-цзе и страшно обозлились:

— Ну и монах! Какой нахал! — закричали они.— Мы ведь девушки-мирянки, а ты отрешившийся от мира мужчина. В древних книгах сказано: «С семи лет мальчики и девочки не должны сидеть вместе на одной циновке!»— а ты вздумал с нами в одном бассейне купаться? Ишь какой!

— Уж очень погода жаркая,— спокойно отвечал Чжу Ба-цзе,— ничего не поделаешь! Как-нибудь да поладим. Дайте и

мне искупаться. Чего там толковать про какие-то книги да про циновку?

Не вступая в дальнейшие пререкания, Чжу Ба-цзе бросил грабли, снял с себя черное монашеское одеяние и бултыхнулся в воду. Девицы-оборотни разозлились и решили разом напасть на Чжу Ба-цзе и избить его. Они не знали, что Чжу Ба-цзе чувствует себя в воде как рыба. А он нырнул, встряхнулся и сразу же превратился в оборотня-сома. Девицы стали ловить его, но все их усилия оказались тщетными: он появлялся то слева, то справа, девицы метались из стороны в сторону, а он выскальзывал из рук и все норовил пролезть повыше, меж ног. Вода приходилась девицам выше груди; гоняясь за рыбой, они ловили ее то на поверхности, то на дне и так устали, что едва дышали и с ног валились.

Тогда Чжу Ба-цзе выскочил из воды, принял свой первоначальный облик, оделся и, взяв в руки грабли, закричал:

— Видите кто я? А вы приняли меня за оборотня сома.

Девицы посмотрели на него и затряслись от страха.

— Ты сперва явился к нам в образе монаха,— сказала одна из них,— затем в воде преобразился в сома, но мы никак не могли изловить тебя, а теперь снова принял другой облик! Скажи нам по правде, откуда ты явился сюда? Открой нам свое имя.

— Видать, вы, мерзкие твари, в самом деле не знаете меня!— произнес Чжу Ба-цзе.— Так знайте же, что я ученик моего наставника, Танского монаха, который идет из восточных земель на Запад за священными книгами. Я тот самый, которого величают полководцем звезды Тянь-пэн, по имени Чжу У-нэн, а по прозвищу Чжу Ба-цзе! Это вы вздумали подвесить моего наставника у себя в пещере, а потом сварить его на пару и съесть! Разве можно варить на пару и есть моего наставника?! Ну, живей, протягивайте сюда ваши головы, сейчас я хвачу каждую из вас граблями так, чтобы от вас и корня не осталось!

От этих слов у девиц-оборотней душа в пятки ушла. Они опустились на колени прямо в воде и стали молить:

— Отец наш! Смилуйся! Мы были словно слепые, по ошибке задержали твоего наставника. Хотя мы его подвесили, но ничего дурного ему не сделали и не подвергали никаким пыткам. Яви же свою милость и сострадание. Пожалей и пощади нас! Мы отблагодарим тебя от всего сердца и дадим все, что потребуется на дорожные расходы твоему наставнику, который идет на Запад!

Но Чжу Ба-цзе замахал руками.

— Перестаньте болтать глупости! — резко оборвал он, — есть хорошая пословица:

Тот, кто однажды мед у продавца
Купил, не ведая, что тот его обманет,
Речам медовым всякого купца,
Пожалуй, больше доверять не станет!

Вот я вас сейчас как хвачу граблями! А уж потом пойду своей дорогой!

Дурень всегда был груб по натуре, а тут еще захотел показать свое уменье владеть граблями. У него не было никакого чувства жалости к этим прелестным созданиям. Он замахнулся и, не считаясь ни с чем, начал бить куда попало. Девицы-оборотни обезумели от страха и, забыв про стыд, спасая свою жизнь, бросились бежать, выскочив из воды и прикрываясь руками. Прибежав в беседку, они остановились и пустили в ход свое волшебство: у них из пупков с шумом повалили толстые шелковые шнуры, которые вскоре легли высоким покровом, сокрывшим небо, причем Чжу Ба-цзе оказался под этим покровом. Не видя ни неба, ни солнца, Чжу Ба-цзе стал делать попытки высвободиться, но не тут-то было. Тяжелый покров так сдавил его, что он не смог даже и шага ступить. По всей земле шнуры расстилались как тенета и обвивались вокруг ног. Он попробовал шагнуть в одну сторону, но споткнулся и упал, тогда он поднялся и шагнул в другую сторону, опять поскользнулся и чуть было, как говорится, не вспахал землю носом. Он резко повернулся в обратную сторону, но снова упал и разбил себе нос. Пытаясь на четвереньках встать на ноги, он еще несколько раз кувыркался и, наконец, так измучился, что у него все тело онемело, голова закружилась и в глазах потемнело. Он уже не мог пошевельнуться и, лежа на земле, приглушенно стонал.

Девицы-оборотни ограничились тем, что опутали его шнурами, но не стали бить и даже не причинили никакого вреда. Они выскочили из беседки, оставив шелковые шнуры лежать плотным покровом, скрывающим небо и свет, и побежали к себе в пещеру.

На каменном мосту они остановились, прочли какое-то заклинание, и сразу же шелковые шнуры сами вобрались в них. Совершенно голые, они вбежали в пещеру и, прикрываясь, пробежали мимо Танского монаха с веселым и задорным смехом. В каменной клети пещеры они нашли старые одежды и надели их на себя, а затем направились к задним дверям и став на пороге, позвали:

— Дети! Дети! Где вы?

Следует сказать, что у каждой девицы-оборотня был сынишка, но не родной, а приемный, Этих сыновей звали так: Ми, Ма, Лу, Бань, Мын, Чжа и Цин. «Ми» — от слова «Мифын», что значит пчела, «Ма»— от слова «Мафын», что значит слепень, «Лу» — от слова «Луфын», что значит шмель, «Бань» — от слова «Баньмао», что значит мохнатая гусеница, «Мын» — от слова «Нюмын», что значит кобылка, «Чжа» — от слова «Мочжа», что значит кузнечик, и «Цин» — от слова «Цинтин», что значит стрекоза. Дело в том, что эти девы оборотни как-то раз расставили свою паутину и поймали всех перечисленных насекомых. Они уже собирались съесть их, но, как говорится в древних книгах:

«У птиц есть свой птичий язык, а у зверей — звериный». Пленники взмолились и просили о пощаде, причем выразили готовность почитать девиц оборотней как родных матерей. Весной они собирали нектар со всех цветов и кормили своих названых матерей, а летом разыскивали для них целебные и питательные травы.

Услышав, что девицы-оборотни зовут их, все приемные сыновья сбежались.

— Матушки! что вам угодно?— в один голос спросили они.

— Вот что, детки! — сказали оборотни. — Сегодня утром мы по ошибке обидели одного монаха, прибывшего из Танского государства, и за это нам только что в купальне так досталось от его ученика, такого мы стыда натерпелись и едва жизни не лишились. Постарайтесь же, детки, поспешить за ворота и отогнать его подальше. Если вам удастся, отправляйтесь к своему дяде, там мы встретимся и отблагодарим вас.

Мы здесь не будем рассказывать о том, как девицы-оборотни, после того как им удалось спастись, направились к своему брату-наставнику и подговорили его совершить недоброе дело. Посмотрим, как стали действовать маленькие букашки. Все они, получив повеление, сразу же приняли воинственный вид и, потирая ладони, сжимая кулаки, отправились на поиски врага.

Между тем Чжу Ба-цзе так измучился от множества падений, что лежал пластом, почти без сознания, и голова у него шла кругом. Но вот он неожиданно поднял голову и увидел, что шелковые шнуры, тяжелым покровом лежавшие на нем, уже исчезли. Он стал ногами пробовать землю, потом поднялся на четвереньки, а затем, превозмогая боль, поплелся к своим. Подойдя к Сунь У-куну, он взял его за руку и спросил:

— Брат! Погляди на меня хорошенько и скажи, нет ли шишек у меня на голове и синяков на моем лице?

— Что с тобой стряслось? — живо спросил Сунь У-кун.

— Меня опутали своими тяжелыми шнурами эти негодницы-оборотни,— плачущим голосом отвечал Чжу Ба-цзе,— под ногами у меня было бесчисленное количество веревок, о которые я спотыкался, и я не знаю, сколько раз из-за этого падал на землю. До того больно падал, что у меня и сейчас спина словно переломлена и почки отбиты. Мне больно переступить даже на один вершок! Неожиданно покров тяжелых шнуров исчез, и я, оставшись в живых, насилу добрался сюда.

Тут подошел Ша-сэн.

— Ладно, ладно! Нечего разглагольствовать,— перебил он Чжу Ба-цзе,— ты сам беду навлек. Теперь эти оборотни обязательно выместят все зло на нашем наставнике и погубят его. Надо поспешить ему на помощь!

Сунь У-кун быстрыми шагами пошел вперед. Чжу Ба-цзе, ведя коня, тоже поспешил к скиту. Однако перед мостом их встретили семь маленьких оборотней — приемных сыновей, которые преградили им дорогу.

— Стойте! Не спешите! — закричали бесенята.— Мы здесь!

Сунь У-кун насмешливо посмотрел на них и сказал:

— Вот смех! Что за карлики собрались! Самый большой не более двух с половиной чи, в общем меньше трех, а самый тяжелый, весит пожалуй, всего восемь или девять цзиней, во всяком случае менее десяти!

— Кто вы такие? — гаркнул на бесенят Сунь У-кун.

— Мы — сыновья семи праведных отшельниц,— отвечали бесенята.— Мало того, что вы оскорбили и опозорили наших матерей, так еще притворяетесь, будто ничего не знаете, и лезете к нашим воротам. Стойте, ни с места! Берегитесь!

С этими словами бесенята ринулись в бой.

Чжу Ба-цзе и так был зол из-за того, что с ним произошло, а тут, увидев, что бесенята малые и не опасны, обозлился еще больше и, вымещая злость, начал молотить своими граблями.

Бесенята заметили, что Дурень разозлился не на шутку, и каждый из них принял свой первоначальный облик. С возгласами «изменись!» они взлетели в воздух и через мгновение стали размножаться: из одного получилось десять, из десяти — сто, из ста — тысяча, а из тысячи — десятки тысяч. Вот уж, право:

Все небо кузнечиков стаи,
Что облако, покрывают,
Как ливень в осенние грозы,
Стеною сплошною стрекозы
На землю проворно слетают.
Пчелы пощады не знают,
В лицо тебе жало вонзают.
Жужжа с затаенной угрозой,
В твой рот, словно в чашечку розы,
Шмель нетерпеливо вползает.
Рождая невольные слезы,
Глаза мошкара залепляет,
И гусеницы кусают,
Мест нежных не разбирая.
Напасть навалилась такая,
Что нет ни конца ей, ни края!
Лицо от укусов распухло;
От ужаса замирая,
Трепещут и черти и духи!

Чжу Ба-цзе пришел в полное смятение.

— Братья! — вскричал он,— мы думали, что путь на Запад за священными книгами легко пройти! А на деле получается, что даже букашки не дают прохода!

— Не бойся! — успокоил его Сунь У-кун.— Иди вперед и бей, что есть силы!

— А как еще бить? — спросил Чжу Ба-цзе.— Я и так все лицо заляпал себе битой мошкарой да на себе раздавил уж не знаю сколько этой нечисти...

— Пустяки! Пустяки,— подбадривал его Сунь У-кун,— у меня найдется средство от них!

— Какое же средство? — живо спросил Ша-сэн.— Давай, брат, скорей, не то у меня на бритой голове скоро волдыри вскочат!

Ну как не похвалить Великого Мудреца Сунь У-куна! Он выдернул у себя пучок волос, разжевал его, потом выплюнул и стал выкрикивать:

— Хуан, Ма, Сун, Бай, Дяо, Юй и Яо!

Чжу Ба-цзе ничего не понял и спросил:

— Брат! На каком это языке ты говоришь? Что значит Хуан, Ма и все прочее?

— Да где тебе знать! — несмешливо отвечал Сунь У-кун. — Вот слушай: «Хуан» — это «Хуан-ин» — желтый орел; «Ма» — это «Ма-ин» — орел конопляник; «Сун» — это «Сун-ин» — копчик; «Бай» — это «Бай-ин» — белый орел; «Дяо» — это «Дяо-ин» — обычный орел; «Юй»— это «Юй-ин» — орел рыболов и «Яо» — это «Яо-ин» — хищный коршун. Приемные сыновья этих девиц-оборотней происходят от семи видов насекомых, а мои волоски превратились в семь разных орлов и коршунов.

Хищные птицы из породы орлов очень любят глотать разных мошек и букашек, причем делают это весьма умело: как только раскроют клюв, так сразу же проглотят любую мошкару, а уж если начнут крыльями бить и хватать когтями, то бедным букашкам никакого спасения нет.

И действительно, в один миг хищные птицы набросились на насекомых и вскоре в небе от них не осталось и следа, а земля покрылась толстым слоем убитых букашек.

Только теперь монахи смогли беспрепятственно перейти через мост и проникли в пещеру. Они сразу же увидели своего наставника, который висел на веревках, подвешенный к потолку, и горько плакал. Чжу Ба-цзе подошел поближе к наставнику и стал жаловаться.

— Ты, наставник, висишь здесь по собственной вине, а знаешь, каково мне пришлось? Сколько раз я падал и разбивался. И все из-за тебя!

— Живей отвязывай наставника,— прервал его Ша-сэн,— после будешь рассказывать.

Сунь У-кун быстро перервал веревки и освободил Танского монаха.

— Куда же девались оборотни? — спросил он Сюань-цзана.

— Я видел, как все семеро, совершенно голые, пробежали в заднее помещение и стали звать своих детей.

— Братья! Идите за мной на поиски! — вскричал Сунь У-кун.

Все трое с оружием в руках направились на задний двор и обыскали его вдоль и поперек, но не обнаружили никаких следов. Затем они направились в рощу плодовых деревьев, где росли персики и сливы, но и там никого не оказалось.

— Убежали! Убежали! — досадовал Чжу Ба-цзе.

— Ладно! Нечего их искать! — сказал Ша-сэн.— Я пойду к нашему учителю и помогу ему размяться.

Монахи вернулись к своему наставнику и предложили ему сесть верхом на коня.

— Вы отправляйтесь в путь и поддерживайте наставника, а я здесь одним ударом разнесу все логово, — сказал Чжу Ба-цзе,— чтобы этим оборотням, когда они вернутся, некуда было деваться.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Разбивать — значит тратить свои силы. Гораздо проще подложить немного хвороста и поджечь, чтобы с корнем уничтожить все гнездо!

Дурень Чжу Ба-цзе набрал целую охапку сухих сосновых веток, поломанного бамбука, засохших ив и лиан, высек огонь, и все логово сгорело дотла.

Теперь только наставник и его ученики окончательно успокоились и отправились в путь! Если же вы хотите знать, что случилось в дальнейшем с семью девицами-оборотнями, прочитайте следующую главу.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ,

в которой говорится о том, как из-за старой вражды возникли беда и несчастье, и о том, как посчастливилось Владыке сердец при столкновении со злым дьяволом-марой рассеять лучи, исходившие из глаз дьявола

Мы остановились на том, как Великий Мудрец Сунь У-кун, поддерживая под руки Танского монаха, вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном вышел на большую дорогу, и они продолжали свой путь на Запад. И вот как-то раз, задолго до полудня они неожиданно заметили высокие строения и величественные дворцы. Танский монах придержал коня.

— Брат! — воскликнул он, обращаясь к Сунь У-куну.— Взгляни, что это за место?

Сунь У-кун поднял голову и стал всматриваться. Вот что представилось его глазам:

Дома и хоромы горами окружены,
Их дивные стены ручьями отражены.
Дерев густолистых покров осеняет резные врата,
И радует взор благовонных цветов пестрота.

Сквозь хитросплетения ивовых тонких ветвей
Видны легкокрылые цапли, нефрита белей;
Их перья подернуты нежною сизою мглой —
Так сумерки стелят на снег свой туман голубой.

В рощах, где персики зреют рдяные, как огоньки,
Мелькают иволги желтые, как пламени языки.
Олени и кроткие лани здесь парами бродят чуть свет,
Топчут осоку зеленую и молодой златоцвет.
Птицы щебечут в кустах, сладкогласно поют на лету,
Славя земли этой щедрость, богатство и красоту.

Не менее благодатен этот сияющий край,
Чем Лю и Юаня * пещера в горе, что зовется Тянтай,
Или отшельников благочестивых приют,
Сад несравненный, что все Ланьюанем * зовут.

— Наставник! — доложил Сунь У-кун.— Не думаю, чтобы это были палаты царей и князей, да и на дворцы богачей не похоже; скорей всего это какой-нибудь монастырь. Как прибудем туда, так и узнаем, что там такое.

Услышав эти слова, Танский монах стал подстегивать коня. Прибыв к въездным воротам, наставник и его ученики начали рассматривать их и заметили, что над воротами вделана каменная плита, на которой высечены три иероглифа: «Хуанхуа гуань», что значит «Храм Желтого цветка» *.

Танский монах слез с коня.

— Храм желтого цветка, — прочел Чжу Ба-цзе.— Значит, это даосский монастырь,— обрадовался он,— давайте зайдем. Даосы хоть и носят другое одеяние и шапку, но в постижении различных добродетелей ничем не отличаются от нас, буддистов.

— Ты прав,— поддержал его Ша-сэн.— Давайте зайдем! Во-первых, мы узнаем, какое у них убранство и как выглядит их храм, а во-вторых, покормим нашего коня. Кроме того, если хозяева окажутся гостеприимными, они приготовят трапезу и угостят нашего наставника.

Танский монах согласился, и наши путники вчетвером вошли в монастырь. Подойдя ко вторым воротам, они увидели еще одну надпись, исполненную в виде двух параллельных стихов:

Золото и серебро — отшельники здесь живут *.
Редкие травы, растенья — монахов-даосов приют.

Сунь У-кун рассмеялся:

— Да, здесь действительно живут даосские монахи, которые жгут пырей, варят зелье, возятся с тиглями и таскают с собой склянки...

— Тише! Будь осторожен в словах! — остановил его Танский монах, крепко ущипнув.— Мы ведь с ними не знакомы и не собираемся заводить дружбы. Какое нам дело до них, если мы зашли сюда лишь на короткое время?

Пока он говорил, вторые ворота остались позади, и перед путниками показался главный храм, вход в который был закрыт. У восточного придела под портиком сидел какой-то даос и катал пилюли. Хотите знать, как он выглядел? Так вот, слушайте:

На голове его шапка пунцовая,
Золотом шитая;
Черная ряса совсем еще новая,
Вся глянцевитая;
Носки башмаков его темно-зеленые
Круглы, как облако;
Светят, что звезды, глаза воспаленные,
Дивен весь облик его.

Словно бессмертный Люй-гун *, подпоясан он
Бечевкой упругою.
Лицо у даоса подобно рясе его —
Черное, грубое...
Хоть горбонос, как уйгур, но при этом же
Схож и с татарином:
Губы, большие, упругие, свежие,
Пылают заревом.
Муж сей стремится к познанию Истины,
В сем подвизается,
А в глубине его сердца таинственной
Громы скрываются.

Он настоящий даос, победитель коварных драконов,
Диких зверей покоритель, блюститель великих законов.

Танский монах громко окликнул даоса:

— Почтенный последователь учения Дао, святой праведник! Я, бедный буддийский монах, приветствую тебя!

Даос быстро поднял голову и, взглянув на Сюан-цзана, так растерялся, что даже выронил пилюлю из рук. Затем он поправил головной убор, привел в порядок одежду, спустился по ступеням и направился к Танскому монаху.

— Почтенный наставник! — вежливо произнес он.— Прости, что не вышел встретить тебя. Заходи, пожалуйста, в храм отдохнуть.

Танский монах обрадовался любезному приему и направился в храм. Еще с порога он увидел изображение даосской троицы *, перед которой стоял жертвенный столик с курильницей. Взяв курительную свечу, Танский монах поставил ее в курильницу и трижды совершил поклон по всем правилам, после чего стал раскланиваться с даосом. Вслед затем он направился к местам, предназначенным для гостей, и уселся со своими учениками. Даос велел служкам принести чай. В помещение вошли два отрока, которые принесли чайный поднос, быстро вымыли посуду и ложки, вытерли их досуха и занялись приготовлением легкой закуски. Их суетливость встревожила тех, которые считали себя опозоренными и обиженными...

Дело в том, что семь девиц, обитавших в Паутиновой пещере, принадлежали к той же секте и закончили ту же школу даосов, что и этот монах-даос, который сейчас принимал Танского монаха. Как вы помните из прошлой главы, девы облачились в старые одежды и убежали. Кликнув своих приемных сыновей встретить врагов, сами они направились прямо сюда, в даосский монастырь, и на заднем дворе стали кроить и шить себе новую одежду. Их внимание привлекла суета служек, занятых приготовлением чая, и девицы обратились к ним с вопросом:

— Кто пожаловал в гости, что вы так хлопочете?

— Только что в монастырь вошли четыре буддийских монаха,— отвечали служки,— и наш учитель велел подать им чаю.

— А есть ли среди этих монахов белолицый и полный? — спросила одна из дев-оборотней.

— Есть.

— А есть ли еще один, с длинным рылом и большими ушами?

— Есть.

— Ступайте скорей, несите им чай, — сказала дева,— а своему учителю сделайте знак, чтобы он пришел сюда. Мне надо сообщить ему что-то важное.

Отроки принесли пять чашек чаю. Даос подобрал одежды и обеими руками стал подносить гостям чай. Первую чашку он поднес Танскому монаху, следующую — Чжу Ба-цзе, потом — Ша-сэну, а последнюю — Сунь У-куну. После чая, когда со стола было убрано, один из отроков сделал знак даосу, и тот сразу поднялся с места.

— Дорогие гости,— произнес он,— вы пока посидите тут! — И затем обратился к другому служке: — Оставь поднос, потом уберешь, а сейчас развлекай гостей. Я скоро вернусь.

Танский монах и его ученики остались со служкой. Но о том, как они отправились с ним осматривать монастырь, мы здесь рассказывать не будем.

Тем временем даос прошел во внутреннее помещение, где семеро дев-оборотней опустились перед ним на колени.

— Брат-наставник! — возмолились они.— Выслушай нас, твоих сестриц!

Даос стал поднимать их.

— Вы сегодня ранним утром явились сюда, желая мне что-то сказать, но я занялся изготовлением пилюль, которые не допускают сближения с женским полом, и не имел времени выслушать вас. Сейчас у меня гости. Скажете мне о вашем деле попозже.

— Дорогой брат-наставник! Осмелимся доложить, что как раз из-за твоих гостей мы и пришли сюда, чтобы пожаловаться тебе на них; а когда они уйдут, то и говорить будет не о чем.

— Что вы, — засмеялся даос,— как могло случиться, что вы исключительно из-за гостей пожаловали сюда! Уж не с ума ли вы сошли? Даже если бы я не принадлежал к тем, кто пребывает в духовной чистоте и совершенствуется в том, чтобы стать бессмертным, а был бы простым мирянином, имеющим жен и детей и занятым домашними делами, и то я не смог бы заняться разговором, пока гости не уйдут. Отчего же вы хотите поступить так неразумно, да и меня поставить в неудобное положение?! Нет уж, отпустите меня.

Но девицы-оборотни вцепились в него и не отпускали.

— Брат-наставник, ты только не гневайся на нас! Скажи, пожалуйста, откуда прибыли твои гости?

Даос плюнул и ничего не ответил им.

— Только что служки готовили здесь чай, и мы слышали, как они говорили, что пришло четверо монахов.

— Ну и что из того, что четверо монахов! — сердито переспросил даос.

— Среди этих четверых есть один полный, с белым лицом. У другого длинное рыло и огромные уши. Брат-наставник! Неужели ты не спросил их, откуда они прибыли?

— Среди них действительно есть такие, о которых вы говорите, — удивленно произнес даос. — А откуда вы знаете? — заинтересовался он.— Уж не видались ли с ними где-нибудь?

— Брат-наставник! Вот видишь, ты, оказывается, и не знаешь, какую обиду они причинили нам! Тот — белолицый—монах из Танского государства. Он послан на Запад к Будде за священными книгами. Сегодня утром он явился к нам в пещеру за подаянием. Мы узнали его, а затем схватили.

— А зачем вы это сделали? — спросил даос.

— Мы давно слышали о том, что у этого монаха, прошедшего в течение десяти перерождений в веках очищение от всех грехов, совершенно чистое тело и если съесть хотя бы один только кусочек его мяса, можно обрести вечную и безмятежную жизнь. Вот почему мы и схватили его. А потом появился еще один монах, с длинным рылом и длиннющими ушами, который задержал нас в купальне у источника Омовения от грязи. Сперва он похитил у нас одежду, а потом, прибегнув к волшебным превращениям, стал купаться с нами вместе, и мы ничего не могли сделать. Он прыгнул к нам в воду, превратился в сома, юлил у нас между ног, явно глумясь и пытаясь совершить насилие над нами. Он вел себя неподобающим образом! Затем он выскочил из воды и принял свой первоначальный облик. Видя, что мы не поддаемся на его обольщения, он пустил в ход свои грабли с девятью зубьями и хотел прикончить нас всех. Если бы не наша сметливость, то так бы оно и случилось, и пали бы мы от его злодейской руки. Дрожа от страха, мы пустились бежать и спаслись от него. Затем мы велели твоим маленьким племянникам, нашим приемным сыновьям, сразиться с ним. Не знаем, сколько из них погибло в этой борьбе. И вот сейчас мы пришли к тебе, брат-наставник, искать защиты. Надеемся, что ты вспомнишь то время, когда мы вместе совершенствовались, пожалеешь нас и отомстишь нашим обидчикам!

Даос сразу же вскипел гневом, выслушав этот рассказ. Изменившись в лице, он сказал:

— Так вот, оказывается, какие наглецы эти смиренные буддийские монахи! Ну и наглость! Будьте покойны! Я с ними расправлюсь!

— Брат-наставник! — обрадовались девицы-оборотни, преисполнясь чувством благодарности к своему заступнику,— мы поможем тебе бить их.

— Не надо бить! Не надо! — остановил их даос. — Есть

пословица: «Кто раз ударит, тот на треть унизит свое достоинство!» Идите за мною.

Девицы столпились вокруг даоса, и они все вместе ушли во внутреннее помещение. Там даос достал лестницу, поставил ее за постелью, полез вверх и достал с балки маленький кожаный сундучок. Он был вышиною в восемь цуней, в длину один чи, а в ширину четыре цуня; сверху он был закрыт маленьким медным замком. Затем даос поспешно достал из рукава носовой платок из тонкого блестящего шелка с привязанным в одном из его уголков маленьким ключиком. Этим ключиком он открыл сундук и вынул оттуда пакетик с зельем. Вот какое оно было:

Помет всех горных птиц собрали
В количестве тысячи цзиней;
Его как следует размешали
И в медный котел положили.
Топливо под котлом горело
Медленным, ровным огнем,
Тихо пузырилось и кипело
Снадобье это на нем.
Влага излишняя испарялась,
Гуща томилась и прела,
То немногое, что осталось,
Еще не годилось в дело.
Снова тушили гущу и парили
В ковшике небольшом,
Когда же взвесили это варево,
Оказалось три фэня[1] в нем.
Вес невелик, но до веса меньшего
Снадобье довели,
И снова, тщательно перемешивая,
Калили, коптили, жгли.
И получилось зелье бесценное:
Тот, кто его попробует,
К царю Ян-вану, в царство подземное,
Пойдет кратчайшей дорогою!

— Сестрицы! — сказал даос, обращаясь к девицам-оборотням.— Это мой самый драгоценный талисман. Если дать простому смертному всего лишь одну крупицу весом в один ли, он сразу же помрет, как только проглотит, а праведнику достаточно три ли, чтобы наступила смерть. Боюсь, что эти буддийские монахи имеют кое-какие заслуги и причисляются к праведникам, а потому им надо будет дать по три ли. Живей несите сюда аптекарские весы!

Одна из девиц быстро достала весы и предложила:

— Ты взвесь один фэнь и два ли, а затем раздели на четыре части!

Даос тем временем взял двенадцать красных фиников, надломил их и стал закладывать по одному ли зелья в каждый

[1] Фэнь — мера веса; один фэнь равен 10 ли; ли равен 31,25 миллиграмма.

финик, а потом разложил их по четырем чайным чашкам. Затем он взял еще два черных финика и положил в другую чайную чашку. Расставив все чашки на подносе, даос стал уговариваться с девицами:

— Вы обождите, пока я пойду разузнаю у монахов, откуда они. Если не из Танского государства, то и говорить не о чем, а если оттуда, то я велю служкам сменить чай на горячий, а вы прикажите им подать эти чашки. Монахи как только выпьют, сразу же помрут, вот вы и будете отомщены за обиду, которую негодяи монахи нанесли вам, и гнев ваш развеется!

Все семь девиц-оборотней преисполнились чувством бесконечной признательности и не уставали выражать ее.

Даос сменил одежды и со всей скромностью и смирением вышел к гостям, проявляя к ним подчеркнутое уважение и почтение. Он предложил Танскому монаху и его ученикам опять занять почетные места, отведенные для гостей, и сказал:

— Почтенный отец-наставник! Не посетуй на меня, что я на время отлучился. Я выходил распорядиться, чтобы мои ученики приготовили из разной зелени и овощей легкую трапезу для тебя...

— Я, бедный монах, пришел сюда с пустыми руками. Разве осмелюсь принять от тебя незаслуженное угощение? — возразил Танский монах.

Даос рассмеялся:

— Ты и я — люди, отрешившиеся от мирской суеты, зачем говорить о пустых руках? Раз зашел в монастырь, то уж наверняка найдется для тебя три шэна провианта. Позволь спросить тебя, уважаемый наставник, на какой святой горе ты спасаешься от мирских треволнений? По каким делам соизволил прибыть сюда?

— Я бедный монах из восточных земель великого Танского государства,— отвечал Сюань-цзан,— меня послали на Запад в храм Раскатов грома за священными книгами. По пути нам встретился этот монастырь, и мы решили зайти поклониться святым.

У даоса от этих слов на лице заиграла самая радушная улыбка, приятная, как весенний день.

— Прости меня, почтенный наставник мой! Я не знал, что ты благочестивый последователь отца великой добродетели — самого Будды, а то бы мне следовало выйти как можно раньше, чтобы достойно встретить тебя! Извини за такое упущение! Прости мне мою вину!

Обернувшись к задним дверям, он громко позвал:

— Эй! Отроки! Живей подайте свежего чаю, этот уже остыл, да быстрее готовьте трапезу.

Когда служки пришли за чаем, девицы-оборотни подозвали их и сказали:

— Здесь уже приготовлен свежий чай. Подайте его!

Служки схватили поднос с пятью чашками чаю и понесли. Даос поспешно обеими руками взял чашку с красными финиками и поднес Танскому монаху. Заметив, что Чжу Ба-цзе велик ростом, он счел его за старшего ученика, Ша-сэна — за второго, а Сунь У-куна, который ростом был меньше всех, за младшего, поэтому ему досталась только четвертая чашка.

Сунь У-кун всегда отличался удивительной зоркостью. Поэтому он успел заметить, что на подносе осталась чашка с двумя черными финиками.

— Учитель! — сказал он, обращаясь с даосу.— Давай поменяемся с тобой чашками!

Даос улыбнулся.

— Не стану таиться от тебя,— проговорил он, обращаясь к Танскому монаху,— я, бедный даосский монах, живу в горах очень скудно, и у меня не нашлось фруктов к чаю. Только что на заднем дворе я сам сорвал с деревьев эти плоды, но красных фиников оказалось только двенадцать и я их разложил на четыре чашки, чтобы почтить вас. Но вы ведь знаете, что хозяин должен составлять компанию гостям, вот я и положил себе в чашку два финика похуже, другого цвета, только ради того, чтобы поддержать компанию. Поверьте, я хотел этим выразить особое свое почтение и уважение в вам.

— Что ты, что ты! — засмеялся Сунь У-кун.— Зачем ты все это говоришь? У древних было замечательное изречение: «Кто у себя дома, тот не беден, от бедности можно погибнуть лишь в дороге». Ты — хозяин у себя дома, зачем же говорить о бедности?! А вот мы, странствующие монахи, действительно бедны. Я хочу с тобой поменяться чашками, обязательно хочу поменяться!

Танский монах слышал все и решил вмешаться.

— Сунь У-кун! — сказал он.— Сей почтенный настоятель в самом деле хочет выказать нам свои добрые чувства гостеприимства, так что ты выпей и съешь что тебе предложено. Зачем меняться чашками?

Сунь У-куну ничего не оставалось как замолчать. Он принял чашку левой рукой, а правой накрыл ее и стал наблюдать за остальными.

Обратимся теперь к Чжу Ба-цзе. Он был очень голоден, страдал от жажды и, кроме того, отличался обжорством. Увидев, что в чашке красуется три аппетитных финика, он положил их в рот и разом проглотил. Наставник и Ша-сэн тоже съели финики. Прошло какое-то мгновение, и цвет лица у Чжу Ба-цзе резко изменился; из глаз Ша-сэна потекли слезы, а у Танского монаха на губах показалась пена, затем они все трое повалились на пол.

Великий мудрец Сунь У-кун сразу сообразил, что его спутники отравлены. Он изо всей силы швырнул чашку в лицо даосу, но тот успел прикрыться рукавом, чашка со звоном упала на пол и разбилась вдребезги.

— Ты настоящий мужлан, а не монах! — гневно закричал даос на Сунь У-куна.— Зачем разбил мою чашку?

— Скотина! — процедил сквозь зубы Сунь У-кун. — Смотри, что сделал с моими братьями! Разве мы причинили тебе какой-нибудь вред? За что ты опоил нас отравленным чаем?

— Сам ты скотина, грубиян, беду на себя навлек,— ответил даос.— Неужто не понимаешь?

— Чем же я навлек на себя беду?— возмутился Сунь У-кун.— Мы пришли к тебе совсем недавно, ты усадил нас на почетные места, разговор зашел о том, откуда мы, никаких резких речей не было. В чем же дело?

— А не ты ходил за подаянием в Паутиновую пещеру? Не ты купался в источнике Омовения от грязи?

— В этом источнике купались семь девиц-оборотней,— вскричал Сунь У-кун.— Раз ты об этом заговорил, значит наверняка находишься в связи с ними, а стало быть, ты сам тоже злой оборотень! Стой! Не беги! Отведай-ка мой посох!

С этими словами Сунь У-кун вытащил посох, спрятанный за ухом, помахал им, отчего он сразу стал толщиною с плошку, и направил удар прямо в лицо даосу, но тот поспешно увернулся и, выхватив меч, ринулся навстречу.

Шум встревожил девиц-оборотней, которые находились в заднем помещении. Они разом выскочили и закричали:

— Брат-наставник! Не трать напрасно свои силы. Мы сейчас схватим его!

Сунь У-кун при виде девиц-оборотней еще больше обозлился, начал вращать посох обеими руками и ринулся на них, нанося удары куда попало. Но он все же успел заметить, что девицы стали расстегиваться, обнажили свои белые животы и после какого-то заклинания у них из пупков с шумом стали выходить толстые шелковые шнуры, которые придавили Сунь У-куна.

Чувствуя, что дело дрянь, Сунь У-кун быстро перевернулся, прочел заклинание, совершил прыжок через голову, пробил сеть, накрывающую его, и умчался. Он застыл высоко в воздухе и, сдерживаясь от ярости, наблюдал, что происходит. Блестящие шелковые шнуры, испускаемые оборотнями, переплетаясь рядами крест-накрест, словно их плел ткацкий челнок, окутали в очень короткий срок весь даосский монастырь со всеми его башнями и строениями, так что и тени от него не осталось.

— Ну и здорово! Вот здорово! — восклицал Сунь У-кун, пораженный этим зрелищем.— Хорошо, что я не попался им в лапы! Нет ничего удивительного в том, что бедняга Чжу Ба-цзе столько раз падал и разбивался! Как же мне справиться с ними? А тут еще наставник и оба мои брата наглотались яду. Видно, все эти оборотни-бесы действуют заодно. Интересно бы узнать, откуда они взялись. Постой! Дай-ка я снова обращусь к этому старику, духу местности, пусть он мне все расскажет!

И Сунь У-кун, прижав к земле край облака, щелкнул пальцами, прочел заклинание, начинающееся словом «Ом», и опять вызвал к себе духа местности.

Трясясь от страха, старец опустился на колени у обочины дороги и стал отбивать земные поклоны.

— Великий Мудрец! Ты же отправился спасать своего наставника, почему же вернулся обратно? — спросил он Сунь У-куна.

— Я давно уже спас его,— ответил Великий Мудрец,— мы пошли дальше и вскоре увидели даосский монастырь. Я с наставником и двумя другими учениками решили посетить этот монастырь. Нас приветливо встретил сам настоятель и хозяин монастыря. Мы пустились с ним в разные разговоры о том о сем, а он тем временем опоил отравленным чаем моего наставника и обоих моих братьев. Я, к счастью, не пил чая, схватил свой посох и принялся бить даоса, тогда он рассказал мне всю правду, как наставник ходил за подаянием в Паутиновую пещеру и как произошло купанье в источнике Омовения от грязи. Тут я сразу же смекнул, что этот даос тоже оборотень. Только было я начал драться с ним, как вдруг вбежали семь девиц-оборотней и при помощи волшебства выпустили из себя несметное количество шелковых шнуров. Хорошо, что я кое в чем сведущ и благодаря этому удрал от них. Думаю, что ты, живя здесь, знаешь, откуда взялись эти оборотни. Расскажи, что они собою представляют, тогда я пощажу тебя и не стану бить.

Дух еще раз совершил земной поклон и сказал:

— Эти оборотни поселились здесь лет десять назад. Мне же удалось видеть их в изначальном облике только три года назад, вскоре после проверки всех духов. Они оказались оборотнями пауков, а шнуры, которые они выпускают из своих животов, не что иное как паутина.

Эти слова очень обрадовали Сунь У-куна.

— Судя по твоим словам, они никакой опасности не представляют,— сказал он.— Ну, вот что, иди-ка к себе, а я с помощью своего волшебства покорю их!

Дух еще раз совершил земной поклон и удалился.

Тем временем Сунь У-кун подошел к даосскому монастырю и, находясь еще за его пределами, вырвал у себя из хвоста семьдесят волосков, дунул на них своим волшебным дыханием и приказал: «Изменяйтесь!» Волоски сразу же превратились в семьдесят двойников Сунь У-куна, только совсем маленьких; затем Сунь У-кун дунул на свой посох с золотыми обручами и снова произнес: «Изменись!» И посох сразу же превратился в семьдесят рогатин с двумя остриями каждая. Сунь У-кун раздал своим крохотным двойникам по одной рогатине, себе тоже взял одну и стал в сторонке. Двойники начали дружно наматывать шнуры на рогатины и вскоре изорвали их на клочки, причем на каждую рогатину намоталось более десяти цзиней, затем

из середины они вытащили семь огромных пауков, величиною с целую мерку для риса. Пауки отчаянно шевелили своими лапами, вытягивали головы и вопили: «Пощадите! Помилуйте!» Но семьдесят двойников Сунь У-куна крепко прижали к земле семерых пауков и не отпускали их, несмотря ни на какие мольбы.

— Пока что не бейте их! Пусть освободят моего наставника и его учеников! — приказал Сунь У-кун.

— Брат-наставник! — стали кричать пауки.— Отпусти Танского монаха! Этим ты спасешь нам жизнь!

Даос выбежал на крик из внутреннего помещения.

— Сестрицы! — вскричал он.— Я уже собрался есть Танского монаха, так что мне не до того, чтобы спасать вас.

— Если ты сейчас же не вернешь мне моего наставника, то смотри, что я сделаю с твоими сестрицами!

Молодец Сунь У-кун! Он помахал своей рогатиной, и она вновь превратилась в железный посох. Подняв его обеими руками, он стал бить пауков без всякой жалости и превратил их в бесформенную массу. Затем он вильнул раза два хвостом и вобрал в него все выдранные волоски. После этого Сунь У-кун кинулся на даоса, размахивая своим тяжелым посохом.

Даос видел, как Сунь У-кун убил его сестер в монашестве, и страшно ожесточился. В ярости он выхватил меч и бросился на Сунь У-куна. Тут между ними, обуреваемыми злостью и ненавистью, разразился небывалый поединок, в котором каждый изощрялся во всех своих чародействах. Вот что написано об этом в стихах:

Колесом вращается меч даоса,
Храбро оборотень сражается.
Сунь У-кун высоко свой посох заносит,—
Сразить даоса старается.
Враг врагу удары ужасные
Наносит с ожесточением,
Семь девиц в борьбе за монаха Танского
Пали на поле сражения.
Теперь же, озлобясь, вступили в сражение
Оба противника главные.
Бьются они не страшась поражения.
В мощи и мужестве равные.
Оба могущественны и решительны,
В тайных науках сведущи.
Кто же за теми семью девицами
Окажется жертвою следующей:
Сунь У-кун, чей дух колебаний не знает,
Или отшельник озлобленный?
Тела их в жестокой борьбе сверкают,
Словно узоры огненные.
Звон оружия грозного слышится,
Сталь с железом сшибаются.
Тела врагов с напряженными мышцами,
Как тучи над степью, свиваются.
Брань, словно клекот обеспокоенных
Орлов, далеко разносится.

Движения ловкие бьющихся воинов
На картину художника просятся,
Шум битвы великой ветер рождает,
Зверя и птицу пугающий,
Пыль к небу туманный покров свой вздымает,
Созвездье ковша застилающий.

Даос раз пятьдесят, а то и больше, схватывался с Великим Мудрецом Сунь У-куном и почувствовал, что руки у него слабеют. Он воспользовался моментом, быстро ослабил мускулы, расстегнул одежды, развязал пояс — раздался резкий звук, и черная ряса-халат упала к ногам. Сунь У-кун рассмеялся:

— Сынок! Что? Так не можешь одолеть, думаешь, раздевшись, возьмешь верх? Нет, не поможет!

Но, оказывается, даос не зря разделся. Он поднял обе руки, и у него в том месте, где находятся ребра, показалась целая тысяча глаз, излучающих золотистый блеск, до того страшных, что простыми словами о них не расскажешь:

Желтый густой туман повис;
Его пронизывают лучи
Цвета спелого абрикоса.
Желтый густой туман повис,
Вверх поднимаясь и падая вниз.
Он исходит из ребер даоса.
Пронзают туман золотые лучи:
Это тысяча глаз, словно звезды в ночи!
Их взоры, как огненные мечи,
Исходят из ребер даоса.
Словно ты в бочке сидишь золотой,
Иль медный колокол над тобой,
Или еще в западне какой
Находишься,— ты, что стремился в бой!
Силу свою проявил чародей,
Врага своего ослепил злодей
Так, что солнце из глаз его скрылось,
И день стал в очах его ночи темней,
И небо мглой застелилось.
Дыханьем своим раскаленным даос
Противника охватил,
Ожег ему губы, глотку, нос
И грудь ему опалил.
Суиь У-куну нечем больше дышать —
Воздух горит огнем!
Сунь У-куну некуда больше бежать —
Желтый туман кругом!

Сунь У-кун растерялся, не зная, что предпринять. Он кружился на одном месте, ослепленный золотистыми лучами, и не мог двинуться ни вперед, ни назад. Ему казалось, что он попал в какую-то бадью. Но ужаснее всего было то, что лучи жгли насквозь, и он больше не мог выносить их. Он совсем обезумел; сделав отчаянный прыжок вверх, он хотел пробить слой золотистых лучей, но, ударившись о них, свалился на землю головой

вниз и, как говорится, «закопал носом репку». От удара у него сильно разболелась голова. Он стал поспешно ощупывать ее руками и с ужасом убедился в том, что вся макушка у него разбита.

— Как не повезло! Вот неудача! — горестно восклицал Сунь У-кун!— Даже хваленая моя головушка на этот раз подвела! Было время, ее рубили и топорами и тесаками, но ничто не брало ее: она оставалась невредимой. Как же получилось, что от каких-то золотистых лучей она вдруг пострадала? Чего доброго, не заживет да еще начнет гноиться! А если и заживет, все равно останется след, и она утратит свою былую славу.

Между тем лучи продолжали нестерпимо жечь его, и он стал думать, как бы спастись:

— Вперед податься нельзя, назад — тоже нельзя; налево — невозможно, направо — тоже. Вверх никак не пробьешься — совсем голову себе проломаешь. Что же делать? Как быть? А ну его,— выругался Сунь У-кун. — Пролезу под землей!

Ну, как не похвалить нашего Великого Мудреца! Прочитав заклинание, он встряхнулся и превратился в животное, похожее на ящера и способное прорывать подземные ходы даже через горы. В народе оно называется Линлинлинем. Вот послушайте, как оно выглядит:

Когти его железные обладают силой такою,
Что камни под ними дробятся сеянною мукою.
Тело его покрыто крепкою чешуею,
Словно непроницаемою кованною бронею.
Как две звезды в потемках очи его сияют,
Светом неугасимым путь его озаряют.
Его заостренное рыло крепче алмаза и стали,
Такое сверло чудесное в лавке найдешь едва ли!
Он им любой подземный путь себе прорывает,
Будто ножом отточенным луковицу разрезает.
Недаром сильнейшее снадобье носит ящера имя —
Сам же среди народа зовется он Линлинлинем.

Посмотрели бы вы, с каким проворством стал вгрызаться в землю Сунь У-кун, напрягая все мышцы головы! Прорыв подземный ход длиною более двадцати ли, он высунул голову на поверхность. Как оказалось, золотистые лучи действовали только на десять с лишним ли. Сунь У-кун благополучно вылез из земли и принял свой настоящий облик. От напряжения у него ныло и болело все тело, он чувствовал себя совсем разбитым, и слезы неудержимым потоком струились из его глаз. Упавшим голосом он начал причитать:

О мой отец, о мой наставник дорогой!
Изгладится ль из памяти то время,
Когда горы большой с меня свалили бремя,
И, к вере приобщась, пошел я за тобой?
В пути на Запад отдыха не знал...

Меня не изумляли, не страшили
Ни злобных демонов разнузданные силы,
Ни горных рек разлив, ни моря грозный вал,
А здесь на ровном месте оступился,
В открытую канаву провалился…
С тобой, наставник мой, и я в беду попал!

Предаваясь безутешной скорби, прекрасный Царь обезьян, Сунь У-кун, вдруг услышал, что за склоном горы кто-то горько плачет. Он быстро выпрямился, утер слезы и, оглянувшись, стал всматриваться. Он увидел женщину в глубоком трауре. Всхлипывая, она медленно приближалась к нему. В левой руке она несла плошку с жидкой пищей, а в правой держала жертвенные бумажные деньги, которые по обычаю сжигают на могиле.

«Верно говорится в пословице, — подумал Сунь У-кун со вздохом, кивнув головой:— «Кто слезы льет,— встречается с тем, кто так же, как он, плачет; кто надрывается в печали, тому такой же горемыка попадается на пути!» Интересно знать, отчего так убивается эта женщина? Дай-ка я ее расспрошу»,— решил он.

Вскоре женщина подошла совсем близко. Он почтительно поклонился ей и спросил:

— О милостивая женщина! Скажи мне, о ком ты плачешь?

Глотая слезы, женщина отвечала:

— Мой муж покупал бамбуковые жерди в даосском монастыре — храм Желтого цветка и повздорил с настоятелем, который в отместку опоил мужа отравленным чаем. Я несу на его могилу эти жертвенные деньги в память о нашем супружестве.

Сунь У-кун заплакал. Женщина страшно обозлилась и гневно закричала на него:

— Какой же ты невежа! Я горюю и скорблю о моем муже, полна негодования на обидчика, а ты позволяешь себе издеваться надо мной и передразнивать меня!

Отвешивая почтительные поклоны, Сунь У-кун стал оправдываться:

— О милостивая женщина! Смири свой напрасный гнев! Выслушай меня! Я ведь старший ученик и последователь Танского монаха Сюань-цзана, который идет на Запад из восточных земель великого Танского государства, и зовут меня Сунь У-кун. В пути нам попался даосский монастырь — храм Желтого цветка, и мы зашли в него, чтобы дать коню передохнуть. Даосский монах, оказавшийся там, не знаю, что он за оборотень, водил дружбу с семью паучихами, принявшими образ дев. А эти паучихи, еще когда мы проходили мимо Паутиновой пещеры, вознамерились погубить моего наставника, но мне и двоим другим ученикам и последователям наставника, Чжу Ба-цзе и Ша-сэну, удалось спасти его от гибели. Паучихи прибежали сюда, в даосский монастырь, и наговорили про нас этому даосу всяких небы-

лиц о том, что мы, мол, хотели обмануть и обидеть их. Тогда даос опоил отравленным чаем моего наставника и обоих моих братьев, и они, все трое, да еще конь, остались в монастыре. А я не стал пить чай и разбил чашку вдребезги. Тогда даос полез в драку со мной. Пока мы с ним ругались, вбежали семь оборотней-паучих и начали опутывать меня паутиной, которую выпускали из своих животов. Я попал в их сети, но избавился благодаря своему волшебству. От духа местности я все узнал про них; при помощи волшебства создал семьдесят подобных мне существ, которые порвали паутину, вытащил из нее паучих и размозжил их своим посохом. Даос сразу же принялся мстить мне за это и вступил со мной в бой, вооружившись волшебным мечом. Мы с ним сходились раз шестьдесят, и он потерпел поражение. Скинув с себя одеяние, он обнажил свои ребра, откуда на меня обратились тысячи глаз, испускавших десятки тысяч золотистых лучей. Они накрыли меня, словно колпаком, и я не мог податься ни вперед, ни назад. Тогда я решил превратиться в ящера, проделал подземный ход и вот только что вылез из земли. Пока я предавался глубокой скорби и печали, вдруг раздался твой плач. Я удивился и решил спросить, что случилось. Когда ты сказала, что собираешься жечь на могиле эти бумажные деньги, я подумал о своем погибшем наставнике, которому ничего не могу принести в жертву,— вот почему мне стало горько и обидно и я заплакал. Неужели я посмел бы издеваться над тобой?!

Женщина положила наземь плошку с едой и жертвенные деньги, затем совершила еще более почтительный поклон перед Сунь У-куном и обратилась к нему с таким словами:

— Не сердись на меня! Не сердись! Я ведь не знала, что ты тоже пострадал. Видно, ты не знаешь, кто он такой, этот даос. По настоящему его зовут Стоглазым марой, а попросту — Многоглазым чудищем. Ты, безусловно, владеешь великими чарами, раз тебе удалось так долго сражаться с ним и избежать гибели от его золотистых лучей. Но все же тебе нельзя приближаться к этому негодяю. Я научу тебя: надо обратиться к очень мудрому и прозорливому человеку, который сможет рассеять эти золотистые лучи и покорить даоса!

Сунь У-кун, услышав эти слова, издал набожный возглас благодарности и добавил:

— О милостивая женщина! Укажи, к кому надо обратиться. Если тот мудрец и прозорливец, которого я попрошу пожаловать, в самом деле спасет моего наставника, то я сразу же отомщу за смерть твоего мужа!

— Сейчас же, как скажу тебе, отправляйся за этим человеком, и, когда он покорит даоса, я буду считать себя отомщенной. Боюсь только, что твоего наставника нельзя будет спасти...

— Почему ты так думаешь? — спросил Сунь У-кун.

— Потому что действие яда очень сильное, — ответила женщина.— В течение трех дней яд разлагает все кости в человеческом теле. А тебе на дорогу туда и обратно потребуется гораздо больше времени, вот почему я и говорю, что нельзя будет его спасти.

— Я могу преодолеть любое расстояние, каким бы далеким оно ни было, всего за полдня,— уверенно произнес Сунь У-кун.

— Ну, если ты такой ходок,— отвечала женщина,— то слушай меня внимательно: отсюда до того места, где живет этот мудрый и прозорливый человек, целая тысяча ли. Там находится гора, которая называется горой Пурпурных облаков. В этой горе есть пещера Тысячи цветов, в ней как раз и живет этот человек. Зовут его Пиланьпо. Только он один и сможет покорить даоса-оборотня!

— В какой же стороне находится эта гора? — живо спросил Сунь У-кун,— куда мне направиться?

Женщина указала рукой и сказала:

— Туда! Прямо на юг, там она и находится.

Сунь У-кун оглянулся, но женщины уже и след простыл.

Тогда он пришел в смятение и, отбивая поклоны, стал приговаривать:

— Не иначе как это была бодисатва. А я, видно, настолько обалдел от того, что рыл землю, что не распознал ее. Умоляю, услышь меня! Скажи свое имя, чтобы я всегда мог благодарить тебя!

— Великий Мудрец! — послышался звонкий голос с неба, — это я!

Сунь У-кун поднял голову и посмотрел. Оказывается, это была наставница Лишань. Он быстро поднялся в воздух, выразил благодарность, а затем спросил:

— Наставница! Откуда ты прибыла?

— Я возвращалась с проповеди под древом лунхуа, — отвечала она,— и увидела, что твой наставник попал в беду. Преобразившись в простую женщину, я явилась к тебе под видом вдовы, оплакивающей мужа, чтобы спасти твоего наставника от смерти. Поспеши пригласить того человека, только не говори ему, что это я научила тебя, так как этот мудрый и прозорливый человек отличается весьма странным характером.

Сунь У-кун еще раз поблагодарил. Распростившись с наставницей, он, словно ветер, помчался на своем облаке и вскоре прибыл к горе Пурпурных облаков. Остановив облако, Сунь У-кун сразу же отыскал глазами пещеру Тысячи цветов. За пределами этой пещеры открывался замечательный вид, о котором лучше рассказать в стихах:

Тень свою легкую сосны на дивную землю бросают,
Зеленой стеной кипарисы обитель святых окружают.
Вдоль горной дороги растут густолистые ивы рядами,
А горных ручьев берега ярко пестреют цветами.

У каменных зданий стоят орхидеи оградой пахучей,
Душистые травы ковром устилают обрывы и кручи.
Воды журчат и бегут, бирюзовым сливаясь потоком,
Тучка в пути отдыхает на дубе дуплистом, высоком,
Птиц многочисленных слышится щебет и пенье,
По тропкам незримым пугливые ходят олени.
Каждая ветка высоких бамбуков нежна и красива,
Соком полны и побеги и ветви пурпуровой сливы.
Вороны приютились на темных вершинах деревьев,
Нежно щебечут весенние пташки на ясенях древних.
Богатый суля урожай, колосятся хлеба золотые,
Солнечным светом и влагой земной налитые.
Здесь никогда ты не встретишь листвы пожелтевшей,
Зиму и лето цветы здесь по-летнему свежи.
Здесь зародившись, туман в голубые просторы стремится,
Чтоб, в облака превратившись, дождем благодатным пролиться.

Великий Мудрец, обрадованный и веселый, сошел с облака и отправился к пещере, очарованный безграничными просторами удивительных по своей красоте пейзажей. Он углубился в горы и очутился в замечательно красивом месте, где вокруг все было тихо и безмолвно, не слышно было ни человеческих голосов, ни лая собак, ни кукареканья петухов. Вдруг его охватило тревожное чувство: «А что, если мудреца не окажется дома?» Он прошел еще несколько ли и, внимательно оглядываясь по сторонам, вдруг заметил монахиню, которая сидела на легкой тахте.

Если хотите знать, как она выглядела, послушайте:

На голове ее шапочка пятицветная,
Вышитая узорами яркими и приметными.
Халат златотканый ее стоит богатства несметного.
На ней башмачки с головками фениксов дивными,
Пояс ее — крученый, с радужными переливами.
Лик у нее увядший, словно цветы осенние,
Заморозками тронутые в их запоздалом цветении,
А голосок подобен ласточки щебету нежному,
Когда весною у пагоды гнездо свое лепит, прилежная.
Три основных учения * давно этой женщине ведомы,
Четыре великих истины ею поняты и исследованы,
В них она совершенствуется, правде единой предана.
Пустота беспредельная сущего мудрой женою постигнута,
Жизнь вечная и блаженная в горных краях достигнута.
Там обитает она, бодисатва. всем людям известная,
Имя ее — Пиланьпо — снискало любовь повсеместную.

Сунь У-кун приблизился к бодисатве, поклонился и воскликнул:

— О бодисатва Пиланьпо! Приветствую тебя!

Бодисатва сразу же сошла с тахты, сложила руки ладонями вместе и, возвращая поклон, произнесла:

— Великий Мудрец! Прости, что не вышла встречать тебя! Ты откуда прибыл?

— Как же ты узнала, что меня зовут Великий Мудрец? — удивился Сунь У-кун.

— Когда ты учинил великое буйство в небесных чертогах, — отвечала бодисатва,— везде и всюду сообщили описание твоей наружности. Кто же теперь не опознает тебя?

— Вот уж верно говорят: «Добрая слава дома лежит, а худая — по свету бежит!» О том, что я стал правоверным последователем Будды, тебе, оказывается, даже неизвестно!

— Когда же это ты успел стать правоверным? — удивилась бодисатва Пиланьпо.— Что ж, если это так, то от всего сердца поздравляю тебя!

— Недавно я даже удостоился получить повеление,— произнес Сунь У-кун.— Мне поручено охранять моего наставника Танского монаха в путешествии на Запад за священными книгами. Но вот по дороге наставник повстречался в даосском монастыре — храм Желтого цветка с даосским монахом, который отравил его чаем. Я вступил было в борьбу с этим даосом-оборотнем, но он стал излучать бесчисленные золотистые лучи, которые накрыли меня, словно колпаком, и я едва избавился от них благодаря своему волшебству. Мне известно, что ты, бодисатва, можешь уничтожить его золотистые лучи, а потому и явился к тебе. Умоляю, не откажи мне в моей просьбе.

— Кто же мог рассказать тебе об этом? — удивилась бодисатва.— Вот уже более трехсот лет прошло с того времени, как я была на празднике Милосердия*, и за все это время ни разу никуда не выходила. Я даже скрыла свое имя, и никто не знает обо мне. Каким же образом ты узнал?

— Ты ведь знаешь, что я земной дух и могу появляться всюду, где мне только вздумается.

— Ладно! Ладно! Молчи! — перебила его бодисатва Пиланьпо.— Мне, собственно, не следовало бы выполнять твою просьбу. Но раз ты сам, Великий Мудрец, удостоил меня своим посещением, я не могу отказать тебе и отправлюсь с тобою. Нельзя допустить, чтобы твой наставник не выполнил своего священного долга.

Сунь У-кун принялся благодарить бодисатву.

— Прости мне мою невежливость, но позволь все же поторопить тебя; и потом скажи, какое возьмешь с собой оружие?

— У меня есть вышивальная игла,— отвечала бодисатва.— Она способна пронзить насмерть негодяя даоса.

Сунь У-кун не сдержался и проговорил:

— Видно, обманула наставница меня. Если б я раньше знал, что можно справиться вышивальной иглой, то не утруждал бы тебя, поскольку таких иголок я смог бы раздобыть целый дань.

— Твои иглы — это обычные иглы, сделанные из стали, а вот моя игла — это волшебный талисман: он не стальной, не железный и не золотой, а закаленный в луче солнца моим сыном.

— А кто же твой сын? — спросил Сунь У-кун.

— Правитель созвездия Мао.

Изумлению Сунь У-куна не было границ.

Двинувшись в путь, он давно уже заметил ярко блестевшие золотистые лучи.

— Вон там! — воскликнул он, обращаясь к бодисатве.— Видишь золотистые лучи? Там — даосский монастырь — храм Желтого цветка.

Пиланьпо тотчас же вынула из воротника вышивальную иглу, тоненькую, как бровинка, длиною не более пяти или шести фэней. Она подбросила ее несколько раз на ладони, а затем кинула в воздух. Вскоре раздался оглушительный треск, и золотистые лучи угасли, словно кто-то разбил их.

— Прекрасно! Замечательно! — восторженно воскликнул Сунь У-кун.— Но надо найти иглу! Непременно найти ее!

Тогда Пиланьпо протянула Сунь У-куну руку и спросила:

— Разве это не она?

После этого Сунь У-кун вместе с бодисатвой спустились на облаке и направились в монастырь. Там они увидели монаха даоса с закрытыми глазами, который не мог ступить и шага.

— Ах ты, мерзавец! — набросился на него Сунь У-кун с ругательствами.— Вздумал еще притворяться слепым?! — Он вытащил из уха свой посох, намереваясь ударить даоса, но бодисатва остановила его:

— Не бей его, Великий Мудрец! Лучше сходи и посмотри, что с твоим наставником.

Сунь У-кун быстро направился в заднее помещение и стал искать наставника на местах, отведенных для гостей. Он увидел всех троих, лежащих на земле. Изо рта у них текла пена. Сунь У-кун стал горько плакать.

— Что же теперь делать? Как быть? — восклицал он.

К нему подошла бодисатва Пиланьпо.

— Не горюй, Великий Мудрец,— утешала она его.— Поскольку я сегодня вышла из дома, то позволь мне совершить еще одно доброе дело. К счастью, у меня при себе пилюли противоядия, и я дам тебе три штуки.

Сунь У-кун повернулся к ней и, низко кланяясь, протянул руки. Бодисатва достала из рукава рваный бумажный сверток, в котором оказались три красные пилюли, вручила их Сунь У-куну и научила его, что надо делать.

Сунь У-кун разжал зубы пострадавших и засунул каждому в рот по одной пилюле.

Вскоре противоядие проникло в желудок и у пострадавших началась сильная рвота. Они изрыгнули из себя яд и вновь обрели жизнь. Первым стал делать попытки встать на четвереньки Чжу Ба-цзе.

— Ну и душило меня! — произнес он.

Вслед за ним очнулись Танский монах и Ша-сэн.

— До чего же нам было дурно! — произнесли оба.

— Вы были отравлены чаем,— пояснил Сунь У-кун.— И обязаны своим спасением бодисатве Пиланьпо. Поторопитесь отблагодарить ее, пока она еще здесь!

Танский монах выпрямился, оправил свои одежды, а затем уже стал благодарить.

— Брат, а где сейчас даос? — спросил Чжу Ба-цзе, обращаясь к Сунь У-куну.— Я хочу спросить его, за что он так жестоко поступил с нами.

Тогда Сунь У-кун рассказал ему всю историю про паучих. Чжу Ба-цзе пришел в ярость.

— Раз этот негодяй побратался с паучихами, значит, сам он тоже оборотень.

— Он стоит там, у входа в храм,— сказал Сунь У-кун,— и притворяется слепым.

Чжу Ба-цзе схватил свои грабли и собрался поколотить даоса, но бодисатва удержала его.

— Тянь-пэн! — обратилась она к Чжу Ба-цзе,— смири свой гнев. Великий Мудрец знает, что у меня некому стеречь мою пещеру. Я хочу взять оборотня с собой — пусть будет у меня сторожем.

— Раз ты проявила к нам столь великое милосердие, разве можем мы перечить тебе? Пусть только оборотень примет свой первоначальный вид. Мы хотим посмотреть, каков он на самом деле.

— Ну что ж! Это легко сделать! — сказала Пиланьпо.

Она выступила вперед и протянула руку, указывая на даоса, который тотчас же повалился на землю и превратился в огромную стоножку, длиною до семи чи. Пиланьпо поддела стоножку своим мизинчиком и, поднявшись на благодатное облако, направилась к своей пещере Тысячи цветов.

Чжу Ба-цзе, задрав голову, проводил ее взглядом, а затем сказал:

— Эта бодисатва обладает огромной силой! Иначе ей бы не удалось сразу покорить злое чудище!

— Когда я спросил ее, каким оружием она собирается рассеять золотистые лучи оборотня-даоса,— с улыбкой сказал Сунь У-кун,— она ответила мне, что у нее есть вышивальная иголка, которую закалил в лучах солнца ее сын. Когда же я спросил, кто ее сын, она сказала, что он правитель созвездия Мао. Правитель созвездия Мао — это петух, а сама она, безусловно, оборотень курицы. Известно, что курицы любят клевать стоножек, вот почему ей и удалось так легко привести в покорность этого оборотня!

Услышав обо всем этом, Танский монах беспрестанно отбивал земные поклоны, а затем обратился к своим ученикам:

— Братья! Давайте собираться в путь!

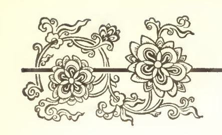
Ша-сэн нашел крупы, приготовил еду, и все наелись досыта. Ведя коня и таща поклажу, ученики пошли за своим наставником, предложив ему первым выйти из ворот монастыря. Сунь У-кун вытащил из кухонного очага пылающую головешку и подпалил все строение, которое вскоре сгорело дотла, превратившись в большую груду пепла, а затем пустился в путь.

Вот уж поистине:

Монаха от гибели злой
Пиланьпо-бодисатва спасла,
Тысячеглазое чудище
Смерти она предала!

О том, что произошло с путниками в дальнейшем, вы узнаете из последующих глав.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ,

из которой читатель узнает о том, что рассказал дух Вечерней звезды о злых оборотнях, а также о том, как Сунь У-кун проявил свои способности в превращениях

Желанья и страсти природой самой рождены,
И в жизни любой их истоки и корни едины,
Но Будды ученье принявшие закалены
В борьбе со страстями и с их породившей причиной.
Все страсти забыть и отринуть мирские желанья
Способен лишь тот, кто науку постиг созерцанья.
Владея собою, он к цели стремится одной:
Сердце свое укрепить и придать ему твердость алмаза,
Чтоб не было больше на нем ни пылинки земной,
Как на луне, не запятнанной прахом и грязью.
Поступью мерной он твердо шагает вперед,
Достойные по пути совершая деянья;
Когда же закончится время, назначенное для испытанья,
Сей праведник мудрый прозрения дар обретет.

Итак, вы знаете уже о том, что Танский монах со своими учениками вырвался из сетей страсти, выбрался из темницы чувств, пустил своего коня и направился на Запад.

Прошло еще немного времени, лето кончилось, наступила осень. Холодный воздух пробирал путников насквозь. Всюду видны были приметы осени:

Зной удержаться хочет втуне —
Его развевает дождь;
Встревожена листва утуна [1],
Природу пробирает дрожь;
Над лентами густой осоки
В ночи летают светляки
И зажигают невысоко
Свои златые огоньки.

---

[1]) Утун — платан.

Отчетливее в полнолунье
Стрекочут резвые сверчки,
И ходят по незримым струнам
Невидимые их смычки.
Раскрыли мальвы цвет свой желтый,
Обильно смоченный росой,
Болотных трав шуршат метелки
На тихой отмели речной;
Печально верещит кузнечик
Природе утомленной в лад,
И опускает ива плечи,
Роняя легкий свой наряд.

Неожиданно перед путниками выросла высоченная гора, вершины которой, казалось, уходили в лазоревые небеса. Верно сказано, что такая гора может поцарапать звезды и задержать движение солнца. Почтенный наставник испугался и подозвал Сунь У-куна:

— Ты погляди, какая высокая гора впереди! — воскликнул он. — Неизвестно, есть ли там дорога? Может быть, нет.

— Да что ты! — рассмеялся Сунь У-кун. — Еще в глубокой древности говорили: «Как бы ни была высока гора, для путника всегда найдется путь через нее; как бы ни была глубока река, всегда найдется переправа». Может ли быть, чтобы мы не перешли через эту гору?! Успокойся и поезжай вперед.

Танский монах просиял от радости и, весело посмеиваясь, стал подстегивать коня, направляясь прямо к горным кручам.

Он проехал всего несколько ли, как вдруг заметил вдалеке, на склоне горы, какого-то старца с взлохмаченными седыми волосами, развевающимися по ветру, с жиденькой бородкой, серебристые нити которой качались из стороны в сторону. На шее у него висели четки, а в руках он держал посох с набалдашником в виде головы дракона.

— Почтенный наставник, направляющийся на Запад!— громко крикнул старец. — Останови своего скакуна и придержи свои драгоценные поводья! На этой горе обитает скопище дьяволов-оборотней. Они уже сожрали всех жителей страны Джамбудвипа. Дальше ехать никак нельзя!

От этих слов Танский монах так перепугался, что даже изменился в лице. То ли дорога была неровной, то ли плохо держалось резное седло, во всяком случае он свалился с коня и, недвижимый, распростерся на земле в густой траве. Сунь У-кун подбежал к нему и, взяв под руки, поднял.

— Не бойся! Не бойся! — успокаивал он своего наставника.— Я ведь с тобой!

— Ты послушай, что говорит старец вон на той высокой скале! Он сообщил, что на этой горе обитает целое скопище злых духов и дьяволов, которые уже сожрали всех жителей страны Джамбудвипа. Кто из вас отважится пойти к нему и расспросить обо всем обстоятельнее?

— Ты пока посиди здесь,— отвечал Сунь У-кун,— а я пойду и расспрошу его!

— Боюсь, что тебе не удастся раздобыть у него верные сведения, так как вид у тебя очень уж безобразный, да и на язык ты весьма груб и дерзок, того и гляди, что обидишь его, — с опаской сказал Танский монах.

— А я приму более благообразный вид и буду учтив,— смеясь, отвечал Сунь У-кун.

— Ну-ка, преобразись! Я посмотрю, каким ты станешь! — сказал Танский монах.

Молодец Сунь У-кун! Щелкнув пальцами, он встряхнулся и сразу же превратился в чистенького и аккуратного монаха-послушника, с ясными глазами, густыми бровями, круглой головой и правильными чертами лица.

Движения и манеры его были полны благородства и грации, а когда он заговорил, то из уст его не вырвалось ни одного грубого слова. Поправив на себе одежды, он быстрыми шагами подошел к своему наставнику и спросил:

— Ну что, наставник! Нравится тебе сейчас мой вид?

Танский монах стал разглядывать Сунь У-куна и остался очень доволен:

— Хорош! Удачно преобразился,— восторженно похвалил он.

— Еще бы! Такой благообразный, да чтобы не был хорош! — подхватил Чжу Ба-цзе.— Всех нас, вместе взятых, перещеголял! Мне, старому Чжу Ба-цзе, никогда не стать таким, даже если я буду стараться целых два или три года!

И вот наш бесподобный Великий Мудрец направился прямо к тому месту, где стоял старец, и, приблизившись к нему, почтительно поклонился.

— Уважаемый дедушка! Позволь мне, бедному иноку, приветствовать тебя! — учтиво произнес он.

Видя перед собой благообразного и воспитанного юношу, старец, против всяких ожиданий, ответил ему очень вежливым поклоном и, погладив его по голове, ласково посмеиваясь спросил:

— Откуда ты пришел сюда, монашек?

— Мы из восточных земель великого Танского государства направляемся на Запад к Будде за священными книгами,— бойко ответил Сунь У-кун.— Только что мы прибыли сюда и услышали твое предупреждение о том, что здесь водятся черти-оборотни. Мой наставник, робкий по натуре, испугался и велел мне явиться к тебе и разузнать, что за черти-оборотни смеют преграждать нам путь! Прошу тебя, уважаемый дедушка, расскажи мне все как есть, чтобы я мог разогнать чертей и дать возможность моему наставнику продолжать свой путь.

— Эх, ты еще очень молод, мой маленький монах! — рассмеявшись, сказал старец,— не знаешь, где добро, где зло!

Если бы ты знал, каким чародейством владеют здешние оборотни, то не посмел бы сказать, что разгонишь их и проложишь путь твоему наставнику!

— Судя по твоим словам,— улыбаясь, сказал Сунь У-кун,— ты собираешься встать на защиту дьяволов, о которых говоришь, а, стало быть, находишься в родстве с ними или, во всяком случае, в тесной дружбе, иначе чем объяснить, что ты превозносишь их могущество и силу, высоко расцениваешь их личные качества и не хочешь откровенно рассказать все, что тебе о них известно!

— Ты, я вижу, хоть и молод, да зубаст! — кивнув головой, вновь рассмеялся старец.— Видно, странствуя со своим наставником по разным местам, набрался кое-каких знаний по магии. Вполне возможно, что ты научился изгонять бесов и приводить в покорность оборотней, очищать человеческое жилье от нечистой силы, но тебе еще не доводилось сталкиваться с настоящими дьяволами-чудищами!

— С какими же чудищами? — спросил Сунь У-кун. — Чем они страшны?

— Стоит только этим чудищам-дьяволам послать письмо на чудотворную гору Линшань, как ровно пятьсот архатов явятся сюда встретить врага, а если они отправят послание в небесные чертоги, то духи одиннадцати светил * окажут им всяческое уважение. Драконы четырех морей издавна ведут дружбу с этими дьяволами, а праведные отшельники, обитающие в восьми пещерах, часто пируют с ними. Они вступили в побратимство с правителем десяти подземных царств, самим Янь-ваном; наконец духи-хранители земли и городов знаются с ними, как с дорогими гостями.

Великий Мудрец, слушая все это, не удержался от неприлично громкого хохота и, тронув старца рукой, перебил его:

— Не говори! Не говори! Твои дьяволы-оборотни недостойны даже быть друзьями или побратимами моей челяди. Если они узнают о моем приходе, то в эту же ночь снимутся с места и уйдут отсюда.

— Не говори глупостей! — сердито остановил его старец.— Ты чересчур высокомерен! Скажи мне хотя бы, кто из твоей челяди славится мудростью и прозорливостью?

— Не стану скрывать от тебя и скажу всю правду,— ухмыляясь, ответил Сунь У-кун.— Я издавна обитал в пещере Водного занавеса на горе Цветов и плодов в государстве Аолайго. Фамилия моя Сунь, а зовут меня У-кун. В свое время я тоже был дьяволом-оборотнем и вершил великие дела. Произошел как-то раз такой случай: на пирушке со многими дьяволами-марами я выпил лишнего и заснул. Мне приснилось, что двое каких-то молодцов подцепили меня крючками и сволокли в чистилище преисподней. Меня сразу же охватил великий гнев, я схватил свой посох с золотыми обручами и разогнал всех

демонов-судей, напугал до смерти самого владыку преисподней Янь-вана, чуть не перевернул вверх дном дворец Сэньло *. С перепугу судейские чинуши и письмоводители составили бумагу, которую подписал и скрепил печатью сам владыка ада Янь-ван. В ней говорилось, что он молит пощадить его от побоев и готов добровольно служить мне холуем.

— Амитофо! — воскликнул не на шутку изумленный старец.— Вряд ли тебе придется долго жить за такие слова.

— А с меня хватит и моих лет, почтенный! — дерзко возразил Сунь У-кун.

— Сколько же тебе от роду? — насмешливо спросил старец.

— Попробуй, угадай!

— Лет семь или восемь, конечно, будет.

— Десять тысяч раз по семь или по восемь, — расхохотался Сунь У-кун.— Хочешь, я покажусь тебе в моем настоящем облике, только, чур, не пеняй потом на меня!

— Как же так? Разве у тебя есть еще и другое лицо? — удивился старец.

— У меня, маленького монаха, есть семьдесят два разных облика,— с гордостью отвечал Сунь У-кун.

Старец оказался не очень смышленым и продолжал расспрашивать. Тогда Сунь У-кун провел рукой по своему лицу и сразу же принял свой настоящий облик: выпяченная вперед мордочка с оскаленными зубами, совершенно красный зад, юбочка из тигровой шкуры на пояске, а в руках посох с золотыми обручами. Стоя под крутой скалой, он напоминал своим видом бога Грома Лэй-гуна. Увидев преобразившегося Сунь У-куна, старец побледнел от страха и даже почувствовал слабость в ногах. Он не мог удержаться и повалился, как сноп, наземь. Пытаясь подняться, он снова зашатался и упал. Великий Мудрец подошел к нему и стал успокаивать:

— Почтенный! Не нужно так пугаться! Я вовсе не такой злой, каким выгляжу. Не бойся! Не бойся! Только что я узнал от тебя, что здесь водятся дьяволы-оборотни. Так скажи мне, сколько их. Извини, что утруждаю тебя расспросами, за это постараюсь щедро отблагодарить!

Но старец дрожал от страха и не мог выговорить ни одного слова. Он, видимо, даже оглох, так как совсем не откликался.

Сунь У-кун, видя, что от старца ничего больше не добьешься, сразу же повернул обратно и прибыл к наставнику.

— Ну что? — спросил Танский монах.— Удалось тебе что-нибудь узнать?

— Пустяки! — смеясь, отвечал Сунь У-кун.— Здесь, на Западе, действительно обитают какие-то дьяволы-оборотни, но жители, видимо, чересчур пугливы и поэтому так боятся их. Не волнуйтесь, ничего не случится. Ведь я с вами!

— Узнал ли ты хотя бы, какие здесь горы, какие в них пеще-

ры, сколько злых оборотней и какой дорогой можно пройти к храму Раскатов грома? — допытывался Танский монах.

— Отец-наставник! — вмешался Чжу Ба-цзе.— Извини, что перебил тебя! Позволь мне сказать. Если говорить о превращениях, о ловкости в похищениях и в одурачивании людей, то пятнадцать таких, как я, не могут сравниться с нашим старшим братом. Что же касается кротости и честности, то даже целый полк таких, как он, не сравнится со мною.

— Да, это верно! — подтвердил Танский монах.— Ты и в самом деле кроткий и честный малый!

— Не пойму только, зачем брат Сунь У-кун лезет на рожон, сует голову вперед, не думая о хвосте, толком ничего не расспросил и вернулся ни с чем. Дозволь же мне, старому Чжу Бацзе, пойти расспросить обо всем, чтобы я мог все рассказать тебе.

— Ладно, Чжу У-нэн! — согласился Танский монах.— Только будь осторожен!

Ну и Дурень! Он засунул грабли за пояс, поправил на себе одежду и вразвалку направился к склону горы, издали окликнув старца:

— Почтенный дедушка! Позволь мне приветствовать тебя!

Между тем старец, все еще дрожа от страха, с трудом поднялся на ноги, опираясь на посох, и, убедившись в том, что Сунь У-кун ушел, собрался было удалиться. Однако, увидев Чжу Ба-цзе, он еще больше перепугался и забормотал:

— О небо! Что за кошмары мне мерещатся нынче! Злые чудища одно за другим появляются передо мной! Только что здесь был ужасный монах, урод уродом, но в облике его все же было что-то человеческое, хотя бы три доли, а этот... вот уж не думал, что у монаха может быть рыло, как у свиньи, уши, словно опахала, лицо чернее чугуна и вдобавок ко всему длинная щетина на загривке. В нем и одной доли человеческого не найдешь!

— Дедушка, чем ты так недоволен? — смеясь, спросил Чжу Ба-цзе, подходя к старцу,— или я тебе не понравился чем-либо?.. Почему ты на меня так смотришь? Я, конечно, безобразен, слов нет, но потерпи немного, увидишь, как я тебе понравлюсь, если ты хоть немного меня узнаешь.

Старец, услышав человеческую речь, так удивился, что даже заговорил:

— Откуда ты явился? — спросил он.

— Я второй ученик Танского монаха,— отвечал Чжу Бацзе,— мое монашеское имя Чжу У-нэн, или Чжу Ба-цзе. До меня к тебе приходил Сунь У-кун, мой старший брат в монашестве. Наш наставник остался очень недоволен им, за то что он был дерзок с тобой, дедушка, не расспросил тебя обо всем как следует, а потому велел мне предстать перед тобой, поклониться и разузнать, что здесь за горы, какие пещеры, кто из дьяво-

лов-оборотней обитает в этих пещерах, где проходит большая дорога на Запад. Прошу тебя, дедушка, потрудись мне ответить!

— А ты не шутишь? — спросил старец.

— Я сроду никогда не зубоскалил,— серьезным тоном отвечал Чжу Ба-цзе.

— Только не вздумай быть таким же хвастуном, как тот монах, который только что приходил ко мне, — строго предупредил старец.

— О нет, я на него не похож,— уверенно произнес Чжу Ба-цзе.

Опершись на посох, старец стал рассказывать.

— Эти горы тянутся на восемьсот ли и называются горами Диковинного верблюда. В горах есть пещера, которая тоже называется пещерой Диковинного верблюда. В этой пещере живут три дьявола-мары.

Тут Чжу Ба-цзе сплюнул и перебил старца:

— Э! Да ты, я вижу, старик, чересчур осторожный! Взял на себя труд предупредить нас о каких-то трех дьяволах-марах!

— А ты разве не боишься? — недоверчиво спросил старец.

— Скажу тебе без обмана! — задорно ответил Чжу Ба-цзе.— Этих трех дьяволов мы втроем сразу же прикончим: одного убьет Сунь У-кун своим посохом, другого — я своими граблями, у нас есть еще и меньшой брат, который своим посохом убьет третьего. А когда всех троих дьяволов мы уложим, наш наставник перейдет через гору — вот и все! Чего тут особенного?

— Я вижу, что и тебе все нипочем! — засмеялся старец.— Так знай же, что эти дьяволы обладают огромной волшебной силой. Кроме того, в их распоряжении множество бесов и бесенят: на южных островах — пять тысяч, на северных — тоже пять тысяч, у восточных ущелий — десять тысяч, да на западных — десять тысяч. Дозорных насчитывается не то четыре, не то пять тысяч, вход в пещеру охраняют десять тысяч; истопников не перечесть, да и дровосеков тоже несметное количество, а всего наберется, пожалуй, сорок семь или сорок восемь тысяч. Все они с именными знаками и имеют при себе таблички, на которых значится, кто они такие, эти бесы, а находятся они здесь только для того, чтобы пожирать людей.

Эти слова повергли Дурня в такой ужас, что он задрожал всем телом, повернул обратно, а приблизившись к своему наставнику, прежде чем дать ответ, отложил в сторону грабли и отправился по большой нужде.

Сунь У-кун сердито прикрикнул на него:

— Ты что это присел там на корточки, вместо того чтобы отвечать наставнику?

— Ничего не поделаешь, от страха приспичило,— оправдываясь, произнес Чжу Ба-цзе.— Да и рассказывать нечего, лучше скорей убираться отсюда подобру-поздорову, если жизнь не надоела!

— Эх ты, Дурень,— укоризненно сказал Сунь У-кун. — Я ходил — ничуть не испугался, а ты пошел, так со страху рехнулся!

— Расскажи, наконец, что ты узнал,— попросил Танский монах.

И Чжу Ба-цзе исполнил его просьбу.

— Старец сказал, что эти горы тянутся на восемьсот ли и называются горами Диковинного верблюда. В них есть пещера, которая тоже называется пещерой Диковинного верблюда. В этой пещере хозяйничают три старых дьявола-оборотня, а у них в распоряжении сорок восемь тысяч бесов и бесенят, которые только тем и занимаются, что пожирают людей. Если мы хоть чуть-чуть углубимся в эти горы, то станем добычей дьяволов, и они нас сожрут живьем. О том, чтобы двигаться дальше, даже и думать нечего!

У Танского монаха от этих слов мурашки по спине забегали.

— Сунь У-кун!— сказал он упавшим голосом.— Как же нам быть?

— Успокойся, наставник! — улыбаясь, отвечал старший ученик.— Все это не так уж страшно! Может, здесь и в самом деле есть несколько оборотней, но они, конечно, не так могучи, как представляют себе здешние жители, которые очень их боятся. Не забывай, что я с тобой!

— Брат! Что ты говоришь! — обиделся Чжу Ба-цзе.— Я ведь не такой, как ты. Я разузнал всю правду, как она есть, без малейшего обмана и лжи. Здесь все горы и долины кишат дьяволами-оборотнями, так что продолжать путь никак нельзя.

— Перестань трусить, дурак мордастый! — зло посмеиваясь, остановил его Сунь У-кун.— Чего зря пугаться? Если даже вся эта гора переполнена дьяволами-марами, то стоит только мне, старому Сунь У-куну, пустить в ход свой посох, и не пройдет половины ночи, как не останется в живых ни одного.

— Ай-ай-ай! И не стыдно тебе! Нечего зря хвастаться! Ведь на одну только перекличку всех бесов потребуется семь или восемь дней! А ты хвалишься, что перебьешь всех до одного за такой короткий срок? — насмешливо произнес Чжу Ба-цзе.

— А как, ты думаешь, я буду их бить? — спросил Сунь У-кун.

— Ну как, очень просто: ты будешь их ловить, валить наземь, связывать веревками, околдовывать, чтобы они не могли пошевельнуться. Но как бы проворно ты ни действовал, все равно так быстро с ними не разделаешься!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Мне не нужно будет ни ловить, ни хватать, ни вязать! Я возьму посох за оба конца и крикну ему: «Расти!» И он сразу же вытянется в длину на сорок чжан, потом я помахаю и велю: «Стань толще!» И он станет восемь чжан в обхвате. Тогда я покачу его по южному склону горы, и он сразу же прида-

вит пять тысяч бесов; затем покачу по северному и там передавлю пять тысяч. Затем прокачу его с востока на запад и, пожалуй, все сорок или пятьдесят тысяч бесов сразу же превратятся в кровавое месиво и смешаются с грязью!

— Ну, брат, если ты решил раскатать их как тесто, то, пожалуй, за две стражи вполне управишься! — обрадовался Чжу Ба-цзе.

Стоящий в стороне Ша-сэн сказал:

— Наставник! С такой великой силой, как у нашего старшего брата, нам действительно бояться нечего. Садись верхом на коня и едем дальше.

Слыша, как его ученики собираются разделаться с оборотнями, Танский монах успокоился, сел на коня и поехал дальше.

Пока они ехали, старец, предвещавший им беду, вдруг исчез.

— Должно быть, это и был сам оборотень, который нарочно нагонял разные страхи, чтобы напугать нас,— промолвил Ша-сэн.

— Погодите, — сказал Сунь У-кун.— Я сейчас отправлюсь вперед и разузнаю, что там.

С этими словами Сунь У-кун вскочил на одну из горных вершин и стал внимательно оглядываться по сторонам, но старца и след простыл. Вдруг Сунь У-кун увидел в небе радужное сияние. Он вскочил на облако и помчался к тому месту, откуда оно исходило. Когда он приблизился, то оказалось, что это сияние исходит от духа Вечерней звезды. Сунь У-кун подлетел к нему вплотную, ухватился за него рукой и обратился к нему, называя его ласкательным именем:

— Ли Чан-гэн! Ли Чан-гэн! За что же это ты так оскорбляешь меня?! Если ты хотел сказать что-то, так бы и говорил. Зачем же тебе понадобилось преображаться в какого-то старца отшельника, живущего в горах и лесах, и дурачить меня?

Дух Вечерней звезды смутился и, поспешно совершив поклон, выражающий полное почтение, произнес:

— О Великий Мудрец! Прости, что я поздно известил тебя! Очень прошу, прости мне мою вину. Здешние дьяволы-оборотни действительно владеют огромной волшебной силой; вы сможете пройти через эти горы лишь в том случае, если ты применишь все свое искусство превращений и изощришь всю свою хитрость; но берегись, при малейшей небрежности и неосмотрительности вам не избежать большой беды.

— Очень признателен тебе, очень признателен! — с чувством поблагодарил Сунь У-кун.— Поскольку здесь очень трудно пройти, прошу тебя передать Нефритовому императору, чтобы он помог мне своим небесным воинством.

— Есть! — по-военному отвечал дух Вечерней звезды.— Я исполню твое поручение и убежден, что если понадобится, то у тебя будет стотысячное небесное войско!

Великий Мудрец Сунь У-кун простился с духом Вечерней звезды, спустился на облаке и предстал перед Танским монахом.

— Оказывается, старец, который был на склоне горы, не кто иной, как дух Вечерней звезды,— сказал он, обращаясь к наставнику.— Он явился, чтобы предупредить нас.

Танский монах сложил ладони рук и обратился с мольбой к своим ученикам:

— Братья! Скорей догоните его и спросите, нет ли поблизости другой дороги на Запад, чтобы обойти эту гору.

— Обойти мы ее не сможем! — решительно заявил Сунь У-кун. — Эта гора тянется на восемьсот ли, а если обходить ее кругом, то неизвестно, сколько нам придется пройти.

От этих слов у Танского монаха слезы навернулись на глаза и хлынули потоком.

— Братья! Видно, на сей раз мы попали в такую беду, что вряд ли выберемся отсюда, и я даже не знаю, удастся ли нам поклониться Будде!

— Не плачь! Не плачь! — успокаивал наставника Сунь У-кун.— От того, кто плачет, такая же польза, как от гнойного нарыва. Дух Вечерней звезды нарочно напугал нас, чтобы мы были повнимательней и поосторожней. Ты пока слезь с коня и посиди здесь.

— Опять вздумал о чем-то совещаться, что ли? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Нет, совещаться не о чем! — отвечал Сунь У-кун.— Посторожи здесь нашего наставника, да повнимательнее; ты, Ша-сэн, постереги нашу поклажу и коня, а я поднимусь на вершину и посмотрю, сколько здесь наберется оборотней, поймаю одного и узнаю от него все подробности. Затем я заставлю его составить список всех бесов, старых и малых, велю запереть ворота пещеры, скрыться за ними и не преграждать нам путь, а затем попрошу наставника спокойно проехать через горы. Вот когда проявится мое уменье обходиться с дьяволами!

— Будь только осторожен! — приговаривал Ша-сэн.

— Не беспокойся! Я и сам знаю,— отвечал Сунь У-кун.— Ничто не остановит меня: будь передо мною великое Восточное море-океан, и то я готов проложить дорогу через него; будь передо мною Серебряные горы в жемчужной оправе, я все равно пробью ход через них.

И вот наш Великий Мудрец со свистом перекувырнулся через голову, вскочил на облако и сразу же оказался на вершине горы. Укрывшись среди лиан и кустарника, он стал осматриваться кругом. Везде было тихо, спокойно, и совершенно безлюдно.

— Ошибся, ошибся! — разочарованно произнес Сунь У-кун упавшим голосом.— Не следовало мне отпускать духа Вечерней звезды. Он, оказывается, зря пугал меня. Никаких дьяволов здесь нет. Иначе они непременно резвились бы где-нибудь

на открытой лужайке, упражнялись бы с копьем или палицей в фехтовальном искусстве. А тут ни одного не видно...

Размышления Сунь У-куна были прерваны звоном колокольчика и стуком колотушки позади горы. Он быстро обернулся и стал вглядываться. Оказывается, с севера на юг шел маленький бесенок, который нес на плече флаг с иероглифом «лин», что значит «приказ». К поясу бесенка был привязан колокольчик, а в руках он нес колотушку. Сунь У-кун прикинул, что бесенок ростом в один чжан и два чи.

— Должно быть, вестовой,— решил Сунь У-кун,— и несет казенную бумагу или какое-нибудь сообщение. Послушаю, не выболтает ли он чего-нибудь, не расскажет ли что-либо важное.

Молодчина Сунь У-кун! Он прищелкнул пальцами, прочел заклинание, встряхнулся и, превратившись в муху, полетел к бесенку. Кружась над его шапкой, он стал внимательно прислушиваться.

Тем временем бесенок вышел на большую дорогу и, продолжая бить в колотушку и звякать колокольцем, стал приговаривать:

— Мы, дозорные, должны больше всего остерегаться Сунь У-куна, поскольку он умеет превращаться в муху!

Услышав эти слова, Великий Мудрец изумился и встревожился.

«Этот мерзавец, вероятно, где-нибудь видел меня,— подумал он.— Иначе откуда бы ему знать как меня зовут и то, что я могу превращаться в муху?..»

На самом же деле бесенок никогда не видел Сунь У-куна и повторял лишь то, что ему сказал дьявол-оборотень, его главарь, которому почему-то вдруг вздумалось дать такой наказ, и бесенок повторял его вслепую, думая, что все это выдумки. Но Сунь У-кун ничего этого не знал и уже хотел достать свой посох, чтобы убить бесенка, однако удержался от своего намерения и подумал:

«Помнится, когда Чжу Ба-цзе расспрашивал духа Вечерней звезды, тот сказал, что дьяволов всего трое, а бесов и бесенят тысяч сорок семь или сорок восемь. Если все бесенята такие же, как этот, то пусть их будет хоть на десяток тысяч больше, они мне нипочем. Интересно было бы узнать, каковы из себя три главных дьявола и какой волшебной силой они владеют. Попробую-ка я расспросить этого беса, а прикончить его всегда успею.

И как бы вы думали, читатель, наш бесподобный Мудрец Сунь У-кун сумел расспросить бесенка? А вот как: он полетел вверх, уселся на макушку дерева, переждал, пока бесенок прошел вперед на некоторое расстояние, а затем стремительно перевернулся и превратился в такого же маленького бесенка, который тоже бил в колотушку и звякал колокольцем; на плече у него тоже появился флаг, одет он был в такую же одежду,

и только ростом оказался выше на три или на пять цуней. Бормоча, как бесенок, Сунь У-кун быстро нагнал его и крикнул:

— Эй! Прохожий! Постой!

Бесенок оглянулся на крик.

— Ты откуда взялся? — изумился он.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Милый мой! Своих не узнаешь!

— У нас таких нет! — решительно произнес бесенок.

— Как это нет? — возмутился Сунь У-кун.— А ну-ка, погляди на меня как следует!

— Лицо совсем незнакомое. Я такого не знаю.

— Понятное дело, что ты меня в лицо не знаешь,— спокойно стал объяснять Сунь У-кун.— Я здесь состою истопником, и тебе редко приходится видеть меня.

Но бесенок замотал головой.

— Нет, не проведешь! С такой острой мордой у нас никого нет, даже среди истопников.

Сунь У-кун подумал про себя: «Я, наверное, перестарался, и морда у меня слишком выпятилась». Наклонив вниз голову, он потер себе морду рукою, а затем сказал:

— Ну вот, смотри, не такая уж у меня острая морда.

— Но ведь только что она была совсем другой! — воскликнул озадаченный бесенок.— Как же это получилось, что ты потер себе морду, и она перестала быть острой? Что-то подозрительно! Нет, ты не из наших! Отойди лучше от меня! У нашего великого князя порядки очень строгие: истопники знают только свое дело — топить печи, а дозорные — ходить дозором по горам, не может быть, чтобы тебе разрешалось то быть истопником, то ходить в дозор!

Сунь У-кун всегда отличался находчивостью, а потому и на этот раз придрался к последним словам бесенка и воскликнул:

— Ничего ты не знаешь! Великий князь в награду за исправную службу назначил меня дозорным.

— Ладно! Пусть так! — ответил бесенок.— Нас, дозорных, по сорок в группе, всего десять групп, и, стало быть, всех дозорных ровно четыреста. Каждый из нас отличается по возрасту и внешности, у каждого свое имя и звание. Великий князь во избежание беспорядка в дежурстве и для удобства переклички выдал каждому из нас табличку с надписью. Есть у тебя такая табличка?

Сунь У-куну удалось принять облик бесенка только потому, что он видел, во что тот был одет и как держал себя, но он не знал, какая у него табличка. Однако на то Сунь У-кун и был Великим Мудрецом! Он не стал признаваться, что у него нет таблички, и вот как ответил бесенку:

— Как же может быть, чтобы у меня не было при себе таблички?! Моя табличка еще совсем новенькая, я ее только что получил. Покажи мне сперва твою табличку!

Откуда мог знать бесенок, что Сунь У-кун все это выдумал? Он поднял подол своей одежды, вытащил привязанную на шелковом шнуре к нательному поясу золотую табличку и показал Сунь У-куну. Тот стал внимательно ее разглядывать и заметил, что на оборотной стороне начертаны четыре иероглифа «гроза всех духов», а на лицевой — три иероглифа в классическом начертании, которые означали: «маленький лазутчик».

«Ясно,— подумал Сунь У-кун,— очевидно, у всех дозорных такая же табличка, а последний иероглиф надписи должен быть одинаковым у всех».

Обратившись к бесенку, он сказал ему:

— Опусти подол и отойди в сторонку. А я пока достану свою табличку и покажу тебе.

Быстро отвернувшись, Сунь У-кун поймал свой хвост, вырвал из него волосок, помял его в руке и приказал: «Изменись!» Волосок мигом превратился в золотую табличку, через которую тоже был продет шелковый шнур, только зеленого цвета, а на лицевой стороне значились три иероглифа: «главный лазутчик». Сунь У-кун передал табличку бесенку. Тот в испуге стал лепетать:

— У нас все носят одинаковое звание: «Маленькие лазутчики». Как же это получилось, что только у тебя одного другое звание — «главный лазутчик»!

Вы знаете, читатель, что Сунь У-кун был ловок и сметлив и всегда знал, что ответить. Ничуть не теряясь, он сказал:

— Э! Да ты и в самом деле ничего не знаешь. Великий князь был очень доволен мною как истопником и за это повысил меня, назначив на должность дозорного. Мне выдали совершенно новую табличку с надписью: «главный лазутчик». Мне велено взять вашу группу в сорок маленьких лазутчиков под свое начало!

Услышав об этом, бесенок издал приветственный возглас и забормотал:

— Извини, начальник, тебя только что назначили, и твое лицо мне действительно совсем незнакомо. Я был груб с тобой, но не сердись на меня!

Сунь У-кун ответил на его приветствие и, ухмыляясь, добавил:

— Сердиться на тебя я не буду, но при одном условии: выкладывайте денежки на устройство встречи с вами, по пять лян серебром с каждого!

— Начальник! Подожди немного. Я схожу на край южного хребта, встречусь там со всеми ребятами своей группы, и мы сообща соберем денежки.

— И то дело! — согласился Сунь У-кун.— Только я пойду с тобой вместе!

Бесенок пошел впереди, а Великий Мудрец последовал за ним.

Не прошли они и нескольких ли, как вдруг увидели высокий пик, похожий на писчую кисть, воткнутую в подставку. Он был в вышину не менее пяти чжан и издали действительно походил на кисть, потому его и называли «пик-кисть». Подойдя к нему, Сунь У-кун поджал хвост и, подпрыгнув вверх, уселся на самой вершине.

— Лазутчики! — закричал он сверху.— Все ко мне!

Вскоре внизу появились лазутчики, которые стали низко кланяться Сунь У-куну и приветствовать его.

— Начальник! Ждем приказаний.

— Знаете ли вы, — обратился к лазутчикам Сунь У-кун,— почему наши повелители назначили меня старшим над вами?

— Нет, не знаем! — хором отвечали бесенята.

— Великие князья возымели желание съесть Танского монаха, но опасаются, что Сунь У-кун, который сопровождает его, обладает огромной волшебной силой. Говорят, будто он умеет преображаться. Опасаясь, как бы он под видом такого же, как вы, маленького лазутчика, не проник к нам и не узнал про нас все тайны, они назначили меня старшим, и мне поручено проверить всех вас, не окажется ли среди вас поддельного лазутчика.

Бесенята сразу же в один голос стали убеждать Сунь У-куна:

— Начальник! Мы все самые что ни на есть настоящие лазутчики!

— Ну что же, в таком случае скажите мне, какими волшебными силами обладают наши великие князья? — спросил Сунь У-кун.

— Я знаю! — бойко ответил один из лазутчиков.

— Знаешь, так говори живей! Если ответишь правильно, значит, ты настоящий, а если ошибешься в чем либо, то поддельный! Тогда я тебя схвачу и доставлю на расправу к нашим повелителям.

Бесенок-лазутчик, видя, что Сунь У-кун говорит совершенно серьезно и ведет себя как начальник, занимающий высокий пост, не знал, как поступить, но, подумав, решил рассказать всю правду.

— Наш старший великий князь обладает могучими чарами,— начал он.— Он все умеет и может за один раз проглотить стотысячное небесное войско...

— Врешь! — закричал Сунь У-кун, услышав эти слова.— Ты поддельный!

Бесенок опешил.

— Начальник! Я же самый настоящий. Зачем же ты говоришь, что я поддельный?

— Если бы ты был настоящим, то не стал бы нести такую чепуху про старшего великого князя. Какого же, по-твоему, он должен быть роста, чтобы за один раз проглотить стотысячное небесное войско?

— Начальник! Видно, ты сам ничего не знаешь про нашего старшего великого князя. Ведь он умеет превращаться. Если захочет, то сможет головой коснуться небесных чертогов или стать меньше горчичного зернышка. Когда царица Сиван-му устроила Персиковый пир, она пригласила всех небожителей и праведных отшельников, но не прислала приглашения нашему великому князю. За это он хотел покарать небо. Нефритовый император выслал на него стотысячное небесное войско, а он превратился в великана, разинул свою пасть, величиной с городские ворота, и стал изо всей силы втягивать в себя воздух. Небесное войско струхнуло, не отважилось напасть на него и заперлось за Южными небесными воротами. Вот почему я и сказал, что наш старший великий князь за один раз может проглотить стотысячное небесное войско.

Сунь У-кун выслушал бесенка и усмехнулся по себя: «Ну, этим ты меня не удивил: когда-то и я, старый Сунь У-кун, проделал то же самое!»

Издав одобрительный возглас, Сунь У-кун обратился к бесенку:

— Теперь расскажи, что ты знаешь о втором великом князе.

— Наш второй великий князь ростом в три чжана,—бодро начал рассказывать бесенок,— у него широкие густые брови, глаза, как у красного феникса, приятный женский голос, широкие и плоские зубы, а нос длинный, как туловище дракона. Если он с кем-либо затеет драку и обхватит врага своим носом, тот сразу же испустит дух, будь у него даже железная спина и медное туловище!

«Оборотня с таким носом, которым можно людей обхватывать, тоже не трудно взять»,— подумал про себя Сунь У-кун, и снова издал одобрительный возглас.

— Ну, а теперь скажи мне, чем славится наш третий великий князь?

— Наш третий великий князь не простой волшебник, недаром его прозвали Кондором, вмиг пролетающим десять тысяч ли,— хвастливо произнес бесенок.— Когда он несется, поднимается вихрь, вздымающий морские волны, он повергает в трепет север и юг. При нем всегда его волшебный талисман, который носит название «ваза с двумя началами природы — инь и ян». Если в эту вазу попадет человек, то через час и три четверти он весь растворится в жижу или кисель.

От этих слов Сунь У-куну стало не по себе, и он подумал: «Самого дьявола-оборотня я не испугаюсь, но надо будет остерегаться его вазы».

Снова издав одобрительный возглас, Великий Мудрец похвалил бесенка:

— Про наших трех великих князей ты рассказал все точно. Ну, а теперь скажи мне еще, который из наших великих князей хочет съесть Танского монаха?

— Начальник, ты разве не знаешь? — удивился бесенок.

— Я-то знаю и уж во всяком случае больше тебя! — прикрикнул Сунь У-кун на бесенка.— Мне велено хорошенько проверить вас, поскольку есть подозрение, что вы не все знаете.

— Наш старший великий князь и второй великий князь давно уже обитают в пещере Диковинного верблюда на горе Диковинного верблюда,— сказал бесенок,— а третий великий князь живет не здесь. Его обиталище в четырехстах ли к западу отсюда. Там у него свой город, который зовется городом Диковинного верблюда. Пятьсот лет назад он сожрал царя и властелина этого города, вместе со всеми его придворными чинами, гражданскими и военными. Жители города, старые и малые, мужчины и женщины, все до единого тоже были съедены им. За это верховный правитель лишил его принадлежавших ему владений. В настоящее время у него в услужении осталось лишь несколько оборотней. Не помню, в каком году он разузнал, что какой-то монах из восточных земель Танского государства послан на Запад к Будде за священными книгами, причем про этого монаха прошел слух, что он переродился после очищения от всех грехов в течение десяти поколений и тот, кто вкусит кусочек его тела, продлит свою жизнь и никогда не будет стареть; но вся беда в том, что у этого монаха есть ученик и последователь Сунь У-кун, опасный и коварный враг и с ним никому из великих князей в одиночку не справиться. Поэтому третий великий князь прибыл сюда и вступил в побратимство с первыми двумя великими князьями, и они решили общими усилиями изловить Танского монаха.

Эти слова привели Сунь У-куна в ярость.

«До чего же обнаглели эти мерзкие дьяволы-мары! — негодовал он.— Как смеют они помышлять о том, чтобы съесть моего наставника, когда я взялся охранять его, чтобы добиться блаженства в будущей жизни!»

С возгласом крайнего раздражения Сунь У-кун заскрежетал зубами, выхватил посох и прыгнул прямо вниз с крутой скалы, со всего размаху опустив посох на голову маленькому бесенку, размозжив несчастному череп.

Взглянув на дело рук своих, Сунь У-кун растерялся.

— Эх! Зачем это я вдруг прикончил его! — с досадой сказал он.— Малый был не таким уж плохим, сам обо всем рассказал мне. Но теперь ничего не поделаешь! Так уж вышло!

Узнав о том, что Танскому монаху угрожает опасность, Сунь У-кун не мог сдержать своего гнева и потому убил бесенка. Он снял табличку с убитого, привязал ее к своему поясу, взял на плечо флажок с иероглифом «лин», подвязал колокольчик, взял в руки колотушку, повернулся лицом к ветру и, прищелкнув пальцами, прочел заклинание и встряхнулся. После этого он превратился в точную копию убитого им бесенка-лазутчика.

Широко шагая, он повернул обратно, вышел на большую дорогу и отправился на поиски дворца-пещеры, чтобы проверить все то, что он узнал про трех дьяволов-оборотней. Вот уж поистине:

Царь обезьяи Суиь У-куи всех превосходит в умеиье
Облик менять свой путем чудесиейших превращений;
Сотии и тысячи видов Мудрец легко принимает,
Способиости в этом искусстве иеслыхаиные являет.

Углубившись в горы, Сунь У-кун пошел уже по знакомой ему дороге и вдруг услышал крики людей и ржанье коней. Он стал всматриваться и увидел у входа в пещеру Диковинного верблюда несметное количество бесов и бесенят, строящихся в полки, с копьями, пиками, мечами и саблями, со знаменами и флагами.

Тут наш Великий Мудрец Сунь У-кун с радостью в душе подумал:

«А ведь не зря предупреждал дух Вечерней звезды, совсем не зря».

Оказывается, по построению бесовских полчищ ничего не стоило подсчитать их количество: каждые двести пятьдесят бесов выстраивались в один ряд. Сунь У-кун насчитал сорок знамен, с длинными разноцветными полотнищами, развевающимися по ветру, и сразу же сообразил, что перед ним конное и пешее войско, численностью в десять тысяч воинов; прикидывая в уме, как действовать дальше, он стал рассуждать так:

«Я превратился в маленького лазутчика и теперь легко проникну в пещеру; если дьяволы-оборотни потребуют доложить, что я высмотрел на дозоре, я, безусловно, буду отвечать в зависимости от обстоятельств. Если же я в чем-либо ошибусь и они опознают меня, как тогда мне вырваться от них? Допустим, я побегу к выходу, а эта банда закроет ворота, как я пробьюсь? Для того чтобы изловить дьяволов в пещере, надо сперва уничтожить всю ораву бесов перед воротами!

Но как это сделать?

Главные дьяволы-оборотни никогда меня не видели,— рассуждал Сунь У-кун,— они знают обо мне только понаслышке. Я воспользуюсь этим и постараюсь внушить им еще большее уважение к моему могуществу, расскажу им о себе разные небылицы и нагоню на них страх. Посмотрим, как это подействует. Если Китаю суждено просветиться учением Будды, то мы сможем пройти за священными книгами и благополучно вернуться; тогда стоит мне сказать всего лишь несколько храбрых и мужественных слов, и вся эта ватага бесов, сколько бы их ни было, отступит передо мной, и они разбегутся от страха; но если не судьба, то священные книги никак не удастся раздобыть и никакими словами, даже заклинаниями самого Будды, не уничтожить бесов у входа в пещеру, преграждающих путь на Запад!»

Сунь У-кун тщательно обдумывал план действий, как говорится, сердцем спрашивал уста, а устами — сердце, и, когда принял окончательное решение, стал бить в колотушку, звякать колокольцем, направляясь прямо ко входу в пещеру Диковинного верблюда. Сторожевые бесы еще издали заметили его и, преградив дорогу, спросили:

— Это ты явился, маленький лазутчик? Здорово!

Но Сунь У-кун ничего не ответил им, наклонил голову и прошел мимо.

Дойдя до второго поста, он опять был задержан сторожевыми бесами.

— Это ты явился, маленький лазутчик? Здорово! — с таким же приветствием обратились они к Сунь У-куну.

— Да, это я явился! — ответил он.

— Скажи, сегодня утром, обходя горы дозором, не столкнулся ли ты с Сунь У-куном? — спросили сторожевые бесы.

— Столкнулся! — смело ответил Сунь У-кун.— Я видел, как он там сидит и точит какую-то дубину.

Бесы не на шутку испугались.

— А каков он из себя,— спросил один из них,— и что за дубину точит?

— Он походит на духа — покровителя дорог и сидит сейчас на корточках у горного ручья,— ответил Сунь У-кун.— Но если он выпрямится во весь свой рост, то, право, будет в вышину более десяти чжан! У него в руках большой железный посох, похожий на дубину, толщиной с плошку. Он черпает рукой воду из ручьев, обливает скалистый камень, точит о него посох и приговаривает: «Дубина! Я давно уже не брал тебя с собой, чтобы ты проявила все скрытое в тебе могущество. Но сейчас сто тысяч бесов-оборотней предстанут пред тобой и надо будет их всех забить до смерти! Зато я принесу тебе щедрую жертву, как только убью трех главных дьяволов!» Он, видимо, решил наточить свой посох до блеска и в первую очередь убить всех вас, десять тысяч отборных воинов!

От этих слов бесы так перепугались, что у них, как говорится, душа в пятки ушла, сердце сжалось от ужаса и печенка затряслась.

А Сунь У-кун продолжал пугать их.

— Вот что, уважаемые! У этого Танского монаха много ли наберется мяса? Всего лишь несколько цзиней — и все! На всех нас все равно не хватит. Чего ради нам подставлять свою голову под дубину? Не лучше ли разойтись всяк в свою сторону—вот и все!

— Дело говоришь! Верно! Правильно! — зашумели бесы.— Своя жизнь дороже! Уйдем отсюда! — раздались многочисленные возгласы.

Дело в том, что все эти бесы и бесенята на самом деле были оборотнями волков, змей, тигров, барсов и разных других

зверей и пернатых. С громкими криками все они обратились в бегство и исчезли.

Таким образом, слова простого дозорного, в образе которого скрывался Сунь У-кун, возымели такое же действие, как чуские песни, от которых разбежалось восемь тысяч храбрых воинов *.

Радуясь в душе, Сунь У-кун сказал себе:

«Ну вот и хорошо! Теперь дьяволам-оборотням пришел конец! Если их воинство от одних только слов разбежалось, то как же оно отважилось бы встретиться с врагом лицом к лицу? Войдя в пещеру, надо будет пока говорить все то же самое, а то вдруг один или двое из бесов тоже проникнут в пещеру, услышат, и тогда поднимется буря!»

Охваченный твердой решимостью, Сунь У-кун направился к древней пещере и, преисполненный храбрости, вошел в ворота.

Какие произошли с ним злоключения при встрече с дьяволами-марами, вы узнаете из следующих глав.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 4. *Дворец Чудотворного неба...*— Согласно даосским верованиям, небеса делятся на девять сфер («цзю-сяо»). Многие даосские храмы настоятели называли именами небесных слоев, подчеркивая «высокое» назначение этих мест.

Стр. 6. *Планеты Воды, Огня, Древа, Злата и Почвы.*— Согласно представлениям даосов, вселенная делится на семь больших сфер («Ци-чжэн»), самыми крупными из которых являются сферы Солнца — мужское, светлое начало мироздания, и Луны — женское, темное начало мироздания. Помимо этих двух основных начал, во вселенной существуют начала: Воды (планета Шуйсин, или Меркурий); Огня (планета Хосин, или Марс); Дерева (планета Мусин, или Юпитер); Золота или Металла (планета Цзиньсин, или Венера); Почвы (планета Тусин, или Сатурн). Последнее из указанных начал мироздания называют также началом Благодетели (планета Дэсин).

Стр. 15. *Четыре моря.*— По представлению древних, все моря, омывающие сушу с четырех сторон («сы-хай»). Часто под этим термином подразумевается Китай, а иногда — вся вселенная.

Пять озер.— Имеются в виду крупнейшие озера Китая — Поянху, Дунтинху, Тайху, Цинцаоху и Даньянху.

Четыре потока.— Имеются в виду крупнейшие реки Китая — Хуанхэ, Хуайхэ, Янцзыцзян и Сицзян.

Девять рукавов — девять ветвей реки Янцзы («цзюй-пай»), в другом значении — название Китая.

Стр. 18. *Мара.*— Согласно верованиям буддистов, в центре вселенной находится священная гора Сумеру, на которой обитают четыре небесных богатыря и бодисатва Линцзи с тридцатью двумя приближенными. В четвертом надземном мире обитает Майтрея — будда грядущих времен; в шестом же надземном мире живет Мара, или, как его называют в Китае, Мован. Мара — противник учения Будды; он — властитель так называемого «мира вожделений», то есть мира чувств и страстей. Буддисты считают, что все мирские искушения и нарушения моральных норм религии происходят под влиянием Мары и обитателей его мира. В «мире вожделений» жизнь и быт всех

духов напоминают жизнь и быт людей: как и на земле, здесь едят, пьют, женятся, трудятся и т. д. По внешнему облику обитатели царства Мара тоже похожи на людей, хотя намного выше их ростом.

Над «миром вожделений» находится так называемый «мир цвета», а еще выше — «мир бесцветия»: в этих двух мирах существа проходят процесс от погружения в созерцание до полного самозабвения; выше этого мира находится мир Саха, царство абсолютного духа, то есть нирвана. Там ныне, считают буддисты, обитает верховный Будда — Сакья-муни.

Стр. 74. *Селезень с уткой* («Юаньян») — символ супружеской верности и любви.

Стр. 75. *Си-ши* — имя знаменитой китайской красавицы, жившей в V в. до н. э.

Чжао-цзюнь — наложница императора Юань-ди, правившего в эпоху Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.). По преданию, главный сановник дворца и дворцовый художник оклеветали честную Чжао-цзюнь, и в результате дворцовых интриг она была отдана в рабство предводителю племени сюнну. Многие писатели и поэты древнего Китая обращались к образу Чжао-цзюнь как к идеалу женской красоты, кротости и благородства.

Стр. 85. *Пиба* — название древней китайской лютни.

Стр. 87. *По высокой воде корабль плывет быстро...*— По-китайски, «высокая вода» и пирожки «шуйгао» произносятся одинаково; также одинаково произносятся слова «пирожки с начинкой дэнша» и «в зыбком песке конь идет медленнее». Танский монах использует игру слов, чтобы аллегорически намекнуть о своем желании поскорее уйти из женского царства.

Стр. 92. *Лю Цуй-цуй* — имя известной красавицы династии Суй (589—619 гг.).

Юе-ван — царь эпохи Чжоу (V век до н. э.).

Стр. 105. *Тай-суй* — китайское название планеты Юпитер.

Стр. 113. *Духи Чаншэнь* — неистовые духи, управляющие пятью колесницами, на которых умерших отправляют в царство властителя ада Янь-вана.

Три сферы.— Имеются в виду мифические буддийские миры — Мир желаний, Мир цвета и Мир бесцветия.

Стр. 115. *Якша* (Е-ча) — дух, прислуживающий небесному богатырю Вайсраване на земле, на небе и в воздухе. Якши охраняют на небесах городские стены, каналы, ворота и башни.

Стр. 123. *Муча* (Болотимуча, Пратимокша) — святой, ведающий стихней Дерева. С его именем связаны десять правил, которые должны выполнять бодисатвы для стяжания высшей мудрости и нирваны. Буддисты считают, что не выполнять этих правил — то же, что «варить кашу из древесины, надеясь, что она может заменить рис».

Шаньцай — святой отрок, обладающий волшебной силой обогащения.

Стр. 127. *Древо высшее.*— Имеется в виду артемизия, которую буддисты считают священным деревом. Увядание священных деревьев в этом стихе символизирует тяжелое состояние Танского монаха, который пал духом из-за голода и холода.

Стр. 131. *«Коль селезенка решила проститься...»*—Селезенка символизирует жизненную силу человека.

Стр. 132. *Восемь заповедей* («Ба-цзе»).— Имеются в виду восемь правил, обязательных для буддистов: 1. Не убей; 2. Не укради; 3. Не прелюбодействуй; 4. Не лги; 5. Не пей неразумно хмельного; 6. Не возносись перед ближними; 7. Не занимайся расточительством; 8. Не предавайся разгулу.

Стр. 150. *Четыре великих бодисатвы* — очевидно, имеются в виду бодисатвы Майтрея, Гуаньинь, Вэнь-шу и Цзяе.

Восемь хранителей закона Будды («Ба-да-цзинь-ган») — небесные богатыри, призванные охранять небесные миры от ереси, порока и беззаконий. Их повелителем является бодисатва Вэй-то (Ви-до).

Цзе-ди.— Монахи, строго придерживающиеся так называемых «четырех истин буддизма» («Сы-ди»): 1. Страдания свойственны всем живым существам; 2. Страдания являются основой перерождения существ; 3. Высший идеал состоит в достижении такого состояния, когда прекращаются страдания и перерождения, то есть в нирване; 4. Нужно всеми силами стремиться правильно пройти длинный путь перерождений, чтобы достигнуть идеала.

Бикшуни — монахини, которые дали обет безбрачия, приняли множество клятв и в том числе клятву жить только подаяниями. *Бикшу* — монахи, давшие множество обетов и в том числе обет жить подаяниями. Бикшу и бикшуни живут братствами («сэн»), у них все общее: и пища, и одежда, и жилища.

Упаны — женатые монахи; *упасики* — замужние монахини; под словами «упан» и «упасика» подразумеваются люди чистой, непорочной жизни, преданные своему долгу.

Стр. 151. *У них два сердца...*— то есть они двоедушны.

Стр. 160. *Пять видов хлебных злаков*.— Имеются в виду ячмень, просо, пшеница, горох и бобы.

Стр. 163. *Острова Пэн и Ин* (Пэнлай, Инчжоу) — названия двух сказочных островов в мифическом Восточном море, на которых обитают бессмертные ученые и праведные отшельники.

Стр. 167. *Малая гора Сумеру*.— По буддийским представлениям, гора надземных миров Сумеру находится в середине между земными мирами. С востока эта гора золотая, с юга — из серебра, с запада — из драгоценного камня цвета лазури, с севера — из волшебного белого камня. Из середины ее склонов вырастают четыре малые горы.

Бодисатва Линцзи — интерпретированный образ индуистского бога Индры; повелитель второго надземного мира.

С именем бодисатвы Линцзи связана следующая легенда. Когда-то в далекие времена жила некая славная, благочестивая женщина. В день смерти благочестивого проповедника из рода Готама (так называли Будду, когда он проповедовал на земле) решила она воздвигнуть в его честь большую пагоду. Ей на помощь пришли тридцать два юноши, и пагода была построена за один день. Их «благодеяние» зачлось им в «мире ином»: благочестивая женщина стала бодисатвой, а двадцать четыре юноши — ее ближайшими соратниками в управлении тридцатью тремя государствами второго небесного мира.

Стр. 178. *То позабыл бы тотчас же девицу, к которой шел когда-то в Гао-*

тан.— Имеется в виду любимица чуского князя Чжуан-вана (VII век до н. э). *Гаотан* — название древнего дворца в горах Ушань.

Стр. 181. *Усиншань*— гора Пяти стихий. Под «пятью стихиями» подразумеваются элементы, из которых, по представлениям алхимиков, состоит мир: металл, дерево, вода, огонь, почва.

Стр. 185. *Восемь прекраснейших яств.*— Имеются в виду яства, приготовленные из сердца, желчного пузыря, селезенки, легких, печени, желудка, почек и кишок.

Стр. 196. *Янь-ван* (Янь-ло, Яма-раджа)— владыка ада; даосы считают его вершителем десяти судилищ преисподней.

Стр. 202. *Год «хай», год «шэнь».*— Под словом «хай» подразумевается циклический знак лунного календаря. Году «хай» соответствует знак «чжу», имеющий значение — «свинья». По преданию, в год «хай» первоначально господствовала стихия Дерева; в год «ню» (год Коровы) господствовала стихия Почвы; в год «Обезьяны» (он соответствует циклическому знаку «шэнь») господствовала стихия Металла.

Стр. 212. *Клепсидра* — древние водяные часы, по принципу устройства напоминающие песочные часы.

Стр. 214. *Когда две крайности соединились...*— Имеется в виду два противоположных начала — Огонь и Вода, соединение которых, согласно древним представлениям, дало начало существованию вселенной.

Стр. 215. *Кэ.*— В старом китайском календаре сутки делились на двенадцать частей, или сто кэ, в стихе говорится о том, что истинному буддисту мало «помышлять о благах» в течение только одних суток (сто кэ); он должен посвятить учению Будды всю свою жизнь (сотни тысяч кэ).

Темное и светлое начало — Имеются в виду женское начало Инь (темное) и мужское начало Ян (светлое).

«Линцзянсян» — один из мотивов, на которые пелись стихи определенного размера, созданные в жанре «цы» Жанр «цы» был широко распространен в Китае в эпоху Сун (960—1279 гг.). Линцзянсян — значит: Линцзянский отшельник Линцзян — уезд в древнем Китае, расположенный на территории нынешней провинции Цзянси.

Стр. 216. *Чертоги Вэйянгун.*— Имеется в виду знаменитый дворец императоров эпохи Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.).

Стр. 222. *Словно стоишь на вершине священной горы...*— Имеется в виду священная гора Сумеру.

Стр. 224. *Цайцюань* — название игры, заключающейся в отгадывании количества пальцев, показываемых обоими партнерами.

Стр. 233. *Трипитака* (Сань-цзан) — «Три сокровища» буддизма, то есть полное собрание буддийских канонов, которые делятся на три части: 1. Изречения Будды; 2. Заповеди буддиста; 3. Основы вероучения.

Стр. 236. *Дух готов был укрыться за девятое небо...*— Согласно старым китайским поверьям, у людей наряду с душой существовал бесплотный дух, переселяющийся после смерти на небеса.

Стр. 237. *Видно, не узнаешь меня, своего отца, Сунь У-куна...* — Сунь У-кун называет себя отцом, желая нанести оборотню кровное оскорбление.

Гора Хуагошань — то есть гора Цветов и плодов.

Шуйляньтун — пещера Водного занавеса.

Стр. 238. *Доунюгун* — дворец созвездия Коровы.

Стр. 249. *Линчжи* — грибовидное растение, якобы обладающее чудотворной силой.

Стр. 250. *Гуанькоу* — гора в северо-западной части уезда Гуансянь в провинции Сычуань.

Стр. 258. *Гун* — первый из пяти наследственных титулов, которыми награждали за особые заслуги.

Хуашань — одна из пяти гор, где, согласно буддийским верованиям, обитают бодисатвы.

Тяньтай — гора в провинции Чжэцзян, восточный отрог Сяньсялинского хребта.

«Пусть кто-то ловит рыбу на луне».— В данном случае автор намекает на аскетов-отшельников, ушедших из мира земного.

Стр. 260. *Шесть добрых весельчаков.*— Имеются в виду поэты Ли Бо (VIII в. н. э.) и его друзья: Кун Чао-фу, Хань Чжунь, Пэй Чжэнь, Чжан Шу-мин и Тао Мянь.

Семь мудрецов известных.— Имеются в виду отшельники Цзи Кан, Юань Цзи, Шань Тао, Сяо Сю, Лю Лин, Юань Сян и Ван Жун, жившие в III в. н. э.

Стр. 261. *Четыре старца династии Хань.*—Имеются в виду четыре мудреца-отшельника, бежавшие от гнета императора Цинь Ши-хуана в горы: Дуи Юань-гун, Ци Ли-цзи, Ся Хуан-гун и учитель их Лу Ли. Они вновь появились среди людей через сто лет при воцарении династии Хань (II в. до н. э.).

Стр. 262. *Шесть основных органов познания* — глаза, уши, нос, язык, тело и мысль. Древние китайцы часто сравнивали мысль с луком, а пять остальных органов — со стрелами.

Пути (Боди) — корень слова «будда», выражает состояние очищенного и просветленного духа.

Стр. 263. *Брамины* — последователи одной из древнейших индийских религий — брахманизма. На основе этой религии впоследствии оформились религиозные учения: буддизм (Китай, страны Юго-восточной Азии) и ламаизм (Тибет, Монголия).

Дерево лунхуа.— Лунхуа — значит «цветы дракона». Так буддисты называют священное дерево потому, что, по их представлениям, ветки на нем напоминают головы драконов. В данном случае речь идет о буддийской проповеди, посвященной Майтрее.

Майтрея — будда грядущих времен, а ныне — бодисатва, обитающий на четвертом небе. По своему облику это вечно смеющийся толстяк с оголенным животом: улыбающееся лицо и толстый живот символизируют его доброту и довольство всем окружающим. В Китае его часто называют именем монаха Ци Цы; буддисты рассказывают, что при жизни на земле он носил это имя.

Стр. 264. *Фулин* — смолистые наросты на корнях и стволах сосен, грибовидной формы, обладают целебными свойствами.

Стр. 265. *Шесть величайших династий стерты уже с лика земли.*— Имеется в виду период истории Китая с 375 по 583 г.

Сышу — четыре классических книги: «Дасюэ», «Чжунъюн», «Луньюй» и

«Мэнцзы», собранные и прокомментированные ученым Чжу Си (1120—1200 гг.), который жил в эпоху Сун.

Шицзин — сборник народных поэтических произведений конца эпохи Чжоу. В «Шицзин» входят стихотворные циклы, известные под заголовками «Гофын» — «Нравы царств»; «Сяо-я» — «Малые оды»; «Да-я» — «Великие оды» и «Сун» — «Гимны».

Лу Бань — бог и покровитель плотников.

Стр. 266. *Муж, здесь стоящий перед вами, собою поддержит трон...* — игра слов: «поддержать трон» и «балки и стропила» по-китайски произносится одинаково.

Стр. 267. *Чунь* — сказочное дерево, которое не увядает в течение десяти тысяч лет. *Цзы* — вид южного кедра; считается царем деревьев.

Четыре каллиграфа — четыре крупнейших художника-каллиграфа Танской эпохи: Ли Хуа, Юань Дэ-сю, Янь Чжэнь-цин и Ли Ян-бин.

Стр. 268. *Рукописи Хань* — то есть рукописные книги эпохи Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.).

Циао — река в провинции Хэнань. Прежде на берегах этой реки находились знаменитые бамбуковые рощи — место развлечений и отдыха знатных особ.

Вэйчуань — долина реки Вэйхэ, крупнейшего притока реки Хуанхэ.

Царица Э — дочь легендарного императора Яо, которая, по преданию, против воли была выдана замуж за дракона—царя реки Сян, и всю жизнь проливала слезы в неволе. Олицетворение женской печали.

Цзы Ю и Цзы Ся — мудрецы, ученики Конфуция (V—IV вв. до н. э.), обладавшие литературным талантом.

Стр. 269. *Цзюй-цзи* — имя легендарной красавицы, обитавшей на горе Тяньтай.

Стр. 270. *У-ван* — царь, основатель династии Чжоу (1122—1115 гг. до н. э.).

Под сень мою Конфуций сам с друзьями приходил. — За восточными воротами столицы княжества Лу, на берегу реки Сы, была площадка, обсаженная абрикосовыми деревьями. Там Конфуций собирал учеников и проповедовал свое учение.

Стр. 275. *Обитель безмерной отрады...* — Имеется в виду так называемый Западный рай Амитабу — Будды долголетия.

Стр. 276. *Ван Вэй* (701—761) — выдающийся поэт и художник эпохи Тан.

Су Цинь (литературный псевдоним — Цзи-цзы) — один из виднейших ученых ораторов эпохи Воюющих царств (402—221 гг. до н. э).

Стр. 278. *Шэвэй* (Шравасти) — название столицы одного из древних индийских княжеств.

Стр. 282. *Цзянь-юань-хэн-ли-чжэнь* — транскрипция первых пяти иероглифов «Ицзина» («Книги перемен»), которые Сунь У-кун произносит как заклинание.

Пять стран света. — Имеются в виду Восток, Запад, Юг, Север и Центр.

Лю-дин и Лю-цзя — низшие ранги небесных богатырей, которые либо несли в небесных сражениях службу охранения, либо были телохранителями.

Стр. 292. *Чжэнь-у* — дословно: истинный воин — прозвище всевидящего

небесного богатыря. Чжэнь-у часто изображают с зонтом в правой руке (считается, что он прикрывает этим зонтом всех праведников от бед) и с белой мышью — символом изобилия, на страже которого стоит этот богатырь. В народе его считают символом мягкой, доброй зимы, зонтом он прикрывает людей от холодов, помогает им сохранить урожай, способствует счастливой и зажиточной жизни. Другое толкование образа Чжэнь-у дает старое фольклорное повествование «Фыншэнь яньи», в котором говорится, что, подняв зонт, он закрывал мир, и наступала ночь, а вращая его, сотрясал землю грозами, бурями и землетрясениями.

Уданшань — гора в провинции Хубэй.

Стр. 293. *«Куда коню с обезьяной идти».*— В данном случае конь символизирует сердце, а обезьяна — мысль.

Стр. 294. *Фужунфын* (гора Опиума) и *Цзыгайлин* (гора Пурпурный кров) — название сказочных гор. Фужунфыном называется также одна из самых высоких вершин Хэншаньских гор (провинция Хунань).

Пусть здесь не протекает девять рек, как в области Цзинчжоу и Хэнъяна.— Под девятью реками подразумевается река Янцзы со всеми ее притоками. Автор упоминает города провинции Хунань Цзин-чжоу и Хэнъян, считая их олицетворением истинно китайской земли.

Стр. 295. *Чжу и Лу* — два крупнейших ученых, философа и поэта эпохи Суи (IX в. н. э.) — Чжу Си и Лу Цзю-юань.

Шунь и Юй — легендарные императоры золотого века, по преданию, правили в XXII—XXI вв. до н. э.

Стр. 296. *Час «у».*— Иероглиф «у» принят для обозначения полдневного часа.

Первый день третьего месяца в год цикла Цзя-чэнь — начало лета 589 г.

Девиз правления Кай-хуан.— Иероглифы «кай» и «хуан» были приняты для обозначения периода правления первого императора династии Суй — Вэнь-ди, то есть периода с 589 по 600 г.

Стр. 301. *Город Биньчэн у горы Сюйишань*; *Биньчэн* (город Жемчуга) — название сказочного города у священной буддийской горы Сюйишань (гора Постоянного созерцания).

Хуайшуй (Хуайхэ) — одна из крупнейших рек Китая.

Фынфу — название части мифического материка Джамбудвипы.

Стр. 302. *Жуйяньгуань*, *Усяньсы*, *Дунъюэгун*, *Гуйшаньсы* — название древних пагод. Жуйяньгуань — значит: «место любования благовещими горами»; Усяньсы — «кумирня Пяти светил»; Дунъюэгун — «дворец Восточного утеса»; Гуйшаньсы — «храм горы Черепахи».

Тай (Тайшань) — священная гора в провинции Шаньдун; *Сун* (Суншань) — священная гора в провинции Хэнань; *Хэн* (Хэншань) — священная гора в провинции Хунань. *Хуа* (Хуашань) — священная гора в провинции Шаньси.

Стр. 319. *Кунцяо*—имя буддийского бодисатвы (дословно: Павлин). Изображается с лотосом в левой руке и с павлиньим хвостом в правой. В данном случае имеется в виду буддийская сутра, рассказывающая о добродетелях этого бодисатвы (его полное имя: Кунцяо Ванму-пуса).

Фахуа — название буддийской секты. В данном случае подразумеваются проповеди этой секты.

Стр. 321. *Пять «жизненных духов»* («У-ци»).—Имеются в виду: дождь, солнце, огонь, холод и ветер. В данном случае «лучшим эфиром» считается вода, нагретая на точильном камне.

Стр. 322. *Хуаюэ* — название священной горы (дословно: «гора Цветов»).

Стр. 324. *Шаньхоуцян* — фехтовальный прием, когда копьем колют назад, через плечо. *Чаньсыцян* — фехтовальный прием, когда копье описывает в воздухе спирали. *Мацзяцян* — фехтовальный прием воина по имени Ма. *Шуаньбинцян* (дословно: «копье с эластичным древком») — фехтовальный прием, когда древко копья вращается в ладони воина.

Стр. 327. *Великий Юй* — легендарный император древности, которому, по преданию, удалось спасти Китай от потопа.

Стр. 331. *...подобных сновиденью о мотыльке...* — Имеется в виду сон древнего мудреца Чжуан-цзы (450—400 гг. до н. э.), который видел себя во сне бабочкой, предполагая, что и он приснился бабочке.

Себя очистив от земного праха — то есть достигнув нирваны.

Стр. 336. *Чэнь и Чжоу тот покой нарушили...*— Согласно преданию, до правления этих легендарных императоров в Китае был золотой век, когда правили мудрые цари Яо, Шунь и Юй.

Царство Цинь себя в битвах прославило.— С V по III в. до н. э. шла ожесточенная борьба между семью царствами, на которые распалась империя династии Чжоу. В III в. до н. э. из их среды выделилось два самых могущественных — Цинь и Чу. В 221 г. до н. э., после продолжительной борьбы, царство Чу пало, а циньский царь Ии Чжэн, объединивший вновь страну под своей властью, объявил себя императором Цинь Ши-хуаном. Вот что говорится по этому поводу в «Исторических записях» великого китайского историка Сыма Цяня («Шицзи»): «Воздвигали каменные укрепления, разрушали старые городские стены, соединяли воедино каналы, на воротах писали: «Велик и могуч Хуан-ди, велико благодеяние объединившего разрозненные царства, мир пришел из царства Цинь».

Лу, Пэй — предводители гуннов во времена правления Цинь Шихуана (221—207 гг. до н. э.).

Стр. 337. *И законов с ним почитание воцарилось при Ханьской династии...*— Речь идет о периоде правления императора Ханьской династии У-ди (Лю Чэ, 128—116 гг. до н. э.), когда гунны и другие племена были значительно оттеснены от северных и западных окраин Китайской империи.

Сыма Цянь — китайский историк (II—I вв. до н. э.).

И при Цзинях, гласят предания...— Автор упоминает здесь об эпохе, которая известна в китайской историографии под названием эпохи южных и северных династий (420—589 гг.).

Суйская династия— правила империей с 589 по 619 г.

Ши-минь (Ли Ши-минь) — имя императора Тай-цзуна, правившего в эпоху Тан с 627 по 649 г.

Стр. 338. *Цзинхэ* — река в провинции Шаньси.

Основы Великого учения. — Буддизм возник в IV—V вв. до н. э. в Индии, а в I в. н. э. стал получать широкое распространение в Китае и странах юго-восточной Азии. Постепенно в нем выделилось две школы: махаяна (по-китайски: дачэнцзяо, что значит «Большая колесница») и хинаяна (по китайски: «сяочэнцзяо», что значит «Малая колесница»). В Китае получила

распространение первая школа — махаяна, отличительным принципом которой является допущение бытия мира (хинаяна допускает только субъект). Махаяна в свою очередь делится на две части: сяньцзяо — официальные проповеди, и мицзяо — «таинства». Среди китайцев большое распространение имела первая часть, тогда как среди монголов и тибетцев в основном была признана вторая, обрядовая, часть, получившая название ламаизм (по-китайски: ламацзяо). В данном случае под Великим учением подразумевается махаяна-сяньцзяо; ламаизм появился в Китае во времена монгольской династии Юань (1280—1367 гг.).

Стр. 351. *Пульсы «нижний», «средний» и «верхний».*—Древняя китайская медицина насчитывала три пульса на руке: нижний — у сустава большого пальца, отступя на один вершок от кисти руки («цунь»); средний — на полтора пальца от нижнего ближе к локтю («гуань») и верхний — на полтора пальца ближе к локтю от среднего («чи»).

Стр. 355. *Бадоу*— растение кротон, из семян которого получают кротоновое масло; оно не обладает никаким запахом, очень горькое. В малых дозах употребляется как сильное слабительное, в больших дозах — яд.

Стр. 365. *Праздник Лета* — приходится на пятый день пятого месяца.

Треугольники с рисом.— Рис, завернутый в тростниковый лист в форме треугольника. По китайскому обычаю, треугольники с рисом едят в день смерти великого поэта — патриота Цюй Юаня (328—300 гг. до н. э.).

Сай Тайсуй (дьявол звезды Тайсуй). — В древние времена планету Юпитер называли Тайсуй. До Ханьской эпохи (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.) предсказатели-астрологи считали эту звезду предвестником бедствий, полагая, что ею управляет злой дух. В эпоху Хань звезде дали новое имя — Му-син, что значит: звезда стихии Дерева.

Стр. 373. *Планета Заяц.*— Так называли в народе луну.

Ворон.— Имеется в виду солнце.

Созвездие Тяньган — то есть созвездие Большой Медведицы.

Три славных школы.— Имеются в виду три древние астрологические школы: «Сюанье», «Гайтянь» и «Хунтянь».

Два духа жизненных — то есть дух мужского и дух женского начала.

Желтый путь.—Под желтым путем в то время подразумевали либо эклиптику, либо небо вообще. Здесь термин употреблен в переносном смысле; автор хочет сказать, что человечеству нужно пройти путь светил солнца и луны, то есть путь очищения от грехов и пороков.

Стр. 374. *Хребет Тайхан* (Тайханшань) — горный хребет в провинции Шаньси.

Стр. 391. *Хоу* — мифическое животное с головой дракона и телом шакала; изображается около постамента Сюймицзо, на котором восседают будды. Постамент назван так в честь горы Сумеру (по-китайски гора Сумеру произносится Сюймишань).

И плавка киновари не нужна.— Из киновари древние китайские алхимики пытались добыть золото и изготовить пилюли бессмертия.

Стр. 398. Со слов: «*Я Вай-гун — дед*», и далее... — В этом отрывке автор использует игру слов, которая весьма затруднительна для перевода на русский язык. Дело в том, что слова «отец матери» по-китайски произносятся «Гуи-вай», в то время как иероглиф «вай» отдельно может иметь значение «вне

дома». Сунь У-кун, желая подчеркнуть свое высокое звание, называет себя «отцом матери повелителя Пурпурного царства», но царь дьяволов воспринял слово «гун-вай», как имя Царя обезьян, и обратился к царице с вопросом, существует ли в Китае имя, которое обозначается иероглифом «вай»; царица не ответила на вопрос царя дьяволов, а лишь привела фразу из книги «тысячесловие», где иероглиф «вай» выступает не как имя, а как раз в значении «вне дома», но, увы, и на этот раз оборотень воспринял этот иероглиф как имя. Автор пользуется игрой слов, чтобы как можно юмористичнее обрисовать тупость и непросвещенность оборотня, который «высокое звание» перепутал с простым именем да еще вдобавок вместо «Вай-гун» сказал «Гун-вай», проявив тем самым неуважение к Царю обезьян.

Стр. 400. *Князь Тота.*—Имеется в виду Тота Литянь-ван, то есть князь Ли, несущий пагоду в руке, даосский богатырь небес, обитающий в первом надземном мире, на середине горы Сумеру; часто его называют северным богатырем.

Стр. 417. *Пэндао* — то же, что Пэнлай (см. прим. к стр. 163).

Стр. 418. *Ниданы* — название прямых и косвенных причин перерождения.

Амитофо (Амитабу) — Будда долголетия, владыка Западного рая. Его имя часто произносится в молитвах буддистов вместе со священными словами «Ом-мани-падме-хум!», которые являются своего рода заклинанием.

Стр. 423. *Стрелок И* — имя легендарного древнего стрелка, появившегося на земле после сотворения мира.

Стр. 434. *Лю и Юань* (Лю Чэн и Юань Чжао) — отшельники, жившие в эпоху Хан (I в. до н. э.). По преданию, они долгое время провели в горах Тяньтай (провинция Чжэцзян), где собирали диковинные лекарственные растения. Однажды возле горного потока им повстречались две прелестные феи гор. Они были столь прекрасны, что отшельники не заметили, как вместе с ними пролетело время, равное жизни семи поколений.

Ланьюань — сказочный сад, место, где обитают небожители.

Хуанхуагуань — дословно: «созерцание желтого цветка». Желтым цветком в древности называли хризантему. По этому поводу в классической книге «Лицзи» сказано: «Когда приходит осенняя пора... хризантема цветет желтыми цветами». В данном случае под «желтыми цветами» подразумевается пейзаж на горе Желтого цветка (Хуанхуашань, провинция Фуцзянь), где в III в. н. э. был воздвигнут даосский храм Тайхэдянь и другие культовые сооружения, названные местом «любования видами горы Желтого цветка».

Золото и серебро — отшельники здесь живут.— Даосские отшельники, стремившиеся изготовить пилюли бессмертия, считали, что прежде всего нужно все элементы и вещества превратить в золото и серебро.

Стр. 425. *Люй-гун* (Люй-цзу, Люй-Дун-бин) — один из восьми бессмертных святых, чтимых даосами; по преданию, жил в эпоху Тан (618—907 гг.).

Даосская троица.— Имеются в виду три высших святых даосской религии: Лао-цзы, Пань-гу и Юй-ди — основатели мира и проповедники «высшей Истины».

Стр. 449. *Три основных учения.*— Имеются в виду три учения буддизма — обрядовое, философское и созерцательное.

Стр. 450. *Праздник Милосердия* (или Юйланпэнхой).— Каждый год в буддийских храмах широко отмечаются три религиозных праздника: Дагуй («из-

биение дьяволов»), день рождения Сакья-муни и Юйлан (день милосердия). Праздник Милосердия проводится ежегодно в пятнадцатый день седьмого месяца. Легенда рассказывает, что мать одного из верных подвижников Будды после перерождения оказалась в «мире голодных духов». Сын принес ей пищу, но пища во рту матери превратилась в огонь. Ученик пал на колени перед Сакья-муни, прося совета. Сострадающий грешникам Будда изрек, что участь обитателей «мира голодных духов» могут облегчить только проповеди «святого учения» и сострадание к грешникам. Именно этому посвящен праздник Милосердия. В этот день с утра до позднего вечера в храмах не прекращаются молитвы о спасении мучеников ада, о милосердии и доброте.

Стр. 457. *Духи одиннадцати светил.*— К одиннадцати светилам относятся: солнце, луна, пять планет и небесные тела Цзи, Бо, Ло и Цзи (первое и последнее названия произносятся одинаково, но пишутся по-разному).

Стр. 458. *Дворец Сэньло* — дворец владыки ада Янь-вана.

Стр. 472. *...чуские песни, от которых разбежалось восемь тысяч храбрых воинов.* —Эпизод из истории Китая, описанный в «Исторических записках» Сыма Цяня, относящийся к III в до н. э. Ханьские войска, воевавшие с чускими, окружили их в городе Гайся (в нынешней провинции Аньхуэй). Ночью они нарочно стали распевать чуские песни. Осажденные решили, что жители царства Чу перешли на сторону ханьцев, и среди них началась паника. Их предводитель, Сян Юй, пытался скрыться, но погоня настигла его, и он умертвил себя. Победитель, ханьский полководец Лю Бан, объявил себя императором и положил начало Ханьской династии.

СОДЕРЖАНИЕ

У ЧЭН-ЭНЬ
Путешествие на Запад,
том 3

Редактор *С. Хохлова*
Художественный редактор *Г. Клодт*
Технический редактор *М. Позднякова*
Корректоры *Г. Сурис* и *А. Шлейфер*

Сдано в набор 2/III 1959 г.
Подписано к печати 22/V 1959 г.
Бумага $60 \times 92^{1}/_{16}$. 30,5 печ. л. 32,76+4 вкл.=33 уч.-изд. л.
Тираж 30 000. Заказ № 2867. Цена 10 р. 60 к.

Гослитиздат.
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

